КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

31/III
17/II 60
Юрьева
Дорошеева
340228.11
1474 28.12

Кол. пред. выдач.

г. Сокол бум. комбинат

Библиотека института

891.71.09
В25

В. ВЕРЕСАЕВ

ПУШКИН В ЖИЗНИ

Т. 2

Пр. 1946 г.

Библиотека Института Народного Хозяйства им. Плеханова
№ 95029
Пр. ... г.

НИБЦ РЭУ им.Г.В. Плеханова
001275622

Библиотека Института Народного Хозяйства им. Плеханова
№ 18125

2

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1936

к 27-00

Проверено 07 СЕН 2009

1977-н

XI

ПУТЕШЕСТВИЕ В АРЗРУМ

XI

ПУТЕШЕСТВИЕ
В АФРИКУ

ПУТЕШЕСТВИЕ В АРЗРУМ

(Май — сентябрь 1829 г.)

Из Москвы поехал я на Калугу, Белев и Орел, и сделал таким образом двести верст лишних, зато увидел Ермолова.

ПУШКИН. *Путешествие в Арзрум*, гл. I.

(Начало мая 1829 г.). Был у меня Пушкин. Я в первый раз видел и, как можешь себе вообразить, смотрел на него с живейшим любопытством. В первый раз не знакомятся коротко, но какая власть высокого таланта! Я нашел в себе чувство, кроме невольного уважения.

Генерал А. П. ЕРМОЛОВ—Денису Вас. Давыдову. *Старина и новизна, XXII*, стр. 38.

Мне предстоял путь через Курск и Харьков, но я своротил на прямую Тифлисскую дорогу. Несколько раз коляска моя вязла в грязи, достойной грязи Одесской. Мне случалось в целые сутки проехать не более пятидесяти верст. Наконец, увидел я Воронежские степи, свободно покатился по зеленой равнине и благополучно прибыл в Новочеркасск, где нашел гр. Вл. Пушкина, тоже едущего в Тифлис. Я сердечно ему обрадовался, и мы согласились путешествовать вместе. Он едет в огромной бричке. Это род укрепленного местечка; мы ее прозвали *Отрадною*. В северной ее части хранятся вина и съестные припасы; в южной — книги, мундиры, шляпы, etc, etc. С западной и восточной стороны она

защищена ружьями, пистолетами, мушкетонами, саблями и проч. На каждой станции выгружается часть северных запасов, и таким образом мы проводим время как нельзя лучше.

Переход от Европы к Азии делается час от часу чувствительнее: леса исчезают, холмы сглаживаются, трава густеет... Калмыки располагаются около станционных хат. У кибиток их пасутся уродливые, косматые козы. На-днях посетил я калмыцкую кибитку (клетчатый плетень, обтянутый белым войлоком). Все семейство собиралось завтракать; котел варился посредине, и дым выходил в отверстие, сделанное в верху кибитки. Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, куря табак. Я сел подле нее. Как тебя зовут? — ***. — Сколько тебе лет? — Десять и восемь.—Что ты шьешь?—Портка.—Кому?—Себя. *(В черновике:* — Поцелуй меня. — Неможна, стыдно. — Голос ее был чрезвычайно приятен). Она подала мне свою трубку и стала завтракать. В котле варился чай с бараньим жиром и солью. Она предложила мне свой ковшик. Я не хотел отказаться и хлебнул, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже. Я попросил чем-нибудь заесть. Мне дали кусочек сушеной кобылятины; я был и тому рад. *(В черновике:* — После сего подвига я думал, что имею право на некоторое вознаграждение, но моя гордая красавица ударила меня балалайкой по голове). Калмыцкое кокетство испугало меня: я поскорее выбрался из кибитки и поехал от степной цирцеи.

С Екатериноградa начинается военная Грузинская дорога; почтовый тракт прекращается. Нанимают лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачий и пехотный и одна пушка. Почта отправляется два раза в неделю, и проезжие к ней присоединяются: это называется *оказией.*

ПУШКИН. *Путешествие в Арзрум,* гл. I.

Известный стихотворец, отставной чиновник X класса Александр Пушкин отправился в марте месяце из С. Петербурга в Тифлис, а как по высочайшему его имп. величества повелению состоит он под секретным надзором, то по приказанию его сиятельства *(графа И. Ф. Паскевича)* имея честь донести о том вашему превосходительству, покорнейше прошу не оставить распоряжением вашим о надлежащем надзоре за ним по прибытии его в Грузию.

Генерал-майор бар. Д. Е. ОСТЕН-САКЕН в донесении военному губернатору Грузии генерал-адъютанту Стрекалову от 12 мая 1829 г. за № 28. *Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией,* т. VII, Тифлис, 1878, стр. 954.

* В Екатериноградской станице встретил я Пушкина... Все начало принимать воинственный вид, в ожидании скорого отправления. Пушкин из первых оделся в черкесский костюм, вооружился шашкой, кинжалом, пистолетом; подражая ему, многие из мирных людей накупили у казаков кавказских нарядов и оружия. Наконец, наступило раннее утро, и под звуки барабана, все зашевелилось, и колонна выступила длинною вереницей; чтобы пехоту не утомлять, двигались очень медленно; но все-таки без привалов дело не обходилось. Палящее солнце днем, тихая езда, — все это очень нам надоедало. Пушкин затевал скачки, другие, тоже подражая ему, далеко удалялись за цепь, но всегда были возвращаемы обратно командовавшим транспортом офицером, предупреждавшим об опасности быть захваченным или подстреленным хищниками. Тогда Пушкин, подъезжая к офицеру, брал под козырек и произносил: «слушаем, отец командир!» Переходы в длинные летние дни верст 20 и более тоже надоедали; в каждом укреплении располагались на ночлег. На ночлегах начиналось чаепитие, ужины, веселые разговоры, песни, иногда продолжавшиеся до рассвета. Пушкин очень любил расписывать двери и стены мелом и углем в отводившихся для ночлега казенных домиках. Его рисунки и стихи очень забавляли публику, но вместе с тем возбуждали неудовольствие и ворчание старых инвалидов-сторожей, которые немедленно стирали все тряпкой; когда же их останавливали, говоря: «братцы, не троньте, ведь это писал Пушкин», то раз один из старых ветеранов ответил: «Пушкин или Кукушкин — все равно, но зачем же казенные стены пачкать, комендант за это с нашего брата строго взыскивает». А. С—ч, подойдя к старику-инвалиду, просил не сердиться, потрепал его по плечу и дал на водку серебряную монету.

Н. Б. ПОТОКСКИЙ. *Рус. Стар.*, 1880, т. 28, стр. 577.

(Между Владикавказом и Тифлисом). Скоро притупляются впечатления. Едва прошли сутки, и уже рев Терека и его безобразные водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего внимания. Нетерпенье доехать до Тифлиса исключительно овладело мною. Я столь же равнодушно ехал мимо Казбека, как некогда плыл мимо Чатырдага. Правда то, что дождливая и туманная погода мешала мне видеть его снеговую груду, по выражению поэта, *подпирающую небосклон.*

ПУШКИН. *Путешествие в Арзрум*, гл. I.

* Около заката солнца прибыли в Коби. В ожидании чая и ужина наше общество разбрелось по окрестностям поста, любоваться окружавшими его скалами. В двух верстах находится довольно большой аул. Пушкину пришла мысль осмотреть его; нас человек 20 отправились в путь. Ал. С—ч набросил на плечи плащ и на голову надел красную турецкую фесс, захватив по дороге толстую, суковатую палку, и, так. выступая впереди публики, открыл шествие. У самого аула толпа мальчишек встретила нас и робко начала отступать, но тут появилось множество горцев, взрослых мужчин и женщин с малютками на руках. Началось осматриванием внутренностей саклей, которые охотно отворялись, но, конечно, ничего не было в них привлекательного; разумеется, при этом дарились мелкие серебряные деньги, принимаемые с видимым удовольствием; наконец, мы обошли весь аул и, собравшись вместе, располагали вернуться на пост к чаю. Густая толпа все-таки нас не оставляла. Осетины, обыватели аула, расспрашивали нашего переводчика о *красном человеке;* тот отвечал им, что это «большой господин». Ал. С—ч вышел вперед и приказал переводчику сказать, им, что «красный — не человек, а шайтан (чорт); что его поймали еще маленьким в горах [illegible] ские; между ними он привык, вырос и теперь живет подобно [illegible] И когда тот передал им все это, толпа начала понемногу отступать, [illegible] димо, испуганная; в это время Ал. С—ч поднял руки вверх, сост[illegible] сатирическую гримасу и бросился в толпу. Поднялся страшный шум, [illegible] визг, писк детей, — горцы бросились врассыпную, но, отбежав, начали [illegible] бросать в нас камнями, а потом и приближаться все ближе, так что камни засвистели над нашими головами. Эта шутка Ал. С—ча могла кончиться для нас очень печально, если бы постовой начальник не поспешил к нам с казаками; к счастью, он увидал густую толпу горцев, окружившую нас с шумом и гамом, и подумал о чем-то недобром. Известно, насколько суеверный, дикий горец верит в существование злых духов в Кавказских горах. Итак, мы отретировались благополучно.

Н. Б. ПОТОКСКИЙ. Воспоминания. *Рус. Стар.*, 1880, т. 28, стр. 579.

(В Грузии). В Пайсанауре остановился я для перемены лошадей... Я пошел пешком, не дождавшись лошадей... Я дошел до Ананура, не чувствуя усталости. Лошади мои не приходили. Мне сказали, что до города Душета осталось не более как десять верст, и я опять отправился пешком. Но я не знал, что дорога шла в гору. Наступил вечер; я шел

вперед, подымаясь все выше и выше. Местами глинистая грязь, образуемая источниками, доходила мне до колена. Я совершенно утомился. Темнота увеличивалась... Наконец, увидел я огни и около полуночи очутился у домов, осененных деревьями. Первый встречный вызвался провести меня к городничему и требовал за то с меня *абаз*. Появление мое у городничего, старого офицера из грузин, произвело большое действие. Я требовал, во-первых, комнаты, где бы мог раздеться, во-вторых, стакан вина, в-третьих, абаза для моего провожатого. Городничий не знал, как меня принять, и посматривал на меня с недоумением. Видя, что он не торопится исполнить мои просьбы, я стал перед ним раздеваться, прося извинения de la liberté grande. К счастью, нашел я в кармане подорожную, доказывающую, что я мирный путешественник, а не Ринальдо-Ринальдини. Благословенная хартия возымела тотчас свое действие: комната была мне отведена, стакан вина принесен, и абаз выдан моему проводнику, с отеческим выговором за его корыстолюбие, оскорбительное для грузинского гостеприимства. Я бросился на диван, надеясь после моего подвига заснуть богатырским сном, — не тут-то было! Блохи на[illegible] меня и во всю ночь не дали мне покою. По утру явился ко мне [illegible] и объявил, что граф Пушкин благополучно переправился на [illegible]ерез снеговые горы и прибыл в Душет. Нужно было мне торо[illegible]ься! Граф Пушкин и Шериваль посетили меня и предложили опять [illegible]правиться вместе в дорогу. Я оставил Душет с приятною мыслью, что [illegible]очую в Тифлисе.

ПУШКИН. *Путешествие в Арзрум*, гл. I.

(Пушкин приехал в Тифлис 27 мая, пробыл в нем около двух недель, до 10 июня). Ежедневно производил он странности и шалости, ни на кого и ни на что не обращая внимания. Всего больше любил он армянский базар, — торговую улицу, узенькую, грязную и шумную... Отсюда или о Пушкине самые поражающие вещи: там видели его, как он шел, обнявшись с татарином, в другом месте он переносил в открытую целую стопку чурехов.

На Эриванскую площадь выходил в шинели, накинутой прямо на ночное белье, покупая груши, и тут же, в открытую и не стесняясь никем, поедал их... Перебегает с места на место, минуты не посидит на одном, смешит и смеется, якшается на базарах с грязным рабочим муштадом и только что не прыгает в чехарду с уличными мальчишками. Пушкин в то время пробыл в Тифлисе, в общей сложности дней, всего лишь одну

неделю, а заставил говорить о себе и покачивать многодумно головами не один год потом [1].

Кн. Е. О. ПАЛАВАНДОВ по записи С. В. Максимова. *С. Максимов. Год на севере.* 4 изд. М., 1890, стр. 408—409.

Однажды, это было в Тифлисе, за обедом у издателя Тифлисской газеты Санковского, когда разговор коснулся до оды Пушкина «Наполеон», я, по младости и живости моего характера, необдуманно позволил себе заметить А. С. Пушкину, что он весьма слабо изобразил великого полководца, назвавши его баловнем побед, тогда как Наполеон по своим гениальным воинским способностям побеждал не случайно, а по расчету. Пушкин, взглянувши на меня не совсем благосклонно, принял мою выходку строптиво: быстро перервал разговор и замолчал. Впоследствии времени, когда уже мы сошлись ближе, он один раз, бывши в самом

[1] Для характеристики легенд, творившихся о Пушкине, приводим еще отрывок из этих же воспоминаний. «Наша грузинская аристократия приготовила в Тифлисе роскошный пир в честь нового наместника, графа Паскевича. За почетным обедом, между прочим, для парада прислуживали сыновья самых родовитых фамилий в качестве пажей. Так как и я числился в таких же, то также присутствовал тут. Я был поражен и не могу забыть испытанного изумления, резко бросилось мне в глаза на этом обеде лицо одного молодого человека. Он показался мне с растрепанной головой, непричесанным, долгоносым. Он был во фраке и белом жилете. Последний был испачкан так, что мне казалось, что он нюхал табак (кн. Палавандов особенно настаивал на этом предположении). Он за стол не садился, закусывал на ходу. То подойдет к графу, то обратится к графине, скажет им что-нибудь на ухо, те рассмеются, а графиня просто прыскала от смеха. Эти шутки составляли потом предмет толков и разговоров во всех аристократических кружках: откуда взялся он, в каком звании состоит и кто он такой, смелый, веселый, безбоязненный? Все это казалось тем более поразительным и загадочным, что даже генерал-адъютанты, состоявшие при кавказской армии, выбирали время и добрый час, чтобы ходить к главнокомандующему с докладами, и опрашивали адъютантов, в каком духе на этот раз находится Паскевич. А тут — помилуйте! — какой-то господин безнаказанно заигрывает с этим зверем и даже смешит его. Когда указали, что он русский поэт, начали смотреть на него, по нашему обычаю, с большею снисходительностью. Готовы были отдать ему должное почтение, как отмеченному божьим перстом, если бы только могли примириться с теми странностями и шалостями, какие ежедневно производил он... Не вяжется представление, не к таким видам привыкли. Наши поэты степеннее и важнее самих ученых» *(там же).* — Пушкин приехал в Тифлис 27 мая. Между тем, уже 19 мая Паскевич со штабом прибыл из Тифлиса на фронт, оставив в Тифлисе вновь назначенного военным губернатором Грузии ген.-адъютанта Стрекалова *(Кн. Щербатов, Генерал-фельдмаршал кн. Паскевич.* Том III: Спб. 1891. Стр. 177). И за все время пребывания Пушкина в Закавказьи Паскевич оставался на фронте и не приезжал в Тифлис.

веселом расположении духа, напомнил мне об этом с извинением передо мною, что он круто принял мое замечание, а я, в свою очередь, со всем чистосердечием, сознался ему, что и я не имел права так резко произнести мой приговор в присутствии его, не бывши знаком с ним коротко. Так это и кончилось общим смехом.

В бытность Пушкина в Тифлисе, общество молодых людей, бывших на службе, было весьма образованное и обратило особенное внимание Пушкина, который встретил в среде их некоторых из своих лицейских товарищей. Всякий, кто только имел возможность, давал ему частный праздник или обед, или вечер, или завтрак, и, конечно, всякий жаждал беседы с ним. Наконец, все общество, соединившись в одну мысль, положило сделать в честь его общий праздник, устройство которого было возложено на меня. Из живописных окрестностей Тифлиса не трудно было выбрать клочок земли для приветствия русского поэта. Выбор мой пал на один из прекрасных загородных виноградных садов за рекою Кур. В нем я устроил праздник нашему дорогому гостю в европейско-восточном вкусе. Тут собрано было: разная музыка, песельники, танцовщики, баядерки, трубадуры всех азиатских народов, бывших тогда в Грузии. Весь сад был освещен разноцветными фонарями и восковыми свечами на листьях дерев, а в средине сада возвышалось вензелевое имя виновника праздника. Более 30 единодушных хозяев праздника заранее столпились у входа сада восторженно встретить своего дорогого гостя.

Едва показался Пушкин, как все бросились приветствовать его громким ура с выражением привета, как кто умел. Весь вечер пролетел незаметно в разговорах о разных предметах, рассказах, смешных анекдотах и пр. Одушевление всех было общее. Тут была и зурна, и тамаша, и лезгинка, и заунылая персидская песня, и Ахало, и Алаверды (грузинские песни), и Якшиол, и Байрон был на сцене, и все европейское, западное смешалось с восточно-азиатским разнообразием в устах образованной молодежи, и скромный Пушкин наш приводил в восторг всех, забавлял, восхищал своими милыми рассказами и каламбурами. — Действительно, Пушкин в этот вечер был в апотезе душевного веселия, как никогда и никто его не видел в таком счастливом расположении духа; он был не только говорлив, но даже красноречив, между тем как обыкновенно он бывал более молчалив и мрачен. Как оригинально Пушкин предавался этой смеси азиатских увеселений. Как часто он вскакивал с места, после перехода томной персидской песни в плясовую лезгинку, как это пестрое разнообразие европейского с восточным ему нравилось и как он от души предался ребячей веселости! Несколько раз повторялось, что общий серьезный разговор останавливался при какой-нибудь азиатской фарсе, и

Пушкин, прерывая речь, бросался слушать или видеть какую-нибудь тамашу грузинскую или имеретинского импровизатора с волынкой. Вечер начинал уже сменяться утром. Небо начало уже румяниться, и все засуетилось приготовлением русского радушного хлеба-соли нашему незабвенному гостю. Мигом закрасовался ужинный стол, установленный серебряными вазами с цветами и фруктами и чашами, и все собрались в теснейший кружок еще поближе к Пушкину, чтобы наслушаться побольше его речей и наглядеться на него. Все опять заговорило, завеселилось, запело. Когда торжественно провозглашен был тост Пушкина, снова застонало новое ура при искрах шампанского. Крики ура, все оркестры, музыка и пение, чоканье бокалов и дружеские поцелуи смешались в воздухе. Когда европейский оркестр во время заздравного тоста Пушкина заиграл марш из La dame blanche, на русского Торквато надели венок из цветов и начали его поднимать на плечах своих при беспрерывном ура, заглушавшем гром музыки. Потом посадили его на возвышение, украшенное цветами и растениями, и всякий из нас подходил к нему с заздравным бокалом и выражали ему, как кто умел, свои чувства, свою радость видеть его среди себя. На все эти приветы Пушкин молчал до времени, и одни теплые слезы высказывали то глубокое приятное чувство, которым он тогда был проникнут. Наконец, когда умолкли несколько голоса восторженных, Пушкин в своей стройной благоуханной речи излил перед нами душу свою, благодаря всех нас за торжество, которым мы его почтили, заключивши словами: «Я не помню дня, в который бы я был веселее нынешнего; я вижу, как меня любят, понимают и ценят, — и как это делает меня счастливым!» Когда он перестал говорить, — от избытка чувств бросился ко всем с самыми горячими объятиями и задушевно благодарил за эти незабвенные для него приветы. До самого утра пировали мы с Пушкиным.

К. И. САВОСТЬЯНОВ. Письмо к Вл. П. Горчакову. *Пушкин и его совр-ки*, XXXVII, 146—148.

Генерал Стрекалов, известный гастроном, позвал однажды меня обедать; но несчастию, у него разносили кушанья по чинам, а за столом сидели английские офицеры в генеральских эполетах. Слуги так усердно меня обносили, что я встал из-за стола голодный. Чорт побери тифлисского гастронома!

ПУШКИН. *Путешествие в Арзрум*, гл. II.

Я с нетерпением ожидал разрешения моей участи *(разрешения приехать на фронт)*. Наконец, получил я записку от Раевского *(Ник.*

Ник—ча младшего, старинного приятеля Пушкина, в то время командовавшего Нижегородским драгунским полком). Он писал мне, чтобы я спешил к Карсу, потому что через несколько дней войско должно было итти дальше. Я выехал на другой же день *(10 июня). (Действующие войска уже выступили из Карса и стояли за 25 верст от него).* Я въехал на отлогое возвышение и вдруг увидел наш лагерь, расположенный на берегу Карс-чая; через несколько минут я был уже в палатке Раевского. Я приехал во-время. В тот же день *(13 июня)* войско получило повеление итти вперед.

ПУШКИН. *Путешествие в Арзрум*, гл. II—III.

Я жил *(в одной палатке)* с братом Пушкина Львом, бок-о-бок с нашим двадцатисемилетним генералом *(Н. Н. Раевским),* при котором мы оба были адъютантами , но не в адъютантских, а дружеских отношениях. Я лежал в пароксизме лихорадки, бившей меня по-азиатски; вдруг я слышу, что кто-то подошел к палатке и спрашивает: дома ли? На этот вопрос Василий, слуга Льва Пушкина, отвечает, открывая палатку: «Пожалуйте, Александр Сергеевич!» При этом имени я понял, что Пушкин, которого мы ждали, приехал. Когда он вошел, я приподнялся на кровати и стал, со стуком зубов, выражать сожаление, что лихорадка мешает мне принять его, как бы я желал, в отсутствие его брата. Пушкин пустился, с своей стороны, в извинения и, по выходе, стал выговаривать Василию, что он впустил его, ничего несказавши о больном. После пароксизма я отправился к Раевскому, где и познакомился с поэтом.

Как теперь вижу его, живого, простого в обращении, хохотуна, очень подвижного, даже вертлявого, с великолепными, большими, чистыми и ясными глазами, в которых, казалось, отражалось все прекрасное в природе, с белыми, блестящими зубами, о которых он очень заботился, как Байрон. Он вовсе не был смугл, ни черноволос, как уверяют некоторые, а был вполне белокож и с вьющимися волосами каштанового цвета. В детстве он был совсем белокур, каким и остался брат его Лев. В его облике было что-то родное африканскому типу; но не было того, что оправдывало бы его стих о самом себе: «Потомок негров *безобразный*». Напротив того, черты лица у него были приятные, и общее выражение очень симпатичное. Его портрет, работы Кипренского, похож безукоризненно. В одежде и во всей его наружности была заметна светская заботливость о себе.

М. В. ЮЗЕФОВИЧ. Воспоминания о Пушкине. *Рус. Арх.*, 1880, III, 434.

Лев Сергеевич Пушкин похож лицом на своего брата; тот же африканский тип, те же толстые губы *(большой нос)*, умные глаза; но он блондин, хотя волоса его так же вьются, как черные кудри Александра Сергеевича [1].

Н. И. ЛОРЕР. Записки. *Рус. Арх.*, 1874, I, стр. 384.

В пятом часу войско выступило. Я ехал с Нижегородским драгунским полком, разговаривая с Раевским, с которым уже несколько лет не видался. Настала ночь. Мы остановились в долине, где все войско имело привал. Здесь имел я честь быть представлен графу Паскевичу. Я нашел графа дома, перед бивачным огнем, окруженного своим штабом. Он был весел и принял меня ласково. Здесь увидел я нашего Вальховского *(обер-квартирмейстер армии Паскевича, лицейский товарищ Пушкина)*, запыленного с ног до головы, обросшего бородой, изнуренного заботами. Он нашел, однако, время побеседовать со мною, как старый товарищ. Здесь увидел я и Михаила Пущина, раненого в прошлом году *(разжалованный декабрист, брат Ивана Пущина, лицейского товарища Пушкина)*. Многие из старых моих приятелей окружили меня. Я воротился к Раевскому и ночевал в его палатке. На заре войско двинулось. Мы благополучно прошли опасное ущелие и стали на высотах Саган-лу, в десяти верстах от неприятельского лагеря. Только успели мы отдохнуть и отобедать, как услышали ружейные выстрелы. Раевский послал осведомиться. Ему донесли, что турки завязали перестрелку на передовых наших пикетах. Я поехал с Семичевым посмотреть новую для меня картину.

ПУШКИН. Путешествие в Арзрум, гл. III.

Однажды, возвращаясь из разъезда, я сошел с лошади прямо в палатку Николая Раевского, чтобы первого его порадовать скорою неминуемою встречею с неприятелем, которой все в отряде с нетерпением ожидали. Не могу описать моего удивления и радости, когда тут А. С.

---

[1] Слова «большой нос», находящиеся в рукописи, Бартеневым выпущены. Слова эти в рукописи неизвестною рукою зачеркнуты карандашом и над ними написано: «плоский, широкий нос», а на полях тою же рукою: «Что вы, Николай Иванович! Откуда у Левушки взялся большой нос? У обоих братьев носы, напротив, были очень небольшие». Дальше на полях, против слов: «черные кудри Ал. С—ча»: «И это не так: у Ал. С—ча волосы были довольно светлого каштанового цвета». *(Рукопись, находящаяся в библиотеке Коммун. Академии*, I, 417—418.) Из других пометок неизвестного можно заключить, что он лично знавал Ал. С. Пушкина.

Пушкин бросился меня целовать, и первый его вопрос был: «Ну, скажи, Пущин: где турки, и увижу ли я их; я говорю о тех турках, которые бросаются с криком и оружием в руках. Дай, пожалуйста, мне видеть то, за чем сюда с такими препятствиями приехал!» — «Могу тебя порадовать: турки не замедлят представиться тебе на смотр, полагаю даже, что они сегодня вызовут нас из нашего бездействия». Живые разговоры с Пушкиным, Раевским и Сакеном (начальником штаба, вошедшим в палатку, когда узнал, что я возвратился) за стаканом чая приготовили нас встретить турок грудью. Пушкин радовался, как ребенок, тому ощущению, которое его ожидает. Я просил его не отделяться от меня при встрече с неприятелем, обещал ему быть там, где более опасности, между тем как не желал бы его видеть ни раненым, ни убитым. Раевский не хотел его отпускать от себя, а сам на этот раз, по своему высокому положению, хотел держать себя как можно дальше от выстрела турецкого, особенно же от их сабли или курдинской пики. — Пушкину же мое предложение более улыбалось. В это время вошел Семичев (майор Нижегородского драгунского полка, сосланный на Кавказ из Ахтырского гусарского полка) и предложил Пушкину находиться при нем, когда он выедет вперед с фланкерами полка.

Еще мы не кончили обеда у Раевского с Пушкиным, его братом Львом и Семичевым, как пришли сказать, что неприятель показался у аванпостов. Все мы бросились к лошадям, с утра оседланным... Не успел я выехать, как уже попал в схватку казаков с наездниками турецкими, и тут же встречаю Семичева, который спрашивает меня, не видал ли я Пушкина? Вместе с ним мы поскакали его искать и нашли отделившегося от фланкирующих драгун, скачущего, с саблею на-голо, против турок, на него летящих. Приближение наше, а за нами улан с Юзефовичем, скакавшим нас выручать, заставило турок в этом пункте удалиться, — и Пушкину не удалось попробовать своей сабли над турецкою башкою, и он, хотя с неудовольствием, но нас более не покидал, тем более, что нападение турок со всех сторон было отражено, и кавалерия наша, преследовав их до самого укрепленного их лагеря, возвратилась на прежнюю позицию до наступления ночи.

М. И. ПУЩИН. Встреча с Пушкиным за Кавказом. *Л. Майков,* 387—389.

Перестрелка 14 июня 1829 г. замечательна потому, что в ней участвовал славный поэт наш А. С. Пушкин... Когда войска, совершив трудный переход, отдыхали в долине Инжа-Су, неприятель внезапно атако-

Библиотека Института Народного Хозяйства им. Плеханова № 705

Библиотека Института Народного Хозяйства им. Плеханова

вал передовую цепь нашу. Поэт, в первый раз услышав около себя столь близкие звуки войны, не мог не уступить чувству энтузиазма. В поэтическом порыве он тотчас выскочил из ставки, сел на лошадь и мгновенно очутился на аванпостах. Опытный майор Семичев, посланный генералом Раевским вслед за поэтом, едва настигнул его и вывел насильно из передовой цепи казаков в ту минуту, когда Пушкин, одушевленный отвагою, столь свойственною новобранцу-воину, схватив пику после одного из убитых казаков, устремился против неприятельских всадников. Можно поверить, что Донцы наши были чрезвычайно изумлены, увидев перед собою незнакомого героя в круглой шляпе и в бурке. Это был первый и последний военный дебют любимца Муз на Кавказе.

Н. И. УШАКОВ. *История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 гг.* Часть вторая. Варшава, 1843, стр. 303.

С Раевским Пушкин занимал палатку в лагере его полка, от него не отставал и при битвах с неприятелем. Так было между прочим в большом Саганлугском деле. Мы, пионеры, оставались в прикрытии штаба и занимали высоту, с которой, не сходя с коня, Паскевич наблюдал за ходом сражения. Когда главная масса турок была опрокинута, и Раевский с кавалерией стал их преследовать, мы завидели скачущего к нам во весь опор всадника: это был Пушкин, в куртузом пиджаке и маленьком цилиндре на голове. Осадив лошадь в двух-трех шагах от Паскевича, он снял свою шляпу, передал ему несколько слов Раевского и, получив ответ, опять понесся к нему же, Раевскому. Во время пребывания в отряде Пушкин держал себя серьезно, избегал новых встреч и сходился только с прежними своими знакомыми, при посторонних же всегда был молчалив и казался задумчивым.

А. С. ГАНГЕБЛОВ. *Воспоминания декабриста.* М., 1888, стр. 188.

М. В. Юзефович рассказывал о Пушкине, с которым познакомился на Кавказе и был с ним под Эрзерумом. Он говорил, что Пушкину очень хотелось побывать под ядрами неприятельских пушек и, особенно, слышать их свист. Желание его исполнилось, ядра, однако, не испугали его, несмотря на то, что одно из них упало очень близко.

НИКИТЕНКО. II. 403.

Александр очень весел, судя по письму... Повидимому, он в восторге от своего путешествия. В письме к Плетневу он дает подробную картину своего образа жизни в походе. Он ездит на казацкой лошади, с нагайкой в руке.

С. Л. ПУШКИН (отец поэта)—О. С. Павлищевой, 22 авг. 1829 г. *Пушкин. Письма, изд. Гос. Изд.*, т. II. 344. *(фр.)*.

Лагерная жизнь очень мне нравилась. Пушка подымала нас на заре. Сон в палатке удивительно здоров. За обедом запивали мы азиатский шашлык английским пивом и шампанским, застывшим в снегах Таврийских.

ПУШКИН. *Путешествие в Арзрум*, гл. III.

Пушкин писал письма Нащокину и с Кавказа во второе свое путешествие. В одном из таких писем, сколько помнил Нащокин, Пушкин говорит, что путешествовал с особым денщиком, и солдаты, видя его, может быть, одного из русских в тех местах разъезжающим в статском платье, почитали его немецким попом.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Девятнадцатый век*, кн. первая, 402.

Пушкин носил и у нас щегольской черный сюртук, с блестящим цилиндром на голове, а потому солдаты, не зная, кто он такой, и видя его постоянно при Нижегородском драгунском полку, которым командовал Раевский, принимали его за полкового священника и звали драгунским батюшкой. Он был чрезвычайно добр и сердечен. Надо было видеть нежное участие, какое он оказывал Донцу Сухорукову, умному, образованному и чрезвычайно скромному литературному собрату, который имел несчастие возбудить против себя гонение тогдашнего военного министра Чернышева, по подозрению в какой-то интриге по делу о преобразовании войска донского. У него, между прочими преследованиями, отняты были все выписки, относившиеся к истории Дона, собранные им в то время, когда он рылся в архивах по поручению Карамзина. Пушкин, узнав об этом, чуть не плакал и все думал, как бы по возвращении в Петербург выхлопотать Сухорукову эти документы. — Во всех речах и поступках Пушкина не было уже и следа прежнего разнузданного повесы. Он даже оказывался, к нашему сожалению, слишком воздержным застольным собутыльником. Он отстал уже окончательно от всех излишеств... Я пом-

ню, как однажды один болтун, думая, конечно, ему угодить, напомнил ему об одной его библейской поэме и стал было читать из нее отрывок; Пушкин вспыхнул, на лице его выразилась такая боль, что тот понял и замолчал. После Пушкин, коснувшись этой глупой выходки, говорил, как он дорого бы дал, чтоб взять назад некоторые стихотворения, написанные им в первой легкомысленной молодости. И ежели в нем еще иногда прорывались наружу неумеренные страсти, то мировоззрение его изменилось уже вполне и бесповоротно. Он был уже глубоко верующим человеком и одумавшимся гражданином, понявшим требования русской жизни и отрешившимся от утопических иллюзий.

В своем тесном кругу бывали у нас с Пушкиным откровенные споры. Я был ярый спорщик, он тоже. Раевский любил нас подзадоривать и стравливать. Однажды Пушкин коснулся аристократического начала, как необходимого в развитии всех народов; я же щеголял тогда демократизмом. Пушкин, наконец, с жаром воскликнул: «Я не понимаю, как можно не гордиться своими историческими предками! Я горжусь тем, что под выборною грамотой Михаила Федоровича есть пять подписей Пушкиных». Тут Раевский очень смешным сарказмом обдал его, как ушатом воды, и спор наш кончился. Уже после я узнал, по нескольким подобным случаям, об одной замечательной черте в характере Пушкина: об его почти невероятной чувствительности ко всякой насмешке, хотя бы самой невинной и даже пошлой. Против насмешки он оказывался всегда почти безоружным и безответным. Ее впечатление поражало его иногда так глубоко, что оно не сглаживалось в нем во всю жизнь.

«Бориса Годунова» и отрывки последней части «Онегина» Пушкин читал нам сам. Он, по-моему, не был чтецом-мастером: его декламация впадала в искусственность. Лев Сергеевич читал его стихи лучше, чем он. При чтении «Бориса Годунова» случился забавный эпизод. Между присутствующими был генерал М. *(Муравьев?)*, известный прежде всего своим колоссальным педантизмом. Во время сцены, когда самозванец, в увлечении, признается Марине, что он не настоящий Дмитрий, М. не выдержал и остановил Пушкина: «Позвольте, Александр Сергеевич, как же такая неосторожность со стороны самозванца? Ну, а если она его выдаст?» Пушкин с заметною досадой: «Подождите, увидите, что не выдаст». После этой выходки Пушкин объявил решительно, что при М. он больше ничего читать не станет; и когда, потом, он собрался читать нам «Онегина», то поставлены были маховые, чтоб дать знать, если будет к нам итти М. Он и шел, но, по данному сигналу, все мы разбежались из палатки Раевского. М. пришел, нашел палатку пустою и возвратился восвояси. Тогда мы собрались опять, и чтение состоялось.

В бывших у нас литературных беседах я раз сделал Пушкину вопрос, всегда меня занимавший: как он не поддался тогдашнему обаянию Жуковского и Батюшкова и, даже в самых первых своих опытах, не сделался подражателем ни того, ни другого? Пушкин мне ответил, что этим он обязан Денису Давыдову, который дал ему почувствовать еще в лицее возможность быть оригинальным. Пушкин имел хорошее общее образование. Кроме основательного знакомства с иностранной литературой, он знал хорошо нашу историю и вообще для своего серьезного образования воспользовался ссылкой. Так, между прочим, он выучился по-английски. С ним было несколько книг, и в том числе Шекспир. Однажды он, в нашей палатке, переводил брату и мне некоторые из него сцены. Я когда-то учился английскому языку, но, не доучившись как следует, забыл его впоследствии. Однакож все-таки мне остались знакомы его звуки. В чтении же Пушкина английское произношение было до того уродливо, что я заподозрил его знание языка и решил подвергнуть его экспертизе. Для этого, на другой день, я зазвал к себе его родственника Захара Чернышева, знавшего английский язык, как свой родной, и предупредив его, в чем было дело, позвал к себе и Пушкина с Шекспиром. Он охотно принялся переводить нам его. Чернышев при первых же словах, прочитанных Пушкиным по-английски, расхохотался: «Ты скажи прежде, на каком языке читаешь?» Расхохотался в свою очередь и Пушкин, объяснив, что он выучился по-английски самоучкой, а потому читает английскую грамоту, как латинскую. Но дело в том, что Чернышев нашел перевод его правильным и понимание языка безукоризненным.

М. В. ЮЗЕФОВИЧ. Воспоминания о Пушкине. *Рус. Арх.*, 1880, III, 435—445.

Мы стали подвигаться вперед, но с большою осторожностью. Через несколько дней, в ночном своем разъезде, я наткнулся на все войско сераскира, выступившее из Гассан-Кале нам навстречу. По сообщении известия об этом Пушкину, в нем разыгралась африканская кровь, и он стал прыгать и бить в ладоши, говоря, что на этот раз он непременно схватится с турком; но схватиться опять ему не удалось, потому что он не мог из вежливости оставить Паскевича, который не хотел его отпускать от себя не только во время сражения, но на привалах, в лагере, и вообще всегда, на всех repos и в свободное от занятий время за ним посылал и порядочно — по словам Пушкина — ему надоел. Правду сказать, со всем желанием Пушкина убить или побить турка, ему уже на то не было возможности, потому что неприятель уже более нас не атаковал,

а везде до самой сдачи без оглядки бежал, и все сражения, громкие в реляциях, были только преследования неприятеля, который бросал на дороге орудия, обозы, лагери и отсталых своих людей. Всегда, когда мы сходились с Пушкиным у меня или Раевского, он бесился на турок, которые не хотят принимать столь желанного им сражения.

М. И. ПУЩИН. *Л. Майков*, 389.

(26 июня 1829 г., под Эрзерумом). Вокруг всего города были выстроены батареи, которые открыли по нас почти безвредный огонь. Тут я припоминаю немного смешной случай. Когда батарейная рота стала на позицию и снялась с передков, я со своею ротою следовал, чтобы занять подле нее место. Главнокомандующий *(Паскевич)* со штабом, верхом на сером трухменском коне, стоял тут же; несколько офицеров были пешие, Пушкин стоял перед главнокомандующим на чистом месте один. Вдруг первый выстрел из батареи 21 бригады. Пушкин вскрикивает: «славно!» Главнокомандующий спрашивает: «Куда попало?» Пушкин, обернувшись к нему: — «Прямо в город!» — «Гадко, а не славно», — сказал Ив. Фед—вич *(Паскевич)*.

Э. В. БРИММЕР. Служба артиллерийского офицера. *Кавказский сборник*, т. XVI, 1895, стр. 83.

Мы получили от Пушкина письмо из Арзерума, в котором, пишет он, ему очень весело. Дела делает он там довольно: ест, пьет и ездит с нагайкой на казацкой лошади.

Бар. А. А. ДЕЛЬВИГ — кн. П. А. Вяземскому, 30 авг. 1829 г. *Старина и Новизна*, 1902, кн. V, стр. 38.

* От В. Д. Вальховского я узнал некоторые подробности о ссоре Паскевича с Пушкиным. Мне передавали, что когда Александр Сергеевич прибыл в армию, Паскевич принял его очень радушно и даже велел поставить ему палатку возле своей ставки. Разумеется, Пушкина более влекла к себе задушевная беседа с Вальховским и Раевским. У них-то он проводил все свободное время и редко посещал свою палатку. До того он рыскал по лагерю, что иногда посланные от главнокомандующего звать Пушкина к обеду не находили его. При всякой же перестрелке с неприятелем, во время движения войск вперед, Пушкина видели

всегда впереди скачущих казаков или драгун прямо под выстрелы. Паскевич неоднократно предупреждал Пушкина, что ему опасно зарываться так далеко, и советовал находиться во время дела неотлучно при себе, точь-в-точь как будто адъютанту. Это всегда возмущало пылкость характера и нетерпение Пушкина — стоять сложа руки и бездействовать. Он, как-будто нарочно, дразнил главнокомандующего и, не слушая его советов, при первой возможности, скрывался от него и являлся где-нибудь впереди в самой свалке сражения. После всего этого вышла открытая ссора между Паскевичем и Пушкиным. Наконец, главнокомандующий, видя, что Пушкин явно удаляется от него, призвал к себе в палатку (во время доклада бумаг Вальховского) и резко объявил:

— Господин Пушкин! Мне вас жаль, жизнь ваша дорога для России; вам здесь делать нечего, а потому я советую немедленно уехать из армии обратно, и я уже велел приготовить для вас благонадежный конвой.

Вальховский передал мне, что Пушкин порывисто поклонился Паскевичу и выбежал из палатки, немедленно собрался в путь, попрощавшись с знакомыми и друзьями, и в тот же день уехал. Вальховский передавал мне под секретом еще то, что одною из главных причин неудовольствия главнокомандующего было нередкое свидание Пушкина с некоторыми из декабристов, находившимися в армии рядовыми. Говорили потом, что некоторые личности шпионили за поведением Пушкина и передавали свои наблюдения Паскевичу, разумеется, с прибавлениями, желая тем выслужиться.

Н. Б. ПОТОКСКИЙ. *Рус. Стар.*, 1880, т. 28, стр. 583.

Возвращаясь во дворец, узнал я, что в Арзруме открылась чума. Мне тотчас представились ужасы карантина, и я в тот же день решился оставить армию. Мысль о присутствии чумы очень неприятна с непривычки. Желая изгладить это впечатление, я пошел гулять по базару. Остановясь перед лавкою оружейного мастера, я стал рассматривать какой-то кинжал, как вдруг ударили меня по плечу. Я оглянулся: за мной стоял ужасный нищий. Он был бледен, как смерть; из красных загноенных глаз его текли слезы. Мысль о чуме опять мелькнула в моем воображении. Я оттолкнул нищего с чувством отвращения неизъяснимого и воротился домой очень недовольный своею прогулкою.

Любопытство, однако же, превозмогло: на другой день я отправился с лекарем в лагерь, где находились зачумленные. Я не сошел с лошади и взял предосторожность встать по ветру. Из палатки вывели нам боль-

ного; он был чрезвычайно бледен и шатался, как пьяный. Другой больной лежал без памяти. Осмотрев чумного и обещав несчастному скорое выздоровление, я обратил внимание на двух турков, которые выводили его под руки, раздевали, щупали, как будто чума была не что иное, как насморк. Признаюсь, я устыдился моей европейской робости в присутствии такого равнодушия и поскорее возвратился в город.

19 июля пришел я проститься с графом Паскевичем. Он предлагал мне быть свидетелем дальнейших предприятий; но я спешил в Россию... Граф подарил мне на память турецкую саблю. В тот же день я оставил Арзрум.

ПУШКИН. *Путешествие в Арзрум*, гл. V.

(М. И. Пущин из Тифлиса в Пятигорск поехал с Дороховым, поставив ему условием ни с кем не драться по дороге. В Душете Дорохов избил по щекам своего и пущинского денщиков, после чего Пущин уехал один). Во Владикавказе неожиданно прибегает ко мне Пушкин, объявляя, что он меня догонял, чтобы вместе ехать на воды. Он приехал вместе с Дороховым (который боялся ко мне итти), просил меня простить его и ручался за него, что он не будет более нарушать условие, а между тем в нем так много циинческой грации, что сообщество его очень будет для нас приятно. Я согласился на просьбу Пушкина, он привел ко мне Дорохова с повинною, вытянутою фигурою, до того комическою, что мы с Пушкиным расхохотались, и я сделал с обоими новый договор — во все время нашего следования в товариществе до вод в карты между собой не играть. Оба на это согласились. Пушкин приказал притащить ко мне свои и Дорохова вещи и, между прочим, ящик отличного рейнвейна, который ему Раевский дал на дорогу. Мы тут же распили несколько бутылок. — Ехали мы втроем в коляске; иногда Пушкин садился на казачью лошадь и ускакивал от отряда, отыскивая приключений или встречи с горцами, встретив которых намеревался, ускакивая от них, навести их на наш конвой и орудие; но ни приключений, ни горцев он во всю дорогу не нашел. Тяжело было обоим во время привалов и ночлегов; один не смел бить свого денщика, а другой не смел заикнуться о картах, пытаясь, однако, у меня несколько раз о сложении тягостного для него уговора. Один рейнвейн услаждал общую нашу скуку.

Приехали в Пятигорск. Я пошел осматривать источники. По возвращении домой я застал Пушкина с Дороховым и еще Павловского полка офицером Астафьевым, играющих в банк. На замечание мое, что они не исполняют условия, Пушкин отвечал, что условие ими свято выполнено, потому что оно дано было на время переезда к водам. Он был прав, и

мне оставалось только присоединиться к их игре. Астафьев порядочно всех нас на первый же раз облупил. Пушкин в этот вечер выиграл несколько червонцев; Дорохов проиграл, кажется, более, чем желал проиграть; Астафьев и Пушкин кончили игру в веселом расположении духа, а Дорохов отошел угрюмый от стола. Когда Астафьев ушел, я спросил Пушкина, как случилось, что, не будучи никогда знаком с Астафьевым, я нашел его у себя с ним играющего. — «Очень просто, — отвечал Пушкин, — мы, как ты ушел, послали за картами и начали играть с Дороховым; Астафьев, проходя мимо, зашел познакомиться; мы ему предложили поставить карточку, и оказалось, что он — добрый малый и любит в карты играть». — «Как бы я желал, Пушкин, чтобы ты скорее приехал в Кисловодск и дал мне обещание с Астафьевым в карты не играть». — «Нет, брат, дудки! Обещания не даю, Астафьева не боюсь и в Кисловодск приеду скорей, чем ты думаешь». Но на поверку вышло не так: более недели Пушкин и Дорохов не являлись в Кисловодск, наконец, приехали вместе, оба продувшиеся до копейки. Пушкин проиграл тысячу червонцев, взятых им на дорогу у Раевского. Приехал ко мне с твердым намерением вести жизнь правильную и много заниматься; приказал моему денщику приводить ему по утрам одну из лошадей моих и ездил кататься верхом. Мне странна показалась эта новая прихоть; но скоро узнал я, что в Солдатской слободке около Кисловодска поселился Астафьев, и Пушкин каждое утро к нему заезжал. Однажды, возвратившись с прогулки, он высыпал при мне несколько червонцев на стол. — «Откуда, Пушкин, такое богатство?» — «Должен тебе признаться, что я всякое утро заезжаю к Астафьеву и довольствуюсь каждый раз выигрышем у него нескольких червонцев. Я его мелким огнем бью, и вот сколько уже вытащил у него моих денег». Всего было им наиграно червонцев двадцать. Я ему предсказывал, что весь свой выигрыш он разом оставит в один прекрасный день. Узнал я это тогда, когда он попросил у меня 50 червонцев, ехавши на игру... Несмотря на намерение свое много заниматься, Пушкин, живя со мною, мало чем занимался. Вообще мы вели жизнь разгульную, часто обедали у Шереметева, Петра Васильевича, жившего с нами в доме Реброва. Шереметев кормил нас отлично и к обеду своему собирал всегда довольно большое общество. Разумеется, после обеда «в ненастные дни занимались они делом: и приписывали, и отписывали мелом». Тут явилась замечательная личность, которая очень была привлекательна для Пушкина, саранульский городничий Дуров *(брат «девицы-кавалериста» Дуровой)*. Цинизм Дурова восхищал и удивлял Пушкина, забота его была постоянная — заставлять Дурова что-нибудь рассказывать из своих приключений, которые заставляли Пуш-

кина хохотать от души; с утра он отыскивал Дурова и поздно вечером расставался с ним.

М. И. ПУЩИН. Встреча с Пушкиным на Кавказе. *Л. Майков,* 391—393. — ОН ЖЕ. Записки. *Рус. Арх.,* 1908, III, 546—548. *(Тексты «Встречи» и «Записок» значительно разнятся друг от друга; нами выбрано из обоих наиболее характерное.)*

Лицейский твой товарищ Пушкин, который с пикою в руках следил турок перед Арзерумом, по взятии оного возвратился оттуда и приехал ко мне на воды, — мы вместе пьем по нескольку стаканов кислой воды и по две ванны принимаем в день.

М. И. ПУЩИН—И. И. Пущину, 25 авг. 1829 г., из Кисловодска. *Щукинский сборник,* вып. III, стр. 324.

Здание старой казенной гостиницы в Кисловодске выстроено в самом парке в 20-х годах из корабельных сосен, срубленных под Эльбрусом. Пушкин приехал в Кисловодск вместе с Дороховым и М. Пущиным, жил в этой, тогда только что отстроенной гостинице, а потом в доме доктора Реброва, в компании с П. В. Шереметевым... Дом, описанный Лермонтовым в рассказе «Княжна Мэри», цел до сих пор; это тот самый дом, бывший д-ра Реброва, в котором жил Пушкин, о чем, конечно, хорошо знал Лермонтов, а потому, может быть, и увековечил описание этого дома. Дом — деревянный, старой постройки и архитектуры, с мезонином и деревянными же толстыми колоннами. Из этого-то мезонина, в рассказе Лермонтова, и спускался по привязанной наверху шали Печорин.

И. Н. ЗАХАРЬИН. Кавказские минеральные воды. *Истор. Вестн.,* 1903, № 9, стр. 1019.

Приближалось время отъезда; Пушкин условился ехать с Дуровым до Москвы; но ни у того, ни у другого не было денег на дорогу. Я снабдил ими Пушкина на путевые издержки; Дуров приютился к нему. Из Новочеркасска Пушкин мне писал, что Дуров оказался chevalier d'industrie, выиграл у него пять тысяч рублей, которые Пушкин достал у наказного атамана Иловайского, и, заплативши Дурову, в Новочеркасске с ним разъехался и поскакал один в Москву.

М. И. ПУЩИН. *Л. Майков,* 394.

Я познакомился с Дуровым на Кавказе в 1829 г., возвращаясь из Арзрума. Он лечился от какой-то удивительной болезни, вроде каталепсии, и играл с утра до ночи в карты. Наконец, он проигрался, и я довез его до Москвы в моей коляске.

ПУШКИН. *Заметка о Дурове («Дуров—брат той Дуровой...»).*

XII
ПЕРЕД ЖЕНИТЬБОЙ

ПЕРЕД ЖЕНИТЬБОЙ

(сентябрь 1829 — февраль 1831 г.)

Секретно. Честь имею сим донести, что известный поэт, отставной чиновник 10 класса, Александр Пушкин прибыл в Москву и остановился Тверской части, 1-го квартала, в доме Обера, гостинице «Англия», за коим секретный надзор учрежден.

Полицмейстер МИЛЛЕР в рапорте оберполицмейстеру г. Москвы, 20 сент. 1829 г. *Красный Архив*, т. XXXVII, стр. 239.

По записи П. В. Анненкова со слов Н. Н. Ланской *(Гончаровой-Пушкиной)*, Пушкин, приехав в Москву по возвращении с Кавказа, «только проехал по Никитской, где был дом Гончаровых, и тотчас же отправился в Малинники к Вульфовым».

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. *Пушкин. Письма*, т. II, Гос. Изд., стр. 345.

С. Н. Гончаров помнит хорошо приезд Пушкина с Кавказа. Было утро; мать еще спала, а дети сидели в столовой за чаем. Вдруг стук на крыльце, и вслед за тем в самую столовую влетает из прихожей калоша. Это Пушкин, торопливо раздевавшийся. Войдя, он тотчас спрашивает

про Наталью Николаевну. За нею пошли, но она не смела выйти, не спросившись матери, которую разбудили. Будущая теща приняла Пушкина в постели.

С. Н. ГОНЧАРОВ по записи Бартенева. *Рус. Арх.*, 1881, II, 498.

Однажды мы сидели в кабинете Василия Львовича *(Пушкина)*: он, М. А. Салтыков, Шаликов и я; отворилась дверь, и вошел А. С. Пушкин. Поэт обнял дядю, подал руку Салтыкову и Шаликову; Вас. Л—вич назвал ему меня, мы раскланялись... А. С. рассказывал о своей поездке в Арзрум. Между тем, кн. Шаликов присел к столу и писал. — «Недавно был день вашего рождения, Ал. С—ч, — сказал он поэту. — Я подумал, что никто не воспел такого знаменитого дня и написал вот что». Он подал бумагу Пушкину, тот прочитал, пожал руку и положил записку в карман, не делая нас участниками в высказанных ему похвалах [1].

А. А. КОНОНОВ. Из записок. *Библиографич. Записки*, 1859, № 10, стр. 307.

О «Полтаве» Пушкина я первый (1829) писал, как о поэме народной и исторической. Незабвенно мне, как благодарил меня потом за мою статью Пушкин, возвратясь из своего закавказского странствия, где набирался он впечатлений войны под руководством своего друга Н. Раевского. Тогда же, узнав от Пушкина, что он написал «Полтаву» не читавши еще Конисского, я познакомил его с нашим малороссийским историком и подарил ему случившийся у меня список «Истории Руссов», об которой он написал потом прекрасные страницы.

М. А. МАКСИМОВИЧ. *Собр. соч.*, том III, Киев, 1880, стр. 491.

---

[1] В «*Дамском Журнале*» кн. Шаликова (1829, № 41, стр. 27) помещено стихотворение без подписи:

К А. С. ПУШКИНУ.

В день рождения.

Когда рождался ты, — хор в Олимпийском мире
Средь небожителей пророчески воспел:
Младенца славный ждет удел —
Пленять сердца игрой на лире.

(Цензурная помета—30 сент. 1829 г.).

Сохранился альбом младшей из девиц Ушаковых, Елизаветы Николаевны. Первоначально это был чистенький альбом, который разные неизвестные в литературе лица украшали своими русскими и французскими стихами; но потом тетрадка была предоставлена в распоряжение Пушкина, и он испестрил ее своими рисунками. Видно, что все это набрасывалось в течение долгих бесцеремонных бесед в домашнем кругу. Рисунки Пушкина изображают то мужские лица, то женские головки, то мужские и женские фигуры большею частью в восточных костюмах, — без сомнения, воспоминания из его кавказской поездки 1829 года. На одной картинке изображен человек верхом на лошади, в бурке и круглой шляпе, с пикой на перевес в руке — это Пушкин во время одной из схваток с турками (14 июня 1829 года).

К числу кавказских воспоминаний относится и вид восточного города, с плоскими крышами домов и минаретами; набросав этот вид, Пушкин подписал над ним: «Арзрум, взятый помощью божией и молитвами Екатерины Николаевны 27 июня 1829 г. от Р. Х.», а другая, повидимому, женская рука вставила в эту подпись, после слов «взятый», еще следующее: *мною А. П.*

Альбом Елизаветы Николаевны хранит многие следы шалостей Пушкина. К числу их относятся те рисунки, в которых можно видеть намеки на расположение обладательницы альбома к С. Д. Киселеву. Своими набросками Пушкин как бы предсказывает их супружество. Он несколько раз рисует профиль Елизаветы Николаевны, и притом всегда изображает барышню уже в чепчике, в костюме молодой дамы. Один из рисунков представляет ее с кошкой на руках, и под ним стоит подпись: «Al. Pouch. pinxit. 5 октября 1829». Дважды рисует он и самого С. Д. Киселева, в очках и придавая ему вид пожилого толстяка. Еще одна картинка изображает Елизавету Николаевну, опять в чепчике, окруженную котятами и устремляющую свои вооруженные очками глаза на жирного кота, тоже в очках, который сидит перед нею с поднятою лапкою. Под этой картинкой подпись: «Елизавета Миколавна в день ангела Д.-Жуана». Понятно, кто в данном случае разумелся под этим именем. Дело в том, что обладательница прекрасных черных глаз Елизавета Николаевна была очень близорука и, когда пела, должна была надевать очки, чтобы видеть ноты, положенные на высоком пюпитре. В таком виде и нарисовал ее Пушкин, а перед нею — поместившегося на том же пюпитре кота, который дирижирует лапкой. Она поет одну из трех арий, исполнением которых особенно восхищался С. Д. Киселев. Рисунок, сейчас описанный, Пушкин называл: «Будущее семейное счастие Лизаветы Миколавны». Случалось, что, желая сконфузить ее намеком на того, кто ей нравился, Пушкин не-

ожиданно принимался мяукать или звать кошку: «кис, кис, кис», как бы произнося начальные звуки фамилии Сергея Дмитриевича. Иногда Пушкин называл Елизавету Николаевну «кисанькой» и, согласно с таким названием, нарисовал на одном листке альбома кошку, которой придан профиль его обладательницы, у ее ног лежат трупы двух крыс, а вдали победоносно шествует очень маленького роста Дон-Жуан, на которого «кисанька» ласково поглядывает. По преданию, сохранившемуся в семье Киселевых, кошки были вообще любимым произведением пушкинского карандаша; он рисовал их всегда и везде, — в альбоме знакомой барышни, на случайно подвернувшемся клочке бумаги, на зеленом сукне ломберного стола, рисовал их всегда одним и тем же приемом, в одном и том же виде, то-есть свернутыми калачиком, — и этими рисунками, в которых заключался известный намек, немало досаждал Елизавете Николаевне. Зато «Пушкинская кошка» и получила в ее семействе особенное, заветное значение.

Но если Пушкин не стеснялся там в шутках и шалостях, то в свою очередь молодые хозяйки нередко обращали на него свое остроумие. В особенности корили его за непостоянство его сердца, и Пушкин откровенно винился в обилии своих сердечных увлечений; в альбоме Елизаветы Николаевны он собственноручно написал имена женщин, которыми в течение своей жизни, с ранней юности, он увлекался. Одной молодой особе женского пола посвящены в том же альбоме три наброска. На одном она изображена en face с протянутою рукой, на другом — спиной, с обращенною влево головой и тоже с протянутою правою рукой; к этой женской руке тянутся с края листка две мужские (самой мужской фигуры не нарисовано за недостатком места); в левой руке письмо, а правая украшена очень длинными ногтями. Известно, что у Пушкина была привычка носить длинные ногти. На обеих картинках у барышни нарисованы большие ноги, и на втором рисунке написаны произносимые ею слова: «Как вы жестоки! Мне в эдаких башмаках нельзя ходить: они мне слишком узки, жмут ноги; мозоли будут». Кроме этих надписей, на обоих рисунках есть еще по приписке, сделанной неизвестным почерком: на первом — «Kars, Kars», и на втором — «Карс, Карс, брат! Брат, Карс!» Та же особа представлена еще на одной картинке, о чем можно заключить по надписи на ней, сделанной женским почерком: «О горе мне! Карс! Карс! Прощай, бел свет! Умру!» Здесь изображена обращенная спиною женская фигура в пестром платье, с шляпой на голове и с веером в руке, на котором написано: «Stabat Meter dolorosa». Дополнением к этим трем рисункам является еще четвертый, изображающий очень отчетливо нарисованное, быть может, Пушкиным лицо пожилой

женщины сурового вида, в чепце, с подписью (неизвестного почерка): «Маменька Карса».

Предание, сохраненное Н. С. Киселевым, дает ключ к объяснению этих рисунков: Пушкин называл Карсом Наталью Николаевну Гончарову, которая уже нравилась ему в то время, но казалась столь же неприступною, как знаменитая турецкая крепость. «Маменька Карса», как известно, долго держала влюбленного поэта на искусе, и, по свидетельству Н. С. Киселева, Пушкин намекал на это испытание, когда в альбоме Ушаковой рисовал себя облаченным в монашескую рясу и клобук.

По словам Н. С. Киселева, Пушкин носил на левой руке, между плечом и локтем, золотой браслет с зеленою яшмой, с турецкою надписью. Браслет этот был подарен им Е. Н. Ушаковой.

Л. Н. МАЙКОВ. *Пушкин.* 365—377.

Всякое даяние благо, всяк дар совершен свыше есть. Катерине Николаевне Ушаковой. От А. П. 21 сентября 1829 г. Москва. Nec femina nec puer *(ни женщина, ни мальчик).*

ПУШКИН. Надпись на обложке «Стихотворений Ал. Пушкина». I ч. СПБ. 1829. *Материалы об-ва изучения Тверского Края.* Вып. 3. Апрель 1925 г., Тверь, стр. 17.

Сколько мучений ждало меня при моем возвращении! Ваше молчание, ваш холодный вид, прием mademoiselle N. *(Нат. Ник—ны),* такой равнодушный, такой невнимательный... У меня не хватило смелости объясниться, я уехал в Петербург со смертью в душе. Я чувствовал, что я играл роль довольно смешную, я был робок в первый раз в моей жизни, а в людях моих лет может нравиться молодой особе в возрасте вашей дочери не робость.

ПУШКИН — Н. И. Гончаровой, перв. пол. апр. 1830 г. *(фр.).*

Государь император, узнав, по публичным известиям, что вы, милостивый государь, странствовали за Кавказом и посещали Арзерум, высочайше повелеть мне изволил спросить вас, по чьему позволению предприняли вы сие путешествие. Я же с своей стороны покорнейше прошу

вас уведомить меня, по каким причинам не изволили вы сдержать данного мне слова и отправились в закавказские страны, не предуведомив меня о намерении вашем сделать сие путешествие.

А. Х. БЕНКЕНДОРФ — Пушкину, 14 окт. 1829 г., из Петербурга. *Переписка Пушкина*, II, 96.

Секретно. Квартировавший Тверской части в гостинице «Англии» чиновник 10 класса Александр Сергеев Пушкин, за коим был учрежден секретный полицейский надзор, 12-го числа сего октября выехал в С.-Петербург, о чем имею честь вашему превосходительству сим донести и присовокупить, что в поведении его ничего предосудительного не замечено.

Полицмейстер МИЛЛЕР в рапорте московскому оберполицмейстеру, 15 октября 1829 г. *Красн. Арх.*, т. 37, стр. 239.

Проезжая из Арзрума в Петербург, я своротил вправо и прибыл в Старицкий уезд для сбора некоторых недоимок. Как жаль, любезный Ловлас Николаевич, что мы здесь не встретились! То-то побесили бы баронов и простых дворян... В Бернове я не застал уже толсто...ую Минерву. Зато Netty, нежная, томная, истерическая, *потолстевшая* Netty, здесь. Вот уже третий день, как я в нее влюблен. Поповна (ваша Клариса) в Твери... Ив. Ив. на строгой диэте (..... своих одалисок раз в неделю). Недавно узнали мы, что Netty, отходя ко сну, имеет привычку крестить все предметы, окружающие ее постелю... Постараюсь достать (как памятник непорочной моей любви) сосуд, ею освященный. Сим позвольте заключить трогательное мое послание.

ПУШКИН — Алексею Ник. Вульфу, 16 окт. 1829 года, из Малинников.

В одном из сестриных писем... приписка от Пушкина, в то время бывшего у них в Старице проездом из Москвы в Петербург. Как прошлого года в это же время писал он ко мне в Петерб. о тамошних красавицах, так и теперь, величая меня именем Ловласа, сообщает он известия очень смешные об них, доказывающие, что он не переменяется с летами и возвратился из Арзрума точно таким, каким туда поехал, —

весьма циническим волокидою... Во втором письме сестра пишет только о Пушкине, его волокидствах за Netty.

АЛ. Н. ВУЛЬФ. Дневник. *Пушкин и его с-ки.* XXI—XXII, стр. 115—116.

Александр Сергеевич сообщает мне известия о тверских красавицах. Кажется, самое время не имеет власти над ним, он не переменяется: везде и всегда один и тот же. Возвращение наших барышень, вероятно, отвлекло его от Netty, которой он говорит нежности, или относя их к другой, или от нечего делать. В следующих твоих письмах я верно узнаю, как продолжится и чем окончится любопытный его *заезд из Арзерума в Павловское.* По происхождению его, азиатские вкусы не должны быть чужды; не привез ли он какого-нибудь молодого *Чубукчи-Пашу* (податель трубки)? — Это было бы нужно для оправдания его слов. По письму Анны Петровны *(Кери)* он уже в Петербурге; она одного мнения с тобой в том, что цинизм его увеличивается.

АЛ. Н. ВУЛЬФ — сестре своей Анне Н. Вульф. *Пушкин и его с-ки,* I, 86.

Я чувствую, насколько положение мое было ложно и поведение — легкомысленно. Мысль, что это можно приписать другим мотивам, была бы для меня невыносима. Я предпочитаю подвергнуться самой строгой немилости, чем показаться неблагодарным в глазах того, кому я обязан всем, для кого я готов пожертвовать своим существованием, и это не фраза.

ПУШКИН — Бенкендорфу, 10 ноября 1829 г., из Петербурга *(фр.).*

По возвращении Пушкина в Петербург, государь спросил его, как он смел приехать в армию. Пушкин отвечал, что главнокомандующий позволил ему. Государь возразил: «Надобно было проситься у меня. Разве не знаете, что *армия моя?*» Слышал я все это тогда же от самого Пушкина.

Н. В. ПУТЯТА. Из записной книжки. *Рус. Арх.,* 1899, II, 351.

На-днях приехал я в Петербург... Адрес мой: у Демута. Что ты? Что наши? В Петербурге тоска, тоска... Кланяйся неотъемлемым нашим

Ушаковым. Скоро ли, боже мой, приеду из Петербурга в Hôtel d'Angleterre мимо Карса? по крайней мере мочи нет — хочется [1].

ПУШКИН—С. Д. Киселеву, 15 ноября 1829 г.

Тяжело мне быть перед тобою виноватым, тяжело и извиняться... Ты едешь на-днях, а я все еще в долгу. Должники мои мне не платят, и дай бог, чтоб они вовсе не были банкроты, а я (между нами) проиграл уже около 20 тыс. Во всяком случае ты первый получишь свои деньги.

ПУШКИН—И. А. Яковлеву (московскому богачу) из Петербурга, во второй пол. ноября 1829 г.

(На «четверге» у Греча). Вдруг неожиданно и неприметно вошел в комнату небольшого роста господин, с длинными, курчавыми, растрепанными темнорусыми волосами, с бледнотемноватым лицом, окаймленным огромными бакенбардами, падавшими вниз. Господин этот был в коричневом сюртуке и держал мягкую, измятую шляпу в левой руке. В лице его было что-то необыкновенное, будто напоминавшее наружность мулата: нос несколько приплющенный, губы очень красные и широкие, а обнаруженные веселой улыбкою зубы — белизны необыкновенной. То был А. С. Пушкин, которого ожидал Греч (стр. 23).

Пушкин, по роду своего воспитания, часто и охотно употреблял французский язык в разговоре даже с соотечественниками (25).

В. Б. (В. П. БУРНАШЕВ). Из воспоминаний петербургского старожила. *Заря*, 1871, № 4.

В числе посетителей гречевских четвергов появлялся изредка и Пушкин. Он вел себя очень сдержанно, редко принимал участие в разговорах, больше молчал и рано уходил, не простившись.

П. И. ЮРКЕВИЧ. Воспоминания старожила. *Ист. Вестн.*, 1882, № 10, стр. 159.

---

[1] М. А. Цявловский (*«Рассказы о Пушкине»*, примеч., стр. 74), перечисляя московские квартиры Пушкина, пишет: «Где жил Пушкин в Москве в сентябре — октябре 1829 г., по возвращении с Кавказа, сказать невозможно, по неимению данных». Цитируемое письмо Пушкина, мне кажется, указывает ясно, что Пушкин жил тогда в гостинице «Англия» (на Тверской).

Вскоре после моего выпуска из царскосельского лицея (в 1829 году) я встретил Пушкина на Невском проспекте, который, увидав на мне лицейский мундир, подошел и спросил: « Вы верно только что выпущены из лицея?» — «Только что выпущен с прикомандированием к гвардейскому полку, — ответил я. — А позвольте спросить вас, где вы теперь служите?» — «Я числюсь по России», — был ответ Пушкина.

СТАРЫЙ ЛИЦЕИСТ. *Новое Время*, 1880, № 1521.

В последние годы Пушкин выучился английскому языку, — кто поверит тому? — в четыре месяца! Он хотел читать Байрона и Шекспира в подлиннике, и через четыре месяца читал их по-английски, как на своем родном языке.

(Н. А. ПОЛЕВОЙ?). *Московский Телеграф*, 1829, ч. 28, № 11, стр. 390.

Авр. С. Норов рассказал мне следующий анекдот о Пушкине. Норов встретился с ним за год или за полтора до его женитьбы. Пушкин очень любезно с ним поздоровался и обнял его. При этом был приятель Пушкина *(В. П.)* Туманский. Он сказал поэту: «Знаешь ли, Александр Сергеевич, кого ты обнимаешь? Ведь это твой противник. В бытность свою в Одессе, он при мне сжег твою рукописную поэму». Дело в том, что Туманский дал Норову прочесть в рукописи известную непристойную поэму Пушкина. В комнате тогда топился камин, и Норов, по прочтении пьесы, тут же бросил ее в огонь. — «Нет, — сказал Пушкин, — я этого не знал, а, узнав теперь, вижу, что Авраам Сергеич не противник мне, а друг, а вот ты, восхищавшийся такою гадостью, настоящий мой враг».

(А. НИКИТЕНКО. II, 240.

Я помню, как Пушкин глубоко горевал и сердился при всяком, даже нечаянном напоминании об этой прелестной пакости *(«Гавриилиаде»)*.

С. А. СОБОЛЕВСКИЙ — М. Н. Лонгинову, в 1885 г. *П—н и его сов-ки*, XXXI—XXXII, 39.

Я встретил прошлым вечером у барона Реханзена *(Розена?)* русского Байрона — Пушкина, знаменитого и вместе с тем единственного поэта в этой стране... Я не заметил ничего особенного в его личности и в его

манерах, внешность его неряшлива, этот недостаток является иногда у талантливых людей, и он откровенно сознается в своем пристрастии к игре; единственное примечательное выражение, которое вырвалось у него во время вечера, было такое: «я бы предпочел умереть, чем не играть».

ТОМАС РЭЙКС. 24 дек. 1829 г. «A visit to St. Petersburg in the winter of 1829—1830. London, 1838.
Пушкин и его с-ки, XXXI—XXXII, 105—106 *(англ.)*.

Пушкин был неутомимый ходок и иногда делал прогулки пешком из Петербурга в Царское Село. Он выходил из города рано по утру, выпивал стакан вина на Средней Рогатке и к обеду являлся в Царское Село. После прогулки в его садах, он тем же путем возвращался назад. Может быть, в одно из таких путешествий задуманы были *Воспоминания в Царском Селе,* помеченные в тетради его: «Декабря 1829 года, СПБ».

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 225.

Так как я еще не женат и не связан службой, я желал бы сделать путешествие либо во Францию, либо в Италию. Однако, если мне это не будет дозволено, я просил бы разрешения посетить Китай с отправляющейся туда миссией.

ПУШКИН — А. Х. Бенкендорфу, 7 янв. 1830 г. *(фр.)*.

К первым числам февраля мы будем в Петербурге. Муж спешит туда: он кроме «Северных Цветов» начал с 1 января издавать «Литературную Газету», которая выходит каждые пять дней; без себя он препоручил хлопоты А. Пушкину, но все-таки лучше скорее самому ехать смотреть за своим делом.

Бар-сса С. М. ДЕЛЬВИГ — А. Н. Карелиной, 13 янв. 1830 г., из Москвы. *Б. Модзалевский, «Пушкин»*, 240.

Пушкин был у нас вчера... Жуковский читал ему детский журнал, и Пушкин смеялся на каждом слове. Он удивлялся, ахал и прыгал.

И. В. КИРЕЕВСКИЙ — А. П. Елагиной. 15 янв. 1830 г. *Рус. Арх.*, 1906, III, 586.

Пушкин дал мне в альманах «Царское Село» антологическое стихотворение свое «*Загадка.* При посылке бронзового сфинкса».

Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?
В веке железном, скажи, кто золотой угадал?
Кто, славянин молодой, грек духом, а родом германец?
Вот загадка моя: хитрый Эдип, разреши!

Оказалось — просодическая неправильность; у Пушкина было так:

Кто, славянин молодой, духом грек, родом германец?

Я заметил это Дельвигу, указал, как легко исправить погрешности перестановкою двух слов и прибавлением союза *а,* и попросил Дельвига сделать эту поправку или принять ее на себя. Он не согласился. — «Или покажите самому Пушкину, или напечатайте так, как есть! Что за беда? Пушкину простительно ошибаться в древних размерах: он ими не пишет». С этим последним доводом *я* уже не согласился, однако не посмел и указать Пушкину: я боялся, что он отнимет у меня стихотворение под предлогом, что он сам придумает поправку. До последней корректуры я несколько раз заводил с ним речь об этой пьесе: не сказал ли ему Дельвиг о погрешности? Нет! В последней корректуре я не утерпел, понадеялся, что Пушкин и не заметит такой безделицы, — и сделал гекзаметр правильным. Тиснул, послал ему свой альманах и, несколько дней спустя, сам прихожу. А он, впрочем довольно веселый, встречает меня замечанием, что я изменил один из его стихов. Я прикинулся незнающим. Он, действительно, указал на поправку. Я возражал, улыбаясь, что дивная память его в этом случае ему изменила: *так* не было у вас и быть не могло! — Почему? — Потому что гекзаметр был бы и неполный, и неправильный: у третьей стопы недоставало бы половины, а слово «грек» ни в каком случае не может быть коротким слогом! — Он призадумался. — «Потому-то вы и поправили стих. Благодарю вас!» Тут мне уже нельзя было не признаться в переделке, но я горько жаловался на Дельвига, который не хотел снять на себя такой неважной для него ответственности перед своим лицейским товарищем. Пушкин не только не рассердился, но и налюбоваться не мог, что перестановка двух его слов составила, в третьей стопе, *чистый спондей,* который так редок в гекзаметрах на новейших языках. Эта поправка осталась у него в памяти. Долго после того, во время холеры, когда он, уже женатый, жил в Царском Селе, я с ним нечаянно сошелся у П. А. Плетнева, который готовил

к печати новый том его стихотворений. Пушкин перебирал их в рукописи, читал иные вслух, в том числе и «Загадку», и, указывая на меня, сказал при всех: — «Этот стих барон мне поправил!»

Бар. Е. Ф. РОЗЕН. Ссылка на мертвых. *Сын Отечества.* 1847, кн. 6, Рус. словесность, стр. 16—18.

В ответ на ваше письмо 7 января, спешу известить вас, что Е. В. Государь Император не удостоил снизойти на вашу просьбу посетить заграничные страны, полагая, что это слишком расстроит ваши денежные дела и в то же время отвлечет вас от ваших занятий. Ваше желание сопровождать нашу миссию в Китай так же не может быть удовлетворено, так как все служащие уже назначены.

А. Х. БЕНКЕНДОРФ — Пушкину, 17 янв. 1830 г. *Переписка П—на,* II, 100 *(фр.).*

Здесь у нас, мочи нет, скучно; игры нет, а я все-таки проигрываюсь... Покамест умираю со скуки.

ПУШКИН — М. О. Судиенке из П-рга 22 янв. 1830.

Кстати об этом бале *(у французского посланника).* Вы могли бы сказать Пушкину, что неприлично ему одному быть во фраке, когда мы все были в мундирах, и что он мог бы завести себе по крайней мере дворянский мундир; впоследствии, в подобном случае пусть так и сделает.

Имп. НИКОЛАЙ I в пометке на письме к нему Бенкендорфа, *Старина и Новизна,* VI, 7. Ср., письмо Бенкендорфа Пушкину от 28 янв. 1830 г. *Переписка Пушкина,* II, 113.

Правда ли, что моя Гончарова выходит за архивного Мещерского? Что делает Ушакова, моя же? Я собираюсь в Москву.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, в конце янв.— в начале февр. 1830.

Я вижу мало людей, но те, кого я вижу, очень мне приятны. Сомов и Пушкин — наши завсегдатаи, они приходят ежедневно, так как это — главнейшие сотрудники моего мужа.

Бар-сса С. М. ДЕЛЬВИГ—А. Н. Карелиной, в феврале 1830 г. *Б. Модзалевский. «Пушкин»*, стр. 242 *(фр.)*.

В 1830 году прибытие части высочайшего двора в Москву оживило столицу и сделало ее средоточием веселий и празднеств. Наталья Николаевна Гончарова принадлежала к тому созвездию красоты, которое в это время обращало внимание и удивление общества. Она участвовала во всех удовольствиях, которыми встретила древняя столица августейших своих посетителей, и между прочим в великолепных живых картинах, данных московским генерал-губернатором кн. Дм. Вл. Голицыным [1]. Молва об ее красоте и успехах достигла Петербурга, где в то время жил Пушкин. По обыкновению своему, он стремительно уехал в Москву, не объяснив никому своих намерений, и возобновил прежние свои искания.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 270.

Зная, что Пушкин давно влюблен в Гончарову, и увидав ее на балу у кн. Д. В. Голицына, Вяземский поручил И. Д. Лужину, который должен был танцовать с Гончаровой, заговорить с нею и ее матерью мимоходом о Пушкине с тем, чтобы по их отзыву доведаться, как они о нем думают. Мать и дочь отозвались благосклонно и велели кланяться Пушкину. Лужин поехал в Петербург, часто бывал у Карамзиных и передал Пушкину этот поклон.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — по записи Бартенева *Рус. Арх.*, 1888, II, 307.

Секретно. Чиновник 10 класса Александр Сергеев Пушкин 13-го числа сего месяца прибыл из С.-Петербурга и остановился в доме г. Черт-

[1] Празднество у Голицына было на святках, в конце 1829 года. 30 дек. А. Я. Булгаков писал об этих живых картинах брату К. Я—чу: «Все в восхищении от картин. Их заставили повторить несколько раз. Картина, изображавшая Дидону, была великолепна. Лазарева была бесподобна, но ее бесконечно длинные ниспадавшие волосы придавали ей скорее вид прекрасной Магдалины. Но кто была очаровательна, это — маленькая Алябьева, она — красавица; маленькая Гончарова в роли сестры Дидоны была восхитительна». *(Рус. Арх.*, 1901, III, 382, *фр.)*.

кова в гостинице Коппа, за коим учрежден секретный полицейский надзор.

Полицмейстер МИЛЛЕР в рапорте моск. обер-полицмейстеру, 15 марта 1830 г. *Красн. Арх.*, т. 37, стр. 240.

13 марта 1830 года г. Пушкин возвратился из Петербурга в Москву и остановился Тверской части в доме Черткова, в гостинице Коппа (нынешнем доме Обидина, в Глинищенском пер., между Тверской и Б. Дмитровкою. *Прим. Бартенева).*

А. С. ШУЛЬГИН (московский оберполицмейстер) в донесении моск. военному генерал-губернатору. *Рус. Арх.*, 1876, II, 236.

Третьего дня приехал я в Москву и прямо из кибитки попал в концерт, где находилась вся Москва. Первые лица, попавшиеся мне на встречу, были N. Гончарова и княгиня Вера *(жена Вяземского)*... Киселев женится на Л. *(Елизавете)* Ушаковой и Катерина *(Ушакова)* говорит, что они щастливы до гадости.

ПУШКИН — кн. П. А. Вяземскому, 14 марта 1830 г., из Москвы.

К крайнему моему удивлению услышал я, что внезапно рассудили уехать в Москву, не предваря меня, согласно с сделанным между нами условием, о сей вашей поездке. Поступок сей принуждает меня вас просить о уведомлении меня, какие причины могли вас заставить изменить данному мне слову? Мне весьма приятно будет, если причины, вас побудившие к сему поступку, будут довольно уважительными, чтобы извинить оный; но я вменяю себе в обязанность вас предуведомить, что все неприятности, коим вы можете подвергнуться, должны вами быть приписаны собственному вашему поведению.

Гр. А. Х. БЕНКЕНДОРФ — Пушкину, 17 марта 1830 г., из Петербурга. *Переп. Пушкина,* II, 121.

Великий Князь Михаил Павлович приехал провести вечер с нами, и при виде вашего портрета, он сказал мне: «Знаете ли, что я никогда не видал Пушкина близко; у меня были против него большие предубежде-

ния; но по всему, что до меня доходит, я весьма желаю его узнать, и особенно желаю иметь с ним продолжительный разговор». Он кончил тем, что попросил у меня «Полтаву».

Е. М. ХИТРОВО — Пушкину, 18 марта 1830 г. *Пушкин. Переп., акад. изд.*, II, 123 *(фр.)*.

Письмо мое доставит тебе Гончаров, брат Красавицы; теперь ты угадаешь, что тревожит меня в Москве... Распутица, лень и Гончарова не выпускают меня из Москвы... наше житье-бытье сносно.

ПУШКИН — кн. П. А. Вяземскому, во второй половине марта 1830, из Москвы.

Из университета к Пушкину. «Я думал, что вы сердитесь на меня», обещал исходатайствовать все, что хочу.— Вот разве при путешествии.— Рассказывал о скверности Булгарина. Полевого хочет в грязь втоптать и пр. Давал статью о Видоке и догадался, что мне не хочется помещать ее (о доносах, о фискальстве Булгарина), и взял. — Советовал писать роман.

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 18 марта 1830 г. *П—и и его совр-ки*, XXIII—XXIV, стр. 103.

К Пушкину. «Московский Вестник и Литературная Газета одно и то же». Толковали о нашей литературе. — Пушкин сердится ужасно, что на него напали все.

М. П. ПОГОДИН. Дневник 21 марта 1830 г. *П—и и его совр-ки*. XXIII—XXIV, стр. 103.

В 1826 году получил я от государя-императора позволение жить в Москве, а на следующий год от вашего высокопревосходительства дозволение приехать в Петербург. С тех пор я каждую зиму проводил в Москве, осень в деревне, никогда не испрашивая предварительного дозволения и не получая никакого замечания. Это отчасти было причиною невольного моего проступка: поездки в Арзрум, за которую имел я несчастие заслужить неудовольствие начальства. В Москву я намеревался приехать еще в начале зимы и, встретив вас однажды на гулянии, по вопрос вашего высокопревосходительства, что намерен делать, имел я щастие о том вас уведомить. Вы даже изволили мне заметить: «вы всегда

на больших дорогах». Надеюсь, что поведение мое не подало правительству повода быть мною недовольным.

ПУШКИН — А. Х. Бенкендорфу, 21 марта 1830 г. из Москвы.

Пьеска Пушкина, так как вообще все, что пишет он о зиме, превосходна; это истинно-русская часть года Пушкину с плеча; не то, что весна, которой он не любит... Я ужасаюсь, как он мало пишет. Если бы что-нибудь у него было большого, поновее после Мазепы и 7 главы *(Онегина)* (а он мне то и другое читал тому 16 месяцев назад), то верно бы сообщил образчик, ибо Пушкин любит похвастаться.

С. А. СОБОЛЕВСКИЙ—С. П. Шевыреву, 22 марта 1830 г., из Парижа. *Рус. Арх.*, 1909, II, 481.

Поздно уж было, час двенадцатый, и все мы собрались спать ложиться, как вдруг к нам в ворота постучались, — жили мы тогда на Садовой, в доме Чухина. Бежит ко мне Лукерья, кричит: «Ступай, Таня, гости приехали, слушать хотят». Я только косу расплела и повязала голову белым платком. Такой и выскочила. А в зале у нас четверо приехало, — трое знакомых (потому, наш хор очень любили, и много к нам езжало). Голохвастов, Протасьев-господин и Павей Войнович Нащокин, — очень был он влюблен в Ольгу, которая в нашем же хоре пела. А с ним еще один, небольшой ростом, губы толстые и кудлатый такой... И только он меня увидал, так и помер со смеху, зубы-то белые, большие, так и сверкают. Показывает на меня господам: «поваренок, — поваренок!» А на мне, точно, платье красное ситцевое было и платок белый на голове, колпаком, как у поваров. Засмеялась и я, только он мне очень некрасив показался. И сказала я своим подругам по-нашему, по-цыгански: «дыка, дыка, на не лачо, таки вашескери! — Гляди, гляди, как нехорош, точно обезьяна!» Они так и залились. А он приставать: «что ты сказала? что ты сказала?» — «Ничего, — говорю; — сказала, что вы надо мною смеетесь, поваренком зовете». А Павел Войнович Нащокин говорит ему: «а вот, Пушкин, послушай, как этот поваренок поет!» А наши все в это время собрались; весь-то наш хор был небольшой, всего семь человек, только голоса отличные были... Главный романс был у меня: «Друг милый, друг милый, сдалека поспеши». Как я его пропела, Пушкин с лежанки скок, — он, как приехал, так и взобрался на лежанку, потому, на дворе холодно было, — и ко мне. Кричит: «радость ты

моя, радость моя, извини, что я тебя поваренком назвал, ты бесценная прелесть, не поваренок!»

И стал он с тех пор часто к нам ездить, один даже частенько езжал и как ему вздумается, вечером, а то утром приедет. И все мною одной занимается, петь заставит, а то просто так болтать начнет, и помирает он, хохочет, по-цыгански учится. А мы все читали, как он в стихах цыган кочевых описал. И я много помнила наизусть, и раз прочла ему оттуда и говорю: «как это вы хорошо про нашу сестру цыганку написали!» А он опять в смех:— «я, говорит, на тебя новую поэму сочиню!» А это утром было, на масленице, и мороз опять лютый, и он опять на лежанку взобрался. — «Хорошо, говорит, тут, — тепло, только есть хочется». А я ему говорю: «тут по близости харчевня одна есть, отличные блины там пекут, — хотите пошлю за блинами?» Он с первого раза побрезгал, поморщился. «Харчевня, говорит, грязь». — «Чисто, будьте благонадежны, говорю, сама не стала бы есть». — «Ну, хорошо, посылай,— вынул две красененькие, — да вели кстати бутылку шампанского купить». Дядя побежал, все в минуту спроворил, принес блинов, бутылку. Сбежались подруги, и стал нас Пушкин потчевать: на лежанке сидит, на коленях тарелка с блинами — смешной такой, ест да похваливает: «нигде, говорит, таких вкусных блинов не едал!» — шампанское разливает нам по стаканам... Только в это время в приходе к вечерне зазвонили. Он как схватится с лежанки: «ахти мне, кричит, радость моя, из-за тебя забыл, что меня жид-кредитор ждет!» Схватил шляпу и выбежал, как сумасшедший.

ЦЫГАНКА ТАНЯ (ТАТЬЯНА ДЕМЬЯНОВНА) в передаче Б. М. Маркевича. *Соч. Б. М. Маркевича;* СПБ, 1885, т. XI, стр. 132—134.

Чрезвычайно любопытны рассказы Нащокина об образе жизни Пушкина в приезды его в Москву, в последние годы его холостой жизни и все годы женатой. Из них видим, как изменились привычки Пушкина, как страсть к светским развлечениям, к разноречивому говору многолюдства, смягчилась в нем потребностями своего угла и семейной жизни. Пушкин казался домоседом. Целые дни проводил он в кругу домашних своего друга на диване, с трубкою во рту и прислушиваясь к простому разговору, в котором дела хозяйственного быта стояли часто на первом плане. Надобны были даже усилия со стороны Нащокина, чтоб заставить Пушкина не прерывать своих знакомств и выезжать. Пушкин следовал советам Нащокина нехотя.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 209.

Пушкин здесь. Как бы ты думал, — его ругают наповал во всех почти журналах. «Северная Пчела» говорит даже, что он картежник, чванится вольнодумством пред чернью, а у знатных ползает, чтобы получить шитый кафтан и проч. Мои отношения к нему прежние, т. е. очень хорошие. Он зовет тебя в Москву: «что не летит этот к нам ворон, здесь для него столько трупов». Мне очень жаль, что эти площадные брани его слишком трогают, как бывало тебя. O, irritabile genus!

Говорят, что он женится на Ушаковой старшей и заметно степенничает.

М. П. ПОГОДИН — С. П. Шевыреву, 23 марта 1830 г., из Москвы. *Рус. Арх.*, 1882, III, стр. 161.

Хомякова научал завести речь с Надоумкой *(Н. И. Надеждиным)* о романтизме и т. п., чтоб заманить в разговор Пушкина с Надоумкой и внушить ему лучшее мнение; и наоборот, чтоб заставить Надоумку уважать более Пушкина. Вечер был у меня. Говорили более об естественнословных предметах. Смеялись много: «Полевой *не сам* пишет романы, а Ушаков»,— сказал Максимович. План романа Полевой отдал Свиньину.— «А историю-то не от него ли получил?» — сказал Языков. — Свиньин вывел в люди Полевого. — «Да это не беда», — возразил Максимович. — «Как не беда?» — закричали все. Я показывал зверей друг другу весь вечер. — Пушкин кокетничал, как юноша, вышедший только что из пансиона.

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 23 марта 1830 г. *П—н и его совр-ки*, XXIII—XXIV, стр. 105.

Я встретился с Надеждиным у Погодина. Он показался мне весьма простонародным, vulgar, скучен, заносчив, и без всякого приличия. Например, он поднял платок, мною уроненный.

ПУШКИН. *Анекдоты* и Table Talk. XXVIII.

Письмо, которым вы удостоили меня, доставило мне истинное горе; я умоляю вас дать мне минуту снисхождения и внимания. Несмотря на четыре года ровного поведения, я не смог получить доверия власти! Я с огорчением вижу, что малейший из моих поступков возбуждает подозрение и недоброжелательство. Во имя неба, удостойте на минуту войти в мое положение и посмотрите, как оно затруднительно. Оно так непрочно, что я каждую минуту вижу себя накануне несчастья, которого я не могу ни предвидеть, ни избегнуть. Если до сей поры я не подвергся какой-

нибудь немилости, то я этим обязан не сознанию своих прав, своей обязанности, а единственно вашему личному благоволению. Но если завтра вы больше не будете министром, то послезавтра я буду в тюрьме.

Я рассчитывал из Москвы поехать в псковскую деревню; однако, если Николай Раевский приедет в Полтаву, я умоляю ваше превосходительство разрешить мне поехать туда, чтобы повидаться с ним.

ПУШКИН — Бенкендорфу, 24 марта 1830 г., из Москвы *(фр.)*.

Ушакова меньшая *(Ел. Ник.)* идет за Киселева... О старшей *(Ек. Ник.)* не слышно ничего, хотя Пушкин бывает у них всякий день почти.

В. А. МУХАНОВ—Н. А. Муханову, из Москвы, 27 марта 1830 г. *Рус. Арх.*, 1899, II, 356.

Все думали, что Пушкин влюблен в Ушакову; но он ездил, как после сам говорил, всякий день к сей последней, чтоб два раза в день проезжать мимо окон Гончаровой.

Н. М. СМИРНОВ. Памятные заметки. *Рус. Арх.*, 1882, I, 232.

Пушкин говаривал, что, как скоро ему понравится женщина, то, уходя или уезжая от нее, он долго продолжает быть мысленно с нею и в воображении увозит ее с собою, сажает ее в экипаж, предупреждает, что в таком-то месте будет толчок, одевает ей плечи, целует у нее руки и пр.

Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ по записи Бартенева. *Рус. Арх.*, 1888, II, 312.

(Весна 1830 г.). Пушкин у Весселя *(поэта Языкова)* часто бывает, он — большой забавник и доставляет нам много удовольствия.

А. М. ЯЗЫКОВ в письме к своей сестре. *Ист. Вест.*, 1883, XIV, 529.

Я не совсем понимаю, почему вам угодно находить ваше положение непрочным; я его таким не нахожу, и мне кажется, только от вашего соб-

ственного поведения будет зависеть сделать его еще более устойчивым... Что касается вашего вопроса, ко мне обращенного, можете ли вы поехать в Полтаву, чтобы повидаться с Николаем Раевским, то я должен вас уведомить, что я представил этот вопрос на рассмотрение Императора, и Его Величество изволили мне ответить, что Он решительно запрещает вам это путешествие, потому что у Него есть основание быть недовольным последним поведением г-на Раевского. Из этого самого обстоятельства вы, между прочим, можете убедиться, что мои добрые советы предотвратят вас от ложных шагов, которые вы делали так часто, не прибегая к моему руководству.

А. Х. БЕНКЕНДОРФ — Пушкину, 3 апреля 1830 г. *Переписка Пушкина*, II, 129 (фр.).

(В Грузинах, в Тишинском переулке, где жил, под надзором д-ра Дитриха, сумасшедший поэт К. Н. Батюшков). Всенощная, отслуженная в доме Батюшкова *(3 апр. 1830 г.)*, по желанию его тетки Е. Ф. Муравьевой, произвела на него сильное впечатление; но когда, после службы, присутствовавший при ней А. С. Пушкин вошел в комнату больного, последний не узнал его, как, впрочем, не узнавал обыкновенно и других лиц, хорошо ему знакомых в прежнее время.

Л. Н. МАЙКОВ на основании дневниковых записей д-ра Дитриха *Л. Майков, Батюшков, его жизнь и сочинения.* Изд. 2. Спб., 1896, стр. 230. Ср. *Л. Майков, «Пушкин»*, 289.

Один из моих друзей привозит мне из Москвы благосклонное слово, которое возвращает мне жизнь, и теперь, когда несколько ласковых слов, которыми вы удостоили меня, должны бы меня наполнить радостью, — я более несчастлив, чем когда-либо. Постараюсь объясниться. Только привычка и продолжительная близость могут доставить мне привязанность вашей дочери; я могу надеяться со временем привязать ее к себе, но во мне нет ничего, что могло бы ей нравиться; если она согласится отдать мне свою руку, то я буду видеть в этом только свидетельство спокойного равнодушия ее сердца. Но сохранит ли она это спокойствие среди окружающего ее удивления, поклонения, искушений? Ей станут говорить, что только несчастная случайность помешала ей вступить в другой союз, более равный, более блестящий, более достойный ее, — может быть, эти речи будут искренни, и во всяком случае она сочтет их такими. Не явится ли у нее сожаление? не будет ли она смотреть на меня, как на пре-

пятствие, как на человека, обманом ее захватившего? Не почувствует ли она отвращения ко мне? Бог свидетель, — я готов умереть ради нее, но умереть для того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, свободной хоть завтра же выбрать себе нового мужа, — эта мысль — адское мучение! — Поговорим о средствах; я этому не придаю особенного значения. Моего состояния мне было достаточно. Хватит ли мне его, когда я женюсь? Я ни за что не потерплю, чтобы моя жена чувствовала какие-либо лишения, чтобы она не бывала там, куда она призвана блистать и развлекаться. Она имет право этого требовать. В угоду ей я готов пожертвовать всеми своими привычками и страстями, всем своим вольным существованием. Но, все-таки, — не станет ли она роптать, если ее положение в свете окажется не столь блестящим, как она заслуживает и как я желал бы этого?.. Таковы, отчасти, мои сомнения — я трепещу, как бы вы не нашли их слишком основательными. Есть еще одно, — я не могу решиться доверить его бумаге... [1].

ПУШКИН—Н. И. Гончаровой (матери) в перв. полов. апреля 1830 г. *(фр.)*.

В самый день Светлого Христова Воскресения, 6-го апреля 1830 г., Пушкин сделал предложение семейству Натальи Николаевны, которое и было принято.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 271. Ср. *Н. О. Лернер, Труды и дни Пушкина*, 2 изд., стр. 209.

Пушкин приехал в Москву с намерением сделать предложение Н. Н. Гончаровой. Собираясь ехать к Гончаровым, поэт заметил, что у него нет фрака. — «Дай мне, пожалуйста, твой фрак, — обратился он к Нащокину. — Я свой не захватил, да, кажется, у меня и нет его». Друзья были одинакового роста и сложения, а потому фрак Нащокина как нельзя лучше пришелся на Пушкина. Сватовство на этот раз было удачное, что поэт в значительной мере приписывал «счастливому» фраку. Нащокин подарил этот фрак другу, и с тех пор Пушкин, по его собственному признанию, в важных случаях жизни надевал счастливый «нащокинский» фрак.

В. А. НАЩОКИНА. *Новое Время*, 1898, № 8115, иллюстр. прил.

[1] Пушкин имеет в виду, по справедливому объяснению П. О. Морозова, свое «ложное и сомнительное» положение по отношению к правительству. *Пушкин*, изд. *Брокгауза-Ефрона*, IV, 205.

Я хочу жениться на молодой особе, которую люблю уже год.

ПУШКИН — родителям, в первой полов. апреля 1830 г. *(фр.)*.

Я должен жениться на m-lle Гончаровой, которую вы должны были видеть в Москве, у меня есть ее согласие и согласие ее матери. Два указания мне были сделаны: на мое имущественное положение и на положение мое относительно правительства. Что касается имущественного положения, я мог ответить, что оно в удовлетворительном состоянии благодаря Его Величеству, давшему мне возможность честно жить своим трудом. Что же касается моего положения в отношении к правительству, я не мог скрыть, что оно было ложно и сомнительно. Я был исключен из службы в 1824 г., и это пятно остается лежать на мне. Вышедши из лицея в 1817 г. с чином 10 класса, я не получил двух чинов, следовавших мне по праву, так как начальство мое по небрежности не представляло меня к чинам, а я не заботился им об этом напоминать. Теперь мне трудно было бы поступить на службу, несмотря на все мое желание. Место совершенно подчиненное, соответствующее моему чину, не может мне подойти. Оно отвлекало бы меня от моих литературных занятий, дающих мне средства к жизни, и доставило бы бесцельные и бесполезные хлопоты. Мне об этом больше не приходится думать. Г-жа Гончарова боится отдать свою дочь за человека, имеющего несчастие пользоваться дурной репутацией в глазах государя. — Мое счастие зависит от одного слова благоволения того, к которому моя преданность и благодарность уже и теперь чисты и безграничны.

ПУШКИН — А. Х. Бенкендорфу, 16 апр. 1830 г., из Москвы *(фр.)*.

Я сейчас с обеда Сергея Львовича, и твои письма, которые я там прочел, убедили меня, что жена меня не мистифицирует, и что ты точно жених. Гряди, жених, в мои объятия! А более всего убедила меня в истине женитьбы твоей вторая экстренная бутылка шампанского, которую отец твой розлил нам при получении твоего последнего письма. Я тут ясно увидел, что дело не на шутку. Я мог не верить письмам твоим, слезам его, но не мог не поверить его шампанскому. Поздравляю тебя от всей души... Я помню, что сравнивал я Алябьеву avec une beauté classique, а невесту твою avec une beauté romantique. Тебе, первому на-

шему романтическому поэту, и следовало жениться на первой романтической красавице нынешнего поколения.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — Пушкину, 26 апреля 1830 г., из Петербурга. *Переп. Пушкина,* II, 138.

Я имел счастье представить Императору письмо, которое вам угодно было мне написать 16 числа сего месяца. Его Императорское Величество, с благосклонным удовлетворением приняв известие о вашей предстоящей женитьбе, удостоил заметить по сему случаю, что Он надеется, что вы, конечно, хорошо допросили себя раньше, чем сделать этот шаг, и нашли в себе качества сердца и характера, какие необходимы для того, чтобы составить счастье женщины, — и в особенности такой милой, интересной женщины, как m-lle Гончарова.

Что касается вашего личного положения по отношению к правительству, — я могу вам только повторить то, что уже говорил вам столько раз; я нахожу его совершенно соответствующим вашим интересам; в нем не может быть ничего ложного или сомнительного, если, разумеется, вы сами не пожелаете сделать его таковым. Его Величество Император, в совершенном отеческом попечении о вас, милостивый государь, удостоил поручить мне, генералу Бенкендорфу, — не как шефу жандармов, а как человеку, к которому Ему угодно относиться с доверием, — наблюдать за вами и руководительствовать своими советами; никогда никакая полиция не получала распоряжения следить за вами. Советы, которые я вам от времени до времени давал, как друг, могли вам быть только полезны, — я надеюсь, что вы всегда и впредь будете в этом убеждаться. — В чем же то недоверие, которое будто бы можно в этом отношении найти в вашем положении? Я уполномочиваю вас, милостивый государь, показать это письмо всем тем, кому, по вашему мнению, должно его показать.

А. Х. БЕНКЕНДОРФ — Пушкину, 28 апреля 1830 г., из Петербурга. *Переп. Пушкина,* II, 140 *(фр.).*

Первая любовь всегда есть дело чувства. Вторая — дело сладострастия, — видите ли! Моя женитьба на Натали (которая, в скобках, моя сто тринадцатая любовь) решена. Отец мне дает двести душ, которые я закладываю в ломбарде.

ПУШКИН—кн. В. Ф. Вяземской, в конце апр.—начале мая 1830 г. *(фр.).*

Пожалей о первой красавице здешней, Гончаровой... Она идет за Пушкина. Это верно.

В. А. МУХАНОВ—брату Н. А. Муханову, из Москвы, 1 мая 1830 г. *Рус. Арх.*, 1899, II, 356.

Сказывал ты Катерине Андреевне *(Карамзиной)* о моей помолвке? Я уверен в ее участии — но передай мне ее слова — они нужны моему сердцу, и теперь не совсем щастливому.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, 2 мая 1830 г.

(3 мая 1830 года). Мы ездили смотреть Семенову. Эта пьеса Коцебу *(«Ненависть к людям и раскаяние»)* меня замучила своей длинно-той и нелепостями; в собрании было только 600 человек, и зала была довольно пуста. В числе интересных знакомых была Гончарова с Пушкиным. Судя по его физиономии, можно подумать, что он досадует на то, что ему не отказали, как он предполагал. Уверяют, что они уже помолвлены, но никто не знает, от кого это известно; утверждают кроме того, что Гончарова-мать сильно противилась свадьбе своей дочери, но что молодая девушка ее склонила. Она кажется очень увлеченной своим женихом, а он с виду так же холоден, как и прежде, хотя разыгрывает из себя сантиментального.

Н. П. ОЗЕРОВА—С. Л. Энгельгардт, из Москвы. *П—н и его совр-ки*, XXXVII, 153 *(фр.)*.

Николай Афанасьевич и Наталья Ивановна Гончаровы имеют честь объявить о помолвке дочери своей Наталии Николаевны с Александром Сергеевичем Пушкиным, сего мая 6 дня 1830 года.

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ НА ПОМОЛВКУ ПУШКИНА. *Девятнадцатый Век*, кн. I, 383.

С лекции к Пушкину, долгий и очень занимательный разговор об русской истории. — «Как рву я на себе волосы часто, — говорит он, — что у меня нет классического образования, есть мысли, но на чем их поставить».

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 10 мая 1830 г. *П—н и его совр-ки*, XXIII—XXIV, 107.

Участь моя решена. Я женюсь... Та, которую любил я целых два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством, — боже мой, она почти моя.

Ожидание решительного ответа было самым болезненным чувством жизни моей. Ожидание последней замешкавшейся карты, угрызение совести, сон перед поединком — все это в сравнении с ним ничего не значит. Дело в том, что я боялся не одного отказа. Один из моих приятелей говорил: не понимаю, каким образом можно свататься, если знаешь наверное, что не будет отказа.

Жениться! Легко сказать!.. Я женюсь, т. е. я жертвую независимостью, моей беспечной, прихотливой независимостью, моими роскошными привычками, странствованиями без цели, уединением, непостоянством. Итак, я удвоиваю жизнь и без того неполную, стану думать: мы. Я никогда не хлопотал о щастии: я мог обойтись без него. Теперь мне нужно его на двоих, а где мне взять его?

Пока я не женат, что значат мои обязанности? Есть у меня больной дядя, которого почти никогда не вижу. Заеду к нему — он очень рад; нет — так он извинит меня: «повеса мой молод, ему не до меня». Утром встаю, когда хочу, принимаю, кого хочу; вздумаю гулять — мне седлают мою умную, славную Женни; еду переулками, смотрю в окна низеньких домов... Приеду домой, разбираю книги, бумаги, привожу в порядок мой туалетный столик; одеваюсь небрежно, если еду в гости; со всевозможною старательностью, если обедаю в ресторации, где читаю или новый роман, или журналы. Если же Вальтер-Скотт и Купер ничего не написали, а в газетах нет какого-нибудь уголовного процесса — то требую бутылку шампанского во льду, смотрю, как рюмка стынет от холода, пью медленно, радуясь, что обед стоит мне семнадцать рублей, и что могу позволить себе эту шалость. Еду в театр, — отыскиваю в какой-нибудь ложе замечательный убор, черные глаза; между нами начинается сношение — я занят до самого разъезда. Вечер провожу или в мужском обществе, где теснится весь город, где я вижу всех и все и где меня никто не замечает, или в любезном избранном кругу, где я говорю про себя и где меня слушают. Возвращаюсь поздно — засыпаю, читая хорошую книгу. Вот моя холостая жизнь.

Но если мне откажут, думал я, поеду в чужие края — и уже воображал себя на пироскафе *(пароходе)*. Морской, свежий воздух веет мне в лицо; я долго смотрю на убегающий берег. Подле меня молодую женщину начинает тошнить: это придает ее бледному лицу выражение томной нежности. Она просит у меня воды. Слава богу, до Кронштадта есть для меня занятие.

В эту минуту подали мне записочку, ответ на мое письмо. Отец невесты моей ласково звал меня к себе... Нет сомнения, предложение мое принято. Наденька — мой ангел — она моя!.. Все печальные сомнения исчезли перед этой райской мыслью. Бросаюсь в карету, скачу — вот их дом — вхожу в переднюю, — уже по торопливому приему слуг вижу, что я жених. Я смутился: эти люди знают мое сердце! Говорят о моей любви на своем холопском языке!.. Отец и мать сидели в гостиной. Первый встретил меня с отверстыми объятиями. Он вынул из кармана платок. Он хотел быть тронутым, заплакать — но не мог и решился высморкаться. У матери глаза были красны. Позвали Наденьку — она вышла бледная, неловкая. Отец вышел и вынес образ Николая чудотворца и Казанской Богоматери. Нас благословили. Наденька подала мне холодную, безответную руку. Мать заговорила о приданом, отец о саратовской деревне — и я жених.

Молодые люди начинают со мною чиниться, уважают во мне уже не приятеля; обхождение молодых девиц сделалось проще. Дамы в глаза хвалят мой выбор, а заочно жалеют о бедной моей невесте. — «Бедная! Она так молода, так невинна, а он такой ветренный, безнравственный». Признаюсь, это начинает мне надоедать.

ПУШКИН. «С французского» 12—13 мая 1830 г.[1].

14 мая 1830 г. Прочитал два действия *(трагедии Погодина «Марфа-Посадница»)*. Пушкин заплакал: «Я не плакал с тех пор, как сам сочиняю, мои сцены народные ничто перед вашими. Как бы напечатать ее», и целовал, и жал мне руку. Да не слишком ли он воображает сам здесь, как алхимик?

М. П. ПОГОДИН. Дневник. *П—н и его совр-ки*, XXIII—XXIV, 107.

Присоединяю к моему посланию письмо нашего пресловутого Пушкина[2]. Эти строки великолепно его характеризуют во всем его легкомыслии, во всей его беззаботной ветренности. К несчастью, это человек,

---

[1] Набросок озаглавлен «*С французского*», но носит столь явно и столь признанно-автобиографический характер, что мы сочли возможным в данном случае нарушить наше правило — не пользоваться для этой книги художественными произведениями Пушкина.

[2] Благодарственное письмо Пушкина к Бенкендорфу от 7 мая 1830 г., см. *М. Цявловский. Письма Пушкина и к Пушкину*. М. 1925.

не думающий ни о чем, но готовый на все. Лишь минутное настроение руководит им в его действиях.

М. Я. фон-ФОК — генералу А. Х. Бенкендорфу, 13 мая 1830 г. *Б. Модзалевский*, 53.

Что касается моего брака, то ваши размышления о нем были бы вполне справедливы, если бы обо мне судили менее поэтически. На самом деле я просто добрый малый, который желает только растолстеть и быть счастливым. Первое легче второго.

С вашей стороны очень любезно, что вы принимаете участие в моем положении по отношению к хозяину *(царю)*. Но какое же место, по вашему, я могу занять при нем? Я, по крайней мере, не вижу ни одного, которое могло бы мне подойти. У меня отвращение к делам и бумагам. Быть камер-юнкером в моем возрасте уже поздно. Да и что бы я стал делать при дворе? Ни мои средства, ни мои занятия не позволяют мне этого.

Родным моей будущей жены очень мало дела как до нее, так и до меня. Я от всего сердца плачу им тем же. Такие отношения очень приятны, и я их никогда не изменю.

ПУШКИН—Е. М. Хитрово, 19—24 мая 1830 г., из Москвы. *Письма Пушкина к Хитрово, 8 (фр.).*

Разве Пушкин, женившись, приедет сюда *(в Петербург)* и думает здесь жить? Не желаю. Ему здесь нельзя будет за всеми тянуться, а я уверен, что в любви его к жене будет много тщеславия. Женившись, ехать бы ему в чужие края, разумеется, с женою, и я уверен, что в таком случае разрешили бы ему границу.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — жене, 30 мая 1830 г. *Литер. Наследство*, т. 16—18, стр. 806.

Пушкин недавно возвратился из деревни кн. Вяземского... Он очень жалеет, что женитьба отдаляет его от литературных занятий и мешает поприлежнее приняться за издаваемую Дельвигом и Сомовым газету.

М. П. РОЗБЕРГ—В. Г. Теплякову, 8 июня 1830 г., из Москвы. *Истор. Вестн.* 1887, июль, стр. 19.

В 1826—1830 годах Пушкин проигрывал в Москве значительные суммы, преимущественно профессиональным игрокам: Догановскому и Жемчужникову, надавал векселей.

П. А. ЕФРЕМОВ. *Соч. Пушкина,* т. VII, 1903, стр. 348.

В 1830 г. Пушкин, кажется, проигрался в Москве, и ему понадобились деньги. Он обратился ко мне, но у меня их не было, и я обещался ему перехватить у кого-нибудь из знакомых, начиная с Надеждина, который собирался тогда издавать «Телескоп».

М. П. ПОГОДИН. *Утро, литературный и политический сборник, издаваемый М. Погодиным.* М. 1868, стр. 435.

Собрал мозаические деньги Пушкину и набрал около 2.000 руб. — С торжеством послал.

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 8 июня 1830 г. *П—н и его совр-ки,* XXIII—XXIV, 107.

Как ищу я денег Пушкину: как собака!

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 13 июня 1830 г. *П—н и его совр-ки,* XXIII—XXIV, 108.

Пушкин говорил М. А. Максимовичу, что князю Юсупову хотелось от него стихов, и затем только он угощал его в своем Архангельском. — «Но ведь вы его изобразили пустым человеком!» — «Ничего! Не догадается!» Пушкин смеялся над Полевым, который в известном послании «К вельможе» видел низкопоклонство.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.,* 1887, III, 454.

По записи С. Л. Пушкина, совершенной 27 июня 1830 г., в С.-Петербурге, дал он сыну своему, дворянину кол. секр. Ал. Сер. Пушкину, из собственного своего недвижимого имущества, состоящего Нижегородской губернии, Сергачского уезда, в сельце Кистеневе — всего 474 души

муж. п., — из свободных (за залогом 200 душ) 274 душ в вечное и потомственное владение 200 душ муж. п. с женами и детьми.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. Архив Опеки над детьми и имущ. Пушкина. *П—н и его совр-ки*, XIII, 99.

Сестра сообщает мне любопытную новость, — свадьбу Пушкина на Гончаровой, первостатейной московской красавице. Желаю ему быть счастливому, но не знаю, возможно ли надеяться этого с его нравами и с его образом мыслей. Если *круговая порука* есть в порядке вещей, то сколько ему бедному носить рогов, — это тем вероятнее, что первым его делом будет развратить жену. — Желаю, чтоб я во всем ошибся.

Ал. Н. ВУЛЬФ. Дневник, 28 июня 1830 г. *П—н и его совр-ки*, XXI—XXII, 124.

Мне рассказали анекдот о поэте Пушкине. Кто-то, увидав его после долгого отсутствия, спрашивает его: «что это, дорогой мой, мне говорят, что вы женитесь?» — «Конечно, — ответил тот. — И не думайте, что это будет последняя глупость, которую я совершу в своей жизни». Каков молодец! Приятно это должно быть для невесты. Охота идти за него!

А. Я. БУЛГАКОВ—К. Я. Булгакову, из Москвы, 2 июля 1830 г., *Рус. Арх.*, 1901, III, 482 *(фр.-рус.)*.

«Мадонна», по общему отзыву, относится к Наталье Николаевне, жене поэта.

П. В. НАЩОКИН по записи Бартенева. *Рассказы о П—не*, 29.

Напускной цинизм Пушкина доходил до того, что он хвалился тем, что стихи, им посвященные Н. Н. Гончаровой *(«Мадонна»)*, были сочинены им для другой женщины.

Кн. Пав. П. ВЯЗЕМСКИЙ. *Собр. соч.*, 521.

Гончаровы жили на углу Скарятинского переулка и Большой Никитской.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх., 1882*, I, 232.

Будучи женихом, из дома невесты своей на Б. Никитской Пушкин глядел на гробовую лавку (помещавшуюся в доме ныне кн. А. А. Щербатова) и написал свою повесть «Гробовщик».

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1870, стр. 1388

* Знаменитый поэт Пушкин, вернувшийся осенью прошлого года с Кавказа, был в Москве в этом месяце и останавливался тоже *(как сама Каталани)* в «Англии». Мне очень хотелось с ним познакомиться, и я не знала, как это сделать, пока меня не выручил Кокошкин. Поэт был очень мил и наговорил мне много комплиментов. Говорят, что он очень увлечен Гончаровой и женится на ней.

АНДЖЕЛИКА КАТАЛАНИ (знаменитая итальянская певица)—Элеоноре Боме, 15 июля 1830 г., из Москвы. (Из одесской коллекции Ремондини). *Наша Старина*, 1915, № 6, стр. 542.

В сельце Захарове *(где в детстве проводил лето Пушкин)* до сих пор живет женщина Марья, дочь знаменитой няни Пушкина, выданная за здешнего крестьянина. Эта Марья рассказывает между прочим об одном замечательном обстоятельстве: перед женитьбой Пушкин приехал в деревню (которая была уже перепродана) на тройке, быстро обежал всю местность и, кончив, заметил Марье, что все теперь здесь идет не по прежнему. Ему, может быть, хотелось возобновить перед решительным делом жизни впечатления детства... Деревня эта не имеет церкви, и жители ходят в село Вяземы, в двух верстах. Пушкин ездил сюда к обедне. Село Вяземы принадлежало Годунову; там доселе пруды, ему приписываемые; старая церковь тоже с воспоминаниями о Годунове; стало быть, Пушкин в детстве мог слышать о нем.

С. П. ШЕВЫРЕВ. Воспоминания о Пушкине. *Л. Майков, 324.*

Приезжал он ко мне *(в Захарово)* сам, перед тем, как вздумал жениться. Я, говорит, Марья, невесту сосватал, жениться хочу... И приехал это прямо не по большой дороге, а задами, другому бы оттуда не приехать: куда он поедет? — в воду на дно! А он знал... Уж оброс это волосками тут (показывая на щеки); вот в этой избе у меня сидел... Хлеб уж убрали, так это под осень, надо-быть, он приезжал-то... Я сижу, смо-

трю, — тройка! Я эдак... А он уже ко мне в избу-то и бежит... Чем, мол, вас, батюшка, угощать я стану? Сем, мол, яишенку сделаю! — Ну, сделай, Марья! Пока он пошел это по саду, я ему яишенку-то и сварила. Он пришел, покушал... Все наше решилося, говорит, Марья; все, говорит, поломали, все заросло! Побыл еще часика два, — прощай, говорит, Марья, приходи ко мне в Москву! А я, говорит, к тебе еще побываю. Сели и уехали.

МАРЬЯ ФЕДОРОВНА, крестьянка сельца Захарова. Н. Б. Сельцо Захарово. *Москвитянин*, 1851, № 9—10, 32.

Пушкин ускакал в Питер печатать «Годунова». Свадьба его будет в сентябре.

Н. М. ЯЗЫКОВ—А. М. Языкову, 23 июня 1830 г., из Москвы. *Истор. Вестн.*, 1883 г., дек., стр. 530.

Секретно. Квартировавший в гостинице «Англия» чиновник 10 класса Александр Сергеев Пушкин, за коим был учрежден секретный полицейский надзор, сего июля 16 числа выехал в С.-Петербург. Во время же проживания его здесь ничего предосудительного замечено не было.

Полицмейстер МИЛЛЕР в рапорте и. д. моск. обер-полицмейстера, 18 июля 1830 г. *Красн. Арх.*, т. 37, стр. 241.

Александр Сергеевич приехал третьего дня. Говорят, он влюблен больше, чем когда-нибудь. Тем не менее он почти не говорит о ней. Вчера он цитировал фразу, — кажется мне, г-жи де Виллуа, которая говорила своему сыну: «о себе говори только с царем, а о своей жене ни с кем, потому что всегда рискуешь говорить о ней с кем-нибудь, кто знает ее лучше, чем ты...» Свадьба будет в сентябре.

Баронесса С. М. ДЕЛЬВИГ (жена А. А. Дельвига)—А. П. Керн, 21 (?) июля 1830 г., из Петербурга. *П—н и его совр-ки*, V, 150 *(фр.)*.

В этот приезд Пушкин казался совсем другим человеком: он был серьезен, важен, как следовало человеку с душою, принимавшему на себя обязанность счастливить другое существо.

А. П. КЕРН. Письмо к П. В. Анненкову. *П—н и его совр-ки*, V, 150.

Петербург мне кажется уже довольно скучным, и я рассчитываю сократить мое пребывание здесь, насколько могу.

ПУШКИН—Н. Н. Гончаровой (невесте) 20 июля 1830 г.

Он в восторге от своей Натали, — он говорит с ней, как о божестве. Он рассчитывает приехать с нею в Петербург в октябре месяце. Представь себе, он сделал этим летом сантиментальную поездку в Захарово, совсем один, — единственно для того, чтобы увидеть места, где он провел несколько лет своего детства.

Н. О. ПУШКИНА (мать поэта)—О. С. Павлищевой, 22 июля 1830 г., из Петербурга. *Пушкин. Письма. Гос. Изд.* Т. II, 447 *(фр.)*.

Я мало езжу в свет. Вас там ожидают с нетерпением. Прекрасные дамы спрашивают у меня ваш портрет и не прощают мне того, что у меня его нет. Я утешаю себя, проводя целые часы перед белокурой мадонной, похожей на вас как две капли воды; я купил бы ее, если бы она не стоила 40.000 рублей.

ПУШКИН—Н. Н. Гончаровой, 30 июля 1830 г., из Петербурга.

К стыду своему сознаюсь, что я веселюсь в Петербурге, и не знаю, когда и как возвращусь.

ПУШКИН—кн. В. Ф. Вяземской, 4 авг. 1830 г.

Лето 1830 г. Дельвиги жили на берегу Невы, у самого Крестовского перевоза. У них было постоянно много посетителей. Французская июльская революция тогда всех занимала, а так как о ней ничего не печатали, то единственным средством узнать что-либо было посещение знати. Пушкин, большой охотник до этих посещений, но постоянно от них удерживаемый Дельвигом, которого он во многом слушался, получил по вышеозначенной причине дозволение посещать знать хотя ежедневно и привозить вести о ходе дел в Париже. Нечего и говорить, что Пушкин пользовался этим дозволением и был постоянно весел, как говорят, в своей тарелке. Посетивши те дома, где могли знать о ходе означенных дел, он почти каждый день бывал у Дельвигов, у которых проводил по нескольку

часов. Пушкин был в это время уже женихом. Общество Дельвига было оживлено в это лето приездом Льва Пушкина, — офицера Нижегородского драгунского полка, — проводившего почти все время у Дельвигов. Время проводили тогда очень весело. Слушали великолепную роговую музыку Дм. Льв. Нарышкина, игравшую на реке против самой дачи, занимаемой Дельвигами.

Чтение, музыка и рассказы Дельвига, а когда не бывало посторонних, — и Пушкина, занимали нас днем. Вечером, на заре, закидывали невод, а позже ходили гулять по Крестовскому острову. Прогулки эти были тихие и спокойные. Раз только вздумалось Пушкину, Дельвигу, Яковлеву и нескольким другим их сверстникам по летам показать младшему поколению, т. е. мне 17-летнему и брату моему Александру 20-летнему, как они вели себя в наши годы, и до какой степени молодежь сделалась вялою сравнительно с прежней.

Была уже темная августовская ночь. Мы все зашли в трактир на Крестовском острове; с нами была и жена Дельвига. На террасе трактира сидел какой-то господин совершенно одиноким. Вдруг Дельвигу вздумалось, что это сидит шпион, и что его надо прогнать. Когда на это требование не поддались ни брат, ни я, Дельвиг сам пошел заглядывать на тихо сидевшего господина то с правой, то с левой стороны, возвращался к нам с остротами насчет того же господина и снова отправлялся к нему. Брат и я всячески упрашивали Дельвига перестать этот маневр. Что, ежели этот господин даст пощечину? Но наши благоразумные уговоры ни к чему не повели. Дельвиг довел сидевшего на террасе господина своим приставаньем до того, что последний ушел. Если бы Дельвиг послушался нас, то, конечно, Пушкин или кто-либо другой из бывших с нами их сверстников по возрасту заменили бы его. Тем страннее покажется эта сцена, что она происходила в присутствии жены Дельвига, которую надо было беречь, тем более, что она кормила своею грудью трехмесячную дочь. Прогнав неизвестного господина с террасы трактира, мы пошли гурьбою по дорожкам Крестовского острова, и некоторые из гурьбы приставали разными способами к проходящим мужчинам, а когда брат Александр и я старались их остановить, Пушкин и Дельвиг нам рассказывали о прогулках, которые они по выпуске из лицея совершали по петербургским улицам, и об их разных при этом проказах, и глумились над нами, юношами, не только ни к кому не придирающимися, но даже останавливающими других, которые десятью и более годами нас старее. Я решительно удостоверяю, что они не были пьяны, а просто захотелось им встряхнуть старинкою и показать ее нам, молодому поколению, как бы в укор нашему более серьезному и обдуманному поведению.

Я упомянул об этой прогулке собственно для того, чтобы дать понять о перемене, обнаружившейся в молодых людях в истекшие 10 лет.

Бар. А. И. ДЕЛЬВИГ. *Мои воспоминания,* I, 107—108.

Несмотря на то, что Куницкий только-что вышел в свет из-под отеческого крова, он очень степенен и рассудителен. Другие называют это недостатком, как напр. Пушкин, и хотят в молодости находить и буйность. Но... ноиче уже время буйства молодежи прошло... Даже и гусары (название, прежде однозначащее с буяном) не пьянствуют и не бушуют. Не рассудив этого, многие, так прожившие молодость свою, удивляются, что нынешнее поколение не проводит своего времени в трактирах и борделях и называют его упадшим.

Ал. Н. ВУЛЬФ. Дневник. *П—н и его совр-ки.* XXI—XXII, 133.

Известно, что Пушкин очень любил карточную игру и особенно щения, ею доставляемые, так что по временам довольно сильно преда ся этой страсти. Однажды, если не ошибаюсь, в 1833 г. летом, когда жил на Черной речке *(Мат. П. В. Анненкова, стр. 359),* на одной из соседних дач вечером собралось довольно большое общество, и в том числе Пушкин. Все гости были охотники до карт, а потому они вскоре расположились вокруг зеленого стола, и один из них начал метать банк. Все игроки совершенно погрузились в свои ставки и расчеты, так что внимание их ничем нельзя было отвлечь от стола, на котором решалась участь многочисленных понтеров. В это время в калитку палисадника, в который выходили открытые окна и балконные двери дачи, вошел молодой человек очень высокого роста, закутанный в широкий плащ. Увидя играющую компанию, он незаметно для занятых своим делом игроков, не снимая ни шляпы, ни плаща, вошел в комнату и остановился за спиною одного из понтеров. Молодой человек этот был кн. С. Г. Голицын, хороший приятель Пушкина и прочих лиц, бывших в комнате. В то время он был в числе многочисленных почитателей девицы Росетти, принадлежавшей к лучшим украшениям петербургского общества по замечательной красоте, пленительной любезности и светлому уму. Должно заметить, что дня за два до описываемого вечера Голицын находился в том же обществе, которое сошлось теперь на даче Черной речки, выиграл около тысячи рублей, именно у банкомета, державшего теперь банк, и что вы-

игрыш этот остался за ним в долгу. Голицын, подошедший к столу, простоял несколько минут все-таки никем не замеченный, и, наконец, взявши со стола какую-то карту, бросил ее и закричал «ва-банк»! Все подняли глаза и увидели со смехом и изумлением неожиданного гостя в его странном костюме. Начались приветствия, но банкомет, озадаченный ставкою Голицына, встал и, отведя его немного в сторону, спросил: «да ты на какие деньги играешь? на *эти* или на *те?*» Под «этими» он разумел ставку нынешнего вечера, а под «теми» свой долг. Голицын ответил ему: «это все равно: и на *эти,* и на *те, те, те*». Игра продолжалась, но Пушкин слышал ответ Голицына; *те, те, те* его очень забавляло, и он шутя написал стихи:

Полюбуйтесь же вы, дети,
Как в сердечной простоте
Длинный Фирс[1] играет в *эти.*
Те, те, те, и *те, те, те,*
Черноокая Россети
В самовластной красоте
Все сердца пленила *эти,*
Те, те, те и *те, те, те,*
О, какие же здесь сети
Рок нам стелет в темноте:
Рифмы, деньги, дамы *эти,*
Те, те, те и *те, те, те,*

Рассказанный здесь анекдот и стихи Пушкина сообщены нам самим Голицыным, кому они были адресованы[2].

М. Н. ЛОНГИНОВ. Анекдот о Пушкине. *Библиографические записки,* 1858, I, 494—496.

---

[1] Прозвище кн. С. Г. Голицына.

[2] Все редакторы сочинений Пушкина, — Ефремов, Морозов, Венгеров, Брюсов и др.,—согласно показанию Лонгинова, относят данное стихотворение и вызвавший его эпизод к 1833 г. Положительно непонятно то доверие, которое они оказывают лонгиновской датировке. Да, Лонгинов говорит, — в 1833 году, но оговаривается: «если не ошибаюсь»; сообщает, что Пушкин в то время жил на Черной речке, но ссылается при этом на «Материалы» Анненкова, а не на показания кн. Голицына. Со слов же Голицына сообщает, что он в то время был почитателем *девицы* Россети, Пушкин в стихах своих тоже говорит о Россети. В 1833 же году девица Россет давно уже была г-жею Смирновой. Лонгинов в 50-х годах, когда Смирнова была еще жива, и даже называть ее можно было только под инициалами, конечно, не мог знать, когда именно Смирнова вышла замуж. Но ведь мы теперь это знаем. Больше того. Мы знаем, что осенью 1832 г. Смирнова перенесла очень тяжелые роды,— по словам Вяземского, «делали ей несколько операций и, наконец, должны были раздавить в ней голову ребенка и вытащить его мертвого». Тяжело больную Смирнову после этого увезли для

Я ехал с Вяземским из Петербурга в Москву. Дельвиг хотел проводить меня до Царского села. 10 августа (1830) по утру мы вышли из города. Вяземский должен был нас нагнать на дороге. Дельвиг обыкновенно просыпался очень поздно. В этот день встал он в восьмом часу, и у него с непривычки кружилась и болела голова. Мы принуждены были зайти в низенький трактир. Дельвиг позавтракал. Мы пошли далее. Ему стало легче; головная боль прошла. Он стал весел и говорлив.

ПУШКИН. *О Дельвиге. 1831 г.*

10 авг. 1830 г. Выехали мы из Петербурга с Пушкиным в дилижансе. Обедали в Царском Селе у Жуковского. В Твери виделись с Глинкою. 14-го числа утром приехали в Москву.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полное собрание соч.*, IX, 137.

Пушкин вовсе не был лакомка. Он даже, думаю, не ценил и нехорошо постигал тайн поваренного искусства, но на иные вещи был он ужасный прожора. Помню, как в дороге съел он почти одним духом двадцать персиков, купленных в Торжке. Моченым яблокам также доставалось от него нередко.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Соч.*, VIII, 372.

Пушкин в городе живет у меня, и, если вы будете ему писать, то вот мой адрес: *(Москва)* в доме князя Вяземского, в Чернышевском переулке.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—Е. М. Хитрово, 2 сент. 1830 г., *Рус. Арх., 1899*, II, 86.

Князь Вл. Голицын.

Никитушка! скажи, где Пушкин Царь-поэт?

лечения за границу, откуда она воротилась только ок осени 1833 г. Все это вместе делает совершенно невероятным, чтобы Пушкин летом 1833 г. мог писать: «черноокая Россети в самовластной красоте все сердца пленяет»... Ясно, стихотворение написано до ее замужества. Но когда именно? Лето 1828 г. Россет жила в Ревеле, и навряд ли Пушкин в то время был с нею знаком. Лето 1829 года Пушкин провел на Кавказе. Лето 1831 г. провел с молодою женою в Царском, в 1832 г. Россет была уже г-жею Смирновой. Ясно, — описанный случай мог произойти только за время пребывания Пушкина в Петербурге летом 1830 г., когда он писал кн. Вяземской, что «веселится в Петербурге», и когда часто бывал он на островах у Дельвига.

Никита.

Давным давно, сударь, его уж дома нет,
Не усидит никак приятель ваш на месте.
То к дяде на поклон, то полетит к невесте.

Князь Влад. Г.

А скоро-ль женится твой мудрый господин?

Никита.

Осталось месяц лишь гулять ему один.

Вот мой разговор с вашим камердинером.

Кн. В. С. ГОЛИЦЫН—Пушкину, летом 1830 г. Москва. *Переп. Пушкина,* II, 205.

Бедный Василий Львович Пушкин скончался 20 августа (1830). Накануне был уже он совсем изнемогающий, но, увидя Александра, племянника, сказал ему: «как скучен Катенин!» Перед этим читал он его в «Литературной Газете». Пушкин говорит, что он при этих словах и вышел из комнаты, чтобы дать дяде умереть исторически. Пушкин был, однако же, очень тронут всем этим зрелищем и во все время вел себя, как нельзя приличнее.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. собр. соч.,* IX, 139.

Нам передавали современники, что, услышав эти слова от умиравшего Василия Львовича, Пушкин направился на цыпочках к двери и шепнул собравшимся родным и друзьям его: «Господа, выдемте; пусть это будут последние его слова».

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.,* 1870, стр. 1369.

Бедный дядя-Василий! Знаешь ли его последние слова? Приезжаю к нему, нахожу его в забытьи, очнувшись, он узнал меня, погоревал, потом, помолчав: «как скучны статьи Катенина!» и более ни слова. Каково? Вот что значит умереть честным воином, на щите, с боевым кликом на устах!

ПУШКИН — П. А. Плетневу, 9 сентября 1830 г.

И. И. Дмитриев, подозревая причиною кончины Вас. Львовича холеру, не входил в ту комнату, где отпевали покойника. Ал. Серг. Пуш-

кин уверял, что холера не имеет прилипчивости и, отнесясь ко мне, спросил: «да не боитесь ли и вы холеры?» Я ответил, что боялся бы, но этой болезни еще не понимаю. — «Не мудрено, вы служите подле медиков. Знаете ли, что даже и медики не скоро поймут холеру. Тут все лекарство один courage, courage и больше ничего». Я указал ему на словесное мнение Ф. А. Гильтебранта, который почти то же говорил. — «О, да! Гильтебрантов немного», — заметил Пушкин.

М. Н. МАКАРОВ. Пушкин в детстве. *Современник.* 1843, т. XXIX, 384.

На похоронах у Вас. Львовича Пушкина с Языковым и потом в карете с Данзасом в Донской монастырь. С Пушкиным на могиле Сумарокова.

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 23 августа 1830 г. *П—н и его совр-ки,* XXIII—XXIV, 108.

В августе 1830 г. Пушкин приехал в Остафьево к князю Вяземскому и не успел еще расплатиться, как домовый слуга стал гнать ямщика от большого подъезда. Пушкин крикнул: «Оставь его! Оставь его!».

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.,* 1911, II, 553.

Я отправляюсь в Нижний, без уверенности в своей судьбе. Если ваша мать решилась расторгнуть нашу свадьбу, и вы согласны повиноваться ей, я подпишусь подо всеми мотивами, какие ей будет угодно привести своему решению, даже и в том случае, если они будут настолько основательны, как сцена, сделанная ею мне вчера, и оскорбления, которыми ей угодно было осыпать меня. Может быть, она права и я был неправ, думая одну минуту, что я был создан для счастья. Во всяком случае, вы совершенно свободны; что же до меня, то я даю вам честное слово принадлежать только вам, или никогда не жениться.

ПУШКИН — Н. Н. Гончаровой, конец августа 1830 г. Москва *(фр.).*

Я уезжаю, рассорившись с г-жей Гончаровой. На другой день после бала она сделала мне самую смешную сцену, какую только можно себе представить. Она мне наговорила вещей, которых я, по совести, не мог

равнодушно слушать. Я еще не знаю, расстроилась ли моя свадьба, но повод к этому налицо, и я оставляю двери широко открытыми... Эх, проклятая штука — счастье!

ПУШКИН — кн. В. Ф. Вяземской, конец авг. 1830 г., Москва *(фр.)*.

Сейчас еду в Нижний, т.-е. в Лукьянов, в село Болдино. Милый мой, расскажу тебе все, что у меня на душе: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха 30-летнего хуже 30-ти лет жизни игрока. Дела будущей тещи моей расстроены. Свадьба моя отлагается день ото дня далее. Между тем я хладею, думаю о заботах женатого человека, о прелести холостой жизни. К тому же московские сплетни доходят до ушей невесты и ее матери — отселе размолвки, колкие обиняки, ненадежные примирения, — словом, если я и не нещастлив, по крайней мере не щастлив. Осень подходит. Это любимое мое время — здоровье мое обыкновенно крепнет — пора моих литературных трудов настает, — а я должен хлопотать о приданом, да о свадьбе, которую сыграем бог весть когда. Все это не очень утешно. Еду в деревню. Бог весть, буду ли там иметь время заниматься, и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь, кроме эпиграмм на Каченовского. Так-то, душа моя. От добра добра не ищут. Чорт меня догадал бредить о щастии, как-будто я для него создан. Должно было мне довольствоваться независимостью.

ПУШКИН — П. А. Плетневу, 31 авг. 1830 г., Москва.

Перед моим отъездом Вяземский показал мне письмо, только что им полученное: ему писали о холере, уже перелетевшей из Астраханской в Саратовскую губернию. По всему видно было, что она не минует и Нижегородской (о Москве мы еще не беспокоились). Я поехал с равнодушием, коим был обязан пребыванию моему между азиатцами. Приятели, у коих дела были в порядке (или в привычном беспорядке, что совершенно одно), упрекали меня за то и важно говорили, что легкомысленное бесчувствие не есть еще истинное мужество. На дороге встретил я Макарьевскую ярмарку, прогнанную холерой. Воротиться в Москву казалось мне малодушием; я поехал далее, как, может быть, случалось вам ехать на поединок, с досадой и большой неохотой.

ПУШКИН. Заметка о холере. 1831 г.

Если бы я не был в дурном расположении, едучи в деревню, я вернулся бы в Москву со второй станции, где я уже узнал, что холера опустошает Нижний. Но тогда я и не думал поворачивать назад, и главным образом я тогда готов был радоваться чуме.

ПУШКИН—Н. Н. Гончаровой 26 ноября 1830 г.

Село Большое или Базарное Болдино, при речке Азане или Сазанке, находится на северной полосе Лукояновского уезда, в юго-восточном углу Нижегородской губернии. Оно расположено на пригорке, с пологим скатом по направлению к соседнему селу Ларионову. Избы, как и в большинстве селений этой полосы, крыты соломой, и самое село, благодаря этому, имеет вид бедной глухой деревушки. На горе, среди села, широкая площадь, на которой живописно выделяется помещичья усадьба, вся в зелени, обнесенная красивою оградою; рядом с усадьбой высится церковь. Против усадьбы — волостное правление, а за ним, замыкая площадь, тянутся крестьянские избы. Верхнюю часть села можно считать старейшим жилищным пунктом Болдина вместе с примыкающими к ней по склону базарною площадью и улицей. Вокруг Болдина местность степная, безлесная, встречаются лишь небольшие рощицы из дубняка и осинника. В прежнее время на месте нынешней усадебной ограды близ церкви лепились крестьянские избы, снесенные уже в конце тридцатых или сороковых годов. — Старый барский дом, в котором жил Пушкин, по показанию старожилов, находился на том же месте, где и теперь стоит господская усадьба (стр. 4)... Это был небольшой одноэтажный дом, с деревянною крышей, с черным двором и службами, обнесенный мелким дубовым частоколом. Кругом дома был пустырь: ни цветников, ни сада: невдалеке от дома находился только небольшой пруд, известный ныне под названием «Пильники», да виднелись два-три деревца, из которых теперь сохранилось разве одно — огромный, могучий, многолетний вяз. За оградою усадьбы, невдалеке (на месте нынешних пожарных сараев), стояла вотчинная контора; против нее на площади высилась церковь... Из окон дома открывался унылый вид на крестьянские соломенные избы (13)... Все население села Болдина — русское, православного вероисповедания; занимались хлебопашеством. Почва здесь черноземная и отчасти суглинок (8). Кроме хлебопашества, жители Болдина занимались приготовлением черного поташа из золы сорных трав и соломы (до 20 домов). Главный промысел болдинских крестьян был санный. Зимой почти все село работало крестьянские сани (9).

Во владении С. Л. Пушкина в Нижегородской губернии к 1830 г. со-

стояло: сельцо Кистенево, где было 476 душ, и половина села Болдина в 564 души; другая половина Болдина находилась во владении брата его, Василия Львовича (11).

Сельцо Кистенево (Темяшево тож), соседнее с Болдиным, в пограничном Сергачском уезде, при р. Чеке, впадающей в Пьяну, расположено улицами, которые носили особые названия: Самодуровка, Кривулица, Стрелецкая и Бунтовка. Уже наружный вид жилых построек ясно говорил постороннему взору, что кистеневские крестьяне жили в большой нужде, черно и грязно, только ¼ крестьянских домов были покрыты тесом на два ската и топились «по-белому», а остальные ¾ представляли из себя подслеповатые курные избенки, крытые соломой... В 30-х гг. (по 8 ревизии) здесь жило 523 мужчины и 538 женского пола крестьян. В «Списке населенных мест» Кистенево показано, как часть прихода с. Болдина. Вероятно, оно было выселено сюда «по господскому веленню» за самодурство и бунты; не даром улицы Кистенева получили столь характерные наименования, как Самодуровка и Бунтовка (9)... Все население Кистенева, как и в Болдине, было русское, православное; кроме хлебопашества, крестьяне были заняты выделкою рогож. Весною значительная часть уходила на Волгу в бурлáки, в Оренбургские степи гуртовщиками и в Самарскую — жать пшеницу (9).

А. И. ЗВЕЗДИН. *О Болдинском имении А. С. Пушкина. Н.-Новгород,* 1912.

По «Экономическим примечаниям» *(относящимся к 1789 году)* «село Болдино — всего 243 двора, 1.336 муж., 1.385 женщ.; 4.538 десятин пашни, 544—покосу, 1.965—лесу строевого и дровяного, 162—под усадьбой, 72—неудобной. Расположено Болдино при речке Азанке, по течению на правой стороне. Господский дом деревянный, сада нет. На речке Азанке (на ее правом берегу расположена и деревня) — сажень ширины и четверть сажени глубины в жаркое время — запружен пруд и при нем состоит ручная *(?—речная?)* мельница о двух поставах, действие имеет во весь год, которая мелет для крестьянского обихода; в речке рыба: щуки, окуни, язи, плотва. Земля грунт имеет серо-глинистый, лучше родится рожь, овес, греча, горох и полба, а прочие семена средственны. Сенные покосы против других мест средственны. Лес строевой и дровяной: березовый, липовый, осиновый, ольховый и ивовый; в нем звери: волки, лисицы, зайцы, горностаи; птицы: тетерева, рябчики, скворцы, чижи, щеглы, соловьи».

П. Е. ШЕГОЛЕВ. *Пушкин и мужики.* Изд. «Федерация» М., 1928, стр. 63.

Едва успел я приехать, как узнаю, что около меня оцепляются деревни, учреждаются карантины. Народ ропщет, мятежи вспыхивают то там, то здесь нелепые. Я занялся моими делами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказочки и не ездя по соседям.

ПУШКИН. *Заметка о холере* (1831).

Моя дорогая, моя милая Наталья Николаевна, — я у ваших ног, чтобы благодарить и просить вас о прощении за беспокойство, которое я вам причинил. Ваше письмо прелестно и вполне меня успокоило. Мое пребывание здесь может продолжиться вследствие обстоятельства, совершенно непредвиденного. Я думал, что земля, которую мой отец дал мне, составляет особое имение; но она — часть деревни из 500 душ, и нужно приступить к разделу. Я постараюсь устроить все это как можно скорее. Еще больше я боюсь карантинов, которые начинают устанавливаться здесь. В окрестностях у нас Cholera morbus (очень миленькая персона). И она может удержать меня дней двадцать лишних.

ПУШКИН — Н. Н. Гончаровой, 9 сент. 1830 г. из Болдина.

Теперь мрачные мысли мои порассеялись; приехал я в деревню и отдыхаю. Около меня холера морбус. Ты не можешь вообразить, как весело удрать от невесты, да и засесть стихи писать. Жена не то, что невеста. Куда! Жена свой брат. При ней пиши, сколько хошь. А невеста пуще Цензора Щеглова язык и руки связывает... Сегодня от своей получил я премиленькое письмо: обещает выдти за меня и без приданого. Приданое не уйдет. Зовет меня в Москву — я приеду не прежде месяца... Ах, мой милый! что за прелесть здешняя деревня! вообрази: степь да степь; соседей ни души; езди верхом, сколько душе угодно, пиши дома, сколько вздумается, никто не помешает. Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы и стихов.

ПУШКИН—П. А. Плетневу, 9 сент. 1830 г. Болдино.

Г. Пушкин введен во владение *(крестьянами с-ца Кистенева)* через дворянского заседателя Григорьева 1830 г. Сентября 16 дня, в по-

лучении коих крестьян во владение и дана самым помещиком тому заседателю Григорьеву расписка.

ПОМЕТА СЕРГАЧСКОГО ЗЕМСКОГО СУДА на дарственной записи С. Л. Пушкина от 25 июня 1830 г. *П—н и его совр-ки*, XIII, 99.

Вот в чем было дело: теща моя отлагала свадьбу за приданым, а уж, конечно, не я. Я бесился. Теща начинала меня дурно принимать и заводить со мною глупые ссоры; и это бесило меня. Хандра схватила меня, и черные мысли мной овладели. Неужто я хотел или думал отказаться? Но я видел уж отказ, и утешался чем ни попало. Все, что ты говоришь о свете, справедливо; тем справедливее опасения мои, чтобы тетушки да бабушки, да сестрицы не стали кружить голову молодой жене моей пустяками. Она меня любит, но посмотри, Алеко Плетнев, как гуляет вольная луна etc. Баратынский говорит, что в женихах щастлив только дурак; а человек мыслящий беспокоен и волнуем будущим. Доселе он один я — а тут он будет мы. Шутка! От того-то я тещу и торопил; а она, как баба, у которой долог лишь волос, меня не понимала да хлопотала о приданом, чорт ее побери. Окончa дела мои, еду в Москву сквозь целую цепь карантинов. — Месяц буду в дороге по крайней мере. Месяц здесь я прожил, не видя ни души, не читая журналов; я бы хотел переслать тебе проповедь мою здешним мужикам о холере; ты бы со смеху умер, да не стоишь ты этого подарка.

ПУШКИН—П. А. Плетневу, 29 сент. 1830 г., из Болдина.

Дядя П. П. Григорьев любил передавать мне разговор Пушкина с тогдашней *(нижегородской)* губернаторшей Бутурлиной [1]. Это было в холерный год. — «Что же вы делали в деревне, А. С—ч? — спрашивала Бутурлина. — Скучали?» — «Некогда было, Анна Петровна. Я даже говорил проповеди». — «Проповеди?» — «Да, в церкви, с амвона, по случаю холеры. Увещевал их. — И холера послана вам, братцы, оттого,

[1] Мих. Петр. Бутурлин вступил в должность нижегородского губернатора только в 1831 году. В 1830 г. нижегородским губернатором был действ. статск. советник Ил. Мих. Бибиков (См. «*Памятную книжку Нижегородской губернии на 1865 год*». Изд. Нижегородского Губ. Статистич. Комитета. Нижний-Новгород. 1864).

что вы оброка не платите, пьянствуете. А если вы будете продолжать так же, то вас будут сечь. Аминь!».

П. Д. БОБОРЫКИН. За полвека. *Рус. Мысль*, 1906 г., № 2, стр. 24.

Вот я и совсем готов почти сесть в экипаж, хотя мои дела не кончены, и я совершенно пал духом. Мне объявили, что устроено пять карантинов отсюда до Москвы, и в каждом мне придется провести четырнадцать дней; сосчитайте хорошенько и притом представьте себе, в каком я должен быть сквернейшем настроении! К довершению благополучия, начался дождь, с тем, конечно, чтобы не перестать до самого санного пути... Будь проклят тот час, когда я решился оставить вас и пуститься в эту прелестную страну грязи, чумы и пожаров — мы только и видим это. Я бешусь. Наша свадьба, повидимому, все убегает от меня, и эта чума, с ее карантинами, — разве это не самая дрянная шутка, какую судьба могла придумать?

ПУШКИН—Н. Н. Гончаровой, 30 сент. 1830 г., Болдино.

Из расспросов болдинских старожилов об образе жизни Пушкина мы узнали немного. Один из них, столетний старик, Михей Иванович Сивохин, хорошо помнит, что курчавый барин, Александр Сергеевич, каждый день ездил верхом в соседние Казаринские кусты и в Кистеневскую рощу и записывал, «какие местам звания, какие леса, какие травы растут»; каждый день, по словам Сивохина, барину готовили кадушку теплой воды; это была импровизированная ванна.

А. И. ЗВЕЗДИН. *Действия Ниж. Губ. Уч. Арх. Комиссии*, IV, 62.

Курчавый, невысокого роста... Веселый барин, ласковый... Случалось мне ему один раз лошадь седлать. На карауле я был, да и зашел на барский двор. Слышу, кто-то зовет... Я думал, что конторщик, ан это сам барин из дому вышел. — «Эй, человек, пойди ко мне». — «Чего изволите, ваше благородие?» — «Пойдем со мной в конюшню, пособи лошадь седлать». Вывел я ему лошадь, он сел и говорит: «отвори, — говорит, — мне ворота, проводи со двора». Проводил я его, — он и поскакал трус-

цой в Казаринские кусты... Все туда ездил верхом; почесть каждый вечер, и всё один.

МИХЕЙ ИВ. СИВОХИН, 100-летний старик, болдинский крестьянин, в передаче А. И. Звездина. «*О болдинском имении А. С. Пушкина*». Н.-Новгород, 1912, стр. 4—5.

Когда Пушкин жил в деревне, Наталья Ивановна *(Гончарова, мать невесты)* не позволяла дочери самой писать к нему письма, а приказывала ей писать всякую глупость и между прочим делать ему наставления, чтобы он соблюдал посты, молился богу и пр. Наталья Николаевна плакала от этого.

Кн. Е. А. ДОЛГОРУКОВА по записи Бартенева. *Рассказы о Пушкине*, 63.

Имение, где Пушкин жил в Нижнем, находится в нескольких верстах от села Апраксина, принадлежавшего семейству Новосильцевых, которых поэт очень любил, в особенности хозяйку дома, милую и добрую старушку. Она его часто журила за его суеверие, которое доходило, действительно, до невероятной степени. Г-жа Новосильцева праздновала свои именины, и Пушкин обещал приехать к обеду, но его долго ждали напрасно и решились, наконец, сесть за стол без него. Подавали уже шампанское, когда он явился, подошел к имениннице и стал перед ней на колени: — «Наталья Алексеевна, — сказал он, — не сердитесь на меня: я выехал из дома и был уже недалеко отсюда, когда проклятый заяц пробежал поперек дороги. Ведь вы знаете, что я юродивый: вернулся домой, вышел из коляски, а потом сел в нее опять и приехал, чтобы вы меня выдрали за уши».

ТОЛЫЧЕВА (Е. В. НОВОСИЛЬЦЕВА). *Рус. Арх.*, 1877, II, 99.

Приехал в Апраксино Пушкин, сидел с барышнями, был скучен и чем-то недоволен. Разговор не клеился, он все отмалчивался, а мы болтали. Перед ним лежал мой альбом, говорили мы об «Евгении Онегине», Пушкин молча рисовал что-то на листочке. Я говорю ему: «зачем вы убили Ленского? Варя весь день вчера плакала!» Варваре Петровне тогда было лет шестнадцать, собой была недурна. — «Ну, а вы, Варвара Петровна, как бы кончили эту дуэль?» — «Я бы только ранила Ленского в руку или плечо, и тогда Ольга ходила бы за ним, перевязывала бы рану, и они друг друга еще больше бы полюбили». — «А знаете, где я его

убил? Вот где», — протянул он к ней свой рисунок и показал место у опушки леса. — «А вы как бы кончили дуэль?» — обратился Пушкин ко мне. — «Я ранила бы Онегина; Татьяна бы за ним ходила, и он оценил бы ее и полюбил ее». — «Ну, нет, он Татьяны не стоил», — ответил Пушкин.

А. П. НОВОСИЛЬЦЕВА по записи Н. Кр. *Курские Губ. Вед.*, 1899, № 29. Цит. по *«Разговоры Пушкина» изд. «Федерации»*, 1929, стр. 154.

Между тем начинаю думать о возвращении и беспокоиться о карантине. Вдруг получаю известие, что холера в Москве. Я попался в западню, как-то мне будет вырваться на волю. Страх меня пронял: в Москве!.. Я тотчас собрался в дорогу и поскакал. Проехав 20 верст, ямщик мой останавливается; застава! Несколько мужиков с дубинами охраняли переправу через какую-то речку. Я стал расспрашивать их (выведывать о карантине, о начальнике): ни они, ни я хорошенько не понимали, зачем они стояли тут с дубинами и с повелением никого не пускать. Я доказывал им, что вероятно где-нибудь да учрежден карантин, что не сегодня, так завтра на него наеду, и в доказательство предложил им серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многие лета.

ПУШКИН. *Заметка о холере*, 1831 г.

В 1830 году, во время холеры, С. Я. Ползиков был писцом у моего отца А. А. Крылова. Во время эпидемии мой отец был сделан окружным комиссаром, и в его округ входило село Болдино, в котором жил тогда А. С. Пушкин. Отец вместе с Ползиковым несколько раз бывал в Болдине у Пушкина и, кроме того, часто виделся с ним в с. Апраксине у Новосильцевых и в с. Черновском у Топорниной. Ползиков рассказывал эпизод бегства Пушкина из Болдина с большими подробностями, чем это описал сам Пушкин. — По словам Ползикова, холера надвигалась к Болдину с востока, от Волги, но еще не доходила до Болдина и его окрестностей. Карантины были расставлены по московской дороге и по р. Пьяне. От нижегородского губернатора было объявлено, что, как только холера дойдет до р. Пьяны, то карантин усилить и никого не пропускать за Пьяну. — Усердие же карантинных мужиков стало притеснять приезжающих еще до появления холеры. И вот в это-то время Пушкин, боясь попасть в карантин, поторопился уехать в Москву, и очень понятно, что

мужики воспользовались тароватостью Пушкина, — взяли с него целковый за перевоз; но Ползиков об этом целковом не рассказывал.

Н. А. КРЫЛОВ. Очерки из далекого прошлого. *Вестник Европы*, 1900, кн. 5, стр. 174.

1 октября я получаю известие, что холера распространилась до Москвы и что жители все оставили город. Это последнее известие меня успокоило несколько. Узнав, между тем, что выдавали свидетельства на свободный проезд, или, по крайней мере, на сокращенный срок карантина, я написал по этому предмету в Нижний. Мне отвечают, что свидетельство будет мне выдано в Лукоянове (так как Болдино не заражено): в то же время меня извещают, что вход и выход из Москвы запрещены. Эта последняя новость и в особенности неизвестность вашего пребывания останавливают меня в Болдине. Приехав в Москву, я мог опасаться, или, лучше сказать, я надеялся не найти вас там. Между тем, слух, что Москва опустела, подтверждался и успокаивал меня. Вдруг, я получаю от вас маленькую записку, из которой узнаю, что вы вовсе и не думали выезжать. Я беру почтовых лошадей, приезжаю в Лукоянов; мне отказывают в выдаче паспорта под тем предлогом, что я выбран для надзора за карантинами моего округа. Я решился продолжать мой путь, послав жалобу в Нижний. Переехав во Владимирскую губернию, я вижу, что проезд по большой дороге запрещен, и никто об этом ничего не знал; такой здесь порядок!

ПУШКИН—Н. Н. Гончаровой, 26 ноября 1830 г., из Болдина.

В минуту моего выезда, в начале октября, меня назначают окружным инспектором. Я непременно принял бы эту должность, если бы в то же время не узнал, что холера появилась в Москве. Мне стоило большого труда отделаться от инспекторства. Потом приходит известие, что Москва оцеплена и въезд запрещен. Затем мои несчастные попытки убраться; потом известие, что вы не покидали Москвы.

ПУШКИН—Н. Н. Гончаровой, 2 декабря 1830 г., Платово.

Явился г. Ульянинов *(бывш. лукояновский уездный предводитель дворянства)*. Во время холеры, — рассказывал он между прочим, — мне поручен был надзор за всеми заставами со стороны Пензенской и Сим-

бирской губ. А. С. Пушкин в это самое время, будучи женихом, находился в поместьи отца своего в селе Болдине. Я отношусь к нему учтиво, предлагая принять самую легкую должность. Он отвечает мне, что не будучи помещиком здешней губернии, он не обязан принимать должность. Я опять пишу к нему и прилагаю министерское распоряжение, по коему никто не мог отказаться от выполнения должностей. И за тем он не согласился и просил меня выдать ему свидетельство на проезд в Москву. Я отвечал, что, за невыполнением первых моих отношений, свидетельства выдать не могу. Он отправился так, на-удалую; но во Владимирской губ. был остановлен и возвратился назад в Болдино. Между тем в Лукоянов приехал министр *(гр. А. А. Закревский.)* — «Нет ли у вас из дворян таких, кои уклонились бы от должностей?» — «Все действовали усердно за исключением нашего стихотворца А. С. Пушкина». — «Как он смел это сделать?» — Пушкин получил строгое предписание министра и принял должность. Г. Ульянинов прибавил: позднее, в бытность мою в Петербурге, я познакомился с Пушкиным, в Английском клубе, где он подошел ко мне, говоря: «кажется, это вы меня так притеснили во время холеры?»

П. М. ЯЗЫКОВ (брат поэта, Н. М—ча). Из записок. *Рус. Арх.*, 1874, I, 799.

Въезд в Москву запрещен, и вот я заперт в Болдине. Я совсем потерял мужество, и не знаю в самом деле, что делать? Ясное дело, что в этом году (будь он проклят) нашей свадьбе не бывать. Мы окружены карантинами, но эпидемия еще не проникла сюда. Болдино имеет вид острова, окруженного скалами. Ни соседа, ни книги. Погода ужасная. Я провожу мое время в том, что мараю бумагу и злюсь. Не знаю, что делается на белом свете. Я становлюсь совершенным идиотом; как говорится, до святости.

ПУШКИН—Н. Н. Гончаровой, 11 октября 1830 г., Болдино.

19 окт.., сожж *(ена)* X песнь *(Евгения Онегина)*.

ПУШКИН. Пометка в черновой тетради. *Рус. Старина*, 1884 г., т. 44, стр. 339.

Я сунулся было в Москву, да, узнав, что туда никого не пускают, воротился в Болдино да жду погоды. — Ну уж погода! Знаю, что не так страшен чорт, як его малюют; знаю, что холера не опаснее турецкой пе-

рестрелки, — да отдаленность — да неизвестность — вот что мучительно. Хоть я и не из иных прочих, так сказать — но до того доходит, что хоть в петлю. — Мне и стихи в голову не лезут, хоть осень чудная, и дождь и снег и по колено грязь.

ПУШКИН—П. А. Плетневу, конец октября 1830 г., Болдино.

Посылаю тебе, барон, вассальскую мою подать, именуемую цветочною, по той причине, что платится она в ноябре, в самую пору цветов. Доношу тебе, моему владельцу, что нынешняя осень была детородна, и что коли твой смиренный вассал не околеет от сарацинского падежа, Холерой именуемого, то в замке твоем, Литературной Газете, песни трубадуров не умолкнут круглый год. Отец мне ничего про тебя не пишет, а это беспокоит меня, ибо я все-таки его сын,— т. е. мнителен и хандрлив (каково словечко?). Скажи Плетневу, что он расцеловал бы меня, видя мое осеннее прилежание.

ПУШКИН—бар. А. А. Дельвигу, 4 ноября 1830 г., Болдино.

В Болдине, все еще в Болдине! Узнав, что вы не оставили Москвы, я взял почтовых лошадей и отправился. Выехав на большую дорогу, я увидел, что настоящих карантинов только три. Я храбро явился в первый (Сиваслейка, губ. Владимирская); инспектор спрашивает мою подорожную, сообщив, что мне предстоит всего шесть дней остановки. Потом он бросает взгляд на подорожную: — Вы не по казенной надобности изволите ехать? — Нет, по собственной самонужнейшей. — Так извольте ехать назад, на другой тракт, здесь не пропускают. — Давно ли? — Да уж около 3-х недель. — И эти свиньи, губернаторы, не дают этого знать? — Мы не виноваты-с. — Не виноваты! а мне разве от этого легче? Нечего делать — еду назад в Лукоянов, требую свидетельства, что еду не из зачумленного места. Предводитель здешний не знает, может ли, после поездки моей, дать мне это свидетельство. Я пишу губернатору, а сам, в ожидании его ответа, свидетельства и новой подорожной, — сижу в Болдине, да кисну. Вот каким образом я проделал 400 верст, не сделав шагу от моей берлоги.

Я совсем потерял мужество, и так как у нас теперь пост (скажите матушке, что этого поста я долго не забуду), то я не хочу больше торопиться; предоставляю вещам итти по своей воле, а сам останусь ждать, сложив руки. Мой отец все мне пишет, что моя свадьба расстроилась.

На-днях он уведомит меня, может быть, что вы вышли замуж. Есть от чего потерять голову.

ПУШКИН—Н. Н. Гончаровой, 18 ноября 1830 г., Болдино.

Вот я и в карантине, с перспективою оставаться в плену четырнадцать дней — после чего надеюсь быть у ваших ног... Я в карантине и в эту минуту не желаю ничего больше. Вот до чего мы дожили — что рады, когда нас на две недели посадят под арест в грязной избе к ткачу, на хлеб и на воду!

ПУШКИН—Н. Н. Гончаровой, 2 декабря 1830 г., Платово.

Милый! я в Москве с 5 декабря. Нашел тещу озлобленную на меня, и на силу с нею сладил, — но слава богу — сладил. На силу прорвался я и сквозь карантины — два раза выезжал из Болдина и возвращался. Но слава богу, сладил и тут. Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал. Вот что я привез сюда: 2 последние главы Онегина, 8-ю, 9-ю, совсем готовые в печать. Повесть, писанную октавами (стихов 400), которую выдадим Anonyme. Несколько драматических сцен, или маленьких трагедий, именно: Скупой Рыцарь, Моцарт и Сальери, Пир во время чумы и Д. Жуан. Сверх того, написал около 30 мелких стихотворений. Хорошо? Еще не все (весьма секретное): написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется — и которые напечатаем также Anonyme — под моим именем нельзя будет, ибо Булгарин заругает.

ПУШКИН—П. А. Плетневу, 9 декабря 1830 г., Москва.

Секретно. 9 числа сего декабря прибыл из города Лукоянова отставной чиновник 10 класса Александр Сергеев Пушкин и остановился Тверской части I квартала в гостинице «Англия», за коим надлежащий надзор учрежден.

Полицмейстер МИЛЛЕР в рапорте и. д. моск. обер-полицмейстера, 11 дек. 1830 г. *Красн. Арх.*, т. 37, стр. 242.

К зиме опять Пушкин в Москву приехал, — только реже стал езжать к нам в хор. Однако, нередко я его видала попрежнему у Нащокина.

Стал он будто скучноватый, а все же попрежнему вдруг оскалит свои большие белые зубы, да как примется вдруг хохотать! Иной раз даже испугает просто, право!

ЦЫГАНКА ТАНЯ (ТАТЬЯНА ДЕМЬЯНОВНА) в передаче Б. Маркевича. *Соч. Б. М. Маркевича*, т. XI, стр. 135.

Ты не узнал бы меня: оброс я бакенбардами, остригся под гребешок, остепенился, обрюзг.

ПУШКИН—Н. С. Алексееву, 26 дек. 1830 г., из Москвы.

Пушкин женится на Гончаровой, между нами сказать, на бездушной красавице, и мне сдается, что он бы с удовольствием заключил отступной трактат.

С. Д. КИСЕЛЕВ—Н. С. Алексееву, 26 дек. 1830 г. *Переписка Пушкина*, т. II, стр. 204.

В декабре 1830 или январе 1831 года Пушкин навестил нас в Остафьеве. Я живо помню, как он во время семейного вечернего чая расхаживал по комнате, не то плавая, не то как бы катаясь на коньках, и, потирая руки, декламировал, сильно напирая на: «я мещанин, я мещанин», «я просто русский мещанин!»

Кн. ПАВЕЛ ВЯЗЕМСКИЙ. *Собр. соч.*, 528.

Уже при последних издыханиях холеры навестил меня в Остафьеве Пушкин. Разумеется, не отпустил я его от себя без прочтения всего написанного мною. Он слушал меня с живым сочувствием приятеля и судил о труде моем *(биография фон-Визина)* с авторитетом писателя опытного и критика меткого, строгого и светлого. Вообще более хвалил он, нежели критиковал. Между прочим, находил он, что я слишком живо нападаю на фон-Визина за мнения его о французах и слишком горячо отстаиваю французских писателей. При всей просвещенной независимости ума Пушкина, в нем иногда пробивалась патриотическая щекотливость и ревность в отношении суда его над чужестранными писателями. Как бы то ни было, день, проведенный у меня Пушкиным, был для меня праздничным днем.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. собр. соч.*, I, стр. LI.

В семи верстах от уездного города Подольска, Московской губернии, недалеко от старой калужской дороги, находится село Остафьево. Первым его владельцем был князь Андрей Иванович Вяземский. Когда он приехал для осмотра имения, ему бросилась в глаза липовая аллея и так ему понравилась, что он решился на покупку и тотчас же приступил к постройке нынешнего дома. Это прочный, поместительный, удобный каменный дом в два этажа, с фронтоном и колоннами, соединенный крытыми галлереями-колоннадами, с двумя каменными флигелями, также двухэтажными. Под домом обширные подвалы и кухня, простенки которой выложены красивыми кафлями. Дом этот так построен, что в нем могут поместиться несколько семейств, не стесняя друг друга. — По широким ступеням главного входа подымаемся на окружающую дом террасу. Входим в первую комнату, в ней пять дверей. Первая дверь направо — в библиотеку, там ряд комнат с простыми, выкрашенными шпалерами. Влево от входной комнаты — гостиная, увешанная картинами. Далее комната в два окна, кабинет. Тут висят семейные портреты. Наконец, спальня в два окна, с двумя колоннами; она угловая. Середину дома занимает круглый зал с целым полукружием выходящих в сад дверей. Средняя дверь ведет в липовую аллею, разделяющую сад пополам. Середина потолка в облаках. Сверху окно коридора верхнего этажа. Когда-то по широкому карнизу этой залы ловко проходил старик Губан, один из Остафьевских старожилов. Другая половина дома обращена в сад. Влево от залы — старая столовая, с буфетными, старинными шкафами, с внутренним окном с разноцветными стеклами. Противоположная дверь залы ведет в библиотеку Павла Петровича *(сына кн. Петра Андреевича)*; большая комната с установленными по стенам шкафами красного дерева с бронзой, когда-то бывшими в доме на Почтамтской. Далее ряд комнат с книгами, портретами, старою мебелью, что-то вроде кладовой, соединяющейся со старою библиотекой. — Верхний этаж весь состоит из жилых помещений. Низенькие комнаты с широкими подоконниками. В этом же этаже и Карамзинская комната. В ней три окна к стороне Десны и одно большое — в сад. Здесь, у этого последнего окна, стоял некогда письменный стол Карамзина, а комната эта была тем его рабочим кабинетом, в котором написано им девять томов «Истории Государства Российского». Из окна вид на сад. Кругом деревья и часть горизонта. Впечатление успокоительное, тихое, располагающее к усидчивому труду. — Влево от сада поле с двумя березовыми рощами; вправо овраг с засохшим руслом Любучи и опять поля. Прямо за садом старая березовая роща. Отсюда вид на поля и на извилистую ленту реки Десны. На горизонте когда-то тянулись леса, ныне вырубленные. Тут же недалеко ряд

курганов и сельское кладбище. С другой стороны дома пруд с плотиною, за ним церковь, белая, с зеленой крышей, вокруг них березы с обычными гнездами и стаей грачей; тут же сейчас крестьянские избы. Это — село Остафьево.

Граф С. Д. ШЕРЕМЕТЕВ, Село Остафьево. *Русский Вестник*, 1903, янв., стр. 120—124.

Я знал Пушкина в 1832 году и лицо его запомнил хорошо, тем более, что лицо Пушкина было такое характерное, что оно невольно запечатлевалось в памяти каждого, кто его встречал... Когда же мне впервые показали акварель *(П. Ф.)* Соколова *(рисована в 1830 г.)*, я сразу сказал: «это единственный настоящий Пушкин».

ЛЕВИЦКИЙ-отец, фотограф императорского двора, в передаче Сигизмунда Либровича. «*Пушкин в портретах*», СПБ, 1890, стр. 42.

Сейчас еду богу молиться и взял с собою последнюю сотню. Узнай, пожалуйста, где живет мой татарин, и, коли можешь, достань с своей стороны тысячи две.

ПУШКИН—П. В. Нащокину в дек. 1830 г.

Нат. Ив. Гончарова возила дочь свою и жениха по соборам и к Иверской. Пушкин пишет: *мой татарин,* потому что купил у него шаль для своей невесты.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов Нащокина. *Девятнадцатый век,* I, 383.

Религиозность Наталии Ивановны *(матери Н. Н. Гончаровой)* принимала с годами суровый, фанатический склад, а нрав словно ожесточился, и строгость относительно детей, а дочерей в особенности, принимала раздражительный, придирчивый оттенок. Все свободное время проводила она на своей половине, окруженная монахинями и странницами, которые свои душеспасительные рассказы и благочестивые размышления пересыпали сплетнями и наговорами на неповинных детей или не сумевших им угодить слуг и тем вызывали грозную расправу... В самом строгом монастыре молодых послушниц не держали в таком слепом повиновении, как сестер Гончаровых. Если, случалось, какую-либо из них призывали к Наталье Ивановне не в урочное время, то пусть даже и не чувствовала она никакой вины за собой, — сердце замирало в тревожном

опасении, и прежде чем переступлен заветный порог, — рука творила крестное знамение, и язык шептал псалом, поминавший царя Давида и всю кротость его.

А. П. АРАПОВА. *Новое Время*, 1907, № 11409, иллюстр. прилож., стр. 7.

По рассказу Ольги Сергеевны *(сестры Пушкина)*, родители невесты дали всем своим детям прекрасное домашнее образование, а главное, воспитывали их в страхе божием, причем держали трех дочерей непомерно строго, руководствуясь относительно их правилом: «в ваши лета не сметь суждение иметь». Наталья Ивановна наблюдала тщательно, чтоб дочери никогда не подавали и не возвышали голоса, не пускались с посетителями ни в какие серьезные рассуждения, а когда заговорят старшие, — молчали бы и слушали, считая высказываемые этими старшими мнения непреложными истинами. Девицы Гончаровы должны были вставать едва ли не с восходом солнца, ложиться спать, даже если у родителей случались гости, не позже десяти часов вечера, являться всякое воскресение непременно к обедне, а накануне праздников слушать всенощную, если не в церкви, то в устроенной Натальей Ивановной у себя особой молельне, куда и приглашался отправлять богослужение священник местного прихода. Чтение книг с мало-мальски романическим пошибом исключалось из воспитательной программы, а потому и удивляться нечего, что большая часть произведений Пушкина, сделавшихся в то время достоянием всей России, оставались для его суженой неизвестными.

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ, 209.

Наталья Ивановна была довольно умна и несколько начитана, но имела дурные, грубые манеры и какую-то пошлость в правилах. В Яропольче было около двух тысяч душ, но, несмотря на то, у нее никогда не было денег, и дела в вечном беспорядке. В Москве она жила почти бедно, и когда Пушкин приходил к ней в дом женихом, она всегда старалась выпроводить его до обеда или до завтрака. Дочерей своих бивала по щекам. На балы они иногда приезжали в изорванных башмаках и старых перчатках. Долгорукая помнит, как на одном балу Наталью Николаевну уводили в другую комнату, и Долгорукая давала ей свои новые башмаки, потому что ей приходилось танцовать с Пушкиным.

Кн. Е. А. ДОЛГОРУКОВА по записи Бартенева. *Рассказы о П—не*, 63.

Пушкин настаивал, чтобы поскорее их обвенчали. Но Наталья Ивановна напрямик ему объявила, что у нее нет денег. Тогда Пушкин заложил имение, привез денег и просил шить приданое. Много денег пошло на разные пустяки и на собственные наряды Натальи Ивановны.

Кн. Е. А. ДОЛГОРУКОВА по записи Бартенева. *Рассказы о П—не,* 64.

12 тысяч рублей были заняты у Пушкина на расходы по свадьбе.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов П. В. Нащокина. *Девятнадцатый век,* I, 392.

Наталья Николаевна сообщала, что свадьба их беспрестанно была на волоске от ссор жениха с тещей, у которой от сумасшествия мужа и неприятностей семейных характер испортился. Пушкин ей не уступал и, когда она говорила ему, что он должен помнить, что вступает в ее семейство, отвечал: «это дело вашей дочери, — я на ней хочу жениться, а не на вас». Наталья Ивановна диктовала даже дочери колкости жениху, но та всегда писала в виде P. S., после нежных писем, и Пушкин уже понимал, откуда идут строки.

П. В. АННЕНКОВ со слов Н. Н. Пушкиной-Ланской (вдовы поэта). Записи. *Б. Модзалевский, «Пушкин»,* стр. 352.

Пушкин очень внимательно следил за ходом польского восстания. Еще в исходе 1830 г., наскучив тем, что свадьба его оттягивалась вследствие разных препятствий со стороны будущей тещи, он говорил Нащокину, что бросит все и уедет драться с поляками. — Там у них есть один Вейскопф (белая голова): он наверное убьет меня, и пророчество гадальщицы сбудется.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Девятнадцатый век,* I, 386.

Нетерпеливость Пушкина, потребность быстрой смены обстоятельств, вообще пылкий характер его выражается между прочим и в том, что он хотел было совсем оставить женитьбу и уехать в Польшу единственно потому, что свадьба, по денежным обстоятельствам, не могла скоро состояться. Нащокин имел с ним горячий разговор по этому случаю в доме

кн. Вяземского. Намереваясь отправиться в Польшу, Пушкин все напевал Нащокину: «Не женись ты, добрый молодец, а на те деньги коня купи».

П. В. НАЩОКИН по записи П. И. Бартенева. *Рассказы о П—не*, 41.

Новый год встретил я с цыганами и с Танюшей, настоящей Татьяной-пьяной. Она пела песню, в таборе сложенную, на голос: приехали сани.

Давыдов с ноздрями,
Вяземский с очками,
Гагарин с усами,
Девок испугали
И всех разогнали и пр.

ПУШКИН — Кн. П. А. Вяземскому, из Москвы. 2 янв. 1831 г.

К Пушкину, и занимательный разговор, кто русские и не русские.— Как воспламеняется Пушкин, — и видишь восторженного.

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 7 янв. 1831 г. *П—н и его совр-ки.* XXIII—XXIV, 111.

Пушкин был у меня два раза в деревне, все так же мил и все тот же жених. Он много написал у себя в деревне.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—П. А. Плетневу, 12 янв. 1831 г., из Остафьева. *Изв. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наук*, 1897, т. II, кн. I, стр. 93.

Душа моя, вот тебе план жизни моей: я женюсь в сем месяце, полгода проживу в Москве, летом приеду к вам. Я не люблю московской жизни. Здесь живи не как хочешь — как тетки хотят. Теща моя — та же тетка. То ли дело в Петербурге! Заживу себе мещанином припеваючи, независимо и не думая о том, что скажет Марья Алексеевна.

ПУШКИН — П. А. Плетневу, 13 января 1831 г., из Москвы.

Вы совершенно правы, упрекая меня за мое пребывание в Москве. Не поглупеть в ней невозможно. Вы знаете эпиграмму на общество скуч-

ного человека; «On n'est pas seul, on n'est pas deux». Это эпиграф к моему существованию.

ПУШКИН — Е. М. Хитрово, 21 янв. 1831 г., из Москвы. *Письмо Пушкина к Хитрово, 14 (фр.).*

Ужасное известие *(о смерти Дельвига)* получил я в воскресение. На другой день оно подтвердилось. Вчера ездил я к Салтыкову *(отцу жены Дельвига)* объявить ему все — и не имел духу. Грустно, тоска. Вот первая смерть мною оплаканная. Карамзин под конец был мне чужд, я глубоко сожалел о нем, как русский, но никто на свете не был мне ближе Дельвига. Изо всех связей детства он один оставался на виду — около него собралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели. Считай по пальцам: сколько нас? ты, я, Баратынский, вот и все. Вчера провел я день с Нащокиным, который сильно поражен его смертью — говорили о нем, называя его покойник Дельвиг, и этот эпитет был столь же странен, как и страшен. Нечего делать! согласимся. Покойник Дельвиг. Быть так. Баратынский болен с огорчения. Меня не так-то легко с ног свалить. Будь здоров — и постараемся быть живы.

ПУШКИН — П. А. Плетневу, 12 янв. 1831 г., из Москвы.

Когда известие о смерти барона Дельвига пришло в Москву, тогда мы были вместе с Пушкиным, и он, обратясь ко мне, сказал: — «Ну, Войныч, держись: в наши ряды постреливать стали».

П. В. НАЩОКИН—Н. М. Коншину, 21 авг. 1844 г. *Рус. Стар.*, 1908, дек., стр. 763.

Вчера обедал в клубе. К нам подсел поэт Пушкин и все время обеда проболтал, однако же прозою, а не в стихах. Стол был очень хорош, покурили, посмотрели мастеров в биллиард и разъехались.

А. Я. БУЛГАКОВ — К. Я. Булгакову, 22 янв. 1831 г. *Рус. Арх.*, 1902, I, 48.

Вчера совершилась тризна по Дельвиге. Вяземский, Баратынский, Пушкин и я, многогрешный, обедали вместе у Яра, и дело обошлось без сильного пьянства.

Н. М. ЯЗЫКОВ—А. М. Языкову, 28 янв. 1830 г., из Москвы. *Ист. Вестн.*, 1883, № 12, 530.

Я — женат. — Женат — или почти. Все, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе, как обыкновенно живут. Счастья мне не было. «Il n'est de bonheur que dans les voies communes (счастье — только на избитых дорогах)». Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю, как люди, и вероятно не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входили в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностью. У меня сегодня сплин — прерываю письмо мое, чтоб тебе не передать моей тоски: тебе и своей довольно. Пиши мне на Арбат, в дом Хитровой.

ПУШКИН — Н. И. Кривцову, 10 февраля 1831 г., из Москвы.

(По поводу письма к Кривцову). Нам случилось видеть еще одно письмо Пушкина, написанное также почти накануне свадьбы и еще более поразительное по удивительному самосознанию или вещему предвидению судьбы своей. Там Пушкин прямо говорит, что ему вероятно придется погибнуть на поединке.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1864, стр. 974.

Через несколько дней женюсь. Заложил я моих 200 душ, взял 38.000, и вот им распределение: 11.000 теще, которая непременно хотела, чтобы дочь ее была с приданым — ништо пропало; 10.000 Нащокину, для выручки его из плохих обстоятельств: деньги верные. Остается 17.000 на обзаведение и житие годичное. В июне буду у вас и начну жить en bourgeois, а здесь с тетками справиться невозможно — требования глупые и смешные, а делать нечего. Теперь понимаешь ли, что значит приданое и отчего я сердился? Взять жену без состояния — я в состоянии, но входить в долги для ее тряпок я не в состоянии. Но я упрям и должен был настоять по крайней мере на свадьбе.

ПУШКИН — П. А. Плетневу, первая половина февр. 1831 г., из Москвы.

В городе опять начали поговаривать, что Пушкина свадьба расходится; это скоро должно открыться: середа последний день, в который

можно венчать. Невеста, сказывают, нездорова. Он был на бале у наших, отличался, танцовал, после ужина скрылся. Где Пушкин? я спросил, а Гриша Корсаков серьезно отвечал: «он ведь был здесь весь вечер, а теперь он отправился навестить свою невесту». Хорош визит в пять часов утра и к больной! Нечего ждать хорошего, кажется; я думаю, что не для нее одной, но и для него лучше было бы, кабы свадьба разошлась.

А. Я. БУЛГАКОВ — К. Я. Булгакову, 16 февр. 1831 г., *Рус. Арх.*, 1902, I, стр. 52.

Раз вечерком, — аккурат два дня до свадьбы его оставалось, — зашла я к Нащокину и Ольге *(цыганке, жившей с Нащокиным)*. Не успели мы и поздороваться, как под крыльцо сани подкатили, и в сени вошел Пушкин. Увидел меня из саней и кричит: — «Ах, радость моя, как я рад тебе, здорово, моя бесценная!» — поцеловал меня в щеку и уселся на софу. Сел и задумался, да так будто тяжко, голову на руку опер, глядит на меня: — «Спой мне, — говорит, — Таня, что-нибудь на счастие; слышала, может быть, я женюсь?» — «Как не слыхать — говорю, — дай вам бог, Александр Сергеевич!» — «Ну, спой мне, спой!» — «Давай, говорю, Оля, гитару, споем барину?» Она принесла гитару, стала я подбирать, да и думаю, что мне спеть... Только на сердце у меня у самой невесело было в ту пору; потому, у меня был свой предмет, и жена увезла его от меня в деревню, и очень тосковала я от того. И думаючи об этом, запела я Пушкину песню, — она хоть и подблюдною считается, а только не годится было мне ее теперича петь, потому она будто, сказывают, не к добру:

Ах, матушка, что так в поле пыльно?
Государыня, что так пыльно?
Кони разыгралися. А чьи то кони, чьи то кони?
Кони Александра Сергеевича...

Пою я эту песню, а самой-то грустнехонько, чувствую и голосом тоже передаю... Как вдруг слышу, громко зарыдал Пушкин. Подняла я глаза, а он рукой за голову схватился, как ребеночек, плачет... Кинулся к нему Павел Войнович *(Нащокин)*: «что с тобой, что с тобой, Пушкин?» — «Ах, — говорит, — эта ее песня всю мне внутрь перевернула, она мне не радость, а большую потерю предвещает!..» И недолго он после того оставался тут, уехал, ни с кем не простился.

ЦЫГАНКА ТАНЯ (ТАТЬЯНА ДЕМЬЯНОВНА) в передаче Б. М. Маркевича. *Полн. собр. соч. Б. М. Маркевича*, СПБ, 1885, т. XI, стр. 135.

Накануне свадьбы Пушкин позвал своих приятелей на *мальчишник*, приглашал особыми записочками. Собралось обедать человек десять, в том числе был Нащокин, Языков, Баратынский, Варламов, кажется Елагин (А. А.) и пасынок его, Ив. Вас. Киреевский. По свидетельству последнего, Пушкин был необыкновенно грустен, так что гостям было даже неловко. Он читал свои стихи, прощание с молодостью, которых после Киреевский не видал в печати. Пушкин уехал перед вечером к невесте. Но на другой день, на свадьбе, все любовались веселостью и радостью поэта и его молодой супруги, которая была изумительно хороша.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о П—не*, 53.

Накануне свадьбы был очень грустен и говорил стихи, прощаясь с молодостью (был Варламов), нешечатанное. Мальчишник. А закуска (?) из свежей (?) семги (?). Обедало у него человек 12, Нащокин, Вяземский, Баратынский, В., Языков. И вот Пушкин уехал к невесте; кажется, Елагин. На другой день он был *(два слова не разб.)* с откр. рук., он был очень весел, смеялся, был счастлив, любезен с друзьями; брат (?) шу*(тил)*.

П. И. БАРТЕНЕВ. Запись на обложке тихонравовской тетради. *Рассказы о П—не*, 129.

Необходимо разыскать стихи... прощание с молодостью и покаяние в грехах ее, которые Пушкин читал накануне своей свадьбы, на так наз. мальчишнике, и про которые живо вспоминал один из слушателей, И. В. Киреевский.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1904, № 1, обложка.

У Пушкина верно нынче холостой обед, а он не позвал меня. Досадно. — Заезжал и пожелал добра. — Там Баратынский и Вяземский толкуют о нравственной пользе.

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 17 февр. 1831 г. *П—н и его совр-ки*, XXIII—XXIV, 112.

18 числа сего месяца *(февраля)* совершилось бракосочетание. Говорят, совершенство красоты. Когда увижу ее, опишу тебе ее с ног до

головы. Накануне у Пушкина был девишник, так сказать, или лучше сказать, пьянство — прощальное с холостой жизнью.

Н. М. ЯЗЫКОВ — А. М. Языкову. *В. И. Шенрок, «Н. М. Языков»*, биогр. очерк, *Вестн. Евр.*, 1897, № 12, 603.

Я пьяный на девишнике Пушкина говорил вам о том, но вы были так пьяны, что навряд ли это помните.

ДЕНИС ВАС. ДАВЫДОВ — Н. М. Языкову, *Рус. Стар.*, 1884, № 7, стр. 134.

Сегодня свадьба Пушкина наконец. С его стороны посаженными Вяземский и графиня Потемкина [1], а со стороны невесты Ив. Ал. Нарышкин и А. П. Малиновская. Хотели венчать их в домовой церкви кн. Серг. Мих. Голицына, но Филарет *(Московский митрополит)* не позволяет. Собирались его упрашивать; видно, в домовых нельзя, но я помню, что у Обольянинова обвенчали Сабурова.

А. Я. БУЛГАКОВ — К. Я. Булгакову, 18 февр. 1831 г., из Москвы. *Рус. Арх.*, 1902, I, 53.

---

[1] Сейчас же после принятия его предложения Гончаровою Пушкин просил быть посаженою матерью на его свадьбе княгиню В. Ф. Вяземскую (письмо к ней от конца апреля — нач. мая 1830 г.). 17 янв. 1831 г., за месяц до свадьбы, кн. Вяземский писал Пушкину про свою жену: «Посаженая мать спрашивает, когда прикажешь ей сесть, и просит дать ей за неделю знать о дне свадьбы». *(Переп. Пушкина,* II, 217). Однако Вера Федоровна не только не была посаженою матерью Пушкина, но даже не присутствовала на его свадьбе. 4 февраля, прибивая образ, княгиня упала, ушиблась, была долго без чувств и выкинула. За четыре дня до свадьбы Пушкина Булгаков видел ее лежащею на кровати, точно мертвец, худою, желтою и бледною, еле говорящею; еще в марте опасались за ее жизнь, и оправилась она только к концу мая (см. письма А. Я. Булгакова. *Рус. Арх.*, 1902, I, стр. 50 и сл.).

XIII

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЖЕНАТОЙ ЖИЗНИ

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЖЕНАТОЙ ЖИЗНИ

В день свадьбы Наталья Ивановна послала сказать Пушкину, что надо еще отложить, что у нее нет денег на карету или на что-то другое. Пушкин опять послал денег.

Кн. Е. А. ДОЛГОРУКОВА по записи Бартенева. *Рассказы о П—не,* 64.

Во время обряда Пушкин, задев нечаянно за аналой, уронил крест; говорят, при обмене колец, одно из них упало на пол... Поэт изменился в лице и тут же шепнул одному из присутствующих: «tous les mauvais ugures!»

Рус. Стар., 1880, т. XXVII, 148.

Во время венчания нечаянно упали с аналоя крест и евангелие, когда молодые шли кругом. Пушкин весь побледнел от этого. Потом у него потухла свечка. — «Tous les mauvais augures», — сказал Пушкин. В день свадьбы большой ужин у Пушкина в доме Хитровой, где распоряжался Левушка *(брат Пушкина).*

Кн. Е. А. ДОЛГОРУКОВА, по записи Бартенева. *Рассказы о П—не,* 64.

Мать мне рассказывала, как ее брат, во время обряда, неприятно был поражен, когда его обручальное кольцо упало неожиданно на ковер,

и когда из свидетелей первый устал, как ему поспешили сообщить после церемонии, не шафер невесты, а его шафер, передавший венец следующему по очереди. Ал. С—вич счел эти два обстоятельства недобрыми предвещаниями и произнес, выходя из церкви: «Tous les mauvais augures!» О случае с кольцом и шафером говорили мне и посаженый отец дяди, кн. П. А. Вяземский, и супруга его, Вера Федоровна, хотя и не присутствовавшая тогда на свадьбе, и, наконец, посаженая мать, тогда графиня Елиз. Петровна Потемкина (вышедшая вторично замуж за сенатора Ипп. Ив. Подчаского). Иконофором при обряде был малолетний сын кн. Вяземского Павел, а родитель его и П. В. Нащокин, уехав прежде новобрачных, встретили Пушкиных с образом на новой квартире молодой четы.

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ, 241.

Пушкин женился 18 февраля 1831 года. Я принимал участие в свадьбе и по совершении брака в церкви отправился вместе с П. В. Нащокиным на квартиру поэта для встречи новобрачных с образом. В гольской, уютной гостиной Пушкина, оклеенной диковинными для обоями под лиловый бархат с рельефными набивными цветочками, шел на одной из полочек, устроенных по обоим бокам дивана, соб стихотворений Кирши Данилова.

Кн. ПАВЕЛ ВЯЗЕМСКИЙ. *Собр. соч.*, 529.

Филарет таки поставил на своем: их обвенчали не у кн. Серг. Мих., а у Старого Вознесения. Никого не велено было пускать, и полиция была для того у дверей. Почему, кажется, нет? И так совершилась эта свадьба, которая так долго тянулась. Ну, да как будет хороший муж! то-то всех удивит, никто этого не ожидает, и все сожалеют о ней. Я сказал Грише Корсакову, быть ей милэди Байрон. Он пересказал Пушкину, который смеялся только. Он жене моей говорил на бале: пора мне остепениться; ежели не сделает этого жена моя, то нечего уже ожидать от меня.

А. Я. БУЛГАКОВ — К. Я. Булгакову, 19 февр. 1831 г. *Рус. Арх.*, 1902, I, 54.

Пушкин был обвенчан с Гончаровой в церкви Святого Вознесения. День его рождения был тоже в самый праздник Вознесения господня.

Обстоятельство это он не приписывал одной случайности. Важнейшие события его жизни, по собственному его признанию, все совпадали с днем Вознесения.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 306.

Пушкин жил в Москве после свадьбы на Арбате в доме Хитровой во втором этаже. Этот дом сохранился до настоящего времени, теперь его номер 53; это двухэтажный дом, второй от угла Денежного переулка в сторону Арбатских ворот.

А. А. ЛАПИН. *Книга воспоминаний о Пушкине.* Изд. «Мира», 1931, стр. 13.

Н. Н. Пушкина сама сказала княгине Вяземской, что муж ее в первый же день брака, как встал с постели, так и не видал ее. К нему пришли приятели, с которыми он до того заговорился, что забыл про жену и пришел к ней только к обеду. Она очутилась одна в чужом доме и заливалась слезами.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов кн. В. Ф. Вяземской. *Рус. Арх.*, 1888, II, 307.

Вчера на бале у Щербининой встретил Пушкина. Он очень мне обрадовался. Свадьба его была 18-го, т.-е. в прошлую среду. Он познакомил меня с своею женою, и я от нее без ума. Прелесть как хороша. Сегодня вечером еду к ним.

А. И. КОШЕЛЕВ — кн. В. Ф. Одоевскому, из Москвы. 21 февр. 1831 г. *Рус. Стар.*, 1904, т. 118, стр. 206.

На Пушкина вскленали уже какие-то стишки на женитьбу; полагаю, что не мог он их написать неделю после венца; не помню их твердо, но вот à peu près смысл:

Хочешь быть учтив — поклонись,
Хочешь поднять — нагнись:
Хочешь быть в раю — молись.
Хочешь быть в аду — женись!

как-то эдак [1]. Он, кажется, очень ухаживает за молодою женою и напоминает при ней Вулкана с Венерою.

А. Я. БУЛГАКОВ — К. Я. Булгакову, 23 февр. 1831 г. *Рус. Арх.*, 1902, I, 54.

Я женат — и счастлив. Одно желание мое, — чтоб ничего в жизни моей не изменилось: лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился.

ПУШКИН — Плетневу 24 февр. 1831 г., из Москвы.

Пушкин славный задал вчера бал. И он, и она прекрасно угощали гостей своих. Она прелестна, и они, как два голубка. Дай бог, чтобы всегда так продолжалось. Много все танцовали, и так как общество было небольшое, то я также потанцовал по просьбе прекрасной хозяйки, которая сама меня ангажировала, и по приказанию старика Юсупова: «и я бы танцовал, если бы у меня были силы», — говорил он. Ужин был славный; всем казалось странным, что у Пушкина, который жил все по трактирам, такое вдруг завелось хозяйство. Мы уехали почти в три часа. Была вьюга и холод.

А. Я. БУЛГАКОВ — К. Я. Булгакову, 28 февр. 1831 г. *Рус. Арх.*, 1902, I, 56.

Веселья у нас очень много, балы и театр всякой день у всех, Пушкина автора свадьба была, и у них бал, и у Лазарева, и у общева жениха у Пашкова, катанья молодых.

ВАРВ. БАРАНОВА — зятю своему П. С. и дочери Прасковье Шишкиным, 28 февраля 1831 г., из Москвы. *Из архива Евг. Ник. Опочинина (неизд.).*

Молодые Пушкины, до переезда весною в Царское Село, жили со дня свадьбы во втором ярусе большого дома *(Хитровой — Перец., II.*

[1] Ср. в черновых набросках «Египетских ночей». «Но главною неприятностью платится мой приятель: приписывание множества чужих сочинений, както... о женитьбе, в котором так остроумно сказано, что, коли хочешь быть умен, — учись, коли хочешь быть в аду — женись». *В. Е. Якушкин, Рукописи Пушкина, хранящ. в Рум. Музее. Рус. Стар., 1884, т. 44, стр. 533.*

231) на Арбате, между церквами Николы в Плотниках и Св. Троицы. Отец позволил Пушкину заложить в Опекунском Совете Нижегородскую деревню. Из полученных денег (до 40 тыс.) он заплатил долги свои и, живучи около трех месяцев в Москве, до того истратился, что пришлось ему заложить у еврея Веера женины бриллианты, которые потом и не были выкуплены.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов П. В. Нащокина. *Рус. Арх.*, 1902, 1, 56.

Теща Пушкина, заложив бриллианты и изумруды, предоставила их Пушкину с женой с тем, чтобы они их выкупили. А г. Бартенев в «Рус. Арх.» 1902 г. уверяет, будто их заложил сам Пушкин.

П. А. ЕФРЕМОВ. *Соч. Пушкина, изд.* 1903 г., т. VII, стр. 443.

Была я у них в Москве, стояли тогда у Смоленской божьей матери, каменный двухэтажный дом... Посмотри, говорит, Марья, вот моя жена! Вынесли мне это показать ее работу, шелком, надо быть, мелко-мелко, четвероугольчатое, вот как то окно.

МАРЬЯ ФЕДОРОВНА, крестьянка с-ца Захарова. *Москвитянин*, 1851, № 9—10, стр. 32.

Марья с особенным чувством вспоминает о Пушкине, рассказывает о его доброте, о подарках ей, когда она прихаживала к нему в Москву.

С. П. ШЕВЫРЕВ. *Л. Майков*, 324.

Пушкин радовался, как ребенок, моему приезду, оставил меня обедать у себя и чрезвычайно мило познакомил меня со своею пригожею женою. Не воображайте однакоже, чтоб это было что-нибудь необыкновенное. Пушкина — беленькая, чистенькая девочка с правильными черными и лукавыми глазами, как у любой гризетки. Видно, что она неловка еще и неразвязна; а все-таки московщина отражается на ней довольно заметно. Что у ней нет вкуса, это было видно по безобразному ее наряду; что у нее нет ни опрятности, ни порядка, — о том свидетельствовали запачканные салфетки и скатерть и расстройство мебели и посуды.

В. П. ТУМАНСКИЙ — С. Г. Туманской, из Орла, 16 марта 1831 г. *Стихотворения и письма.* СПБ., 1912, стр. 310.

Месяц, а может и больше, после его свадьбы, пошла я как-то утром к Иверской, а оттуда в город, по площади пробираюсь. Гляжу, богатейшая карета, новенькая, четвернею едет мне навстречу. Я было свернула в сторону, только слышу громко кто-то мне из кареты кричит: «Радость моя, Таня, здорово!» Обернулась я, а это Пушкин, окно спустил, высунулся в него сам и оттуда мне ручкой поцелуй посылает... А подле него красавица писаная — жена сидит, голубая на ней шуба бархатная, — глядит на меня, улыбается.

ЦЫГАНКА ТАНЯ (ТАТЬЯНА ДЕМЬЯНОВНА) в передаче Б. Маркевича. *Соч. Б. М. Маркевича*, т. XI, стр. 136.

Наталья Ивановна была очень довольна. Она полюбила Пушкина, слушалась его. Он с нею обращался, как с ребенком. Может быть, она сознательнее и крепче любила его, чем сама жена. Но раз у них был крупный разговор, и Пушкин чуть не выгнал ее из дому. Она вздумала чересчур заботиться о спасении души своей дочери. У Пушкиных она никогда не жила.

Кн. Е. А. ДОЛГОРУКОВА по записи Бартенева. *Рассказы о П—не*, 64.

Хлопоты и затруднения этого месяца, который у нас не мог быть назван медовым, до сих пор мешали мне написать вам.

ПУШКИН — Ел. Мих. Хитрово, 26 марта 1831 г., из Москвы. *Письма Пушкина к Хитрово*, 18 *(фр.)*.

В Москве остаться я никак не намерен; причины тому тебе известны, и каждый день новые прибывают. После Святой отправляюсь в Петербург. Знаешь ли что? мне мочи нет, хотелось бы к вам не доехать, а остановиться в Царск. Селе. Мысль благословенная! Лето и осень таким образом провел бы я в уединении вдохновительном, вблизи столицы, в кругу милых воспоминаний и тому подобных удобностей. А дома, вероятно, ныне там недороги: гусаров нет, двора нет — квартер пустых много. С тобою, душа моя, виделся бы всякую неделю, с Жук. также. Петербург под боком, жизнь дешевая, экипажа не нужно. Чего, кажется, лучше? Подумай об этом на досуге, да и перешли мне свое решение. Благодаря отца моего, который дал мне способ получить 38.000 р., я женился и обзавелся кой-как хозяйством, не входя в частные долги. На

мою тещу и деда жены моей надеяться плохо, частью от того, что их дела расстроены, частью и от того, что на слова надеяться не должно. По крайней мере, с своей стороны я поступил честно и более нежели бескорыстно. Не хвалюсь и не жалуюсь, ибо женка моя — прелесть не по одной наружности, и не считаю пожертвованием того, что должен был я сделать.

ПУШКИН — П. А. Плетневу, 26 марта 1831 г., из Москвы.

Ради Бога найми мне фатерку в Царском Селе — нас будет: мы двое, 3 или 4 человека да 3 бабы. Фатерка чем дешевле, тем разумеется лучше, но ведь 200 рублей лишних нас не разорят. Садика нам не будет нужно, ибо под боком будет у нас садище, а нужна кухня, да сарай, вот и все.

ПУШКИН — П. А. Плетневу, первая половина апр. 1831 г., из Москвы.

(Во время польского восстания) Погодину явилась мысль написать о правах России на Литву и послать к Бенкендорфу. К апрелю 1831 года статья эта, под заглавием «Исторические размышления об отношениях Польши к России», была уже готова. Вместе с этим он написал разбор «Истории государства польского» Бандтке. В это время Пушкин еще находился в Москве. Когда он выслушал эти статьи, то пришел от них в восторг и сказал Погодину: «Никто так не тревожит души моей кроме вас», и сам прочел Погодину свои повести.

Н. П. БАРСУКОВ. *Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. третья,* стр. 271.

Пушкин что-то замолк, женясь... Говорят, жена его красавица, и сумасброд так отзывается: я женился, чтобы иметь дома свою Мадонну!

П. М. де-РОБЕРТИ — Ф. Н. Глинке, 8 апр. 1831 года, из Москвы. *П—н и его совр—ки,* XVII—XVIII, 265.

С тех пор, как он женился, это совсем другой человек, — положительный, рассудительный, обожающий свою жену. Она достойна этой метаморфозы... Когда я встречаю его рядом с его прекрасною супругою, он

мне невольно напоминает портрет того маленького животного, очень умного и смышленого, которое ты угадаешь без того, чтоб мне его назвать.

Е. Е. КАШКИНА — своей кузине П. А. Осиповой, 25 апр. 1831 г., *П—н и его совр—ки*, I, 65 *(фр.)*.

Пушкин не любил стоять рядом со своею женою и шутя говаривал, что ему подле нее быть унизительно: так мал был он в сравнении с нею ростом.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов кн. В. Ф. Вяземской. *Рус. Арх.*, 1888, II, 311.

5 мая 1831 года. К Пушкину, прочел ему «Петра» *(новая трагедия Погодина)*. Хвалит, но не так живо, как «Марфу».

М. П. ПОГОДИН. Дневник. *П—н и его совр—ки*, XXIII—XXIV, 114.

Впоследствии Погодин вспоминал, что во время этого чтения Пушкин сделал ему следующую поправку. Расстрига-протопоп Иаков, осуждая действия Петра, говорит о захваченных им церковных деньгах:

И не избегнет кары он, в аду
Истлеет грешник. Всякая копейка
Церковная падет горячим *углем*
На голову его в последний день.

«Каплей, каплей», — воскликнул Пушкин, вскочив и потирая руки. Это была любимая его привычка, — так выражал он свое удовольствие, когда находил выражение более точное.

Н. П. БАРСУКОВ. *Жизнь и труды М. П. Погодина*, кн. III, изд. 2, стр. 253.

Пушкин очень доволен *(октавами Шевырева)*, но, решительно не любя Тасса, умоляет тебя приняться за Данта. «Мне надо написать к нему умное и большое письмо, — говорит он, — но кочевой я так не привык еще к оседлой жизни, что не знаю, как и когда приниматься за дело».

М. П. ПОГОДИН — С. П. Шевыреву, 11 мая 1831 г., из Москвы. *Рус. Арх.*, 1882, III, стр. 185.

Я был вынужден оставить Москву во избежание всяких дрязг, которые в конце концов могли бы нарушить более чем одно мое спокойствие; меня изображали моей жене, как человека ненавистного, жадного, презренного ростовщика; ей говорили: с вашей стороны глупо позволять мужу и т. п. Сознайтесь, что это значит проповедывать развод. Жена не может, сохраняя приличие, выслушивать, что ее муж — презренный человек, и обязанность моей жены подчиняться тому, что я себе позволяю. Не женщине в 18 лет управлять мужчиною 32 лет. Я представил доказательства терпения и деликатности; но, повидимому, я только напрасно трудился. Я люблю собственное спокойствие и сумею его обеспечить. При моем отъезде из Москвы, вы не сочли нужным говорить со мною о делах; вы предпочли отшутиться насчет возможности развода или чего-нибудь в этом роде.

ПУШКИН — Н. И. Гончаровой (теще), 26 июня 1831 г. из Царского Села *(фр.)*.

Пушкин, получив из Опекунского Совета до 40 тыс., сыграл свадьбу и весною 1830 г., отъезжая в Петербург, уже нуждался в деньгах, так что Нащокин помогал ему в переговорах с закладчиком Веером.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов П. В. Нащокина. *Девятнадцатый Век*, I, 384.

Секретно. Живущий в Пречистенской части отставной чиновник 10 класса Александр Сергеев Пушкин вчерашнего числа получил из части свидетельство на выезд из Москвы в Санкт-Петербург вместе с женою своею, а как он состоит под секретным надзором, то я долгом поставляю представить о сем вашему высокоблагородию.

Полицмейстер МИЛЛЕР в рапорте и. д. моск. обер-полицмейстера, 15 мая 1831 г. *Красн. Арх.*, т. 37, стр. 242.

Приехали мы благополучно в Демутов трактир и на-днях отправляемся в Царское Село, где мой домик еще не меблирован.

ПУШКИН — П. В. Нащокину, конец мая 1831 г., из Петербурга.

Я была очень счастлива свидеться с нашим общим другом. Я нахожу, что он много выиграл в умственном отношении и относительно разговора. Жена очень хороша и кажется безобидной.

ЕЛ. МИХ. ХИТРОВО — кн. П. А. Вяземскому, 21 мая 1831 г. *Собр. соч. кн. П. П. Вяземского,* 531.

Пушкин к нам приехал, к нашей большой радости. Я нахожу, что он в этот раз еще любезнее. Мне кажется, что я в уме его отмечаю серьезный отпечаток, который ему и подходящ. Жена его прекрасное создание, но это меланхолическое и тихое выражение похоже на предчувствие несчастия. Физиономия мужа и жены не предсказывают ни спокойствия, ни тихой радости в будущем: у Пушкина видны все порывы страстей; у жены вся меланхолия отречения от себя. Впрочем, я видела эту красивую женщину всего только один раз.

Графиня Д. Ф. ФИКЕЛЬМОН — кн. П. А. Вяземскому, из Петербурга, 25 мая 1831 г. *Соч. кн. П. П. Вяземского,* 532.

В Петербурге Пушкин остановился, по обыкновению, в Демутовом трактире. Довольно долгое время употребил он на выбор и приискание себе дачи. Не желая тратить денег на временный наем квартиры в городе, он переехал с супругой своей в Царское Село из Демутова трактира.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы,* 307.

Я живу в Царском Селе в доме Китаевой на большой дороге.

ПУШКИН — Вяземскому, 1 июня 1831 г.

Летом 1831 г. Пушкин жил *(в Царском)* в доме Китаева. Китаев в 20 гг. был придворным лакеем; он умер в том же году, в котором Пушкин жил на его даче. Наследники Китаева впоследствии слегка расширили дом пристройками. Удалось установить, что этот дом принадлежит в настоящее время вдове д. с. с. Ивановой. Он находится на углу Колпинской и Кузминской ул. (Колпинская, 2). На противоположном углу теперь находится Святотроицкая санатория, а в 1831 г. дом этот, как теперь удалось установить, принадлежал семье Олениных *(известного А. Н.*

Оленина)... С. Н. Вильгковскому недавно удалось найти в архиве царскосельского дворцового управления чертежи и рисунки дома Китаева до перестройки и после нее. Перестройка заключалась в том, что с обеих сторон фасад дома был увеличен на два окна, а четыре колонны в середине дома были заменены галлереей; таким образом был испорчен типический «ампир» александровской эпохи. Но все эти перестройки не слишком нарушили общий наружный вид дома: сравнивая рисунок 30-х гг. с тем, что мы видим в настоящее время, сразу узнаешь «дом Китаева». Внутреннее расположение комнат осталось, разумеется, тоже прежним.

И.-Р. Дом Пушкина в Царском Селе. *Рус. Вед.*, 1910, № 232.

Теперь кажется все уладил и стану жить потихоньку без тещи, без экипажа, следственно, без больших расходов и без сплетень.

ПУШКИН — П. В. Нащокину, 1 июня 1831 г., из Царского Села.

Мой брат и его жена проведут лето в Царском Селе... Они в восхищении друг от друга; моя невестка — очень очаровательная, хорошенькая, красивая и остроумная, к тому же и очень славная.

О. С. ПАВЛИЩЕВА (сестра П—на) — мужу, 4 июня 1831 г. *П—н и его совр—ки*, XV, 67 *(фр.)*.

Мы здесь живем тихо и весело, будто в глуши деревенской; насплу до нас и вести доходят.

ПУШКИН — П. В. Нащокину, 11 июня 1831 г., из Царского Села.

В 1831 г., когда Пушкин, женившись, проводил лето в Царском Селе, он посетил лицей. Никогда не забуду восторга, с которым мы его приняли. Как всегда водилось, когда приезжал кто-нибудь из наших «дедов», мы его окружали всем курсом и гурьбой провожали по всему лицею. Обращение его с нами было совершенно простое, как со старыми знакомыми; на каждый вопрос он отвечал приветливо, с участием расспрашивал о нашем быте, показывал нам свою бывшую комнату и передавал

подробности о памятных ему местах. После мы не раз встречали его гуляющим в царскосельском саду, то с женою, то с Жуковским.

Я. К. ГРОТ. *П—н, его лицейские товарищи и наставники*, 45.

Княгина Вера Фед. Вяземская рассказывала, как в первые месяцы супружеской жизни напугал Пушкин молодую жену свою, ушедши гулять и возвратившись домой только на третьи сутки: оказалось, что он встретился с дворцовыми ламповщиками, которые отвозили из Царского Села на починку в Петербург подсвечники и лампы, разговорился с ними и добрался до Петербурга, где и заночевал.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1899, III, 616.

В 1831 г. один знакомый встретил Пушкина в Петербурге на улице задумчивого и озабоченного. — «Что с вами?» «Все читаю газеты». — «Так что же?» — «Да разве вы не понимаете, что теперешние обстоятельства чуть ли не так же важны, как в 1812 году?» — отвечал Пушкин.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Девятнадцатый Век*, I, 386.

Здесь холера, т.-е. в П. Б., а Царское Село оцеплено. Жду дороговизны, и скупость наследственная и благоприобретенная во мне тревожится. О делах жены моей не имею никаких известий, и дедушка и теща отмалчиваются, и рады, что бог послал их Ташеньке муженька такого смирного.

ПУШКИН — П. В. Нащокину, вторая половина июня 1831 г., из Царского Села.

Холера прижала нас, и в Ц. Селе оказалась дороговизна. Я здесь без экипажа и без прожного, а деньги все-таки уходят. Вообрази, что со дня нашего отъезда я выпил одну только бутылку шампанского, и ту не вдруг. Жена тебе очень кланяется. — Шитье ее для тебя остановилось за неимением черного шелка. Все холера виновата.

ПУШКИН — П. В. Нащокину, 26 июня 1831 г., из Царского Села.

Отец мой горюет у меня в соседстве, в Павловском; вообще довольно скучно.

ПУШКИН — кн. П. А. Вяземскому, 3 июля 1831 года, из Царского Села.

Моя невестка очаровательна, она заслуживала бы иметь мужем более милого парня, чем Александр, который, при всем уважении моем к его шедеврам, стал раздражителен, как беременная женщина; он написал мне письмо такое нахальное и глупое, что пусть меня похоронят живою, если оно когда-нибудь дойдет до потомства, хотя, повидимому, он питал эту надежду, судя по старанию, которое он приложил к тому, чтоб письмо до меня дошло.

О. С. ПАВЛИЩЕВА (сестра поэта) — мужу своему Н. И. Павлищеву, 9 июля 1831 г. *П—н и его совр—ки*, XV, 76 *(фр.)*.

В роде бояр Пушкиных с незапамятных времен хранилась металлическая ладанка с довольно грубо гравированным на ней всевидящим оком и наглухо заключенной в ней частицей ризы господней. Она — обязательное достояние старшего сына, и ему вменяется в обязанность 10 июля, в день праздника положения ризы, служить перед этой святыней молебен. Пушкин всю свою жизнь это исполнял и завещал жене соблюдать то же самое, а когда наступит время, вручить ее старшему сыну, взяв с него обещание никогда не уклоняться от семейного обета.

А. П. АРАПОВА. Воспоминания. *Новое Время*, 1908, № 11425.

Двор приехал, и Царское Село закипело и превратилось в столицу.

ПУШКИН — П. А. Плетневу, вторая половина июля 1831 г., из Царского Села.

Я все к тебе собираюсь, да боюсь карантинов. Ныне никак нельзя, пускаясь в дорогу, быть уверенным во времени проезда. Вместо трехдневной езды того и гляди что высидишь три недели в карантине; шутка! В Царском Селе все тихо; но около такая каша, что боже упаси. Нынче осенью займусь литературой, а зимой зароюсь в архивы, куда вход дозволен мне царем. Царь со мною очень милостив и любезен. Того и гляди, попаду во временщики.

ПУШКИН — П. В. Нащокину, 21 июля 1831 г., из Царского Села.

(22 июля 1831 г.) — Весь двор в восторге от Наташи, императрица хочет, чтобы она к ней явилась, и назначит день, когда надо будет прийти.

(25—26 июля). — Император и императрица встретили Наташу с Александром, они остановились поговорить с ними, и императрица сказала Наташе, что она очень рада с нею познакомиться, и тысячу других милых и любезных вещей. И вот она теперь принуждена, совсем того не желая, появиться при дворе.

Н. О. ПУШКИНА — О. С. Павлищевой, из Павловска. *Литер. Наследство*, т. 16—18, стр. 778—779.

В. Д. Комовский 16 октября 1831 г. пишет, что государь велел Пушкину написать историю Петра Великого и рассказывает по этому поводу даже, как это случилось. Пушкин встретился с государем в царскосельском саду и на предложенный вопрос: «почему он не служит?» отвечал:— «Я готов, но кроме литературной службы не знаю никакой». Тогда государь приказал ему сослужить службу — написать историю Петра Великого.

Д. Н. САДОВНИКОВ. Отзывы о Пушкине. *Ист. Вестн.*, 1883, № 12, 553.

Опять хандришь! Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убивает только тело, другая убивает душу. Дельвиг умер, Молчанов умер, погоди— умрет и Жуковский, умрем и мы. Но жизнь все еще богата; мы встретим еще новых знакомцев, новые созреют нам друзья, дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы будем старые хрычи, жены наши — старые хрычовки, а детки будут славные, молодые, веселые ребята, мальчики станут повесничать, а девченки — сентименчальничать, а нам и любо. Вздор, душа моя; не хандри — холера на днях пройдет, были бы мы живы, будем когда-нибудь и веселы. Кстати скажу тебе новость (но да останется это, по многим причинам, между нами): Царь взял меня на службу, но не в канцелярскую или придворную, или военную — нет, он дал мне жалование, открыл мне архивы, с тем, чтобы я рылся там и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда ли? Он сказал Puisque il est marié et qu'il n'est pas riche, il faut faire aller sa marmite (*так как он женат и не богат, то нужно позаботиться, чтоб у него была каша в горшке*). Ей богу, он очень со мною мил.

ПУШКИН — П. А. Плетневу, 22 июля 1831 г., из Царского Села.

В Царскосельском саду, около самого спуска без ступеней, было в том году излюбленное царскосельскою публикою местечко, что-то вроде каменной террасы, обставленной чугунными стульями, куда по вечерам тамошний beau monde собирался посидеть и послушать музыку. В один прекрасный день на этой террасе собралось так много народу, что даже не достало стульев двум пожилым дамам. Я, как девочка вежливая, приученная всегда услуживать старшим, сейчас же сбегала в сад, захватила там еще такие два стула и подала их барыням. Папенька *(гр. Ф. П. Толстой)* с Пушкиным в это время стояли недалеко от террасы и о чем-то разговаривали. Вдруг А. Серг. схватил отца моего за руку и громко воскликнул: — «Граф, видели вы, что девочка сделала?» — «Что она сделала?» — «Да вот такие два чугунные стула подхватила, как два перышка, и отнесла на террасу». Папенька позвал меня и представил Пушкину; я ему сделала книксен и с удивлением стала смотреть на страшной длины ногти на его мизинцах. — «Очень приятно познакомиться, барышня, — крепко пожимая мне руку, смеясь сказал Ал. Серг-ч: — а который вам год?» — Тринадцать, — ответила я. — «Удивительно!» И они оба с папенькой начали взвешивать на руке тяжелые чугунные стулья, потом заставили меня еще раз поднять их. — «Удивительно!» — повторил Пушкин. — Такая сила мужчине в пору. Поздравляю вас, граф, это у вас растет Илья-Муромец».

М. Ф. КАМЕНСКАЯ. Воспоминания. *Истор. Вестн.* 1894, июль, 40.

По-моему, неоцененный бюст Пушкина вылеплен юным скульптором Теребеневым, тем самым, который впоследствии изукрасил Эрмитаж своими карнатидами и статуями великих художников. Теребенев как-то особенно поймал в этом бюсте тип и выражение лица Пушкина; он точно такой, каким я его помню в Царском Селе во время нашего с ним первого знакомства.

М. Ф. КАМЕНСКАЯ. Воспоминания. *Ист. Вестн.*, 1894, X, 54.

Летом 1831 г. в Царском Селе многие ходили нарочно смотреть на Пушкина, как он гулял под руку с женою, обыкновенно около озера. Она бывала в белом платье, в круглой шляпе, и на плечах свитая по тогдашнему красная шаль.

АРК. ОС. РОССЕТ. *Рус. Арх.*, 1882, I, 245.

Пушкин мой сосед, и мы видаемся с ним часто. Женка его очень милое творение. И он с нею мне весьма нравится. Я более и более за него радуюсь тому, что он женат. И душа, и жизнь, и поэзия в выигрыше.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — П. А. Вяземскому и А. И. Тургеневу, в конце июля — начале августа, из Царского Села. *Письма Жуковского к А. И. Тургеневу.* М. 1895, стр. 256.

Когда мы жили в Царском Селе, Пушкин каждое утро ходил купаться, после чая ложился у себя в комнате и начинал писать [1]. По утрам я заходила к нему. Жена его так уж и знала, что я не к ней иду. — «Ведь ты не ко мне, а к мужу пришла, ну, и пойди к нему». — Конечно, не к тебе, а к мужу. Пошли узнать, можно ли войти. — «Можно». С мокрыми, курчавыми волосами лежит, бывало, Пушкин в коричневом сюртуке на диване. На полу вокруг книги, у него в руках карандаш. — «А я вам приготовил кой-что прочесть», — говорит. — «Ну, читайте». Пушкин начинал читать (в это время он сочинял все сказки). Я делала ему замечания, он отмечал и был очень доволен. Читал стихи он плохо. Жена его ревновала ко мне. Сколько раз я ей говорила: — «Что ты ревнуешь ко мне? Право, мне все равны: и Жуковский, и Пушкин, и Плетнев, — разве ты не видишь, что ни я не влюблена в него, ни он в меня». — «Я это хорошо вижу, — говорит, — да мне досадно, что ему с тобой весело, а со мной он зевает».

Когда сердце бьется от радости, то по словам Пушкина, оно:

То так,
То пятак,
То денежка!

Этими словами он хотел выразить биение и тревогу сердца.

Раз я созналась Пушкину, что мало читаю. Он мне говорит: — «Послушайте, скажу и я вам по секрету, что я читать терпеть не могу, многого не читал, о чем говорю. Чужой ум меня стесняет».

А. О. СМИРНОВА по записи Я. П. Полонского. *Гол. Минувшего,* 1917, № 11, 155.

Пушкин жил в доме Китаева, придворного камер-фурьера. В столовой красный диван, обитый кретоном, два кресла, шесть стульев, оваль-

[1] В журнале очевидная опечатка: *потеть.*

ный стол и ломберный, накрываемый для обеда. Хотя летом у нас бывал придворный обед, довольно хороший, я все-же любила обедать у Пушкиных. У них подавали зеленый суп с крутыми яйцами, рубленые большие котлеты со шпинатом или щавелем и на десерт варенье из белого крыжовника.

А.О. СМИРНОВА. *Автобиография,* 328.

Наталья Николаевна сидела обыкновенно за книгою внизу. Пушкина кабинет был наверху, и он тотчас нас зазывал к себе. Кабинет поэта был в порядке. На большом круглом столе, перед диваном, находились бумаги и тетради, часто несшитые, простая чернильница и перья; на столике графин с водой, лед и банка с кружевниковым вареньем, его любимым. (Он привык в Кишиневе к дульчецам). Волоса его обыкновенно еще были мокры после утренней ванны и вились на висках; книги лежали на полу и на всех полках. В этой простой комнате, без гардин, была невыносимая жара; но он это любил, сидел в сюртуке, без галстуха. Тут он писал, ходил по комнате, пил воду, болтал с нами, выходил на балкон и прибирал всякую чепуху насчет своей соседки графини Ламберт. Иногда читал нам отрывки своих сказок и очень серьезно спрашивал нашего мнения. Он восхищался заглавием одной: «Поп — толоконный лоб и служитель его Балда». «Это так дома можно, — говорил он, — а ведь цензура не пропустит!» Он говорил часто: «ваша критика, мои милые, лучше всех; вы просто говорите: этот стих нехорош, мне не нравится». Вечером, в 5 или 6 часов, он с женой ходил гулять вокруг озера или я заезжала на дрожках за его женою; иногда и он садился на перекладину верхом, и тогда был необыкновенно весел и забавен. У него была неистощимая mobilité de l'esprit *(подвижность ума)*. В семь часов Жуковский с Пушкиным заходили ко мне; если случалось, что меня дома нет, я их заставала в комфортабельной беседе с моими девушками. — «Марья Савельевна у вас аристократка; а Саша друг мой, из Архангельска, чистая демократка. Никого ни в грош не ставит». Они заливались смехом, когда она Пушкину говорила: — «Да что мне, что вы стихи пишете, — дело самое пустое! Вот Василий Андреевич *(Жуковский)* гораздо почтеннее вас». — «А вот за то, Саша, я тебе напишу стихи, что ты так умно рассуждаешь». И точно, он ей раз принес стихи, в которых говорилось, что

Архангельская Саша
Живет у другой Саши.

Стихи были довольно длинны и пропали у нее. (Стр. 1877—1878).

Когда разговорились о Шатобриане, помню, он говорил: из всего, что он написал, только одна вещь понравилась мне. Хотите, я вам ее напишу в ваш альбом? «Если бы я мог еще верить в счастье, я бы искал его в монотонности житейских привычек» (стр. 1882).

А. О. СМИРНОВА (РОССЕТ). Воспоминания.
Рус. Арх., 1871.

Пушкин мне сказал: — «Придворные лакеи прозвали ее «фрейлина Россет». Я с нею и с женой катались в парных дрожках, которые называли ботиками. Я сидел на перекладных и пел им песню, божусь тебе, не моего сочинения:

Царь наш немец русский...
Царствует он где же?
Всякий день в манеже.
Школы все — казармы.
Судьи все — жандармы.
А Закревский, баба,
Управляет в Або,
А другая баба
Начальником штаба

(Стих. К. Рылеева.)

«И эти стихи не мои:

Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.

«Сумасшедшие, разве такая махина, как Россия, может жить без самодержавия?»

Н. Д. КИСЕЛЕВ по записи А. О. Смирновой.
Смирнова, Автобиография, 208.

Пушкин был ревнив и страстно любил жену свою, что нисколько, однако, не мешало ему иногда скучать в ее присутствии. Она его не понимала и, конечно, светские успехи его ставила выше литературных. Раз А. О. Смирнова посетила его на даче, — в то время, как он писал свои сказки. По ее словам, Пушкин любил писать карандашом, лежа на диване и каждый исписанный им лист опуская на пол. Раз у ней зашла речь с Пушкиным об его стихотворении: «Подъезжая под Ижоры». — «Мне это стихотворение не нравится, — сказала ему Смирнова, — оно выступает как бы подбоченившись». Пушкину это понравилось, и он мно-

го смеялся. Когда затем Смирнова сошла вниз к жене его, Наталья Николаевна сказала ей: «Вот какая ты счастливая, — я тебе завидую. Когда ты приходишь к моему мужу, он весел и смеется, а при мне зевает».

Я. П. ПОЛОНСКИЙ. Кое-что о Пушкине. Cosmopolis, 1898, март, 201.

Раз, когда Пушкин читал моей матери стихотворение, которое она должна была в тот же вечер передать государю, жена Пушкина воскликнула: «Господи, до чего ты мне надоел со своими стихами, Пушкин!» Он сделал вид, что не понял, и отвечал: «извини, этих ты не знаешь: я не читал их при тебе». — «Эти ли, другие ли, все равно. Ты вообще надоел мне своими стихами». Несколько смущенный, поэт сказал моей матери, которая кусала себе губы от вмешательства: «Натали еще совсем ребенок. У нее невозможная откровенность малых ребят». Он передал стихи моей матери, не дочитав их, и переменил разговор. В Царскосельском театре затевался спектакль, и мать моя сообщила Пушкиной, что она получит приглашение. Это привело ее в лучшее настроение, и она сказала моей матери: — «Пожалуйста, продолжайте чтение. Я вижу, что ему этого очень хочется. А я пойду посмотрю мои платья. Вы зайдите ко мне потом, чтоб сказать, что мне лучше надеть для спектакля?»

О. Н. СМИРНОВА. *Записки А. О. Смирновой*, I, 181.

27-го июля, в 7-м часу вечера, я шел к знакомому, жившему во дворце. Я пошел парком. Не сделал я двадцати шагов, как вышел из-за деревьев на ту же дорогу человек среднего роста, с толстой палкой в руке. Он шел мне навстречу скоро, большими шагами. Хотя он был еще далеко от меня, но по походке и бакенбардам нетрудно было узнать в нем Александра Сергеевича. Я решился подойти к нему. За несколько шагов, сняв фуражку, я сказал ему взволнованным голосом: «Извините, что я вас останавливаю, Александр Сергеевич; но я внук вам по лицею, желаю вам представиться». — «Очень рад, — отвечал он, улыбнувшись и взяв меня за руку, — очень рад». — Непритворное радушие видно было в его улыбке и глазах. Я сказал ему свою фамилию. «Ну, что у вас делается в лицее? Если вы не боитесь усталости, — прибавил он, — то пойдемте со мной». Мы пошли так же скоро и теми же большими шагами. Я не чувствовал ни прежнего волнения, ни прежней боязни. При всей своей славе Александр Сергеевич был удивительно прост в обхождении.

Гордости, важности, резкого тона не было в нем ни тени, оттого и нельзя было не полюбить его искренно с первой же минуты. Из парка мы перешли в большой сад. — «Ну, а литература у вас процветает?» — спросил он. — «Что ваш сад и ваши палисадники? А памятник в саду вы поддерживаете? Видаетесь ли вы с вашими старшими? Выпускают ли теперь из лицея в военную службу? Есть ли между вами желающие? Какие теперь у вас профессора? Прибавляется ли ваша библиотека? У кого она теперь на руках?» На эти вопросы Александра Сергеевича я едва успевал отвечать. В свою очередь мне ужасно хотелось расспросить его об нем самом, но он решительно не давал мне времени и, конечно, делал это не без намерения. Я понимал, что ему не о чем было более говорить с 17-летним юношею, как об его заведении, но в этом-то и было все мое горе. Многие расставленные по саду часовые ему вытягивались, и если он замечал их, то кивал им головою. Когда я спросил: «отчего они ему вытягиваются?», то он отвечал: «право, не знаю; разве потому, что я с палкой». Обойдя кругом озера, он сказал: «Вы раскраснелись, кажется, устали?» — «Это не от усталости, а от эмоции и удовольствия итти с вами». Он улыбнулся и протянул мне руку.

П. И. МИЛЛЕР. Встреча с Пушкиным. *Рус. Арх.*, 1902, III, 232—234.

Я часто здесь вижу Пушкина. Он премило живет с своей премиленькой женой, любит ее, ласкает и совсем не бесчинствует.

А. В. ВЕНЕВИТИНОВ — М. П. Погодину, 28 июля 1831 г., из Царского Села. *Литературн. Наследство*, т. 16—18, стр. 710.

Пушкин, живший в Царском Селе, близ Китайского домика, полюбил молодого гусара *(графа Васильева)* и частенько утром, когда он возвращался с ученья домой, зазывал к себе, шутил, смеялся, рассказывал или сам слушал рассказы о новостях дня. Однажды в жаркий летний день граф Васильев, зайдя к нему, застал его чуть не в прародительском костюме. «Ну, уж извините, — засмеялся поэт, пожимая ему руку, — жара стоит африканская, а у нас там, в Африке, ходят в таких костюмах».

П. К. МАРТЬЯНОВ со слов графа А. В. Васильева. Новые сведения о Лермонтове. *Истор. Вестн.*, 1892, т. 50, стр. 384.

Граф А. В. Васильев сказывал, что, служа в 1831 г. в лейб-гусарах, однажды летом он возвращался часу в четвертом утра в Царское Село, и, когда проезжал мимо дома Китаева, Пушкин зазвал его в раскрытое окно к себе. Граф Васильев нашел поэта за письменным столом в халате, но без сорочки (так он привык, живучи на юге). Пушкин писал тогда свое послание «Клеветникам России» и сказал молодому графу, что пишет по желанию государя.

П. И. БАРТЕНЕВ, *Рус. Арх.*, II, 516.

Когда Пушкин написал эту оду *(«Клеветникам России»)*, он прежде всего прочел ее нам.

Имп. АЛЕКСАНДР II. Е. Д. Из воспоминаний об имп. Ал. II. *Журн.* «*Ученик*», 1911, № 45, стр. 1087. Цит. по *Брокг. Ефр.*, т. VI, 410.

Карантины превратили эти 24 версты *(от Петербурга до Царского Села)* в дорогу от Петербурга до Камчатки. Знаете ли, что я узнал наднях только, что э... но вы не поверите мне, назовете меня суевером, — что всему этому виною не кто другой, как враг честного креста церквей господних и всего огражденного святым знамением. Это чорт надел на себя зеленый мундир с гербовыми пуговицами, привесил к боку остроконечную шпагу и стал карантинным надзирателем. Но Пушкин, как ангел святой, не побоялся сего рогатого чиновника, как дух пронесся его мимо и во мгновение ока очутился в Петербурге, на Вознесенском проспекте, и воззвал голосом трубным ко мне, лепившемуся по низменному тротуару, под высокими домами. Это была радостная минута; она уже прошла. Это случилось 8 августа.

Н. В ГОГОЛЬ — В. А. Жуковскому, 10 сентября 1831 г. *Письма Гоголя, ред. Шенрока*, т. I, 188.

Пушкина видел я в 1831 г., вместе с его молодою красавицею-женою, в саду Александровского дворца, в Царском Селе. Он тогда провел там все лето по случаю свирепствовавшей в Петербурге холеры. Однажды он вез оттуда жене своей в подарок дорогую турецкую шаль; ее в карантине окурили и всю искололи. Мне, после этой единственной встречи с Пушкиным, навсегда остались памятны: его проницательный взгляд, его кудрявые волосы и его необыкновенно длинные руки.

Бар. Ф. А. БЮЛЕР, *Рус. Арх.*, 1872, 202.

Моя невестка очаровательна; она вызывает удивление в Царском, и императрица хочет, чтоб она была при дворе. Она от этого в отчаянии, потому что неглупа; я не то хотела сказать: хотя она вовсе не глупа, она еще немножко робка, но это пройдет, и она, красивая, молодая и любезная женщина, поладит и со двором, и с императрицей. Но зато Александр, я думаю, на седьмом небе... Физически они — две полные противоположности: Вулкан и Венера, Кирик и Улита и т. д., и т. д.

О. С. ПАВЛИЩЕВА — мужу, от середины августа 1831 г. *П—и и его совр-ки*, XV, 83 *(фр.)*.

Однажды Пушкин, гуляя по Царскому Селу, встретил коляску, вмещавшую в себе ни более, ни менее, как Николая Павловича. Царь приказал остановиться и, подозвав к себе Пушкина, потолковал с ним о том, о сем очень ласково. Пушкин прямо с прогулки приходит к Смирновой. — «Что с вами?» — спросила Смирнова, всматриваясь в его лицо. Пушкин рассказал ей про встречу и прибавил: «Чорт возьми, почувствовал подлость во всех жилах». Я это слышал от самой Смирновой.

И. С. АКСАКОВ — Н. С. Соханской-Кохановской. *Н. Барсуков*, XIX, 409.

Дома у меня произошла перемена министерства. Бюджет Алекс. Григорьева оказался ошибочен; я потребовал счетов; заседание было столь же бурное, как и то, в коем уничтожен был Иван Григорьев; вследствии сего Алекс. Григорьев сдал министерство Василию (за коим блохи другого роду). Забыл я тебе сказать, что Алекс. Григорьев при отставке получил от меня в виде аттестата плюху, за что он было вздумал произвести возмущение и явился ко мне с военною силою, т.-е. квартальным; но это обратилось ему же во вред, ибо лавочники, проведав обо всем, засадили было его в яму, от коей по своему великодушию избавил я его. Теща моя не унимается; ее не переменяет ничто, ni le temps, ni l'absence, ni des lieux la longueur.

ПУШКИН — П. В. Нащокину, 3 сент. 1831 г., из Царского Села.

Мы больше друзья с Александром и особенно с его женою, но я не хочу жить у них, потому что их образ жизни противоречит моим при-

вычкам... Она была представлена императрице, которая от нее в восхищении.

О. С. ПАВЛИЩЕВА — Н. И. Павлищеву, 4 сент., 1831 г., *П—и и его совр-ки,* XV, 89.

Александр приехал ко мне вчера, в среду, из Царского; весел, как медный грош, забавлял меня остротами, уморительно передразнивал Архарову, Ноденов, причем не забыл представить и «дражайшего» *(отца).*

О. С. ПАВЛИЩЕВА — мужу, 10 сент. 1831 г. *Л. Павлищев, 260.*

15 сент. 1831 г... в той атмосфере невидимые силы нашептывают мысли, суждения, вдохновения, чувства. Будь у нас гласность печати, никогда Жуковский не подумал бы, Пушкин не осмелился бы воспеть победу Паскевича. Во-первых, потому что этот род восторгов — анахронизм... Во-вторых, потому что курам насмех быть вне себя от изумления, видя, что льву удалось, наконец, наложить лапу на мышь.

22 сент. — Пушкин в стихах своих *Клеветникам России* кажет им шиш из кармана. Он знает, что они не прочтут стихов его, следовательно, и отвечать не будут на *вопросы,* на которые отвечать было бы очень легко, даже самому Пушкину. За что *возрождающейся Европе* любить нас?.. Мне также уже надоели эти географические фанфаронады наши *«От Перми до Тавриды»* и проч. Что же тут хорошего, чему радоваться и чем хвастаться, что у нас от *мысли* до *мысли* пять тысяч верст... «Вы грозны на словах, попробуйте на деле»... Неужели Пушкин не убедился, что нам с Европою воевать была бы смерть? Зачем же говорить нелепости и еще против совести и более всего без пользы?

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. Старая записная книжка. *Полн. собр. соч.,* т. IX, стр. 158.

Вы — нервны... Г-н Нащокин говорил мне, что вы изумительно ленивы.

П. Я. ЧААДАЕВ — Пушкину, 18 сент. 1831 г. *Соч. и письма Чаадаева, под. ред. М. Гершензона.* М. 1914. Т. I, 163, 166 *(фр.).*

На прошедшей неделе мы обедали в Английском Клобе с Чаадаевым, а после мы и заспорили и крепко о достоинстве стихов Пушкина и

других, кои здесь во всю неделю читались всеми, — «На взятие Варшавы» и «Послание клеветникам России». Мы немного нападали на Чаадаева за его мнение о стихах... Александр Пушкин точно сделан биографом Петра I и с хорошим окладом.

А. И. ТУРГЕНЕВ — Н. И. Тургеневу, 26 сент. 1831 г., из Москвы, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1913, март, стр. 21.

Барон Бухгольц пересылал твои письма ко мне в Царское Село Александру *(Пушкину)*, а этот передавал их мне, когда ему заблагорассудится, а иногда не передавал вовсе, и я подозреваю, — прости меня, господи, — что он ими п.....л себе з.....у, — конечно, по рассеянности.

О. С. ПАВЛИЩЕВА — мужу Н. И. Павлищеву, 6 окт. 1831 г., из Петербурга. *Пушкин и его современники*, XV, 93 *(фр.)*.

Мне совестно быть неаккуратным, но я совершенно расстроился: женясь, я думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро. В Москве говорят, что я получаю 10.000 жалования, но я покамест не вижу ни полушки; если буду получать и 4.000, так и то слава богу.

ПУШКИН — П. В. Нащокину, из Царского Села. 7 окт. 1831 г.

Вскоре по выходе повестей Белкина *(серед. октября 1831 г.)*, я на минуту зашел к Александру Сергеевичу; они лежали у него на столе. Я и не подозревал, что автор их — он сам. — «Какие это повести? И кто этот Белкин?» — спросил я, заглядывая в книгу. — «Кто бы он там ни был, а писать повести надо вот этак: просто, коротко и ясно».

П. И. МИЛЛЕР — Встреча с Пушкиным. *Рус. Арх.*, 1902, III, 234.

Праздновали на квартире Яковлева (в казенном доме, на Литейной). Собрались: Илличевский, Корнилов, Стевен, Комовский, Данзас, Корф; Пушкина не было потому только, что *(тщательно зачеркнуто:*

не хотел до 19 октября увидеться с кем-либо из лицейских товарищей первого выпуска) не нашел квартиры.

ПРОТОКОЛ ПРАЗДНОВАНИЯ ЛИЦЕЙСКОЙ ГОДОВЩИНЫ (19 октября). *П—н и его совр—ки*, XIII. 50.

Вечер у Жуковского. Гнедич, Пушкин и Одоевский — чит. сказки свои — смешные и грязные анекдоты — Пушкин что-то очень расстроен.

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 20 окт. 1831 г., *П—н и его совр—ки*, XXIII—XXIV, 117.

Пушкин часто переменял квартиры. По приезде из Царского Села в Петербург, он съехал с квартиры почти тотчас же, как нанял (она была очень высока) [1], и поселился на Галерной в доме Брискорн.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 312.

При приезде они взяли квартиру, которая в конце концов им не понравилась, и они нашли другую на Галерной за 2500 рублей. Моя невестка беременна, но этого еще не видно; она прекрасна и очень мила.

О. С. ПАВЛИЩЕВА — мужу, 23 окт. 1831 г. *П—н и его совр—ки*, XV, 101 *(фр.)*.

Квартира Пушкина с октября 1831 г. по май 1832 г. была в Галерной улице, дом Брискорн; этот дом был сквозной на Английскую набережную, рядом с ним помещался в то время морской штаб, за которым была английская церковь. В настоящее время дом принадлежит г. Струкову, № 53 *(см. рис. 4)*.

П. ЗЕТ (П. Н. СТОЛПЯНСКИЙ). Квартиры А. С. Пушкина. *Новое Время*, 1912, № 12889.

---

[1] Адрес этой квартиры Пушкин сообщает Вяземскому в письме от 15—19 окт. 1831 г. у Измайловского моста на Воскресенской улице, в доме Берникова. Как правильно замечает Н. О. Лернер, здесь, конечно, описка: вместо *Вознесенской* улицы, т. е. Вознесенского проспекта.

К Пушкину. Сухое свидание. Что ваше дело? В главном правлении цензуры и только. Он только что переехал и разбирается.

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 28 окт. 1831 г. *П—н и его совр—ки*, XXIII—XXIV, 118.

Когда Пушкин приехал с женою в Петербург, то они познакомились со всею знатью (посредницею была Загряжская). Графиня Нессельроде, жена министра, раз без ведома Пушкина взяла жену его и повезла на небольшой придворный Аничковский вечер; Пушкина очень понравилась императрице. Но сам Пушкин ужасно был взбешен этим, наговорил грубостей графине и между прочим сказал: «я не хочу, чтоб жена моя ездила туда, где я сам не бываю».

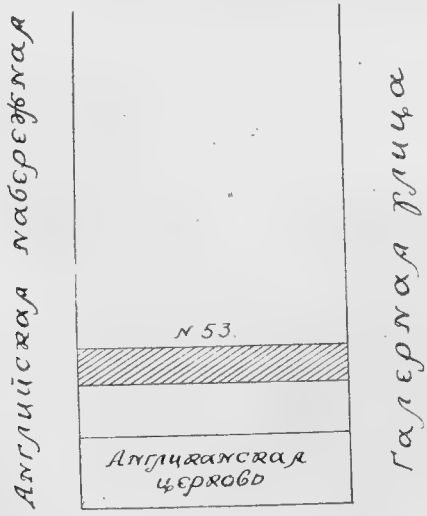


Рис. 4.

П. В. НАЩОКИН по записи Бартенева. *Рассказы о П-не*, 42.

С первого года женитьбы Пушкин узнал нужду, и хотя никто из самых близких не слыхал от него ни единой жалобы, беспокойство о существовании омрачало часто его лицо. Домашние нужды имели большое влияние на нрав его. Вспоминаю, как он, придя к нам, ходил печально по комнате, надув губы и опустив руки в карманы широких панталон, и уныло повторял: «грустно! тоска!» Шутка, острое слово оживляли его электрическою искрою; он громко захохочет и обнаружит ряд белых, прекрасных зубов, которые с толстыми губами были в нем остатками полуарабского происхождения. И вдруг снова, став к камину, шевеля что-нибудь в своих широких карманах, запоет протяжно: «грустно! тоска!» Я уверен, что беспокойствия о будущей судьбе семейства, долги и вечные заботы о существовании были главною причиною той раздражительности, которую он показал в происшествиях, бывших причиною его смерти.

Н. М. СМИРНОВ. *Рус. Арх.*, 1882, I, 233.

Отец рассказал мне, что как-то вечером, осенью, Пушкин, прислушиваясь к завыванию ветра, вздохнул и сказал: «как хорошо бы теперь быть в Михайловском! Нигде мне так хорошо не пишется, как осенью в деревне. Что бы нам поехать туда!» У моего отца было имение в Псковской губернии, и он собирался туда для охоты. Он стал звать Пушкина ехать с ним вместе. Услыхав этот разговор, Пушкина воскликнула: «восхитительное местопребывание! Слушать завывание ветра, бой часов и вытье волков. Ты с ума сошел!» И она залилась слезами к крайнему изумлению моих родителей. Пушкин успокоил ее, говоря, что он только пошутил, что он устоит и против искушения, и против искусителя (моего отца). Тем не менее Пушкина еще некоторое время дулась на моего отца, упрекая его, что он внушает сумасбродные мысли ее супругу.

О. Н. СМИРНОВА. *Записки А. О. Смирновой*, I, 181.

Когда вдохновение сходило на Пушкина, он запирался в свою комнату, и ни под каким предлогом жена не дерзала переступить порог, тщетно ожидая его в часы завтрака и обеда, чтобы как-нибудь не нарушить прилив творчества. После усидчивой работы, он выходил усталый, проголодавшийся, но окрыленный духом, и дома ему не сиделось.

А. П. АРАПОВА. *Новое Время*, 1907, № 11413.

Однажды, кажется, у А. Н. Оленина, Уваров, не любивший Пушкина, гордого и не низкопоклонного, сказал о нем: «что он хвалится своим происхождением от негра Аннибала, которого продали в Кронштадте (Петру Великому) за бутылку рома!» Булгарин, услыша это, не преминул воспользоваться случаем и повторил в «Северной Пчеле» этот отзыв. Этим объясняются стихи Пушкина: «Моя родословная».

На меня Пушкин дулся недолго. Он скоро убедился в моей неприкосновенности к шуткам Булгарина и, как казалось, старался сблизиться со мною. Мы раз как-то встретились в книжном магазине Белизара. Он поклонился мне неловко и принужденно; я подошел к нему и сказал, улыбаясь: «Ну, на что это походит, что мы дуемся друг на друга? Точно Борька Федоров с Орестом Сомовым». Он расхохотался и сказал «Очень хорошо!» (любимая его поговорка, когда он был доволен чем-нибудь). Мы подали друг другу руки, и мир был восстановлен.

Н. И. ГРЕЧ. *Записки о моей жизни*, СПБ., 1886, стр. 456—457.

У Пушкина было любимою поговоркою или скороговоркою: «очень хорошо!», когда кто-нибудь выпустит при нем острое словечко.

Граф М. Д. БУТУРЛИН. *Рус. Арх.*, 1897, II, 373.

Я знаю, что ты будешь бранить меня. Но *войди в мое положение* (как любил в таких случаях говаривать Пушкин).

П. А. ПЛЕТНЕВ — Я. К. Гроту. *Переписка Грота с Плетневым*, II, 464.

У Пушкина, который получил при мне письмо о новом журнале Краевского и стихи Языкова. Просил у него гостинцу. Вскользь о Петре — о грамматике. Он ничего не знает о себе. Но участия живого уже нет.

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 4 ноября 1831 г. *П—н и его совр—ки*, XXIII—XXIV, 118.

Государь император высочайше повелеть соизволил: отставного коллежского секретаря Александра Пушкина принять на службу тем же чином и определить его в государственную Коллегию Иностранных Дел.

ВЫСОЧАЙШИЙ ПРИКАЗ от 14 ноября 1831 г. *Н. А. Гастфрейнд. Пушкин. Документы госуд. и с.-петербургского главн. архивов мин. ин. дел.* СПБ, 1900, стр. 23.

Жена Пушкина появилась в большом свете, где ее приняли очень хорошо; она понравилась всем и своими манерами, и своей фигурой, в которой находят что-то трогательное. Я встретил их вчера утром на прогулке на Английской набережной.

Бар. М. Н. СЕРДОБИН — бар. Б. А. Вревскому, 17 ноября 1831 г., из Петербурга. — *П—н и его совр—ки*, XXI—XXII, 371 *(фр.)*.

Моя невестка *(Нат. Ник. Пушкина)* — женщина наиболее здесь модная. Она вращается в самом высшем свете, и говорят вообще, что она — первая красавица; ее прозвали «*Психеей*».

О. С. ПАВЛИЩЕВА — Н. И. Павлищеву. 17 ноября 1831 г. *П—н и его совр—ки*, XV, 106 *(фр.)*.

Государь император всемилостивейше пожаловать соизволил состоящего в ведомстве Гос. Коллегии Иностр. Дел. колл. секр. Пушкина в титулярные советники.

ВЫСОЧАЙШИЙ УКАЗ от 6 дек. 1831 г. *Гастфрейнд, Документы,* 25.

Вот тебе мой itinéraire. Собирался я выехать в зимнем дилижансе, но мне объявили, что, по причине оттепели, должен я отправиться в летнем; взяли с меня лишних 30 рублей и посадили в четвероместную карету вместе с двумя товарищами. А я еще и человека с собою не взял, в надежде путешествовать одному. Один из моих спутников был рижский купец, добрый немец, которого каждое утро душили мокроты, и который на станции ровно час отхаркивался в углу. Другой — мемельский жид, путешествующий на счет первого. Вообрази, какая веселая компания. Немец три раза в день и два раза в ночь аккуратно был пьян. Жид забавлял его всю дорогу приятным разговором, например, по-немецки рассказывал ему Ivan Wijiguin (ganz charmant). Я старался их не слушать и притворялся спящим. В Валдае принуждены мы были пересесть в зимние экипажи и насилу дотащились до Москвы. Нащокина не нашел я на старой его квартире; насилу отыскал его у Пречистенских ворот, в доме Ильинской. Он все тот же: очень мил и умен; был в выигрыше, но теперь проигрался, в долгах и хлопотах.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 8 декабря 1831 г., из Москвы.

Секретно. Находящийся под секретным надзором чиновник 10 класса Александр Пушкин сего месяца 13 числа прибыл из С.-Петербурга и остановился Пречистенской части I квартала в доме гг. Ильинских. Предписанный за ним надзор учрежден.

Полицмейстер МИЛЛЕР, в рапорте и. д. моск. об.-полицмейстера, 23 дек. 1831 г. *Красн. Арх.,* т. 37, стр. 243.

Когда Пушкин приезжал к Нащокину, они тотчас отправлялись в бани (Лепехинские, что были у Смоленского рынка) и там вдоволь наговаривались, так что им после не нужно было много говорить: в обществе они уже вполне понимали друг друга. Вставал Пушкин довольно рано, никуда не выходил, покуда не встанет Нащокин, просыпавшийся

довольно поздно, потому что засиживался в английском клубе, куда Пушкин не ездил. Питая особенную к нему нежность, он укутывал его, отправлял в клуб, крестил.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов П. В. Нащокина. *Рассказы о П—не*, 27.

Рассказ Чаадаева... Наиболее Пушкин любил Нащокина, который давал ему всегда в заем денег. Пушкин вечно влюблялся.

О. М. БОДЯНСКИЙ. Дневник, 25 окт. 1850 г. *Рус. Стар.*, 1889, т. 64. стр. 128.

Поэт Пушкин здесь, как слышно, на несколько дней. У него жена, как сказывают, первая красавица в С.-Петербурге. Я не видел ее.

А. И. ТУРГЕНЕВ — Н. И. Тургеневу 8 дек. 1831 г., из Москвы. *Жур. Мин. Нар. Просв.*, 1913, март, стр. 19.

Вяземский очень гонял Пушкина в Москве за Польшу... Пушкин — варвар в отношении к Польше. Как поэт, думая, что без патриотизма, как он понимает, нельзя быть поэтом, и для поэзии не хочет выходить из своего варварства. Стихи его *Клеветникам России* доказывают, как он сей вопрос понимает. Я только в одном Вяземском заметил справедливый взгляд и на эту поэзию, и на весь этот нравственно-политический мир (или — безнравственно). Слышал споры их, но сам молчал, ибо Пушкин начал обвинять Вяземского, оправдывая себя; а я страдал за обоих, ибо люблю обоих.

А. И. ТУРГЕНЕВ — Н. И. Тургеневу. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1913, март, стр. 18.

Однажды Пушкин между приятелями сильно руссофильствовал и громил Запад. Это смущало Александра Тургенева, космополита по обстоятельствам, а частью и по наклонности. Он горячо оспаривал мнения Пушкина; наконец, не выдержал и сказал ему: — «А знаешь ли, что, голубчик, съезди ты хоть в Любек». Пушкин расхохотался, и хохот обезоружил его. Нужно при этом напомнить, что Пушкин не бывал никогда за границею, что в то время русские путешественники отправлялись обык-

новенно с Любскими пароходами, и что Любек был первый иностранный город, ими посещаемый.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Поли. собр. соч.*, т. VIII, 168.

Пушкин у вас в Москве; жена его хороша, хороша, хороша! Но страдальческое выражение ее лба заставляет меня трепетать за ее будущность.

Гр-ня Д. Ф. ФИКЕЛЬМОН — кн. Вяземскому, 12 дек. 1831 г. *Собр. соч. кн. П. П. Вяземского*, стр. 533.

И. И. Дмитриев в одно из своих посещений английского клуба, на Тверской, заметил, что ничего не может быть страннее самого названия: *московский английский клуб*. Случившийся тут Пушкин, смеясь, сказал ему на это, что у нас есть названия еще более странные. «Какие же?»— спросил Дмитриев. — «*А императорское человеколюбивое общество*».

Н. М. ЯЗЫКОВ. *Истор. Вестн.*, 1883, т. XIV, стр. 536.

Москва еще пляшет, но я на балах еще не был. Вчера обедал в Англ. клубе. Меня тянет в Петербург. Не люблю я твоей Москвы. У тебя, т. е. в нашем Никитском доме, я еще не был. Не хочу, чтоб холопья ваши знали о моем приезде; да не хочу от них узнать и о приезде Нат. Ив., иначе должен буду к ней явиться и иметь с нею необходимую сцену; она все жалуется по Москве на мое корыстолюбие, да полно, я слушаться ее не намерен.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 10 декабря 1831 г., из Москвы.

В первой половине декабря 1831 г. Пушкин в Москве читал отрывки из своих сказок Н. М. Языкову. «Это не его род, — пишет Языков брату А. М—чу от 16 декабря. — Пушкин говорит, что он сличил все доныне напечатанные русские песни и привел их в порядок и сообразность, ибо ведь они издавались без всякого толку; но он кажется хвастает».

Д. Н. САДОВНИКОВ. *Истор. Вестн.*, 1883, т. XIV, стр. 533.

Здесь мне скучно; Нащокин занят делами, а дом его — такая бестолочь и ералаш, что голова кругом идет. С утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчие, цыганы, шпионы, особенно зазывалы. Всем вольный вход. Всем до него нужда; всякий кричит, курит трубку, обедает, поет, пляшет; угла нет свободного — что делать? Между тем денег у него нет, кредита нет, — время идет, а дело мое не распутывается. Все это по неволе бесит меня. К тому же, я опять застудил себе руку, и письмо мое, вероятно, будет пахнуть бобковой мазью. Жизнь моя однообразная, выезжаю редко. Вчера Нащокин задал нам цыганский вечер; я так от этого отвык, что от крику гостей и пенья цыганок до сих пор голова болит. Тоска, мой ангел, — до свидания.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 16 декабря 1831 г., из Москвы.

В Москве Нащокин вел большую, но воздержную игру у себя, у приятелей, а впоследствии постоянно в английском клубе. Нащокин, проигрывая, не унывал, платил *долг чести* (т.-е. карточный) аккуратно, жил в довольстве и открыто, в случае же большого выигрыша жил по широкой русско-барской натуре. Он интимно сблизился с хорошенькой цыганкой Ольгой Андреевной. Не помню, на Пречистенке или Остоженке, он занимал квартиру, весьма удобную, в одноэтажном деревянном доме. Держал карету и пару лошадей для себя, а пару вяток для Оленьки. У него чуть не ежедневно собиралось разнообразное общество: франты, цыгане, литераторы, актеры, купцы-подрядчики; иногда являлись заезжие петербургские друзья, в том числе и Пушкин, всегда останавливавшийся у него. Постоянным посетителем его дома был генерал кн. Гагарин (прозванный Адамовой головой), храбрец, выигравший в 1812 году у офицеров пари, что доставит Наполеону два фунта чаю! И доставил: и только по благосклонности Наполеона благополучно возвратился в русский лагерь. Играя с богачами, Нащокин не отказывался от любимого занятия и с такими, у которых выиграть нечего, каким был, напр., Ник. Фил. Павлов *(известный в то время беллетрист)*. Однажды, пообедав у Нащокина, Павлов предложил игру. Играли всю ночь. К утру Нащокин проиграл деньги, золотые часы, столовое серебро, наконец, карету с лошадьми, даже Оленькины сани с парою вяток. Цыганка, узнав об исчезновении вяток, нисколько не огорчилась: вероятно, привыкла, или знала, что все скоро возвратится. И действительно, вскоре они зажили прежнею роскошною жизнью.

Н. И. КУЛИКОВ. Воспоминания. *Рус. Стар.*, 1880, дек., стр. 992.

Пушкин здесь, но что-то пасмурен и рассеян.

М. П. ПОГОДИН — С. П. Шевыреву 21 дек. 1831 года, из Москвы. *Рус. Арх.*, 1882, III, *191.*

(По поводу стихов Пушкина на взятие Варшавы). Мне досадно, что ты хвалишь Пушкина за последние его вирши. Он мне так огадился как человек, что я потерял к нему уважение даже как к поэту... Теперешний Пушкин есть человек, остановившийся на половине своего поприща, и который, вместо того, чтобы смотреть прямо в лицо Аполлону, оглядывается по сторонам и ищет других божеств, для принесения им в жертву своего дара. Упал, упал Пушкин, и — признаюсь, мне весьма жаль этого. О, честолюбие и златолюбие!

Н. А. МЕЛЬГУНОВ — С. П. Шевыреву, 21 декабря 1831 г. *А. И. Кирпичников. Очерки по истории новой рус. литературы.* Т. II, изд. 2, М. 1903, стр. 167.

Гончаровой-Пушкиной не может женщина быть прелестней. Здесь многие находят ее несравненно лучше красавицы Завадовской.

Ген. А. П. ЕРМОЛОВ — Н. П. Воейкову, 21 дек. 1831 г., из Петербурга. *Рус. Арх.*, 1906 г., III, 40.

Между нами будет сказано, Пушкин приезжал сюда по делам не чисто литературным, или вернее сказать, не за делом, а для картежных сделок, и находился в обществе самом мерзком: между щелкоперами, плутами и обдиралами. Это всегда с ним бывает в Москве. В Петербурге он живет опрятнее. Видно, брат, не права пословица: женится — переменится!

Н. М. ЯЗЫКОВ (поэт) — брату А. М. 22 декабря 1831 г. *Истор. Вестн.*, 1883, XIV, 534.

С тех пор, как вышел из лицея, я не раскрывал латинской книги и совершенно забыл латинский язык. Жизнь коротка, перечитывать некогда.

ПУШКИН. *Об Евгении Онегине.* 1831 г.

Александр ускакал в Москву еще перед Николиным днем и, по своему обыкновению, совершенно нечаянно, предупредив только Наташу,

объявив, что ему необходимо видеться с Нащокиным и совсем не по делам поэтическим, а по делам гораздо более существенным — прозаическим. Какие именно у него дела денежные, по которым улепетнул отсюда, — узнать от него не могла, а жену не спрашиваю. Жду брата, однако, весьма скоро назад. Очень часто вижусь с его женой; то я захожу к ней, то она ко мне заходит, но наши свидания всегда случаются среди белого дня. Заставать ее по вечерам и думать нечего; ее забрасывают приглашениями то на бал, то на раут. Там от нее все в восторге, и прозвали ее Психеею, с легкой руки госпожи Фикельмон, которая не терпит, однако, моего брата — один бог знает, почему.

О. С. ПАВЛИЩЕВА — Н. И. Павлищеву, в конце декабря 1831 г., *Л. Павлищев*, 270.

Наталья Николаевна вспоминала, бывало, как в первые годы ее замужества ей иногда казалось, что она отвыкнет от звука собственного голоса, — так однако и однообразно протекали ее дни! Она читала до одури, вышивала часами, но кроме няни Прасковьи ей не с кем было перекинуться словом. Беспричинная ревность уж в ту пору свила себе гнездо в сердце мужа и выразилась в строгом запрете принимать кого-либо из мужчин в его отсутствие, или когда он удалялся в свой кабинет. Для самых степенных друзей не допускалось исключений; и жене, воспитанной в беспрекословном подчинении, и в ум не могло прийти нарушить заведенный порядок.

А. П. АРАПОВА (дочь Н. Н. Пушкиной-Ланской от второго брака). *Новое Время*, 1907, № 11413.

Секретно. Чиновник 10 кл. Александр Пушкин 24 числа сего месяца выехал отсюда в С.-Петербург; во время жительства его в Пречистенской части ничего за ним законопротивного не замечено.

Полицмейстер МИЛЛЕР в рапорте и. д. моск. об.-полицмейстера, 26 дек. 1831 г. *Красн. Арх.*, т. 37, стр. 243.

Выронил я у тебя серебряную копеечку. Если найдешь ее, перешли. Ты их счастию не веруешь, а я верю. Жену мою нашел я здоровою, несмотря на девическую ее неосторожность. — На балах пляшет, с государ-

рем любезничает, с крыльца прыгает. — Надобно бабенку к рукам прибрать. Она тебе кланяется и готовит шитье.

ПУШКИН — П. В. Нащокину, 8—10 января 1832 года, из Петербурга.

Я женат около года, и вследствие сего образ жизни моей совершенно переменился, к неописанному огорченью Софьи Остафьевны [1] и кавалергардских шаромыжников. От карт и костей отстал я более двух лет: на беду мою я забастовал, будучи в проигрыше, и расходы свадебного обзаведения, соединенные с уплатою карточных долгов, расстроили дела мои. Теперь обращаюсь к тебе: 25.000, данные мне тобою заимообразно, на три или по крайней мере на 2 года, могли бы упрочить мое благосостояние. В случае смерти, есть у меня имение, обеспечивающее твои деньги. Вопрос: можешь ли ты мне сделать сие, могу сказать, благодеяние?

ПУШКИН — М. О. Судиенку, 15 января 1832 г., из Петербурга.

Женитьба произвела в характере поэта глубокую перемену. С того времени он стал смотреть серьезнее, а все-таки остался верен привычке своей скрывать чувство и стыдиться его. В ответ на поздравление с нежданною способностью женатым вести себя, как прилично любящему мужу, он шутя отвечал: «Je ne sius qu'un hypocrite *(я только притворяюсь)*».

Быв холостым, он редко обедал у родителей, а после женитьбы — почти никогда; когда же это случалось, то после обеда на него иногда находила хандра. Однажды, в таком мрачном расположении духа, он стоял в гостиной у камина, заложив назад руки... Подошел к нему Илличевский и сказал:

У печки, погружен в молчанье,
Поднявши фрак, он спину грел
И никого во всей компанье
Благословить он не хотел.

Это развеселило Пушкина, и он сделался очень любезен.

А. П. КЕРН. Воспоминания, *Л. Майков*, 264.

---

[1] Содержательница великосветского дома терпимости.

Ножкой топтать от нетерпения Наталья Николаевна перестала ли, несмотря что это должно быть очень к лицу?

П. В. НАЩОКИН — Пушкину. Втор. половина янв. 1832 г., из Москвы. *Переписка Пушкина.* II, 364.

Наталья Николаевна была очень хороша, высока ростом, стройна, черты лица удивительно правильны, глаза одни небольшие и одним она иногда немного косила: quelque chose de vague dans le regard *(какая-то неопределенность во взгляде).*

Ф. Г. ТОЛЬ со слов кн-ни Е. А. Долгоруковой. *Декабристы на поселении. Изд. Сабашниковых.* М., 1926, стр. 144.

Жену свою Пушкин иногда звал: «моя косая Мадонна». У нее глаза были несколько вкось. Пушкин восхищался природным здравым ее смыслом. Она тоже любила его действительно.

Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ по записи Бартенева. *Рус. Арх.*, 1900. I, 398.

Г-жа Пушкина была одной из самых красивых женщин Петербурга. Лицо, свежесть, молодость, талия — все за нее говорило и стоило поэта. Лицо было чрезвычайно красиво, но меня в нем, как кулаком, ударял всегда какой-то недостаток рисунка. В конце концов я понял, что, не в пример большинству человеческих лиц, глаза ее, очень красивые и очень большие, были размещены так близко друг от друга, что противоречили рисовальному правилу: «один глаз должен быть отделен от другого на меру целого глаза».

СТАНИСЛАВ МОРАВСКИЙ. *Моск. Пушкинист.* II, стр. 258.

Смирдин, переместив свою книжную лавку от Синего моста на Невский проспект, пригласил всех русских литераторов, находящихся в Петербурге, праздновать свое новоселье, — на обед. В пространной зале, которой стены уставлены книгами, — это зала чтения, — накрыт был стол на восемьдесят гостей. В начале шестого часа сели пировать. Обед был обильный и в отношении ко вкусу и опрятности довольно хороший.

Это еще первый не только в Петербурге, но и в России по полному почти числу писателей пир и следовательно отменно любопытный; тут соединились в одной зале и обиженные, и обидчики, тут были даже ложные доносчики и лазутчики... Приехал В. А. Жуковский и присел подле Крылова. А. С. Пушкин сидел с другой стороны подле Крылова. Провозглашен тост: — «Здравие государя-императора, сочинителя прекрасной книги *Устав цензуры!*» сказанный Гречем, — и раздалось громкое и усердное *ура!* Через несколько времени: «Здравие И. А. Крылова!» Единодушно и единогласно громко приветствовали умного баснописца, по справедливости занимающего ныне первое место в нашей словесности. И. А. встал с рюмкою шампанского и хотел предложить здоровье Пушкина; я остановил его и шепнул ему довольно громко: «здоровье В. А. Жуковского!» И за здоровье Жуковского усердно и добродушно было пито, потом уже здоровье Пушкина! Здоровье И. И. Дмитриева, Батюшкова, Гнедича и др. Я долгом почел удержать добродушного Ивана Андреевича от ошибки какого-то рассеяния и восстановить старшинство по литературным заслугам; ибо нет сомнений, что заслуги г. Жуковского, по сие время, выше заслуг г. Пушкина.

М. Е. ЛОБАНОВ. Обед у Смирдина (19 февраля 1832 г.). *Пушкин и его совр—ки*, XXXI—XXXII. 113.

В феврале 1833 *(1832)* года книгопродавец А. Ф. Смирдин, перенеся свой книжный магазин от Синего моста в дом Петропавловской церкви, что на Невском, задумал пригласить к себе всех литераторов отпраздновать новоселье... Смирдинский праздник удался вполне: все были дружно-веселы. Пушкин был необыкновенно оживлен и щедро сыпал остротами, из которых одну в особенности я удержал в памяти. Семенов (цензор) за обедом сидел между Гречем и Булгариным, а Пушкин визави с ним; к концу обеда Пушкин, обратясь к Семенову, сказал довольно громко: «Ты, Семенов, сегодня точно Христос на Голгофе!»

Н. Н. ТЕРПИГОРЕВ. Заметка о Пушкине. *Рус. Стар.*, 1870, т. I, стр. 493.

Однажды в Петербурге, в день рождения А. О. Смирновой *(6 марта)*, Пушкин, гуляя, зашел в магазин на Невском, купил альбом не особенно нарядный, но с большими листами, занес к себе домой и потом сам же принес его к Александре Осиповне с такими стихами:

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взор холодный,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный.
И, как дитя, была добра.
Смеялась над толпою вздорной —
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо на-бело.

И. С. АКСАКОВ. *Русь.* 1882, № 37, стр. 11.

В 1832 году Александр Сергеевич приходил всякой день почти ко мне также и в день рождения моего принес мне альбом и сказал: «Вы так хорошо рассказываете, что должны писать свои Записки», и на первом листе написал стихи: «В тревоге пестрой и бесплодной» и пр. Почерк у него был великолепный, чрезвычайно четкий и твердый.

А. О. СМИРНОВА. Воспоминания. *Рус. Арх.*, 1872, II, 1882.

Однажды на вопрос Баратынского, не помешает ли он ей, если прочтет в ее присутствии Пушкину новые стихотворения, Наталья Николаевна ответила: «Читайте, пожалуйста; я не слушаю».

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ со слов своей матери. *Воспоминания*, 57.

— Вот уж подлинно труженик-то был А. С.! Бывало, как бы поздно домой ни вернулся, и сейчас писать. Сядет у себя в кабинетике за столик, а мне: «иди, Никеша, спать». И до утра все сидит. Смерть любил по ночам писать. Станешь ему говорить, что, мол, вредно, а он: «не твое дело». Встанешь ночью, заглянешь в кабинет, а он сидит, пишет, и устами бормочет, а то так перо возьмет в руки и ходит, и опять бормочет. Утречком заснет, и тогда уж долго спит. Почти два года я у него выжил, поступил к нему в 31 году к холостому в Москве, при мне он и сватался к Гончаровой, при мне и женился... Лимонад очень любил. Бывало, как ночью писать, — сейчас ему лимонад на ночь и ставишь. А вина много не любил. Пил, так, т.-е., средственно.

Н. А. ЛЕЙКИН со слов Никифора Федорова, камердинера Пушкина, *Молва*, 1880, № 159.

Это было на другой год, кажется, после женитьбы Пушкина. Прасковья Александровна *(Осипова)* была в Петербурге и у меня остановилась: они вместе приезжали к ней с визитом в открытой колясочке, без человека. Пушкин казался очень весел, вошел быстро и подвел жену ко мне... Уходя, он побежал вперед и сел прежде ее в экипаж; она заметила шутя, что это он сделал от того, что он муж.

А. П. КЕРН. *П—н и его совр—ки*, V, 150.

Александр Сергеевич Пушкин, рисован с натуры 1832 г., апреля 15. Ростом 2 арш. 5 в. с половиной.

Г. Г. ЧЕРНЕЦОВ. Надпись на подготовительном эскизе к его картине «Парад на Марсовом поле», изображающем Пушкина и Жуковского. *Соч. Пушкина, изд. Брокгауза—Ефрона*, т. VI, стр. 568.

Весною 1832 г. Пушкин перебрался на Фурштатскую ул., д. Алымова, где оставался всего пять месяцев, до октября 1832 г. Дом Алымова может быть назван одним из старейших домов Петербурга и находился на правой стороне Фурштатской улицы (идя от Литейного), между Дрюскениикским (в то время Кирочным) переулком и Воскресенским проспектом, ныне дом Сергеева, № 20. Через дом от квартиры Пушкина помещался полицейский дом Литейной части *(см. рис. 5)*.

П. ЗЕТ (П. Н. СТОЛПЯНСКИЙ). Квартиры Пушкина. *Новое Время*, 1912, № 12889.

Скоро у меня будут крестины на Фурштатской в доме Алымова, — не забудьте этого адреса... Нет ничего более мудрого, как оставаться в своей деревне и поливать капусту. Старая истина, и я постоянно вспоминаю о ней среди существования очень светского и очень беспорядочного.

ПУШКИН — П. А. Осиповой, в средине мая 1832 г., из Петербурга *(фр.)*.

(19 мая 1832 г. у Пушкина родилась дочь, названная Марией). Плакал при первых родах и говорил, что убежит от вторых.

П. В. НАЩОКИН по записи Бартенева, *Рассказы о П—не*, 62.

25 июня 1832 г. Встал поздно. Пришел Пушкин, долго просидел у меня. Добрый малый, но часто весьма.

29 июня 1832 г. К Вяземскому поздравить с именинами. Нашел у него Александра Пушкина... Пушкин очень хвалит Дюмона, а Вяземский позорит, из чего вышел самый жаркий спор. Оба они выходили из себя, горячились и кричали... Спор усиливался. Наконец, пришел человек объявить, что приехал Д. Н. Блудов *(тогда министр внутр. дел)*... Блудов сказал Пушкину, что о нем говорил государю и просил ему жалованья, которое давно назначено, а никто давать не хочет. Государь приказал переговорить с Нессельродом. Странный ответ: я желал бы, чтобы жалованье выдавалось от Бенкендорфа. — Почему же не от вас? Не все ли равно, из одного ящика или из другого? — Для того, чтобы избежать дурного примера. — Помилуйте, возразил Блудов, ежели бы такой пример породил нам хоть нового Бахчисарайского Фонтана, то уж было бы счастливо... Мы очень сему смеялись. Пушкин будет издавать газету под заглавием Вестник; будет давать самые скромные сведения из министерства внутренних дел. Пушкин, говоривший до сего разговора весьма свободно и непринужденно, после оного тотчас смешался и убежал.

Рис. 5.

Н. А. МУХАНОВ. Из дневника. *Рус. Арх.*, 1897. I, 654.

Г.-а. Бенкендорф объявил мне высочайшее повеление о назначении из государств. казначейства жалованья тит. сов. Пушкину. По мнению г.-а. Бенкендорфа, в жалованье Пушкину можно было бы положить 5.000 руб. в год. Я осмеливаюсь испрашивать по сему высочайшего повеления в. и. в—ва.

ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ РАПОРТ ГР. НЕССЕЛЬРОДЕ, от 4 июля 1832 г.

НА ПОДЛИННОМ НАПИСАНО:

Высочайше повелено требовать из гос. казначейства с 14 ноября 1831 года по 5.000 руб. в год на известное его императорскому величеству употребление, по третям года, и выдавать сии деньги тит. сов. Пушкину.

Гастфрейнд. Документы. 30.

4 июля 1832 г. Поехал к Пушкину. Видел у него Плетнева и статую Екатерины, весьма замечательную. Говорили о его газете. Мысли его самые здравые. Он либеральный, анти-полевой, ненавидит дух журналов наших... Он очень созрел.

5 июля. Пришел Александр Пушкин. Говорили долго о газете его... О Погодине. Он его желает. О Вяземском он сказал, что он человек ожесточенный, aigri, который не любит Россию, потому что она ему не по вкусу; о презрении его к русским журналам, о Андросове и статье Погодина о нем. Толстой (А. П.) говорил, что Андросов презирает Россию, о несчастном унижении, с которым писатели наши говорят об отечестве, что в них оппозиция не правительству, а отечеству. Пушкин очень сие апробовал и говорил, что надо об этом сделать статью журнальную. Пушкин говорил долго. Квасной патриотизм. Цель его журнала, как он ее понимает, доказать правительству, что оно может иметь дело с людьми хорошими, а не с литературными шельмами, как доселе было. Водворить хочет новую систему. Я много ожидаю добра от сего журнала.

Н. А. МУХАНОВ. Из дневника. *Рус. Арх.*, 1897, I, 657.

(П. А. Катенин приехал в Петербург в середине 1832 г.). Узнав о моем приезде, многие из знакомых поспешили меня навестить, и между первыми — Пушкин. Свидание было самое дружеское... Коль скоро здоровье позволило, я посетил его; но в своем доме показался он мне как бы другим человеком; приметна была какая-то принужденность, неловкость, словно гостю не рад; после двух или трех визитов я отстал, и хотя он не один раз потом звал и слегка корил, я остался при своем; когда, напротив, он посещал меня, что часто случалось, в нем опять являлся прежний любезный Александр Сергеевич, не совсем так веселый, но уже лета были не те.

П. А. КАТЕНИН. Воспоминания о Пушкине. *Литерат. Наследство*, т. 16—18, стр. 639.

Переходы от порыва веселья к припадкам подавляющей грусти происходили у Пушкина внезапно, как бы без промежутков, что обусловливалось, по словам его сестры, нервною раздражительностью в высшей степени. Он мог разражаться и гомерическим смехом, и горькими слезами, когда ему вздумается, по ходу своего воображения. Стоило ему только углубиться в посещавшие его мысли. Не раз он то смеялся, то плакал, когда олицетворял их в стихах. Восприимчивость нервов проявлялась у него на каждом шагу, а когда его волновала желчь, он поддавался легко порывам гнева. В эти-то мрачные минуты и являлся к нему Соболевский на выручку — прогонять тоску и гнев... Нервы Пушкина ходили всегда, как на каких-то шарнирах, и если бы пуля Дантеса не прервала нити его жизни, то он немногим бы пережил сорокалетний возраст.

Л. Н. Павлищев со слов О. С. ПАВЛИЩЕВОЙ, сестры П—на. *Л. Павлищев,* 156.

Сложения был он крепкого и живучего. По всем вероятностям, он мог бы прожить еще столько же, если бы не более, сколько прожил. Дарование его было также сложения живучего и плодовитого. Он мог еще долго предаваться любимым занятиям. Движимый, часто волнуемый мелочами жизни, а еще более внутренними колебаниями не совсем еще установившегося равновесия внутренних сил, он мог увлекаться или уклоняться от цели. Но при нем, но в нем глубоко таилась охранительная и спасительная нравственная сила. Еще в разгаре самой заносчивой и треволненной молодости, в вихре и разливе разнородных страстей, он нередко отрезвлялся и успокаивался на лоне этой спасительной силы. Эта сила была любовь к труду, потребность труда, неодолимая потребность творчески выразить, вытеснить из себя ощущения, образы, чувства. Труд был для него святыня, купель, в которой исцелялись язвы, обретали бодрость и свежесть немощь, уныния, восстановлялись расслабленные силы. Когда чуял он налет вдохновения, когда принимался за работу, он успокаивался, мужал, перерождался.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. Собр. соч.,* том II, 372.

Когда я имела несчастие лишиться матери и была в очень затруднительном положении, то Пушкин приехал ко мне и, отыскивая мою квартиру, бегал со свойственною ему живостью по всем соседним дворам, пока

наконец нашел меня. В этот приезд он употребил все свое красноречие, чтобы утешить меня, и я увидела его таким же, каким он бывал прежде. Он предлагал мне свою карету, чтобы съездить к одной даме, которая принимала во мне участие *(Е. М. Хитрово);* ласкал мою маленькую дочку Ольгу, забавляясь, что она на вопрос: «Как тебя зовут?» отвечала: «Воля!» и вообще был так трогательно внимателен, что я забыла о своей печали и восхищалась им, как гением добра.

А. П. КЕРН. Воспоминания. *Л. Майков,* 255.

Когда Гнедич получил место библиотекаря при Публичной Библиотеке, он переехал на казенную квартиру. К нему явился Гоголь поздравить с новосельем. — Ах, какая славная у вас квартира, — воскликнул он со свойственной ему ужимкою. — «Да, — отвечал высокомерно Гнедич: — посмотри, на стенах краска-то какая! Не простая краска! Чистый голубец». Подивившись чудной краске, Гоголь отправился к Пушкину и рассказал ему о великолепии голубца. Пушкин рассмеялся своим детским, звонким смехом, и с того времени, когда хвалил какую-нибудь вещь, нередко приговаривал: — «Да, это вещь не простая, чистый голубец».

Граф В. А. СОЛОГУБ. *Воспоминания,* 6.

Приятель мой, которому я поручил передать Пушкину моего «Новика», писал ко мне по этому случаю 19 сент. 1832 г.: «Благодарю вас за случай, который вы мне доставили увидеть Пушкина. Он оставил самые приятные следы в моей памяти. С любопытством смотрел я на эту небольшую, худенькую фигуру, и не верил как он мог быть забиякой... На лице Пушкина написано, что у него тайного ничего нет. Разговаривая же с ним, замечаешь, что у него есть тайна, — его прелестный ум и знания. Ни блесток, ни жеманства в этом князе русских поэтов. Поговоря с ним, только скажешь: он умный человек. Такая скромность ему прилична».

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ. «Знакомство мое с Пушкиным». *Сочинения,* т. VI, изд. М. О. Вольфа, 1884, стр. 240.

Я приехал в Москву вчера, в среду. Велосифер, по-русски поспешный дилижанс, несмотря на плеоназм, поспешал, как черепаха, а иногда даже как рак. В сутки случилось мне сделать три станции. Лошади расковывались, и неслыханная вещь — их подковывали на дороге. 10 лет

езжу я по большим дорогам, отроду не видывал ничего подобного. Наконец дотащился в Москву. Теперь послушай, с кем я путешествовал, с кем провел я 5 дней и 5 ночей. То-то будет мне гонка! С пятью немецкими актрисами, в желтых кацавейках и в черных вуалях. Каково? Ей-богу, душа моя, не я с ними кокетничал — они со мною амурились в надежде на лишний билет. Но я отговаривался незнанием немецкого языка и, как маленький Иосиф, вышел чист от искушения. Приехал в Москву, поскакал отыскивать Нащокина, нашел его попрежнему озабоченным домашними обстоятельствами. Он ездил со мною в баню, обедал у меня. Завез меня к кн. Вяз.; княгиня завезла меня во фр. театр, где я чуть было не заснул от скуки и усталости. Приехали к Оберу и заснул в 10 часов вечера. Вот тебе весь мой день. Видел Чаадаева в театре, он звал меня с собою повсюду, но я дремал. Не можешь вообразить, какая тоска без тебя. Я же все беспокоюсь, на кого покинул я тебя! На Петра, сонного пьяницу, который спит не проспится, ибо он и пьяница и дурак; на Ирину Кузьминичну, которая с тобою воюет; на Непилу Ануфриевну, которая тебя грабит.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 22 сент. 1832 г., из Москвы.

Заключай с поваром какие хочешь условия, только бы не был я принужден, отобедав дома, ужинать в клубе... У Нащокина проявились два новые лица в числе челядинцев: актер, игравший вторых любовников, ныне разбитый параличем и совершенно одуревший, и монах, перекрест из жидов, обвешанный веригами, представляющий нам в лицах жидовскую синагогу и рассказывающий нам соблазнительные анекдоты о московских монашенках. Нащокин говорит ему: ходи ко мне всякий день обедать и ужинать, волочись за моею девичьей, но только не сводничай Окулову. Каков отшельник? Он смешит меня до упаду, но не понимаю, как можно жить окруженным такою сволочью.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 25 сент. 1832 г., из Москвы.

О Пушкине тогда говорили много. Однажды кто-то сообщил, что он приезжает иногда в Грузины слушать цыган, и добавил: «цыгане — его стихия». *(Рассказчик, бывший тогда мальчиком, узнал, что Пушкин приехал в знаменитый тогда «Глазовский» трактир в Грузинах слушать цыганское пение; в 11 час. веч. он отправился к трактиру с двумя другими мальчиками посмотреть на Пушкина).* Изнутри выры-

вались звуки шумного цыганского пения. Прошел час, другой, и мы, перезябнув, хотели было итти уже домой, как вдруг раздался с лестницы громкий голос полового: «Эй, ямщик, экипаж!» Пока полусонный ямщик взнуздывал тройку, на лестнице показались два господина. Один брюнет невысокого роста, с небольшими баками, в шинели с капюшоном и шляпой на голове, другой высокий с усами, в какой-то длиннополой бекеше, с замотанным на шее шарфом и тоже в шляпе. Наверху, на площадке, стояли еще два господина, окруженные цыганами и прислугой, и громко хохотали... Вышедший прежде других господин в шинели, видя, что экипаж еще не подан, спустился с крыльца и пошел в глубь двора. У перил, окаймлявших берег пруда, на котором стояли бани, он остановился и начал смотреть на отражавшуюся в воде луну, деревья и строения. Другой же стоял на крыльце и перебрасывался словами с оставшимися на верхней площадке товарищами... Затем Пушкин сел в коляску, товарищи за ним. Цыгане, окружая экипаж, просили скорей приезжать опять к ним, прислуга клапялась. Пушкин в ответ кивал им головой. Лошади тронулись.

П. К. МАРТЬЯНОВ. Из записной книжки. *Истор. Вести.*, 1884, № 9, 558—591.

Здесь я живу смирно и порядочно, хлопочу по делам, слушаю Нащокина и читаю Mémoires de Diderot. Был вечор у Вяземской. Сегодня еду слушать Давыдова профессора; но я ни до каких Давыдовых, кроме Дениса, не охотник — а в Московском Университете я оглашенный. Мое появление произведет шум и соблазн, а это приятно щекотит мое самолюбие.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 27 сент. 1832 г., из Москвы.

Однажды утром *(в московском университете)* читал лекцию проф. И. И. Давыдов... Вдруг входит г-н министр, ведя с собою молодого человека невысокого роста, с чрезвычайно оригинальной, выразительной физиономией, осененной густыми, курчавыми, каштанового цвета волосами, одушевленной живым, быстрым, орлиным взглядом. Указывая на вошедшего с ним молодого человека, г-н министр сказал: — «Здесь преподается теория искусства, а я привел вам само искусство». Не надобно было объяснить нам, что это олицетворенное искусство — был Пушкин.

БЫВШИЙ СТУДЕНТ. «За 16 лет» (воспоминания). *Ведом. Спб. Городской Полиции*, 1848, № 235.

Когда Пушкин вошел с министром Уваровым, для меня точно солнце озарило всю аудиторию: я в то время был в чаду обаяния от его поэзии. Перед тем однажды я видел его в церкви, у обедни, — и не спускал с него глаз. Черты его лица врезались у меня в памяти. И вдруг этот гений, эта слава и гордость России — передо мной в пяти шагах! Читал лекцию Давыдов, профессор истории русской литературы. — «Вот вам теория искусства», — сказал Уваров, обращаясь к нам, студентам, и указывая на Давыдова, — «а вот и само искусство», — прибавил он, указывая на Пушкина. Он эффектно отчеканил эту фразу, очевидно, заранее приготовленную. Мы все жадно впились глазами в Пушкина. Давыдов оканчивал лекцию. Речь шла о «Слове о Полку Игоревом». Тут же ожидал своей очереди читать лекцию после Давыдова и Каченовский. Нечаянно между ними завязался, по поводу «Слова о Полку Игоревом», разговор, который мало-по-малу перешел в горячий спор. — «Подойдите ближе, господа, — это для вас интересно», — пригласил нас Уваров, и мы тесной толпой, как стеной, окружили Пушкина, Уварова и обоих профессоров. Не умею выразить, как велико было наше наслаждение — видеть и слышать нашего кумира.

Я не припомню подробностей их состязания, — помню только, что Пушкин горячо отстаивал подлинность древне-русского эпоса, а Каченовский вонзал в него свой беспощадный аналитический нож. Его щеки ярко горели алым румянцем, и глаза бросали молнии сквозь очки. Может быть, к этому раздражению много огня прибавлял и известный литературный антагонизм между ним и Пушкиным. Пушкин говорил с увлечением, но, к сожалению, тихо, сдержанным тоном, так что за толпой трудно было расслышать. Впрочем, меня занимал не Игорь, а сам Пушкин.

С первого взгляда наружность его казалась невзрачною. Среднего роста, худощавый, с мелкими чертами смуглого лица. Только когда вглядишься пристально в глаза, увидишь задумчивую глубину и какое-то благородство в этих глазах, которых потом не забудешь. В позе, в жестах, сопровождавших его речь, была сдержанность светского, благовоспитанного человека.

Лучше всего, по-моему, напоминают его гравюра Уткина с портрета Кипренского. Во всех других копиях у него глаза сделаны слишком открытыми, почти выпуклыми, нос выдающимся — это неверно. У него было небольшое лицо и прекрасная, пропорциональная лицу голова, с не густыми, кудрявыми волосами.

И. А. ГОНЧАРОВ. *Воспоминания. В университете.*

«Помню, — сказал мне очевидец, тогдашний студент, — помню, как сквозь седины Каченовского проступал яркий румянец, и как горели глаза Пушкина»... Бой был неравен, судя по впечатлению приятеля: он и теперь еще, кажется, более на стороне профессора, — и не мудрено! Пушкин угадывал только чутьем то, что уже после него подтвердила новая школа Филологии неопровержимыми данными; но этого оружия она еще не имела в его время, а поэт не мог разорвать хитросплетенной паутины «злого паука».

АП. Н. МАЙКОВ. *Предисловие к переводу «Слова о полку Игореве».*

(Посещение Пушкиным университета и спор его с Каченовским о «Слове о полку Игореве»). Разговор был крупный, и тогдашний студент-очевидец М. Д. Перемышльский передавал мне, что Пушкин показался студентам очень похожим на обезьяну, и что один из них, по поводу спора, тут же экспромтировал:

Монса старая вступила
С обезьяной в страшный спор:
Утверждала, говорила,
Что песнь Игорева вздор.
Обезьяна строит рожи,
Просит факты указать;
Монса рвется вон из кожи,
И не может доказать.

П. А. ЕФРЕМОВ. *Соч. Пушкина, изд. 1903 г.*, т. VII, стр. 475.

Кто тебе говорит, что я у Баратынского не бываю? Я и сегодня провожу у него вечер, и вчера был у него. Мы всякий день видимся... На-днях был я приглашен Уваровым в Университет. Там встретился с Каченовским (с которым, надобно тебе сказать, бранивались мы, как торговки на Вшивом рынке). А тут разговорились с ним так дружески, так сладко, что у всех предстоящих потекли слезы умиления. Благодарю, душа моя, за то, что в шахматы учишься. Это непременно нужно во всяком благоустроенном семействе: докажу после. На-днях был я на бале у кн. Вяз. Тут была графиня Салогуб, гр. Пушкин (Владимир), Aurore *(Аврора Карловна Шернваль)*, ее сестра *(графиня Эмилия Карловна Мусина-Пушкина)* и Natalie Урусова. Я вел себя прекрасно; любезничал с гр. Салогуб (с теткой, entendons nous) и уехал ужинать к Яру, как ско-

ро бал разыгрался. Дела мои идут своим чередом. Мне пришел в голову роман *(Дубровский)*, и я, вероятно, за него примусь; но покамест голова моя кругом идет при мысли о Газете. Как-то слажу с нею?

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, конец сентября 1832 г., из Москвы.

Секретно. Чиновник 10 класса Александр Сергеев Пушкин из С.-Петербурга прибыл ныне сюда в Москву и остановился Тверской части в доме Обера в гостинице «Англия», за коим и учрежден надзор.

Полицмейстер МИЛЛЕР в рапорте и. д. моск. об.-полицмейстера, 10 окт. 1832 г. *Красн. Арх.*, 37, стр. 244.

Пушкин был недели две в Москве и третьего дня уехал. Он учится по-еврейски, с намерением переводить Иова, и намерен как можно скорее издавать русские песни, которых у него собрано довольно много.

П. В. КИРЕЕВСКИЙ — Н. М. Языкову, 12 окт. 1832 г. *Истор. Вестн.*, 1883, дек., стр. 535.

Секретно. Состоящий под секретным надзором полиции отставной чиновник 10 кл. Александр Пушкин, квартировавший Тверской части в гостинице «Англия», 16 числа сего месяца выехал в С.-Петербург, за коим во время жительства его в Тверской части ничего предосудительного не замечено.

Полицмейстер МИЛЛЕР в рапорте исправляющему д. об.-полицмейстера, 18 окт. 1832 г. *Красн. Арх.*, 37, стр. 244.

Александр возвратился в Петербург. Он приехал из Москвы с мучительным ревматизмом в правой ноге, но, несмотря на это, возится с переборкой на новую квартиру.

Н. О. ПУШКИНА (мать поэта) — О. С. Павлищевой и Л. С. Пушкину, 20 окт. 1832 г. *Л. Павлищев*, 303.

19 октября была лицейская сходка годичная, не людная: Корф, Комовский, Корнилов, Стевен, Пушкин, Яковлев, Илличевский, Данзас,

итого восемь человек. Собрание было у Илличевского, в квартире женатого брата его. Пушкин говорил довольно милые стишки. Поминали старину, поминали отсутствующих, умерших.

Е. А. ЭНГЕЛЬГАРДТ — Ф. Ф. Матюшкину, 23 октября 1832 г. *П—н и его совр—ки*, XIII, 52.

Ревматизм разыгрался у него в ноге еще до выезда из Москвы, и, судя по письму, Александр страдает ужасно. Снаружи нога, как нога: ни красноты, ни опухоли, но адская внутренняя боль делает его мучеником, говорит, что боль отражается во всем теле, да и в правой руке, почему и почерк нетвердый и неразборчивый, который насилу изучил, читая более часа довольно длинное, несмотря на болезнь сына, послание. Не может он без ноющей боли ни лечь, ни сесть, ни встать, а ходить тем более; отлучаться же из дома Александр был принужден и ради перемены квартиры, и ради других дел, опираясь на палку, как восьмидесятилетний старец. Жалуется, что Наташа дала, во время его отсутствия, слишком большую волю прислуге, почему и вынужден был по приезде, несмотря на болезнь, поколотить хорошенько известного вам пьяницу Алешку за великие подвиги и отослать его назад в деревню. Алешка всегда пользовался отсутствием барина, чтобы повеселиться по-своему.

С. Л. ПУШКИН (отец поэта) — О. С. Павлищевой и Л. С. Пушкину, в окт.—ноябре 1832 г., *Л. Павлищев*, 304 *(фр.)*.

Семьдесят два часа я страдала во время первых родов. Весь город был в волнении. Пушкин, Вяземский, Жуковский встречались, чтобы спросить друг у друга: — «Что, родила ли? Только бы не умерла, наше сокровище!»

А. О. СМИРНОВА. *Автобиография*, 131.

(Н. Д. Киселев:) — Читали ли вы когда-нибудь «Les historiettes galantes de Tallemant des Reaux [1]»? *(Смирнова:)* — Конечно. Они мне доставили много удовольствия, особенно «Ответы г-на Космуса», и я

[1] Тальман-де-Рео, франц. писатель XVII в., автор очень скабрезных рассказцев.

знаю «Историю пехотного капитана». Ее дал мне прочесть Пушкин, так же, как сочинения Ривароля, Шамфора и «Сказки» Вольтера.

А. О. СМИРНОВА. *Автобиография*, 208.

После своего завтрака Киселев *(Николай Дмитриевич, влюбленный в Смирнову)* пришел ко мне. Я продолжала чтение, лежа на диване. — «Но, Киса, я должна приподняться, дайте мне руку! Нет, лучше пропустите руку... Так! Благодарю вас!» Он вспыхнул и строго посмотрел на меня. — «Боже, как вы любите играть с огнем!» — «Глупости! Сколько раз Пушкин оказывал мне эту услугу, когда он приходил сидеть со мной с Шамфором, Риваролем или Вольтером. У меня тогда была убийственная тоска после родов».

А. О. СМИРНОВА. *Автобиография*, 250.

Пушкин женат и прижил дочку; не знаю, остепенился ли, но по наружности гораздо стал скромнее и — скучнее.

Е. А. ЭНГЕЛЬГАРДТ — Ф. Ф. Матюшкину, 23 окт. 1832 г., из Петербурга. *Н. Гастфрейнд. Товарищи Пушкина*, II, 89.

Пушкин столь же умен, сколь практичен, он практик, и большой практик; даже всегда писал то, что от него просило время и обстоятельства.

С. А. СОБОЛЕВСКИЙ — С. П. Шевыреву, 14 ноября 1832 г., из Милана. *Рус. Арх.*, 1909, II, 508.

Греч предлагал Пушкину по 1.000 или по 1.200 руб. в месяц, если он вступит в «Северную Пчелу» и «Сын Отечества» и следовательно введет за собою и всю знаменитую ватагу. Несмотря на то, Пушкин отказался, дабы не есть из одной чашки с Ф. Булгариным. Это в нем похвально.

В. Д. КОМОВСКИЙ — А. М. Языкову, 16 ноября 1832 г. *Истор. Вест.*, 1883, т. XIV, 535.

1832 года, декабря 1 дня... нанял я, Пушкин, у Жадимировского в собственном его каменном доме, состоящем 1-й адмир. час. 2-го квар. под № 132 Отделение в 3-м этаже, на проспекте Гороховой улицы, состоя-

шее из двенадцати комнат и принадлежащей кухни, и при оном службы: сарай для экипажей, конюшня на четыре стойла, небольшой сарай для дров, ледник и чердак для вешанья белья... За наем обязан я платить ему по три тысячи триста рублей банковыми ассигнациями в год... В трех комнатах стены оклеены французскими обоями, в пяти комнатах полы штучные, в прочих сосновые.

КОНТРАКТ НА НАЕМ КВАРТИРЫ. *Красная Нива*, 1929, № 24, стр. 7.

Приехав сюда, нашел я большие беспорядки в доме, принужден был выгонять людей, переменять поваров, наконец нанимать новую квартеру, и следственно употреблять суммы, которые в другом случае оставались бы неприкосновенными. Честь имею тебе объявить, что первый том Островского *(Дубровского)* кончен, и на днях прислан будет в Москву на твое рассмотрение. Я написал его в две недели, но остановился по причине жестокого ревматизма, от которого пострадал другие две недели, так что не брался за перо, и не мог связать две мысли в голове.

ПУШКИН — П. В. Нащокину, 2 декабря 1832 г., из Петербурга.

С Фурштатской Пушкин переехал на Б. Морскую, в дом Жадимировского. В переписке Пушкина не указан номер дома Жадимировского, у которого в это время (1832—1833) на Морской улице было два дома, один, как видно из приложенного плана *(рис. 6)*, угловой на Гороховую улицу (ныне № 27, дом Росс. Общ. Страхования), другой наискосок, второй от угла Гороховой, ныне № 22. Тура. Жадимировские принадлежали к именитым купцам Петербурга, владели громадным числом земельных участков, были подрядчиками высочайшего двора и вообще играли заметную роль среди немногочисленного в то время купечества.

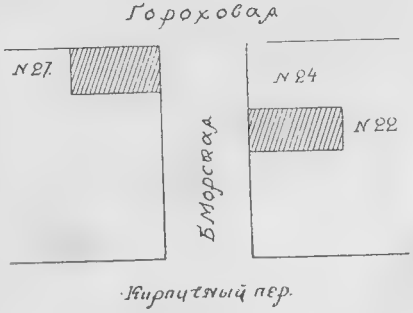


Рис. 6.

П. ЗЕТ (П. Н. СТОЛПЯНСКИЙ). Квартиры Пушкина. *Новое Время*, 1912, № 12889.

На основании контракта, из двух указанных на плане домов по Морской надо остановиться на доме № 27, выходящем на проспект Гороховой улицы. Собственно к этому заключению следовало бы притти и до ознакомления с контрактом, так как в переписке Пушкина дом показывается различно: «в Морской» и в «Гороховой».

П. Е. ЩЕГОЛЕВ. Квартирная тяжба Пушкина. *Красная Нива,* 1929, № 24, стр. 8.

Пушкин больше роется теперь по своему главному труду, т. е. по истории, да кажется в его голове и роман копышется. Впрочем, редко видаясь с ним, особенно в последнее время, когда ревматизм поразил его в ногу... совсем потерял я из виду нить его занятий.

П. А. ПЛЕТНЕВ — В. А. Жуковскому, 8 дек. 1832 г. *П. Плетнев. Соч. и переп.,* т. III, 521.

Вскоре после выпуска из лицея, изучая английский язык, сошелся я с Пушкиным в английском книжном магазине Диксона. Увидя Пушкина, я весь превратился во внимание: он требовал книг, относящихся к биографии Шекспира, и, говоря по-русски, расспрашивал о них книгопродавца.

Я. К. ГРОТ, 275.

В лавке Лисенкова, на Садовой, были свои завсегдатаи, как в клубе... Заходил Пушкин. Он пробегал тут же книги. Читал предисловия. Сыпались остроты, как искры из кремня. К стихотворцам он прилагал особый прием, — читал одни кончики стихов, — одни рифмы. — «А! Бедные!» — восклицал он, когда было уже очень плохо. Лисенко стоял за прилавком и хохотал. Хохотали случайные посетители и спрашивали, что это за остроумный чудак. Было что-то заразительно-смешное в шутках этого веселого барина, открытого, простого.

А. А. ИЗМАЙЛОВ со слов И. Т. Лисенкова. *Огонек,* 1904, № 38, стр. 298.

(1832—1833). Пушкин сообщал этот рассказ за тайну Нащокину и даже не хотел на первый раз сказать имени действующего лица, обещал открыть его после. В Петербурге, при дворе, была одна дама, друг императрицы, стоявшая на высокой степени придворного и светского зна-

чения. Муж ее был гораздо старше ее, и, несмотря на то, ее младые лета не были опозорены молвою; она была безукоризненна в общем мнении любящего сплетни и интриги света. Пушкин рассказал Нащокину свои отношения к ней по случаю их разговора о силе воли. Пушкин уверял, что при необходимости можно удержаться от обморока и изнеможения, отложить их до другого времени. Эта блистательная, безукоризненная дама, наконец, поддалась обаяниям поэта и назначила ему свидание в своем доме. Вечером Пушкину удалось пробраться в ее великолепный дворец; по условию, он лег под диваном в гостиной и должен был дожидаться ее приезда домой. Долго лежал он, терял терпение, но оставить дело было уже невозможно, воротиться назад — опасно. Наконец, после долгих ожиданий, он слышит, подъехала карета. В доме засуетились. Двое лакеев внесли канделябры и осветили гостиную. Вошла хозяйка в сопровождении какой-то фрейлины: они возвращались из театра или из дворца. Через несколько минут разговора фрейлина уехала в той же карете. Хозяйка осталась одна. «Etes-vous là?» и Пушкин был перед нею. Они перешли в спальню. Дверь была заперта; густые роскошные гардины задернуты. Начались восторги сладострастия. Они играли, веселились. Перед камином была разостлана пышная полость из медвежьего меха. Они разделись до-нага, вылили на себя все духи, какие были в комнате, ложились на мех... Быстро проходило время в наслаждениях. Наконец, Пушкин как-то случайно подошел к окну, отдернул занавес и с ужасом видит, что уже совсем рассвело, уже белый день. Как быть? Он наскоро, кое-как оделся, поспешая выбраться. Смущенная хозяйка ведет его к стеклянным дверям выхода, но люди уже встали. У самых дверей они встречают дворецкого, итальянца (печки уже топят). Эта встреча до того поразила хозяйку, что ей сделалось дурно; она готова была лишиться чувств, но Пушкин, сжав ей крепко руку, умолял ее отложить обморок до другого времени, а теперь выпустить его как для него, так и для себя самой. Женщина преодолела себя. В своем критическом положении они решились прибегнуть к посредству третьего. Хозяйка позвала свою служанку, старую чопорную француженку, уже давно одетую, и ловкую в подобных случаях. К ней-то обратилась с просьбою провести из дому. Француженка взялась. Она свела Пушкина вниз прямо в комнаты мужа. Тот еще спал. Шум шагов его разбудил. Его кровать была за ширмами. Из-за ширм он спросил: «кто здесь?» «Это — я», отвечала ловкая наперсница и провела Пушкина в сени, откуда он свободно вышел: если б кто его здесь и встретил, то здесь его появление уже не могло быть предосудительным. На другой же день Пушкин предложил итальянцу-дворецкому золотом 1 000 руб., чтобы он молчал, и хотя он отказы-

вался от платы, но Пушкин принудил его взять. — Таким образом все дело осталось тайною. Но блистательная дама в продолжение четырех месяцев не могла без дурноты вспомнить об этом происшествии. (Внучка Кутузова, урожден. Тизенгаузен, замужем за австр. посланником Фикельмон. *Прим. на полях.)*

П. В. НАЩОКИН по записи Бартенева. *Рассказы о Пушкине,* 36.

В черновых записях, собранных Анненковым материалов для биографии Пушкина (в Пушкинском Доме), Анненков, с чьих-то слов (П. А. Плетнева?), отметил для памяти «жаркую историю с женой австрийского посланника».

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. *Пушкин. Письма, изд. Гос. Изд.,* т. II, 420.

Однажды отец взял меня с собою в русский театр; мы поместились во втором ряду кресел; перед нами в первом ряду сидел человек с некрасивым, но необыкновенно выразительным лицом и курчавыми темными волосами; он обернулся, когда мы вошли (представление уже началось), дружелюбно кивнул отцу, потом стал слушать пьесу, с тем особенным вниманием, с каким слушают только люди сами пишущие. — «Это Пушкин», — шепнул мне отец. Я весь обомлел... Трудно себе вообразить, что это был за энтузиазм, за обожание толпы к величайшему нашему писателю, это имя волшебное являлось чем-то лучезарным в воображении всех русских, в особенности же в воображении очень молодых людей. Пушкин, хотя и не чужд был той олимпийской недоступности, в какую окутывали, так сказать, себя литераторы того времени, обошелся со мною очень ласково, когда отец после того, как занавес опустили, представил меня ему. Я был в восторге и, чтобы не ударить лицом в грязь, все придумывал, что бы сказать что-нибудь поумнее; надо сказать, что в тот самый день, гуляя часов около трех пополудни с отцом по Невскому проспекту, мы повстречали некоего Х., тогдашнего модного писателя. Он был человек чрезвычайно надутый и заносчивый, отец его довольно близко знал и представил меня ему; он отнесся ко мне довольно благосклонно и пригласил меня в тот же вечер к себе. — «Сегодня середа, у меня каждую середу собираются, — произнес он с высоты своего величия, — все люди талантливые, известные, приезжайте, молодой человек, время вы проведете, надеюсь, приятно». Я поблагодарил и, разумеется, тотчас после театра рассчитывал туда отправиться. В продолжение всего второго действия, которое Пушкин слушал с тем же вниманием, я, благо-

говейно глядя на его сгорбленную в кресле спину, сообразил, что спрошу его во время антракта, «что он, вероятно, тоже едет сегодня к Х.». Не может же он, Пушкин, не бывать в доме, где собираются такие известные люди — писатели, художники, музыканты и т. д. Действие кончилось, занавес опустился, Пушкин опять обернулся к нам. — «Александр Сергеевич, сегодня середа, я еще, вероятно, буду иметь счастливый случай с вами повстречаться у Х.», проговорил я почтительно, но вместе с тем стараясь придать своему голосу равнодушный вид, «что вот, дескать, к каким тузам мы ездим». Пушкин посмотрел на меня с той особенной, ему одному свойственной, улыбкой, в которой как-то странно сочеталась самая язвительная насмешка с безмерным добродушием. — «Нет, — отрывисто сказал он мне: — с тех пор, как я женат, я в такие дома не езжу!» Меня точно ушатом холодной воды обдало, я скопфузился, пробормотал что-то очень неловкое и стушевался за спину моего отца, который от души рассмеялся. Нечего и прибавлять, что в тот вечер я к Х. не поехал, хотя отец, смеясь, очень на этом настаивал.

На другой день отец повез меня к Пушкину — он жил в довольно скромной квартире; самого хозяина не было дома, нас приняла его красавица-жена. Много видел я на своем веку красивых женщин, много встречал женщин еще обаятельнее Пушкиной, но никогда не видывал я женщины, которая соединила бы в себе законченность классически правильных черт и стана. Ростом высокая, с баснословно тонкой талией, при роскошно развитых плечах и груди, ее маленькая головка, как лилия на стебле, колыхалась и грациозно поворачивалась на тонкой шее; такого красивого и правильного профиля я не видел никогда более, а кожа, глаза, зубы, уши? Да, это была настоящая красавица, и недаром все остальные даже из самых прелестных женщин меркли как-то при ее появлении. На вид всегда она была сдержанна до холодности и мало вообще говорила. В Петербурге, где она блистала, во-первых, своей красотой и в особенности тем видным положением, которое занимал ее муж, — она бывала постоянно и в большом свете, и при дворе, но ее женщины находили несколько странной. Я с первого же раза без памяти в нее влюбился; надо сказать, что тогда не было почти ни одного юноши в Петербурге, который бы тайно не вздыхал по Пушкиной; ее лучезарная красота рядом с этим магическим именем всем кружила головы; я знал очень молодых людей, которые серьезно были уверены, что влюблены в Пушкину, не только вовсе с нею незнакомых, но чуть ли никогда собственно ее даже не видевших!

Граф В. А. СОЛОГУБ. *Воспоминания*. СПБ. Изд. А. С. Суворина. 1887, стр. 115—118.

С зимы 1832 г. Пушкин стал посвящать все свое время работе в архивах, куда доступ был ему открыт еще в прошлом году. Из квартиры своей отправлялся он каждый день в разные ведомства, предоставленные ему для исследований. Он предался новой работе своей с жаром, почти со страстью.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 350.

С 1831 года Пушкин избрал для себя великий труд, который требовал долговременного изучения предмета, множества предварительных занятий и гениального исполнения. Он приступил к сочинению истории Петра Великого... Преимущественно занимали его исторические разыскания. Он каждое утро отправлялся в какой-нибудь архив, выигрывая прогулку возвращением оттуда к позднему своему обеду. Даже летом, с дачи, он ходил пешком для продолжения своих занятий.

П. А. ПЛЕТНЕВ. *Соч. и переп.*, I, 384.

Пушкина нигде не встретишь, как только на балах. Так он протранжирит всю жизнь свою, если только какой-нибудь случай, и более необходимость, не затащут его в деревню.

Н. В. ГОГОЛЬ — А. С. Данилевскому, 8 февр. 1833. *Письма Гоголя*, ред. В. И. Шенрока, I, 241.

Вчерашний маскарад был великолепный, блестящий, разнообразный, жаркий, душный, восхитительный. Много совершенных красавиц: Завадовская, Радзивилова-Урусова... Хороша очень была Пушкина-поэтша, но сама по себе, не в кадрилях, по причине, что Пушкин задал ей стишок свой, который с помощью божией не пропадет также для потомства. *(Намек на ее беременность?)*.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. Я. Булгакову, 9 февр. 1833 г. *Собр. соч. кн. П. А. Вяземского*, 538.

Жизнь моя в Петербурге ни то, ни се. Заботы о жизни мешают мне скучать. Но нет у меня досуга вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь в свете, жена моя в большой моде, — все это требует

денег, деньги достаются мне через труды, а труды требуют уединения... Путешествие нужно мне нравственно и физически.

ПУШКИН — Нащокину, вторая половина февраля 1833 г.

Считать Пушкин не умел. Появление денег связывалось у него с представлением неиссякаемого Пактола, и, быстро пропустив их сквозь пальцы, он с детской наивностью недоумевал перед совершившимся исчезновением. — Карты неудержимо влекли его. Он зачастую давал себе зарок больше не играть, подкрепляя это торжественным обещанием жене, но при первом подвернувшемся случае благие намерения разлетались в прах, и до самой зари он не мог оторваться от зеленого поля.

Часто вспоминала Наталья Николаевна крайности, испытанные ею с первых шагов супружеской жизни. Бывали дни, после редкого выигрыша или крупной литературной получки, когда мгновенно являлось в доме изобилие во всем, деньги тратились без удержа и расчета, — точно всякий стремился наверстать скорее испытанное лишение. Муж старался не только исполнить, но предугадать ее желания. Минуты эти были скоротечны и быстро сменялись полным безденежьем, когда не только речи быть не могло о какой-нибудь прихоти, но требовалось все напряжение ума, чтобы извернуться и достать самое необходимое для ежедневного существования.

Некоторые из друзей Пушкина, посвященные в его денежные затруднения, ставили в упрек Наталии Николаевне ее увлечение светскою жизнью и изысканность нарядов. Первое она не отрицала. Но всегда упорно отвергала обвинение в личных тратах. Все ее выездные туалеты, все, что у нее было роскошного и ценного, оказывалось подарками Екатерины Ивановны *(Загряжской, фрейлины, тетки Нат. Ник-ны)*. Она гордилась красотою племянницы; ее придворное положение способствовало той благосклонности, которой удостоилась Наталью Николаевну царская чета, а старушку тешило, при ее значительных средствах, что ее племянница могла поспорить изяществом с первыми щеголихами.

А. П. АРАПОВА. *Новое Время*, 1907, № 11413, иллюстр. прилож., стр. 5.

Вы теперь в праве презирать таких лентяев, как Пушкин, который ничего не делает, как только утром перебирает в гадком сундуке своем

старые к себе письма, а вечером возит жену свою по балам, не столько для ее потехи, сколько для собственной.

П. А. ПЛЕТНЕВ — В. А. Жуковскому, 17 февраля 1833 г. *Соч. и переписка Плетнева*, III, 524.

В Петербурге у всех был грипп. Наташа лежала больная первую неделю поста. Ей пускали кровь, но на масленице и всю эту зиму она много развлекалась, на балу в Уделах она явилась в костюме жрицы солнца и имела большой успех. Император и императрица подошли к ней и сделали ей комплимент по поводу ее костюма, а император объявил ее царицей бала.

Н. О. ПУШКИНА — О. С. Павлищевой, 16 марта 1833 г. *Литературн. Наследство*, т. 16—18, стр. 782.

На придворных балах Пушкину бывало просто скучно. Покойная Л. Д. Шевич передавала нам, как, стоя возле нее, полузевая и потягиваясь, он сказал два стиха из старинной песни:

Неволя, неволя, боярской двор.
Стоя наешься, сидя наспишься.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1889, III, 124.

Иду я с Пушкиным по Невскому проспекту. Встречается Одоевский. Он только что отпечатал тогда свои «Пестрые сказки» фантастического содержания и разослал экземпляры, в пестрой обертке, своим приятелям. Экземпляр поднесен был и Пушкину. При встрече на Невском Одоевскому очень хотелось узнать, прочитал-ли Пушкин книгу и какого он об ней мнения. Но Пушкин отделался общими местами: «Читал... ничего... хорошо» и т. п. Видя, что от него ничего не добьешься, Одоевский прибавил только, что писать фантастические сказки чрезвычайно трудно. Затем он поклонился и прошел. Тут Пушкин рассмеялся своим звонким, можно сказать, зубастым смехом, так как он выказывал тогда два ряда белых арабских зубов, и сказал: «Да если оно так трудно, зачем же он их пишет? Кто его принуждает? Фантастические сказки только тогда и хороши, когда писать их не трудно».

Гр. В. А. СОЛОГУБ. Пережитые дни. *Русский Мир*, 1874, № 117.

Петербург мне не подходит ни в каком отношении; ни мои вкусы, ни мои средства не могут к нему приспособиться. Но два или три года придется терпеть.

ПУШКИН — П. А. Осиповой, 13—14 мая 1833 г., из Петербурга *(фр.)*.

Александр и Натали на Черной речке, они взяли дачу Миллера, которую в прошлом году занимали Маркеловы. Она очень красива, есть большой сад; дача очень велика: 15 комнат с верхом. Натали чувствует себя хорошо, она была очень довольна своим новым жилищем, тем более, что это в двух шагах от ее тетки *(Ек. Ив. Загряжской)*, которая живет с Натальей Кирилловной *(Загряжской)* на ферме.

Н. О. ПУШКИНА — О. С. Павлищевой, 24 мая 1833 года. *Красная Нива*, 1929, № 24, стр. 8.

Весною 1833 года Пушкин переехал на дачу, на Черную речку (дача Миллера), и отправлялся пешком оттуда каждый день в архивы, возвращаясь таким же образом назад. Как только истощались его силы от усиленного физического и умственного труда, он шел купаться, и этого средства уже достаточно было, чтоб снова возвратить ему бодрость и способности.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 350.

Жена Александра, чувствуя себя отлично, много гуляет по островам, несмотря на последний месяц беременности, посещает театр...

Н. О. ПУШКИНА (мать поэта) — О. С. Павлищевой, 17 июня 1833 г. *Л. Павлищев*, 323.

* Это было в начале июля 1833 г., в одну из тех очаровательных ночей, какие только можно видеть на дальнем Севере. Освежительная прохлада наступила после нестерпимого дневного зноя, и на горизонте вечерняя заря соединилась с утреннею. В такую пору я с моим приятелем, гвардии офицером Ст., гулял по островам. Уже прошла полночь. Мы перешли через мост на Крестовский остров. В недальном расстоянии от нас, то медленно, то ускоряя шаги, прогуливался среднего роста, строй-

ный человек. Походка его была небрежна, иногда он поднимал правую руку высоко вверх, как пламенный декламатор. Казалось, что незнакомец разговаривал сам с собою. Порою слова его переходили в тихое пение какой-то из трогательных народных песен. — «Кто бы это мог быть?» — спросил я моего друга. — «Если не ошибаюсь, — отвечал он,— то это»... В это мгновение незнакомец остановился, оборотился к реке и со сложенными на груди руками прислонился к дереву; тогда мы могли разглядеть до того времени скрытые от нас черты лица человека 34 или 35 лет. Темные, несколько углубленные глаза на небольшом бледном лице, прекрасный рот, полный белых зубов. Только нос казался несколько широким. У него были черные курчавые волосы, прекрасные брови и полные бакенбарды. Одет он был по последней моде, но заметна была какая-то небрежность. Между тем и незнакомец нас заметил. Мой спутник подошел к нему и, протягивая руку, приветствовал его: — «Здравствуйте, Пушкин!» Приятель мой, уже знакомый с Пушкиным, представил нас друг другу. Поэт и мой спутник начали между собой оживленный разговор по-французски. Тоска и разорванность со светом были заметны в речах Пушкина и не казались мне пустым представлением. — «Я не могу более работать», — отвечал он на вопрос: не увидим ли мы вскоре новое его произведение? — «Здесь бы я хотел построить себе хижину и сделаться отшельником», — прибавил он с улыбкою. — «Если бы в Неве были прекрасные русалки, — отвечал мой спутник, намекая на юношеское стихотворение Пушкина «Русалка» и приводя из него слова, которыми она манит отшельника: «Монах, монах! Ко мне, ко мне!» — Как это глупо! — проворчал поэт: — никого не любить кроме самого себя. — «Вы имеете достойную любви прекрасную жену», — сказал ему мой товарищ. Насмешливое, протяжное «да!» было ответом. Я выразил мое восхищение прекрасною, теплою ночью. — «Она очень приятна после сегодняшней страшной жары», небрежно и прозаически отвечал мне поэт. Товарищ мой старался навести его на более серьезный разговор; но он постоянно от того отклонялся. — «Там вечерняя заря, малое пространство ночи, а там уж заря утренняя, — сказал мой друг. — Смерть, мрак гроба и пробуждение к прекраснейшему дню!» Пушкин улыбнулся. — «Оставьте это, мой милый! Когда мне было 22 года, знал и я такие возвышенные мгновения; но в них ничего нет действительного. Утренняя заря! Пробуждение! Мечты, только одни мечты!» В это время плыла вниз по Неве лодка с большим обществом. Раздалось несколько аккордов гитары, и мягкий мужской голос запел «Черную шаль» Пушкина. Лишь только окончилась первая строфа, как Пушкин, лицо которого мне казалось гораздо бледнее обыкновенного, проговорил про себя: «С тех пор я не

знаю спокойных ночей!» и, сказав нам короткое «Bon soir, messieurs!», исчез в зеленой темноте леса.

Фр. ТИТЦ. Ein russischer Dichter. Petersburger Erinnerung aus dem Jahre 1833, Familien-Journal, 1865, № 606. Перепечатано в переводе — «*Пушкин, сборник Бартенева*, кн. II, стр. 143—145.

(Автор с П. В. Нащокиным, композитором Есауловым и певцом Лавровым приехали в Петербург и остановились в гостинице Демута). На другой день, 29 июня, рано утром, пешком, с Черной речки, первым явился А. С. Пушкин. Поздоровавшись с ним, Павел Воинович представил ему и нас, артистов; а относясь ко мне, прибавил: «а сей юноша замечателен еще тем, что, читая все журналы, романы и следя за литературой, никак не мог дочитать Ивана Выжигина!» Александр Сергеевич, пожав мне еще раз руку, сказал: «лучше сей рекомендации и не надо». Вскоре собрались приятели Павла Воиновича; полковник Манзе, князь Эристов, Данзас (впоследствии секундант Пушкина) и другие. Общая радость, веселый говор, шутки, остроты, воспоминания о прошлом времени, анекдоты о настоящем, хохот, шум, крик!.. Пушкин, пригласив Нащокина завтра обедать и слушать его новые сочинения, ушел; оставшаяся компания продолжала веселиться.. .

Раз утром, встав очень рано, переписывал я два письма в стихах к Ленскому и к сестре моей. Нащокин, застав меня врасплох, заставил прочесть ему, расхвалил, да и кончил так: «Очень рад, очень рад! Вот мы с вами порадуем и Александра Сергеевича. Он сейчас придет». Я ни за что не соглашался, он настаивал; заспорили... Входит Пушкин.

— Рассуди нас, Александр Сергеевич, я к тебе с жалобой на сего юношу: во 1-х, он вчера в первый раз сбрил усы, во 2-х, влюбился в Елену Яковлевну Сосницкую, а в 3-х, сочинил хорошие стихи и не соглашается прочесть тебе.

— Усы его собственность; любовь к Елене — грех общий: я сам в молодости, когда она была именно прекрасной Еленой, попался было в сеть, но взялся за ум и отделался стихами, а юноше скажу: берегись; а что касается до стихов, то в сем грехопадении он обязан покаяться передо мной!

Говоря это весело, в pendant тону Нащокина, Александр Сергеевич взял меня под-руку, ввел во вторую комнату, посадил на диван, сам сел с правой стороны, поджав по-турецки ноги, и сказал: «Кайся, юный грешник!» По прочтении письма к Ленскому, Александр Сергеевич ска-

зал свое всегдашнее словцо: «ну, вот и прекрасно, и очень хорошо». Из второго письма к сестре, после описания сна, где я видел между прочим:

Друзей, начальников, врагов...

указательный перст поэта быстро длинным ногтем чертил по запятой, как бы выскабливая ее: «занятую прочь! маленькое тире, знак соединительный: *начальники-враги* слова однозначущие!»

В это же утро собрались почти все приятели, а разговоры были натянутые, невеселые; все вертелось на злобе дня, т. е. на безденежьи... Является Боголюбов и подает Пушкину свертки золота. *(Он ездил искать для Пушкина денег).* Поэт, развернув свертки и высыпав на стол кучку блестящих монет, превратился в совершенного ребенка: то пригоршней поднимает золото, то вновь рассыплет по столу, то хочет захватить одной рукой, да длинные ногти мешают, тогда, опрокинув кисть руки и подсовывая ногти под кружки, собирает их на ладонь и пересыпает из одной в другую, приговаривая: «люблю играть этой мелочью... но беречь ее не люблю... поиграю и пускаю в ход, ходячая монета!»

В полночь, все, в память любимых поэтом прогулок в светлые петербургские ночи, согласились в эту ночь прогулять по площадям города и по набережной Невы. Все гурьбой вывалили на Невский. Но поэт, любитель светлых ночей, торопился на дачу, отвечая на приставанье друзей: «гуляйте, гуляйте, для вас всегда время, а мое разгульное времячко прошло»...

Из нашего приятного ночного шатания замечателен рассказ друзей о прежних прогулках с Пушкиным-холостяком, как они, бывало, заходили к наипочтеннейшей Софье Евстафьевне, провести остаток ночи с ее компаньонками, и где Александр Сергеевич, бывало, выберет интересный субъект и начинает расспрашивать о детстве и обо всей прежней жизни, потом усовещивает и уговаривает бросить блестящую компанию, заняться честным трудом — работой, итти в услужение, притом даст деньги на выход и таким образом не одну жертву спас от погибели; а всего лучше, что благонравная Софья Евстафьевна жаловалась на поэта полиции, как на безнравственного человека, развращающего ее овечек.

Н. И. КУЛИКОВ. «Пушкин и Нащокин». *Рус. Стар.*, 1881, т. 31, стр. 604—613.

6 июля бог дал Александру сына; но не он и не жена его сообщают нам это, а графиня Ивелич. По ее письму, моя невестка до сих пор еще очень страдает, хотя со времени родов прошло без малого месяц. У

нее образовались нарывы, от которых до сих пор не может отделаться. Александру же непростительно быть к нам до такой степени равнодушным, что он даже и двумя строками не заблагорассудил мне отвечать. Очень беспокоимся. Напрасно ты нам писала на его имя. Переслать нам твое письмо Александр и не позаботился. Впрочем, оно могло и пропасть по очень простой причине: переезжая на Черную речку, Александр перевел туда всю свою прислугу, поручив городскую квартиру надзору дворника, а этот дворник или пьян, или спит.

С. Л. ПУШКИН — О. С. Павлищевой, 1 августа 1833 г. *Л. Павлищев,* 324 *(фр.).*

Пушкин был во многих отношениях внимательный и почтительный сын. Он готов был даже на некоторые самопожертвования для родителей своих; но не в его натуре было быть хорошим семьянином: домашний очаг не привлекал и не удерживал его. Он во время разлуки редко писал к родителям; редко и бывал у них, когда живал с ними в одном городе.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. собр. соч.,* VIII, 148.

Вчера был вечер у Фикельмонт... Было довольно весело. Один Пушкин palpitait de l'intérêt du moment, краснел, взглядывая на Крюднершу, и несколько увивался вокруг нее.

Кн. ВЯЗЕМСКИЙ — жене, в июле — начале августа 1833. *Голос Минувшего,* 1922, № 2, 116.

Однажды, возвратясь с бала, на котором Н. Н. Пушкина вообразила, что муж ее ухаживает за m-me Крюднер (что было совершенно несправедливо), она дала ему пощечину, о чем он, смеясь, рассказывал Вяземскому, говоря, что «у его мадонны рука тяжеленька».

О. Н. СМИРНОВА в примеч. к Запискам матери своей А. О. Смирновой. *Записки,* ч. I, 340.

Пушкин был на балу с женою-красавицею и, в ее присутствии, вздумал за кем-то ухаживать. Это заметили, заметила и жена. Она уехала с бала домой одна. Пушкин хватился жены и тотчас же поспешил домой. Застает ее в раздевании. Она стоит перед зеркалом и снимает с себя

уборы. «Что с тобою? Отчего ты уехала?» Вместо ответа Наталия Николаевна дала мужу полновесную пощечину. Тот как стоял, так и покатился со смеху. Он забавлялся и радовался тому, что жена его ревнует, и сам со своим прекрасным хохотом передавал эту сцену приятелям.

АРК. О. РОССЕТ. *Рус. Арх.*, 1882, I, 247.

С Черной речки Пушкины уже не вернулись на квартиру Жадимировского. 1 сентября в отсутствие Пушкина жена Наталья Николаевна заключила договор на новую квартиру с капитаном гвардии А. К. Оливеем (русская переделка фамилии Оливье).

П. Е. ЩЕГОЛЕВ. Квартирная тяжба Пушкина. *Красная Нива*, 1929, № 24, стр. 8.

С августа 1833 по август 1834 г. Пушкин жил на Пантелеймоновской ул. в доме Оливье. По имеющимся у нас данным, мы не могли отыскать на Пантелеймоновской улице дома Оливье. У гг. Оливье было два дома, но в совершенно иных частях города, один на Гороховой улице, недалеко от дома Жадимировского.

П. ЗЕТ (П. Н. СТОЛПЯНСКИЙ). Квартиры Пушкина. *Новое Время*, 1912, № 12889.

Жительство Пушкина Литейной части против церкви Пантелеймона в доме Оливье.

П. А. ЖАДИМИРОВСКИЙ. Объявление в петербургскую Управу Благочиния. *Красная Нива*, 1929, № 24, стр. 8.

XIV
ПОЕЗДКА НА ВОСТОК

ПОЕЗДКА НА ВОСТОК

Вот тебе подробная моя Одиссея. Ты помнишь, что от тебя уехал я в самую бурю. Приключения мои начались у Троицкого моста. — Нева так была высока, что мост стоял дыбом: веревка была протянута, и полиция не пускала экипажей. Чуть было не воротился я на Черную речку. Однако переправился через Неву выше и выехал из Петербурга. Погода была ужасная. Деревья по Царскосельскому проспекту так и валялись, я насчитал их с пятьдесят. В лужицах была буря. Болота волновались белыми волнами. По счастью, ветер и дождь гнали меня в спину, и я преспокойно высидел все это время. На другой день погода прояснилась. Мы с Соболевским шли пешком 15 верст, убивая по дороге змей, которые обрадовались сдуру солнцу и выползли на песок. Вчера прибыли мы благополучно в Торжок, где Соболевский свирепствовал за нечистоту белья. Сегодня проснулись в 8 часов, завтракали славно и теперь отправляюсь в сторону, в Ярополец *(имение Н. И. Гончаровой)*, а Соболевского оставляю наедине с швейцарским сыром.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, вторая половина августа 1833 г., из Торжка.

Пишу к тебе из Павловского, между Берновым и Малинниками, о которых, вероятно, я тебе много рассказывал. Вчера, своротя на проселочную дорогу к Яропольцу, узнаю с удовольствием, что проеду мимо Вульфовых поместий, и решился их посетить. В 8 часов вечера приехал я к доброму моему Павлу Ивановичу, который обрадовался мне, как

родному. Здесь я нашел большую перемену. Назад тому 5 лет Павловское, Малинники и Берново, наполнены были уланами и барышнями, но уланы переведены, а барышни разъехались: из старых моих приятельниц нашел я одну белую кобылу, на которой и съездил в Малинники; но и та уж подо мною не пляшет, не бесится, а в Малинниках, вместо всех Аннет, Евпраксий, Саш, Маш etc. живет управитель Парасковии Александровны Рейхман, который поподчивал меня шнапсом. Вельяшева, мною некогда воспетая, живет здесь в соседстве; но я к ней не поеду, зная, что тебе было бы это не по сердцу. Здесь объедаюсь я вареньем и пропграл три рубля в двадцать четыре роббера в вист.

Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, а душу твою люблю я еще более твоего лица. Прощай, мой ангел, целую тебя крепко.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 23 августа 1833 г., из Павловского.

В Ярополец приехал я в среду поздно. Наталья Ивановна встретила меня, как пельзя лучше. Я нашел ее здоровою, хотя подле нее лежала палка, без которой далеко ходить не может. Четверг я провел у нее. Она живет очень уединенно и тихо в своем разоренном дворце и разводит огороды над прахом твоего прадедушки Дорошенки, к которому ходил я на поклонение. Я нашел в доме старую библиотеку, и Нат. Ив. позволила мне выбрать нужные книги. Я отобрал их десятка три, которые к нам и прибудут с вареньем и наливками. Таким образом набег мой на Ярополец был вовсе не напрасен. Из Яропольца выехал я ночью и приехал в Москву вчера в полдень. Пишу тебе из антресолей вашего Никитского дома.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 26 августа 1833 г., из Москвы.

Вчера были твои именины, сегодня твое рождение. Вчера пил я твое здоровье у Киреевского с Шевыревым и Соболевским; сегодня буду пить у Суденки. Еду послезавтра — прежде не будет готова моя коляска. Вчера, приехав поздно домой, нашел я у себя на столе карточку Булгакова, отца красавиц, и приглашение на вечер. Жена его была также именинница. Я не поехал, за неимением бального платья и за небритие усов, которые отращаю в дорогу. Ты видишь, что в Москву мудрено попасть и не поплясать. Однако скучна Москва, пуста Москва, бедна Москва. Даже извозчиков мало на ее скучных улицах. По своему обыкнове-

нию, бродил я по книжным лавкам и ничего путного не нашел. Книги, взятые мною в дорогу, перебились и перетерлись в сундуке. От этого я сердит сегодня.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 27 августа 1833 г., из Москвы.

Вот тебе отчет с самого Натальина дня. Утром поехал я к Булгакову *(московскому почтдиректору)* извиняться и благодарить, а между тем и выпросить лист для смотрителей, которые очень мало меня уважают, несмотря на то, что я пишу прекрасные стишки. У него застал я его дочерей и Всеволожского. Они звали меня на вечер к Пашковым на дачу, — я не поехал, жалея своих усов, которые только лишь ощетинились. Обедал у Суденки, моего приятеля, товарища холостой жизни моей. Теперь и он женат, и он сделал двух ребят, и он перестал играть: но у него 125.000 доходу, а у нас, мой ангел, это — впереди. Жена его тихая, скромная, не-красавица. Мы отобедали втроем, и я, без церемонии, предложил здоровье моей имянинницы, и вышли мы все, не морщась, по бокалу шампанского. Вечер у Нащокина, да какой вечер! шампанское, лафит, зажженный пунш с ананасами — пью за твое здоровье, красота моя. На другой день в книжной лавке встретил я Н. Раевского. — Sacré chien, сказал он мне с нежностью: pourquoi n'êtes vous pas venu me voir? — Animal, отвечал я ему с чувством: qu'avez vous fait de mon manuscript petit-russien? После сего поехали мы вместе, как ни в чем не бывало, он — держа меня за ворот всенародно, чтоб я не выскочил из коляски. Отобедали вместе глаз на глаз (виноват: втроем с бутылкой мадеры). Потом для разнообразия жизни, провел опять вечер у Нащокина; на другой день он задал мне прощальный обед, со стерлядями и с жженкой, усадили меня в коляску, и я выехал на большую дорогу.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 2 сентября 1833 г., из Нижнего-Новгорода.

Нащокин провожал меня шампанским, жженкой и молитвами. Каретник насилу выдал мне коляску; нет мне счастия с каретниками. Дорога хороша, но под Москвою нет лошадей — я повсюду ждал несколько часов и насилу дотащился до Нижняго сегодня, т.-е. в 5-е сутки. Успел только съездить в баню. Кажется, я глупо сделал, что оставил тебя и начал опять кочевую жизнь. Живо воображаю первое число. Тебя теребят за долги, Параша, повар, извозчик, аптекарь, m-me Zichler etc.,

у тебя не хватает денег, Смирдин перед тобой извиняется, ты беспокоишься, — сердишься на меня — и поделом. Что у нас за погода! дни жаркие, с утра маленькие морозы — роскошь! так ли у вас?

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 2 сентября 1833 г., из Нижнего-Новгорода.

Ух, женка, страшно! теперь следует важное признание. Сказать ли тебе словечко, утерпит ли твое сердечко? Ну, так уж и быть, узнай, что на второй станции, где не давали мне лошадей, встретил я некоторую городничиху, едущую с теткой из Москвы к мужу, и обижаемую на всех станциях. Она приняла меня весьма дурно и нараспев начала меня усовещевать и уговаривать: как вам не стыдно? на что это похоже? две тройки стоят на конюшне, а вы мне ни одной со вчерашнего дня не даете. Право? сказал я и пошел взять эти тройки для себя. Городничиха, видя, что я не смотритель, очень смутилась, начала извиняться и так меня тронула, что я уступил ей одну тройку, на которую имела она всевозможные права, а сам нанял себе другую, т.-е. третью, и уехал. Ты подумаешь: ну это еще не беда. Постой, женка, это еще не все. Городничиха и тетка так были восхищены моим рыцарским поступком, что решились от меня не отставать и путешествовать под моим покровительством, на что я великодушно и согласился. Таким образом и доехали мы почти до самого Нижнего — они отстали за 3 или 4 станции — и я теперь свободен и одинок. Ты спросишь, хороша ли городничиха? Вот то-то, что не хороша, ангел мой Таша, о том-то я и горюю. Уф, кончил. Отпусти и помилуй.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 8 сент. 1833 г., из Нижнего-Новгорода.

Пушкин мне рассказывал, что под Нижним он встретил этапных. С ними шла девушка не в оковах, у нас женщин не заковывают. Она была чудной красоты и укрывалась от солнца широким листом капусты.— «А ты, красавица, за что?» — Она весело отвечала: — «Убила незаконорожденную дочь, пяти лет, и мать за то, что постоянно журила». Пушкин оцепенел от ужаса.

А. О. СМИРНОВА. *Автобиография*, 178.

Я в Казани с 5. Здесь я возился со стариками, современниками моего героя *(Пугачева)*, объезжал окрестности города, осматривал места сра-

жений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту страну. Погода стоит прекрасная, чтобы не сглазить только. Надеюсь до дождей объехать все, что предполагал видеть, и в конце сент. быть в деревне.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 8 сент. 1833 г., из Казани.

7-го сентября, в 9 часов утра, муж мой ездил провожать Боратынского, видел там Пушкина, и в полчаса успел так хорошо с ним познакомиться, как бы они уже долго жили вместе. Пушкин ехал в Оренбург собирать сведения для истории Пугачева и по той же причине останавливался на одни сутки в Казани. Он знал, что в Казани мой муж, как старожил, постоянно занимавшийся исследованием здешнего края, всего более мог удовлетворить его желанию, и потому, может быть, и желал очень с нами познакомиться. В этот же день, поутру, Пушкин ездил, тройкою на дрожках, один к Троицкой мельнице, по Сибирскому тракту, за десять верст от города; здесь был лагерь Пугачева, когда он подступал к Казани. Затем, объехав Арское поле, был в крепости, обошел ее кругом и потом возвратился домой, где оставался целое утро, до двух часов, и писал. Обедал у Е. П. Перцова, с которым был знаком еще в Петербурге; там обедал и муж мой.

В шесть часов вечера мне сказали о приезде к нам Пушкина. Я встретила его в зале. Он взял дружески мою руку с следующими ласковыми словами: «Нам не нужно с вами рекомендоваться; музы нас познакомили заочно, а Боратынский еще более». С Карлом Федоровичем *(мужем автора)* они встретились, как коротко знакомые. Мы все сели в гостиной. Я не могу похвалиться ни ловкостью, ни любезностью, особенно при первом знакомстве, и потому долго не могла притти в свою тарелку; да и к тому же и разговор был о Пугачеве; мне казалось неловко в него вмешаться.

Напившись чаю, Пушкин и Карл Федорович поехали к казанскому первой гильдии купцу Крупеникову, бывшему в плену у Пугачева, и пробыли там часа полтора; возвратясь к нам в дом, у подъезда, Пушкин благодарил моего мужа: «Как вы добры, Карл Федорович, сказал он: как дружелюбно и приветливо принимаете нас, путешественников!.. Для чего вы это делаете? Вы теряете вашу приветливость по-напрасну: вам из нас никто этим не заплатит; мы так не поступаем; мы в Петербурге живем только для себя». Окончив говорить, он так сильно сжал руку моего мужа, что несколько дней были знаки от ногтей. Пушкин имел такие большие ногти, что мне, право, они казались не менее полувершка.

По возвращении от Крупеникова, прислали за моим мужем от одного больного: он хотел было отказаться, но Пушкин принудил его ехать. Я осталась с моим знаменитым гостем одна; и признаюсь, не была этим довольна. Он тотчас заметил мое смущение и своею приветливою любезностью заставил меня с ним говорить, как с коротким знакомым. Мы сели в моем кабинете. Он просил показать ему стихи, писанные ко мне Боратынским, Языковым и Ознобишиным, читал их все сам вслух, и очень хвалил стихи Языкова. Потом просил меня непременно прочитать стихи моего сочинения. Я прочла сказку: *жених,* и он слушал меня, как бы в самом деле хорошего поэта, вероятно, из любезности, несколько раз останавливал мое чтение похвалами, а иные стихи заставлял повторять и прочитывал сам.

После чтения он начал меня расспрашивать о нашем семействе, о том, где я училась, кто были мои учители; рассказывал мне о Петербурге, о тамошней рассеянной жизни, и несколько раз звал меня туда приехать: «Приезжайте, пожалуйста, приезжайте; я познакомлю с вами жену мою; поверьте, мы будем уметь отвечать вам за казанскую приветливость не петербургскою благодарностью». Потом разговоры наши были гораздо откровеннее; он много говорил о духе нынешнего времени, о его влиянии на литературу, о наших литераторах, о поэтах, о каждом из них сказал мне свое мнение и, наконец, прибавил: «Смотрите, сегодняшний вечер была моя исповедь; чтобы наши разговоры остались между нами». Пушкин, без отговорок, несмотря на то, что располагал до света ехать, остался у нас ужинать и за столом сел подле меня. В продолжение ужина разговор был о магнетизме. Карл Федорович не верит ему, потому что очень учен, а я не верю, потому что ничего тут не понимаю. Пушкин старался всевозможными доказательствами нас уверить в истине магнетизма.

— Испытайте, — говорил он мне, — когда вы будете в большом обществе, выберите из них одного человека, вовсе вам незнакомого, который сидел был к вам даже спиною, устремите на него все ваши мысли, пожелайте, чтобы незнакомец обратил на вас внимание, но пожелайте сильно, всею вашею душою, и вы увидите, что незнакомый, как бы невольно, оборотится и будет на вас смотреть... Я был очевидцем таких примеров, что женщина, любивши самою страстною любовью, при такой же взаимной любви, остается добродетельною; но были случаи, что эта же самая женщина, вовсе не любившая, как бы невольно, со страхом исполняет все желания мужчины, даже до самоотвержения. Вот это-то и есть сила магнетизма.

Я была очень рада, когда кончился разговор о магнетизме, хотя

занял его другой, еще менее интересный, — о посещении духов, о предсказаниях и о многом, касающемся суеверия.

— Вам, может быть, покажется удивительным, — начал опять говорить Пушкин, — что я верю многому невероятному и непостижимому; быть так суеверным заставил меня один случай. Раз пошел я с Н. В. Всеволжским ходить по Невскому проспекту, и из проказ зашли к кофейной гадальщице. Мы просили ее нам погадать и, не говоря о прошедшем, сказать будущее. «Вы, — сказала она мне, — на этих днях встретитесь с вашим давнишним знакомым, который вам будет предлагать хорошее по службе место; и потом, в скором времени, получите через письмо неожиданные деньги; а третье, я должна вам сказать, что вы кончите вашу жизнь неестественною смертью». Без сомнения, я забыл в тот же день и о гадании, и о гадальщице. Но, спустя недели две после этого предсказания, и опять на Невском проспекте, я действительно встретился с моим давнишним приятелем, который служил в Варшаве при великом князе Константине Павловиче и перешел служить в Петербург; он мне предлагал и советовал занять его место в Варшаве, уверяя меня, что цесаревич этого желает. Вот первый раз после гаданья, когда я вспомнил о гадальщице. Через несколько дней после встречи с знакомым, я в самом деле получил с почты письмо с деньгами; и мог ли я ожидать их? Эти деньги прислал мой лицейский товарищ, с которым мы, бывши еще учениками, играли в карты, и я его обыграл. Он, получа после умершего отца наследство, прислал мне долг, который я не только не ожидал, но и забыл о нем. Теперь надобно сбыться третьему предсказанию, и я в этом совершенно уверен...

Суеверие такого образованного человека меня очень тогда удивило. После ужина Пушкин опять пошел ко мне в кабинет. Пересматривая книги, он раскрыл сочинения одного казанского профессора; увидав в них прозу и стихи, он опять закрыл книгу и, как бы с досадою, сказал: «О, это проза и стихи! Как жалки те поэты, которые начинают писать прозою; признаюсь, ежели бы я не был вынужден обстоятельствами, я бы для прозы не обмакнул пера в чернилы...» Он просидел у нас до часу и простился с нами, как со старыми знакомыми; несколько раз обнимал моего мужа, и, кажется, оставил нас не с притворным сожалением, сказавши при прощании: «Я никак не думал, чтобы минутное знакомство было причиною такого грустного прощания, но мы в Петербурге увидимся».

А. А. ФУКС. А. С. Пушкин в Казани. *Казанск. Губ. Вед.*, 1844, № 2. Перепеч. в *Рус. Стар.*, 1899, т. 98, стр. 258—261.

В Казани я таскался по окрестностям, по полям, по кабакам и попал на вечер к одной blue stockings *(синий чулок)*, сорокалетней несносной бабе, с вощеными зубами и с ногтями в грязи *(А. А. Фукс)*. Она развернула тетрадь и прочла мне стихов с двести, как ни в чем не бывало. Баратынский написал ей стихи и с удивительным бесстыдством расхвалил ее красоту и гений. Я так и ждал, что принужден буду ей написать в альбом — но бог помиловал; однако она взяла мой адрес и стращает меня приездом в Петербург, с чем тебя и поздравляю. Муж ее, умный и ученый немец, в нее влюблен и в изумлении от ее гения; однако он одолжил меня очень, и я рад, что с ним познакомился. Сегодня еду в Симбирск, отобедаю у губернатора, а к вечеру отправлюсь в Оренбург — последняя цель моего путешествия.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 12 сентября 1833 г., из села Языкова.

Милостивая государыня Александра Андреевна! С сердечной благодарностью посылаю вам мой адрес и надеюсь, что обещание ваше приехать в Петербург не есть одно любезное приветствие. Примите, Милостивая Государыня, изъявление моей глубокой признательности за ласковый прием путешественнику, которому долго памятно будет минутное пребывание его в Казани.

ПУШКИН—А. А. Фукс, 8 сент 1833. г., из Казани.

Однажды спросили Пушкина, как он находит даму, с которою он долго говорил, — умна ли она? Поэт отвечал: «не знаю, ведь я говорил с нею по-французски».

П. И. МЕЛЬНИКОВ-ПЕЧЕРСКИЙ со слов казанского проф. Гр. С. Суровцова, встречавшегося с Пушкиным в его поездку 1833 г. *Ист. Вестн.*, 1884, № 9, 505.

В 1833 г. я жила с моим отцом в Симбирске, где тогда губенатором был Александр Михайлович Загряжский; у А. М. Загряжского была только одна дочь, с которою я в числе прочих городских барышень училась у них в доме танцовать. Однажды осенью (1833 г., между 8—14 сент.) во время урока танцев по зале пронесся слух, что приехал сочинитель А. С. Пушкин; мы все взволновались от ожидания увидеть его, и вдруг входит в залу господин небольшого роста, в черном фраке, курчавый, шатен, с бледным или скорее мулатским рябоватым лицом: мне

тогда он показался очень некрасивым... Мы все уже сидели по стульям и при его общем нам поклоне сделали ему реверанс; через несколько минут мы все с ним познакомились и стали просить его потанцовать с нами; он немедленно же согласился, подошел к окну, вынул из бокового кармана пистолет и, положив его на подоконник, протанцовал с каждой из нас по нескольку туров вальса под звуки двух скрипок, сидевших в углу.

И. КОРОТКОВА. А. С. Пушкин и симбирские старожилы. *Моск. Ведом.*, 1901, № 242.

В Симбирске у губернатора я видел Пушкина. Ал. Сер—ча. Он сказал мне, что был в Казани у Фукса и стоял вместе с Баратынским.

И. А. ВТОРОВ—Н. И. Второву, 9 сент. 1833 г. *Рус. Вестн.*, 1875, авг., стр. 610.

Пишу тебе из деревни поэта Языкова, к которому заехал и не нашел дома. Меня очень беспокоят твои обстоятельства, денег у тебя слишком мало. Того и гляди сделаешь новые долги, не расплатясь со старыми. Я путешествую, кажется, с пользою, но еще не на месте и ничего не написал. Я сплю и вижу приехать в Болдино и там запереться.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 12 сент. 1833 г., из села Языкова.

(Дом языковской усадьбы). Из прихожей посетители входят в довольно обширный зал, и направо из соседней комнаты дверь ведет в комнату, где останавливался Пушкин. Она средней величины, с одним большим окном в сад, обставлена мебелью красного дерева, черною, деревянною кроватью и в углу типичным украшением камина в форме усеченной колонны... По сохранившемуся в доме и семье Языковых рассказу, Пушкин, не застав в первый раз своего посещения Николая Михайловича дома, вырезал ему алмазным перстнем на память на одном из стекол окна свое имя.

В. Н. ПОЛИВАНОВ. Село Языково. *Ист. Вестн.*, 1896, № 12, стр. 988. Фотографии с языковского дома—*Ист. Вестн.*, 1889, № 8, в статье того же автора «Пушкин в Симбирске».

Опять я в Симбирске. Третьего дня, выехав ночью, отправился я к Оренбургу. Только выехал на большую дорогу, заяц перебежал мне ее.

Чорт его побери, дорого бы дал я, чтобы его затравить. На третьей станции стали закладывать мне лошадей — гляжу: нет ямщиков — один слеп, другой пьян и спрятался. Пошумев изо всей мочи, решился я возвратиться и ехать другой дорогой; по этой на станциях везде по 6 лошадей, а почта ходит четыре раза в неделю. Повезли меня обратно — я заснул — просыпаюсь утром — что же? не отъехал я и пяти верст. Гора — лошади не везут — около меня человек 20 мужиков. Чорт знает, как бог помог — наконец взъехали мы, и я воротился в Симбирск. Дорого бы дал я, чтобы быть борзой собакой; уж этого зайца я бы отыскал. Теперь еду опять другим трактом. Авось без приключений.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 14 сент. 1833 г., из Симбирска.

Насплу доехал *(до Оренбурга)* — дорога прескучная, погода холодная, завтра еду к яицким казакам, пробуду у них дня три — и отправлюсь в деревню через Саратов и Пензу. Мне тоска без тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо к тебе, ни строчки не написав. Да нельзя, мой ангел, — взялся за гуж, не говори, что недюж; то-есть уехал писать, так пиши же роман за романом, поэму за поэмой. А уж чувствую, что дурь на меня находит, я и в коляске сочиняю: что же будет в постеле? Одно меня сокрушает: человек мой. Вообрази себе тон московского канцеляриста, глуп, говорлив, через день пьян, ест мои холодные дорожные рябчики, пьет мою мадеру, портит мои книги и по станциям называет меня то графом, то генералом. Бесит меня, да и только. Свет-то мой Ипполит! Кстати о хамовом племени; как ты ладишь своим домом? боюсь, людей у тебя мало; не наймешь ли ты кого? На женщин надеюсь, но с мужчинами как тебе ладить. Все это меня беспокоит — я мнителен, как отец мой.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 19 сент. 1833 г., из Оренбурга.

* В один из субботних вечеров, когда небольшая семья моего директора Артюхова *(директора неплюевского оренбургского кадетского корпуса)* усаживались за чайный стол, на дворе послышался скрип подрезов дорожного экипажа [1].

[1] Пушкин был в Оренбурге 18—20 сент., 1833 г., но ни один из этих дней на субботу не приходится. *М. Л. Юдин. (Труды Оренб. Учен. Арх., Ком.*, вып. VI, стр. 209). Снега в то время еще не было и ездили на колесах.

— Генерал Пушкин изволил приехать! — прокричал вошедший со двора мальчик, одетый в черкеску из верблюжьего сукна.

Дверь отворилась, и на пороге показался довольно полный господин в дорожной шубе и укутанный шарфом. Тотчас подбежали его раздевать.

— Какой-то вихрь, а не мальчишка прокричал мне: «дома барин».

— Дома, дома, — подхватил хозяин, — и просит дорогого гостя в кабинет. — Здравствуй, здравствуй!

— Здравствуй, трегубый (у хозяина с детства верхняя губа делилась надвое).

— Только дайте ему, — проговорил «генерал», указывая на своего человека, — прежде распеленать своего младенца. А то мои бакенбарды останутся на шарфе.

При входе в залу опять посыпались приветы. Гость спросил умыться, но хозяин тотчас же предложил Ал. Серг-чу в баню, а потом чай.

— Согласен, если только недалеко баня; мне надоела езда, — отвечал, потирая руки, гость.

— Так, значит, идем; двадцать шагов по корридору — и мы будем в теплушке. Распорядись-ка, — сказал мне К. Д. *(Артюхов)*, — чтобы там найти нам людей и свечи.

Захватив кучера и мальчика, которые внесли из саней вещи, я велел зажечь лампу, а сам поторопился сбросить с себя курточку и сапоги, чтобы не быть отосланным в комнату, так как я был уже в казенной бане.

За хозяином вошел гость. Кучер и мальчик проворно принялись за раздевание их.

— Да как, брат К. Д., у тебя славно здесь! Даже андреем пахнет (ambrée), — заметил Александр Сергеевич с улыбкою, почесываясь и поглядывая рассеянно по сторонам: — очень порядочно, здесь скорее гостиная, нежели баня.

Хозяин, как человек очень полный, кряхтел и видимо радовался первому впечатлению гостя.

— Очень рад, старый товарищ, что могу служить, да спасибо, что ты не сбился с дороги и не мимо меня проехал. А не раз, я думаю, плутал по этим дорогам. В наших местах теперь дорога ведь страшная, а?

— Да, я бросил возок и купил сани.

А дорога ваша — сад для глаз,
Повсюду лес, канавы,
Работы было много, много славы,
Да жаль, проезду нет подчас.
От деревьев, на часах стоящих,
Проезжим мало барыша.

Дорога, скажут, хороша,
Но я скажу: для проходящих![1]

От этой правды, так верно и скоро выраженной им в стихах, все как бы остолбенели. Хозяин рассмеялся, подал мне карандаш и велел записать на стене. А. С. поправил мои знаки, и на другой день стихи были вделаны в раму под стекло.

Пока Ал. С-ч декламировал, он стоял перед трюмо, правою рукою расправляя кудрявые волосы, а левою прикрываясь, так как был совершенно раздет. На это Артюхов заметил, смеясь:

— А видел ли ты, Ал. С—ч, свое сейчас сходство с Венерой Медицейской?

Последний взглянул в зеркало, как бы для поверки сходства, и отвечал:

— Да, правда твоя. Только ты должен вообразить ее степенство, когда она была во второй половине своего интересного положения.

Н. П. ИВАНОВ. *Хивинская экспедиция 1839—1840 гг. Рассказы.* СПБ. 1873, стр. 20—22.

В Оренбурге Пушкину захотелось сходить в баню. Я свел его в прекрасную баню к инженер-капитану Артюхову, добрейшему, умному, веселому и чрезвычайно забавному собеседнику. В предбаннике расписаны были картины охоты, любимой забавы хозяина. Пушкин тешился этими картинами, когда веселый хозяин, круглолицый, голубоглазый, в золотых кудрях, вошел, упрашивая Пушкина ради первого знакомства откушать пива или меду. Пушкин старался быть крайне любезным со своим хозяином и, глядя на расписной предбанник, завел речь об охоте. «Вы охотитесь, стреляете?» — «Как же-с, понемножку занимаемся и этим; не одному долгоносому довелось успокоиться в нашей сумке». — «Что же вы стреляете, уток?» — «Уто-ок-с?» — спросил тот, вытянувшись и бросив какой-то сострадательный взгляд. — «Что же? разве вы

[1] *Стихотворение кн. П. А. Вяземского «Станция»* (1828 г.):

Дороги наши, сад для глаз,
Деревья, с дерном вал, канавы;
Работы много, много славы,
Да жаль: проезда нет под-час.
С деревьев, на часах стоящих,
Проезжим мало барыша,
Дорога, скажешь, хороша —
И вспомнишь стих: для проходящих!

уток не стреляете?» — «Помилуйте-с, кто будет стрелять эту падаль! Это какая-то гадкая старуха, валяется в грязи — ударишь ее по загривку, она свалится боком, как топор с полки, бьется, валяется в грязи, кувыркается... тьфу!» — «Так что же вы стреляете?» — «Нет-с, не уток. Вот как выйдешь в чистую рощицу, как запустишь своего Фингала, — а он нюх-нюх направо — нюх налево, — и стойку: вытянулся, как на пружине, — одеревенел, окаменел! Пиль, Фингал! Как свечка загорелся, столбом взвился»... — «Кто, кто?» — перебил Пушкин с величайшим вниманием и участием. — «Кто-с? разумеется кто: слука, вальдшнеп. Тут царап его по сарафану... А он (продолжал Артюхов, раскинув руки врозь, как на кресте), — а он только раскинет крылья, головку набок — замрет на воздухе, умирая, как Брут!»

Пушкин расхохотался и, прислав ему через год на память «Истор. Пугач. бунта», написал:

«Тому офицеру, который сравнивает вальдшнепа с Валенштейном».

В. И. ДАЛЬ. Из неизданных материалов для биографии Пушкина. *Рус. Стар.*, 1907, т. 131, стр. 165.

(В Оренбурге Пушкин остановился в доме оренбургского военного губернатора В. А. Перовского). Перовский в то время квартировал в доме мурзы полковника Тимашева, на Губернской, что ныне Николаевская улица (главная в городе), как раз против Благовещенской (теперь Вознесенской) церкви.

П. Л. ЮДИН. *Рус. Арх.*, 1899, II, 138.

По показанию старожилов, В. А. Перовский квартировал в доме полк. Тимашева, находившемся на Николаевской ул. в 1 части, в 5 квартале, против алтаря церкви Вознесения Христова, между соседними домами Пенькова и Козина. Дом этот, сохранившийся и доселе (1900 г.),— двухэтажный с мезонином; нижний этаж его каменный, а верхний и мезонин — деревянные... В настоящее время дом принадлежит мещанину Ив. Вас. Ладыгину.

М. Л. ЮДИН. *Труды Оренб. Учен. Арх. Ком.*, вып. VI, 1900, стр. 219.

Пушкин приехал в Оренбург. Вслед за тем из Нижнего-Новгорода от тамошнего губернатора Бутурлина пришла к Перовскому бумага с извещением о путешествии Пушкина, который состоял под надзором полиции.

С Перовским Пушкин был на *ты* и приехал прямо к нему; но в доме генерал-губернатора поэту было не совсем ловко, и он перешел к Далю; обедать они ходили вместе к Перовскому.

В. И. ДАЛЬ по записи Бартенева. *Рассказы о Пушкине*, 21.

С. Петербургский обер-полицмейстер от 20 сент. уведомил меня, что... был учрежден в столице секретный полицейский надзор за образом жизни и поведением известного поэта, титулярного советника Пушкина, который 14 сентября выбыл в имение его, состоящее в Нижегородской губернии. Известясь, что он, Пушкин, намерен был отправиться из здешней в Казанскую и Оренбургскую губернию, я долгом считаю о вышесказанном известить ваше прев-во, покорнейше прося, в случае прибытия его в Оренбургскую губернию, учинить надлежащее распоряжение в учреждении за ним во время его пребывания в оной секретного полицейского надзора за образом жизни и поведением его.

М. П. БУТУРЛИН, нижегородский военный губернатор, в секретном отношении оренб. воен. губернатору В. А. Перовскому, 9 окт. 1833 г.

На этой бумаге рукою Перовского сделана следующая пометка: Отвечать, что сие отношение получено через месяц по отбытии г. Пушкина отсюда, а потому, хотя во время кратковременного его в Оренбурге пребывания и не было за ним полицейского надзора, но как он останавливался в моем доме, то я тем лучше могу удостоверить, что поездка его в Оренбургский край не имела другого предмета, кроме нужных ему исторических изысканий.

Рус. Старина, 1833, т. 37, стр. 78.

Пушкин прибыл нежданный и нечаянный и остановился в загородном доме у военного губернатора Василия Алексеевича Перовского, на другой день перевез я его оттуда, ездил с ним в историческую Бердинскую станицу, толковал, сколько слышал и знал местность, обстоятельства осады Оренбурга Пугачевым. Пушкин слушал все это с большим жаром и хохотал от души следующему анекдоту: Пугач, ворвавшись в Берды, где испуганный народ собрался в церкви и на паперти, вошел также в церковь. Народ расступался в страхе, кланялся, падал ниц. При-

няв важный вид, Пугач прошел прямо в алтарь, сел на церковный престол и сказал вслух: «Как я давно не сидел на престоле!» В мужицком невежестве своем он воображал, что престол церковный есть царское седалище. Пушкин назвал его за это свиньей и много хохотал.

Мы поехали в Берды, бывшую столицу Пугача, который сидел там — как мы сейчас видели — на престоле. По пути в Берды Пушкин рассказывал мне, чем он занят теперь, что еще намерен и надеется сделать. Он усердно убеждал меня написать роман и повторял: — «Я на вашем месте сейчас бы написал роман, сейчас; вы не поверите, как мне хочется написать роман, но нет, не могу: у меня начато их три, — начну прекрасно, а там недостает терпения, не слажу». Слова эти вполне согласуются с пылким духом поэта и думным творческим долготерпением художника; эти два редкие качества соединялись в Пушкине, как две крайности, которые дополняют друг друга и составляют одно целое. Он носился во сне и на-яву целые годы с каким-нибудь созданием, и когда оно дозревало в нем, являлось перед духом его уже созданным вполне, то изливалось пламенным потоком в слова и речь: металл мгновенно стынет в воздухе, и создание готово. Пушкин потом воспламенился в полном смысле слова, коснувшись Петра Великого, и говорил, что непременно, кроме деописания об нем, создаст и художественное в память его произведение...

— Я еще не мог доселе постичь и обнять вдруг умом этого исполина: он слишком огромен для нас близоруких, и мы стоим еще к нему близко, — надо отодвинуться на два века, — но постигаю его чувством; чем более его изучаю, тем более изумление и подобострастие лишают меня средств мыслить и судить свободно. Не надобно торопиться; надобно освоиться с предметом и постоянно им заниматься; время это исправит. Но я сделаю из этого золота что-нибудь. О, вы увидите: я еще много сделаю! Ведь даром что товарищи мои все поседели да оплешивели, а я только что перебесился; вы не знали меня в молодости, каков я был; я не так жил, как жить бы должно; бурный небосклон позади меня, как оглянусь я.

В Бердах мы отыскали старуху, которая знала, видела и помнила Пугача. Пушкин разговаривал с нею целое утро; ему указали, где стояла изба, обращенная в золотой дворец, где разбойник казнил несколько верных долгу своему сынов отечества; указали на гребни, где, по преданию, лежит огромный клад Пугача, зашитый в рубаху, засыпанный землей и покрытый трупом человеческим, чтобы отвесть всякое подозрение и обмануть кладоискателей, которые, дорывшись до трупа, должны подумать, что это — простая могила. Старуха спела также несколько

песен, относившихся к тому же предмету, и Пушкин дал ей на прощание червонец.

Мы уехали в город, но червонец наделал большую суматоху. Бабы и старики не могли понять, на что было чужому приезжему человеку расспрашивать с таким жаром о разбойнике и самозванце; но еще менее постигли они, за что было отдать червонец. Дело показалось им подозрительным: чтобы-де после не отвечать за такие разговоры, чтобы опять не дожить до греха да напасти! И казаки на другой же день снарядили подводу в Оренбург, привезли и старуху, и роковой червонец и донесли: «Вчера-де приезжал какой-то чужой господин, приметами: собой не велик, волос черный, кудрявый, лицом смуглый, и подбивал под «пугачевщину» и дарил золотом; должен быть антихрист, потому что вместо ногтей на пальцах когти». Пушкин много тому смеялся.

В. И. ДАЛЬ. Воспоминания о Пушкине. *Л. Майкова,* 416—419.

Осенью 1833 года приехал в Оренбург А. С. Пушкин для собирания сведений о пугачевском бунте и пожелал посетить Бердо. По этому случаю Ив. Вас. Гребеньщиков *(сотник оренбургского казачьего войска, начальник станции Бердо)* пригласил меня посмотреть на Пушкина. Я с радостью принял предложение, и мы отправились с вечера, чтобы к утру собрать стариков и старух, помнящих Пугачева. Утром приезжает Пушкин, сам друг, кажется, если не ошибаюсь, с В. И. Далем... Он среднего роста, смуглый, лицо кругловатое с небольшими бакенбардами, волосы на голове черные, курчавые, недолгие, глаза живые, губы довольно толсты. Одет был в сюртук, плотно застегнутый на все пуговицы; сверху шинель суконная с бархатным воротником и обшлагами, на голове измятая поярковая шляпа. На руках: левой на большом, а правой на указательном пальцах по перстню. Ногти на пальцах длинные лопатками. В фигуре и манерах было что-то чрезвычайно оригинальное.

По входе в комнату Пушкин сел к столу, вынул записную книжку и карандаш и начал расспрашивать стариков и старух, и их рассказы записывал в книжку. Одна старушка, современница Пугачева, много ему рассказывала и спела или проговорила песню, сложенную про Пугачева, которую Пушкин и просил повторить. Наконец расспросы кончились, он встал, поблагодарил Гребеньщикова и стариков, которым раздал несколько серебряных монет, и отправился в Оренбург.

Он суеверным старикам, а особенно старухам, не понравился и произвел на них неприятное впечатление тем, что, вошедши в комнату,

не снял шляпы и не перекрестился на иконы и имел большие ногти; за то его прозвали «антихристом»; даже некоторые не хотели принять от него деньги (которые были светленькие и новенькие), называя их антихристовыми и думая, что они фальшивые. Об этом обстоятельстве сообщил мне И. В. Гребеньщиков.

Н. А. КАЙДАЛОВ. Воспоминания. *Труды Оренб. Ученой Арх. Комиссии,* вып. VI, 1900, Оренбург, стр. 214—215.

(Старуха казачка про посещение Пушкина.) — «Приезжали господа, и один все меня заставлял рассказывать... Он наградил меня за рассказы; тут же с ним был и приятель наш, полковник Артюхов. Песни я ему пела про Пугачева. Показал он мне патрет: красавица такая написана... — «Вот, — говорит, — она станет твои песни петь».

ЕВГ. ЗАХ. ВОРОНИНА — Е. Л. Энгельке, 26 ноября 1833 г., из Оренбурга. *Рус. Арх.*, 1900, II, 660.

М-me Даль рассказывала, как всем дамам хотелось видеть Пушкина, когда он был здесь. Он приезжал не надолго и бывал только у нужных ему по его делу людей или у прежних знакомых. Две ее знакомые барышни узнали от нее, что Пушкин будет вечером у ее мужа, и что они будут вдвоем сидеть в кабинете Даля. Окно этого кабинета было высоко, но у этого окна росло дерево; эти барышни забрались в сад, влезли на это дерево и из ветвей его смотрели на Пушкина, следили за всеми его движениями, как он от души хохотал; но разговора не было слышно, так как рамы были уже двойные.

Е. З. ВОРОНИНА — Е. Л. Энгельке, 20 ноября 1833 г., из Оренбурга. *Рус. Арх.*, 1902, II, 658.

И. В. Чернов в 1833 г. поступил в приходское училище и в сентябре того же года имел счастие видеть в стенах этого заведения А. С. Пушкина, приезжавшего в Оренбург. Поэт даже спрашивал Ив. Вас-ча что-то, но за давностью лет он упомнить не мог.

С. Н. СЕВАСТЬЯНОВ «Памяти ген.-майора И. В. Чернова» *Труды Оренб. Уч. Арх. Комиссии,* вып. XVIII, 1907, стр. 6.

Из Оренбурга поехал я в Уральск. Тамошний атаман и казаки приняли меня славно, дали мне два обеда, подпили за мое здоровье, наперe-

рыв давали мне все известия, в которых имел нужду, и накормили меня свежей икрой, при мне изготовленной. При выезде моем (23 сент.) вечером пошел дождь, первый по моем выезде. Надобно тебе знать, что нынешний год была всеобщая засуха, и что бог угодил на одного меня, уготовя мне везде прекраснейшую дорогу. На возвратный же путь послал он мне этот дождь, и через полчаса сделал дорогу непроходимой. Того мало: выпал снег, и я обновил зимний путь, проехав верст 50 на санях. Проезжая мимо Языкова, я к нему заехал, застал всех трех братьев, отобедал с ними очень весело, ночевал и отправился сюда.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 2 октября 1833 г., из Болдина.

(29 сент. 1833 г.) Семейное предание рассказывает, что Ал. Серг. застал братьев Языковых *(в селе Языкове Симб. губ.)* одетых по домашнему, в халаты, и на первых же порах пристыдил и разбранил их за азиатские привычки.

Д. Н. САДОВНИКОВ. Отзывы о Пушкине. *Ист. Вестн.*, 1883, XIV, 537.

Вчера был у нас Пушкин, возвращавшийся из Оренбурга и с Яика в свою нижегородскую деревню, где пробудет месяца два, занимаясь священнодействием перед алтарем Камен. Из питерских новостей он прочитал мне свою сказку «Гусар» (ее купил дескать у него Смирдин за 1.000 руб. сто стихов...). Мы от него первые узнали, что он и Катенин избраны членами российской академии, и что последнее производит там большой шум, оживляя сим сонных толкачей, иереев и моряков. Во второй уже раз дошло до того, что ему прочли параграф устава, которым велено выводить из заседания членов, непристойно себя ведущих. Старики видят свою ошибку, но делать уже нечего; зло посреди них; вековое спокойствие нарушено навсегда, или по крайней мере надолго.

А. М. ЯЗЫКОВ — В. Д. Комовскому от 1 октября 1833 г. *Ист. Вестн.*, 1883, XIV, 537.

Отец мой и я ехали через Нижегородскую губернию. На одной станции, по пути от Арзамаса до Лукоянова, в селе Шатках, отец мой, во время смены лошадей, вошел в станционную избу позавтракать, а я, не совсем еще освобожденный от слабости вследствие только что перенесенной желудочной болезни, остался в карете. Когда отец вошел в станционную избу, то тотчас обратил внимание на ходившего там из угла в угол

господина. Это был Пушкин. Ходил он задумчиво, наконец позвал хозяйку и спросил у нее чего-нибудь пообедать, вероятно ожидая найти порядочные кушанья по примеру некоторых станционных домов на больших трактах. Хозяйка, простая крестьянская баба, с хладнокровием отвечала ему: «У нас ничего не готовили сегодня, барин». Пушкин все-таки, имея лучшее мнение о станционном дворе, спросил подать хоть щей да каши. «Батюшка, и этого нет, ныне постный день, я ничего не стряпала, кроме холодной похлебки». Пушкин, раздосадованный вторичным отказом бабы, остановился у окна и ворчал сам с собою: «Вот я всегда бываю так наказан, чорт возьми! Сколько раз я давал себе слово запасаться в дорогу какой-нибудь провизией, и вечно забывал и часто голодал, как собака». В это время отец мой приказал принести из кареты свой дорожный завтрак и вина и предложил Пушкину разделить с ним дорожный завтрак. Пушкин с радостью, по внушению сильным аппетитом, тотчас воспользовался предложением отца и скоро удовлетворил своему голоду, и когда, в заключение, запивал вином соленые кушанья, то просил моего отца хоть сказать ему, кого он обязан поблагодарить за такой вкусный завтрак, чтобы выпить за его здоровье дорожною флягою вина. Когда отец сказал ему свою фамилию, то он тотчас спросил, не родня ли я ему, назвавши меня по имени, и когда он узнал, что я сын его и что я сижу в карете, то с этим словом послано было за мною.

Отец мой прислал непременно звать меня войти в избу для какой-то особенной надобности. Едва я отворил дверь станционного приюта, весьма некрасивого, как Пушкин бросился мне на шею, и мы крепко обнялись после долгой разлуки. В это время мы провели вместе целые сутки. Пушкин заехал ко мне в дом и с большим интересом рассказывал свежие впечатления о путешествии своем по Оренбургской губернии, только что возвратившись оттуда, где он собирал истор. памятники, устные рассказы многих свидетелей того времени стариков и старух о Пугачеве. Доверие, произведенное к себе этим историческим злодеем во многих невеждах, говорил Пушкин, до такой степени было сильно, что некоторые самовидцы говорили ему лично с полным убеждением, что Пугачев был не бродяга, а законный царь Петр III, и что он только напрасно потерпел наказание от злобы и зависти людей. Пушкин в эти часы был чрезвычайно любезен, говорлив и весел. На покойного отца моего сделал он удивительное впечатление, так что он, вспоминая о Пушкине, часто говорил, что в жизнь свою он не встречал такого умного и очаровательного разговора, как у Пушкина.

К. И. САВОСТЬЯНОВ. Письмо к Вл. Петр. Горчакову. *П—н и его совр—ки,* XXXVII, 149—151.

Въехав в границы Болдинские, встретил я попов, и так же озлился на них, как на Симбирского зайца. Не даром все эти встречи.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 2 октября 1833 г., из Болдина.

Вот уже неделю, как я в Болдине, привожу в порядок мои Записки о Пугачеве, а стихи пока еще спят. Я что-то сегодня не очень здоров. Животик болит.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 8 октября 1833 г., из Болдина.

Не мешай мне, не стращай меня, будь здорова, смотри за детьми, не кокетничай с царем... Я пишу, я в хлопотах, никого не вижу — и привезу тебе пропасть всякой всячины. Знаешь ли, что обо мне говорят в соседних губерниях? Вот как описывают мои занятия: как Пушкин стихи пишет — перед ним стоит штоф славнейшей настойки — он хлоп стакан, другой, третий — и уж начнет писать! — Это слава!

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 11 октября 1833 г., из Болдина.

Через Михайлу Иванова *(болдинского старосту)* крестьяне ваши совсем разорились; в бытность же вашу прошлого года в вотчинах, крестьяне ваши хотели вам на его жаловаться и были уже на дороге, но он их встретил, не допустил до вас и наказал, и я обо всем оном действительно узнал не только от ваших крестьян, но и от посторонних, по близости находящихся соседей.

КАРЛ РЕЙХМАН — Пушкину, 22 июня 1834 г. *Переп. Пушкина,* III, 136.

Пушкин занимался по ночам; все на селе и в доме спят, а он пишет; он был живой, порывистый, вскочит и ходит, ходит из угла в угол задумчиво, заложив руку за спину; вдруг садится к столу и пишет, пишет; всегда перед ним на столе чай с ромом в бокале... Ходит, подойдет, — выпьет глоток, опять ходит, вдруг к столу и пишет, пишет...

Был у Пушкина в Болдине лакей, из Болдинских крепостных, по фамилии Торгашев. Пушкин часто беседовал с ним, шутил, брал с собою на

прогулки. Один раз Пушкин обратился к нему со словами: «Торгашев, остриги меня, сними усы и бороду», — потом засмеялся и пригласил его с собой ехать верхом в «Лучинник» (рощу). Но едва они успели завернуть за гумно, — откуда-то взялся заяц и перебежал дорогу. Пушкин тотчас же вернулся домой. Дело было лунной ночью: Пушкин любил в такие ночи ездить в «Лучинник» (в двух верстах от Болдина).

Однажды Пушкин пригласил к себе причт отслужить молебен (было ли это в храмовой праздник 8 ноября или в какой-нибудь «фамильный» день, — неизвестно), а после молебна предложил чай и закуску; когда члены причта уселись за столы, он вынул из кармана тетрадку и начал читать «насмешливые» (сатирические) стихи на духовенство.

КИР. СЕМ. РАЕВСКИЙ, болдинский диакон; со слов его сына Ф. К. Раевского записал А. И. Звездин. *О болдинском имении Пушкина.* Н.-Новг. 1912, стр. 23—24.

Вчера такое горе взяло, что и не запомню, чтоб на меня находила такая хандра... Я работаю лениво, через пень колоду валю. Все эти дни голова болела, хандра грызла меня. Нынче легче. Начал многое, но ни к чему нет охоты; бог знает, что со мною делается. Старам стала, и умом плохам! Приеду оживиться твоею молодостью. Но не жди меня прежде конца ноября; не хочу к тебе с пустыми руками явиться; взялся за гуж, не скажу, что не дюж.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 21 октября 1833 г., из Болдина.

Я не ревнив, да и знаю, что ты во всё тяжкое не пустишься; но ты знаешь, как я не люблю все, что пахнет московской барышнею, все, что не comme il faut, все что vulgar... Если при моем возвращении я найду, что твой милый, простой, аристократический тон изменился, разведусь, вот-те Христос, и пойду в солдаты с горя. Ты спрашиваешь, как я живу и похорошел ли я? Во-первых, отпустил я себе бороду; *Ус да борода — молодцу похвала; выйду на улицу, дядюшкой зовут.* 2) Просыпаюсь в 7 часов, пью кофе, и лежу до 3-х часов. Недавно расписался и уже написал пропасть. В 3 часа сажусь верхом, в 5 — в ванну, и потом обедаю картофелем да грешневой кашей. До 9 часов читаю. Вот тебе мой день, и все на одно лицо.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 30 октября 1833 г., из Болдина.

Головная боль, хозяйственные хлопоты, лень — барская, помещичья лень так одолели меня, что не приведи боже.

ПУШКИН — кн. В. Ф. Одоевскому, 30 октября 1833 г., из Болдина.

Я скоро выезжаю, но несколько времени останусь в Москве по делам. Женка, женка! я езжу по большим дорогам, живу по 3 месяца в степной глуши, останавливаюсь в пакостной Москве, которую ненавижу — для чего? Для тебя: чтоб ты была спокойна, и блистала себе на здоровье, как прилично в твои лета и с твоею красотою. Побереги же и ты меня. К хлопотам, неразлучным с жизнью мужчины, не прибавляй беспокойств семейственных, ревности и т. д.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 6 ноября 1833 г., из Болдина.

Сим имею честь донести, что г. Пушкин пребывание имел Лукояновского уезда в селе Болдине, имеющем расстояние от вверенного мне уезда не более трех верст, во все время пребывания его, как известно мне, занимался единственно только одним сочинением, ни к кому господам не ездил и к себе никого не принимал, в жизни его предосудительного ничего не замечено, а сего 9 числа он Пушкин отправился чрез Москву в С.-Петербург.

Сергачский земский исправник ЗВАНЦОВ в донесении нижегородскому военному губернатору М. П. Бутурлину от 11 ноября 1833 г. *Газета «Известия»*, 1934 г., № 245.

(1833 г., середина ноября?) Когда Пушкин проезжал через Москву, его никто почти не видал. Он никуда не показывался, потому что ехал с бородой, в которой ему хотелось показаться жене.

П. В. КИРЕЕВСКИЙ — поэту Языкову, от 17 янв. 1834 г. *Ист. Вестн.*, XIV, 538.

Познакомилась я с Пушкиным в Москве, в доме отца моего, А. Нарского. Это было в 1834 году[1], когда я была объявлена невестой П. В.

[1] Это было в ноябре 1833 г., — когда Пушкин, по пути из Болдина в Петербург, останавливался на несколько дней в Москве у Нащокина. Нащокин в то время жил с цыганкою Ольгою Андреевною. Повидимому, в феврале 1834 г. он бежал от нее и тайком обвенчался с Верою Александровною. В течение 1834 года Пушкин не мог видеться с Нащокиным.

Нащокина, впоследствии моего мужа. Привез его к нам в дом мой жених. Своею наружностью и простыми манерами, в которых, однако, сказывался прирожденный барин, Пушкин сразу расположил меня в свою пользу. Нескольких минут разговора с ним было достаточно, чтобы робость и волнение мои исчезли. Пушкин был невысок ростом, шатен, с сильно вьющимися волосами, с голубыми глазами необыкновенной привлекательности. Я видела много его портретов, но должна сознаться, что ни один из них не передал и сотой доли духовной красоты его облика — особенно его удивительных глаз. Это были особые поэтические задушевные глаза, в которых отражалась вся бездна дум и ощущений, переживаемых его душой. Других таких глаз я за всю мою долгую жизнь ни у кого не видала. Говорил он скоро, острил всегда удачно, был необыкновенно подвижен, весел, смеялся заразительно и громко, показывая два ряда ровных зубов, с которыми белизной могли равняться только перлы. На пальцах он отращивал предлинные ногти. В первое свое посещение Пушкин довольно долго просидел у нас и почти все время говорил со мной (одной). Когда он уходил, мой жених, с улыбкой кивая на меня, спросил его:

— Ну что, позволяешь на ней жениться?

— Не позволяю, а приказываю, — ответил Пушкин.

В объяснение я должна сказать следующее: в молодости, будучи холостыми, они жили в Москве на одной квартире и во всех важных вопросах жизни всегда советовались друг с другом. Так, когда Пушкин задумал жениться на Н. Н. Гончаровой, то спросил Нащокина: что он думает о его выборе? Тот посоветовал жениться. Когда несколько лет спустя Нащокину предстояло сделать то же, он привез своего друга в дом моего отца, чтобы поэт познакомился со мною и высказал свое мнение.

В. А. НАЩОКИНА. Воспоминания. *Новое Время*, 1898, № 8115, иллюстр. прилож.

При выезде моем из Москвы, Гаврила мой так был пьян и так меня взбесил, что я велел ему слезть с козел и оставил его на большой дороге в слезах и истерике; но это все на меня не подействовало. Дома нашел я все в порядке. Жена была на бале, я за нею поехал — и увез к себе, как улан уездную барышню с именин Городничихи. Денежные мои обстоятельства без меня запутались, но я их думаю распутать.

ПУШКИН — П. В. Нащокину, 24 ноября 1833 г., из Петербурга.

Возвратившись в Петербург, Пушкин не застал жену дома. Она была на бале у Карамзиных. Ему хотелось видеть ее возможно скорее и своим неожиданным появлением сделать ей сюрприз. Он едет к квартире Карамзиных, отыскивает карету Натальи Николаевны, садится в нее и посылает лакея сказать жене, чтобы она ехала домой по очень важному делу, но наказал отнюдь не сообщать ей, что он в карете. Посланный возвратился и доложил, что Наталья Николаевна приказала сказать, что она танцует мазурку с кн. Вяземским. Пушкин посылает лакея во второй раз сказать, чтобы она ехала домой безотлагательно. Наталья Николаевна вошла в карету и прямо попала в объятия мужа. Поэт об этом факте писал нам и, помню, с восторгом упоминал, как жена его была авантажна в этот вечер в своем роскошном розовом платье.

В. А. НАЩОКИНА. Воспоминания. *Новое Время*, 1898, № 8122.

Однажды вечером, в ноябре 1833 г., я пришел к В. Ф. Одоевскому... Вдруг, — никогда этого не забуду, — входит дама, стройная, как пальма, в платье из черного атласа, доходящем до горла (в это время был придворный траур). Это была жена Пушкина, первая красавица того времени. Такого роста, такой осанки я никогда не видывал! Благородные, античные черты ее лица напоминали мне Евтерпу Луврского Музея. Князь Григорий *(Волконский)* подошел ко мне, шепнул на ухо: «не годится слишком на нее засматриваться»... Я собрался с духом и сел около Пушкина. К моему удивлению, он заговорил со мною очень ласково: должно быть, был в хорошем расположении духа. Гофмана фантастические сказки в это самое время были переведены на французский язык и сделались известны в Петербурге. Пушкин только и говорил, что про Гофмана. Наш разговор был оживлен и продолжался долго. — «Одоевский пишет тоже фантастические пьесы», — сказал Пушкин с неподражаемым сарказмом в тоне. Я возразил совершенно невинно: — «К несчастью, мысль его не имеет пола», и Пушкин неожиданно показал мне весь ряд своих прекрасных зубов: такова была его манера улыбаться.

(В. В. ЛЕНЦ). Приключения лифляндца в Петербурге. *Рус. Арх.*, 1878, I, 441—442.

На вечерах Одоевского бывали довольно часто Пушкин, на которого молодые литераторы с благоговением выглядывали издалека, потому что

он всегда сидел в кругу светских людей и дам, и князь Вяземский, появлявшийся обыкновенно часа в два ночи.

И. И. ПАНАЕВ. Литер. воспоминания. *Полн. собр. соч.* VI, 93.

(3 дек. 1833 г.). — Вчера Гоголь читал мне сказку «Как Ив. Ив. поссорился с Ив. Тимоф.» *(Никифоровичем)*, — очень оригинально и очень смешно.

ПУШКИН. *Дневник.*

Пушкин привез с собою из Болдина, по слухам, три новых поэмы. Смирдин, возвратившись при мне от него в свою лавку, с прискорбием жаловался на него: за эти три пьески, в которых де не более трех печатных листов будет, требует Александр Сергеевич 15 000 руб. У этого барона не дурна фантазия! Он же написал какую-то повесть в прозе: или «Медный Всадник» или «Холостой выстрел», не помню хорошенько. Одна из этих пьес прозой, другая — в стихах [1].

В. Д. КОМОВСКИЙ — А. М. Языкову, 10 декабря 1833 г. *Истор. Вестн.*, 1883, т. XIV, стр. 538.

Пушкин привез с собою несколько тысяч новых стихов, в двух или трех маленьких поэмах, и поделился с нами своею странническою котомкою.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — И. И. Дмитриеву, 23 дек. 1833 г., из Петербурга. *Рус. Арх.*, 1868, стр. 635.

Упомяну, что я слышала в 40 году от книгопродавца Смирдина.

— Я пришел к А. С—чу за рукописью и принес деньги-с: он поставил мне условием, чтобы я всегда платил золотом, п. ч. их супруга, кроме золота, не желала брать других денег в руки. Вот А. С. мне и го-

---

[1] В стихах, мы теперь знаем, — «Медный Всадник». Что за повесть в прозе — «Холостой выстрел»? Повидимому, таково было первоначальное название «Пиковой дамы». Она впервые появилась в третьей книжке «Библиотеки для чтения» за 1834 г., вышедшей в свет 1 марта (см. *Сиповский и Цявловский, Пушкин в печати*, стр. 128). Кладя месяца два на прохождение повести через цензуру и на печатание, можно с уверенностью думать, что написана она была в 1833 году, — и всего вероятнее в Болдине, откуда Пушкин писал жене: «недавно расписался и уже написал пропасть».

ворит, когда я вошел в кабинет: «рукопись у меня взяла жена, идите к ней, она хочет сама вас видеть», и повел меня; постучались в дверь; она ответила: «входите». А. С. отворил двери, а сам ушел... — «Я вас для того призвала к себе, — сказала она, — чтобы вам объявить, что вы не получите от меня рукописи, пока не принесете мне сто золотых вместо пятидесяти. Мой муж дешево продал вам свои стихи. В шесть часов принесите деньги, тогда получите рукопись... Прощайте»... Я поклонился, пошел в кабинет к А. С—чу и застал его сидящим у письменного стола с карандашем в одной руке, которым он проводил черту по листу бумаги, а другой рукой подпирал голову, и они сказали мне: «Что? С женщиной труднее поладить, чем с самим автором? Нечего делать, надо вам ублажить мою жену; ей понадобилось заказать новое бальное платье, где хочешь, подай денег... Я с вами потом сочтусь».

— Что же принесли деньги в шесть часов? — спросил Панаев.

— Как же было не принести такой даме?[1]

А. Я. ГОЛОВАЧЕВА-ПАНАЕВА. *Воспоминания*, стр. 247.

Смирдин платил Пушкину по 11 р. за стих и 1 000 заплатил за «Гусара». — Смирдин предлагал 2 000 в год Пушкину, лишь бы писал, что хотел.

П. В. АННЕНКОВ. Записи, *Б. Модзалевский, «Пушкин»*, 340.

Будучи в Петербурге, я посетил одного литератора и застал у него Пушкина. Поэт читал ему свою балладу «Будрыс и его сыновья». Хозяин чрезвычайно хвалил этот прекрасный перевод. «Я принимаю похвалу вашу, — сказал Пушкин, — за простой комплимент. Я не доволен этими стихами. Тут есть многие недостатки». — Например? — «Например, Полячка *младая*». — Так что ж? — «Это небрежность, надобно было сказать *молодая*, но я поленился переделать три стиха для одного слова». Но хозяин утверждал, что это прекрасно. Пушкин никак с ним не соглашался, и ушел, уверяя, что все подобные отступления от настоящего русского языка «лежат у него на совести».

О. И. СЕНКОВСКИЙ. *Собрание сочинений*, СПБ., 1859, том восьмой, 233.

---

[1] По весьма вероятной догадке Н. О. Лернера, дело было со стихотворением П — на «Гусар». См. *Соч. Пушкина, изд. Брокгауза*, VI, 437.

За эпоху 1833—1834 гг. встречается довольно много шуточных стихотворений в бумагах кн. Вяземского, между ними и стихотворения, которые Мятлев назвал «Poésies maternelles»[1]. Этому шуточному направлению кн. Вяземский и Пушкин с особенно выдающимся рвением предавались в 33—34 года, как будто с горя, что им не удалось устроить серьезный орган для пропагандирования своих мыслей.

Кн. П. П. ВЯЗЕМСКИЙ, Соч., 542.

В числе поклонников моей бабушки М. Р. Кикиной были мечтательный кн. Одоевский, адмирал Дюгамель и А. С. Пушкин, к которому не особенно благоволила бабушка за его безосновательную ревность к очаровательной жене Н. Н., принужденной иногда среди фигуры lancier покидать бал по капризу мужа (581).

П. А. Кикин с увлечением рассказывал, что, пригласив однажды на lancier очаровательную Н. Н. Пушкину, находил удовольствие изводить бросавшего на него негодующие взгляды стоявшего неподалеку — ревнивого поэта. Наталья Николаевна, в изящном туалете, с классическою прическою, необыкновенно грациозная, была в этот вечер особенно привлекательна. Пушкин на этот раз был так благодушно настроен, что не увез жену с вечера (583).

МАРИНА. В дворянском гнезде на Арбате. *Рус. Стар.*, 1909, т. 140.

---

[1]. Ср. Вяземского:

И будут нам стихи на матерный манер.

(Пушкин, Переп., акад., изд., III, 119).

XV
В ПРИДВОРНОМ ПЛЕНУ

В ПРИДВОРНОМ ПЛЕНУ

Служащего в министерстве ин. дел. тит. сов. Александра Пушкина всемилостивейше пожаловали мы в звание камер-юнкера двора нашего.

ВЫСОЧАЙШИЙ УКАЗ Придворной Конторе, от 31 дек. 1833 г. *Гастфрейнд. Документы,* 37.

1 января 1834 г. Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцовала в Аничкове... Меня спрашивали, доволен ли я моим камер-юнкерством? Доволен, потому что государь имел намерение отличить меня, а не сделать смешным — а по мне, хоть в камер-пажи, только б не заставили меня учиться французским вокабулам и арифметике.

ПУШКИН. *Дневник.*

Друзья, Вельегорский и Жуковский, должны были обливать холодною водою нового камер-юнкера: до того он был взволнован этим пожалованием! Если б не они, он, будучи вне себя, разгоревшись, с пылающим лицом, хотел итти во дворец и наговорить грубостей самому царю. (Пустяки: Пушкин был слишком благовоспитан. *Примеч. Соболевского на полях).* Многие его обвиняли в том, будто он домогался камер-юнкерства. Говоря об этом, он сказал Нащокину, что мог ли он добиваться, когда три года до этого сам Бенкендорф предлагал ему камергера, желая

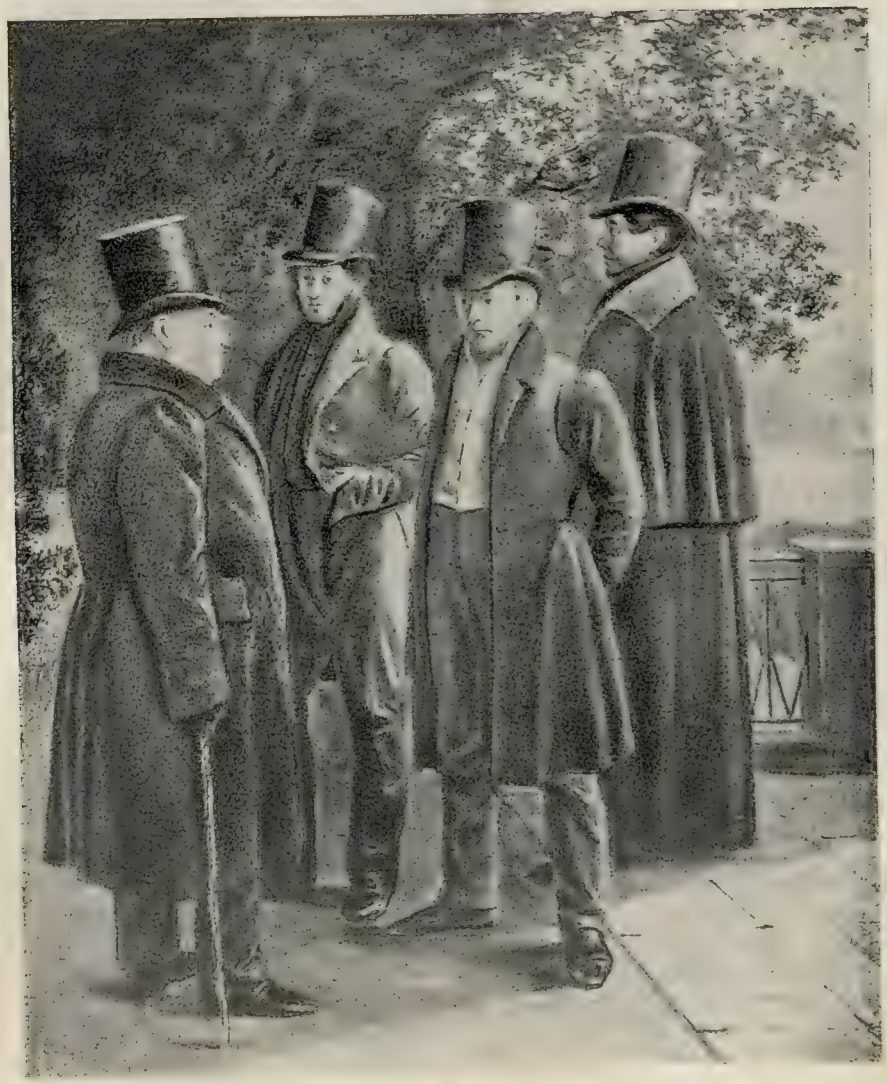
его ближе иметь к себе, но он отказался, заметив: «Вы хотите, чтоб меня так же упрекали, как Вольтера».

П. И. Бартенев со слов П. В. НАЩОКИНА. *Рассказы о Пушкине,* 42.

Император Николай I желал, чтобы Пушкина, блистающая молодостью и красотой, появлялась на придворных вечерах и балах. Однажды, заметив ее отсутствие, он спросил, какая тому причина? Ему сказали, что, так как муж ее не имеет права посещать эти вечера, то понятно, он не пускает и жену свою. И вот, чтобы сделать возможным присутствие Пушкиной, вместе с мужем, государь решил дать ему звание камер-юнкера. Некоторые из противников Пушкина распускали слух и даже печатали, что Пушкин интригами и лестью добился этого звания. Но вот что рассказал мне брат его Лев Сергеевич, которого чуть не каждую неделю посещал я в Одессе. «Брат мой, — говорил он, — впервые услыхал о своем камер-юнкерстве на балу у гр. А. Ф. Орлова. Это взбесило его до такой степени, что друзья его должны были отвести его в кабинет графа и там всячески успокаивать. Не нахожу удобным повторить здесь всего того, что говорил, с пеной у рта, разгневанный поэт по поводу его назначения»...

Я. П. ПОЛОНСКИЙ. Кое-что о Пушкине. Cosmopolis, 1898, март, стр. 109—200.

Пушкина сделали камер-юнкером; это его взбесило, ибо сие звание точно было неприлично для человека 34 лет, и оно тем более его оскорбило, что иные говорили, будто оно было дано, чтоб иметь повод приглашать ко двору его жену. Притом на сей случай вышел мерзкий пасквиль, в котором говорили о перемене чувств Пушкина, будто он сделался искателем, малодушен, и он, дороживший своею славою, боялся, чтоб сие мнение не было принято публикою и не лишило его народности. Словом, он был огорчен и взбешен и решился не воспользоваться своим мундиром, чтоб ездить ко двору, не шить даже мундира. В этих чувствах он пришел к нам однажды. Жена моя, которую он очень любил и очень уважал, и я стали опровергать его решение, представляя ему, что пожалование в сие звание не может лишить его народности, ибо все знают, что он не искал его; что его нельзя было сделать камергером по причине чина его; что натурально двор желал иметь возможность приглашать его и жену его к себе, и что государь пожалованием его в сие звание имел в виду только иметь право приглашать его на свои вечера, не изменяя старому



церемониалу, установленному при дворе. Долго спорили, убеждали мы Пушкина; наконец полуубедили. Он отнекивался только неимением мундира, и что он слишком дорого стоит, чтоб заказать его. На другой день, узнав от портного о продаже нового мундира князя Витгенштейна, перешедшего в военную службу, и что он совершенно будет в пору Пушкину, я ему послал его, написав, что мундир мною куплен для него, но что представляется его воле взять его или ввергнуть меня в убыток, оставив его на моих руках. Пушкин взял мундир и поехал ко двору.

Н. М. СМИРНОВ. Из памятных заметок. *Рус. Арх.*, 1882, 1, 239.

Сообщу вам новость: Александр назначен камер-юнкером. Натали в восторге, потому что это открывает ей доступ ко двору; в ожидании этого, она танцует повсюду каждый день.

Н. О. ПУШКИНА (мать поэта)—бар. Е. Н. Вревской, 4 янв. 1834 г., из Петербурга. *Рус. Вести.*, 1869, стр. 90 *(фр.)*.

Государь сказал княгине Вяземской: «я надеюсь, что Пушкин принял в хорошую сторону свое назначение — до сих пор он держал мне свое слово и я был им доволен» и т. д. и т. д. Великий князь намедни поздравил меня в театре: «покорнейше благодарю, ваше высочество; до сих пор все надо мною смеялись, вы первый меня поздравили».

ПУШКИН. *Дневник*, 7 января 1834 г. *(фр.-рус.)*.

Пушкин крепко боялся дурных шуток над его неожиданным камер-юнкерством, но теперь успокоился, ездит по балам и наслаждается торжественною красотою жены, которая, несмотря на блестящие успехи в свете, часто и пренскренно страдает мученьем ревности, потому что посредственная красота и посредственный ум других женщин не перестают кружить поэтическую голову ее мужа.

С. Н. КАРАМЗИНА (дочь историка). — И. И. Дмитриеву, 20 января 1834 г. *Письма Карамзина к Дмитриеву:* СПБ. 1866, стр. 439 (Датировка письма — см. *Пушкин и его совр—ки*, XXIX—XXX, стр. 33).

Нужно сознаться, — Пушкин не любил камер-юнкерского мундира. Он не любил в нем не придворную службу, а мундир камер-юнкера. Несмотря на мою дружбу к нему, я не буду скрывать, что он был тщеславен и суетен. Ключ камергера был бы отличием, которое бы он оценил, но ему казалось неподходящим, что в его годы, в середине его карьеры, его сделали камер-юнкером на подобие юношей и людей, только что вступающих в общество. Вот вся истина об его предубеждениях против мундира. Это происходило не из оппозиции, не из либерализма, а из тщеславия и личной обидчивости.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — вел. кн. Михаилу Павловичу, 14 февр. 1837 г. *Рус. Арх.*, 1879, I, стр. 390.

(Январь 1834 г., в Петербурге). Сидя в Демутовом доме, у Н. Н. Раевского, я изъявил сожаление, что не знал еще лично Пушкина. Он жил неподалеку. Раевский послал его просить и, к живому удовольствию моему, Пушкин пришел. Мы обедали и провели несколько часов втроем. К досаде моей, Пушкин часто сбивался на французский язык, а мне нужно было его чистое, поэтическое русское слово. Русской плавной, свободной речи от него я что-то не припомню; он как-будто сам в себя вслушивался. Вообще пылкого, вдохновенного Пушкина уже не было. Какая-то грусть лежала на его лице.

Граф П. Х. ГРАББЕ. Из памятных записок. *Рус. Арх.*, 1873, I, 785.

Несмотря на задетое честолюбие *(пожалованием в камер-юнкеры)*, Пушкин был постоянно весел и принимал живое участие, по крайней мере, в интимном кружке. Что касается крайней раздражительности Пушкина в сношениях с приятелями, то я, в течение десяти лет, видя его иногда почти каждый день, был свидетелем одной только его неприличной выходки. В 1833 или 1834 году после обеда у моего отца много ораторствовал старый приятель Пушкина Раевский, сколько помнится, Николай, человек вовсе отцу моему не близкий и редкий гость в Петербурге. Пушкин с заметным нетерпением возражал Раевскому; выведенный как-будто из терпения, чтобы положить конец разговору, Пушкин сказал Раевскому:

— На что Вяземский снисходительный человек, а и он говорит, что ты невыносимо тяжел.

Кн. ПАВЕЛ ВЯЗЕМСКИЙ. *Соч.*, 543.

(17 янв.) — Бал у графа Бобринского один из самых блистательных. Государь мне о моем камер-юнкерстве не говорил, а я не благодарил его. Говоря о моем Пугачеве, он сказал мне: — «Жаль, что я не знал, что ты о нем пишешь; я бы тебя познакомил с его сестрицей, которая тому три недели умерла в крепости» (с 1774-го года!). Правда, она жила на свободе в предместии, но далеко от своей донской станицы, на чужой, холодной стороне. Государыня спросила у меня, куда я ездил летом. Узнав, что в Оренбург, осведомилась о Перовском с большим добродушием.

ПУШКИН. *Дневник.*

Представление Натали ко двору прошло с огромным успехом, — только о ней и говорят. На балу у Бобринских император танцовал с ней, а за ужином он сидел рядом с нею. Говорят, что на Аничковом балу она была восхитительна. Итак, наш Александр, не думав об этом никогда, оказался камер-юнкером. Он собирался уехать с женой на несколько месяцев в деревню, чтобы сократить расходы, а теперь вынужден будет на значительные траты.

Н. О. ПУШКИНА — О. С. Павлищевой, 26 янв. 1834 г. *Литерат. Наследство,* т. 16—18, стр. 784.

Император Николай был очень живого и веселого нрава, а в тесном кругу даже и шаловлив. При дворе весьма часто бывали, кроме парадных балов, небольшие танцовальные вечера, преимущественно в Аничкинском дворце, составлявшем личную его собственность еще в бытность великим князем. На эти вечера приглашалось особое привилегированное общество, которое называли в свете «аничковским обществом» и которого состав, определявшийся не столько лестницею служебной нерархии, сколько приближенностью к царственной семье, очень редко изменялся. В этом кругу оканчивалась обыкновенно масленица и на прощанне с нею в folle journée, завтракали, плясали, обедали и потом опять плясали. В продолжение многих лет принимал участие в танцах и сам государь, которого любимыми дамами были: Бутурлина, урожденная Комбурлей, княгиня Долгорукая, урожд. графиня Апраксина, и, позже, жена поэта Пушкина, урожденная Гончарова.

Граф М. А. КОРФ. Из записок. *Рус. Стар.,* 1899, т. 99, стр. 8.

В прошедший вторник зван я был в Аничков. Приехал в мундире. Мне сказали, что гости во фраках — я уехал, оставя Наталью Николаевну, и, переодевшись, отправился на вечер к С. В. Салтыкову. Государь был недоволен, и несколько раз принимался говорить обо мне: «он мог бы потрудиться переодеться во фрак и воротиться, передайте ему мое неудовольствие».

Барон д'Антес и маркиз де Пина, два шуана — будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет.

В четверг бал у кн. Трубецкого. Государь приехал неожиданно. Был на пол-часа. Сказал жене: — «В прошлый раз муж ваш не приехал из-за ботинок или из-за пуговиц?» (Мундирные пуговицы). Старуха графиня Бобринская извиняла меня тем, что у меня не были они нашиты.

ПУШКИН. *Дневник,* 26 января 1834 г. *(рус.-фр.).*

Дантес приехал в Петербург в 1833 г. и обратил на себя презрительное вниманпе Пушкина. Принятый в кавалергардский полк, он до появления приказа разъезжал на вечера в черном фраке и серых рейтузах с красной выпушкой, не желая на короткое время заменять изношенные штаны новыми.

Кн. П. П. ВЯЗЕМСКИЙ. Сочинения, 558.

Дантес носил на руке перстень с именем Генриха IV *(пятого; внука франц. короля Карла X, свергнутого июльской революцией)* и любил показывать его. Он был сначала так беден, что сидел большею частью дома. Императрица Александра Федоровна, шеф кавалергардов, назначила ему денег из своей шкатулки.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Русский Арх.* 1906, III, 619.

Удостоился я лицезреть супругу А. Пушкина, о красоте коей молва далеко разнеслась. Как всегда это случается, я нашел, что молва увеличила многое. Самого же поэта я нашел малоизменившимся от супружества, но сильно негодующим на царя за то, что он одел его в мундир, его, написавшего теперь повествование о бунте Пугачева и несколько новых русских сказок. Он говорит, что он возвращается к оппозиции, но это едва ли не слишком поздно; к тому же ее у нас нет, разве только в молодежи.

А. Н. ВУЛЬФ. Дневник, 19 февр. 1834 г. *Л. Майков,* 208.

Вообрази, что жена моя на днях чуть не умерла. Нынешняя зима была ужасно изобильна балами. На масленице танцовали уж два раза в день. Наконец настало последнее воскресение перед великим постом. Думаю: слава богу! балы с плечь долой! Жена во дворце. Вдруг, смотрю — с нею делается дурно — я увожу ее, и она, приехав домой — выкидывает. Теперь она (чтоб не сглазить) слава богу здорова и едет на днях в Калужскую деревню к сестрам, которые ужасно страдают от капризов моей тещи. Обстоятельства мои затруднились еще вот по какому случаю: на днях отец мой посылает за мною. Прихожу — нахожу его в слезах, мать в постели — весь дом в ужасном беспокойстве. — «Что такое?» — «Имение описывают». — «Надо скорее заплатить долг». — «Уж долг заплачен. Вот и письмо управителя». — «О чем же горе?» — «Жить нечем до октября». — «Поезжайте в деревню». — «Не с чем». — Что делать? Надобно взять имение в руки, и отцу назначить содержание. Новые долги, новые хлопоты! А надобно: я желал бы и успокоить старость отца, и устроить дела брата Льва. Вот тебе другие новости: я камер-юнкер с января месяца. Конечно, сделав меня камер-юнкером, государь думал о моем чине, а не о моих летах — и верно не думал уж меня кольнуть.

ПУШКИН — П. В. Нащокину, начало марта 1834 года, из Петербурга.

От Сидонского услышал я забавный анекдот о том, как Филарет жаловался Бенкендорфу на один стих Пушкина в «Онегине», там, где он, описывая Москву, говорит: «и стая галок на крестах». Здесь Филарет нашел оскорбление святыни. Цензор, которого призывали к ответу по этому поводу, сказал, что «галки, сколько ему известно, действительно, садятся на крестах московских церквей, но что, по его мнению, виноват здесь всего более московский полицмейстер, допускающий это, а не поэт и цензор». Бенкендорф отвечал учтиво Филарету, что это дело не стоит того, чтобы в него вмешивалась такая почтенная духовная особа: «еже писах, писах».

Сегодня было большое собрание литераторов у Греча. Здесь находилось, я думаю, человек семьдесят. Предмет заседания — издание энциклопедии на русском языке. Это предприятие типографщика А. А. Плюшара. В нем приглашены участвовать все сколько-нибудь известные ученые и литераторы. Греч открыл заседание маленькою речью о пользе этого труда и прочел программу энциклопедии. Засим каждый подписывал свое имя на приготовленном листе под наименованием той науки, по которой намерен представить свои труды. Пушкин и кн. В. Ф. Одоев-

ский сделали маленькую неловкость, которая многим не понравилась, а иных и рассердила. Все присутствующие, в знак согласия, просто подписывали свое имя, а те, которые не согласны, просто не подписывали. Но князь Одоевский написал: «Согласен, если это предприятие и условия оного будут сообразны с моими предположениями». А Пушкин к этому прибавил: «С тем, чтобы моего имени не было выставлено». Многие приняли эту щепетильность за личное оскорбление.

А. В. НИКИТЕНКО. Дневник, 16 марта 1834 г., I, 239.

Вчера было совещание литературное у Греча об издании русского энциклопедического словаря. Нас было человек со сто, большею частью неизвестных мне русских великих людей. Греч сказал мне предварительно: «Плюшар в этом деле есть шарлатан, а я паяс: пью его лекарство и хвалю его». Так и вышло. Я подсмотрел много шарлатанства и очень мало толку. Предприятие в миллион, а выгоды... Не говорю уже о чести. Охота лезть в омут, где полощутся Булгарин, Полевой и Свиньин. Гаевский подписался, но с условием. Князь Одоевский и я последовали его примеру.

ПУШКИН. Дневник, 17 марта 1834 г.

Кн. Одоевский, д-р Гаевский, Зайцевский и я выключены из числа издателей Энциклопедического словаря. Прочие были обижены нашею оговоркою; но честный человек, говорит Одоевский, может быть однажды обманут; но в другой раз обманут только дурака. Этот лексикон будет не что иное, как Северная Пчела и Библиотека для Чтения, в новом порядке и объеме.

ПУШКИН. Дневник, 2 апр. 1834 г.

Моя «Пиковая дама» в большой моде,—игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старой графиней и кн. Нат. Петр. Голицыной и, кажется, не сердятся.

Гоголь по моему совету начал историю русской критики.

ПУШКИН. *Дневник,* 7 апр. 1834 г.

Представлялся. Ждали царицу часа три. Нас было человек двадцать... Я по списку был последний. Царица подошла ко мне смеясь:

«Нет, это курьезно! Я ломала себе голову, что это за Пушкин будет мне представлен. Оказывается, это вы!.. Как поживает ваша жена? Ее тетя с большим петерпением ждет, когда она поправится, — дочь ее сердца, ее приемная дочь»... и перевернулась. Я ужасно люблю царицу, несмотря на то, что ей уж 35 и даже 36.

ПУШКИН. *Дневник,* 8 апреля 1834 г. *(фр.-рус.).*

Пушкин очень любил царя и все его семейство. Императрица удивительно как ему нравилась; он благоговел перед нею, даже имел к ней какое-то чувственное влечение.

П. В. НАЩОКИН по записи Бартенева. *Рассказы о Пушкине,* 42.

11 апр. 1834 г. — Случилось нечто, расстроившее меня с Пушкиным. Он просил меня рассмотреть его «Повести Белкина», которые он хочет печатать вторым изданием. Я ответил ему следующее: — «С душевным удовольствием готов исполнить ваше желание теперь и всегда. Да благословит вас гений ваш новыми вхдновениями, а мы готовы (Что сказать? — Обрезывать крылья ему? По крайней мере, рука моя не злоупотребит этим). Потрудитесь мне прислать все, что означено в записке вашей, и уведомьте, к какому времени вы желали бы окончание этой тяжбы политического механизма с искусством, говоря просто, «процензурованья» и т. д. Между тем, к нему дошел его «Анджело» с несколькими, урезанными министром стихами. Он взбесился: Смирдин платит ему за каждый стих по червонцу, следовательно, Пушкин теряет здесь несколько десятков рублей. Он потребовал, чтобы на место исключенных стихов были поставлены точки, с тем, однако ж, чтобы Смирдин все-таки заплатил ему деньги и за точки!

14 апр. — Был у Плетнева. Он начал бранить, и довольно грубо, Сенковского за статьи его, помещенные в «Библиотеке для Чтения», говоря, что они написаны для денег, и что Сенковский грабит Смирдина. — «Что касается до грабежа, — возразил я, — то могу вас уверить, что ни один из знаменитых наших литераторов не уступит в том Сенковскому». Он понял и замолчал.

А. В. НИКИТЕНКО. Дневник, I, 241.

Пушкин в то время был уже женат, камер-юнкер и много ездил в большой свет и ко двору, сопровождая свою красавицу-жену. Этот образ

жизни часто был ему в тягость, и он жаловался друзьям, что это не только не согласуется с его наклонностями и призванием, но ему и не по карману. Часто забегал он к моим родителям, оставался, когда мог, обедать и, как школьник, радовался, что может провести несколько часов в любимом кружке искренних друзей. Тогда он превращался в прежнего Пушкина; лились шутки и остроты, раздавался его заразительный смех, и всякий раз он оставлял после себя долгий след самых приятных, незабвенных воспоминаний. Однажды после обеда, когда перешли в кабинет, и Пушкин, закурив сигару, погрузился в кресло у камина, матушка начала ходить взад и вперед по комнате. Пушкин долго и молча следил за ее высокою и стройною фигурою и наконец вскликнул: «Ах, Софья Федоровна, как посмотрю я на вас и на ваш рост, так мне все и кажется, что судьба меня, как лавочник, обмерила». А матушка была, действительно, необыкновенного для женщины роста (2 арш. 8½ вершков).

Ф. И. ТИМИРЯЗЕВ. Страницы прошлого. *Рус. Арх.*, 1884, I. 313.

А. С—вич однажды пришел к своему приятелю И. С. Тимирязеву. Слуга сказал ему, что господа ушли гулять, но скоро возвратятся. В зале у Тимирязевых был большой камин, а на столе лежали орехи. Перед возвращением Тимирязевых домой Пушкин взял орехов, залез в камин и, скорчившись обезьяною, стал их щелкать. Он любил такие проказы.

П. И. Бартенев со слов С. Ф. ТИМИРЯЗЕВОЙ. *Рус. Арх.*, 1899, II, 355.

Третьего дня возвратился из Царского Села в 5 часов вечера, нашел на своем столе два билета на бал 29 апреля и приглашение явиться на другой день к Литте *(обер-камергер)*; я догадался, что он собирается мыть мне голову за то, что я не был у обедни. В самом деле, в тот же вечер узнаю от забежавшего ко мне Жуковского, что государь был недоволен отсутствием многих камергеров и камер-юнкеров, и что он велел нам это объявить. Я извинился письменно. Говорят, что мы будем ходить попарно, как институтки. Вообрази, что мне с моей седой бородкой придется выступать с Безобразовым или Реймарсом — ни за какие благополучия... Поутру сидел я в моем кабинете, читая Гримма, как явился ко мне Соболевский с вопросом, где мы будем обедать? Тут вспомнил я, что я хотел говеть, а между тем уж оскоромился. Делать нечего, решились отобедать у Дюме, и покаместь стали приводить в порядок библиотеку,

тетка приехала спросить о тебе, и, узнав, что я в халате и оттого к ней не выхожу, сама вошла ко мне. Потом явился я к Дюме, где появление мое произвело общее веселие: холостой, холостой Пушкин! Стали подчивать меня шампанским и пуншем, и спрашивать, не поеду ли я к Софье Астафьевне *(содержательнице великосветского дома терпимости)*. Все это меня смутило, так что я к Дюме являться уже более не намерен, и обедаю сегодня дома, заказав Степану ботвинью и beafsteaks. Вечер провел я дома, сегодня проснулся в 7 часов.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 17 апреля 1834 г., из Петербурга.

Однажды Пушкин шел по Невскому проспекту с Соболевским. Я шел с ними, восхищаясь обоими. Вдруг за Полицейским мостом заколыхался над коляской высокий султан. Ехал государь. Пушкин и я повернули к краю тротуара, тут остановились и, сняв шляпы, выждали проезда. Смотрим, Соболевский пропал. Он тогда только что вернулся из-за границы и носил бородку и усы цветом ярко-рыжие [1]. Заметив государя, он юркнул в какой-то магазин, точно в землю провалился. Это было у Полицейского моста. Мы стоим, озираемся, ищем. Наконец, видим, Соболевский, с шляпой на бекрень, в полуфраке изумрудного цвета, с пальцем, задетым подмышкой за выемку жилета, догоняет нас, горд и величав, чорту не брат. Пушкин рассмеялся своим звонким, детским смехом и покачал головою: — «Что, брат, бородка-то французская, а душонка-то все та же русская?»

Гр. В. А. СОЛОГУБ. Пережитые дни. *Русский Мир*, 1874, № 117.

Я сижу дома, обедаю дома, никого не вижу, а принимаю только Соболевского; третьего дня сыграл я славную штуку со Львом Сергеевичем *(брат Пушкина)*. Соболевский, будто ненарочно, зовет его ко мне обедать. Лев Серг. является. Я перед ним извинился, как перед гастрономом, что, не ожидая его, заказал себе только ботвинью да beafsteaks. Лев Серг. тому и рад. Садимся за стол, подают славную ботвинью; Лев Серг. хлебает две тарелки, убирает осетрину; наконец требует вина; ему отвечают: нет вина. — Как нет? Александр Сергеевич не приказал на стол подавать. И я объявляю, что с отъезда Натальи Николаевны я на диэте — и пью воду. Надобно было видеть отчаяние и сардонический

[1] В николаевское время ношение дворянами бороды преследовалось.

смех Льва Сергеевича, который уж ко мне, вероятно, обедать не явится. Во все время Соболевский подливал себе воду то в стакан, то в рюмку, то в длинный бокал и потчивал Льва Серг., который чинился и отказывался. Вот тебе пример моих невинных упражнений.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 19 апреля 1834 г., из Петербурга.

Соболевский прибавляет, что Лев Сергеевич рассердился. Этого Соболевского Наталья Николаевна не очень жаловала.

П. В. АННЕНКОВ со слов вдовы поэта. Записи. *Б. Модзалевский, «Пушкин»*, стр. 365.

Я репортуюсь больным и боюсь царя встретить. Все эти праздники просижу дома. К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди, и мне, вероятно, его не видать. Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз, и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю: от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим тестом; с моим тестом я не ладил. Не дай бог ему итти по моим следам, писать стихи, да ссориться с царями.

Воскресенье. — Нынче великий князь присягал; я не был на церемонии, потому что репортуюсь больным, да и в самом деле не очень здоров.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 20—22 апр. 1834 г., из Петербурга.

У меня голова кругом идет. Не рад жизни, что взял имение; но что же делать? Не для меня, так для детей. Сюда ожидают прусского принца и много других гостей. Надеюсь не быть ни на одном празднике. Одна мне и есть выгода от отсутствия твоего, что не обязан на балах дремать, да жрать мороженое.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной; первая половина мая 1834 г., из Петербурга.

Жизнь моя очень однообразна. Обедаю у Дюме часа в 2, чтоб не встретиться с холостою шайкою. Вечером бываю в клобе.

ПУШКИН — жене, первая пол. мая 1834 г.

Александр очень занят по утрам, потом он идет в (Летний) сад, где прогуливается со своею Эрминией *(Ел. Мих. Хитрово, безнадежно влюбленной в Пушкина; ей в то время было уже за пятьдесят лет)*. Такое постоянство молодой особы выдержит всякие испытания, и твой брат очень смешон.

Н. О. ПУШКИНА (мать поэта) — дочери своей О. С. Павлищевой, 9 мая 1834 г. из Петербурга. *Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. Лгрд. Изд. Акад. Наук.* 1927, стр. 181.

К. К. Данзас *(лицейский товарищ Пушкина, будущий его секундант)* познакомился с Дантесом в 1834 году, обедая с Пушкиным у Дюме, где за общим столом обедал и Дантес, сидя рядом с Пушкиным. По словам Данзаса, Дантес, при довольно большом росте и приятной наружности, был человек не глупый, и хотя весьма скудно образованный, но имевший какую-то врожденную способность нравиться всем с первого взгляда.

А. Аммосов со слов К. К. ДАНЗАСА. *Последние дни Пушкина.* СПБ. 1863, стр. 5.

Кн. П. А. Вяземский, Жуковский, Ал. Ив. Тургенев, сенатор П. И. Полетика часто у нас обедали. Пугачевский бунт, в рукописи, был слушаем после такого обеда. За столом говорили, спорили; кончалось всегда тем, что Пушкин говорил один, и всегда имел последнее слово. Его живость, изворотливость, веселость восхищали Жуковского, который, впрочем, не всегда с ним соглашался. Когда все после кофия уселись слушать чтение, то сказали Тургеневу: «смотри, если ты заснешь, то не храпеть». Александр Иванович, отнекиваясь, уверял, что никогда не спит: и предмет, и автор бунта, конечно, ручаются за его внимание. Не прошло и десяти минут, как наш Тургенев захрапел на всю комнату. Все рассмеялись, он очнулся и начал делать замечания, как ни в чем не бывало. Пушкин ничуть не оскорбился, продолжал чтение, а Тургенев преспокойно проспал до конца.

А. О. СМИРНОВА. Воспоминания. *Рус. Арх.*, 1872. II, 1882.

В один месяц из моих денег я уплатил уже 866 р. за батюшку, а за Льва Сер-ча *(брата)* 1.300; более не могу.

ПУШКИН — Н. И. Павлищеву, 4 мая 1834 г.

Несколько дней тому получил я от Жуковского записочку из Царского Села. Он уведомлял меня, что какое-то письмо мое ходит по городу и что государь об нем ему говорил. Я вообразил, что дел идет о скверных стихах, исполненных отвратительного похабства и которые публика благосклонно приписала мне. Но вышло не то. Московская почта распечатала письмо, писанное мною Наталье Николаевне, и нашед в нем отчет о присяге великого князя, писанный, видно, слогом не официальным, донесла обо всем полиции. Полиция, не разобрав смысла, представила письмо государю, который сгоряча также его не понял. К счастью, письмо показано было Жуковскому, который и объяснил его. Все успокоились. Государю не угодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностью, — но я могу быть подданным, даже рабом,— но холопом и шутом не буду и у царя небесного. Однако, какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене, и приносит их читать к царю (человеку благовоспитанному и честному) и царь не стыдится в том признаться — и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина! что ни говори, мудрено быть самодержавным.

ПУШКИН. *Дневник*, 10 мая 1834 г.

Письмо Пушкина *(от 20—22 апр. 1834 г., см. выше)* было перехвачено в Москве почт-директором Булгаковым и отправлено в III отделение к графу Бенкендорфу. *(Узнав об этом, Пушкин написал жене письмо.)* Содержание этого письма, приблизительно, состояло в том, что Александр Сергеевич просит свою жену быть осторожною в своих письмах, так как в Москве состоит почт-директором негодяй Булгаков, который не считает грехом ни распечатывать чужие письма, ни торговать собственными дочерьми. Письмо это, как оказалось по справкам, действительно, не дошло по назначению, но и в III отделение переслано не было.

Ф. М. ДЕЛАРЮ со слов отца своего М. Д. Деларю. *Рус. Стар.*, 1880, т. 29.

Я тебе не писал, потому что был зол — не на тебя, на других. Одно из моих писем попалось полиции, и так далее. Я никого не вижу, нигде не бываю; принялся за работу и пишу по утрам. Без тебя так мне скучно, что помимутно думаю к тебе поехать, хоть на неделю. Дай бог тебя мне увидеть здоровою, детей целых и живых! да плюнуть на Петербург,

да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить барином! Неприятна зависимость; особенно когда лет 20 человек был независим. Это не упрек тебе, а ропот на самого себя.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 18 мая 1834 г., из Петербурга.

Дома сижу до 4-х часов и работаю. В свете не бываю; от фрака отвык; в клобе провожу вечера. Книги из Парижа приехали, и моя библиотека растет и теснится. Хлопоты по имению меня бесят: с твоего позволения, надобно будет, кажется, выдти мне в отставку и со вздохом сложить камер-юнкерский мундир, который так приятно льстил моему честолюбию, и в котором, к сожалению, не успел я пощеголять. Ты молода, но ты уже мать семейства, и я уверен, что тебе не труднее будет исполнить долг доброй матери, как исполняешь ты долг честной и доброй жены. Зависимость и расстройство в хозяйстве ужасны в семействе; и никакие успехи тщеславия не могут вознаградить спокойствия и довольства. Тетка *(Натальи Николаевны, Ек. Ив. Загряжская)* меня все балует — для моего рождения прислала мне корзину с дынями, с земляникой, клубникой, так что боюсь поносом встретить 36-й год бурной моей жизни. У меня желчь, так извини сердитые письма.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 29 мая 1834 г., из Петербурга.

Я не писал тебе потому, что свинство почты так меня охолодило, что я пера в руки взять был не в силе. Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство à la lettre. В прошлое воскресенье представлялся я к вел. княгине *(Елене Павловне, жене вел. кн. Михаила Павловича)*. Я поехал к ее высочеству на Кам. Остров в том приятном расположении духа, в котором ты меня привыкла видеть, когда надеваю свой великолепный мундир. Но она так была мила, что я забыл и свою нещастную роль и досаду... Я большею частию дома и в клубе. Веду себя порядочно, только то не хорошо, что расстроил себе желудок и что желчь меня так и волнует. Да от желчи здесь не убережешься.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 3 июня 1834 г., из Петербурга.

У меня решительно сплин. Скучно жить без тебя и не сметь даже писать тебе все, что придет на сердце. Ты говоришь о Болдине. Хорошо

бы туда засесть, да мудрено. Об этом успеем еще поговорить. Не сердись, жена, и не толкуй моих жалоб в худую сторону. Никогда не думал я упрекнуть тебя в своей зависимости. Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя нещастлив; но я не должен был вступать на службу, и что хуже еще, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной делает человека более нравственным. Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас. Теперь они смотрят на меня, как на холопа, с которым можно им поступать, как им угодно. Опала легче презрения. Я, как Ломоносов, не хочу быть шутом ниже у господа бога. Но ты во всем этом не виновата, а виноват я из добродушия, коим я преисполнен до глупости, несмотря на опыты жизни. Денег тебе еще не посылаю. Принужден был снарядить в дорогу своих стариков. Теребят меня без милосердия.. Вероятно, послушаюсь тебя и скоро откажусь от управления имения. Пускай они его коверкают, как знают; на их век станет, а мы Сашке и Машке постараемся оставить кусок хлеба. Петербург пуст, все на дачах, а я сижу дома до 4 часов и пишу. Обедаю у Дюме. Вечером в клобе. Вот и весь мой день. Для развлечения вздумал было я в клобе играть, но принужден был остановиться. Игра волнует меня, а желчь не унимается.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 8 июня 1834 г. из Петербурга.

Сегодня едут мои *(родители)* в деревню, и я их еду проводить до кареты. Уж как меня теребили. А делать нечего. Если не взяться за имение, то оно пропадет же даром; Ольга Сергеевна и Лев Сергеевич останутся на подножном корму, а придется взять их мне же на руки, тогда-то наплáчусь и наплачýсь, а им и горя мало! Меня же будут цыганить. Ох, семья, семья!

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 11 июня 1834 г., из Петербурга.

Здесь меня теребят и бесят без милости. И мои долги, и чужие мне покоя не дают. Имение расстроено, и надобно его поправить, уменьшая расходы, а они обрадовались и на меня насели. То то, то другое.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, вторая половина июня 1834 г., из Петербурга.

У Александра Сергеевича был самый счастливый характер для семейной жизни: ни взысканий, ни капризов. Одним могли рассердить его

не на шутку. Он требовал, чтоб никто не входил в его кабинет от часа до трех: это время он проводил за письменным столом, или ходил по комнате, обдумывая свои творения, и встречал далеко не гостеприимно того, кто стучался в его дверь. Его кабинет был над моей комнатой, и в часы занятия или уединения Пушкина мне часто слышался его мерный или тревожный шаг. Но раз, к моему удивлению, раздались наверху звуки нестройных и крикливых голосов. Стало быть Пушкин был не один. Однако, я не решился идти к нему и узнать, почему он допустил нарушение привычки, которой так строго держался. Когда все собрались к обеду, я спросил у него, что происходило сегодня в его кабинете. — «Жаль, что ты не пришел, — отвечал Пушкин, — у меня был вантрилок *(чревовещатель)*». Тут он распространился об его выходках. По окончании обеда он сел со мною к столу и, продолжая свой рассказ, открыл машинально Евангелие, лежавшее перед ним, и напал на слова: «Что ти есть имя? Он же рече: легеон: яко беси мнози внидоша в онь». Лицо его приняло незнакомое мне до тех пор выражение; он поднял голову, устремил взор вперед и, после непродолжительного молчания, сказал мне: «принеси скорей клочок бумаги и карандаш». Он принялся писать, останавливаясь, от времени до времени задумываясь и часто вымарывая написанное. Так прошел с небольшим час; стихотворение было окончено. Ал. Серг. пробежал его глазами, потом сказал: «слушай». Слова Евангелия он взял эпиграфом, а стихи относились к вантрилоку. Я пришел в восторг, но попросить стихотворения, чтоб его списать, не посмел, п. ч. Пушкин этого никогда не дозволял. Он выдвинул ящик стола, у которого сидел, и бросил в него исписанную бумагу. Вечером, когда семейство разошлось, я вернулся в гостиную с надеждой, что найду стихотворение в столе и перепишу его, но ящик был пуст.

С. Н. ГОНЧАРОВ (брат жены П—на) в передаче Толычевой. *Рус. Арх.*, 1877, II, 98.

Сейчас послал я к графу Литта извинение в том, что не могу быть на Петергофском празднике по причине болезни. Я крепко думаю об отставке. Должно подумать о судьбе наших детей. Имение отца, как я в том удостоверился, расстроено до невозможности, и только строгой экономией может еще поправиться. Я могу иметь большие суммы, но мы много и проживаем. Умри я сегодня, что с вами будет!.. Петербург ужасно скучен. Меня здесь удерживает одно: типография. Виноват, еще другое: залог имения. Но можно ли будет его заложить? как ты права была в том, что не должно мне было принимать на себя эти хлопоты, за которые ни-

кто мне спасибо не скажет, а которые испортили мне столько уж крови, что все пиявки дома нашего ее мне не высосут. — Кстати о доме нашем: надобно тебе сказать, что я с нашим хозяином побранился, и вот почему. На-днях возвращаюсь ночью домой — двери заперты. Стучу, стучу; звоню, звоню. Насилу добудился дворника. А я ему уже несколько раз говорил, прежде моего приезда не запирать. Рассердясь на него дал я ему отеческое наказание. На другой день узнаю, что Оливье на своем дворе декламировал противу меня и велел дворнику меня не слушаться и двери запирать с 10 часов, чтоб воры не украли лестницы. Я тотчас велел прибить к дверям объявление, писанное рукою Сергея Николаевича, о сдаче квартиры, а к Оливье написал письмо, на которое дурак до сих пор не отвечал. Война же с дворником не прекращается и вчера еще я с ним повозился. Мне его жаль, но делать нечего: я упрям и хочу переспорить весь дом — включая тут и пиявок. Я перед тобой кругом виноват в отношении денежном. Были деньги — и проиграл их. Но что делать? я так был желчен, что надобно было развлечься чем-нибудь. Все *тот (царь)* виноват; но бог с ним; отпустил бы лишь меня во-свояси.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, вторая половина июня 1834 г., из Петербурга.

В виду того, что семейные обстоятельства требуют моего присутствия то в Москве, то в провинции, я вынужден выйти в отставку и умоляю ваше превосходительство получить для меня разрешение на это. Как последней милости, я просил бы, чтобы я не был лишен всемилостивейше данного мне права посещать архивы.

ПУШКИН — графу А. Х. Бенкендорфу, 25 июня 1834 г. *(фр.)*.

Милостивый Государь Александр Сергеевич. Письмо ваше ко мне от 25-го сего июня было мною представлено государю императору в подлиннике и его императорское величество, не желая никого удерживать против воли, повелел мне сообщить г. вице-канцлеру об удовлетворении вашей просьбы, что и будет мною исполнено.

Затем на просьбу вашу о предоставлении вам и в отставке права посещать государственные архивы для извлечения справок государь император не изъявил своего соизволения, так как право сие может при-

надлежать единственно людям, пользующимся особенно доверенностью начальства.

Граф А. Х. БЕНКЕНДОРФ — Пушкину, 30 июня 1834 г., из Петергофа. *Переп. Пушкина*, III, 140.

Каждое 1-е июля весь Петербург устремлялся в Петергоф, большой сад которого очаровательно иллюминовали в честь императрицы, и весь двор длинной вереницей линеек совершал процессию среди этого моря огней. На одном из этих диванов на колесах я увидел Пушкина, смотревшего угрюмо. Он только что получил звание камер-юнкера. Кроме членов двора никто не имел права на место в линейках. Может быть, ему не нравилось это [1].

(В. В. ЛЕНЦ). Приключения лифляндца в Петербурге. *Рус. Арх.* 1878. I. 451.

Пушкина я видел в мундире только однажды, на петергофском празднике. Он ехал в придворной линейке, в придворной свите. Известная его несколько потертая альмавива драпировалась по камер-юнкерскому мундиру с галунами. Из-под треугольной его шляпы лицо его казалось скорбным, суровым и бледным. Его видели десятки тысяч народа не в славе первого народного поэта, а в разряде начинающих царедворцев.

Гр. В. А. СОЛОГУБ. *Воспоминания*. Изд. «Академия». М.—Л., 1931, стр. 594.

Государь говорил со мной о тебе. Если бы я знал наперед, что побудило тебя взять отставку, я бы ему объяснил все, но так как я и сам не понимаю, что могло тебя заставить сделать глупость, то мне и ему нечего было отвечать. Я только спросил: «Нельзя ли как это поправить?» — «Почему ж нельзя? — отвечал он. — Я никогда не удерживаю никого и дам ему отставку. Но в таком случае все между нами кончено. Он может, однако, еще возвратить письмо свое». Это меня истинно трогает. А ты

[1] Ленц эту встречу относит к 1834 году. Хронологию он иногда путает, и возможно, что на Петергофском празднике он видел Пушкина не в этом году: как мы выше читали, Пушкин послал обер-камергеру гр. Литта извинение, что, по болезни, не может быть на празднике. Возможно, однако, и другое: смущенный неожиданными результатами своего прошения об отставке, Пушкин не решился при таком положении дел манкировать служебными обязанностями и явился на праздник. И уж, конечно, смотрел не весело.

делай, как разумеешь. Я бы на твоем месте ни минуты не усумнился, как поступить. Спешу только уведомить о случившемся.

ЖУКОВСКИЙ — Пушкину, 2 июля 1834 г., из Царского Села. *Переп. Пушкина*, III, 142.

Несколько дней назад я имел честь обратиться к вашему превосходительству с просьбою об отставке. В виду неприличия этого шага я умоляю вас, граф, не давать моей просьбе хода. Я предпочитаю казаться непоследовательным, чем неблагодарным. Однако отпуск на несколько месяцев был бы для меня необходимым.

ПУШКИН — графу А. Х. Бенкендорфу, 3 июля 1834 г. *(фр.)*.

Ты человек глупый, теперь я в этом совершенно уверен. Не только глупый, но и поведения непристойного: как мог ты, приступая к тому, что ты так искусно состряпал, не сказать мне о том ни слова, ни мне, ни Вяземскому — не понимаю! Глупость досадная, эгоистическая, неизглаголанная глупость! Вот что бы я теперь на твоем месте сделал (ибо слова государя крепко бы расшевелили и повернули мое сердце): я написал бы к нему прямо, со всем прямодушием, какое у меня только есть, письмо, в котором бы обвинил себя за сделанную глупость, потом так же бы прямо объяснил то, что могло заставить меня сделать эту глупость; и все это сказал бы с тем чувством благодарности, которое государь вполне заслуживает. Напиши немедленно письмо и отдай графу Бенкендорфу. Я никак не воображал, чтобы была еще возможность поправить то, что ты так безрассудно соблаговолил напакостить. Если не воспользуешься этой возможностью, то будешь то щетинистое животное, которое питается желудями и своим хрюканьем оскорбляет слух всякого благовоспитанного человека; без галиматьи, поступишь дурно и глупо, повредишь себе на целую жизнь и заслужишь свое и друзей своих неодобрение, по крайней мере, мое.

ЖУКОВСКИЙ — Пушкину, 3 июля 1834 г., из Царского Села. *Переписка Пушкина*, III, 145.

Получив первое письмо твое, я тотчас написал графу Бенкендорфу, прося его остановить мою отставку. Но вслед за тем получил официальное извещение о том, что отставку я получу, но что вход в архивы будет мне запрещен. Это огорчило меня во всех отношениях. Подал я в отставку в минуту хандры и досады на всех и на все. Домашние обстоятельства

мои затруднительны, положение мое невесело, перемена жизни почти необходима. Изъяснить это все гр. Бенкендорфу мне не доставало духа — от этого и письмо мое должно было показаться сухо, а оно просто глупо. Впрочем, я уж верно не имел намерения произвести, что вышло. Писать письмо прямо к государю, ей-богу, не смею, особенно теперь. Оправдания мои будут похожи на просьбы, а он уж и так много сделал для меня. Что ж мне делать? Буду еще писать к гр. Бенкендорфу.

ПУШКИН — В. А. Жуковскому, 4 июля 1834 г. из Петербурга.

Крайне огорчен я, что необдуманное прошение мое, вынужденное от меня неприятными обстоятельствами и досадными мелочными хлопотами, могло показаться безумной неблагодарностью и супротивлением воле того, кто доныне был более моим благодетелем, нежели государем. Буду ждать решения участи моей, но во всяком случае ничто не изменит чувства глубокой преданности моей к царю и сыновней благодарности за прежние его милости.

ПУШКИН — гр. А. Х. Бенкендорфу, 4 июля 1834 г., из Петербурга.

Я право не понимаю, что с тобою сделалось: ты точно поглупел; надобно тебе или пожить в желтом доме или велеть себя хорошенько высечь, чтобы привести кровь в движение. Бенкендорф прислал мне твои письма, первое и последнее. В первом есть кое-что живое, но его нельзя употребить в дело, ибо в нем не пишешь ничего о том, хочешь ли оставаться в службе или нет; последнее, в коем просишь, чтобы все осталось по-старому, так сухо, что оно может показаться государю новою неприличностью. Разве ты разучился писать? Разве считаешь ниже себя выразить какое-нибудь чувство к государю? Зачем ты мудришь? Действуй просто. Государь огорчен твоим поступком; он считает его с твоей стороны неблагодарностью. Он тебя до сих пор любил и искренно хотел тебе добра. По всему видно, что ему больно тебя оттолкнуть от себя. Что же тут думать? Напиши то, что скажет сердце. А тут право есть о чем ему поразговориться. Я стою на том, что ты должен написать прямо государю и послать свое письмо через гр. Бенкендорфа. Это одно может поправить испорченное. Оба последние письма твои теперь у меня; несу их через несколько минут к Бенкендорфу, но буду просить его погодить их показывать.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — Пушкину, 6 июля 1834 г из Царского Села. *Переписка Пушкина*, III, 147.

Я право сам не понимаю, что со мною делается. Итти в отставку, когда того требуют обстоятельства, будущая судьба всего моего семейства, собственное мое спокойствие — какое тут преступление, какая неблагодарность? Но государь может видеть в этом что-то похожее на то, чего понять все-таки не могу. В таком случае я не подаю в отставку, и прошу оставить меня в службе. Теперь, отчего письма мои сухи? Да зачем же быть им сопливыми? В глубине сердца моего я чувствую себя правым перед государем; гнев его меня огорчает, но чем хуже положение мое, тем язык мой становится связаннее и холоднее. Что мне делать? просить прощения? Хорошо; да в чем? К Бенкендорфу я явлюсь и объясню ему, что у меня на сердце, но не знаю, почему письма мои неприличны. Попробую написать третье.

ПУШКИН — Жуковскому, 6 июля 1834 года, из Петербурга.

Граф, позвольте мне говорить с вами совершенно чистосердечно. Прося об отставке, я думал только о своих семейных делах, затруднительных и тяжких. Я имел в виду только неудобство, истекающее из связанности со службой в то время, когда я принужден много путешествовать. Клянусь богом и душою моею, это было моею единственною мыслью: с глубокою болью вижу я, как жестоко она перетолкована. Император осыпал меня милостями с первой минуты, как его царственная мысль направилась на меня. Есть среди них такие, о которых я не могу думать без глубокого волнения: столько он вложил в них прямодушия и благородства. Он всегда был для меня провидением, и если в течение этих восьми лет мне случалось роптать, никогда, клянусь, чувство горести не примешивалось к чувствам, которые я к нему испытывал. И в настоящую минуту меня наполняет болью не мысль потерять всемогущего покровителя, а мысль, что я могу оставить в его душе впечатление, которого, к счастью, я не заслужил. Я повторяю, граф, мою нижайшую просьбу не давать хода прошению, которое я подал так легкомысленно.

ПУШКИН — гр. А. Х. Бенкендорфу, 6 июля 1834 года *(фр.)*.

Был я у Фикельмон. Надо тебе знать, что с твоего отъезда я кроме как в клобе нигде не бываю. Вот вчерась, как я ввалил в освещенную залу с нарядными дамами, то и смутился, как немецкий профессор: насилу хозяйку нашел, насилу слово вымолвил. Потом, осмотревшись, увидел

я, что народу не так-то много, и что бал это запросто, а не раут. Вот, наелся я мороженого и приехал себе домой — в час... Тетка заезжала вчера ко мне и беседовала со мною в карете; я ей жаловался на свое житье-бытье; а она меня утешала. На-днях я чуть беды не сделал: с тем *(царем)* чуть было не побранился — и трухнул-то я, да и грустно стало. С этим поссорюсь — другого не наживу. А долго на него сердиться не умею, хотя и он не прав.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 11 июля 1834 г., из Петербурга.

Письмо Пушкина ко мне и другое от него же к Жуковскому. Так как он сознается в том, что просто сделал глупость, то я предполагаю, что вашему величеству благоугодно будет смотреть на его первое письмо, как будто его вовсе не было. Перед нами мерило человека; лучше, чтобы он был на службе, нежели предоставлен самому себе.

Гр. А. Х. БЕНКЕНДОРФ — императору Николаю I, *Старина и Новизна,* VI, СПБ., 1903, стр. 10.

Я ему прощаю, но позовите его, чтобы еще раз объяснить ему всю бессмысленность его поведения, и чем все это может кончиться; то, что может быть простительно 20-летнему безумцу, не может применяться к человеку 35-ти лет, мужу и отцу семейства.

Имп. НИКОЛАЙ I — гр. А. Х. Бенкендорфу. *Старина и Новизна,* VII, стр. 10.

Я силю и вижу, чтоб к тебе приехать; да кабы мог остаться в одной из ваших деревень под Москвою, так бы богу свечку поставил; рад бы в рай, да грехи не пускают. Дай сделаю деньги, не для себя, для тебя. Я деньги мало люблю, но уважаю в них единственный способ благопристойной независимости. Надобно тебе поговорить о моем горе. На-днях хандра меня взяла, подал я в отставку, но получил от Жуковского такой нагоняй, а от Бенкендорфа такой сухой абшид, что я вструхнул, и Христом и богом прошу, чтобы мне отставку не давали. А ты и рада, не так?.. Хорошо, коли проживу я лет еще 25; а коли свернусь прежде? Ну, делать нечего. Бог велик; главное то, что я не хочу, чтобы могли меня подозревать в неблагодарности. Это хуже либерализма.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, первая половина июля 1834 г., из Петербурга.

Если ты в самом деле вздумала сестер своих сюда привезти, то у Оливье оставаться нам невозможно: места нет. Но обеих ли ты сестер к себе берешь? Эй, женка! смотри... Мое мнение: семья должна быть *одна под одной* кровлей: муж, жена, дети покамест малы, родители, когда уже престарелы; а то хлопот не оберешься, и семейственного спокойствия не будет.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 14 июля 1834 г., из Петербурга.

Прошедший месяц был бурен. Чуть было не поссорился я со двором — но все перемололось. — Однако это мне не пройдет.

ПУШКИН. *Дневник*, 22 июля 1834 г.

Я беру этаж, занимаемый теперь Вяземскими. Княгиня едет в чужие края, дочь ее больна не на шутку: боятся чахотки... Какие же вы помощницы или работницы? Вы работаете только ножками на балах и помогаете мужьям мотать. И за то спасибо. Пожалуйста, не сердись на меня за то, что медлю к тебе явиться. Право, душа просит, да машина не велит. Я работаю до низложения риз. Держу корректуру двух томов вдруг, пишу примечания, закладываю деревни, — Льва Сергеевича выпроваживаю в Грузию... В свете я не бываю. Смирнова велела мне сказать, что она меня впишет в разряд иностранцев, которых велено не принимать.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, конец июля 1834 года, из Петербурга.

Я очень занят. Работаю целое утро, до 4 часов, никого к себе не пускаю, потом обедаю у Дюме, потом играю на бильярде в клубе; возвращаюсь домой рано. С кн. Вяземским я уже условился. Беру его квартиру. К 10 августу припасу ему 2.500 рублей — и велю перетаскивать пожитки; а сам поскачу к тебе.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, конец июля 1834 г., из Петербурга.

Благодарю тебя за то, что ты богу молишься на коленях посреди комнаты. Я мало богу молюсь и надеюсь, что твоя чистая молитва лучше моих как для меня, так и для нас.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 3 августа 1834 г., из Петербурга.

Предпоследняя квартира Пушкина была на нынешней Французской набережной, в то время она звалась Дворцовой, в доме Баташева, третий дом от угла Фонтанки, в настоящее время это дом г. Скалон № 32 (рис. 7).

П. ЗЭТ (П. Н. СТОЛПЯНСКИЙ). Квартиры Пушкина. *Новое время*, 1912, № 12889.

Дом гг. Баташевых — третий по Гагаринской Набережной, идя от Прачешного моста, между домом княжны Гагариной и Ф. К. Опочинина. Сколько нам известно, Пушкин жил там в нижнем этаже.

Бар. Ф. А. БЮЛЕР. *Рус. Арх.* 1872, 201.

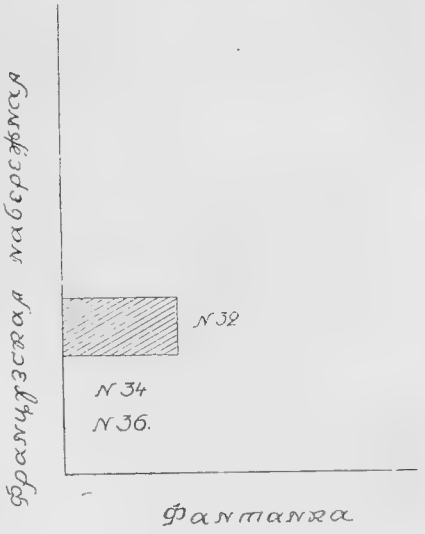


Рис. 7

Выехал из Петербурга за пять дней до открытия Александровской Колонны *(открыта 30 авг. 1834 г.)*, чтоб не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами — моими товарищами — был в Москве несколько часов — видел А. Раевского, которого нашел поглупевшим от ревматизма в голове. — Может быть это пройдет. — Отправился потом в Калугу на перекладных, без человека. В Тарутине ньяные ямщики чуть меня не убили. Но я поставил на своем. — Какие мы разбойники? — говорили мне они. — Нам дана вольность и поставлен столп нам в честь... В Заводе *(Полотняный Завод, имение Гончаровых)* прожил я две недели.

ПУШКИН. *Дневник*, 28 ноября 1834 г.

(Полотняный Завод, имение Гончаровых в Медынском уезде Калужской губ., где живал Пушкин после своей женитьбы). Тут когда-то был полотняный завод, которого ныне нет и следов. Обширное торговое и промышленное село, торговою своею деятельностью и базарами оно издавна служит значительным торговым центром на довольно большом районе. Здесь — писчебумажная фабрика Гончаровых. Местоположение Полотняного Завода — прелестное. Помещичья усадьба с великолепным

старинным господским домом на самом берегу реки. Не так далеко от него стоит на берегу реки деревянный флигель, слывущий до сих пор в народе под названием дома Пушкина. В нем поэт постоянно живал после своего брака, приезжая гостить к Гончаровым. Внутренние стены этого строения, имеющего вид маленького помещичьего дома, были исписаны Пушкиным; теперь от этого не осталось никакого следа. Подле этого дома была прежде пристройка, нарочно сделанная для Пушкина; когда семейство его разрослось, в ней жили его дети.

В. П. БЕЗОБРАЗОВ — Я. К. Гроту, 17 мая 1880 года, *Я. Грот*, 175—180.

Площадь усадьбы Полотняного Завода теперь сократилась; громадный Красный сад вместе с парком, окаймлявший пруды перед фабрикой, частью совершенно уничтожен и уступил место торгу, где в настоящую минуту расположена ярмарка, частью, в нижней своей части, у прудов, превратился в пустырь. А между тем с Красным домом, уцелевшим и поныне лишь в меньшей своей пристройке, — теперешнем театре, — и связаны главным образом воспоминания о Пушкине; по преданию, он там останавливался. Этот Красный дом представлял собою довольно большое деревянное здание, включавшее в себе 14 комнат; внизу они были большие и просторные, наверху более мелкие и низкие. — Со стороны теперешней площади, — раньше сада, — был подъезд со ступенями и двумя висячими фонарями. Просторными крытыми сенями дом соединялся с пристройкой, теперешним зрительным залом. Посреди обширного зала стоял круглый стол и висели великолепные золоченые люстры, с золотыми снопами колосьев наверху. Тут, по рассказам, любил вечерами сидеть с гостями Афанасий Николаевич *(дед Н. Н. Пушкиной)*; Красный дом служил его излюбленным местом пребывания. Около дома на теперешней площади торга были аллеи старых берез, а в углу у ограды была расположена остроконечная горка с дорожкой винтом, обсаженная акациями, так наз. «улита», тип, доныне сохранившийся в некоторых подмосковных имениях. Старожилы описывают этот сад, как какой-то земной рай, напоенный ароматами многочисленных цветов, с гладкими, усыпанными песком дорожками, развесистыми деревьями и кустами сирени. Красный дом расположен был на обрыве и фасадом обращен к прудам; от самых сеней вели вниз широкие каменные ступени. По обрыву росли ели, подстригавшиеся причудливыми фигурами. Пруды в виде буквы П были обсажены ивами, а посредине оставляли род полуострова; тут были разбиты радиально расходящиеся дорожки и посре-

дине — куртины с плодовыми деревьями. Тут же была устроена большая беседка, и другие были по углам ограды вокруг прудов. Дом был окрашен в красный цвет, что и дало повод названию его, а пристройка снаружи была украшена белыми столбами наподобие колонн, пустыми внутри и обитыми оштукатуренным парусом. — Обширный парк поддерживался в строгом порядке. В прежние дни здесь пребывало еще небольшое стадо оленей; и долго после липы еще тщательно подстригались, дорожки ежедневно усыпались красным песком, а вверху зеленой луговины, сбегавшей к реке, выслась беседка. По рассказам стариков, собранным Д. Д. Гончаровым, она была довольно обширная и представляла собою две осьмиугольные башни, диаметром около шести аршин; они соединялись крытым переходом со столбами, поддерживавшими кровлю и расположенными полукругом ступенями. Таким образом выходило подобие террасы и две комнаты с обеих сторон, уставленные по стенам низенькими турецкими диванами. Башенки были островерхие и заканчивались шпилем с шариками; они освещались длинными, сверху полукруглыми окнами. Эта «Пушкинская» беседка была окрашена в темно-красный цвет так же, как и Красный дом. По преданию, на стенах долго сохранялись стихотворения, написанные рукою Пушкина. — Большой дом в общих чертах сохранился нетронутым; небольшие исправления в нем были сделаны Дм. Н. Гончаровым в 40-х гг. Во время Пушкина еще был двухсветный концертный зал, где в конце XVIII в. так много бывало концертов, балов и увеселений (30—32).

Первая поездка Пушкина на Полотняный Завод должна быть отнесена к концу мая 1830 г., останавливался он, вероятно, в Красном доме. О вторичном пребывании его на Полотняном Заводе (поздно осенью 1834 г.) известно также весьма мало. Есть предположение, что он тогда останавливался в Большом доме. На это указывает рассказ, что его видели однажды несущим ворох книг из Красного в Большой дом; в Красном тогда помещалась библиотека. Подтверждением тому, что он занимался в кабинете Большого дома, приводили и следующий рассказ (по записи Д. Д. Гончарова). Однажды Пушкин работал в кабинете; повидимому, он был всецело поглощен своей работой, как вдруг резкий стук в соседней столовой заставил его вскочить. Насильственно отторгнутый от интересной работы, он выбежал в столовую, сильно рассерженный. Там он увидал виновника шума, маленького казачка, который рассыпал ножи, накрывая на стол. Вероятно, вид взбешенного Пушкина испугал мальчика, и он, спасаясь от него, юркнул под стол. Это так рассмешило Пушкина, что он громко расхохотался и тотчас спокойно вернулся к своей работе. Еще недавно один из оставшихся стариков, бывший крепост-

пой, художник Макаров, говорил так: «еще бы не знать Пушкина, бывало, сидят они на балконе, в Красном, а мы детьми около бегаем. Черный такой был, конопатый, страшный из себя». — В те дни сложилось предание, что Пушкин ведался с нечистою силою, оттого и писал он так хорошо, а писал он когтем.

А. В. СРЕДИН. Пушкин и Полотняный Завод. *Известия Калужской Уч. Архивной Комиссии.* Вып. XXI, Калуга, 1911.

Поздравляю вас со днем 26 августа *(день ангела Наталии);* и сердечно благодарю вас за 27-е *(день рождения жены Пушкина).* Жена моя прелесть, и чем доле я с ней живу, тем более люблю это милое, чистое, доброе создание, которого я ничем не заслужил перед богом.

ПУШКИН — теще Н. Н. Гончаровой, в конце августа 1834 г., из Полотняного Завода.

После смерти Дельвига мать его с детьми осталась в очень бедном положении. Пушкин вызвался продолжать издание «Северных Цветов» в их пользу, о чем и было заявлено. «Северные Цветы» были изданы только один раз на 1832 г. и сколько очистилось от их издания, я никогда не мог узнать. Без сомнения, не было недостатка в желании помочь семье Дельвига, но причину неисполнения обещания поймет всякий, кто знал малую последовательность Пушкина во многом из того, что он предпринимал вне его гениального творчества. В 1834 г., когда Пушкин приехал на время в Москву, он встретил меня в партере Малого театра, где давался тогда французский спектакль, и дружески меня обнял, что произвело сильное впечатление на всю публику, бывшую в театре, с жадностью наблюдавшую за каждым движением Пушкина. Из театра мы вместе поехали ужинать в гостиницу Коппа, где теперь помещается гостиница «Дрезден». Пушкин в разговорах со мною скорбел о том, что не исполнил обещания, данного матери Дельвига, уверял при том, что у него много уже собрано для альманаха на следующий новый год, что он его издаст в пользу матери Дельвига, о чем просил ей написать, но ничего из обещанного Пушкиным исполнено не было.

Бар. А. И. ДЕЛЬВИГ. *Мои воспоминания,* т. I, стр. 56.

У Пушкина были простые манеры, в которых, однако, сказывался прирожденный барин... Он был невысок ростом, шатен, с сильно вьющи-

мися волосами, с голубыми глазами необыкновенной привлекательности. Ни один из его портретов не передал и сотой доли духовной красоты его облика, — особенно его удивительных глаз. Говорил он скоро, был необыкновенно подвижен, весел, смеялся заразительно и громко, показывая два ряда ровных зубов, с которыми белизной могли равняться только перлы. На пальцах он отращивал предлинные ногти.

В. А. НАЩОКИНА. Воспоминания. *Новое Время*, 1898, № 8115.

Я приехал третьего дня, в четверг, поутру, — вот как тихо ездят по губернским трактам — а я еще платил почти везде двойные прогоны. В деревне встретил меня первый снег, и теперь двор перед моим окошком белешенек; однако я еще писать не принимался. Я рад, что добрался до Болдина; кажется, менее будет мне хлопот, чем я ожидал. Написать что-нибудь мне бы очень хотелось; не знаю, придет ли вдохновение... Сейчас у меня были мужики с челобитьем; я с ними принужден был хитрить; но эти наверное меня перехитрят, хотя я сделался ужасным политиком... Мне здесь хорошо, да скучно, а когда мне скучно, меня так и тянет к тебе, как ты жмешься ко мне, когда тебе страшно. Писать я еще не принимался.

ПУШКИН — жене, 15 сент. 1834 г., из Болдина.

Государь Александр Сергеевич! Просим вас, государь, в том, что вы таперя наш господин, и мы вам с усердием нашим будем повиноваться и выполнять в точности ваши приказания, но только в том просим вас, государь, сделайте великую с нами милость, избавьте нас от нынешнего правления, прикажите выбрать нам своего начальника и прикажите ему, и мы будем все исполнять ваши приказания.

ЧЕЛОБИТНАЯ болдинских крестьян Пушкину. *Литерат. Газета*, 1931, № 30.

Скучно. И стихи в голову нейдут, и роман не переписываю. Читаю Вальтер-Скотта и библию, а все об вас думаю. Много вещей, о которых беспокоюсь. Видно нынешнюю осень мне долго в Болдине не прожить. Дела мои я кой-как уладил. Погожу еще немножко, не распишусь ли; коли нет — так с богом и в путь. В Москве останусь дня три, у Нат. Нв.

(в Яропольце) сутки — и приеду к тебе. Да и в самом деле: неужто близ тебя не распишусь? Пустое.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, конец сент. 1834 года, из села Болдина.

А. М. Языков заехал в Болдино 26 сентября, всего на несколько часов, и звал Пушкина в Языково, на свою свадьбу. Поэт, при всем желании, не мог однако исполнить его просьбы, ссылаясь на то, что у него жена и дети. «Он мне показывал, — пишет Языков, — историю Пугачева, несколько сказок в стихах, в роде Ершова, и историю рода Пушкиных».

Д. Н. САДОВНИКОВ. *Ист. Вести.*, 1883, т. XIV, стр. 593.

Пушкин выезжал из Болдина в тяжелой карете, на тройке лошадей. Его провожала дворня и духовенство, которым предлагалось угощение в доме. В последний отъезд из Болдина имел место такой случай. Когда лошади спустились с горы и вбежали на мост, перекинутый через речку, — ветхий мост не выдержал тяжести и опрокинулся, но Пушкин отделался благополучно. Сейчас же он вернулся пешим домой, где еще застал за веселой беседой и закуской провожавших его, и попросил причт отслужить благодарственный молебен.

КИРИЛЛ СЕМ. РАЕВСКИЙ, болдинский диакон, со слов его сына Ф. К. Раевского записал А. И. Звездин. *О болдинском имении Пушкина.* Н. Новг. 1912, стр. 24.

Некоторые болдинские старожилы уверяют, что Пушкин приезжал в Болдино весною и ходил в рощу слушать, «о чем птицы поют».

А. И. ЗВЕЗДИН. *О Болдинском имении Пушкина.*

18 октября — возвращение Пушкина в Петербург.

Н. О. ЛЕРНЕР. *Труды и дни Пушкина,* 2 изд., стр. 320.

О профессорстве Гоголя были слышны спорные мнения, и как бы для того, чтобы их проверить. В. А. Жуковский и А. С. Пушкин решили

неожиданно побывать на его лекции. Зная день и час, они оба вместе пришли прослушать лекцию Гоголя. Что их посещение было совершенною неожиданностью для нашего профессора, ясно выразилось в том, что обоим знаменитым посетителям пришлось вместе с нами, студентами, прождать с полчаса времени: лекции в то время продолжались по уставу полтора часа; Гоголь находил это время слишком долгим, утомительным и только на своей первой лекции проговорил во все положенное время; потом он сокращал продолжительность своих лекций, и для того, чтобы не прерывать их слишком рано, он обыкновенно опаздывал приходить на полчаса, иногда и на три четверти часа. Таким образом Жуковский и Пушкин провели несколько времени в беседе со студентами, ожидавшими своего профессора, который тогда произнес одну из лучших своих лекций, художественно охарактеризовав норманских витязей, завоевателей Сицилии, заселителей Исландии, грозных на морях и Черном, и Каспийском, на берегах и Франции, и Англии.

С. П. БАРАНОВСКИЙ — Я. К. Гроту. *Русс. Арх.*, 1906, II, 276.

Однажды, — это было в октябре, — ходим мы *(студенты)* по сборной зале и ждем Гоголя. Вдруг входит Пушкин и Жуковский. От швейцара, конечно, они уж знали, что Гоголь еще не приехал, и потому, обратясь к нам, спросили только: «в которой аудитории будет читать Гоголь?» Мы указали на аудиторию. Пушкин и Жуковский заглянули в нее, но не вошли, а остались в сборной зале. Через четверть часа приехал Гоголь, и мы вслед за тремя поэтами вошли в аудиторию и сели по местам. Гоголь вошел на кафедру и вдруг, как говорится, ни с того, ни с сего, начал читать взгляд на историю аравитян. Лекция была блестящая. Она вся из слова в слово напечатана в «Арабесках» *(«Аль-Мамун»)*. Видно, что Гоголь знал заранее о намерении поэтов приехать на его лекцию, и потому приготовлялся угостить их поэтически. После лекции Пушкин заговорил о чем-то с Гоголем, но я слышал одно только: «увлекательно!»

Н. И. ИВАНИЦКИЙ. *Отечеств. Записки*, 1853, № 2, Смесь, стр. 120.

Слухи, постоянно распространяемые насчет Александра, очень меня печалят. Знаешь ли ты, что, когда Натали выкинула, говорили, будто это — от побоев, которые он ей нанес? В конце концов, мало ли молодых женщин уезжает проведать своих родителей, провести два или три меся-

ца в деревне! Никто в этом не видит ничего особенного. Но Александру все ставится в счет...

Александр нам совсем не пишет. Я не знаю, где он, что он делает. Это молчание непростительно ни в каком отношении. Я в некотором роде завишу от него, а он меня больше двух месяцев держит в полном неведении насчет моей судьбы.

С. Л. ПУШКИН (отец поэта) — О. С. Павлищевой, 29 окт. 1834 г. из Михайловского *П—н и его совр-ки.* XIV, 17 *(фр.).*

Наконец, мы имеем новости от Александра. Натали опять беременна, ее сестры живут с нею и нанимают очень хороший дом пополам с ними. Он говорит, что это ему удобно в смысле расходов, но немножко стесняет его, потому что он не любит нарушать своих привычек хозяина дома.

Н. О. ПУШКИНА (мать поэта) — О. С. Павлищевой, 7 ноября 1834 г. из с. Михайловского. *П—н и его совр-ки,* XIX, 21 *(фр.).*

В последнее время Наталия Нв. Гончарова *(теща Пушкина)* поселилась у себя в Яропольце и стала очень несносна; просто напросто пила. По лечебнику пила. «Зачем ты берешь этих барышен?» — спросил у Пушкина Соболевский.—«Она целый день пьет и со всеми лакеями (.....).

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о П—не,* 64.

Подозрительность и суровость Натальи Ивановны все росли с годами... Всякий был бы в праве осуждать ее, что она хоронит лучшие годы дочерей в деревенской глуши Яропольца, и этих соображений было достаточно, чтобы вымещать на неповинных девушках накипевшую горечь: якорем спасения всем являлась Наталия Николаевна... Пушкин согласился выручить свояченниц из тяжелого положения, приняв их обеих под свой кров. Вероятно, этому решению много способствовало побуждение прекратить одиночество, выпавшее на долю жены и в первое время тоскливо переносимое ею.

А. П. АРАПОВА. *Новое Время,* 1907, № 11413. стр. 5.

Около этого времени (1834 г.) Пушкин узнал, что какой-то молодой человек *(Э. П. Губер)* переводил Фауста, но сжег свой перевод, как не-

сорские речи Вильмена и Гизо. Вообще Пушкин обладал необычайными умственными способностями. Уже во время славы своей он выучился, живя в деревне, латинскому языку, которого почти не знал, вышедши из лицея. Потом, в Петербурге, изучил он английский язык в несколько месяцев, так что мог читать поэтов. Французский знал он в совершенстве. «Только с немецким не могу я сладить! — сказал он однажды. — Выучусь ему, и опять все забуду: это случалось уже не раз». Он страстно любил искусства и имел в них оригинальный взгляд. Тем особенно был занимателен и разговор его, что он обо всем судил умно, блестяще и чрезвычайно оригинально.

(КС. А. ПОЛЕВОЙ). Некролог Пушкина. *Живописное Обозрение*, 1837, III. 10 стр., 80. Цит. по *Рус. Арх.*, 1901, II. 251.

Пушкин был застенчив и более многих нежен в дружбе. Общество, особенно, где он бывал редко, почти всегда приводило его в замешательство, и от того оставался он молчалив и как бы недоволен чем-нибудь. Он не мог оставаться там долго. Прямодушие, также отличительная черта характера его, подстрекало к свободному выражению мысли, а робость противодействовала. Притом же совершенную привычку он сделал только к высшему обществу, или к самому тесному кругу приятелей. В обоих случаях он чувствовал себя на своем месте.

Собою не владел он только при таких обстоятельствах, от которых все должно было обрушиться на него лично. Он почти не умел распоряжаться ни временем своим, ни другою собственностью. Иногда можно было подумать, что он без характера: так он слабо уступал мгновенной силе обстоятельств. Между тем ни за что он столько не уважал другого, как за характер... Пылкость его души и слияние с ясностью ума образовала из него это необыкновенное, даже странное существо, в котором все качества приняли вид крайностей.

П. А. ПЛЕТНЕВ. *Соч. и переписка.* Т. III. СПБ., 1885, стр. 242—243.

В обществе посторонних людей Пушкин был или совершенно молчалив, или слишком блистателен. Лучшие движения сердца своего считал он домашним делом и потому не любил выказывать их. Он хранил их для тесного круга друзей, преимущественно для своих лицейских товарищей, которых любил неизменно.

П. А. ПЛЕТНЕВ. *Соч.*, III, 743.

Золотые слова Пушкина насчет существующих и принятых многими правил о дружеских сношениях. «Все, — говорил в негодовании Пушкин, — заботливо исполняют требования общежития в отношении к посторонним, т.-е. к людям, которых мы не любим, а чаще и не уважаем, и это единственно потому, что они для нас — ничто. С друзьями же не церемонятся, оставляют без внимания обязанности свои к ним, как к порядочным людям, хотя они для нас — все. Нет, я так не хочу действовать. Я хочу доказывать моим друзьям, что не только их люблю и верую в них, но признаю за долг и им, и себе, и посторонним показывать, что они для меня первые из порядочных людей, перед которыми я не хочу и боюсь манкировать, чем бы то ни было, освященным обыкновениями и правилами общежития».

П. А. ПЛЕТНЕВ — Я. К. Гроту, 1 апр. 1844 г.
Переп. Грота с Плетневым, II, 221.

Я не встречал людей, которые были бы вообще так любимы, как Пушкин; все приятели его делались скоро его друзьями. Он знакомился скоро, и, когда ему кто нравился, он дружился искренно. В большом кругу он был довольно молчалив, серьезен, и толстые губы давали ему вид человека надувшегося, сердитого; он стоял в углу, у окна, как будто не принимая участия в общем веселии. Но в кругу приятелей он был совершенно другой человек; лицо его прояснялось, он был удивительной живости разговорчив, рассказывал много, всегда ясно, сильно, с резкими выражениями, но как будто запинаясь и часто с первическими движениями, как будто ему неловко было сидеть на стуле. Он любил также слушать, принимал участие в рассказах и громко, увлекательно смеялся, показывая свои прекрасные белые зубы. Когда он был грустен, что часто случалось в последние годы его жизни, ему не сиделось на месте: он отрывисто ходил по комнате, опустив руки в карманы широких панталон, протяжно напевал: «грустно! тоска!» Но веселый анекдот, остроумное слово развеселяли его мгновенно: он вскрикивал с удовольствием «славно!» и громко хохотал. Он был самого снисходительного, доброго нрава; обыкновенно он выказывал мало колкости, в своих суждениях не был очень резок; своих друзей он защищал с необыкновенным жаром; зато несколькими словами уничтожал тех, которых презирал, и людей, его оскорбивших. Но самый гнев его был непродолжителен и когда сердце проходило, он делался только хладнокровным к своим врагам. Некоторая беспечность нрава позволяла часто им овладеть; так, например *(Е. М. Хитрово)*, женщина, умная, но странная (ибо на 50 году не переставала оголять свои плечи и любоваться их белизною и полнотою), возымела

страсть к гению Пушкина и преследовала его несколько лет своей страстью (Пушкин звал ее Пентефрихой). Она надоедала ему несказанно, но он никогда не мог решиться огорчить ее, оттолкнуть от себя, хотя смеясь бросал в огонь, не читая, ее ежедневные записки; но чтоб не обидеть ее самолюбия, он не переставал часто навещать ее в приемные часы ее перед обедом.

Н. М. СМИРНОВ. Из памятных заметок. *Рус. Арх.*, 1882, I, 238.

Завтра надобно будет явиться во дворец — у меня еще нет мундира. — Ни за что не поеду представляться с моими товарищами камер-юнкерами — молокососами 18-летними. Царь рассердится — да что мне делать?

ПУШКИН. *Дневник*, 5 декабря 1834 г.

Я все-таки не был 6-го во дворце — и рапортовался больным. За мною царь хотел прислать фельд-егеря или Арнта *(лейб-медика)*.

ПУШКИН. *Дневник*, декабрь 1834 г.

Третьего дня я наконец в Аничковом. Опишу все в подробности. Придворный лакей поутру явился ко мне с приглашением: быть в восемь с половиной в Аничковом, мне в мундирном фраке, Наталье Николаевне как обыкновенно.

В 9 часов мы приехали. На лестнице встретил я старую гр. Бобринскую, которая всегда за меня лжет и выводит меня из хлопот. Она заметила, что у меня треугольная шляпа с плюмажем (не по форме: в Аничков ездят с круглыми шляпами). Гостей было уже довольно, бал начался контрдансами. Гр. Бобринский, заметя мою треугольную шляпу, велел принести мне круглую. Мне дали одну такую засаленную помадой, что перчатки у меня промокли и пожелтели. Вообще бал мне понравился.

Утром того же дня встретил я в Дворцовом саду великого князя *(Михаила Павловича)*: «Что ты один здесь философствуешь?» — «Гуляю». — «Пойдем вместе». Разговорились о плешивых: «Вы не в родню, в вашем семействе мужчины молоды оплешивливают». — «Государь Александр и Константин Павлович оттого рано оплешивели, что при отце моем носили пудру и зачесывали волоса; на морозе сало леденело, — и волоса лезли. Нет ли новых каламбуров?» — «Есть, да нехороши, не

смею представить их вашему высочеству». — «У меня их также нет, я замерз». Доведши великого князя до моста, я ему откланялся (вероятно против этикета).

ПУШКИН. *Дневник.* 18 декабря 1834 г.

(22 дек. Суббота). — В середу был я у Хитровой, имел долгий разговор с великим князем *(Михаилом Павловичем)*. Началось журналами: Вообрази, какую глупость напечатали в «Северной Пчеле». Дело идет о пребывании государя в Москве. «Пчела» говорит: «государь император, обошед соборы, возвратился во дворец и с высоты красного крыльца низко (низко!) поклонился народу». Этого не довольно. Журналист-дурак продолжает: «как восхитительно было видеть великого государя, преклоняющего священную главу перед гражданами московскими!» Не забудь, что это читают лавочники.

Великий князь прав, а журналист, конечно, глуп. Потом разговорились о дворянстве... Я заметил: что значит наше старинное дворянство с имениями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристократии и со всеми притязаниями на власть и богатства? Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто был на площади 14 декабря? Одни дворяне, сколько же их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много. Говоря о старом дворянстве, я сказал: «Мы, которые такие же родовитые дворяне, как император и вы...» и т. д. Великий князь был очень любезен и откровенен. — «Вы настоящий представитель вашего семейства, — сказал я ему: — все Романовы — революционеры и уравнители». — «Спасибо: так ты меня жалуешь в якобинцы! Благодарю, вот репутация, которой мне не доставало». Разговор обратился к воспитанию, любимому предмету его высочества. Я успел высказать ему многое. Дай бог, чтобы слова мои произвели хоть каплю добра!

ПУШКИН. *Дневник (фр.-рус.).*

Натали много выезжает, танцует ежедневно. Вчера я провела день по-семейному; все мои дети обедали у нас. Только и слышишь разговору, что о праздниках, балах и спектаклях.

Н. О. ПУШКИНА — бар. Е. Н. Вревской, 26 дек. 1834 г., из Петербурга. *Рус. Вести.*, 1869, т. 84, стр. 90 *(фр.)*

Здесь все по горло в праздниках, Натали *(жена Пушкина)* много выезжает со своими сестрами; она привезла ко мне однажды Машу *(старшая дочь поэта)*, которая настолько привыкла видеть только изящно одетых, что, увидев меня, начала громко кричать; ее спросили, почему она не хотела поцеловать бабушку; она ответила, что у меня скверный чепчик и скверное платье.

Н. О. ПУШКИНА — О. С. Павлищевой, 4 января 1835 г. *П-н и его совр-ки* XIV, 25 *(фр.)*.

Вчера приехали мы сюда, остановились у Пушкиных *(родители поэта)*... Пушкин поэт обещал мне на пятницу билет на «Роберта Дьявола»; но я не думаю, чтоб можно было на него рассчитывать... Поэт очень смешон. Как он растерялся, увидев меня! Можно было умереть со смеху.

Бар. Е. Н. ВРЕВСКАЯ — мужу своему Б. А-чу, 21 янв. 1835 г. из Петербурга. *П-н и его совр-ки*, XXI—XXII, 388 *(фр.-рус.)*.

Поэт находит, что я нисколько не изменилась фигурою, и что, несмотря на мою беременность, он меня любит всегда. Он меня спросил, примем ли мы его, если он приедет в Голубово; я ему ответила, что очень на него сердита: какого он об нас мнения, если задает мне подобный вопрос!.. Я сегодня подарила г-же Пушкиной *(матери поэта)* мантилью, которая доставила ей много удовольствия. Правда, она стоила немножко дорого, — 60 рублей, но что делать? Она все эти дни ходила в кацавейке, и потом, я хотела ей доставить чем-нибудь удовольствие. Здоровье ее очень плохо; доктор требует консультации, но у них нет денег, чтоб заплатить докторам, и консультация откладывается со дня на день.

Бар. Е. Н. ВРЕВСКАЯ—мужу Б. А—чу, 25 янв. 1835 г. из Петербурга. *П-н и его совр-ки, XXI—XXII*, 388 *(фр.)*.

Пушкин решительно поддался мистификации Мериме *(выдавшего сочиненные им «Песни западных славян» за подлинные)*, от которого я должен был выписать письменное подтверждение, чтобы уверить Пушкина в истине пересказанного мной ему, чему он не верил и думал, что я ошибаюсь. После этой переписки Пушкин часто рассказывал об этом, говоря, что Мериме не одного его надул, но что этому поддался и Миц-

кевич. — «Я дал себя мистифицировать в очень хорошей компании», — прибавлял он всякий раз.

С. А. СОБОЛЕВСКИЙ — М. Н. Лонгинову, в 1855 г. *П-н и его совр-ки*, XXXI—XXXII, 42 *(рус.-фр.)*.

С генваря я очень занят Петром. На балах был раза 3; уезжал с них рано. Придворными сплетнями мало занят.

ПУШКИН. *Дневник*. 18 февраля 1835.

Когда Пушкин писал историю Петра I, он просил представить его графине В. Н. Ягужинской, старухе-невестке одного из ближайших друзей Петра; она отказалась принять Пушкина и сказала, что у нее нет в обычае делить общество с рифмачами и писаришками. Ей возражали, что Пушкин принадлежит к одной из древнейших фамилий русского дворянства; на это она ответила, что охотно приняла бы его, если бы он не был прикосновенен к писательству, и прибавила: «он напечатает, что я могла бы ему рассказать или сообщить, и бог знает, что из этого может выйти. Моя бедная свекровь умерла в Сибири, с вырезанным языком, высеченная кнутом; а я хочу спокойно умереть в своей постели, в Сафорине».

Кн. П. В. ДОЛГОРУКОВ. Mémoires Genève, 1867. Стр. 190 *(фр.)*.

В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже, — не покупают. Уваров *(министр народного просвещения)* большой подлец. Он кричит о моей книге, как о возмутительном сочинении. Его клеврет Дундуков (дурак и бардаш) преследует меня своим цензурным комитетом. Он не соглашается, чтоб я печатал свои сочинения с одного согласия государя. Царь любит, да псарь не любит. Кстати об Уварове; это большой негодяй и шарлатан. Разврат его известен. Низость до того доходит, что он у детей Канкрина был на посылках. Об нем сказали, что он начал тем, что был б..., потом нянькой, и попал в президенты Академии Наук, как княгиня Дашкова в президенты Российской Академии. — Он крал казенные дрова и до сих пор на нем есть счеты (у него 11.000 душ), казенных слесарей употреблял в собственную работу и т. д. Дашков *(министр)*, встретив Жуковского под руку с Уваровым, отвел его в сторону, говоря: «как тебе не стыдно гулять публично с таким человеком!»

ПУШКИН. *Дневник*. Февраль 1835.

Пушкин остался должен Жадимировскому по контракту за наем в доме его квартиры 1.063 р. 33½ к., по неплатежу коих, решением С.-Пб. Надворного суда 4-го Департамента 15 апреля 1835 г. искомую с Пушкина сумму присуждено с него взыскать, а в случае неплатежа описать его имение, о чем сообщено было в Управу Благочиния; по желанию же Пушкина об обращении такового взыскания с имения его Нижегородской губ. Лукояновского уезда в сельце Кистеневе, 4-й Департамент суда и сообщил в Лукояновский Земский Суд, чтобы он из свободного в сельце Кистеневе имения, заключающегося в 7 душах крестьян, описал следующее количество душ на удовлетворение иска 1.063 р. 33½ к. и штрафных 106 р. 30 к.

Объявление купца П. А. ЖАДИМИРОВСКОГО от 3 марта 1837 г. в Опеку над детьми и имуществом Пушкина. *П-н и его совр-ки*, XIII, 95.

Дела мои не в хорошем состоянии. Думаю оставить Петербург и ехать в деревню, если только этим не навлеку на себя неудовольствия.

ПУШКИН — Н. И. Павлищеву, 2-го мая 1835 г., из Петербурга.

Александр вчера уехал в Тригорское и должен возвратиться прежде десяти дней, чтобы поспеть к родам Наташи. Ты подумаешь быть может, что он отправился по делу, — совсем нет; а единственно ради удовольствия путешествовать, да еще в дурную погоду! Мы очень были удивлены, когда Александр пришел с нами проститься накануне отъезда, и его жена очень опечалена; надо сознаться, что твои братья оригиналы, которые никогда не перестанут быть таковыми.

Н. О. ПУШКИНА (мать поэта) — О. С. Павлищевой, 7 мая 1835 г., из Петербурга. *Л. Павлищев*, 385.

Д-р Кошец встретил Александра на боровичской станции, когда он отправился в Тригорское; твой брат был, по словам Кощеца, очень озабочен, рассеян, и я почти уверена, что мой «старший» не расслышал ничего, о чем ему толковал доктор, потому что вчера, когда я ему сообщала о Кошеце, Александр удивился и стал раскаиваться в оказанном холодном приеме доктору. Думаю, что Александр не пустился с ним на стан-

ции в беседу, принимая его за одного из многих любопытных пассажиров, добивающихся его знакомства.

Н. О. ПУШКИНА — О. С. Павлищевой, 17 мая 1835 г. *Л. Павлищев*, 387.

Кажется, в 1835 г., — да, так точно, — приехал он сюда (в Тригорское) дня на два всего, — пробыл 8 и 9 мая — приехал такой скучный, утомленный: — «Господи, — говорит, — как у вас тут хорошо! А там-то, там-то в Петербурге, какая тоска зачастую душит меня»!

М. И. ОСИПОВА в передаче М. И. Семевского. *СПБ. Вед.*, 1866, № 139.

Ты была удивлена приездом Пушкина и не можешь понять цели его путешествия. Но я думаю, — это просто было для того, чтобы проехаться, повидать тебя и маменьку, Тригорское, Голубово и Михайловское, потому что никакой другой благовидной причины я не вижу. Возможно ли, чтоб он предпринял это путешествие в подобное время, чтобы поговорить с маменькой о двух тысячах рублей, которые он ей должен... Пушкин в восхищении от деревенской жизни и говорит, что это вызывает в нем желание там остаться. Но его жена не имеет к этому никакого желания, и потом, — его не отпустят. Я думаю, он хочет купить именье, но без денег это трудно.

АННА НИК. ВУЛЬФ — сестре своей бар. Евпр. Ник. Вревской, 24 мая 1835 г., из Петербурга. *П-н и его совр-ки*, XXI—XXII, 325 *(фр.)*.

Наташа родила накануне приезда Александра, и радость свидания с мужем ее так расстроила, что проболела весь день.

Н. О. ПУШКИНА — О. С. Павлищевой, 17 мая 1835 г., *Л. Павлищев*, 387.

Мать рассказала, что когда родился второй сын, она хотела назвать его Николаем, но Пушкин пожелал почтить память одного из своих предков, казненных в смутное время, и предоставил ей выбор между двумя именами: Гаврила и Григорий. Она предпочла последнее.

А. П. АРАПОВА (дочь Н. Н. Пушкиной-Ланской). *Новое Время*. 1908, № 11425.

Я вижу себя вынужденным положить конец тратам, которые ведут только к долгам и которые готовят мне будущее, полное беспокойства и затруднений, если не нищеты и отчаяния. Три или четыре года пребывания в деревне мне доставят снова возможность возвратиться в Петербург и взяться за занятия, которыми я обязан доброте его величества. Я был осыпан благодеяниями государя, я был бы в отчаянии, если бы его величество увидел в моем желании уехать из Петербурга другой мотив кроме мотива абсолютной необходимости. Малейший признак неудовольствия или подозрения был бы достаточен, чтобы удержать меня в положении, в котором я нахожусь; в конце концов я предпочитаю испытывать затруднения в своих делах, чем потерять во мнении того, кто был моим благодетелем, не как государь, не из чувства долга и справедливости, но из свободного чувства благородного и великодушного благоволения.

ПУШКИН — гр. А. Х. Бенкендорфу, 1 июня 1835 г. *(фр.)*.

Нет препятствий ему ехать, куда хочет, но не знаю, как разумеет он согласить сие со службою. Спросить, хочет ли отставки, ибо иначе нет возможности его уволить на столь продолжительный срок.

НИКОЛАЙ I. Резолюция на письме Пушкина к Бенкендорфу от 1 июня. *Дела III Отд., изд. «Всемирного Вестника»*. 1905, стр. 302.

П. В. Киреевский один раз вместе с Жуковским был у Пушкина. Киреевский хорошо помнит большую комнату, со шкапами по бокам и с длинным столом посередине, заваленным бумагами. Пушкин говорил им, между прочим, о своем сильном желании совсем оставить Петербург и уехать совсем в деревню, читал Жуковскому свое письмо к Бенкендорфу, которого просил о позволении выехать из Петербурга, где ему очень было тяжело жить. Рассказами своими о Петре Пушкин удивлял Жуковского. Пушкин с великою радостью смотрел на труды Киреевского, перебирал с ним его собрание, много читал из собранных им песен и обнаруживал самое близкое знакомство с этим предметом. Еще прежде, через Соболевского, он доставил Киреевскому тетрадку Псковских песен, записанных с голоса, частью собственною рукою Пушкина, частью другою рукою (около 40 пьес).

П. И. БАРТЕНЕВ со слов П. В. Киреевского. *Рассказы о Пушкине*, 52.

Обещая Киреевскому собранные им *(народные)* песни, Пушкин прибавил: «там есть одна моя, угадайте!» Но Киреевский думает, что он сказал это в шутку, ибо ничего поддельного не нашел в песнях этих.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Р-зы о Пушкине,* 53.

П. В. Киреевский заявлял, что Пушкин доставил ему замечательную тетрадь песен, собранных им в Псковской губернии, и прибавил: «когда-нибудь, от нечего делать, разберите-ка, которые поет народ и которые смастерил я сам». Сколько Киреевский ни старался разгадать эту загадку, никак не мог сладить.

Ф. И. БУСЛАЕВ. *Мои воспоминания.* М. 1897, стр. 293.

Прасковье Александровне *(Осиповой)* вздумалось состроить partie fine, и мы обедали вместе все у Дюме, а угощал нас Александр Сергеевич и ее сын Алексей Николаевич Вульф. Пушкин был любезен за этим обедом, острил довольно зло, и я не помню ничего особенно замечательного в его разговоре. За дессертом («les quatre mendiants») г-н Дюме, воображая, что этот обед и в самом деле une partie fine, вошел в нашу комнату un peu cavalièrement и спросил: « Comment celà va ici?» У Пушкина и Алексея Николаевича немножко вытянулось лицо от неожиданной любезности француза, и он сам, увидя чинность общества и дам в особенности, нашел, что его возглас и явление были не совсем приличны, и удалился. Вероятно, в прежние годы Пушкину случалось у него обедать и не совсем в таком обществе.

А. П. КЕРН. *П-н и его современники,* V, 155—156.

Третьего дня д-р Кошец, вместе с Александром, провожал обеих Аннет Вульф и Керн. Обе уехали... Наташа *(жена Пушкина)* слаба, недавно вышла из спальни и не может ни читать, ни писать, ни работать; между тем у нее большие планы повеселиться на петергофском празднике 1 июля — в день рождения императрицы, ездить верхом со своими сестрами на острова, нанять дачу на Черной речке, и не хочет отправиться дальше, как желал бы Александр. В конце концов, «чего женщина хочет, того хочет бог».

Н. О. ПУШКИНА — О. С. Павлищевой, 8 июня 1835 г. *Л. Павлищев, 388.*

Пушкину дал бог второго сына, по имени Григорий... Давно с ним не видался и потому не знаю, что с ним делается, знаю только, что он давно ничего не пишет и нуждается в деньгах.

М. Л. ЯКОВЛЕВ — В. Д. Вольховскому, 11 июня 1835 г. *Н. Гастфрейнд. Товарищи Пушкина по лицею.* СПБ. 1912, т. I, 154.

Государю угодно было отметить на письме моем к вашему сиятельству, что нельзя мне будет отправиться на несколько лет в деревню иначе, как взяв отставку. Предаю совершенно судьбу мою в царскую волю и желаю только, чтоб решение его величества не было для меня знаком немилости и чтобы вход в архивы, когда обстоятельства позволят мне оставаться в Петербурге, не был мне запрещен.

ПУШКИН — Гр. А. Х. Бенкендорфу 4 июля 1835 г., из Петербурга.

Мы с братом ходили каждый день купаться в большую купальню, устроенную на Неве против Летнего сада; один раз, барахтаясь в воде и кой-как еще тогда плавая, я не заметил, как ко мне подплыл какой-то кудрявый человек и звонким, приветливым голосом сказал: «позвольте мне вам показать, как надо плавать, вы не так размахиваете руками, надо по-лягушечьему», и тут кудрявый человек стал нам показывать настоящую манеру; но вдруг от нас отплыв, сказал вошедшему в купальню господину: «А, здравствуй, Вяземский!» Мы с братом будто обомлели и в одно слово сказали: это должен быть Пушкин. После этой встречи я не видел Пушкина до Петергофского праздника. Государь с царской фамилией и придворными ехал в линейке и, увидав шедшего близ дороги Пушкина, закричал ему: «Bonjour, Pouchkine!» — «Bonjour Sire»! — почтительно, но непринужденно отвечал ему Пушкин.

С. (С. М. СУХОТИН). Из воспоминаний молодости. *Рус. Арх.*, 1864, 981, *Ср. Рус. Арх.*, 1894. III, 71.

Петергофский праздник удался как нельзя лучше. Александр был на празднике с Наташей. Наташа была, говорят, очаровательна, чему я вполне верю: после ее последних родов красота ее в полном блеске.

Н. О. ПУШКИНА — О. С. Павлищевой, 3 июля 1835 г. *Л. Павлищев,* 391.

Т. Н. Грановский, познакомившийся с Пушкиным у Плетнева, разшел с ним пешком с дачи в Петербург. Они говорили, и этот разговор Грановский причисляет к приятнейшим в своей жизни. Говоря о Булгарине, Пушкин сказал, что напрасно его слишком бранят, что где-нибудь в переулке он с охотою с ним встретится, но чтоб остановиться и вступить с ним в разговор на улице, на видном месте, на это он, Пушкин, никак не решится.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о П—не*, 31.

О знакомстве с Пушкиным А. С. Данилевский *(близкий друг Гоголя)* припоминал следующее. Однажды летом отправились они с Гоголем в Лесной на дачу к Плетневу, у которого довольно часто бывали запросто. Через несколько времени, почти следом за ними, явились Пушкин с Соболевским. Они пришли почему-то пешком с зонтиками на плечах. Вскоре к Плетневу приехала еще вдова Н. М. Карамзина, и Пушкин затеял с нею спор. Карамзина выразилась о ком-то: «она в интересном положении». Пушкин стал горячо возражать против этого выражения, утверждая с жаром, что его напрасно употребляют вместо коренного, чисто русского выражения: «она брюхата», что последнее выражение совершенно приличпо, а напротив, неприлично говорить: «она в интересном положении». — После обеда был любопытный разговор. Плетнев сказал, что Пушкина надо рассердить, и тогда только он будет настоящим Пушкиным, и стал ему противоречить. Впечатление, произведенное на Данилевского Пушкиным, было то, что он и в обыкновенном разговоре являлся замечательным человеком, каждое слово его было веско и носило печать гениальности; в нем не было ни малейшей натянутости или жеманства; но особенно поражал его долго не выходивший из памяти совершенно детский, задушевный смех. Он бывал с женой у Плетнева.

В. И. ШЕНРОК. *Материалы для биографии Гоголя*. М., 1892, т. I, стр. 362.

У Пушкина был дальний родственник, некто Оболенский, человек без правил, но не без ума. Он постоянно вел игру. Раз Пушкин в Петербурге (жил тогда на Черной речке; дочери его Марье тогда было не более 2 лет) не имел вовсе денег; он пешком пришел к Оболенскому просить взаймы. Он застал его за игрою в банк. Оболенский предлагал ему играть. Не имея денег, Пушкин отказывается, но принимает вызов Оболенского играть пополам. По окончании игры Оболенский остался в выигрыше большом и по уходе проигравшего, отсчитывая Пушкину следующую ему

часть, сказал: «Каково! Ты не заметил, ведь я играл наверное!» Как ни нужны были Пушкину деньги, но, услышав это, он, как сам выразился, до того пришел вне себя, что едва дошел до двери и поспешил домой.

П. В. НАЩОКИН по записи Бартенева. *Рассказы о Пушкине*, 46.

Император, удостоив взять меня на свою службу, сделал милость определить мне жалование в 5.000 руб. Эта сумма огромна, но тем не менее нехватает мне для проживания в Петербурге, где я принужден тратить 25.000 р. и иметь возможность жить, чтоб заплатить свои долги, устроить свои семейные дела и, наконец, получить свободу отдаться без забот моим работам и занятиям. За четыре года, как я женат, я сделал долгов на 60.000 рублей.

ПУШКИН в черновиках писем своих к гр. А. Х. Бенкендорфу в середине июля 1835 г. *(фр.)*.

Единственные способы, которыми я мог бы упорядочить мои дела, были — либо уехать в деревню, либо получить взаймы сразу большую сумму денег... Благодарность для меня не является чувством тягостным, и моя преданность персоне государя не затемнена никакими заднимн мыслями стыда или угрызений, но я не могу скрывать от себя, что я не имею решительно никакого права на благодеяния его величества и что мне невозможно чего-нибудь просить.

ПУШКИН — гр. А. Х. Бенкендорфу, 22 июля 1835 г. *(фр.)*.

(По просьбе Пушкина, ему было выдано взаймы из казны тридцать тысяч рублей, на погашение которых должно было удерживаться получаемое им жалование).

В августе, по возвращении гвардии из лагеря, на Черной речке, на водах, давались еженедельные балы, куда собирался le monde élégant и где в особенности преобладало общество кавалергардских офицеров. Расхаживая по зале, вдруг увидел я входящую даму, поразившую меня своей грацией и прелестью: возле нее шел высокий белокурый господин, ей что-то весело рассказывавший, а сзади Пушкин, очень быстро оглядывавший залу, с веселым лицом, и принимавший, повидимому, участие в разговоре предшествовавшей ему дамы. Это была его жена, а белокурый господин С. А. Соболевский. Это трио подошло к танцующему кругу, из

которого вышел Дантес и, как мне помнится, пригласил Пушкину на какой-то танец. Дантес очень много суетился, танцовал ловко, болтал, смешил публику и воображал себя настоящим героем бала: это был белокурый, плотный и коренастый офицер среднего роста; на меня произвел он неприятное впечатление своим ломанием и самонадеянностью, так что я, кажется, уподобил его à un garçon d'écurie [1].

С. (С. М. СУХОТИН). Из воспоминаний молодости. *Рус. Арх.*, 1864, стр. 982.

(В двадцатых числах августа). Мы поехали к Александру и встретили его на подъезде с кипой бумаг подмышкой. Он обрадовался, воротился со мной, представил своим женам: теперь у него целых три, как тебе известно. Его свояченицы красивы, но они — ничто в сравнении с Натали, которую я нашла очень похорошевшей: у ней теперь красивый цвет лица, и она немного пополнела, — единственное, что ей недоставало.

О. С. ПАВЛИЩЕВА — Н. И. Павлищеву, 12 сент. 1835 г. *П-н и его совр-ки*, XVII—XVIII, 168 *(фр.)*.

Вчера Александр со своей женой посетил меня. Они уже больше не едут в нижегородскую деревню, как располагал Monsieur, потому что Madame не хочет об этом и слышать. Он удовольствуется тем, что поедет на несколько *дней* в Тригорское, а она не тронется из Петербурга.

О. С. ПАВЛИЩЕВА — Н. И. Павлищеву, 31 авг. 1835 г., из Павловска. *П-н и его современники.* XVII—XVIII, 162 *(фр.)*.

---

[1] С. М. Сухотин в июле 1833 г. приехал в Петербург с родителями для определения старшего брата в школу гвардейских подпрапорщиков; в конце лета, по его словам, он возвратился в Москву и переехал в Петербург через два года, в 1835 г., для поступления в ту же школу гвардейских подпрапорщиков. Все свои встречи с Пушкиным (в купальне, на петергофском гуляньи,—см. выше, — и на балу на минеральных водах) Сухотин относит к 1833 г. Но в то время Дантес еще не приехал в Россию; в 1833 г. Пушкин жил на углу Б. Морской и Гороховой, — ходить купаться к Летнему саду было бы ему далеко. В 1835 же году он жил около Прачешного моста, — до Летнего сада два шага. Все эти соображения приводят нас к заключению, что описанные встречи происходили в 1835 г.

Александр уехал в Тригорское и хочет там пробыть три месяца.

О. С. ПАВЛИЩЕВА—Н. И. Павлищеву, 12 сент. 1835 г. *П-н и его совр-ки*, XV, 164.

Писать стихи любил он преимущественно осенью. Тогда он до такой степени чувствовал себя расположенным к этому занятию, что и из Петербурга в половине сентября нарочно уезжал в деревню, где оставался до половины декабря. Редко не успевал он тогда оканчивать всего, что у него заготовлено было в течение года. Теплую и сухую осень называл он негодною, потому что не имел твердости отказываться от лишней рассеянности. Туманов, серенькых тучек, продолжительных дождей ждал он, как своего вдохновения. Странно, что приближение весны, сияние солнца всегда наводили на него тоску. Он это изъяснял расположением своим к чахотке (375).

Летнее купанье было в числе самых любимых его привычек, от чего не отставал он до глубокой осени, освежая тем физические силы, изнуряемые пристрастием к ходьбе. Он был самого крепкого сложения, и к этому много способствовала гимнастика, которою он забавлялся иногда с терпеливостью атлета. Как бы долго и скоро ни шел, он дышал всегда свободно и ровно. Он дорого ценил счастливую организацию тела и приходил в некоторое негодование, когда замечал в ком-нибудь явное невежество в анатомии (384).

П. А. ПЛЕТНЕВ. *Соч.*, т. I.

По свидетельству лиц, близко наблюдавших Пушкина, он иногда чувствовал такую горячность и приливы крови, что должен был освежать себе голову водою, для чего вдруг посреди оживленной беседы убегал в другую комнату. Вертлявый и непоседливый, Пушкин был весь жизнь и движение.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1889, III, 112.

Вот уже неделя, как я тебя оставил, а толку в том не вижу. Писать не начинал и не знаю, когда начну. Зато беспрестанно думаю о тебе, и ничего путного не надумаю. Что у нас за погода! Вот уж три дня, как я только что гуляю, то пешком, то верхом. Эдак я и осень мою прогуляю, и коли бог не пошлет нам порядочных морозов, то возвращусь к тебе не сделав ничего. Сегодня видел я месяц с левой стороны и очень о тебе стал беспокоиться.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 14 сент. 1835 г., из села Михайловского.

Какой он был живой! Да чего, уж впоследствии, когда он приезжал сюда из Петербурга, едва ли уж не женатый, сидит как-то в гостиной, шутит, смеется; на столе свечи горят; он прыг с дивана, да через стол, и свечи-то опрокинул... Мы ему говорим: «Пушкин, что вы шалите так, пора остепениться», — а он смеется только.

М. И. ОСИПОВА в передаче М. И. Семевского *Спб. Ведом.*, 1866, № 139.

Мой ангел, как мне жаль, что я вас уже не застал, и как обрадовала меня Евпраксия Николаевна, сказав, что вы опять собираетесь приехать в наши края! Приезжайте, ради бога; хоть к 23-му. У меня для вас три короба признаний, объяснений и всякой всячины. Можно будет, на досуге, и влюбиться. Я пишу к вам, а наискось от меня сидите вы сами во образе Марии Ивановны *(младшей ее сестры)*. Вы не поверите, как она напоминает прежнее время,

И путешествия в Опочку,

и прочая. Простите мне мою дружескую болтовню. Целую ваши ручки.

ПУШКИН — А. И. Беклешевой (урожд. Осиповой), середина сентября 1825 г., из села Михайловского.

Поэт по приезде сюда был очень весел, хохотал и прыгал попрежнему, но теперь, кажется, впал опять в хандру. Он ждал Сашеньку *(Ал. Ив. Беклешову)* с нетерпением, надеясь, кажется, что пылкость ее чувств и отсутствие ее мужа разогреет его состаревшие физические и моральные силы.

Бар. ЕВПР. Н. ВРЕВСКАЯ — брату А. Н. Вульфу, 4 окт. 1835 г. *П-н и его совр-ки*, XIX—XX. 107.

Ты не можешь вообразить, как живо работает воображение, когда сидим одни между четырех стен, или ходим по лесам, когда никто не мешает нам думать, думать до того, что голова закружится. А о чем я думаю? Вот о чем: чем нам жить будет? Отец не оставит мне имения; он его уже половину промотал; ваше имение на волоске от погибели. Царь не позволяет мне ни записаться в помещики, ни в журналисты. Писать книги для денег, видит бог, не могу. У нас ни гроша верного

дохода, а верного расхода 30.000. Все держится на мне да на тетке *(Ек. Ив. Загряжской, тетке Нат. Ник-ны)*. Но ни я, ни тетка не вечны. Что из этого будет, бог знает. Покамест, грустно. Был я у Вревских третьего дня и там ночевал. Вревская *(Евпраксия Николаевна, урожденная Вульф)* очень добрая и милая бабенка, но толста, как Мефодий, наш псковский архиерей. И незаметно, что она уж не брюхата: все та же, как когда ты ее видела. Я взял у них Вальтер-Скотта и перечитываю его. Сегодня погода пасмурная. Осень начинается. Авось засяду. Я много хожу, много езжу верхом, на клячах, которые очень тому рады, ибо им за то дают овес, к которому они не привыкли. Ем я печеный картофель, как маймист *(петербургское название чухон)*, и яйца всмятку, как Людовик XVIII. Вот мой обед. Ложусь в 9 часов, встаю в 7.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 21 сент. 1835 г., из села Михайловского.

Вообрази, что до сих пор не написал я ни строчки, а все потому, что неспокоен. В Михайловском нашел я все по-старому, кроме того что нет уж в нем няни моей, и что около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уже не пляшу. Но делать нечего; все кругом меня говорит, что я старею, иногда даже чистым русским языком. Например, вчера мне встретилась знакомая баба, которой не мог я не сказать, что она переменилась. А она мне: да и ты, мой кормилец, состарился и подурнел. Хотя могу я сказать вместе с покойной няней моей: хорош никогда не был, а молод был. В Тригорском стало просторнее — Евпраксия Ник. и Ал. Ив. замужем, но Пр. Ал. все та же, и я очень люблю ее. Веду себя скромно и порядочно. Гуляю пешком и верхом, читаю романы В. Скотта, от которых в восхищении, да охаю о тебе.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 25 сент., 1835 г., из Тригорского.

Государь обещал мне Газету, а там запретил: заставляет меня жить в Петербурге, а не дает мне способов жить моими трудами. Я теряю время и силы душевные, бросаю за окошки деньги трудовые и не вижу ничего в будущем. Отец мотает имение без удовольствия, как без расчета; твои теряют все. Что из этого будет? Господь ведает. Ты мне прислала записку от m-me Kern; дура вздумала переводить Занда и

просит, чтоб я сосводничал ее со Смирдиным. Чорт побери обоих! Я поручил Ан. Ник. отвечать ей за меня, что если перевод ее будет так же верен, как она сама верный список с m-me Sand, то успех ее несомнителен, а что со Смирдиным дела я никакого не имею. Я провожу время очень однообразно. Утром дела не делаю, а так, из пустова в порожнее переливаю. Вечером езжу в Тригорское, роюсь в старых книгах да орехи грызу. А ни стихов, ни прозы писать и не думаю.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, конец сентября 1835 г., из Михайловского.

Со вчерашнего дня начал я писать (чтоб не сглазить только). Погода у нас портится, кажется, осень наступает не на шутку. Авось распишусь.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 2 октября 1835 г., из села Михайловского.

(Голубово[1]), имение бар. Б. А. Вревского, женившегося в 1831 г. на Евпраксии Вульф). В устройстве сада и постройках принимал Пушкин, по фамильному преданию, самое горячее участие: сам копал грядки, рассадил множество деревьев, что, как известно, было его страстью; рассаживал он и цветы и принимал даже участие в рытье пруда.

В. П. ОСТРОВСКИЙ. *Мир Божий*, 1898, IX, 206.

В свой приезд осенью 1835 г. Пушкин много времени проводил в Голубове, принимая участие даже в хозяйственных хлопотах (по семейным преданиям, голубовский сад разбивался под его руководством).

М. Л. ГОФМАН. Из Пушкинских мест. *П-н и его совр-ки*, XIX—XX, 104.

Я сделал визит поэту, который вот уже три недели поселился в Михайловском и несколько уже раз был у нас в Голубове. Я застал его в час по полудни еще в халате, что-то пишущим, — может быть, свою

[1] В 16 верстах от Тригорского. *Рус. Вест.*, 1869, № 11, стр. 91. «На самом деле имение Вревских Голубово находилось от Тригорского в 35—40 верстах»,— пишет мне П. М. Устимович.

историю Петра Великого, потому что вокруг него были кипы огромных рукописей. В Тригорском и Голубове мы играем в шахматы, а так как я играю очень плохо, он мне дает вперед офицера. Однажды он нам рассказал о счастливом времени, которое провел в Твери, и это единственный раз, когда я его видел таким разговорчивым.

Бар. Б. А. ВРЕВСКИЙ — А. Н. Вульфу, 4 октября 1835 г. *П-н и его совр-ки,* XIX—XX, 106 *(фр.).*

Такой бесплодной осени отроду мне не выдавалось. Пишу, через пень колоду валю. Для вдохновения нужно сердечное спокойствие, а я совсем не спокоен.

ПУШКИН — П. А. Плетневу, первая половина октября 1835 г. из села Михайловского.

Пушкин, когда узнал, что я опять брюхата, насмешливо улыбнулся и сказал: «как это смешно!» — на что я ответила, что с его приездом то же будет и с его женою, и отгадала, потому что она уже брюхата.

Бар. ЕВПР. Н. ВРЕВСКАЯ — брату своему А. Н. Вульфу. *П-н и его совр-ки,* XIX—XX, 107 *(фр.-рус.).*

Александр вчера возвратился, потому что до смерти соскучился в Тригорском. Г-жа Осипова постоянно хворает, и Аннета *(Ан. Ник. Вульф)* оплакивают свою кузину Netty *(умершую от родов),* в Голубове. Г-жа Вревская *(Евпраксия Ник-на)* все время окружена детьми, которые без умолку кричат и горланят с утра до вечера, и он говорит: «поверить не можешь, что за скучный дом».

О. С. ПАВЛИЩЕВА — мужу, 24 октября 1835 г., из Петербурга. *П-н и его совр-ки,* XVII—XVIII, 184 *(фр.-рус.).*

Гоголь при разговоре, между прочим, заметил, что первую идею к «Ревизору» подал ему Пушкин, рассказав о Павле Петровиче Свиньине, как он, в Бессарабии, выдавал себя за какого-то петербургского важного чиновника и только зашедши уж далеко (стал было брать прошения от

колодников), был остановлен. — «После слышал я, — прибавил он, — еще несколько подобных проделок, напр., о каком-то Волкове».

О. М. БОДЯНСКИЙ. Дневник. *Рус. Стар.*, 1889, окт., 134.

Пушкин рассказал Гоголю про случай, бывший в городе Устюжне Новгородской губ., о каком-то проезжем господине, выдавшем себя за чиновника министерства и обобравшем всех городских жителей. Кроме того Пушкин, сам будучи в Оренбурге, узнал, что о нем получена гр. В. А. Перовским секретная бумага, в которой Перовский предостерегался, чтоб был осторожен, так как история Пугачевского бунта была только предлогом, а поездка Пушкина имела целью обревизовать секретно действия оренбургских чиновников. На этих двух данных задуман был «Ревизор», коего Пушкин называл себя всегда крестным отцом [1].

Гр. В. А. СОЛОГУБ. Из воспоминаний. *Рус. Арх.*, 1865, стр. 744.

Известно, что Гоголь взял у Пушкина мысль «Ревизора» и «Мертвых душ», но менее известно, что Пушкин не совсем охотно уступил ему

---

[1] Обычно принимают, что «Ревизор» писался Гоголем в течение 1834—1835 г. (Тихонравов, Шенрок, Кирпичников), — следовательно, Пушкин должен был дать Гоголю сюжет в начале 1834 г. Однако нигде, ни в письмах Гоголя за эти годы, ни в воспоминаниях о нем, мы не встречаем ни одного несомненного свидетельства, говорящего о работе Гоголя именно над «Ревизором». О «Ревизоре» мы имеем только одно бесспорное свидетельство, — сообщение Гоголя Погодину от 6 декабря 1835 г. об окончании пьесы «третьего дня», т. е. 4 декабря. А за два месяца перед тем, 7 октября 1835 г., Гоголь, прося Пушкина возвратить данную ему на прочтение комедию свою «Женитьба», писал ему: «Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или несмешной, но русский чисто анекдот. Рука дрожит написать тем временем комедию. Если ж сего не случится, то у меня пропадет даром время, и я не знаю, что делать тогда с моими обстоятельствами. Я, кроме моего скверного жалования университетского 600 рублей, никаких не имею теперь мест. Сделайте же милость, дайте, сюжет, духом будет комедия из пяти актов, и клянусь, — кула смешнее чорта! Ради бога, ум и желудок мой оба голодают». *(Письма Гоголя, ред. Шенрока, I, 354).* Если Гоголь в это время, как думают, уже оканчивал своего «Ревизора», то письмо его к Пушкину совершенно непонятно. «Женитьбу» Гоголь был «не намерен давать в театр» *(Письма, I, 385).* Раз он оканчивал «Ревизора», то гораздо естественнее было ему ждать «насыщения желудка» от этой, уже заканчиваемой комедии, чем от новой, для которой у него не было еще даже сюжета. И как могла у него «дрожать рука написать комедию» в то время,

свое достояние. В кругу своих домашних Пушкин говорил смеясь: — «С этим малороссом надо быть осторожнее: он обирает меня так, что и кричать нельзя».

П. В. АННЕНКОВ. «Гоголь в Риме». *Литературные воспоминания.* Спб., 1909, стр. 20.

Я застал мою бедную мать в крайне тяжелом положении; она приехала из Павловска искать квартиру, и неожиданно ею овладела сильнейшая слабость у г-жи Княжниной, у которой она остановилась. Врачи не имеют никакой надежды. В этих печальных обстоятельствах я еще имею горе видеть мою бедную Наташу предметом ненависти света. Повсюду говорят, что это ужасно: она так изящно одевается, а ее свекру и свекрови нечего есть, и свекровь ее умирает у чужих людей. Вы знаете, как обстоит дело. Нельзя серьезно говорить о нищете человека, имеющего 1200 душ. Это у отца есть кое-что, это у меня ничего нет. И во всяком случае, Наташа тут не при чем; за это должен ответить я. Если бы мать моя захотела поселиться у меня, Наташа, разумеется, приняла бы ее, но холодный дом, наполненный ребятишками и запруженный народом, мало подходит для больной... Что до меня, то у меня желчь, и голова моя идет кругом. — Поверьте мне, милая m-me Осипова, жизнь, какою бы она ни была «сладкою привычкою», содержит в

когда он как раз был занят писанием комедии? Мы считаем очень вероятным, что только в ответ на просьбу Гоголя от 7 октября Пушкин подарил ему уже бывший у него готовым сюжет «Ревизора» (не так давно найденная в бумагах Пушкина программа: «Криспин (Свиньин) приезжает в губернию на ярмарку, его принимают за... Губернатор честный дурак, губернаторша с ним проказит. Криспин сватается за дочь»). Гоголь, за время своего профессорства изголодавшийся по творческой работе, с одушевлением взялся за обработку сюжета. В связи с этим появилась надежда и на улучшение материального состояния. 10 ноября Гоголь пишет матери: «Сестры растут и учатся. Я тоже надеюсь кое-что получить приятное. Итак не более, как годка через два, я приду в такую возможность, что, может быть, приглашу вас в Петербург посмотреть на них» (*Письма, I, 355*). Работа была исключительная по своей интенсивности. Нужно еще иметь в виду, что Пушкин воротился в Петербург 23 октября, значит, только в конце октября мог дать Гоголю просимый сюжет. А уже 4 декабря, как мы видели, пьеса была готова, — действительно, «духом» была готова, как обещал Гоголь Пушкину. Против нашей догадки самый сильный, бесспорно, довод, — что такая быстрота писания совершенно несвойственна Гоголю. Но в письмах своих Гоголь чрезвычайно скуп на сообщения о процессе своего творчества (особенно в первый период литературной своей деятельности), и мы очень мало знаем о том, как у него зарождались и писались его произведения. Однако в одном позднем письме к Жуковскому (от 1850 г.,— Письма, IV, 292) Гоголь пишет: «Покуда писатель молод, он пишет много и скоро».

себе горечь, которая в конце концов делает ее отвратительною, и свет — это скверное озеро грязи. Я предпочитаю Тригорское.

ПУШКИН — П. А. Осиповой в исходе октября 1835 г., из Петербурга *(фр.-рус.)*.

Жена Александра опять беременна. Вообрази, что на нее, бедняжку, напали, отчего и почему мать у ней не остановилась по приезде из Павловского?.. На месте моей невестки я поступила бы так же: их дом, правда, большой, но расположение комнат неудобное, и потом — две ее сестры и трое детей, и потом, — как бы к этому отнесся Александр, которого не было в Петербурге, и потом моя мать не захотела бы этого. Г-жа Княжнина — ее друг детства; это лучше, чем невестка, и моя невестка не лицемерка, — мать моя ее стеснила бы, это тоже очень просто. По этому поводу стали кричать, — почему у нее ложа в театре и почему она так элегантно одевается, тогда как родители ее мужа так плохо одеты, — одним словом, нашли очень заманчивым ее рупать... Впрочем, Александр и его жена имеют довольно и приверженцев.

О. С. ПАВЛИЩЕВА — мужу, 9 ноября 1835 г. *П-н и его совр-ки*, XVII—XVIII, 186 *(фр.-рус.)*.

Болезнь матери моей заставила меня воротиться в город... Мое семейство умножается, растет, шумит около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться. Холостяку в свете скучно: ему досадно видеть новые, молодые поколения; один отец семейства смотрит без зависти на молодость, его окружающую. Из этого следует, что мы хорошо сделали, что женились.

ПУШКИН — П. В. Нащокину, исход октября 1835 г., из Петербурга.

Потом я встретила Пушкина с женой у матери, которая начинала хворать: Наталья Николаевна сидела в креслах у постели больной и рассказывала о светских удовольствиях, а Пушкин, стоя за ее креслом, разводя руками, сказал шутя: «Это последние штуки Натальи Николаевны: посылаю ее в деревню». Она, однако, не поехала, кажется, потому, что в ту же зиму Надежде Осиповне сделалось хуже, и я его раз встретила у родителей одного. Это было как раз во время обеда, в четыре часа. Старики потчевали его то тем, то другим из кушаньев, но он от всего отка-

зывался и, восхищаясь аппетитом батюшки, улыбнулся, когда отец сказал ему и мне, предлагая гуся с кислой капустою: «c'est un plat écossais *(это шотландское блюдо)*», — заметив при этом, что никогда ничего не ест до обеда, а обедает в шесть часов.

А. П. КЕРН. *П-н и его совр-ки,* V, 150.

Когда я начал читать Пушкину первые главы из «Мертвых душ», в том виде, как они были прежде, то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он же был охотник до смеха), начал понемногу становиться все сумрачнее, сумрачнее, а наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: «Боже, как грустна наша Россия!» Меня это изумило. Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что все это карикатура и моя собственная выдумка!

Н. В. ГОГОЛЬ. Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ». *Выбр. места из переписки с друзьями.* XVIII.

Аннета Керн переводит Жорж-Занда. Не для удовольствия, а для заработка. Она просила Александра замолвить за нее словечко Смирдину, но Александр не церемонится, когда дело идет об отказе. Он ей сказал, что совсем не знает Смирдина.

О. С. ПАВЛИЩЕВА — мужу, 9 ноября 1835 г *П-н и его совр-ки,* XVII—XVIII, *188 (фр.).*

Александр дает розги своему мальчику, которому только два года; он также тузит свою Машу *(дочь);* впрочем, он нежный отец. — Знаешь, что? Он очень порядочный и дела понимает, хотя неделовой... Александр не может быть без Соболевского.

О. С. ПАВЛИЩЕВА — Н. И. Павлищеву, 22 ноября 1835 г. *П-н и его совр-ки,* XVII—XVIII, 193—194 *(фр.-рус.).*

Пушкин был строгий отец, фаворитом его был сын, а с дочерью Машей, большой крикуньей, часто и прилежно употреблял розгу.

П. В. АННЕНКОВ со слов Нат. Ник. Пушкиной (?). *Б. Модзалевский, «Пушкин»,* 336.

Пушкин воображал себя практиком.

П. И. БАРТЕНЕВ. Из записной книжки. Р. А. 1906, III, 619.

В Пушкине замечательно было соединение необычайной заботливости к своим выгодам с такою же точно непредусмотрительностью и растратой своего добра. В этом заключается и весь характер его.

П. В. АННЕНКОВ — *Материалы*, 182.

Моя невестка и ее сестры выезжают каждый день; я их вижу редко.

О. С. ПАВЛИЩЕВА — мужу, 6 декабря 1835 г. *Пушкин и его совр-ки*, XVII—XVIII, 197 *(фр.)*.

Гостиная моих родителей получила в 1836 г., по возвращении их из-за границы, более великосветский характер. Мне весьма памятно тогдашнее впечатление, что подобная же перемена произошла и в обстановке Пушкина с приездом в дом Баташева в 1835 г.

Кн. ПАВЕЛ ВЯЗЕМСКИЙ. *Сочинения*, 565.

Я не могла найти минуты, чтобы поговорить с Александром о делах, я не хотела делать этого в присутствии родителей, а он приходил всякий раз, когда мы сидели за столом. Он присутствовал при нашем обеде и потом тотчас уходил. Соболевский находится в курсе всех наших семейных дел: Александр ничего не скрывает от него и, благодаря ему, читал письма, которые ты ему писал. Часто у него не хватало терпения, тогда Соболевский давал себе труд прочитать их ему до конца и заставлял его обратить на них внимание; это случилось два раза, как он мне сказал.

Александр чрезвычайно рассеян: он слишком думает о своем хозяйстве, о своих ребятах и о туалетах своей жены.

Жена Коссаковского не любит Александра; она вздумала говорить с ним о его стихах, он отвечал сухо; она насмешливо сказал ему: «Знаете ли, что ваш Годунов может показаться интересным в России?» — «Сударыня, так же, как вы можете сойти за хорошенькую женщину в доме вашей матушки». С тех пор она равнодушно на него смотреть не могла.

О. С. ПАВЛИЩЕВА — мужу, 20 декабря 1835 г. *П-н и его совр-ки*, XVII—XVIII, 199—203 *(фр.)*.

Однажды, часа в три, я зашел в книжный магазин Смирдина, который помещался тогда на Невском проспекте, в бельэтаже дома Лютеранской церкви. В одно почти время со мною вошли в магазин два человека: один большого роста, с весьма важными и смелыми приемами, полный, с рыжеватой эспаньолкой, одетый франтовски. Другой среднего роста, одетый без всяких претензий, даже небрежно, с курчавыми белокурыми (sic!) волосами, с несколько арабским профилем, толстыми выдававшимися губами и с необыкновенно живыми и умными глазами. Когда я взглянул на последнего, сердце мое так и замерло. Я узнал в нем Пушкина, по известному портрету Кипренского. Я преодолел робость, подошел к прилавку, у которого Пушкин остановился, и начал внимательно и в подробности рассматривать поэта. Прежде всего меня поразили огромные ногти Пушкина, походившие более на когти. Выражение лица его показалось мне очень симпатическим, а улыбка чрезвычайно приятной и даже добродушной. Он спросил у Смирдина не помню какую-то книгу и, перелистывая ее, обратился к своему спутнику с каким-то замечанием. Спутник, заложив руку за жилет, отвечал громко и не смотря на Пушкина, и потом, с улыбкой обратившись к Смирдину, начал с некоторою торжественностью:

К Смирдину как ни придешь....

и остановился.

Смирдин заюлил и начал ухмыляться. Пушкин взглянул на своего спутника с полуулыбкой и покачал головою. Я думал, глядя на господина с рыжей эспаньолкой: «как счастлив этот господин, обращающийся с великим человеком так небрежно и просто, тогда как у меня от одного взгляда на Пушкина замирает дыхание. Кто же такой этот счастливец, так близкий к Пушкину?» С этим вопросом обратился я к Смирдину, когда Пушкин вышел из лавки.

— Это С. А. Соболевский, — отвечал Смирдин, — прекраснейший человек и друг Александра Сергеевича. Он пишет на всех удивительнейшие эпиграммы в стихах-с.

После я уже узнал, что стих, произнесенный Соболевским у Смирдина, был первый стих известного экспромта Пушкина:

К Смирдину как ни придешь...
Ничего ни купишь,
Иль Сенковского найдешь,
Иль в Булгарина наступишь.

Я и не смел думать о знакомстве с Пушкиным, да и какое право имел я на знакомство с ним? Я только завидовал моему приятелю Ди-

рину, который познакомился с ним по случаю своего отдаленного родства с Вильгельмом Кюхельбекером. Родные Дирина получали через III Отделение письма от ссыльного Кюхельбекера, в которых всегда почти упоминалось о Пушкине, и Дирин носил обыкновенно эти письма показывать Пушкину. Дирин занимался тогда переводом сочинения Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека» и сообщил об этом Пушкину, который одобрил его мысль и обещал ему даже написать предисловие к его переводу.

Дирин был в восхищении от приемов Пушкина, от его приветливости и внимательности. Пушкин действительно, по словам всех литераторов, имевших с ним сношения, был очень прост, любезен и до утонченности вежлив в обхождении, никому не давая чувствовать своего авторитета. Якубович гордился тем, что Пушкин всегда выпрашивал у него стихов для своих изданий.

Через несколько лет после смерти Дирина, я как-то завел речь о нем и об его отношениях к Пушкину с П. А. Плетневым.

— А знаете ли, почему Пушкин был так внимателен и вежлив к нему?

— Почему же? Ведь он был со всеми таков.

— Нет, — отвечал Плетнев, — с ним он был особенно внимателен — и вот почему. Я как-то раз утром зашел к Пушкину и застаю его в передней, провожающим Дирина. Излишняя внимательность его и любезность к Дирину несколько удивили меня, и когда Дирин вышел, я спросил Пушкина о причине ее.

— С такими людьми, братец, излишняя любезность не вредит, — отвечал, улыбаясь, Пушкин.

— С какими людьми? — спросил я с удивлением.

— Да ведь он носит ко мне письма от Кюхельбекера... Понимаешь? Он служит в III Отделении.

Я расхохотался и объяснил Пушкину его заблуждение. Дирин, разумеется, ничего не знал о подозрении Пушкина; он пришел бы от этого в отчаяние, но Пушкин после этого обнаружил к нему действительное участие, что доказывает и предисловие к его переводу Сильвио Пеллико.

И. И. ПАНАЕВ. Литературные воспоминания. *Полн. собр. соч.* Спб 1888, т. VI, стр. 40—42.

Года протекали. Время ли отозвалось пресыщением порывов сильной страсти, или частые беременности вызвали некоторое охлаждение в чувствах Ал. Сер-ча, — но чутким сердцем жена следила, как с каждым днем ее значение стушевывалось в его кипучей жизни. Его тянуло в

водоворот сильных ощущений... Пушкин только с зарей возвращался домой, проводя ночи то за картами, то в веселых кутежах в обществе женщин известной категории. Сам ревнивый до безумия, он даже мысленно не останавливался на сердечной тоске, испытываемой тщетно ожидавшей его женою, и часто, смеясь, посвящал ее в свои любовные похождения.

А. П. АРАПОВА. *Новое Время*, 1907, № 11413.

Пушкины едут на несколько лет в деревню. Муж, сказывают, в пух проигрался.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—А. И. Тургеневу, 29 дек. 1835 г. *Ост. Арх.*, III. 282.

По словам Арк. Ос. Россет, Пушкин, играя в банк, заложит, бывало, руки в карманы и припевает солдатскую песню с заменою слова *солдат*.

Пушкин бедный человек,
Ему негде взять,
Из-за эвтава безделья
Не домой ему идтить.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1899, II, 356.

(1834—1836). В числе гулявшей по Невскому публики почасту можно было приметить и А. С. Пушкина, но он, останавливая и привлекая на себя взоры всех и каждого, не поражал своим костюмом, напротив, шляпа его далеко не отличалась новизною, а длинная бекешь его тоже старенькая. Я не погрешу перед потомством, если скажу, что на его бекеши сзади на талии недоставало одной пуговки. Отсутствие этой пуговки меня каждый раз смущало, когда я встречал А. С-ча и видел это. Ясно, что около него не было ухода. Прогуливался он то с графом Нессельроде, бывшим министром иностр. дел, то с Воронцовым-Дашковым, которого, по улыбающейся фигуре, белому жилету и галстуху, называли вечным именинником. Тут же почасту гулял и отец Пушкина, Сергей Львович. Красноватое его лицо и, кажись, рябоватое, было далеко не привлекательно, но то замечательно, что я никогда не встречал его вместе с сыном.

Н. М. КОЛМАКОВ. Очерки и воспоминания. *Рус. Стар.*, 1891, т. 70, стр. 665.

Пушкин был характера весьма серьезного и склонен, как Байрон, к мрачной душевной грусти, чтоб умерять, уравновешивать эту грусть, он чувствовал потребность смеха; ему не надобно было причины, нужна была только придирка к смеху! В ярком смехе его почти всегда мне слышалось нечто насильственное, и будто бы ему самому при этом невесело на душе. Неожиданное, небывалое, фантастически-уродливое, не в натуре, а в рассказе, всего скорее возбуждало в нем этот смех; и когда кто-либо другой не удовлетворял его потребности в этом отношении, так он сам, при удивительной и, можно сказать, ненарушимой стройности своей умственной организации, принимался слагать в уме странные стихи, — умышленную, но гениальную бессмыслицу! Сколько мне известно, он подобных стихов никогда не доверял бумаге. Но чтоб самому их не сочинять, он всегда желал иметь около себя человека милого, умного, с решительною наклонностью к фантастическому: — «скажешь ему: пожалуйста, соври что-нибудь! И он тотчас соврет, чего никак не придумаешь, не вообразишь!»

Бар. Е. Ф. РОЗЕН. Ссылка на мертвых. *Сын Отечества.* 1847, кн. 6, отд. III, стр. 27.

Брюлов говорил про Пушкина: «какой Пушкин счастливец! Так смеется, что словно кишки видны!»

АРК. ОС. РОССЕТ. *Рус. Арх.*, 1882, I, 246.

Когда Пушкин хохотал, звук его голоса производил столь же чарующее действие, как и его стихи.

А. С. ХОМЯКОВ по записи Бартенева. *Рус. Арх.*, 1899, II, 146.

Лев Серг. Пушкин... засмеялся вдруг своим быстрым, гортанным смехом, чрезвычайно сходным, — как говорил он сам, — со смехом его брата.

Б. М. МАРКЕВИЧ. *Л. Майков*, 28.

Пушкин был небольшого роста, сухощав, с курчавыми, весьма темнорусыми, почти черными волосами, с глазами темно-голубыми. В облике лица сохранились еще черты африканского происхождения, но в легком уже напоминании. Даже во множестве нельзя было не заметить Пушкина:

по уму в глазах, по выражению лица, высказывающему какую-то решимость характера, но едва ли унимаемой природной живости, какого-то внутреннего беспокойства, по проявлению с трудом сдерживаемых страстей. Таким, по крайней мере, казался мне Пушкин в последние годы своей жизни. К этому можно еще сказать, что также нельзя было не заметить невнимание Пушкина к своему платью и его покрою на больших балах. В обществе, сколько мне случалось его видеть, я всегда находил его весьма молчаливым, избегающим всякого высказывания (430).

Неоднократно я слышал, как Пушкин, со свойственною ему откровенностью, говорил, что не читал многих из называемых ему даже весьма известных сочинений по части древних и новых философий, политики и истории. Зато, при большой памяти, познания Пушкина собственно в произведениях словесности европейской и отечественной были обширны (431).

Я помню, как однажды Пушкин говорил мне, что он терпеть не может, когда просят у него не на водку, а на чай. Причем не мог скрыть своего легкого неудовольствия, когда я сказал, что распространяющийся в наших сословиях народа обычай пить чай благодетелен для нравственности, и что этому нельзя не радоваться. — «Но пить чай, — возразил Пушкин с живостью, — не русский обычай» (433).

Н. И. ТАРАСЕНКО-ОТРЕШКОВ. Воспоминания. *Рус. Стар.* 1906, т. 133.

А. С. Пушкин среднего роста, худощавый, имел в младенчестве белокурые, курчавые волосы, сделавшиеся потом темно-русыми; глаза светло-голубые; улыбку насмешливую и вместе приятную; носил на умном лице отпечаток африканского своего происхождения, которому соответствовали живость и пылкость характера, раздражительного, но доброго, услужливого, чувствительного. Он, в особенности, отличался большими своими бакенбардами и длинными ногтями, которыми щеголял. Любезность, острый ум, необыкновенная память и заманчивый веселый рассказ делали его украшением, душою общества.

(Д. Н.) БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ. *Словарь достопамятных людей русской земли.* Спб. 1847, часть II, прибавл., стр. 104.

Нрав у Пушкина был страстный, порывистый, вспыльчивый. Он любил игру и искал сильных ощущений, особенно в молодости, ибо годы

начали смягчать в нем пыл страстей; он был рассеян, беседа его полна очарования для слушателей. Нелегко было заставить Пушкина говорить, но раз, вступив в беседу, он выражался необычайно изящно и ясно, нередко прибегая к французской речи, когда хотел придать фразе более убедительности. Ум у него был злой и насмешливый, тем не менее все знавшие его считают его образцовым другом.

Заметка о Пушкине, приложенная к депешам вюртембергского посла кн. Х. Г. ГОГЕНЛОЭ КИРХБЕРГА о смерти Пушкина. *Щеголев*, 371.

Пушкин был малого роста, в отца. Вообще в движениях, в приемах его было много отцовского. Но африканский отпечаток матери видимым образом отразился на нем. Другого сходства с нею он не имел.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. Соч., VIII, 238.

Пушкин был невысокого роста и наружности непривлекательной. Курчавые волосы, впрочем, более каштанового цвета, чем совершенно черного, широкий нос и живые мышиные глаза напоминали о его арапском происхождении. Движения его были быстры и страстны. Говорил также живо и отрывисто. Был остроумен, блестящ, без особенной глубины; склад ума его был более французский, чем немецкий... Из страстей Пушкина первая — его чувственная и ревнивая любовь. Самый брак не спас его от страсти к чувственным наслаждениям и от ревности, хотя в первой он не имел никакого извинения, а для последней — основания. Другою его страстью была игра, впрочем, это больше в ранние годы его жизни. Тысячи острот его, а еще больше глупых сплетней о нем ходит в народе; ибо все, что только касалось Пушкина, быстро разносилось от одного к другому.

КЕНИГ со слов Н. А. Мельгунова. *Кениг. Очерки русской литературы (1837). Пер. с немец.* СПБ., 1862, стр. 113—114.

Отличительною чертою Пушкина была память сердца; он любил старых знакомых и был благодарен за оказанную ему дружбу — особенно тем, которые любили в нем его личность, а не его знаменитость; он ценил добрые советы, данные ему во-время, не в перекор первым порывам горячности, проведенные рассудительно и основанные не на общих ме-

стах, а сообразно с светскими мнениями о том, что есть честь, и о том, что называется честью.

С. А. СОБОЛЕВСКИЙ. Из воспоминаний о Пушкине. *Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Изд.* «Атеней», Спб., 1924, стр. 123.

Портрет Мазера относится к последним годам жизни Пушкина... Интересна подробность на этом портрете, которая не встречается в других портретах Пушкина: на нем совершенно ясно видно, что Пушкин, независимо от бак, с которыми он представлен на других портретах, носил еще соединяющую баки ниже подбородка, выше адамова яблока, узкую полосу волос, в том роде, как носил бороду Мицкевич.

СИГИЗМУНД ЛИБРОВИЧ. *Пушкин в портретах.* Спб., 1890, стр. 60.

Пушкин тщательно берег свои рукописи не только неизданные, но и черновые, в которых были места нецензурные, либо искаженные цензурою, либо первоначальные наброски.

И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх., 1903, № 6,* обложка.

Ошибка, будто А. Пушкин после учился по-польски. Он не учился этому языку, а мог понимать столько, сколько все русские понимают другие славянские наречия. Справедливее бы прибавить, что он выучился в зрелом возрасте по-испански.

С. Л. ПУШКИН (отец поэта). Замечания. *Отеч. Записки,* 1841, т. XV, особ. прилож., 2.

Однажды у Плетнева зашла речь о Кукольнике. Пушкин, по обыкновению, грызя ногти или яблоко — не помню, сказал: — А что, ведь у Кукольника есть хорошие стихи? Говорят, что у него есть и мысли. — Это было сказано тоном двойного аристократа: аристократа природы и положения в свете. Пушкин иногда впадает в этот тон и тогда становится крайне неприятным.

А. НИКИТЕНКО. *Дневник,* 10 января 1836 г. I, 270.

17 января 1836 г. Пушкин написал род пасквиля на министра народного просвещения, на которого он очень сердит за то, что тот под-

вергнул его сочинения общей цензуре. Прежде его сочинения рассматривались в собственной канцелярии государя, который и сам иногда читал их. Пасквиль Пушкина называется: «Выздоровление Лукулла»: он напечатан в «Московском Наблюдателе». Он как-то хвалился, что непременно посадит на гауптвахту кого-нибудь из здешних цензоров. Этой цели он теперь, кажется, достигнет в Москве, ибо пьеса наделала много шуму в городе. Все узнают в ней, как нельзя лучше, Уварова.

А. В. НИКИТЕНКО, I, стр. 270.

20 января 1836 г. Весь город занят «Выздоровлением Лукулла». Враги Уварова читают пьесу с восхищением, но большинство образованной публики недовольно своим поэтом. В самом деле, Пушкин этим стихотворением не много выиграл в общественном мнении, которым, при всей своей гордости, однако очень дорожит. Государь, через Бенкендорфа, приказал сделать ему строгий выговор. Но дня за три до этого Пушкину уже было разрешено издавать журнал, в роде «Эдинбургского трехмесячного обозрения», он будет называться «Современником». Цензором нового журнала попечитель назначил Крылова, самого трусливого, а, следовательно, и самого строгого из нашей братии. Хотел меня назначить, но я убедительно просил уволить меня от этого: с Пушкиным слишком тяжело иметь дело.

А. В. НИКИТЕНКО, I, стр. 271.

А. Пушкин решился издавать свой журнал, в коем он и прочие литераторы, одинаково с ним судившие о литературе, могли бы печатать свои труды. Он вовсе не полагал больших надежд на успех этого издания, он был слишком беспечен, слишком поэт в душе и в действиях своих для замышления подобной спекуляции.

С. Л. ПУШКИН (отец поэта). *Отеч. Записки*, 1841, т. XV, особ. прилож., 3.

Пушкин хотел сделать из «Современника» четвертное обозрение в роде английских, в котором могли бы помещаться статьи более обдуманные и полные, чем какие могут быть в еженедельниках и ежемесячниках, где сотрудники, обязанные торопиться, не имеют даже времени пересмотреть то, что написали сами. Впрочем, сильного желания издавать этот журнал в нем не было, и он сам не ожидал от него большой пользы.

Получивши разрешение на издание его, он уже хотел было отказаться. Грех лежит на моей душе: я умолил его. Я обещался быть верным сотрудником. В статьях моих он находил много того, что может сообщить журнальную живость изданию, какой он в себе не признавал... Моя настойчивая речь и обещанье действовать его убедили.

Н. В. ГОГОЛЬ — П. А. Плетневу. *Письма Гоголя, изд. Маркса,* III, 268.

Когда в разговоре о стихотворении «На выздоровление Лукулла» Бенкендорф хотел добиться от Пушкина, на кого оно написано, то он отвечал: «на вас», и, видя недоумение усмехнувшегося графа, прибавил: «вы не верите? Отчего же другой уверен, что это на него?»

Я. К. ГРОТ, 290. Подробнее этот разговор Пушкина с Бенкендорфом передает со слов П. В. Нащокина Н. И. Куликов (*Русс. Стар.,* 1881, авг. 616—618). Ср. еще К. И. Фишер. Записки сенатора. *Ист. Вест.,* 1908, № 1, стр. 49.

Павел *(бар. П. А. Вревский)* мне пишет, что на балах дворянства жена Пушкина замечательнейшая из замечательных среди столичных красавиц.

Бар. Е. Н. ВРЕВСКАЯ — А. Н. Вульфу, 25 янв. 1836. *П-н и его совр-ки,* XIX—XX, 107 *(фр.).*

Накануне моего отъезда *(в Тверь)* я был на вечере вместе с Натальей Николаевной Пушкиной, которая шутила над моею романическою страстью и ее предметом. Я ей хотел заметить, что она уже не девочка, и спросил, давно-ли она замужем. Затем разговор коснулся Ленского, очень милого поляка, танцовавшего тогда превосходно мазурку на петербургских балах. Все это было до крайности невинно и без всякой задней мысли. Но присутствующие дамы соорудили из этого разговора целую сплетню: что я будто оттого говорил про Ленского, что он будто нравится Наталье Николаевне (чего никогда не было), и что она забывает о том, что она еще недавно замужем[1]. Наталья Николаевна,

[1] Черновик письма гр. В. А. Сологуба к Пушкину: «Я говорил вашей супруге о г. Ленском, потому что я с ним только что обедал у гр. Нессельроде... *Зачеркнуто:* не получив от вашей супруги никакого ответа и видя, что она вместе с княгиней Вяземской смеется надо мной... Если я предлагал вашей суп-

должно быть, сама рассказала Пушкину про такое странное истолкование моих слов, так как она вообще ничего от мужа не скрывала, хотя и знала его пламенную, необузданную натуру. Пушкин написал тотчас ко мне письмо, никогда ко мне не дошедшее, и, как мне было передано, начал говорить, что я уклоняюсь от дуэли... В Ржеве я получил от Андрея Карамзина письмо, в котором он меня спрашивал, зачем же я не отвечаю на вызов А. С. Пушкина: Карамзин поручился ему за меня, как за своего дерптского товарища, что я от поединка не откажусь. Для меня это было совершенной загадкой. Пушкина я знал очень мало, встречался с ним у Карамзиных, смотрел на него, как на полубога. И вдруг, ни с того, ни с сего, он вызывает меня стреляться, тогда как перед отъездом я с ним не виделся вовсе... Я переехал в Тверь. С Карамзиным я списался и узнал, наконец, в чем дело. Получив объяснение, я написал Пушкину, что я совершенно готов к его услугам, когда ему будет угодно, хотя не чувствую за собой никакой вины по таким-то и таким-то причинам. Пушкин остался моим письмом доволен и сказал С. А. Соболевскому: «немножко длинно, молодо, а впрочем, хорошо».

Гр. В. А. СОЛОГУБ. Из воспоминаний. *Рус. Арх.*, 1865, стр. 749.

В ту пору через Тверь проехал Валуев и говорил мне, что около Пушкиной увивается сильно Дантес. Мы смеялись тому, что когда Пушкин будет стреляться со мной, жена будет кокетничать с своей стороны. От Пушкина привез мне ответ Хлюстин.

Гр. В. А. СОЛОГУБ. Записка. *Б. Модзалевский. «Пушкин»*, 375.

Пушкин написал мне по-французски письмо следующего содержания: «М. г. Вы приняли на себя напрасный труд, сообщив мне объяснения, которых я не спрашивал. Вы позволили себе невежливость относительно жены моей. Имя, вами носимое, и общество, вами посещаемое,

---

руге другие нескромные, может быть, вопросы, то это было, может быть, по причинам личным, в которых я не считаю себя обязанным отдавать отчет». *(Отчет Импер. Росс. Историч. Музея за 1913 г. М. 1914. Стр. 110).* Ср. Записку гр. Сологуба, бывшую в распоряжении П. В. Анненкова:

«Бывши с Н. Н. Пушкиной у Карамзиных, имел я причину быть недовольным разными ее колкостями, почему я и спросил у нее: «давно ли вы замужем?» Тут была Вяземская, впоследствии вышедшая за Валуева, и сестра ее, которые из этого вопроса сделали ужасную дерзость». *(Б. Модзалевский. «Пушкин», 374).*

вынуждает меня требовать от вас сатисфакции за непристойность вашего поведения. Извините меня, если я не мог приехать в Тверь прежде конца настоящего месяца» и пр. Делать было нечего, я стал готовиться к поединку, купил пистолеты, выбрал секунданта, привел бумаги в порядок и начал дожидаться и прождал так напрасно три месяца. Я твердо, впрочем, решился не стрелять в Пушкина, но выдерживать его огонь, сколько ему будет угодно. Пушкин все не приезжал, но расспрашивал про дорогу.

Гр. В. А. СОЛОГУБ. Из воспоминаний. *Русс. Арх.*, 1865, стр. 750.

(28 янв. 1836 г.)[1]. Пушкин за обедом сидел против меня. Он был нехорош собой: смугловат, неправильные черты лица, но нельзя было представить себе физиономии более выразительной, более оживленной, более говорящей, и слышать более приятного, более гармонического голоса, как будто нарочно созданного для его стихов... Много толковали о мнимом открытии обитаемости луны. Пушкин доказывал нелепость этой выдумки, считал ее за дерзкий пуф, каким она впоследствии и оказалась, и подшучивал над легковерием тех, которые падки принимать за наличную монету всякую отважную выдумку. Так как я не спускала глаз с Пушкина, то ни одно движение его не ускользнуло от моей наблюдательности. Я заметила, между прочим, что он мало ел за обедом, беспрестанно щипал и клал в рот виноград, который в вазе стоял перед ним... Пушкин сказал, что в Кукольнике *жар не поэзии, а лихорадки.*

(Е. А. ДРАШУСОВА). «Жизнь прожить не поле перейти». Записки неизвестной. *Русс. Вестн.*, 1881, т. 155, стр. 151—152.

Я очень недовольна, что ты писал Александру; это привело только к тому, что разволновало его желчь; я никогда не видела его в таком отвратительном расположении духа: он кричал до хрипоты, что лучше отдаст все, что у него есть (в том числе, может быть, и свою жену?), чем опять иметь дело с Болдином, с управляющим, с ломбардом и т. д., и т. д. Он не прочел твоего письма, распечатав, он возвратил мне его, не бросив на него взгляда. Гнев его, в конце концов, показался мне

[1] В подлиннике очевидная описка или опечатка — 1837 г. Из рассказа Драшусовой видно, что в то время Пушкин собирался издавать свой «Современник», что было в начале 1836 г. — 28 янв. 1837 г. Пушкин уже умирал от раны, полученной на дуэли.

довольно комичным, — до того, что мне хотелось смеяться: у него был вид, как будто он передразнивал отца... Как тебе угодно, я больше не буду говорить с Александром; если ты ему будешь писать по его адресу, он будет бросать твои письма в огонь не распечатывая, поверь мне. Ему-же не до того теперь: он издает на-днях журнал, который ему приносить будет, не меньше, он надеется, 60.000! Хорошо и завидно.

О. С. ПАВЛИЩЕВА — мужу, 31 января 1836 г. *П-н и его совр-ки*, XXIII—XXIV, 210—211 *(фр.-русс.)*.

1 февраля 1836 г. взято Пушкиным у Шишкина 1.200 р. под залог шалей, жемчуга и серебра.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. Архив опеки над имуществом Пушкина. *П-н и его совр-ки*, XIII, 98.

На балу у княгини Бутеро. На лестнице рядами стояли лакеи в богатых ливреях. Редчайшие цветы наполняли воздух нежным благоуханием. Роскошь необыкновенная! Поднявшись наверх, мы очутились в великолепном саду, — перед нами анфилада салонов, утопающих в цветах и зелени. В обширных аппартаментах раздавались упоительные звуки музыки невидимого оркестра. Совершенно волшебный очарованный замок. Большая зала с ее беломраморными степами, украшенными золотом, представлялась храмом огня, — она пылала.

Оставались мы в ней не долго; в этих многолюдных, блестящих собраниях задыхаешься... В толпе я заметил д'Антеса, но он меня не видел. Возможно, впрочем, что просто ему было не до того. Мне показалось, что глаза его выражали тревогу, — он искал кого-то взглядом и, внезапно устремившись к одной из дверей, исчез в соседней зале. Через минуту он появился вновь, но уже под руку с г-жею Пушкиной. До моего слуха долетело:

— Уехать — думаете-ли вы об этом — я этому не верю — вы этого не намеревались сделать...

Выражение, с которым произнесены эти слова, не оставляло сомнения насчет правильности наблюдений, сделанных мною ранее, — они безумно влюблены друг в друга! Пробыв на балу не более получаса, мы направились к выходу: барон танцовал мазурку с г-жею Пушкиной. Как счастливы они казались в эту минуту!

Н. К. МЕРДЕР. Листки из дневника. 5 февраля 1836 г. Среда. *Русс. Стар.*, 1900, т. 103, стр. 383 *(фр.)*.

Князь! с сожалением вижу себя вынужденным докучать вашему превосходительству; но, как дворянин и отец семейства, я обязан оберегать свою честь и имя, которое должен оставить моим детям. Я не имею чести лично быть с вами знакомым. Не только никогда я вас не оскорблял, но, по причинам мне известным, я питал к вам до сего времени истинное чувство уважения и благодарности. Тем не менее некий г-н Боголюбов публично повторял оскорбительные для меня слова, якобы исходящие от вас. Я прошу ваше превосходительство не отказать осведомить меня, что мне об этом думать [1]. Больше, чем кто-нибудь, я знаю расстояние, отделяющее меня от вас; но вы, который не только вельможа, но еще и представитель нашего древнего и истинного дворянства, к которому принадлежу и я, — вы, надеюсь, без труда поймете повелительную необходимость, которая вынуждает меня к этому шагу.

ПУШКИН — кн. Н. Г. Репнину, 5 февр. *1836 г. (фр.).*

Милостивый государь Александр Сергеевич! Г-на Боголюбова я единственно вижу у С. С. Уварова и с ним никаких сношений не имею и никогда ничего на ваш счет в присутствии его не говорил, а тем паче прочтя послание Лукуллу, вам же искренно скажу, что гениальный талант ваш принесет пользу отечеству и вам славу, восневая веру и верность русскую, а не оскорблением частных людей. Простите мне сию правду русскую, она послужит вернейшим доказательством тех чувств отличного почтения, с коим имею честь быть вашим покорнейшим слугой.

Кн. Н. Г. РЕПНИН — Пушкину, 10 февр. 1836 г. *Переписка Пушкина*, III, 277.

Милостивый государь, князь Николай Григорьевич! Приношу вашему сиятельству искреннюю, глубочайшую мою благодарность за письмо, коим изволили меня удостоить. Не могу не сознаться, что мнение вашего сиятельства касательно сочинений, оскорбительных для чести частного лица, совершенно справедливо. Трудно их извинить, даже когда они написаны

[1] *В черновиках:* ничтожный человек по имени Боголюбов недавно повторял в кофейнях замечания, позорящие меня... Я прошу, князь, взять обратно замечания Боголюбова, или я знаю, как мне поступить... *(М. Цявловский. Письма Пушкина и к Пушкину.* М. 1925, стр. 194).

в минуту огорчения и слепой досады; как забава суетного или развращенного ума, они были бы непростительны.

ПУШКИН — кн. Н. Г. Репнину, 11 янв. 1836 г.

Наряды и выезды поглощали все время *(Натальи Николаевны и ее старшей сестры Екатерины Николаевны)*. Хозяйством и детьми должна была заниматься вторая сестра, Александра Николаевна. Пушкин подружился с нею...

П. И. Бартенев со слов кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ. *Русс. Арх.*, 1888, II, 309.

Я слышала, что, далеко не красавица, Екатерина Николаевна представляла собою довольно оригинальный тип — скорее южанки, с черными волосами.

А. П. АРАПОВА. *Нов. Время*, 1907, № 11413, илл. прилож., стр. 6.

Екатерина Гончарова была высока ростом и стройна. Ее черные, слегка близорукие глаза оживляли лицо с изящным овалом, с матовым цветом кожи. Ее улыбка раскрывала восхитительные зубы. Стройная походка, покатые плечи, красивые руки делали ее очаровательной женщиной.

ЛУИ МЕТМАН. Ж. Ш. Дантес. Биографический очерк. *Щеголев.* 336.

Александра Николаевна высоким ростом и безукоризненным сложением более подходила к Наталье Николаевне, но черты лица, хотя и напоминавшие правильность гончаровского склада, являлись как бы его карикатурою. Матовая бледность кожи Натальи Николаевны переходила у нее в некоторую желтизну, чуть приметная неправильность глаз, придающая особую прелесть вдумчивому взору младшей сестры, перерождалась у ней в несомненно косой взгляд, — одним словом, люди, видевшие обеих сестер рядом, находили, что именно это предательское сходство служило в явный ущерб Александре Николаевне... Александра Николаевна, прожившая под кровом сестры большую часть своей жизни, положительно мучила ее своим тяжелым, строптивым характером и внесла немало огорчений и разлада в семейный обиход... Александра Николаевна принадлежала к многочисленной плеяде восторженных поклонниц поэта;

совместная жизнь, увядшая молодость, не пригретая любовью, незаметно для нее самой могли переродить родственное сближение в более пылкое чувство.

А. П. АРАПОВА. *Новое Время,* 1907, № 11413, иллюстр. прилож., стр. 6.

Воротившись в Петербург, Пушкин уверял, что он очень скучал в деревне и поэтому воротился раньше. Ольга *(сестра Пушкина),* утверждает, что он очень сильно ухаживает за своею свояченицею Александрой, и что его жена стала большою кокеткою.

АННА НИК. ВУЛЬФ — бар. Е. Н. Вревской, 12 февр. 1836 г., из Петербурга. *П—н и его современники,* XXI—XXII, 331.

Александра Гончарова. Холодна, благоразумна (?). Кажется, что в последние годы Пушкин влюбился в нее.

Кн. Е. А. ДОЛГОРУКАЯ (?). *Рассказы о Пушкине,* 60.

Натали выезжает в свет больше, чем когда-либо, а муж ее с каждым днем становится все эгоистичнее и все скучнее.

АННА НИК. ВУЛЬФ — сестре бар. Евпр. Ник. Вревской, 9 марта 1836 г. из Петербурга. *П—н и его совр-ки,* XXI—XXII, 330.

В обхождении Пушкина была какая-то удивительная простота, выпрямлявшая человека и с первого раза установлявшая самые благородные отношения между собеседниками. Поэт Кольцов, введенный в общество петербургских литераторов, был поражен дружелюбною откровенностью приема, сделанного ему Пушкиным. С робостью явился он к знаменитому поэту и не встретил ни тени величавого благоволения, ни тени покровительственного тона. Пушкин крепко сжал руку Кольцова в своей руке и заговорил с ним, как с давним знакомым, как с равным себе.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы,* 157.

Матери очень плохо, может быть, жить ей всего несколько дней. Отчаяние отца мучит меня свыше всякой меры: он не может сдержаться,

рыдает около нее, — это пугает ее и мучит. Я ему попробовала это сказать, — он накричал на меня, он забыл, что ведь я — я теряла мать. Право, не знаю, что делать: Александр *(Пушкин)* является только изредка, так же, как и другие; я совсем одна с нею. Счастье, что Александр не уехал, как собирался: плохие дороги его напугали.

О. С. ПАВЛИЩЕВА — мужу, 11 марта 1836 г. *П—н и его совр-ки,* XXIII—XXIV, 220—221 *(фр.).*

13 марта 1836 г. взято Пушкиным у Шишкина 650 руб. под залог шалей, жемчуга и серебра.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. Архив опеки над имуществом Пушкина. *П—н и его совр-ки,* XIII, 98.

«Современник» подготовляется и явится в свет в первых днях апреля. Теперь бедный Пушкин печально озабочен тяжкою и едва ли не смертельною болезнью матушки своей.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—И. И. Дмитриеву, 15 марта 1836 г. *Русс. Арх.,* 1868, стр. 646.

Потом я его еще раз встретила с женою у родителей, незадолго до смерти матери и когда она уже не вставала с постели, которая стояла посреди команты, головами к окнам; они сидели рядом на маленьком диване у стены, и Надежда Осиповна смотрела на них ласково, с любовью, а Александр Сергеевич держал в руке конец боа своей жены и тихонько гладил его, как-будто тем выражая ласку к жене и ласку к матери. Он при этом ничего не говорил. Наталья Николаевна была в папильотках: это было перед балом.

А. П. КЕРН. *П—н и его совр-ки,* V, 151.

Так как просьбы, с которыми мы к вам обращались много раз, всегда оставались без результата, мы принуждены повторить попытку, которая не может быть более докучною для вас, чем неприятною для нас. Из прилагаемого счета следует, что вы должны нам 1 100 р. еще за поставки 1834 года. И приблизительно такую же сумму за поставки 1835 г... По настоящий день вы должны нам 2172 р. 90 к., каковую сумму просим вас, если возможно, уплатить.

Ф. БЕЛЛИЗАР (владелец французского книжного магазина в Петербурге) — Пушкину, 24 марта 1836 г. *П—н и его совр-ки,* III, 116 *(фр.).*

(А. Жобар, профессор казанского университета, обиженный министром Уваровым, перевел на французский язык стихотворение Пушкина «На выздоровление Лукулла» и прислал свой перевод Пушкину). — Я жалею, что напечатал пьесу, которую я написал в минуту дурного расположения духа. Ее опубликование вызвало неудовольствие лица *(царя)*, мнение которого мне дорого и которому я не могу оказывать неуважение, если не хочу быть неблагодарным или сумасшедшим. Будьте добры, пожертвуйте удовольствием опубликовать ваш перевод — мысли обязать вашего сотоварища. Не оживляйте с помощью вашего таланта произведения, которое без этого падет в забвение, которого заслуживает.

ПУШКИН — А. Жобару, 24 марта 1836 г.

Живо помню восторг Пушкина в то время, как прочитал он стихотворение Языкова к Давыдову, напечатанное в журнале. В первый раз увидел я тогда слезы на лице Пушкина. (Пушкин никогда не плакал; он сам о себе сказал в послании к Овидию: «суровый славянин, я слез не проливал, не понимаю их»).

Н. В. ГОГОЛЬ. Выбран. места из перен. с друзьями. *Соч. Гоголя, изд. 15, Маркса,* VII, 185.

Пушкин, когда прочитал следующие стихи из оды Державина к Храповицкому:

За слова меня пусть гложет,
За дела сатирик чтит, —

сказал так: «Державин не совсем прав: слова поэта суть уже его дела».

Н. В. ГОГОЛЬ. Выбр. места из переписки с друзьями. IV. О том, что такое слово.

(Яким, бывший камердинер и повар Гоголя). — Бывало, снег, дождь и слякоть, а они *(Пушкин)* в своей шинельке бегут сюда в Мещанскую. По целым ночам у барина просиживали, слушая, как наш-то читал им свои сочинения, либо читая ему свои стихи.

По словам Якима, Пушкин, заходя к Гоголю и не заставая его, с досадою рылся в его бумагах, желая знать, что он написал нового. Он

все твердил ему: «пишите, пишите!», а от его повестей хохотал и уходил от Гоголя всегда веселый в духе.

Г. П. ДАНИЛЕВСКИЙ. Знакомство с Гоголем. *Сочинения.* Изд. 7. 1892, т. V, 302.

Пушкин признавал высокую образованность первым, существенным качеством всякого истинного писателя в России. Я сам слышал от Гоголя о том, как рассердился на него Пушкин за легкомысленный приговор Мольеру: «Пушкин, — говорил Гоголь, — дал мне порядочный выговор и крепко побранил за Мольера. Я сказал, что интрига у него почти одинакова и пружины схожи между собой. Тут он меня поймал и объяснил, что писатель, как Мольер, надобности не имеет в пружинах и интригах, что в великих писателях нечего смотреть на форму, и что куда бы он ни положил добро свое, — бери его, а не ломайся».

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы,* 361.

По словам Нащокина, Гоголь никогда не был близким человеком к Пушкину. Пушкин, радостно и приветливо встречавший всякое молодое дарование, принимал к себе Гоголя, оказывал ему покровительство, заботился о внимании к нему публики, хлопотал лично о постановке на сцену «Ревизора», одним словом, выводил Гоголя в люди. — Нащокин, уважая талант Гоголя, не уважает его, как человека, противопоставляя его искание эффектов, самомнение — простодушию и доброте безыскусственности Пушкина.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о Пушкине,* 44.

* Пушкин, нарезавши из бумаги ярлыков, писал на каждом по заглавию, о чем когда-либо потом ему хотелось припомнить. На одном писал «Русская изба», на другом: «Державин», на третьем имя тоже какого-нибудь замечательного предмета и т. д. Все эти ярлыки накладывал он целою кучею в вазу, которая стояла на его рабочем столе, и потом, когда случалось ему свободное время, он вынимал наудачу первый билет; при имени, на нем написанном, он вспоминал вдруг все, что у него соединялось в памяти с этим именем, и записывал о нем тут же, на том же билете, все, что знал. Из этого составились те статьи, которые печатались

потом в посмертном издании и которые так интересны именно тем, что всякая мысль его там осталась живьем, как вышла из головы.

Н. В. ГОГОЛЬ — С. Т. Аксакову, 21 дек. 1844 г. *Письма под ред. Шенрока*, т. II, стр. 562.

Пушкин всегда ездил на пожары и любил смотреть, как кошки ходят по раскаленной крыше. Пушкин говорил, что ничего нет смешнее этого вида.

Пушкин был необыкновенно умен. Если он чего и не знал, то у него чутье было на все. И силы телесные были таковы, что их достало бы у него на девяносто лет жизни.

Я уверен, что Пушкин бы совсем стал другой. И как переменился. Он хотел оставить Петербург и переехать в деревню; жена и родные уговорили остаться.

Н. В. ГОГОЛЬ по записи неизвестной. Дневник. *Рус. Арх.*, 1902, I, 551, 554.

Кажется, за год до кончины своей Пушкин говорил одному из друзей своих: «Меня упрекают в изменчивости мнений. Может быть: ведь одни глупцы не переменяются».

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 152.

Матушка моей жены *(Н. О. Пушкина)* скончалась в первый день светлого воскресения, в самую заутреню... *(29 марта)*.

Н. П. ПАВЛИЩЕВ — своей матери Л. М. Павлищевой, 9 апреля 1836 г. *Л. Павлищев*. 416.

У Пушкина умерла мать его, он все это время был в печальных заботах, а сегодня отправился в псковскую деревню, где будет погребена его мать.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. И. Тургеневу, 8 апр. 1836 г. *Сборник Бартенева «Пушкин»*, II, 63.

Пушкин чрезвычайно был привязан к своей матери, которая, однако, предпочитала ему второго своего сына *(Льва)*, и притом до такой степени, что каждый успех старшего делал ее к нему равнодушнее и вызы-

вал с ее стороны сожаление, что успех этот не достался ее любимцу. Но последний год ее жизни, когда она была больна несколько месяцев, Александр Сергеевич ухаживал за нею с такою нежностью и уделял ей от малого своего состояния с такою охотой, что она узнала свою несправедливость и просила у него прощения, сознаваясь, что она не умела его ценить. Он сам привез ее тело в Святогорский монастырь, где она похоронена. После похорон он был чрезвычайно расстроен и жаловался на судьбу, что она и тут его не пощадила, дав ему такое короткое время пользоваться нежностью материнскою, которой до того времени он не знал. Между тем, как он сам мне рассказывал, нашлись люди в Петербурге, которые уверяли, что он при отпевании тела матери неприлично весел был.

Бар. Е. Н. ВРЕВСКАЯ — в заметке, бывшей в распоряжении М. И. Семевского. *Русск. Вестник*, 1869, № 11, 89.

1 апреля 1836 г. — Пушкина жестоко жмет цензура. Он жаловался на Крылова и просил себе другого цензора, в подмогу первому. Ему назначили Гаевского. Пушкин раскаивается, но поздно. Гаевский до того напуган гауптвахтой, на которой просидел восемь дней, что теперь сомневается, можно ли пропускать в печать известия, вроде того, что такой-то король скончался.

А. В. НИКИТЕНКО, I, стр. 273.

Пишу к вам из той стороны, «где вольные живали вы», где ровно тому десять лет пировали мы втроем — вы, Вульф и я, где звучали наши стихи и бокалы с ёмкой [1], где теперь вспоминаем мы вас — и старину. Поклон вам от холмов Михайловского, от сеней Тригорского, от волн голубой Сороти, от Евпраксии Николаевны, некогда полувоздушной девы, ныне дебелой жены, в пятый раз уже брюхатой, и у которой я в гостях. Алексей Вульф здесь же, отставной студент и гусар, усатый агроном, тверской ловелас — попрежнему милый, но уже перешагнувший за тридцатый год. — Пребывание мое в Пскове не так шумно и весело ныне, как во время моего заточения, во дни, как царствовал Александр; но оно так живо мне напомнило вас, что я не мог не написать вам несколько слов.

ПУШКИН — Н. М. Языкову, 14 апреля 1836 г., из Голубова.

[1] Емкой называется то «слияние рома и вина», о котором говорит Пушкин в своем послании к Языкову. *(Ак. Изд. соч. П—на, IV, стр. 373).*

Милостивый государ Александр Сергеевич! Его сиятельство граф Александр Христофорович просит вас доставить к нему письмо, полученное вами от Кюхельбекера *(лицейский товарищ Пушкина, ссыльный декабрист)* и с тем вместе желает непременно знать, через кого вы его получили.

А. Н. МОРДВИНОВ — Пушкину, 27 апреля 1836 года. *Переп. Пушкина,* III, 304.

Спешу препроводить к вашему превосходительству полученное мною письмо. Мне вручено оное тому с неделю, по моему возвращению с прогулки, оно было просто отдано моим людям без всякого словесного препоручения неизвестно кем. Я полагал, что письмо доставлено мне с вашего ведома.

ПУШКИН — А. Н. Мордвинову, 28 апреля, 1836 года, Петербург.

Я не видела Александра Пушкина после его возвращения из Михайловского, потому что он сейчас же уехал в Москву. Как вы находите его журнал («Современник»)? Здесь он не пользуется большим успехом. А жена его уж на будущие барыши наняла дачу на Каменном острове еще вдвое дороже прошлогоднего.

АН. Н ВУЛЬФ — П. А. Осиповой, 6 мая 1836 г., из Петербурга. *П—н и его совр—ки,* XXI—XXII, 336.

Пушкин одно время, очень непродолжительное, был журналистом. Но журнальное дело не было его делом. Срочная работа была не по нем. Он принялся за журнал вовсе не из литературных видов, а из экономических. Ему нужны были деньги, и он думал, что найдет их в журнале. Он обчелся и в литературном, и в денежном отношении. Пушкин тогда не был уже повелителем и кумиром двадцатых годов. По мере созревания и усиливающейся мужественности таланта своего, он соразмерно утрачивал чары, коими опаивал молодые поколения и критику. Пушкин не только не заботился о своем журнале с родительской нежностью, он почти пренебрегал им. Однажды прочел он мне свое новое поэтическое произведение. — «Что же, — спросил я, — ты напечатаешь его в следующей книжке?» — «Да, как бы не так, — отвечал он, — я не такой дурак: подписчиков баловать нечего. Нет, я приберегу стихотворение для нового тома сочинений моих».

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. собр. соч.* II, 370.

4 мая, Москва, у Нащокина — против Старого Пимена, дом г-жи Ивановой. Путешествие мое было благополучно. 1-го мая переночевал я в Твери, а 2-го ночью приехал сюда. Я остановился у Нащокина. Жена его очень мила. Он счастлив и потолстел. Мы, разумеется, друг другу очень обрадовались и целый вчерашний день проболтали, бог знает о чем.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 4 мая 1836 г., из Москвы.

Мы с мужем квартировали тогда в Пименовском пер., в доме Ивановой. Пушкин во время своих приездов в Москву останавливался у нас. Для него была даже особая комната в верхнем этаже, рядом с кабинетом мужа. Она даже и называлась «Пушкинской». Муж мой имел обыкновение каждый вечер проводить в английском клубе. На этот раз он сделал то же. Так как помещение клуба было недалеко от нашей квартиры, то Павел Войнович, уходя, спросил нас, что нам прислать из клуба. Мы попросили варенца и моченых яблок. Это были любимые кушанья поэта. Через несколько минут клубовский лакей принес просимое нами. Мы остались с Пушкиным вдвоем, и тотчас же между нами завязалась одушевленная беседа. Можно было подумать, что мы — старые друзья, когда на самом деле мы виделись во второй раз в жизни. Впрочем, говорил больше Пушкин, а я только слушала. Он рассказывал о дружбе с Павлом Войновичем, об их молодых проказах, припоминал смешные эпизоды. Более привлекательного человека и более милого и интересного собеседника я никогда не встречала. В беседе с ним я не заметила, как пролетело время до 5 часов утра, когда мой муж вернулся из клуба.

— Ты соскучился, небось, с моей женой? — спросил Павел Войнович, входя.

— Уезжай, пожалуйста, каждый вечер в клуб! — ответил всегда любезный и находчивый поэт.

— Вижу, вижу. Ты уж ей насплетничал на меня!? — сказал Павел Войнович.

— Было немножко... — ответил Пушкин смеясь.

В. А. НАЩОКИНА. Воспоминания. *Новое Время*, 1898, № 8115.

После женитьбы Нащокин вел жизнь уже не на цыганский лад, игру вел только в английском клубе, где от графа Мусина-Пушкина, проиграв-

шего огромные суммы, на долю Нащокина достался порядочный куш. Тогда нанимается в приходе Старого Пимена прекрасный двухэтажный дом, мебель Гамбса, отличные обеды, вина и сигары первого сорта. Из прежних гостей остались только кн. Гагарин, артисты Московского театра, да приезжавшие из Петербурга или из-за границы иностранцы, которых он и угощал, и дарил. Вьетану, например, он подарил скрипку, с которою знаменитый артист объехал всю Европу; В. А. Каратыгину устраивал овации, обед в английском клубе... Деньги он бросал и на добрые дела, и на глупости. Чего стоил ему один «Домик!» Предположив себе людей в размер среднего роста детских кукол, он, по этому масштабу, заказывал первым мастерам все принадлежности к этому дому: генеральские ботфорты на колодках делал лучший петербургский сапожник Пель; рояль в 7½ октав — Вирт: Вера Александровна палочками играла на нем всевозможные пьесы, мебель, раздвижной обеденный стол работал — Гамбс; скатерти, салфетки, фарфоровую и хрустальную посуду, все, что потребно на 24 куверта, — все делалось на лучших фабриках. Несколько измененное общество постоянно посещало радушного хозяина с утра до полудня, так как он на все вечера и на известные обеденные дни уезжал в английский клуб. Ему были приятелями все замечательные люди того времени: Д. В. Давыдов, Толстой (американец). Он знал множество анекдотов, и исторических, и частных, умел рассказывать их и сообщал Пушкину о курьезных новостях Москвы. Пушкина забавляли его сообщения. — Но чем мог Нащокин привлекать к себе таких людей, как Пушкин, Гоголь, кн. Вяземский и др.? — Умом. Да, умом необыкновенным, переполненным врожденной, природной логикой и здравым смыслом; а рассудок, несмотря на его страсть к игре, во всех остальных перепетиях жизни, — рассудок царствовал в его умной голове и даже был полезен для других людей, обращавшихся к его совету или суду, при крайних столкновениях в жизни.

Н. И. КУЛИКОВ. Воспоминания. *Рус. Стар.*, 1880, дек., 993.

Весной 1836 г. Пушкин приехал в Москву, Нащокина не было дома. Дорогого гостя приняла жена его. Рассказывая ей о недавней потере своей, Пушкин, между прочим, сказал, что когда рыли могилу для его матери в Святогорском монастыре, он смотрел на работу могильщиков и, любуясь песчаным, сухим грунтом, вспомнил о Войныче (так он звал его иногда): «Если он умрет, непременно его надо похоронить тут; земля прекрасная, ни червей, ни сырости, ни глины, как покойно ему будет

здесь лежать». — Жена Нащокина очень опечалилась этим рассказом, так что сам Пушкин встревожился и всячески старался ее успокоить, подавая воды и пр.

Пушкин несколько раз приглашал Нащокина к себе в Михайловское и имел твердое намерение совсем его туда переманить и зажить с ним вместе и оседло.

Жженку называл Бенкендорфом, потому, что она, подобно ему, имеет полицейское, усмиряющее и приводящее все в порядок влияние на желудок.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о Пушкине*, 49.

Весной я поехал из Твери в деревню на два дня; вечером в Тверь приехал Пушкин. На всякий случай я оставил письмо, которое отвез ему мой секундант князь Козловский. Пушкин жалел, что не застал меня, извинялся и был очень любезен и разговорчив с Козловским. На другой день он уехал в Москву. На третий я вернулся в Тверь и с ужасом узнал, с кем я разъехался. Первой моей мыслью было, что он подумает, пожалуй, что я от него убежал. Тут мешкать было нечего. Я послал тотчас за почтовой тройкой и без оглядки поскакал прямо в Москву, куда приехал на рассвете и велел вести себя прямо к П. В. Нащокину, у которого останавливался Пушкин. В доме все еще спали. Я вошел в гостиную и приказал человеку разбудить Пушкина. Через несколько минут он вышел ко мне в халате, заспанный и начал чистить необыкновенно длинные ногти. Первые взаимные приветствия были очень холодны. Он спросил меня, кто мой секундант. Я отвечал, что секундант мой остался в Твери, что в Москву я только приехал и хочу просить быть моим секундантом известного генерала князя Ф. Гагарина [1]. Пушкин извинился, что заставил меня так долго дожидаться и объявил, что его секундант П. В. Нащокин. Затем разговор несколько оживился, и мы начали говорить об начатом им издании «Современника». «Первый том был очень хорош, сказал Пушкин. Второй я постараюсь выпустить поскучнее: публику баловать

[1] Он меня спрашивал: кто мой секундант? — «У меня нет, — говорил я.—А так как дуэль эта для вас важнее, чем для меня, потому что последствия у нас опаснее. чем самая драка, то я предлагаю вам выбрать и моего секунданта». Он не соглашался. Решили просить кн. Ф. Гагарина. Впрочем, разговор был дружелюбный. — «Неужели вы думаете, что мне весело стреляться? — говорил Пушкин. — Да что делать? j'ai le malheur d'être un homine publique et vous savez que c'est pire que d'être une femme publique» *(Гр. В. А. Сологуб. Записка. Б. Модзалевский, «Пушкин», 375).*

Пушкинъ - Гр. Хвостовъ

не надо». Тут он рассмеялся, и беседа между нами пошла почти дружеская, до появления Нащокина. Павел Войнович явился в свою очередь заспанный, с взъерошенными волосами и, глядя на мирный его лик, я невольно пришел к заключению, что никто из нас не ищет кровавой развязки, а что дело в том, как бы всем выпутаться из глупой истории, не уронив своего достоинства. Павел Войнович тотчас приступил к роли примирителя. Пушкин непременно хотел, чтоб я перед ним извинился. Обиженным он впрочем себя не считал, но ссылался на мое светское значение и как будто боялся компрометировать себя в обществе, если оставить без удовлетворения дело, получившее уже в небольшом кругу некоторую огласку. Я с своей стороны объявил, что извиняться перед ним ни под каким видом не стану, так как я не виноват решительно ни в чем; что слова мои были перетолкованы превратно и сказаны в таком-то смысле. Спор продолжался довольно долго. Наконец, мне было предложено написать несколько слов Наталье Николаевне. На это я согласился, написал прекудрявое французское письмо, которое Пушкин взял, и тотчас же протянул мне руку, после чего сделался чрезвычайно весел и дружелюбен. Это выказывает одну странную сторону его характера, а именно его пристрастие к светской молве, к светским отличиям, толкам и условиям. И тут, как и после, жена его была только невинным предлогом, а не причиной его взрывочного возмущения против судьбы. И, несмотря на то, он дорожил своим великосветским положением. Письмо же мое Пушкин, кажется, изорвал, так как оно никогда не дошло по своему адресу.

Граф В. А. СОЛОГУБ. Из воспоминаний. *Рус. Арх.*, 1865, стр. 752—753.

Пушкин просил, чтобы я написал его жене. Я написал следующее *(по-французски)*: «Милостивая государыня! Я, конечно, не ожидал, что буду иметь честь писать вам. Дело в несчастной фразе, которую я произнес в припадке дурного расположения духа. Вопрос, с которым я к вам обратился, обозначал, что шалости молодой девушки не соответствуют достоинству царицы общества. Я был в отчаянии, что этим словам было придано значение, недостойное порядочного человека». Пушкин говорил, что это слишком... *(пропуск в рукописи Анненкова)*. Письмо он желал, как доказательство в случае, что ему упрекать будут, что оскорбили его жену, и просил, чтоб в конце я просил у жены извинения. На это я долго не соглашался. Пушкин говорил: «Можно всегда просить извинения у женщины». Нащокин также уговаривал. Наконец, я приписал: «и про-

шу принять мои извинения», — чему теперь душевно радуюсь. Пушкин мне подал руку и был очень доволен.

Гр. В. А. СОЛОГУБ. Записка, бывшая в распоряжении Анненкова. *Б. Модзалевский, «Пушкин»*, 376.

П. В. Нащокин уладил ссору Пушкина с Сологубом, предотвратив дуэль.

В. А. НАЩОКИНА. *Нов. Вр.* 1898, № 8115.

Вот уже три дня, как я в Москве, и все еще ничего не сделал. Архива не видал, с книгопродавцами не сторговался, всех визитов не отдал, к Солнцевым *(семья тетки)* на поклонение не бывал. Что прикажешь делать? Нащокин встает поздно, я с ним забалтываюсь — глядь, обедать пора, а там ужинать, а там спать — и день прошел. Вчера был у Дмитриева, у Орлова, Толстого, сегодня собираюсь к остальным. Про тебя, душа моя, идут кой-какие толки, которые не вполне доходят до меня, потому что мужья всегда последние в городе узнают про жен своих; однакож видно, что ты кого-то *(царя)* довела до такого отчаяния своим кокетством и жестокостью, что он завел себе в утешение гарем из театральных воспитанниц. Нехорошо, мой ангел: скромность есть лучшее украшение вашего пола. Жду письма от тебя с нетерпением. Что твое брюхо, и что твои деньги? Я не раскаиваюсь в моем приезде в Москву, а тоска берет по Петербурге. На даче ли ты? Как ты с хозяином управилась? что дети? экое горе! Вижу, что непременно нужно иметь мне 80.000 доходу. И буду их иметь. Не даром же пустился в журнальную спекуляцию — а ведь это все равно, что золотарство: очищать русскую литературу есть чистить нужники и зависеть от полиции. Того и гляди, что... Чорт их побери! У меня кровь в желчь превращается.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 5 мая 1836 г., из Москвы.

Жизнь пребеспутная. Дома не сижу — в архиве не роюсь. Сегодня еду во второй раз к Малиновскому. На-днях обедал я у (М. Ф.) Орлова, у которого собрались Московские Наблюдатели. Орлов умный человек и очень добрый малый, но до него я как-то не охотник по старым нашим отношениям; Раевский (Ал.), который с прошлого раза казался мне приглупевшим, кажется, опять оживился и поумнел. Вчера ужинал у кн.

Фед. Гагарина и возвратился в 4 часа утра — в таком добром расположении, как бы с бала. Нащокин здесь одна моя отрада. Но он спит до полудня, а вечером едет в клуб, где играет до света.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 11 мая 1836 г., из Москвы.

В архивах я был и принужден буду опять в них зарыться месяцев на шесть; что тогда с тобою будет? А тебя с собою, как тебе угодно, уж возьму. Жизнь моя в Москве степенная и порядочная. Сижу дома — вижу только мужской пол. Пешком не хожу, не прыгаю — и толстею. С литературой московской кокетничаю, как умею; но Наблюдатели меня не жалуют. Любит меня один Нащокин. Но тинтере *(карточная игра)* — мой соперник, и меня приносят ему в жертву. Все зовут меня обедать, а я всем отказываю. Начинаю думать о выезде. Ты уж, вероятно, в своем загородном болоте. Что-то дети мои и книги мои? Каково-то перевезла и перетащила тех и других? и как перетащила ты свое брюхо?

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 14 мая 1836 г., из Москвы.

У Щепкина *(М. С., знаменитого актера)* хранится лист бумаги, на котором великий художник Пушкин своею рукою написал следующее:

(17 мая 1836 г. Москва). Записки актера Щепкина. Я родился в Курской губернии, Обоянского уезда, в селе Красном, что на речке Пенке...

С. Т. АКСАКОВ. Несколько слов о М. С. Щепкине. *Записки и письма М. С. Щепкина.* М. 1864, стр. 5. Ср. *П. Н. Божерянов. Иллюстрир. история русск. театра,* т. I, вып. II, примеч., стр. 15.

Пушкин, которого я видела в пятницу у Свербеевых, очаровал меня решительно... Мы вчера только возвратились из Нового Иерусалима... Нас было три дамы и вот сколько мужчин: Свербеев, Дюк *(Ал. Мих. Языков)*, Павлов *(Н. Ф.)*, Хомяков, Андросов, Венелин *(Ю. И.)*, Боборыкин, Скарятин... Пушкин, видно, не очень любит московских литераторов и отказался от поездки.

Е. Мих. ЯЗЫКОВА—брату Н. М. Языкову (поэту), 19 мая 1836 г., из Москвы. «Искусство», 1928, кн. 1—2, изд. Гос. Ак. Худ. Наук, стр. 158.

У меня душа в пятки уходит, как вспомню, что я журналист. Будучи еще порядочным человеком, я получал уж полицейские выговоры и мне говорили: vous avez trompé, и тому подобное. Что же теперь со мной будет? Мордвинов будет на меня смотреть, как на Фадея Булгарина и Николая Полевого, как на шпиона: чорт догадал меня родиться в России с душою и талантом! Весело, нечего сказать.

ПУШКИН — Н. Н. Пушкиной, 18 мая 1836 г., из Москвы.

В нашей семье он положительно был, как родной. Мы проводили счастливые часы втроем в бесконечных беседах, сидя вечером у меня в комнате на турецком диване, поджавши под себя ноги. Я помещалась обыкновенно посредине, а по обеим сторонам мой муж и Пушкин в своем красном архалуке с зелеными клеточками. Я помню частые возгласы поэта: — «Как я рад, что я у вас! Я здесь в своей родной семье!» — Насколько Пушкин любил общество близких ему людей, настолько же не любил бывать на званых обедах в честь его. Он часто жаловался мне, что на этих обедах чувствовал себя стесненным, точно на параде; особенно неприятно было ему то, что все присутствовавшие обыкновенно ждали, что Пушкин скажет, как посмотрит и т. п.

В. А. НАЩОКИНА. *Нов. Вр.* № 8115—8122.

Любя тихую домашнюю жизнь, Пушкин неохотно принимал приглашения, неохотно ездил на так называемые литературные вечера. Нащокин сам уговаривал его ездить на них, не желая, чтобы про него говорили, будто он его у себя удерживает... Нащокин и жена его с восторгом вспоминают о том удовольствии, какое они испытывали в сообществе и в беседах Пушкина. Он был душа, оживитель всякого разговора. Они вспоминают, как любил домоседничать, проводил целые часы на диване между ними; как они учили его играть в вист, и как просиживали за вистом по целым дням; четвертым партнером была одна родственница Нащокина, невзрачная собою; над ней Пушкин любил подшучивать.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о Пушкине,* 33.

К нам часто приезжала княжна Г., общая «кузина», как ее все называли, дурнушка, недалекая старая дева, воображавшая, что она неотразима. Пушкин жестоко пользовался ее слабостью и подсмеивался над

нею. Когда «кузина» являлась к нам, он вздыхал, бросал на нее пламенные взоры, становился перед нею на колени, целовал ее руки и умолял окружающих оставить их вдвоем. Кузина млела от восторга и, сидя за картами (Пушкин неизменно садился рядом с ней), много раз в продолжение вечера роняла на пол платок, а Пушкин, подымая, каждый раз жал ей ногу.

В. А. НАЩОКИНА. *Новое Время*, № 8122.

В пример милой веселости Пушкина Нащокин рассказал следующий случай. Они жили у Старого Пимена, в доме Иванова. Напротив их квартиры жил какой-то чиновник, рыжий и кривой, жена у этого чиновника была тоже рыжая и кривая, сынишка — рыжий и кривой. Пушкин, для шуток вздумал волочиться за супругой и любовался, добившись того, что та стала воображать, будто действительно ему нравится, и начала кокетничать. Начались пересылки: кривой мальчик прихаживал от матушки узнать от Александра Сергеевича, который час и пр. Сама матушка с жеманством и принарядившись прохаживалась мимо окон, давая знаки Пушкину, на которые тот отвечал преуморительными знаками. Случилось, что приехал с Кавказа Лев Сергеевич и привез с собой красильный порошок, которым можно было совсем перекрасить волосы. Раз почтенные супруги куда-то отправились, остался один рыжий мальчик. Пушкин вздумал зазвать его и перекрасить. Нащокин, как сосед, которому за это пришлось бы иметь неприятности, уговорил удовольствоваться одним смехом.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о Пушкине*, 33.

Вера Александровна Нащокина рассказала мне еще следующее о Пушкине. Когда Пушкин жил у них (в последний приезд его в Москву), она часто играла на гитаре, пела. К ним приходил тогда шут Еким Кириллович Загряцкий. Он певал песню, которая начиналась так:

Двое сани с подрезами,
Одни писаные;
Дай балалайку, дай гудок.

Пушкину очень понравилась эта песня; он переписал ее всю для себя своей рукою, и хотя вообще мало пел, но эту песню тянул с утра до вечера.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о Пушкине*, 46.

К нам часто заходил некто З., из бедных дворян. Жалкий был человек, и нужда сделала из него шута. Пушкин любил его кривляния и песни. Время было такое. Особенно много поэт смеялся, когда тот пел:

Двое саней с подрезами,
Третьи писаные,
Подъезжали ко цареву кабаку и т. д.

«Как это выразительно! — замечал Пушкин. — Я так себе и представляю картину, как эти сани в морозный вечер, скрипя подрезами по крепкому снегу, под'езжают «ко цареву кабаку».

В. А. НАЩОКИНА. *Новое Время,* 1898, № 8122, иллюстр. прилож., стр. 7.

Натура могучая, Пушкин и телесно был отлично сложен, строен, крепок, отличные ноги. В банях, куда езжал с Нащокиным тотчас по приезде в Москву, он, выпарившись на полке, бросался в ванну со льдом и потом уходил опять на полок. К концу жизни у него уже начала показываться лысина, и волосы его переставали виться.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о Пушкине,* 43.

У Пушкина существовало великое множество всяких примет. Часто, собравшись ехать по какому-нибудь неотложному делу, он приказывал отпрягать тройку, уже поданную к подъезду, и откладывал необходимую поездку из-за того только, что кто-нибудь из домашних или прислуги вручал ему какую-нибудь забытую вещь вроде носового платка, часов и т. п. В этих случаях он ни шагу уже не делал из дома до тех пор, пока, по его мнению, не пройдет определенный срок, за пределами которого зловещая примета теряла силу.

В. А. НАЩОКИНА. *Новое Время,* № 8122.

Удостоверяю, что подаренный мною А. А. Карзинкину старинный зеленого сафьяна с шитьем из шелка бумажник принадлежал в свое время А. С. Пушкину и перешел к моему покойному мужу, П. В. Нащокину, при следующих, насколько припоминаю, обстоятельствах. В мае 1836 г. Пушкин гостил у нас в Москве у церкви Старого Пимена. Мой муж всякий день почти играл в карты в Английском клубе и играл крайне несчастливо. Перед отездом в Петербург Пушкин предложил однажды Павлу Войновичу этот бумажник, говоря: «попробуй сыграть с ним на мое

счастье». И как раз Павел Войнович выиграл в этот вечер тысяч пять. Пушкин тогда сказал: «Пускай этот бумажник будет всегда счастьем для тебя».

В. А. НАЩОКИНА. *Русский Библиофил,* 1916, № 8, стр. 71.

Пушкин любил чай и пил его помногу, любил цыганское пение, особенно пение знаменитой в то время Тани, часто просил меня играть на фортепиано и слушал по целым часам. Любил также шутов, острые слова и карты. За зеленым столом он готов был просидеть хоть сутки. В картах ему не везло, и играл он дурно, отчего почти всегда был в проигрыше.

Они часто острили с моим мужем наперебой друг с другом. Я была у обедни в церкви Старого Пимена, как называют ее в Москве в отличие от Нового Пимена, что близ Селезневской улицы. — Где же Вера Александровна? — спросил Пушкин у мужа. — Она поехала к обедне. — Куда? — К Пимену. — А зачем ты к Пимену пускаешь жену одну? — Так я же пускаю к Старому Пимену, а не к молодому, — ответил мой муж.

Пушкина называли ревнивым мужем. Я этого не замечала. Знаю, что любовь его к жене была безгранична. Наталья Николаевна была его богом, которому он поклонялся, которому верил всем сердцем, и я убеждена, что он никогда даже мыслью, даже намеком на какое-либо подозрение не допускал оскорбить ее. Надо было видеть радость и счастье поэта, когда он получал письма от жены. Он весь снял и осыпал их поцелуями. В одном ее письме каким-то образом оказалась булавка. Присутствие ее удивило Пушкина, и он воткнул эту булавку в отворот своего сюртука. В последние годы клевета и стесненность в средствах омрачали семейную жизнь поэта, однако мы в Москве видели его всегда неизменно веселым, как и в прежние годы, никогда не допускавшим никакой дурной мысли о своей жене. Он боготворил ее по-прежнему.

В. А. НАЩОКИНА. *Новое Время,* 1898. № 8122.

Какой Пушкин был весельчак, добряк и острослов! Он говорил тенором, очень быстро, каламбурил и по-русски, и по-французски... Жена его была добрая, но легкомысленная. Ветер, ветер! Право, она какая-то, казалось мне, бесчувственная. Пушкин ее любил безумно.

В. А. НАЩОКИНА по записи Н. Ежова. *Новое Время,* 1899, № 8343. Перепеч. в *Книге воспоминаний о Пушкине,* 316.

Пушкин не любил Вяземского, хотя не выражал того явно; он видел в нем человека безнравственного, ему досадно было, что тот волочился за его женой, впрочем, волочился просто из привычки светского человека отдавать долг красавице. Напротив, Вяземскую Пушкин любил (стр. 28). *(Примечание М. А. Цявловского:* Сообщение Нащокина о том, что Вяземский волочился за Н. Н. Пушкиной, неожиданно подтверждается поступившими в годы революции в Пушкинский Дом письмами кн. П. А. Вяземского к вдове поэта. Письма эти, как мне передавал летом 1924 г. Б. Л. Модзалевский, говорят о сильном увлечении князя Н. Н. Пушкиной. Стр. 78).

Пушкин был человек самого многостороннего знания и огромной начитанности. Известный египтолог Гульянов, встретясь с ним у Нащокина, не мог надивиться, как много он знал даже по такому предмету, каково языковедение. Он изумлял Гульянова своими светлыми мыслями, меткими, верными замечаниями. Раз, Нащокин помнит, у них был разговор о всеобщем языке. Пушкин заметил, между прочим, что на всех языках в словах, означающих *свет, блеск,* слышится буква *л.* — С. С. Мальцову, отлично знавшему по-латыни, Пушкин стал объяснять Марциала и тот не мог надивиться верности и меткости его замечаний. Красоты Марциала были ему понятнее, чем Мальцову, изучавшему поэта.

П. В. НАЩОКИН по записи Бартенева. *Рассказы о Пушкине,* 39.

Однажды Пушкин зашел к молодому классику Мальцову и застал его над Петронием. Мальцов затруднялся понять какое-то место. Пушкин прочел и тотчас же объяснил ему его недоразумение.

С. А. СОБОЛЕВСКИЙ по записи Бартенева. *Рус. Арх.,* 1908, III, 591.

Нащокин повторяет, что Пушкин был не только образованнейший, но и начитанный человек. Так, он очень хорошо помнит, как он почти постоянно держал при себе в карманах одну или две книги, и в свободное время, затихнет ли разговор, разойдется ли общество, после обеда — принимался за чтение. Читая Шекспира, он пленился его драмой: «Мера за меру», хотел сперва перевести ее, но оставил это намерение, не надеясь, чтобы наши актеры, которыми он не был вообще доволен, умели разыграть ее. Вместо перевода, подобно своему Фаусту, он переделал Шекспирово создание в своем Анджело. Он именно говорил Нащокину: «На-

ши критики не обратили внимание на эту пьесу и думают, что это одно из слабых моих сочинений, тогда как ничего лучше я не написал».

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о П-не*, 47.

Пушкин хвалил Нащокину «Ревизора», особенно «Тараса Бульбу». О сей последней пьесе Пушкин рассказывал Нащокину, что описание степей внушил он. Пушкину какой-то знакомый господин (да; это было при мне. Стражинский. *Примечание С. А. Соболевского)* очень живо описывал в разговоре степи. Пушкин дал случай Гоголю послушать и внушил ему вставить в «Бульбу» описание степи [1].

П. И. БАРТЕНЕВ со слов П. В. Нащокина. *Рассказы о Пушкине*, 45.

Люди, близко знавшие Пушкина (Нащокин, кн. Вяземской, В. А. Жуковский), утверждали, что их друг, за что бы ни принялся, во всем был велик и гениален.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1899, 11, 146.

Никого не знала я умнее Пушкина. Ни Жуковский, ни князь Вяземский спорить с ним не могли, — бывало, забьет их совершенно. Вяземский, которому очень не хотелось, чтоб Пушкин был его умнее, надуется и уже молчит, а Жуковский смеется: «Ты, брат, Пушкин, чорт тебя знает, какой ты, — ведь вот и чувствую, что вздор говоришь, а переспорить тебя не умею, так ты нас обоих в дураках и записываешь».

Пушкин мне говорил: «У всякого есть ум, мне не скучно ни с кем, начиная с будочника и до царя». И действительно, он мог со всеми весело проводить время. Иногда с лакеями беседовал.

А. О. СМИРНОВА-РОССЕТ по записи Я. П. Полонского. *Голос Минувшего*, 1917, № 11, 154.

Будучи членом Академии Русской Словесности (жетоны академии он приваживал к Нащокину), Пушкин сильно добивался быть членом Ака-

[1] Настоящая фамилия господина была Шаржинский. П. А. Кулиш сообщает: «Из его рассказов Гоголь заимствовал много красок для «Бульбы», напр.: степные пожары и лебеди, летящие в зареве по темному ночному небу, как красные платки». *(«Записки о жизни Гоголя, I, 145).*

демии Наук, но Уваров не допускал его, и это было одною из причин их неудовольствия.

Ни наших университетов, ни наших театров Пушкин не любил. Не ценил Каратыгина, нижѐ Мочалова. С Сосницким был хорош.

Пушкин был великодушен, щедр на деньги. Бедному он не подавал меньше 25 рублей. Но он как будто старался быть скупее и любил показывать, будто он скуп.

П. В. НАЩОКИН по записи Бартенева. *Рассказы о Пушкине*, 43.

Пушкин у нас здесь. Он много занимается своим Петром Великим.

П. Я. ЧААДАЕВ—А. И. Тургеневу, 25 мая 1836 г., из Москвы. *Соч. и письма Чаадаева*. М., 1914, т. 1, стр. 191 *(фр.)*.

Последний раз Шевырев видел Пушкина весною 1836 г.; он останавливался у Нащокина, в Дегтярном переулке. В это посещение он сообщил Шевыреву, что занимается «Словом о полку Игореве», и сказал между прочим свое объяснение первых слов. Последнее свидание было в доме Шевырева; за ужином он превосходно читал русские песни.

С. П. ШЕВЫРЕВ. *Л. Майков*, 331.

Помню, в последнее пребывание у нас в Москве Пушкин читал черновую «Русалки», а в тот вечер, когда он собирался уехать в Петербург, — мы, конечно, и не подозревали, что уже больше никогда не увидим дорогого друга, — он за прощальным ужином пролил на скатерть масло. Увидя это, Павел Войнович с досадой заметил:

— Эдакий неловкий! За что ни возьмешься, все роняешь!

— Ну, я на свою голову. Ничего... — ответил Пушкин, которого, видимо, взволновала эта дурная примета.

Благодаря этому маленькому приключению, Пушкин послал за тройкой (тогда ездили еще на перекладных) только после 12 часов ночи. По его мнению, несчастие, каким грозила примета, должно миновать по истечении дня... Последний ужин у нас, действительно, оказался прощальным...

В. А. НАЩОКИНА. *Нов. Вр.*, 1898, № 8115.

Нащокин носил кольцо с бирюзою против насильственной смерти и в последний приезд Пушкина настоял, чтоб он принял от него такое же

кольцо. Оно было заказано. Его долго не несли, и Пушкин не хотел уехать, не дождавшись его. Кольцо было принесено позднею ночью. По свидетельству Данзаса, кольца этого не было на Пушкине во время предсмертного поединка; но перед самою кончиною он велел подать ему шкатулку, вынул из нее бирюзовое кольцо и, подавая Данзасу, сказал: «от общего нашего друга».

П. И. БАРТЕНЕВ со слов П. В. Нащокина. *Девятнадцатый Век*, I, 393.

Пушкин взял с собой в Петербург моего меньшого брата Л. А. Нарского... В это путешествие случилось маленькое приключение: Нащокин утром другого дня по их отъезде на лестнице нашей квартиры нашел камердинера Пушкина спящим. На вопрос моего мужа, как он здесь очутился, тот объяснил, что Александр Сергеевич, кажется, в селе Всехсвятском, спихнул его с козел за то, что тот был пьян, и приказал ему отправиться к Нащокину, что тот и исполнил.

По возвращении из Петербурга брат рассказывал, что Пушкин в путешествии никогда не дожидался на станциях, пока заложат ему лошадей, а шел по дороге вперед и не пропускал ни одного встречного мужика или бабы, чтобы не потолковать с ними о хозяйстве, о семье, о нуждах, особенно же любил вмешиваться в разговоры рабочих артелей. Народный язык он знал в совершенстве и чрезвычайно скоро умел располагать к себе крестьянскую серую толпу настолько, что мужики совершенно свободно говорили с ним обо всем.

В. А. НАЩОКИНА. Воспоминания. *Новое Время*, 1898, № 8122.

Пушкин много и подолгу любил ходить; во время своих переездов по России нередко целую станцию проходил он пешком, а пройтись около 30 верст от Петербурга до Царского Села ему было ни по чем.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1903, № 6, обложка.

Я приехал к себе на дачу 23-го в полночь, и на пороге узнал, что Наталья Николаевна благополучно родила дочь Наталью за несколько часов до моего приезда. Она спала. На другой день я ее поздравил и отдал вместо червонца твое ожерелье, от которого она в восхищении... Деньги, деньги! нужно их до зареза.

Вот тебе анекдот о моем Сашке. Ему запрещают (не знаю зачем) просить, чего ему хочется. На-днях говорит он своей тетке: Азя! дай мне чаю: я просить не буду.

ПУШКИН — П. В. Нащокину, 27 мая 1836 г., из Петербурга.

Наталья Николаевна родила, и Александр Сергеевич приехал опять несколько часов позже.

Бар. Е. Н. ВРЕВСКАЯ — бар. Б. А. Вревскому. *П-н и его совр-ки*, XIX—XX, 108.

Пошли от меня один экземпляр «Современника» Белинскому (тихонько от Наблюдателей) и вели сказать ему, что очень жалею, что с ним не успел увидеться.

ПУШКИН—П. В. Нащокину, 27 мая 1836 г., из Петербурга.

Больше всего меня радуют доселе и будут радовать, как лучшее мое достояние, несколько приветливых слов, сказанных обо мне Пушкиным и, к счастью, дошедших до меня из верных источников.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ—Н. В. Гоголю, 20 апр. 1842 г. Белинский. *Письма*. II, 310.

Борис *(муж Вревской)* хлопочет. Пушкин ему не заплатил, а просил подождать, когда журнал ему выручит эти 2 тыс.: так это бог знает когда будет, а журнал его, говорят, не имеет большого успеха.

Бар. Е. Н. ВРЕВСКАЯ — А. Н. Вульфу, 21 мая 1836 г. *П-н и его совр-ки*, XIX—XX, 107.

Уже впоследствии, когда я была замужем и стала матерью, я добилась от старой нашей няни объяснения сохранившихся в памяти ее оговоров Александры Николаевны. Раз как-то Александра Николаевна заметила пропажу шейного креста, которым она очень дорожила. Всю прислугу поставили на ноги, чтобы его отыскать. Тщетно перешарив комнаты, уже отложили надежду, когда камердинер, постилая на ночь кровать Александра Сергеевича, — это совпало с родами его жены, — нечаянно вытряхнул искомый предмет. Этот случай должен был неминуемо породить

много толков, и, хотя других данных обвинения няня не могла привести, она с убеждением повторила мне: — «Как вы там ни объясняйте, а по-моему, — грешна была тетенька перед вашей маменькой».

А. П. АРАПОВА. *Нов. Время,* 1907, № 11413, илл. прилож., стр. 6.

Что Пушкин был в связи с Александрой Николаевной, об этом положительно говорила мне княгиня Вера Федоровна *(Вяземская).*

П. И. БАРТЕНЕВ—П. Е. Щеголеву. *П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина,* 2 изд., стр., 410.

Александра была очень некрасивая, но весьма умная девушка. Еще до брака Пушкина на Nathalie, Alexandrine знала наизусть все стихотворения своего будущего зятя и была влюблена в него заочно. Вскоре после брака Пушкин сошелся с Александриною и жил с нею. Факт этот не подлежит сомнению. Александрина сознавалась в этом г-же Полетике.

Кн. А. В. ТРУБЕЦКОЙ. Рассказ об отношении Пушкина к Дантесу. *П. Е. Щеголев. Дуэль Пушкина,* 2 изд, стр. 404.

От сына одного очень почтенного московского старожила я слышал, что Александра Николаевна одно время была известна в обществе под названием *бледного ангела,* что опровергает слова кн. Трубецкого об ее некрасивости.

А. И. КИРПИЧНИКОВ. *Русск. Стар.,* 1901, т. 106, стр. 80.

(«Девица-кавалерист» Н. А. Дурова (Ал. Андр. Александров) приехала из Елабуги в Петербург устраивать издание своих «Записок», которыми очень интересовался Пушкин). 28 мая 1836 г. «Что вы не остановились у меня, Александр Андреевич?» — спрашивал меня Пушкин, приехав ко мне на третий день: — «вам здесь не так покойно; не угодно ли занять мою квартиру в городе?.. Я теперь живу на даче». — «Много обязан вам, Александр Сергеевич! И очень охотно принимаю ваше предложение. У вас, верно, есть кто-нибудь при доме?» — «Человек, один только; я теперь заеду туда, прикажу, чтоб приготовили вам комнаты». Он уехал, оставя меня очарованною обязательностью его поступков и тою честью, что буду жить у него.

30 мая. Сегодня принесли мне записку от Александра Сергеевича; он пишет, что прочитал мою рукопись, к этому присоединено множество похвал и заключил вопросом: переехала ли я на его квартиру, которая готова уже к принятию меня. Я послала узнать, можно ли уже переехать в дом, занимаемый А. С. Пушкиным? и получила очень забавный ответ: что квартира эта не только не в моей власти, но и не во власти самого Ал. Сергеевича; что, как он переехал на дачу и за наем расплатился совсем, то ее отдали уже другому (стр. 30—32).

(Начало июня). Александр Сергеевич приехал звать меня обедать к себе: — из уважения к вашим провинциальным обычаям, — сказал он усмехаясь, — мы будем обедать в пять часов. — «В пять часов?.. В котором же часу обедаете вы, когда нет надобности уважать провинциальных привычек?» — В седьмом, осьмом, иногда в девятом... Пушкин уехал, сказав, что приедет за мною в три часа с половиною. С ужасом и содроганием отвратила я взор свой от места, где несчастные приняли достойно заслуженную ими казнь. Александр Сергеевич указал мне его *(место казни декабристов)*. Каменный остров, где Пушкин нанимает дачу, показался мне прелестен. С нами вместе обедал друг Александра Сергеевича, г. Плетнев, да три дамы, родственницы жены его, сама она больна после родов и потому не выходила. За столом я имела случай заметить странность в моем любезном хозяине; у него четверо детей, старшая из них, девочка лет пяти, как мне показалось, сидела с нами за столом; друг Пушкина спросил ее: не раздумала ли она идти за него замуж? — Нет, отвечало дитя, не раздумала. — А за кого ты охотнее пойдешь, за меня или за папеньку? — За тебя и за папеньку. — Кого же ты больше любишь, меня или папеньку? — Тебя больше люблю и папеньку больше люблю. — Ну, а этого гостя, — спросил Александр Сергеевич, указывая на меня, — любишь? хочешь за него замуж? — Девочка отвечала поспешно: «нет! нет!» При этом ответе я увидела, что Пушкин покраснел... неужели он думал, что я обижусь словами ребенка?.. Я стала говорить, чтоб прервать молчание, которое очень некстати наступило, и спросила ее: «как же это! гостя надобно бы больше любить!..» Дитя смотрело на меня недоверчиво и наконец стало кушать; тем кончилась эта маленькая интермедия. Но Александр Сергеевич!.. Отчего он покраснел?.. или это уже верх его деликатности, что даже и в шутку, даже от ребенка, не хотел бы он, чтоб я слышала что-нибудь не так вежливое! Или он имел странное понятие о всех живущих в уездных городах? (стр. 40—44).

АЛЕКСАНДРОВ. *Год жизни в Петербурге, или невыгоды третьего посещения.* Спб. 1838.

Только в последних годах жизни теряет Пушкин ложный стыд и является в свет уже, как писатель. Важные труды, принятые им на себя, и знаменитость самого имени освобождают его от предубеждения, отличавшего его молодые годы.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 185.

Накануне отъезда Гоголя, в 1836 г. *(6 июня)* заграницу, Пушкин, по словам Якима *(гоголевского камердинера)*, просидел у него в квартире, в доме каретника Иохима, на Мещанской, всю ночь напролет.

Г. П. Данилевский. Знакомство с Гоголем. *Сочинения*, изд. 7, т. V, стр. 302.

В июне 1836 г., когда Н. М. Смирнов уезжал за границу, Пушкин говаривал, что ему тоже очень бы хотелось, да денег нет. Смирнов его убеждал засесть в деревню, поработать побольше и приезжать к ним. Смирнов уверен был, что государь пустил бы его. Тогда уже, летом 1836 года, шли толки, что у Пушкина в семье что-то неладно: две сестры, сплетни, и уже замечали волокитство Дантеса.

АРК. О. РОССЕТ. *Рус. Арх.*, 1882, I, 245.

(Русские песни во французском переводе Пушкина). Эту работу Пушкин сделал для меня одного, за несколько месяцев до своей смерти, на Каменном острове, где я провел много хороших минут.

ЛЕВЕ-ВЕЙМАР—Фелье-де-Конш, 9 мая 1839 г., *Соч. Пушкина под ред. П. А. Ефремова*, т. VIII, 243 *(фр.)*.

Русские песни, переведенные Александром Пушкиным для его друга Л. де Веймара на Невских Островах, дача Бровольского (Brovolsky) *(Добровольского?)* [1] в июне 1836 г.

ЛЕВЕ-ВЕЙМАР, надпись на рукописи пушкинского перевода. *Соч. Пушкина под ред. П. А. Ефремова*, т. VIII, 243 *(фр.)*.

---

[1] Сколько мы знаем, это — единственное указание, какую именно дачу занимал Пушкин на Каменном острове в 1836 г.

Пушкин никогда не бывал за границей... В разговоре с каким страданием во взгляде упоминал он о Лондоне и, в особенности, о Париже! С каким жаром отзывался он об удовольствии посещать знаменитых людей, великих ораторов, великих писателей!

ЛЕВЕ-ВЕЙМАР. Некролог Пушкина в «Journal des Débats», *Рус. Стар.*, 1900, т. 101, стр. 78.

На даче в Строгановом саду, направо с моста, на берегу, жил граф Григорий Александрович Строганов; супругу его звали Юлия Петровна. Сам он был слепец. У них на даче, со стороны сада, на балконе часто можно было видеть А. С. Пушкина, беседовавшего со стариком... Фигура графа Григория с седыми вьющимися волосами, в бархатном длиннополом черном сюртуке, с добродушною улыбкою, невольно останавливала внимание гулявших в саду. Особенно когда вместе с ним был поэт. Пушкин считал старика Строганова своим другом.

Н. М. КОЛМАКОВ. Очерки и воспоминания. *Рус. Старина*, 1890, т. 70, стр. 671.

Летом 1834 г. (?) графы Виельгорские наняли на островах Кочубееву дачу. Балкон дачи выходил на усаженное березами шоссе, которое вело от Каменноостровского моста вдоль реки к Елагину. Здесь я увидел картину, выступавшую из пределов действительности и возможную разве в «Обероне» Виланда... После обеда доложили, что две дамы, приехавшие верхами, желают поговорить с графами. «Знаю, — весело сказал Виельгорский, — они мне обещали заехать», и вышел со мной на балкон. На высоком коне, который не мог стоять на месте и нетерпеливо рыл копытом землю, грациозно покачивалась несравненная красавица, жена Пушкина; с нею были ее сестра и Дантес. Граф стал усердно приглашать их войти. «Некогда!» был ответ. Прекрасная женщина хлыстнула по лошади, и маленькая кавалькада галопом скрылась за березами аллеи. Это было словно какое-то идеальное виденье! Тою же аллеею, зимою 1837 г., Пушкину суждено было отправляться на дуэль с Дантесом [1].

(Б. В. ЛЕНЦ). Приключения лифляндца в Петербурге. *Рус. Арх.*, 1878, I, 454.

[1] Автор относит описываемую встречу к 1834 г. Но лето 1834 г. Наталья Николаевна провела в Калужской губ., да и навряд ли она в это время была знакома с Дантесом. Видеть описанное автор мог только в 1835 или 1836 году,—вернее, в 1836: в этом году Пушкины нанимали дачу как раз на Каменном острове; в 1835-м же году жили на Черной речке.

Неизвестно по каким причинам, голландский посланник Геккерен усыновил Дантеса и объявил его своим наследником *(в мае — июне 1836 г.)*. Дантес возымел великий успех в обществе; дамы вырывали его одна у другой. В доме Пушкина он очутился своим человеком.

(В. В. ЛЕНЦ). Приключения лифляндца в Петербурге. *Рус. Арх.*, 1878, I, 454.

Пушкин часто бывал в обществе кавалергардов, и Т. В. Шлыкова, вспоминая про Пушкина, говаривала, что в театре встречала его постоянно с кавалергардами.

П. И. БАРТЕНЕВ. Из записной книжки. *Рус. Арх.*, 1912, II, 160.

Здание Минеральных вод только что было выстроено, и лучшая публика посещала их. Являлась сюда и царица Александра Федоровна утром для прогулок и вечером во время балов. Тут же было для царской фамилии и особое отделение комнат. Помню: на одном из балов был и А. С. Пушкин со своею красавицей-женой. Супруги невольно останавливали взоры всех. Бал кончался. Наталья Николаевна, в ожидании экипажа, стояла, прислонясь к колонне у входа, а военная молодежь, преимущественно из кавалергардов, окружала ее, рассыпаясь в любезностях. Несколько в сторону, около другой колонны, стоял в задумчивости Пушкин, не принимая ни малейшего участия в этом разговоре.

Н. М. КОЛМАКОВ. Очерки и воспоминания. *Рус. Стар.* 1891, т. 70, стр. 671.

В течение нескольких лет Дантес ухаживал за Пушкиной. Повидимому, муж, имевший со своей стороны любовницу, ни о чем не догадывался.

А. А. ЩЕРБИНИН. Из неизданных записок. *П-н и его совр-ки*, XV, 41.

Где и как произошло знакомство Дантеса с Натальей Николаевной, я не знаю, но с первой встречи она произвела на него впечатление, не изгладившееся во всю его жизнь. Наталья Николаевна первое время не обращала никакого внимания на явное ухаживание Дантеса, привыкшего к легким победам, и это равнодушие, казавшееся ему напускным, только подзадаривало его. Тогда он принялся за систематическую атаку. Никто из молодежи не допускался в дом Пушкиных на интимную ногу. Чтоб иметь только случай встретить или хотя изредка взглянуть на На-

талью Николаевну, Геккерен *(Дантес)* пускался на всякие ухищрения. Александра Николаевна рассказывала мне, что его осведомленность относительно их прогулок или выездов была прямо баснословна и служила темой постоянных шуток и догадок сестер. Раз даже дошло до пари. Както утром пришла внезапно мысль поехать в театр. Достав ложу, Александра Николаевна заметила: — Ну, на этот раз Геккерен не будет! Сам не догадается, и никто подсказать не может. — А тем не менее мы его увидим, — возразила Екатерина Николаевна, — всякий раз так бывает, давай пари держать! — И на самом деле, не успели они занять свои места, как блестящий офицер, звеня шпорами, входил в партер.

Этим неустанным преследованием он добился того, что Наталья Николаевна стала обращать на него внимание, а Екатерина Николаевна, хотя она и должна была понять, что ухаживания относятся к сестре, влюбилась в него, но пыталась скрыть это чувство до поры, до времени.

А. П АРАПОВА. *Новое Время,* № 11416, стр. 6.

Дантес был статен, красив; на вид ему было в то время лет 20, много 22 года. Как иностранец, он был пообразованнее нас, пажей, и, как француз, — остроумен, жив, весел. И за ним водились шалости, но совершенно невинные и свойственные молодежи, кроме одной, о которой мы узнали гораздо позднее. Не знаю, как сказать: он ли жил с Геккерном, или Геккерн жил с ним... В то время в высшем обществе было развито бугрство. Судя по тому, что Дантес постоянно ухаживал за дамами, надо полагать, что в сношениях с Геккерном он играл только пассивную роль. Он был очень красив, и постоянный успех в дамском обществе избаловал его: он относился к дамам вообще, как иностранец, смелее, развязнее, чем мы, русские, а как избалованный ими, требовательнее, если хотите, нахальнее, наглее, чем даже принято в нашем обществе.

В то время Новая Деревня была модным местом. Мы *(кавалергарды)* стояли в избах, эскадронные учения производились на той земле, где теперь дачки и садики 1 и 2 линии Новой Деревни. Все высшее общество располагалось на дачах по близости, преимущественно на Черной речке. Дантес часто посещал Пушкина. Он ухаживал за Наташей, как и за всеми красавицами (а она была красавица), но вовсе не особенно «прударял», как мы тогда выражались, за нею. Частые записочки, приносимые Лизой (горничной Пушкиной), ничего не значили: в наше время это было в обычае. Пушкин хорошо знал, что Дантес не прударяет за его женой, он вовсе не ревновал, но, как он сам выражался, ему Дантес был *противен* своею манерою, несколько нахальною, своим языком, менее воздержным.

чем следовало с дамами, как полагал Пушкин. Надо признаться, при всем уважении к высокому таланту Пушкина, это был характер невыносимый. Он все как будто боялся, что его мало уважают, недостаточно почета оказывают; мы, конечно, боготворили его музу, а он считал, что мы мало перед ним преклоняемся. Манера Дантеса просто оскорбляла его, и он не раз высказывал желание отделаться от его посещений. Nathalie не противоречила ему в этом. Быть может, даже соглашалась с мужем, но, как набитая дура, не умела прекратить свои невинные свидания с Дантесом. Быть может, ей льстило, что блестящий кавалергард всегда у ее ног. Когда она начинала говорить Дантесу о неудовольствии мужа, Дантес, как повеса, хотел слышать в этом как бы поощрение к своему ухаживанию. Если б Nathaile не была так непроходимо глупа, если бы Дантес не был так избалован, все кончилось бы ничем, так как в то время, по крайней мере, ничего собственно и не было, — рукопожатие, обнимания, поцелуи, но не больше, а это в наше время были вещи обыденные.

Кн. А. В. ТРУБЕЦКОЙ. Об отношениях Пушкина к Дантесу. *П. Е. Щеголев, Дуэль, 400.*

Ольга Сергеевна *(Павлищева, сестра Пушкина)* рассказала мне, что брат ее, на замечание о Дантесе (встреченном ею у брата на Каменноостровской даче летом 1836 г.): «как он хорош собой», ответил сестре: «это правда, он хорош, но рот у него, хотя и красивый, но чрезвычайно неприятный, и его улыбка мне совсем не нравится».

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ. *Кончина А. С. Пушкина. Спб., изд. Сойкина,* 1899, стр. 11.

Дантес обладал безукоризненно-правильными, красивыми чертами лица, но ничего не выражавшими, что называется, стеклянными глазами. Ростом он был выше среднего, к которому очень шла полурыцарская, нарядная, кавалергардская форма. К счастливой внешности следует прибавить неистощимый запас хвастовства, самодовольства, пустейшей болтовни... Дантесом увлекались женщины не особенно серьезные и разборчивые, готовые хохотать всякому излагаемому в модных салонах вздору.

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ со слов О. С. Павлищевой. *Л. Павлищев,* 421.

Дантес был молодой человек, не красивый и не безобразный, довольно высокого роста, несколько неуклюжий, блондин, с небольшими светлы-

ми усиками. В вицмундире он был еще недурен, но, когда надевал парадный мундир и высокие ботфорты и в таком наряде появлялся в обществе русских офицеров, его наружности едва ли бы кто-нибудь позавидовал. Впрочем, это был bon enfant, как говорится, рубаха-парень, веселый, любил карты.

Д-р СТАНИСЛАВ МОРАВСКИЙ. «Воспоминания». *Красная Газета,* 1928, № 318 *(польск.).*

Дантес по поступлении в полк оказался не только весьма слабым по фронту, но и весьма недисциплинированным офицером; таким он оставался в течение всей своей службы в полку: то он «садился в экипаж» после развода, тогда как «вообще из начальников никто не уезжал»; то он на параде, «как только скомандовано было полку вольно, позволил себе курить сигару», то «на линейку бивака, вопреки приказанию офицерам не выходить иначе, как в колетах и сюртуках, выходит в шлафоре, имея шинель в накидку». На учении «слишком громко поправляет свой взвод», что, однако, не мешает ему самому «терять дистанцию» и до команды вольно сидеть «совершенно распустившись на седле»; эти упущения Дантес совершает не однажды, но они «неоднократно наперед сего замечаемы были». Мы не говорим уже об отлучках с дежурства, опаздывании на службу и т. п... Число всех взысканий, которым был подвергнут Дантес за три года службы в полку, достигает цифры 44.

С. А. ПАНЧУЛИДЗЕВ. *Сборник биографий кавалергардов.* СПБ. 1908, стр. 77.

Видный, очень красивый, прекрасно воспитанный, умный, высшего общества светский человек, чрезвычайно ценимый, как это я видел за границей, русской аристократией. И вел. кн. Михаилу Павловичу нравилось его остроумие, и потому он любил с ним беседовать. В то время командир полка Гринвальд обыкновенно приглашал всех четырех дежурных по полку к себе обедать. Однажды, во время обеда, висевшая лампа упала и обрызгала стол маслом. Дантес, вышедший из дома генерала, шутя сказал: «Гринвальд nous fait manger de la vache enragée assaisonnée d'huile de lampe»[1]. Генерал Гринвальд, узнав об этом, перестал приглашать дежурных к себе обедать.

А. И. ЗЛОТНИЦКИЙ. *С. А. Панчулидзев,* 77.

[1] Непереводимая игра слов. Дословно: «Гринвальд кормит нас бешеной коровой, приправленной ламповым маслом». «Кормить бешеной коровой» значит— «морить голодом».

Это был столь же ловкий (gewandter), как и умный человек, но обладал особенно злым языком, от которого и мне доставалось; его остроты вызывали у молодых офицеров смех.

Ген. Р. Е. ГРИНВАЛЬД. Записки. *С. А. Панчулидзев, 77 (нем.).*

Н. Н. Пантелеев часто вспоминал Дантеса, с которым был одновременно в полку, называл его «заносчивым французом».

С. А. ПАНЧУЛИДЗЕВ, 97.

Дантес сам рассказывал, что, в бытность свою поручиком Кавалергардского полка, русского языка не знал. Он только заучил наизусть с посторонней помощью те готовые фразы, без которых нельзя было обойтись при несении службы в эскадроне, и ими пользовался в зависимости от обстоятельств. Впрочем, Дантесу не было большой нужды в знании чужого языка. В том кругу, куда он был вхож, мало говорили по-русски. Правда, по приезде в Петербург, он принялся было за занятия русским языком, но вскоре оставил их. Леностью он отличался еще в детстве. Этим в семье объясняли и пробелы его посредственного образования. Даже французский литературный язык давался Дантесу нелегко.

Вообще же ни в молодости, ни в зрелом возрасте он не проявлял почти никакого интереса к литературе. Домашние не припомнят Дантеса в течение всей его долгой жизни за чтением какого-нибудь художественного произведения.

ЛУИ МЕТМАН (внук Дантеса) по записи Я. Б. Полонского. *Посл. Новости,* 1930, № 3340.

Красивой наружности, ловкий, веселый и забавный, болтливый, как все французы, Дантес был везде принят дружески, понравился даже Пушкину, дал ему прозвание Pacha à trois queus *(трехбунчужный паша),* когда однажды тот приехал на бал с женою и ее двумя сестрами. Скоро он страстно влюбился в г-жу Пушкину. Наталья Николаевна, быть может, немного тронутая сим новым обожанием, невзирая на то, что искренно любила своего мужа, до такой степени, что даже была очень ревнива, или из неосторожного кокетства, казалось, принимала волокитство Дантеса с удовольствием. Муж это заметил, было домашнее объяснение; но дамы легко забывают на балах данные обещания супругам, и Наталья

Николаевна снова принимала приглашения Дантеса на долгие танцы, что заставляло ее мужа хмурить брови.

Н. М. СМИРНОВ. Из памятных заметок. *Рус. Арх.*, 1882, I, 233.

В 1835 и 1836 годах барон Геккерен и усыновленный им барон Дантес часто посещали дом Пушкина и дома Карамзиных и князя Вяземского, где Пушкины были, как свои. Но после одного или двух балов на Минеральных Водах, где были г-жа Пушкина и барон Дантес, по Петербургу вдруг разнеслись слухи, что Дантес ухаживает за женой Пушкина. Слухи эти долетели и до самого Александра Сергеевича, который перестал принимать Дантеса... Когда Пушкин отказал Дантесу от дома, Дантес несколько раз писал его жене. Наталья Николаевна все эти письма показывала мужу.

К. К. ДАНЗАС по записи А. Аммосова. *Последние дни Пушкина*, 8, 10.

Дантес вошел в салон вашей матери *(Н. Н. Пушкиной)*, как многие другие офицеры гвардии, посещавшие ее. Он страстно влюбился в нее, и его ухаживание переходило границы, которые обычно ставятся в таких случаях. Он оказывал внимание исключительно вашей матери, пожирал ее глазами, даже когда он с нею не говорил; это было ухаживание, более афишированное, чем это принято обыкновенно.

Бар. ГУСТАВ ФРИЗЕНГОФ (муж Алекс. Ник. Гончаровой, со слов своей жены) — А. П. Араповой (дочери Н. Н. Пушкиной от второго ее брака с П. П. Ланским), 14 марта 1887 г. *Красная Нива*, 1929, № 24, стр. 10 *(фр.)*.

При последнем свидании с братом, в 1836 году *(в конце июня)* Ольга Сергеевна была поражена его худобою, желтизною лица и расстройством его нервов. Александр Сергеевич с трудом уже выносил последовательную беседу, не мог сидеть долго на одном месте, вздрагивал от громких звонков, падения предметов на пол; письма же распечатывал с волнением; не выносил ни крика детей, ни музыки.

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ. *Кончина Пушкина*, 87.

Я так перед тобою виноват, что и не оправдываюсь. Деньги ко мне приходили и уходили между пальцами — я платил чужие долги, выкупал чужие имения, а свои долги остались мне на шее. Крайне расстроенные дела сделали меня несостоятельным... и я принужден у тебя просить еще отсрочки до осени... Я в трауре и не езжу никуда.

ПУШКИН — И. А. Яковлеву, 9 июля 1836 г., Каменный Остров.

Здесь у меня голова кругом идет, думаю приехать в Михайловское, как скоро немножко устрою свои дела.

ПУШКИН—Н. И. Павлищеву, 13 июля 1836 г., из Петербурга.

Александр Сергеевич, отправляя Льва *(своего брата-офицера, снова поступившего на военную службу 13 июня 1836 г.)* на Кавказ (он в то время взял на себя управление отцовского имения и уплачивал долги Льва), говорил шутя, чтобы Лев сделал его наследником, потому что все случаи смертности на его стороне; раз, он едет в край, где чума, потом — горцы, и наконец, как военный холостой человек, он может еще быть убитым на дуэли. Вышло же наоборот: он — женатый, отец семейства, знаменитый, — погиб жертвою неприличного положения, в которое себя поставил ошибочным расчетом, а этот под пулями черкесов беспечно пил кахетинское и так же мало потерпел от одних, как от другого!

АЛ. Н. ВУЛЬФ. Дневник, 21 марта 1842 г. *Л. Майков*, 217.

15 июля 1836 г. Сегодня был у меня Александр Сергеевич; он привез с собою мою рукопись, переписанную так, чтобы ее можно было читать... Отдавая мне рукопись, Пушкин имел очень озабоченный вид; я спросила о причине: «Ах, у меня такая пропасть дел, что голова идет кругом!.. позвольте мне оставить вас; я должен быть еще в двадцати местах до обеда». Он уехал.

Две недели Александр Сергеевич не был у меня; рукопись моя лежит! Пора бы пустить ее в дело!.. Я поехала сама на дачу к Пушкину; его нет дома. — «Вы напрасно хотите обременить Пушкина изданием ваших записок, — сказал мне Плетнев. — Разумеется, он столько вежлив, что возьмется за эти хлопоты и возьмется очень радушно; но по-

верьте, что это будет для него величайшим затруднением; он со своими собственными делами не успевает управляться, такое их множество, где же ему набрать дел еще и от других! Если вам издание ваших записок к спеху, то займитесь ими сами или поручите кому другому».

Мне казалось, что Александр Сергеевич был очень доволен, когда я сказала, что боюсь слишком обременить его, поручая ему издание моих записок, и что прошу его позволить мне передать этот труд моему родственнику. Вежливый поэт сохранил однакож обычную форму в таких случаях. Он отвечал, что брался за это дело очень охотно, вовсе не считая его обременением для себя; но если я хочу сделать эту честь кому другому, то он не смеет противиться моей воле.

АЛЕКСАНДРОВ (Н. А. ДУРОВА). *Год жизни в Петербурге.* Спб. 1838, стр. 46—48.

8 августа 1836 г. взято Пушкиным у Шишкина 7 060 руб. под залог шалей, жемчуга и серебра.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. Архив опеки над имуществом Пушкина. *П-н и его совр-ки,* XIII, 98.

По кончине Надежды Осиповны *(матери Пушкина),* Александр Сергеевич хотел купить *(у сонаследников)* Михайловское за 40 тысяч, побывав сначала в деревне. Дело было бы конечно, если бы у Ал. Серг-ча случились на то время деньги. Между тем нам надо было ехать в Варшаву, а денег ни гроша, Ал. Серг-ч дает нам тысячу рублей и говорит: «ступайте в деревню, там найдете денег, чтобы добраться в Варшаву». Вместе с тем просит меня заглянуть в хозяйство и пишет управителю слушаться моих приказаний. Найдя в Михайловском большие злоупотребления, а пуще всего ни зерна в амбаре, я прогнал управителя, посадил старосту, и принялся сам хозяйничать тем более, что наступило время жатвы и посева *(в августе 1836 г.).* Обо всем этом я тотчас оповестил Ал. Серг-ча.

Н. И. ПАВЛИЩЕВ (зять Пушкина). Записка о сельце Михайловском и моем управлении. *П-н и его совр-ки,* XIII, 129.

6-го уехал от нас Ник. Игн. *(Шениг).* Он заменил Пушкина в сердце Маши *(Марии Ивановны, младшей сестры Евпр. Н-вны).* Она целые три дня плакала об его отъезде и отдает ему такое преимущество над

поэтом, что и сравнивать их не хочет... Я рада этой перемене: Ник. Игн. никогда не воспользуется этим благорасположением, что об Пушкине никак нельзя сказать.

Бар. ЕВПР. Н. ВРЕВСКАЯ — брату А. Н. Вульфу, 10 сент. 1836 г. *П-н и его совр-ки*, XIX—XX, 108.

(1836 г. 1 сент.) *(Квартира Пушкина в доме Волконской, у Певческого моста, 2-й Адмиралтейской ч. 1-го квартала под № 7)*. Всего от одних ворот до других, нижнего этажа, из одиннадцати комнат состоящего, со службами: кухнею и при ней комнатою в подвальном этаже, взойдя на двор направо: конюшнею на 6 стойлов, сараем, сеновалом, местом в леднике и на чердаке и сухим для вин погребом, сверх того — с двумя комнатами и прачечною, взойдя на двор налево в подвальном этаже во втором проходе, с платою за 4 300 р. асс. в год.

КОНТРАКТ НА НАЕМ КВАРТИРЫ. *П-н и его совр.*, XIII, 95.

В 1836 г., осенью, я как-то ехал с Каменного Острова в коляске с А. С. Пушкиным. На Троицком мосту мы встретились с одним мне незнакомым господином, с которым Пушкин дружески раскланялся. Я спросил имя господина.

— Барков, ex-diplomat, habitué Воронцовых, — отвечал Пушкин и, заметив, что имя это мне вовсе неизвестно, с видимым удивлением сказал мне:

— Вы не знаете стихов однофамильца Баркова и собираетесь вступить в университет? Это курьезно. Барков — это одно из знаменитейших лиц в русской литературе... Первые книги, которые выйдут в России без цензуры, будет полное собрание стихотворений Баркова...

Вообще в это время Пушкин как будто систематически действовал на мое воображение, чтобы обратить мое внимание на прекрасный пол и убедить меня в важном значении для мужчины способности приковывать внимание женщин. Пушкин поучал меня, что вся задача жизни заключается в этом: все на земле творится, чтобы обратить на себя внимание женщин. Не довольствуясь поэтическою мыслью, он учил меня, что в этом деле не следует останавливаться на первом шагу, а итти вперед, нагло, без оглядки, чтобы заставить женщин уважать вас... Он постоянно давал мне наставление об обращении с женщинами, приправляя свои нравоучения цинническими цитатами из Шамфора...

В то же время Пушкин сильно отговаривал меня от поступления в

университет и утверждал, что я в университете ничему научиться не могу. Однажды, соглашаясь с его враждебным взглядом на высшее у нас преподавание наук, я сказал Пушкину, что поступаю в университет исключительно для изучения людей. Пушкин расхохотался и сказал: «В университете людей не изучишь, да едва ли их можно изучить в течение всей жизни. Все, что вы можете приобрести в университете, — это то, что вы свыкнетесь жить с людьми, и это много. Если вы так смотрите на вещи, то поступайте в университет; но едва ли вы в том не раскаетесь!»

С другой стороны Пушкин постоянно и настойчиво указывал мне на недостаточное мое знакомство с текстами священного писания и убедительно настаивал на чтении книг ветхого и нового завета.

Для нашего поколения, воспитывавшегося в царствование Николая Павловича, выходки Пушкина уже казались дикими. Пушкин и его друзья, воспитанные во время Наполеоновских войн, под влиянием героического разгула представителей этой эпохи, щеголяли воинским удальством и каким-то презрением к требованиям гражданского строя. Пушкин как-будто дорожил последними отголосками беззаветного удальства, видя в них последние проявления заживо схороняемой самобытной жизни.

Из сочинений Пушкина за это время неизгладимое впечатление произвела прочитанная им самим «Капитанская дочка» и непапечатанный монолог обезумевшего чиновника перед Медным Всадником. Монолог этот, содержащий около тридцати стихов, произвел при чтении потрясающее впечатление, и не верится, чтобы он не сохранился в целости. В бумагах отца моего сохранились многие подлинные стихотворения Пушкина и копии, но монолога не сохранилось, весьма может быть потому, что в монологе слишком энергически звучала ненависть к европейской цивилизации. Мне все кажется, что великолепный монолог таится вследствие каких-либо тенденциозных соображений; ибо трудно допустить, чтобы изо всех людей, слышавших проклятие, никто не попросил Пушкина дать списать эти тридцать — сорок стихов. Я думал об этом, и не смел просить, вполне сознавая, что мое юношество не внушает доверия. Я помню впечатление, произведенное на одного из слушателей, Аркадия Осиповича Россети, и мне как будто помнится, он уверял меня, что снимет копию для будущего времени.

Кн. ПАВЕЛ ВЯЗЕМСКИЙ. *Собр. соч.*, 545—548.

В сентябре Пушкин приехал в Академию Художеств с женою Натальей Николаевной на нашу сентябрьскую выставку картин. Узнав, что Пушкин на выставке и прошел в Античную галлерею, мы, ученики, побе-

жали туда и толпой окружили любимого поэта. Он под руку с женою стоял перед картиной художника Лебедева, даровитого пейзажиста, и долго рассматривал и восхищался ею. Инспектор Академии, Крутов, который его сопровождал, искал всюду Лебедева, чтобы представить Пушкину, но Лебедева не оказалось нигде. Тогда, увидев меня, он взял меня за руку и представил Пушкину, как получившего тогда золотую медаль (я оканчивал в тот год академию).

Пушкин ласково спросил меня, где мои картины. Я показал их. Как теперь помнится, то были «Облака с Ораниенбаумского берега» и другая — «Группа чухонцев». Узнав, что я — крымский уроженец, Пушкин спросил: «а из какого же города?» Затем он заинтересовался, давно ли я здесь и не болею ли на севере... Помню, в чем была красавица-жена. На ней было изящное белое платье, бархатный черный корсаж с переплетенными черными тесемками, а на голове большая палевая соломенная шляпа. На руках у нее были большие белые перчатки. Мы, все ученики, проводили дорогих гостей до подъезда.

И. К. АЙВАЗОВСКИЙ. *Одесские Новости, 1899.* № 4637.

(На октябрьской выставке в Академии Художеств). Поэт Пушкин, при первом взгляде на группу (?) Пименова *(«Мальчик, играющий в бабки»)*, сказал:

— Слава богу! Наконец и скульптура в России явилась народная.

Президент А. Н. Оленин указал ему художника. Пушкин пожал руку Пименова, назвав его *собратом*. Долго всматриваясь и отходя на разные расстояния, поэт в заключение вынул записную книжку и тут же написал экспромт:

Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено
Бодро оперся, другой поднял меткую кость.
Вот уж прицелился... Прочь! раздайся, народ любопытный,
Врозь расступись: не мешай русской удалой игре.

Написанный листок вручен самим поэтом художнику, с новым пожатием и приглашением к себе. Об этой встрече с поэтом Пименов любил рассказывать с жаром, и при этом навертывались у него слезы, — «как у Пушкина, когда пожимал он обеими руками мою правую руку», — говорил нам сам артист, заметив свое волнение.

П. Н. ПЕТРОВ, *Н. С. Пименов, профессор скульптуры.* Спб. 1883, стр. 5.

Вскоре после моего возвращения в Петербург, вечером, ко мне пришел Пушкин и звал к себе ужинать. Я был не в духе, не хотел идти и долго отнекивался, но он меня переупрямил и утащил с собою. Дети его уже спали. Он их будил и выносил ко мне поодиночке на руках. Это не шло к нему, было грустно и рисовало передо мною картину натянутого семейного счастья. Я не утерпел и спросил его: «на кой чорт ты женился?» Он мне отвечал: «Я хотел ехать за границу, а меня не пустили, я попал в такое положение, что не знал, что делать, и женился».

К. П. БРЮЛЛОВ в передаче М. И. Железнова. М. Железнов. Заметка о К. П. Брюллове. *Живоп. Обозр.*, 1898 № 31, стр. 625[1].

Как известно, денежное расстройство держало Пушкина в том раздражительном состоянии, которое отчасти было одною из причин его гибели. Осенью 1836 г. он думал покинуть Петербург и поселиться совсем в Михайловском; по словам Нащокина, Наталья Николаевна соглашалась на это, но ему не на что было перебраться туда с большою семьей, и Пушкин умолял о присылке пяти тысяч рублей, которых у Нащокина на эту пору не случилось.

П. И. БАРТЕНЕВ. «*А. С. Пушкин*». *Сборник 1.* М. 1881, стр. 192

Нащокин глубоко жалеет, что не дал ему пяти тысяч, которые у него тогда были. Но Пушкин, будучи очень деликатен, не просил их у него прямо.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о Пушкине*, 62.

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит,
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия — а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить — и глядь — как раз — умрем.
На свете щастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля,
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

[1] Брюллов приехал в Петербург в конце весны 1836 г., когда Пушкин жил на даче, на Каменном острове. Повидимому, описанная встреча произошла осенью, по приезде Пушкина в город.

Юность не имеет нужды в at home *(домашнем очаге),* зрелый возраст ужасается *своего* уединения. Блажен кто находит подругу — тогда удались он *домой.*

О скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтич. — семья, любовь etc. — религия смерть.

ПУШКИН. *«Неизданный Пушкин». Собрание А. Ф. Онегина. «Атеней».* 1922, стр. 137, 138.

(Осенью 1836 г.). (В частной картинной галлерее). Я натолкнулась на фигуру, которая показалась мне очень знакома... При втором взгляде я узнала Пушкина. Я воображала его черным брюнетом, но его волосы не темнее моих, — длинные, непричесанные, маленький ростом, с заросшим лицом, некрасив, только глаза, как угли, блестят в беспрерывном движении. Я, разумеется, забыла картину, чтобы смотреть на него. И он, кажется, это заметил, несколько раз, взглядывая на меня, улыбался, видно, на моем лице изображалось какое-то adoration (обожание).

ЕЛ. А. ГАН—сестре своей Ек. А. Витте, осенью 1836 г. *Рус. Стар.,* 1836, т. 51, стр. 353.

Опекой над детьми и имуществом Пушкина всего уплачено долгов Пушкина по 50 счетам около 120 000 р. Прочитывая дело опеки об уплате долгов Пушкина, можно наглядно видеть, в каких тисках материальной необеспеченности был поэт в последние годы своей жизни, насколько тяжело было его финансовое положение, из которого, повидимому, не было исхода... Векселя, выданные разным частным лицам, требования об уплате долгов со стороны многочисленных кредиторов, начиная от книгопродавца и кончая лавочником, поставлявшим поэту провизию; заклад ростовщику Шишкину шалей, жемчуга и даже чужого серебра; долг даже собственному камердинеру, — все это дорисовывает ту по истине трагическую обстановку, в которой должен был жить поэт.

Среди вещей, заложенных Пушкиным, было и серебро, принадлежащее его свояченице, фрейлине Александре Ник. Гончаровой, а также 30 фунтов серебра, принадлежавшего С. А. Соболевскому.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. Архив опеки над детьми и имуществом Пушкина. *П-н и его совр-ки,* вып. XIII, стр. 97, 98, 109.

В. И. М-ч рассказывал мне, со слов Н. П. Семенова, члена Госуд. Совета, о следующем случае: приехав молодым в Петербург, Н. П. Семенов с кем-то из своих родственников (*цензором В. Н. Семеновым*) шел по улице и вдруг услышал вдали шум. Показалась толпа народа; родственник Семенова предупредил его, что они сейчас встретят императора Николая Павловича; но оказалось, что толпа сопровождала Пушкина, которому при этом кричали: «Браво, Пушкин!», аплодировали и т. п.

А. И. МАРКЕВИЧ. Пушкинские заметки. *П-н и его совр-ки*, вып. III, стр. 105.

Уже не задолго перед смертию Пушкин в Александровском театре сидел рядом с двумя молодыми людьми, которые беспрестанно, кстати и некстати, аплодировали Асенковой, в то время знаменитой актрисе. Не зная Пушкина и видя, что он равнодушен к игре их любимцы, они начали шептаться и заключили довольно громко, что сосед их дурак. Пушкин, обратившись к ним, сказал:

— Вы, господа, назвали меня дураком; я — Пушкин и дал бы теперь же каждому из вас по оплеухе, да не хочу: Асенкова подумает, что я ей аплодирую.

(М. М. ПОПОВ). *Рус. Старина*, 1874, № 8, 686.

(Тот же анекдот о воздержании Пушкина от пощечины из боязни, чтоб ее не приняли за аплодисмент Асенковой, несколько в иной редакции рассказан П. М. Снегиревым в его дневнике под 23 сент. 1836 г. — Рус. Арх. 1902, III, 182).

Дед мой, барон В. К. Клодт, передавал мне факт, относящийся к последним годам Пушкина, когда поэта травили его светские недруги. Как-то он обедал у Н. И. Греча. Приехал Пушкин. Только что сели за стол и подали суп, как вошел слуга и подал Пушкину какое-то письмо. Пушкин нервно сорвал конверт и с видимой тревогой стал пробегать письмо. На это хозяйка, жена Греча, очень резко заметила Пушкину по-французски приблизительно в том смысле, что «вероятно, письмо очень любопытное, если monsieur Пушкин даже забывает из-за него о приличии». Пушкин побледнел, встал и вышел.

Н. Л. ЩЕГОЛЕВ. *Новое о Пушкине*. Спб. 1902, стр. 31.

Когда появился «Полководец», Пушкин спрашивал молодого Россета (учившегося в Пажеском корпусе), как находят эти стихи в его кругу, между военною молодежью, и прибавил, что он не дорожит мнением знатного, светского общества.

А. О. РОССЕТ по записи Бартенева. *Рус. Арх.*, 1882, I, 245.

Возвратившись в октябре в Петербург, жил я у тетки Васильчиковой. Пушкин, увидев меня у Вяземских, отвел в сторону и сказал: «не говорите моей жене о письме». Она спросила меня своим волшебным голосом извинения. Все было забыто. *(Речь об извинительном письме, которое Сологуб, по требованию Пушкина, написал его жене в мае 1836 г., — см. выше).*

Гр. В. А. СОЛОГУБ. Записка, бывшая в распоряжении Аненкова. *Б. Модзалевский.* «*Пушкин*». 376.

Почти каждый день ходили мы с Пушкиным гулять по толкучему рынку, покупали там сайки, потом, возвращаясь по Невскому проспекту, предлагали эти сайки светским разряженным щеголям, которые бегали от нас с ужасом. Вечером мы встречались у Карамзиных, у Вяземских, у князя Одоевского и на светских балах. Отношения его к Дантесу были уже весьма недружелюбные. Однажды, на вечере у князя Вяземского, он вдруг сказал, что Дантес носит перстень с изображением обезьяны. Дантес был тогда легитимистом и носил на руке портрет Генриха V.

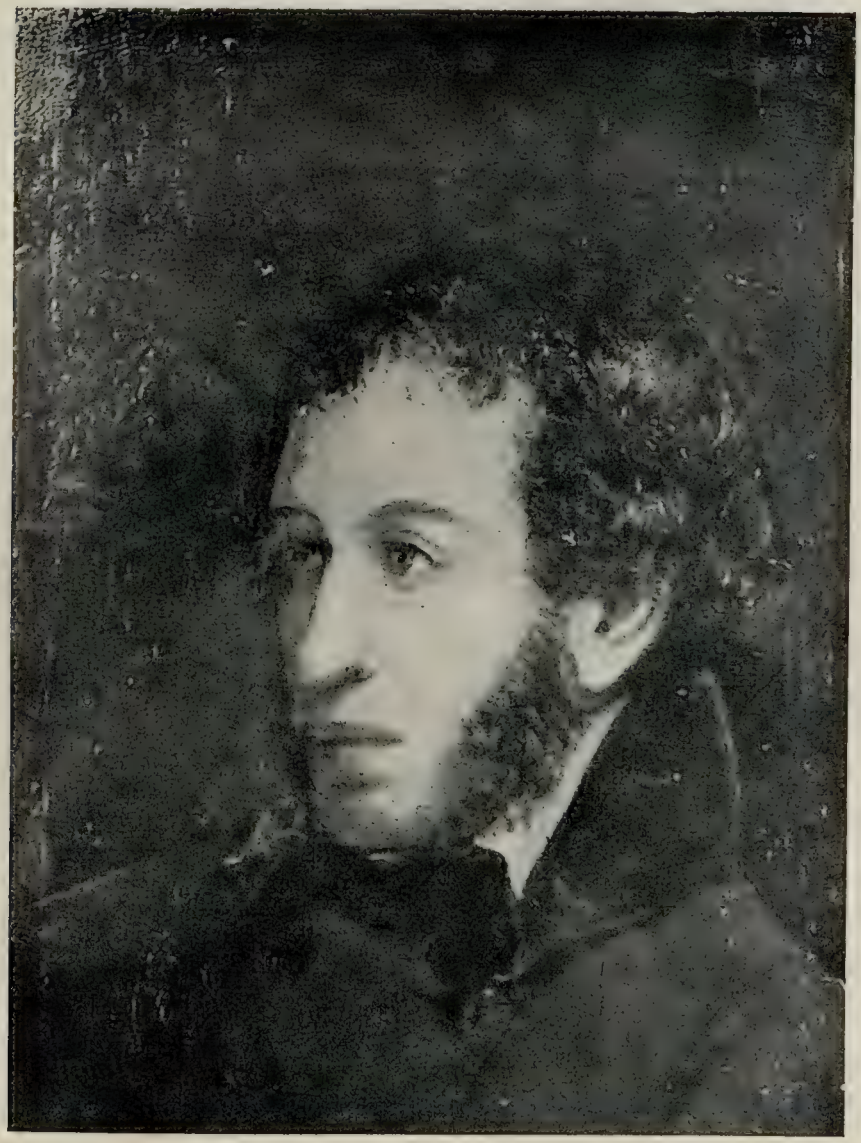
— Посмотрите на эти черты, — воскликнул тотчас Дантес, — похожи ли они на г. Пушкина?

Размен невежливости остался без последствия. Пушкин говорил отрывисто и едко. Скажет, бывало, колкую эпиграмму и вдруг зальется звонким добродушным, детским смехом, выказывая два ряда белых арабских зубов. В сущности Пушкин был до крайности несчастлив, и главное его несчастие заключалось в том, что он жил в Петербурге и жил светской жизнью, его убившей. Пушкин находился в среде, над которой не мог не чувствовать своего превосходства, а между тем, в то же время чувствовал себя почти постоянно униженным и по достатку, и по значению в этой аристократической сфере, к которой он имел, как я сказал выше, какое-то непостижимое пристрастие. Когда при разъездах кричали: — Карету Пушкина! — Какого Пушкина? — Сочинителя! — Пушкин обижался, конечно, не за название, а за то пренебрежение, которое

оказывалось к названию. За это и он оказывал наружное будто бы пренебрежение к некоторым светским условиям, не следовал моде и ездил на балы в черном галстуке, в двубортном жилете, с откидными, пенакрахмаленными воротничками, подражая, быть может, невольно Байроновскому джентльменству; прочим же условиям он подчинялся. Жена его была красавица, украшение всех собраний и следовательно предмет зависти всех ее сверстниц. Для того, чтоб приглашать ее на балы, Пушкин пожалован был камер-юнкером. Певец свободы, наряженный в придворный мундир, для сопутствования жене-красавице, играл роль жалкую, сдва ли не смешную. Пушкин был не Пушкин, а царедворец и муж. Это он чувствовал глубоко. К тому же светская жизнь требовала значительных издержек, на которые у Пушкина часто не доставало средств. Эти средства он хотел пополнить игрою, но постоянно проигрывал, как все люди, нуждающиеся в выигрыше. Наконец, он имел много литературных врагов, которые не давали ему покоя и уязвляли его раздражительное самолюбие, провозглашая с свойственной этим господам самоуверенностью, что Пушкин ослабел, исписался, что было совершенно ложь, но ложь, все-таки, обидная. Пушкин возражал с свойственной ему сокрушительной едкостью, но не умел приобрести необходимого для писателя равнодушия к печатным оскорблениям. Журнал его, «Современник», шел плохо. Пушкин не был рожден журналистом. В свете его не любили, потому что боялись его эпиграмм, на которые он не скупился, и за них он нажил себе в целых семействах, в целых партиях врагов непримиримых. В семействе он был счастлив, насколько может быть счастлив поэт, не рожденный для семейной жизни. Он обожал жену, гордился ее красотой и был в ней вполне уверен. Он ревновал к ней не потому, что в ней сомневался, а потому, что страшился светской молвы, страшился сделаться еще более смешным перед светским мнением. Эта боязнь была причиной его смерти, а не г. Дантес, которого бояться ему было нечего. Он вступался не за обиду, которой не было, а боялся огласки, боялся молвы, и видел в Дантесе не серьезного соперника, не посягателя на его настоящую честь, а посягателя на его имя, и этого он не перенес.

Гр. В. А. СОЛОГУБ. *Воспоминания*, 175—178.

Пушкин сам виноват был: он открыто ухаживал сначала за Смирновою, потом за Свиступовою (ур. гр. Сологуб). Жена сначала страшно ревновала, потом стала равнодушна и привыкла к неверностям мужа. Сама оставалась ему верна, и все обходилось легко и ветрено.



Кн. Вяземская предупреждала Пушкину относительно последствий ее обращения с Геккерном. «Я люблю вас, как своих дочерей. Подумайте, чем это может кончиться!» — «Мне с ним весело. Он мне просто нравится. Будет то же, что было два года сряду».

Влюбленная в Геккерна, высокая, рослая старшая сестра Екатерина Николаевна нарочно устраивала свидания Натальи Николаевны с Геккерном, чтобы только повидать предмет своей тайной страсти.

Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ по записи Бартенева. *Рус. Арх.*, 1888, II, 305—307.

В зиму 1836—1837 года мне как-то раз случилось пройтись несколько шагов по Невскому проспекту с Н. Н. Пушкиной, сестрой ее Е. Н. Гончаровой и молодым Геккерном *(Дантесом);* в эту самую минуту Пушкин промчался мимо нас, как вихрь, не оглядываясь, и мгновенно исчез в толпе гуляющих. Выражение лица его было страшно. Для меня это было первый признак разразившейся драмы.

Кн. ПАВЕЛ ВЯЗЕМСКИЙ. Собр. соч., 555.

Я здесь меньше о Пушкине слышу, чем в Тригорском даже; об жене его гораздо больше говорят еще, чем об нем; от времени до времени я постоянно слышу, как кто-нибудь кричит об ее красоте.

АН. Н. ВУЛЬФ — бар. Е. Н. Вревской, 10 окт. 1836 г., из Петербурга. *П-н и его совр-ки*, XXI—XXII, 341 *(фр.-рус.)*.

Праздновали двадцатипятилетие лицея Юдин, Мясоедов, Гревениц, Яковлев, Мартынов, Модест Корф, А. Пушкин, Алексей Илличевский, С. Комовский, Ф. Стевен, К. Данзас.

Собрались вышеупомянутые господа лицейские в доме у Яковлева и пировали следующим образом: 1) обедали вкусно и шумно, 2) выпили три здоровья (по заморскому toasts): a) за двадцатипятилетие лицея, b) за благоденствие лицея, c) за здоровье отсутствующих, 3) читали письма, писанные некогда отсутствующим братом Кюхельбекером к одному из товарищей, 4) читали старинные протоколы и песни и проч. бумаги, хранящиеся в архиве лицейском у старосты Яковлева, 5) поминали лицейскую старину, 6) пели национальные песни, 7) Пушкин начинал читать стихи на 25-летие лицея, но всех стихов не припомнил

и кроме того отозвался, что он их не докончил, но обещал докончить, списать и приобщить в оригинале к сегодняшнему протоколу.

Примечание. Собрались все в половине пятого часа, разошлись в половине десятого.

ПРОТОКОЛ ПРАЗДНОВАНИЯ 25-ЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ ОСНОВАНИЯ ЛИЦЕЯ, 19 октября 1836 г. *П-н и его совр-ки,* XIII, 60.

Один из лицейских товарищей Пушкина передал нам. Известно, что воспитанники лицея собирались 19 октября к одному из товарищей, читали стихи, беседовали о прошлом и записывали слова и речи присутствующих, обозначая последних школьными именами и указывая, где находились те из них, кого не было на лицо. По обыкновению, и к 1836 г. Пушкин приготовил лирическую песнь, но не успел ее докончить. В день праздника он извинился перед товарищами, что прочтет им пьесу, не вполне доделанную, развернул лист бумаги, помолчал немного и только что начал, при всеобщей тишине:

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался...

как слезы покатились из глаз его. Он положил бумагу на стол и отошел в угол комнаты, на диван... Другой товарищ уже прочел за него последнюю лицейскую годовщину.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы, 417.*

По свидетельству М. Л. Яковлева, поэт только что начал читать первую строфу, как слезы полились из его глаз, и он не мог продолжать чтения... Пушкин читал наизусть и, следовательно, никто не мог дочитать его стихов.

В. П. ГАЕВСКИЙ. Празднование лицейских годовщин. *Отеч. Записки,* 1861, т. 139, стр. 38.

19 число праздновалось по обыкновению, между нами... Приметно стареем мы! Никто лишнего уже не пьет, никто с избытком сердца уже не веселится. Впрочем, время провели мы весьма приятно. — Все разошлись чинно в десятом часу. — Пушкин было начинал стихи на 25-ле-

тие, но не вспомнил. Обещал их докончить и доставить. Проходит месяц, а обещание еще не выполнено. Боюсь — обманет.

М. Л. ЯКОВЛЕВ—В. Д. Вольховскому, 24 ноября 1836 г. *Н. Гастфрейнд. Товарищи Пушкина по царскосельскому лицею.* Спб. 1912 г., т. I, стр. 155.

Не знаю ничего про сестру, которая из деревни уехала больною. Муж ее, выводивший меня сначала из терпения совершенно бесполезными письмами, не подает более признаков жизни теперь, когда речь идет об устройстве его дел. Леон *(Лев Сергеевич, младший брат поэта)* вступил в службу и просит у меня денег; я сам в очень расстроенных обстоятельствах, обременен многочисленным семейством, содержа его трудами и не смея заглядывать в будущее. — Я рассчитывал съездить в Михайловское и не мог. Это расстраивает меня по крайней мере еще на год. В деревне я бы много работал, — здесь я ничего не делаю, как только раздражаюсь до желчи.

ПУШКИН—отцу своему С. Л. Пушкину, 20 окт. 1836 г., из Петербурга. *П-н и его совр-ки*, XXXVII, 2 *(фр.)*.

(У Жуковского.) — Помню я собранья
Под его гостеприимным кровом, —
Вечера субботние: рекою
Наплывали гости, и являлся
Он, — чернокудрявый, огнеокий,
Пламенный Онегина создатель,
И его веселый, громкий хохот
Часто был шагов его предтечей;
Меткий ум сверкал в его рассказе,
Быстродвижные черты лица
Изменялись непрерывно; губы,
И в молчаньи, жизненным движеньем
Обличали вечную кипучесть
Зоркой мысли. Часто едкой злостью
Острие играющего слова
Оправлял он; но и этой злости
Было прямодушие основой, —
Благородство творческой души,
Мучимой, тревожимой, язвимой
Низкими явленьями сей жизни.

В. Г. БЕНЕДИКТОВ. Воспоминание. *В. Каллаш. Русские поэты о Пушкине.* 118.

Старик Геккерен был человек хитрый, расчетливый еще более, чем развратный; молодой же Геккерен был человек практический, дюжинный, добрый малый, балагур, вовсе не ловелас, ни дон-жуан, а приехавший в Россию сделать карьеру. Волокитство его не нарушало никаких великосветских петербургских приличий.

Кн. П. П. ВЯЗЕМСКИЙ. *Собр. соч.*, 558.

Старик барон Геккерен был известен распутством. Он окружал себя молодыми людьми наглого разврата и охотниками до любовных сплетен и всяческих интриг по этой части; в числе их находились кн. Петр Долгоруков и граф Л. С.

Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ по записи Бартенева. *Рус. Арх.*, 1888, II, 305.

Геккерен — низенький старик, всегда улыбающийся, отпускающий шуточки, во все мешающийся.

АРК. О. РОССЕТ. *Рус. Арх.*, 1882, I, 246.

Граф А-н как-то сказал барону Дантесу:

—D'antes, on vous dit un homme à bonnes fortunes *(Дантес, про вас говорят, что вам очень везет).*

— Mariez vous, m-r le comte, et je vous le prouverai *(женитесь, граф, и я вам это докажу)!*

А. МЕРДЕР. *Рус. Стар.*, 1902, т. 112, стр. 602.

От 19 до 27 октября 1836 г. Дантес был болен.

В. В. НИКОЛЬСКИЙ (по данным архива Кавалергардского полка). *В. Никольский. Идеалы Пушкина.* Спб, изд. 4, 1899, стр. 129.

Пушкина чувствовала к Геккерену *(Дантесу)* род признательности за то, что он постоянно занимал ее и старался быть ей приятным.

П. И. Бартенев со слов кн-ни В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ. *Рус. Арх.*, 1888, II, 311.

Прелестная жена, которая любила славу своего мужа более для успехов своих в свете, предпочитала блеск и бальную залу всей поэзии в мире и, по странному противоречию, пользуясь всеми плодами литературной известности Пушкина, исподтишка немножко гнушалась тем, что она, светская женщина par excellence — привязана к мужу homme de lettres, — эта жена, с семейственными и хозяйственными хлопотами, привела к Пушкину ревность и отогнала его музу.

Гр. М. А. КОРФ. Записка. *Я. Грот*, 251.

Жена его любила мужа вовсе *не для успехов своих в свете* и немало не *гнушалась* тем, что была женою d'un homme de lettres. В ней вовсе не было чванства, да и по рождению своему не принадлежала она высшему аристократическому кругу.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. Примечания к «Записке» М. А. Корфа. *Собр. соч. П. Н. Вяземского*, 493.

Наталью Николаевну звали «âme de dentelles» *(кружевная душа)*.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1908, III, 295.

Посылая довольно часто к г-же Пушкиной книги и театральные билеты при коротких записках, полагаю, что в числе оных находились некоторые, коих выражения могли возбудить его щекотливость, как мужа... Выше помянутые записки и билеты были мною посылаемы г-же Пушкиной прежде, нежели я был женихом.

ЖОРЖ ГЕККЕРЕН (ДАНТЕС). Показание перед военным судом, 10 февраля 1837 г. *Дуэль Пушкина. Подлинное военно-судное дело.* Спб. 1900, стр. 61.

Н. Н. Пушкина бывала очень часто у Вяземских и всякий раз, как она приезжала, являлся и Геккерен, про которого уже знали, да и он сам не скрывал, что Пушкина очень ему нравится. Сберегая честь своего дома, княгиня напрямик объявила нахалу-французу, что она просит его свои ухаживания за женою Пушкина производить где-нибудь в другом доме. Через несколько времени он опять приезжает вечером и не от-

ходит от Натальи Николаевны. Тогда княгиня сказала ему, что ей остается одно — приказать швейцару, коль скоро у подъезда их будет несколько карет, не принимать г-на Геккерена. После этого он прекратил свои посещения, и свидания его с Пушкиной происходили уже у Карамзиных.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов кн-ни В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ. *Рус. Арх.*, 1888, II, 308.

Кн. Вяземский сказал Дантесу, что не может принимать его вместе с Пушкиным. Он опять явился. Тогда княгиня Вяземская напрямик ему объявила, что он рискует увидеть карету у ее подъезда и услышать от швейцара, что их нет дома.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1906, III, 619.

Старик Геккерен всячески заманивал Наталью Николаевну на скользкий путь. Едва ей удастся избегнуть встречи с ним, как, всюду преследуя ее, он, как тень, вырастает опять перед ней, искусно находя случан нашептывать ей о безумной любви сына, способного, в порыве отчаяния, наложить на себя руки, описывая картины его мук и негодуя на ее холодность и бессердечие. Раз, на балу в Дворянском Собрании, полагая, что почва уже достаточно подготовлена, он настойчиво принялся излагать ей целый план бегства за границу, обдуманный до мельчайших подробностей, под его дипломатической эгидой... Вернувшись с бала, Наталья Николаевна, еще кипевшая негодованием, передала Александре Николаевне это позорное предложение.

Есть повод думать, что барон продолжал роковым образом руководить событиями. Вероятно, до сведения Натальи Николаевны дошло и письмо его к одной даме, препровожденное в аудиториат во время следствия о дуэли Пушкина, где, пытаясь обелить сына, он набрасывает гнусную тень на ее поведение с прозрачными намеками на существовавшую между ними связь.

А. П. АРАПОВА. *Новое Время*, № 11416, иллюстр. прил., стр. 7.

Старый Геккерен написал Наталье Николаевне письмо, чтоб убедить ее оставить своего мужа и выйти за его приемного сына. Александрина

вспоминает, что Н. Н-на отвечала на это решительным отказом, но она уже не помнит, было ли это сделано устно или письменно.

Бар. ГУСТАВ ФРИЗЕНГОФ (со слов своей жены Ал. Ник. Гончаровой) — А. П. Араповой. *Красная Нива*, 1929, № 24, стр. 10. *(фр.)*.

Я якобы подстрекал моего сына к ухаживаниям за г-жею Пушкиной! Обращаюсь к ней самой по этому поводу. Пусть она покажет под присягой, что ей известно, и обвинение падет само собой. Она сама сможет засвидетельствовать, сколько раз предостерегал я ее от пропасти, в которую она летела, она скажет, что в своих разговорах с нею я доводил свою откровенность до выражений, которые должны были ее оскорбить, но вместе с тем и открыть ей глаза; по крайней мере, я на это надеялся.

Если г-жа Пушкина откажет мне в своем признании, то я обращусь к свидетельству двух особ, двух дам, высокопоставленных и бывших поверенными всех моих тревог, которым я день за днем давал отчет во всех моих усилиях порвать эту несчастную связь.

Мне возразят, что я должен бы был повлиять на сына? Г-жа Пушкина и на это могла бы дать удовлетворительный ответ, воспроизведя письмо, написать которое я потребовал от сына, — письмо, адресованное к ней, в котором он заявлял, что отказывается от каких бы то ни было видов на нее. Письмо отнес я сам и вручил его в собственные руки. Г-жа Пушкина воспользовалась им, чтобы доказать мужу и родне, что она никогда не забывала вполне своих обязанностей.

Бар. ГЕККЕРЕН-СТАРШИЙ — графу К. В. Нессельроде, 1 марта 1837 г. *Щеголев*, 293 *(фр.)*.

XVI

АНОНИМНЫЙ ПАСКВИЛЬ, ПЕРВЫЙ ВЫЗОВ, ЖЕНИТЬБА ДАНТЕСА

АНОНИМНЫЙ ПАСКВИЛЬ. ПЕРВЫЙ ВЫЗОВ. ЖЕНИТЬБА ДАНТЕСА

Утром 4-го ноября я получил три экземпляра анонимного письма, оскорбительного для моей чести и для чести моей жены. По виду бумаги, по слогу письма, по манере изложения я в ту же минуту удостоверился, что оно от иностранца, человека высшего общества, дипломата. Я приступил к розыскам. Я узнал, что в тот же день семь или восемь лиц получили по экземпляру того же письма, в двойных конвертах, запечатанных и адресованных на мое имя. Большинство из получивших эти письма, подозревая какую-нибудь подлость, не переслали их мне.

ПУШКИН — гр. А. Х. Бенкендорфу, 21 ноября 1836 г. *(фр.)*.

Великие кавалеры, командоры и рыцари светлейшего Ордена *Рогоносцев* в полном собрании своем, под председательством великого магистра Ордена, его превосходительства Д. Л. Нарышкина [1], *единогласно выбрали Александра Пушкина коадъютором (заместителем) великого магистра Ордена Рогоносцев и историографом ордена.*

Непременный секретарь: граф І. Борх.

АНОНИМНЫЙ «ДИПЛОМ», полученный Пушкиным 4 ноября 1836 г. *А. С. Поляков. О смерти П-на.* Спб. 1922, стр. 14. *(фр.)*.

[1] Муж красавицы Марии Антоновны, бывшей в связи с императором Александром I и имевшей от него дочь.

Я жил тогда в Большой Морской, у тетки моей Васильчиковой. В первых числах ноября (1836) она велела однажды утром меня позвать к себе и сказала:

— Представь себе, какая странность! Я получила сегодня пакет на мое имя, распечатала и нашла в нем другое запечатанное письмо, с надписью: Александру Сергеевичу Пушкину. Что мне с этим делать?

Говоря так, она вручила мне письмо, на котором было действительно написано кривым, лакейским почерком: «Александру Сергеевичу Пушкину». Мне тотчас же пришло в голову, что в этом письме что-нибудь написано о моей прежней личной истории с Пушкиным, что следовательно уничтожить я его не должен, а распечатать не в праве. Затем я отправился к Пушкину и, не подозревая нисколько содержания приносимого мною гнусного пасквиля, передал его Пушкину. Пушкин сидел в своем кабинете, распечатал конверт и тотчас сказал мне:

— Я уже знаю, что такое; я такое письмо получил сегодня же от Елиз. Мих. Хитровой; это мерзость против жены моей. Впрочем, понимаете, что безъименным письмом я обижаться не могу. Если кто-нибудь сзади плюнет на мое платье, так это дело моего камердинера вычистить платье, а не мое. Жена моя — ангел, никакое подозрение коснуться ее не может. Послушайте, что я по сему предмету пишу г-же Хитровой.

Тут он прочитал мне письмо, вполне сообразное с его словами. В сочинении присланного ему всем известного диплома он подозревал одну даму, которую мне и назвал. Тут он говорил спокойно, с большим достоинством, и, казалось, хотел оставить все дело без внимания. Только две недели спустя, я узнал, что в этот же день он послал вызов кавалергардскому поручику Дантесу, усыновленному, как известно, голландским посланником, бароном Геккереном.

Гр. В. А. СОЛОГУБ. *Воспоминания*, 178.

Неумеренное и довольно открытое ухаживание молодого Геккерена за г-жею Пушкиной порождало сплетни в гостиных и мучительно озабочивало мужа. Несмотря на это, он, будучи уверен в привязанности к себе своей жены и в чистоте ее помыслов, не воспользовался своею супружескою властью, чтобы во-время предупредить последствия этого ухаживания, которое и привело на самом деле к неслыханной катастрофе, разразившейся на наших глазах. 4-го ноября моя жена вошла ко мне в кабинет с запечатанной запискою, адресованной Пушкину, которую она только что получила в двойном конверте по городской почте. Она заподозрела в ту же минуту, что здесь крылось что-нибудь оскорбительное для

Пушкина. Разделяя ее подозрения и воспользовавшись правом дружбы, которая связывала меня с ним, я решился распечатать конверт и нашел в нем диплом. Первым моим движением было бросить бумагу в огонь, и мы с женою дали друг другу слово сохранить все это в тайне. Вскоре мы узнали, что тайна эта далеко не была тайной для многих лиц, получивших подобные письма, и даже Пушкин не только сам получил такое же, но и два других подобных, переданных ему его друзьями, не знавшими их содержания и поставленными в такое же положение, как и мы. Эти письма привели к объяснениям супругов Пушкиных между собой и заставили невинную, в сущности, жену признаться в легкомыслии и ветренности, которые побуждали ее относиться снисходительно к навязчивым ухаживаниям молодого Геккерена; она раскрыла мужу все поведение молодого и старого Геккеренов по отношению к ней; последний старался склонить ее изменить своему долгу и толкнуть ее в пропасть. Пушкин был тронут ее доверием, раскаянием и встревожен опасностью, которая ей угрожала, но, обладая горячим и страстным характером, не мог отнестись хладнокровно к положению, в которое он с женой был поставлен: мучимый ревностью, оскорбленный в самых нежных, сокровенных своих чувствах, в любви к своей жене, видя, что честь его задета чьей-то неизвестной рукою, он послал вызов молодому Геккерену, как единственному виновнику, в его глазах, в двойной обиде, нанесенной ему. Необходимо при этом заметить, что, как только были получены эти анонимные письма, он заподозрел в их сочинении старого Геккерена и умер с этой уверенностью. Мы так никогда и не узнали, на чем было основано это предположение, и до самой смерти Пушкина считали его недопустимым. Только неожиданный случай дал ему впоследствии некоторую долю вероятности. На этот счет не существует никаких юридических доказательств, ни даже положительных оснований.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — вел. кн. Михаилу Павловичу. *Щеголев*, стр. 257 *(фр.)*.

Геккерен был педераст, ревновал Дантеса и поэтому хотел поссорить его с семейством Пушкина. Отсюда письма анонимные и его сводничество.

П. В. АННЕНКОВ. Записи. *Б. Модзалевский, «Пушкин»*, 1929, стр. 341.

Когда появились анонимные письма, посылать их было очень удобно; в это время только что учреждена была городская почта. Князь Гагарин

и Долгоруков посещали иногда братьев Россет, живших вместе со Скалоном на Михайловской площади в доме Занфтлебена. К. О. Россет получил анонимное письмо и по почерку стал догадываться, что это от них. Он, по совету Скалона, не передал Пушкину ни письма, ни своего подозрения.

Вяземские жили тут же подле Мещерских, т. е. близ дома Вильегорских, на углу большой Итальянской и Михайловской площади (ныне Кочкурова).

А. О. РОССЕТ по записи Бартенева. *Рус. Арх.*, 1882, I, 248.

Ревность Пушкина усилилась, и уверенность, что публика знает про стыд его, усиливала его негодование; но он не знал, на кого излить оное, кто бесчестил его сими письмами. Подозрение его и многих приятелей его падало на барона Геккерена. Барон Геккерен за несколько месяцев перед тем усыновил Дантеса, передал ему фамилию свою и назначил его своим наследником. Какие причины побудили его к оному, осталось неизвестным; иные утверждали, что он его считал сыном своим, быв в связи с его матерью; другие, что он из ненависти к своему семейству давно желал кого-нибудь усыновить, и что выбрал Дантеса потому, что полюбил его. Любовь Дантеса к Пушкиной ему не нравилась. Геккерен имел честолюбивые виды и хотел женить своего приемыша на богатой невесте. Он был человек злой, эгоист, которому все средства казались позволительными для достижения своей цели, известный всему Петербургу злым языком, перессоривший уже многих, презираемый теми, которые его проникли. Весьма правдоподобно, что он был виновником сих писем с целью поссорить Дантеса с Пушкиным и, отвлекши его от продолжения знакомства с Натальей Николаевной, исцелить его от любви и женить на другой. Сколь ни гнусен был сей расчет, Геккерен был способен составить его. Подозрение пало также на двух молодых людей, кн. Петра Долгорукого и кн. Гагарина; особенно на последнего. Оба князя были дружны с Геккереном и следовали его примеру, распуская сплетни. Подозрение подтверждалось адресом на письме, полученном К. О. Россет; на нем подробно описан был не только дом его жительства, но куда повернуть, взойдя на двор, по какой идти лестнице и какая дверь его квартиры. Сии подробности, неизвестные Геккерену, могли только знать эти два молодые человека, часто посещавшие Россета, и подозрение, что кн. Гагарин был помощником в сем деле, подкрепилось еще тем, что он был очень мало знаком с Пушкиным и казался очень

убитым тайною грустью после смерти Пушкина. Впрочем, участие, им принятое в пасквиле, не было доказано, и только одно не подлежит сомнению, это то, что Геккерен был их сочинитель. Последствия доказали, что государь в этом не сомневался, и говорят, что полиция имела на то неоспоримые доказательства.

Н. М. СМИРНОВ. Памятные заметки. *Рус. Арх.*, 1882, I, 234.

Зимою 1836—1837 г., на одном из Петербургских больших вечеров, стоявший позади Пушкина молодой князь П. В. Долгорукий (впоследствии известный генеалог) кому-то указывал на Дантеса и при этом подымал вверх пальцы, растопыривая их рогами. В это время уже ходили в обществе безъимянные письма, рассылаемые к приятелям Пушкина для передачи ему. Граф Адлерберг знал о том. Находясь в постоянных дружеских сношениях с Жуковским, восхищаясь дарованием Пушкина, он тревожился мыслию о сем последнем. Ему вспомнилось, что кавалергард Дантес как-то выразил желание проехаться на Кавказ и подраться с горцами. Граф Адлерберг поехал к вел. кн. Михаилу Павловичу (который тогда был главнокомандующим гвардейского корпуса) и, сообщив ему свои опасения, говорил, что следовало хотя на время удалить Дантеса из Петербурга. Но остроумный француз-красавец пользовался большим успехом в обществе. Его считали украшением балов. Он подкупал и своим острословием, до которого великий князь был большой охотник, и меру, предложенную Адлербергом, не успели привести в исполнение.

П. И. Бартенев со слов гр. В. Ф. АДЛЕРБЕРГА. *Рус. Арх.*, 1892, II, 489.

Причины дуэли отца мать моя исключительно объясняла тем градом анонимных писем, пасквилей, которые в конце 1836 г. отец мой стал получать беспрестанно. Едва только друзья его В. А. Жуковский, кн. П. А. Вяземский успокоят отца моего,—он вновь получает письма и приходит в сильнейшее раздражение. Авторами писем мать моя всегда признавала кн. Петра Владимировича Долгорукова, которого называли bancal, — известного своею крайне дурной репутацией. — Другое лицо, на которого указывал моя мать, как на автора безымянных писем, был кн. Иван Сергеевич Гагарин; по мнению матери, он и ушел в орден

иезуитов, чтобы замолить свой грех перед моим отцом. Впрочем, если Гагарин потом отрицал свою вину, то ему еще можно было поверить.

Гр. Н. А. МЕРЕНБЕРГ (дочь Пушкина), по записи М. И. Семевского. *Модзалевский, Оксман, Цявловский. Новые материалы*, 127, 129.

Впоследствии узнал я, что подкидные письма, причинившие поединок, писаны были кн. Ив. Серг. Гагариным, с намерением подразнить и помучить Пушкина. Несчастный исход дела поразил князя до того, что он расстроился в уме, уехал в чужие края, принял католическую веру и поступил в орден иезуитов. В пребывание мое в Париже (1845—47 г.), был он послушником монастыря в Монруже и исправлял самые унизительные работы; потом в иезуитском доме учил грамоте нищих мальчишек. Впоследствии, кажется, повышен был в чине.

Н. И. ГРЕЧ. *Записки о моей жизни. Спб. 1886*, стр. 456.

К братьям моим К. О. и А. О. Россетам часто ходил кн. Иван Гагарин, и в городе толковали о неурядице в доме Пушкина. Гагарин вышел от них в смущении и сказал: «Гаже анонимных писем ничего не может быть». Он уже получил свое, написанное незнакомым почерком. Вслед за ним братья, Скалон, Карамзины, Вяземский, Жуковский, Виельгорский, даже государь получили эти злополучные письма. Кого подозревать? Все единогласно обвиняли банкаля *(кривоногого)* Долгорукова, он один способен на подобную гадость.

А. О. СМИРНОВА. *Автобиография*, 299.

Автором этих записок, по сходству почерка, Пушкин подозревал барона Геккерена-отца. После смерти Пушкина многие в этом подозревали князя Гагарина (вступившего потом в иезуиты); теперь же подозрение это осталось за жившим тогда вместе с ним князем Петром Влад. Долгоруковым. Поводом к подозрению кн. Гагарина послужило то, что письма были писаны на бумаге, одинакового формата с бумагою кн. Гагарина.

А. АММОСОВ, 9.

Мне только что сказали, что Дантес-Геккерен хочет начать дело с *(кн. П. Вл.)* Долгоруковым, и что он намеревается доказать, что именно

Т. Ростопч

Долгоруков составил подлые анонимные письма, следствием которых была смерть Пушкина. Уже давно у меня была тысяча мелких поводов предполагать, что это жестокое дело исходило от Долгорукова. В свое время предполагали, что его совершил *(кн. П. С.)* Гагарин, и что угрызения совести в этом поступке заставили последнего сделаться католиком и иезуитом; главнейший повод к такому предположению дала бумага, подобную которой, как утверждали, видали у Гагарина. Со своей стороны я слишком люблю и уважаю Гагарина, чтобы иметь на него хотя бы малейшее подозрение; впрочем, в прошедшем году я самым решительным образом расспрашивал его об этом; отвечая мне, он даже и не думал оправдывать в этом себя, уверенный в своей невинности; но, оправдывая Долгорукова в этом деле, он рассказал мне о многих фактах, которые показались мне скорее доказывающими виновность этого последнего, чем что-либо другое. Во всяком случае оказывается, что Долгоруков жил тогда вместе с Гагариным, что он прекрасно мог воспользоваться бумагою последнего, и что поэтому главнейшее основание направленных против него подозрений могло пасть на него, Гагарина.

Княгиня *(жена кн. П. Вл. Долгорукова)* утверждала (и это говорила она всем), что ее муж ей сказал, что он — автор всей этой интриги.

С. А. СОБОЛЕВСКИЙ — светл. кн. С. М. Воронцову, 7 февраля 1862 г. *Б. Модзалевский, Ю. Оксман, М. Цявловский. Новые материалы о дуэли и смерти П-на.* Спб. 1924 г., стр. 25.

На основании детального анализа почерков на данных мне анонимных пасквильных письмах об А. С. Пушкине и сличении этих почерков с образцами подлинного почерка князя Петра Владимировича Долгорукова, я заключаю, что данные мне для экспертизы в подлинниках пасквильные письма об А. С. Пушкине в ноябре 1836 года написаны несомненно собственноручно князем Петром Владимировичем Долгоруковым.

А. А. САЛЬКОВ, судебный эксперт и инспектор Научно-технического бюро ленинградского губ. уголовного розыска (авг. 1927 г.) *П. Щеголев, Дуэль, изд. 3,* стр. 525.

Государь Александр Николаевич у себя в зимнем дворце за столом, в ограниченном кругу лиц, громко сказал: — «Ну, вот теперь известен автор анонимных писем, которые были причиною смерти Пушкина; это

Нессельроде». — Слышал от особы, сидящей возле государя. Соболевский подозревал, но очень нерешительно, князя П. В. Долгорукова.

Кн. А. М. ГОЛИЦЫН. Из неизданных записок. *Московский Пушкинист*, 1927, вып. I, стр. 17 *(фр.-рус.)*.

Кн. П. А. Вяземский в письме к А. Я. Булгакову от 8 апреля 1837 г. писал: «под конец одна гр. *Н. (графиня М. Д. Нессельроде)* осталась при нем *(Геккерене старшем)*, но все-таки не могла вынести его, хотя и плечиста, и грудиста, и брюшиста». Женщина, упоминаемая в письме, одаренная характером независимым, непреклонная в своих побуждениях, верный и горячий друг своих друзей, руководимая личными убеждениями и порывами сердца, самовластно председательствовала в высшем слое Петербургского общества и была последней, гордой могущественной представительницей того интернационального ареопага, который свои заседания имел в Сенжерменском предместье Парижа, в салоне княгини Меттерних в Вене и в салоне графини Нессельроде в доме министерства иностранных дел в Петербурге. Ненависть Пушкина к этой последней представительнице космополитного олигархического ареопага едва ли не превышала ненависть его к Булгарину. Пушкин не пропускал случая клеймить эпиграммическими выходками и анекдотами свою надменную антагонистку, едва умевшую говорить по-русски. Женщина эта паче всего не могла простить Пушкину его эпиграммы на отца ее, графа Гурьева, бывшего министром финансов в царствование императора Александра I.

Кн. ПАВ. ВЯЗЕМСКИЙ. Собр. соч., 562.

Графу С. С. Уварову приписывали распространение пасквиля рассылкою лицам высшего круга, даже незнакомым с Пушкиным, копий с этого пасквиля, сделанных во множестве по приказанию графа.

П. А. ЕФРЕМОВ. *Соч. Пушкина, изд. Суворина*. 1905, т. VIII, стр. 623.

В ноябре 1836 г. Пушкин вместе с Матюшкиным был у М. Л. Яковлева в день его рождения[1]; еще тут был князь Эристов, воспитанник

[1] Мих. Л. Яковлев, лицейский товарищ Пушкина, родился 19 сентября (см. *И. А. Гастфрейнд. Товарищи Пушкина по царскосельскому лицею*, II, 221). Очевидно, праздновался не день его рождения, а день ангела, — 8 ноября.

второго курса, и больше никого. Пушкин явился последним и был в большом волнении. После обеда они пили шампанское. Вдруг Пушкин вынимает из кармана полученное им анонимное письмо и говорит: «посмотрите, какую мерзость я получил». Яковлев (директор типографии II-го Отделения собственной е. в. канцелярии) тотчас обратил внимание на бумагу этого письма и решил, что она иностранная и, по высокой пошлине, наложенной на такую бумагу, должна принадлежать какому-нибудь посольству. Пушкин понял всю важность этого указания, стал делать розыски и убедился, что эта бумажка голландского посольства.

Я. К. Грот со слов лицейского товарища *П-на*.
Ф. Ф. МАТЮШКИНА. *Я. Грот*, 282.

В то время несколько шалунов из молодежи, — между прочим Урусов, Опочинин, Строганов, мой кузен, — стали рассылать анонимные письма по мужьям-рогоносцам. В числе многих получил такое письмо и Пушкин.

Кн. А. В. ТРУБЕЦКОЙ. *Щеголев*, 405.

Вообще говоря, это низкое и неосновательное оскорбление вызвало негодование; но, повторяя, что поведение моей жены было безупречно, все говорили, что поводом к этой клевете послужило настойчивое ухаживание за нею г. Дантеса. Я не мог допустить, чтобы имя моей жены в такой истории связывалось с именем кого бы то ни было. Я поручил сказать это г. Дантесу. Барон Геккерен приехал ко мне и принял вызов за г. Дантеса, попросив отсрочки на две недели.

ПУШКИН — гр. А. Х. Бенкендорфу, 21 ноября 1836 г. *(фр.)*.

Вызов Пушкина не попал по своему назначению. В дело вмешался старый Геккерен. Он его принял, но отложил окончательно решение на 24 часа, чтобы дать Пушкину возможность обсудить все более спокойно. Найдя Пушкина, по истечении этого времени, непоколебимым, он рассказал ему о своем критическом положении и затруднениях, в которые его поставило это дело, каков бы ни был исход; он ему говорил о своих отеческих чувствах к молодому человеку, которому он посвятил всю свою жизнь, с целью обеспечить ему благосостояние. Он прибавил, что видит все здание своих надежд разрушенным до основания в ту самую минуту, когда считал свой труд доведенным до конца. Чтобы приготовиться ко

всему, могущему случиться, он попросил новой отсрочки на неделю. Принимая вызов от лица молодого человека, т. е. своего сына, как он его называл, он, тем не менее, уверял, что тот совершенно не подозревает о вызове, о котором ему скажут только в последнюю минуту. Пушкин, тронутый волнением и слезами отца, сказал: «Если так, то не только неделю, — я вам даю две недели сроку и обязуюсь честным словом не давать никакого движения этому делу до назначенного дня и при встречах с вашим сыном вести себя так, как если бы между нами ничего не произошло». Итак, все должно было остаться без перемены до решающего дня. Начиная с этого момента, Геккерен пустил в ход все военные приемы и дипломатические хитрости. Он бросился к Жуковскому и Михаилу Вильгорскому, чтобы уговорить их стать посредниками между ним и Пушкиным. Их миролюбивое посредничество не имело никакого успеха.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — вел. кн. Михаилу Павловичу, 14 февраля 1837 г., *Щеголев*, 258 *(фр.)*.

Пушкин, преследуемый анонимными письмами, писал Геккерну, кажется через брата жены своей, Гончарова, вызов на поединок. Названный отец Геккерна, старик-Геккерн, не замедлил принять меры. Князь Вяземский встретился с ним на Невском, и он стал рассказывать ему свое горестное положение: говорил, что всю жизнь свою он только и думал, как бы устроить судьбу своего питомца, что теперь, когда ему удалось перевести его в Петербург, вдруг приходится расстаться с ним, потому что во всяком случае, кто из них ни убьет друг друга, разлука несомненна. Он передавал князю Вяземскому, что он желает сроку на две недели для устройства дел, и просил князя помочь ему. Князь тогда же понял старика и не взялся за посредничество; но Жуковского старик разжалобил: при его посредстве Пушкин согласился ждать две недели.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов кн. П. А. Вяземского. *Рус. Арх.*, 1888, II, 307.

6 ноября. Гончаров *(брат Натальи Николаевны)*, у меня *(в Царском Селе)* — моя поездка в Петербург. К Пушкину. Явление Геккерна. Мое возвращение к Пушкину.

7 ноября. Я поутру у Загряжской *(Ек. Пв-ны, тетки Нат. Ник-ны Пушкиной)*. От нее к Геккерну. *(Mes antécédents.* Неизвестное совершенное прежде бывшего). Открытие Геккерна. О любви сына к Катерине

(Гончаровой, сестре Нат. Ник-ны) (моя ошибка насчет имени) открытие о родстве; о предполагаемой свадьбе. — Мое слово. — Мысль все остановить.

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Конспективные заметки. *Щеголев*, 284.

Геккерен, между прочим, объявил Жуковскому, что если особенное внимание его сына к г-же Пушкиной и было принято некоторыми за ухаживание, то все-таки тут не может быть места никакому подозрению, никакого повода к скандалу, потому что барон Дантес делал это с благородною целью, имея намерение просить руки сестры г-жи Пушкиной, Кат. Ник. Гончаровой. Отправясь с этим известием к Пушкину, Жуковский советовал барону Геккерену, чтобы сын его сделал как можно скорее предложение свояченице Пушкина, если он хочет прекратить все враждебные отношения и неосновательные слухи.

К. К. ДАНЗАС по записи Аммосова. *Посл. дни Пушкина*, 10.

(7 ноября). Возвращение к Пушкину. Les révélations. Его бешенство. — Свидание с Геккерном. Извещение его Вьельгорским. Молодой Геккерн у Вьельгорского.

8 ноября. Геккерн у Загряжской. Я у Пушкина. Большое спокойствие. Его слезы. То, что я говорил о его отношениях.

9 ноября. Les révélations de Heckern *(признание Геккерна)*. — Мое предложение посредничества. Сцена втроем с отцом и сыном. Мое предложение свидания.

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Конспективные заметки. *Щеголев*, 284.

Первый твой вызов не попался в руки сыну, а пошел через отца, и сын узнал о нем только по истечении 24 часов, т. е. после вторичного свидания отца с тобою. В день моего приезда, в то время, когда я у тебя встретил Геккерна, сын был в карауле и возвратился домой на другой день в час. За какую-то ошибку он должен был дежурить три дня не в очередь. Вчера он в последний раз был в карауле и нынче в час попудни будет свободен... Эти обстоятельства изъясняют, почему он лично не мог участвовать в том, что делал его бедный отец, силясь отбиться от несчастия, которого одно ожидание сводит его с ума.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — Пушкину, 10 (?) ноября 1836 г. *Перп. Пушкина*, III, 401.

Мой сын принял вызов; принятие вызова было его первою обязанностью, но, по меньшей мере, надо объяснить ему, ему самому, по каким мотивам его вызвали. Свидание представляется мне необходимым, обязательным, — свидание между двумя противниками в присутствии лица, подобного вам, которое сумело бы вести свое посредничество со всем авторитетом полного беспристрастия и сумело бы оценить реальное основание подозрений, послуживших поводом к этому делу. Но после того, как обе стороны исполнили долг честных людей, я предпочитаю думать, что вашему посредничеству удалось бы открыть глаза г. Пушкину и сблизить двух лиц, которые доказали, что обязаны друг другу взаимным уважением.

Бар. ГЕККЕРЕН-СТАРШИЙ — В. А. Жуковскому, 9 ноября 1836 г. *Щеголев*, 82 *(фр.)*.

Я не могу еще решиться почитать наше дело конченным. Еще я не дал никакого ответа старому Геккерну; я сказал ему в моей записке, что не застал тебя дома и что, не видавшись с тобою, не могу ничего отвечать. Итак, есть еще возможность все остановить. Реши, что я должен отвечать. Твой ответ невозвратно все кончит. Но ради бога одумайся. Дай мне счастие избавить тебя от безумного злодейства, а жену твою от совершенного посрамления. Жду ответа.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — Пушкину, 9 (?) ноября 1836 г. *Переп. Пушкина*, III, 400[1].

Ты вчера, помнится мне, что-то упомянул о жандармах, как будто опасаясь, что хотят замешать в твое дело правительство. На счет этого будь совершенно спокоен. Никто из посторонних ни о чем не знает... Нынче поутру скажу старому Геккерну, что не могу взять на себя никакого посредства, ибо из разговоров с тобою вчера убедился, что посредство ни к чему не послужит... Считаю святейшею обязанностью засвидетельствовать перед тобою, что молодой Геккерн во всем том, что делал его отец, совершенно посторонний, что он так же готов драться с тобою, как и ты с ним, и что он так же боится, чтоб тайна не была как-нибудь нарушена. И отцу отдать ту же справедливость. Он в отчаянии, но вот что он мне сказал: «я приговорен к гильотине, я прибегаю к милости; если мне это не удастся, — придется взойти на гильотину.

[1] Датировка этого письма, как и следующего — по *Щеголеву* (Дуэль).

И я взойду, так как люблю честь моего сына так же, как и его жизнь». — Этим свидетельством роль, весьма жалко и неудачно сыгранная, оканчивается. Прости.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — Пушкину, 19(?) ноября 1836 г. *Переп. Пушкина*, III, 401, 402.

10 ноября. Молодой Геккерн у меня. Я отказываюсь от свидания. Мое письмо к Геккерну. Его ответ. Мое свидание с Пушкиным.

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Конспективные заметки. *Щеголев*, 284.

Через несколько дней Геккерн-отец распустил слух о предстоящем браке молодого Геккерна с Екатериной Гончаровой. Он уверял Жуковского, что Пушкин ошибается, что сын его влюблен не в жену его, а в свояченицу, что уже давно он умоляет ее отца согласиться на их брак, но что тот, находя брак этот неподходящим, не соглашался, но теперь видя, что дальнейшее упорство с его стороны привело к заблуждению, грозящему печальными последствиями, он, наконец, дал свое согласие. Отец требовал, чтобы об этом во всяком случае ни слова не говорили Пушкину, чтобы он не подумал, что эта свадьба была только предлогом для избежания дуэли. Зная характер Геккерна-отца, скорее всего можно предположить, что он говорил все это в надежде на чью-либо нескромность, чтобы обмануть доверчивого и чистосердечного Пушкина. Как бы то ни было, тайна была соблюдена, срок близился к окончанию, а Пушкин не делал никаких уступок, и брак был решен между отцом и теткой, г-жей Загряжской. Было бы слишком долго излагать все лукавые происки молодого Геккерна во время этих переговоров. Приведу только один пример. Геккерны, старый и молодой, возымели дерзкое и подлое намерение попросить г-жу Пушкину написать молодому человеку письмо, в котором она умоляла бы его не драться с ее мужем. Разумеется, она отвергла с негодованием это низкое предложение.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — вел. кн. Михаилу Павловичу. *Щеголев*, 258.

История разгласилась по городу. Отец с сыном прибегли к следующей уловке. Старик объявил, будто сын признался ему в своей страстной любви к свояченице Пушкина, будто эта любовь заставляла его так часто посещать Пушкиных, и будто он скрывал свои чувства только потому,

что боялся не получить отцовского согласия на такой ранний брак (ему было с небольшим двадцать лет). Теперь Геккерн позволял сыну жениться, и для самолюбия Пушкина дело улаживалось как нельзя лучше: стреляться ему было уже не из чего, а в городе все могли понять, что француз женится из трусости.

П. И. Бартенев со слов кн. П. А. ВЯЗЕМСКОГО
Рус. Арх., 1888, II, 307.

Мое посещение Геккерна. Его требование письма. Отказ Пушкина. Письмо, в котором упоминает о сватовстве [1]. Свидание Пушкина с Геккерном у Е. И. *(Загряжской)*.

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Конспективные заметки.
Щеголев, 284.

Я остаюсь в полном убеждении, что молодой Геккерн совершенно в стороне, и на это *вчера* еще имел доказательство, получив от отца Г. доказательство материальное, что дело, о коем идут толки [2], затеяно было еще гораздо прежде твоего вызова.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — Пушкину, в ноябре 1836 г.
Переп. Пушкина, III, 403.

Вот что a peu près ты сказал княгине *(Вяземской)* третьего дня, уже имея в руках мое письмо. Я знаю автора анонимных писем, и через

[1] «Геккерен упирался и говорил, что невозможно приступить к осуществлению брачного проекта до тех пор, пока Пушкин не возьмет вызова, ибо в противном случае в свете намерение Дантеса жениться на Гончаровой приписали бы трусливому желанию избежать дуэли. Упомянув в конспекте о посещении Геккерена, Жуковский записывает: «Его требование письма». Путь компромисса был указан, и инициатива замирения, по мысли Геккерена, должна была исходить от Пушкина. Он, Пушкин, должен был послать Геккерену письмо с отказом от вызова. Этот отказ устраивал бы господ Геккеренов. Но Пушкин не пошел и на это. «Отказ Пушкина. Письмо, в котором упоминает о сватовстве» — записывает в конспекте Жуковский. Эта запись легко поддается комментарию. Пушкин соглашался написать письмо с отказом от вызова, но такое письмо, в котором было бы упомянуто о сватовстве, как о мотиве отказа. Пушкин хотел сделать то, что Геккерену было всего неприятнее. Есть основание утверждать, что такое письмо было действительно написано Пушкиным и вручено Геккерену-отцу. Но оно, конечно, оказалось неприемлемым для Геккеренов». *Д. Щеголев*, стр. 85.

[2] Т. е. сватовство Дантеса к Е. Гончаровой.

неделю вы услышите о мщении, единственном в своем роде: оно будет полное, совершенное; оно бросит человека в грязь; подвиги Раевского — детская игра в сравнении с тем, что я собираюсь сделать, и тому подобное.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — Пушкину в ноябре 1836 г. *Переп. Пушкина*, III, 404.

Кн. Вяземский, с которым я гулял, просил меня узнать, что замышляет Пушкин. Я пошел к нему и встретил его на Мойке. «Жены нет дома», — сказал он. Мы пошли гулять и зашли к Смирдину, где он отдал записку к Кукольнику. «Вам не приходится иметь дело с этим народом», — сказал он.

Гр. В. А. СОЛОГУБ. Записка, бывш. в распор. Анненкова. *Модзалевский, «Пушкин»*, 377.

Я продолжал затем гулять, по обыкновению, с Пушкиным и не замечал в нем особой перемены. Однажды спросил я его только, не дознался ли он, кто сочинил подметные письма. Точно такие же письма были получены всеми членами тесного Карамзинского кружка, но истреблены ими тотчас по прочтении. Пушкин отвечал мне, что не знает, но подозревает одного человека. «Если вам нужен посредник или секундант, — сказал я ему, — то располагайте мной». Эти слова сильно тронули Пушкина, и он мне сказал тут несколько таких лестных слов, что я не смею их повторить; но слова эти остались отраднейшим воспоминанием моей литературной жизни. Порадовав меня своим отзывом, Пушкин прибавил:

— Дуэли никакой не будет; но я, может быть, попрошу вас быть свидетелем одного объяснения, при котором присутствие светского человека мне желательно, для надлежащего заявления, в случае надобности.

Все было говорено по-французски.

Гр. В. А. СОЛОГУБ. *Воспоминания*, 179.

Барон Геккерн сообщил мне, что он уполномочен уведомить меня, что все те основания, по которым вы вызвали меня, перестали существовать, и что посему я могу смотреть на этот ваш поступок, как на не имевший места.

Когда вы вызвали меня без объяснения причин, я без колебаний принял этот вызов, так как честь обязывала меня это сделать. В настоящее время вы уверяете меня, что вы не имеете более оснований

желать поединка. Прежде, чем вернуть вам ваше слово, я желаю знать, почему вы изменили свои намерения, не уполномочив никого представить вам объяснения, которые я располагал дать вам лично. Вы первый согласитесь с тем, что прежде, чем взять свое слово обратно, каждый из нас должен представить объяснения для того, чтобы впоследствии мы могли относиться с уважением друг к другу.

ЖОРЖ ДАНТЕС-ГЕККЕРЕН — Пушкину. *Щеголев*, 278 *(фр.)*.

Письмо Дантеса к Пушкину и его бешенство. Снова дуэль. Секундант. Письмо Пушкина.

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Конспективные заметки. *Щеголев*, 284.

Я был совершенно покоен насчет последствий писем, но через несколько дней должен был разувериться. У Карамзиных праздновался день рождения старшего сына[1]. Я сидел за обедом подле Пушкина. Во время общего веселого разговора он вдруг нагнулся ко мне и сказал скороговоркой:

— Ступайте завтра к д'Аршиаку. Условьтесь с ним только насчет материальной стороны дуэли. Чем кровавее, тем лучше. Ни на какие объяснения не соглашайтесь...

Потом он продолжал шутить и разговаривать, как бы ни в чем ни бывало. Я остолбенел, но возражать не осмелился. В тоне Пушкина была решительность, не допускавшая возражений.

Вечером я поехал на большой раут к австрийскому посланнику, графу Фикельмону. На рауте все дамы были в трауре по случаю смерти Карла X. Одна Катерина Николаевна Гончарова, сестра Натальи Николаевны Пушкиной (которой на рауте не было), отличалась от прочих белым платьем. С ней любезничал Дантес-Геккерн. Пушкин приехал поздно, казался очень встревожен, запретил Катерине Николаевне говорить с Дантесом и, как узнал я потом, самому Дантесу высказал несколько более чем грубых слов. С д'Аршиаком, статным молодым секретарем французского посольства, мы выразительно переглянулись и разошлись, не будучи знакомы. Дантеса я взял в сторону и спросил его, что он за человек. — «Я человек честный, — отвечал он, — и надеюсь это скоро

[1] День рождения Ек. Андр. Карамзиной (вдовы историка), 16 ноября *П. Щеголев, Дуэль*, 93.

доказать». — Затем он стал объяснять, что не понимает, что от него Пушкин хочет; что он поневоле будет с ним стреляться, если будет к тому принужден; но никаких ссор и скандалов не желает.

Гр. В. А. СОЛОГУБ. *Воспоминания*, 180—181.

Я взял Дантеса в сторону. — «Что вы за человек?» — спросил я. — «Что за вопрос», — отвечал он и начал врать. — «Что вы за человек?» — повторил я. — «Я человек честный, мой дорогой, и скоро я это докажу». Разговор наш продолжался долго. Он говорил, что чувствует, что убьет Пушкина, а что с ним могут делать, что хотят: на Кавказ, в крепость, — куда угодно. Я заговорил о жене его. — «Мой дорогой, она жеманница». Впрочем, об дуэли он не хотел говорить. — «Я все поручил д'Аршиаку. Я к вам пришлю д'Аршиака или моего отца». С д'Аршиаком я не был знаком. Мы поглядели друг на друга. После я узнал, что Пушкин подошел к нему на лестнице и сказал: — «Вы, французы, — вы очень любезны. Вы все знаете латинский язык, но когда вы деретесь, вы становитесь за тридцать шагов и стреляете. Мы, русские, — чем дуэль... *(пропуск в рукописи Анненкова)*, тем жесточе должна она быть».

Гр. В. А. СОЛОГУБ. Записка, бывш. в распор. Анненкова. *В. Модзалевский*, «*Пушкин*», 378.

Записка Н. Н. *(Нат. Ник. Пушкиной)* ко мне и мой совет. Это было на рауте Фикельмона.

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Конспективные заметки. *Щеголев*, 284.

На другой день, — это было во вторник 17 ноября, — я поехал сперва к Дантесу. Он ссылался во всем на д'Аршиака. Наконец, сказал: — «Вы не хотите понять, что я женюсь на Екатерине. Пушкин берет назад свой вызов, но я не хочу, чтобы получилось впечатление, будто я женюсь для избежания дуэли. Притом я не хочу, чтобы во всем этом произносилось имя женщины. Вот уже год, как старик (Геккерен) не хочет позволить мне жениться». Я поехал к Пушкину. Он был в ужасном порыве страсти. — «Дантес подлец. Я ему вчера сказал, что плюю на него. — говорил он. — Вот что. Поезжайте к д'Аршиаку и устройте с ним материальную сторону дуэли. Как секунданту, должен я вам сказать причину дуэли. В обществе говорят, что Дантес ухаживает за моей женой.

Иные говорят, что он ей нравится, другие, что нет. Все равно, я не хочу, чтобы их имена были вместе. Получив письмо анонимное, я его вызвал. Геккерн просил отсрочки на две недели. Срок кончен, д'Аршиак был у меня. Ступайте к нему». — «Дантес, — сказал я, — не хочет, чтоб имена женщин в этом деле называли». — «Как! — закричал Пушкин. — А для чего же это все?» — И пошел, и пошел. — «Не хотите быть моим секундантом? Я возьму другого».

Гр. В. А. СОЛОГУБ. Записка, бывшая в распоряжении Анненкова. *Б. Модзалевский, «Пушкин»*, 379.

На другой день *(17-го ноября)* погода была страшная: снег, метель. Я поехал сперва к отцу моему, жившему на Мойке, потом к Пушкину, который повторил мне, что я имею только условиться на счет материальной стороны самого беспощадного поединка, и, наконец, с замирающим сердцем, отправился к д'Аршиаку. Каково же было мое удивление, когда с первых слов д'Аршиак объявил мне, что он всю ночь не спал, что он хотя не русский, но очень понимает, какое значение имеет Пушкин для русских, и что наша обязанность сперва просмотреть все документы, относящиеся до порученного нам дела. Затем он мне показал: 1) Экземпляр ругательного диплома на имя Пушкина. 2) Вызов Пушкина Дантесу после получения диплома. 3) Записку посланника барона Геккерна, в которой он просил, чтобы поединок был отложен на две недели. 4) Собственноручную записку Пушкина, в которой он объявлял, что берет свой вызов назад на основании слухов, что г. Дантес женится на его невестке, К. Н. Гончаровой.

Я стоял пораженный, как будто свалился с неба. Об этой свадьбе я ничего не слыхал, ничего не ведал и только тут понял причину вчерашнего белого платья, причину двухнедельной отсрочки, причину ухаживания Дантеса. Все хотели остановить Пушкина. Один Пушкин того не хотел. Мера терпения преисполнилась. При получении глупого диплома от безыменного негодяя, Пушкин обратился к Дантесу, потому что последний, танцуя часто с Натальей Николаевной, был поводом к мерзкой шутке. Самый день вызова неопровержимо доказывет, что другой причины не было. Кто знал Пушкина, тот понимает, что не только в случае кровной обиды, но даже при первом подозрении, он не стал бы дожидаться подметных писем. Одному богу известно, что он в это время выстрадал, воображая себя осмеянным и поруганным в большом свете, преследовавшем его мелкими, беспрерывными оскорблениями. Он в лице

Дантеса искал или смерти, или расправы с целым светским обществом. Я твердо убежден, что, если бы С. А. Соболевский был тогда в Петербурге, он, по влиянию его на Пушкина, один мог бы удержать его. Прочие были не в силах.

— Вот положение дела, — сказал д'Аршиак. — Вчера кончился двухнедельный срок, и я был у г. Пушкина с извещением, что мой друг Дантес готов к его услугам. Вы понимаете, что Дантес желает жениться, но не может жениться иначе, как если г. Пушкин откажется просто от своего вызова без всякого объяснения, не упоминая о городских слухах. Г. Дантес не может допустить, чтоб о нем говорили, что он был принужден жениться, и женился во избежание поединка. Уговорите г. Пушкина безусловно отказаться от вызова. Я вам ручаюсь, что Дантес женится, и мы предотвратим, может быть, большое несчастие [1].

Этот д'Аршиак был необыкновенно симпатичной личностью и сам скоро умер насильственной смертью на охоте. Мое положение было самое неприятное: я только теперь узнал сущность дела; мне предлагали самый блистательный исход, то, что я и требовал, и ожидать бы никак не смел, а между тем я не имел поручения вести переговоры. Потолковав с д'Аршиаком, мы решили съехаться в три часа у самого Дантеса. Тут возобновились те же предложения, но в разговорах Дантес не участвовал, все предоставив секунданту. Никогда в жизни своей я не ломал так головы. Наконец, потребовав бумаги, я написал по-французски Пушкину записку.

Гр. В. А. СОЛОГУБ. *Воспоминания*, 181.

Я был, согласно вашему желанию, у г. д'Аршиака, чтобы условиться о времени и месте. Мы остановились на субботе, так как в пятницу я не могу быть свободен, в стороне Парголова, ранним утром, на 10 шагов расстояния. Г. д'Аршиак добавил мне конфиденциально, что барон Геккерн окончательно решил объявить о своем брачном намерении, но, удерживаемый опасением показаться желающим избежать дуэли, он может сделать это только тогда, когда между вами все будет кончено, и вы засвидетельствуете словесно перед мной или г. д'Аршиаком, что вы не приписываете его брака расчетам, недостойным благородного человека.

Не имея от вас полномочия согласиться на то, что я одобряю от всего сердца, я прошу вас, во имя вашей семьи, согласиться на это пред-

[1] Я говорил, что на Пушкина надо было глядеть, как на больного, а потому можно несколько мелочей оставить в стороне. *Записка, бывшая в распоряжении Анненкова. Б. Модзалевский*, 380.

ложение, которое примирит все стороны. Нечего говорить о том, что д'Аршиак и я ручаемся за Геккерена. Будьте добры дать ответ тотчас.

Гр. В. А. СОЛОГУБ — Пушкину, 17 ноября 1836 года, *Переп. П—на,* III, 408 *(фр.).*

Д'Аршиак прочитал внимательно записку, но не показал ее Дантесу, несмотря на его требование, а передал мне и сказал:

— Я согласен. Пошлите.

Я позвал своего кучера, отдал ему в руки записку и приказал везти на Мойку, туда, где я был утром. Кучер ошибся и отвез записку к отцу моему, который жил тоже на Мойке и у которого я тоже был утром. Отец мой записки не распечатал, но узнав мой почерк и очень встревоженный, выглядел условия о поединке. Однако, он отправил кучера к Пушкину, тогда как мы около двух часов оставались в мучительном ожидании. Наконец, ответ был привезен.

Гр. В. А. СОЛОГУБ. *Воспоминания,* 184.

Я не колеблюсь написать то, что я могу заявить словесно. Я вызвал г. Ж. Геккерена на дуэль, и он принял ее, не входя ни в какие объяснения. Я прошу господ свидетелей этого дела соблаговолить рассматривать этот вызов, как не существовавший, осведомившись по слухам, что г. Ж. Геккерен решил объявить свое решение жениться на m-lle Гончаровой после дуэли. Я не имею никакого основания приписывать его решение соображениям, недостойным благородного человека. Я прошу вас, граф, воспользоваться этим письмом по вашему усмотрению.

ПУШКИН — гр. В. А. Сологубу, 17 ноября 1836 года. *Переп.,* III, 409 *(фр.).*

— Этого достаточно, — сказал д'Аршиак, ответа Дантесу не показал и поздравил его женихом. Тогда Дантес обратился ко мне со словами:

— Ступайте к г. Пушкину и поблагодарите его, что он согласен кончить нашу ссору. Я надеюсь, что мы будем видаться, как братья.

Поздравив со своей стороны Дантеса, я предложил д'Аршиаку лично повторить эти слова Пушкину и ехать со мной. Д'Аршиак и на это согласился. Мы застали Пушкина за обедом. Он вышел к нам несколько бледный и выслушал благодарность, переданную ему д'Аршиаком.

— С моей стороны, — продолжал он, — я позволил себе обещать, что вы будете обходиться со своим зятем, как со знакомым.

— Напрасно, — воскликнул запальчиво Пушкин. — Никогда этого не будет. Никогда между домом Пушкина и домом Дантеса ничего общего быть не может.

Мы грустно переглянулись с д'Аршиаком. Пушкин затем немного успокоился.

— Впрочем, — добавил он, — я признал и готов признать, что г. Дантес действовал, как честный человек.

— Больше мне и не нужно, — подхватил д'Аршиак и поспешно вышел из комнаты.

Гр. В. А. СОЛОГУБ. Воспоминания, 184.

По рассказу Матюшкина, Дантес был сын сестры Геккерена и Голландского короля, усыновленный богатым дядей. Геккерен не мог простить Пушкину, что он так круто повернул женитьбу Дантеса на своей свояченице. Это было так: Пушкин, возвратясь откуда-то домой, находит Дантеса у ног своей жены. Дантес, увидя его, поспешно встал. На вопрос Пушкина, что это значит, Дантес отвечал, что он умолял Наталью Николаевну уговорить сестру свою итти за него. На это Пушкин сухо заметил, что тут не о чем умолять, что ничего нет легче: он звонит, приказывает вошедшему человеку позвать Катерину Николаевну и говорить ей: «Voila M. Dantes qui demande ta main, согласна ли ты?» Затем Пушкин прибавляет, что он тотчас же испросит на этот брак разрешение императрицы (К. Н. была фрейлина), едет во дворец и привозит это разрешение.

Я. ГРОТ, 282.

Осенью 1836 г. Пушкин пришел к Клементию Осип. Россету и, сказав, что вызвал на дуэль Дантеса, просил его быть секундантом. Тот отказывался, говоря, что дело секундантов, вначале, стараться о примирении противника, а он этого не может сделать, потому что не терпит Дантеса, и будет рад, если Пушкин избавит от него петербургское общество; потом он недостаточно хорошо пишет по-французски, чтоб вести переписку, которая в этом случае должна быть ведена крайне осмотрительно; но быть секундантом на самом месте поединка, когда уже все будет условлено, Россет был готов. После этого разговора Пушкин повел его прямо к себе обедать. За столом подали Пушкину письмо. Прочитав его, он обратился к старшей своей свояченице, Екатерине Нико-

лаевне: — «Поздравляю, вы невеста; Дантес просит вашей руки». Та бросила салфетку и побежала к себе. Наталья Николаевна за нею. — Каков! — сказал Пушкин Россету про Дантеса.

П. И. Бартенев со слов А. О. РОССЕТА. *Рус. Арх.*, 1882, I, 247.

Что происходило по получении вызова в вертепе у Геккерена и Дантеса, неизвестно; но в тот же день Пушкин, сидя за обедом, получает письмо, в котором Дантес просит руки старшей Гончаровой, сестры Наталии Николаевны. Удивление Пушкина было невыразимое; казалось, что все сомнения должны были упасть перед таким доказательством, что Дантес не думает о его жене. Но Пушкин не поверил сей неожиданной любви, а так как не было причины отказать в руке свояченицы, тридцатилетней девушки, которой Дантес нравился, то и было изъявлено согласие. Помолвка Дантеса удивила всех и всех обманула. Друзья Пушкина, видя, что ревность его продолжается, напали на него, упрекая в безрассудстве; он же оставался неуспокоенным и не верил, что свадьба состоится.

Н. М. СМИРНОВ. *Рус. Арх.*, 1882, I, 235.

Геккерен *(Дантес)*, взбешенный холодностью Натальи Николаевны, заметной для всех в свете, и неудачей, постигшей все попытки отца, отважился посетить ее на дому, но случай натолкнул его в сенях на возвращающегося Пушкина.

Одного вида соперника было достаточно, чтобы забушевала в нем африканская кровь и, взбешенный предположением, что так нахально нарушается его запрет, — он немедленно обратился к молодому человеку с вопросом, что побуждает его продолжать посещения, когда ему хорошо должно быть известно, до какой степени они ему неприятны?

Самообладание не изменило Геккерену. Зрел ли давно задуманный план в его уме, или, вызванная желанием предотвратить возможное столкновение, эта мысль мгновенно озарила его, — кто может это решить? Хладнокровно, с чуть заметной усмешкой, выдержал он натиск первого гнева и в свою очередь вежливо спросил, отчего Пушкин так волнуется его ухаживанием, которое не может компрометировать его жену, так как отнюдь к ней не относится.

— Я люблю свояченицу вашу, Екатерину Николаевну, и это чувство настолько искренно и серьезно, что я готов сейчас просить ее руки.

Это признание озадачило Александра Сергеевича.

Несмотря на неожиданность, он мгновенно взвесил цену доказательства. Молодому, блестящему красавцу-иностранцу, который мог бы выбирать из самых лучших и выгодных партий, из любви к одной сестре связать себя навеки со старшей, отцветающей бесприданницею, — это было бы необъяснимым безумием, и разом просветленный, он уже добродушно объяснил ему, что участь Екатерины Николаевны не от него зависит, и что для дальнейших объяснений ему следует обратиться к тетушке, Екатерине Ивановне Загряжской, как старшей представительнице семьи.

Наталью Николаевну это неожиданное сватовство поразило еще сильнее мужа. Она слишком хорошо видела в этом поступке необузданность страсти, чтобы не ужаснуться горькой участи, ожидавшей ее сестру.

Екатерина Николаевна сознавала, что ей суждено любить безнадежно, и потому, как в волшебном чаду, выслушала официальное предложение, переданное ей тетушкою, боясь поверить выпадавшему ей на долю счастью. Тщетно пыталась сестра открыть ей глаза, поверяя все хитро-сплетенные интриги, которыми до последней минуты пытались ее опутать, и рисуя ей картину семейной жизни, где с первого шага Екатерина Николаевна должна будет бороться с целым сонмом ревнивых подозрений и невыразимой мукой сознания, что обидное равнодушие служит ответом ее страстной любви.

На все доводы она твердила одно:

— Сила моего чувства к нему так велика, что, рано или поздно, оно покорит его сердце, а перед этим блаженством страдание не страшит!

Наконец, чтобы покончить с напрасными увещаниями, одинаково тяжелыми для обеих, Екатерина Николаевна в свою очередь не задумалась упрекнуть сестру в скрытой ревности, наталкивающей ее на борьбу за любимого человека.

— Вся суть в том, что ты не хочешь, ты боишься его мне уступить, — запальчиво бросила она ей в лицо.

Краска негодования разлилась по лицу Натальи Николаевны:

— Ты сама не веришь своим словам, Catherine! Ухаживание Геккерена сначала забавляло меня, оно льстило моему самолюбию: первым побуждением служила мысль, что муж заметит новый, шумный успех, и это пробудит его остывшую любовь. Я ошиблась! Играя с огнем, можно обжечься. Геккерен мне понравился. Если бы я была свободна, — не знаю, во что бы могло превратиться мимолетное увлечение. Постыдного в нем ничего нет! Перед мужем я даже и помыслом не грешна, и в

твоей будущей жизни помехой, конечно, не стану. Это ты хорошо знаешь. Видно, от своей судьбы никому не уйти!

И на этом покончилось все объяснение сестер.

А. П. АРАПОВА. *Новое Время*, 1907, № 11421, иллюстр. прил., стр. 5.

Порицание поведения Геккерена справедливо и заслужено: он точно вел себя, как гнусная каналья. Сам сводничал Дантесу в отсутствие Пушкина, уговаривал жену его отдаться Дантесу, который будто к ней умирал любовью, и все это тогда открылось, когда после первого вызова на дуэль Дантеса Пушкиным, Дантес вдруг посватался на сестре Пушкиной; тогда жена открыла мужу всю гнусность поведения обоих, быв во всем совершенно невинна.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I — вел. кн. Михаилу Павловичу, 3 февр. 1837 г. *Рус. Стар.*, 1902, т. 110, стр. 226.

Когда Пушкин узнал о свадьбе, уже решенной, он, конечно, должен был счесть ее достаточным для своей чести удовлетворением, так как всему свету было ясно, что этот брак по рассудку, а не по любви. Чувства, или так называемые «чувства» молодого Геккерена получили гласность такого рода, которая делала этот брак довольно двусмысленным. Вследствие этого Пушкин взял свой вызов обратно, но объявил самым положительным образом, что между его семьей и семейством свояченицы он не потерпит не только родственных отношений, но даже простого знакомства, и что ни их нога не будет у него в доме, ни его — у них. Тем, кто обращался к нему с поздравлениями по поводу этой свадьбы, он отвечал во всеуслышание: «Tu l'as voulu, Georges Dandin». Говоря по правде, надо сказать, что мы все, так близко следившие за развитием этого дела, никогда не предполагали, чтобы молодой Геккерен решился на этот отчаянный поступок, лишь бы избавиться от поединка. Он сам был, вероятно, опутан темными интригами своего отца. Он приносил себя ему в жертву. Я его, по крайней мере, так понял. Но часть общества захотела усмотреть в этой свадьбе подвиг высокого самоотвержения ради спасения чести г-жи Пушкиной.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — вел. кн. Михаилу Павловичу, 14 февр. 1837 г. *Щеголев*, 259 *(фр.)*.

Слава богу, — кажется, все кончено. Жених и почтенной его батюшка были у меня с предложением. К большому щастию, за четверть часа перед ними приехал старшой Гончаров и он объявил им родительское согласие; итак, все концы в воду. Сегодня жених подает просьбу по форме о позволении женитьбы и завтра от невесты поступит к императрице. Теперь позвольте мне от всего моего сердца принести вам мою благодарность и простите все мучения, которые вы претерпели во всё сие бурное время, я бы сама пришла к вам, чтоб отблагодарить, но право сил нету.

Е. И. ЗАГРЯЖСКАЯ — В. А. Жуковскому. *Щеголев*, 288.

Согласие Екатерины Гончаровой и все ее поведение в этом деле непонятны, если только загадка эта не объясняется просто ее желанием во что бы то ни стало выйти из ряда зрелых дев. Пушкин все время думал, что какая-нибудь случайность помешает браку в самом же начале. Все же он совершился.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — вел. кн. Михаилу Павловичу, 14 февр. 1837 г. *Щеголев*, 260 *(фр.)*.

Вечером на бале С. В. Салтыкова свадьба была объявлена, но Пушкин Дантесу не кланялся. Он сердился на меня, что, несмотря на его приказание, я вступил в переговоры. Свадьбе он не верил.

— У него, кажется, грудь болит, — говорил он, — того глядп, уедет за границу. Хотите биться об заклад, что свадьбы не будет? Вот у вас тросточка. У меня бабья страсть к этим игрушкам. Проиграйте мне ее.

— А вы проиграете мне все ваши сочинения?

— Хорошо. (Он был в это время как-то желчно весел).

Гр. В. А. СОЛОГУБ. *Воспоминания*, 185.

19 ноября 1836 г. отдано было в полковом приказе: «Неоднократно поручик барон де-Геккерен подвергался выговорам за неисполнение своих обязанностей, за что уже и был несколько раз наряжаем без очереди дежурным при дивизионе; хотя объявлено вчерашнего числа, что я буду сегодня делать репетицию ординарцам, на коей он и должен был находиться, но не менее того... на оную опоздал, за что и делаю ему строжайший выговор и наряжаю дежурным на пять раз».

С. А. ПАНЧУЛИДЗЕВ. *Сборник биографий кавалергардов*, 77.

— Послушайте, — сказал мне Пушкин через несколько дней, — вы были более секундантом Дантеса, чем моим; однако я не хочу ничего делать без вашего ведома. Пойдемте в мой кабинет.

Он запер дверь и сказал: «Я прочитаю вам мое письмо к старику Геккерену. С сыном уже покончено... Вы мне теперь старичка подавайте».

Тут он прочитал мне всем известное письмо к голландскому посланнику. Губы его задрожали, глаза налились кровью. Он был до того страшен, что только тогда я понял, что он действительно африканского происхождения. Что мог я возразить против такой сокрушительной страсти? Я промолчал невольно, и так как это было в субботу (приемный день князя Одоевского), то поехал к кн. Одоевскому. Там я нашел Жуковского и рассказал ему про то, что слышал. Жуковский испугался и обещал остановить посылку письма. Действительно, это ему удалось; через несколько дней он объявил мне у Карамзиных, что дело он уладил и письмо послано не будет. Пушкин точно не отсылал письма, но сберег его у себя на всякий случай.

Гр. В. А. СОЛОГУБ, *Воспоминания*, 186.

Нанести решительный удар... сочиненное вами, и три экземпляра безымянного письма... роздали... смастерили... беспокоимся более. Действительно, не прошло и трех дней в розысках, как я узнал, в чем дело. Если дипломатия не что иное, как искусство знать о том, что делается у других, и разрушать их замыслы, то вы отдадите мне справедливость и сознаетесь, что сами потерпели поражение на всех пунктах... Может быть, вы желаете знать, что мешало мне до сих пор опозорить вас в глазах нашего двора и вашего... Я добр, простодушен... Но сердце мое чувствит... Дуэли мне уже недостаточно... самый след этого гнусного дела, из которого мне легко будет написать главу в моей истории рогоносцев.

ПУШКИН — бар. Геккерену-Старшему. Первоначальная редакция письма от 21 ноября 1836 г. (черновик). *Рус. Стар.*, 1880 *(фр.)*.

Случилось, что в продолжение двух недель г. Дантес влюбился в мою свояченицу, Гончарову, и просил у нее руки. Между тем я убедился, что анонимное письмо было от Геккерена, о чем считаю обязанностью довести до сведения правительства и общества. Будучи единственным судьею и хранителем моей чести и чести моей жены, — почему и не тре-

бую ни правосудия, ни мщения, — не могу и не хочу представлять доказательств кому бы то ни было в том, что я утверждаю.

ПУШКИН — гр. А. Х. Бенкендорфу, 21 ноября 1836 г. *(фр.)*.

1836 г. Месяц ноябрь. Присутствие их величеств в собственном дворце. Понедельник, 23-го. С девяти часов его величество принимал с докладом военного министра ген.-адъютанта графа Чернышева, ген.-лейтенанта гр. Грабовского *(и т. д.)*. 10 минут 2-го часа его величество один в санях выезд имел прогуливаться по городу и возвратился в 3 часа во дворец. По возвращении его величество принимал генерал-адъютанта графа Бенкендорфа и камер-юнкера Пушкина.

ЗАПИСЬ В КАМЕР-ФУРЬЕРСКОМ ЖУРНАЛЕ «*Огонек*», 1928, № 24.

Князь П. А. Вяземский и все друзья Пушкина не понимали и не могли себе объяснить поведения Пушкина в этом деле. Если между молодым Геккереном и женою Пушкина не прерывались в гостиных дружеские отношения, то это было в силу общечеловеческого, непзменного приличия, и сношения эти не могли возбудить не только ревности, но даже и неудовольствия со стороны Пушкина. Сам Пушкин говорил, что с получения безымянного письма он не имел ни минуты спокойствия. Оно так и должно было быть... Для Пушкина минутное ощущение, пока оно не удовлетворено, становилось жизненною потребностью... Чистосердечно сообщаемый женою разговор не заслуживал доверия в его глазах и мог только раздражать его самолюбие. В последние два месяца жизни Пушкин много говорил о своем деле с Геккереном, а отзывы его друзей и их молчание — все должно было перевертывать в нем душу и убеждать в необходимости кровавой развязки.

Кн. ПАВ. П. ВЯЗЕМСКИЙ. «*Пушкин*», II, 67—68.

25 ноября 1836 г. взято Пушкиным у Шишкина 1 250 руб. под залог шалей, жемчуга и серебра.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. Архив опеки над имуществом Пушкина. *П-н и его совр-ки*, XIII, 98.

(Вторая половина ноября 1836 г., на «пятнице» у А. Ф. Воейкова). В это время вошел кудрявый, желтовато-смуглый брюнет с довольно густыми, темными бакенбардами, с смеющимися живыми глазами и с обликом лица южного, как бы негритянского происхождения... На Пушкине был темно-кофейного цвета сюртук с бархатным воротником, в левой руке он держал черную баранью кавказскую кабардинку с красным верхом. На шее у него был повязан шелковый платок довольно густо, и из-за краев этого платка виднелся порядочно измятый воротник белой рубашки. Когда Пушкин улыбался своею очаровательною улыбкой, алые широкие его губы обнаруживали ряды красивых зубов поразительной белизны и яркости (стр. 182).

... Пушкин кинулся с ногами на диван, при чем, в полном смысле слова, помирал со смеху, хохоча звонко с легким визгом. Пришедши несколько в себя и вытирая слезы, он сказал Воейкову: «Извините мне мой обычный истерический припадок смеха. Так я всегда хохочу, когда речь идет о чем-нибудь забавном и менее этого»... Пушкин был от природы очень смешлив, и когда однажды заливался хохотом, то хохот этот был очень продолжителен (188—189).

В. Б. (В. П. БУРНАШОВ). Мое знакомство с Воейковым. *Рус. Вестник,* 1871, № 11.

Пушкин был должен кн. Н. Н. Оболенскому 8 000 руб., занятых у него в 1836 г. по двум заемным письмам; срок их минул 1 декабря 1836 г., но Пушкин просил Оболенского отсрочить платеж до марта 1837 г.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. Архив опеки над имуществом Пушкина. *П-н и его совр-ки,* XIII, 95.

В начале декабря д'Аршиак показал мне несколько печатных бланков с разными шутовскими дипломами на разные нелепые звания. Он рассказал мне, что венское общество целую зиму забавлялось рассылкою подобных мистификаций. Тут находился тоже печатный образец диплома, посланного Пушкину. Таким образом, гнусный шутник, причинивший его смерть, не выдумал даже своей шутки, а получил образец от какого-то члена дипломатического корпуса и списал.

Гр. В. А. СОЛОГУБ. *Воспоминания.* 186.

(4 декабря 1836 г., у Греча, на именинах его жены). Пушкин, как заметили многие, был не в своей тарелке, на его впечатлительном лице

отражалась мрачная задумчивость. Пробыв у Греча с полчаса, Пушкин удалился. Греч сам проводил его в прихожую, где лакей Пушкина подал ему медвежью шубу и на ноги надел меховые сапоги. «Все словно бьет лихорадка, — говорил он, закутываясь, — все как-то везде холодно и не могу согреться; а порой вдруг невыносимо жарко. Нездоровится что-то в нашем медвежьем климате. Надо на юг, на юг!»

В. П. БУРНАШОВ. Воспоминания. *Рус. Арх.*, 1872, стр. 1790.

Я был во дворце с 10 часов до 3½ и был почти поражен великолепием двора, дворца и костюмов военных и дамских, нашел много апартаментов новых и в прекрасном вкусе отделанных. Пение в церкви восхитительное! Я не знал, слушать ли или смотреть на Пушкину и ей подобных? — подобных! но много ли их? жена умного поэта и убранством затмевала других...

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. Я. Булгакову, 7 дек. 1836 года. *Московский Пушкинист*, 1927, вып. I, стр. 33.

С самого моего приезда[1] я была поражена лихорадочным состоянием Пушкина и какими-то судорожными движениями, которые начинались в его лице и во всем теле при появлении будущего его убийцы.

Кн. Е. Н. МЕЩЕРСКАЯ (урожд. Карамзина) *Я. Грот*, 260

Мой сборник *(«Старина и Новизна»)* Пушкин советует мне назвать Старина и Новина, а не Новизна.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — И. И. Дмитриеву, 9 дек. 1836 г. *Рус. Арх.*, 1868, стр. 652.

В полковом приказе 13 дек. 1836 г. Дантес показан заболевшим «простудною лихорадкою» с 12 декабря.

С. А. ПАНЧУЛИДЗЕВ. *Сборник биографий кавалергардов*, 80.

[1] Ек. Ник. Мещерская приехала в Петербург, повидимому, в первой половине декабря 1836 г. Брат ее Андрей Ник. Карамзин писал про нее матери из Парижа 25 декабря: «так как Катенька теперь с вами, то надеюсь, что и ее милый почерк найду иногда в ваших письмах» *(Стар. и Новизна*, XVII, 244), Письмо из Петербурга в Париж в то время шло около двух недель.

Я зашел к Пушкину справиться о песне о Полку Игореве, коей он приготовляет критическое издание... Он хочет сделать критическое издание сей песни, в роде Шлецерова Нестора, и показать ошибки в толках Шишкова и других переводчиков и толкователей; но для этого ему нужно дождаться смерти Шишкова, чтобы преждевременно не уморить его критикою, а других смехом. Три или четыре места в оригинале останутся неясными, но многое пояснится, особливо начало. Он прочел несколько замечаний своих, весьма основательных и остроумных: все основано на знании наречий слов и языка русского... Я провел у них весь вечер в умном и любопытном разговоре.

А. И. ТУРГЕНЕВ. — Н. И. Тургеневу, 13 дек. 1836 г. *Щеголев, Дуэль и смерть Пушкина. Изд.* 3, стр. 278.

(19 дек. 1836 г.). Вечер у кн. Мещерской (Карамз.). О Пушкине; все нападают на него за жену, я заступился.

А. И. ТУРГЕНЕВ. Дневник, *Щеголев, Дуэль и смерть Пушкина, Изд. 3,* стр. 279.

Пушкин мой сосед [1], он полон идей, и мы очень сходимся друг с другом в наших нескончаемых беседах; иные находят его изменившимся, озабоченным и не вносящим в разговор ту долю, которая прежде была так значительна. Но я не из числа таковых, и мы с трудом кончаем одну тему разговора, в сущности незаканчивая, то-есть, не исчерпывая ее никогда; его жена повсюду прекрасна как на балу, так и в своей широкой черной накидке у себя дома. Жених ее сестры *(Дантес)* очень болен, он не видается с Пушкиными.

А. И. ТУРГЕНЕВ — Е. А. Свербеевой, 21 дек. 1836 г. *Московский Пушкинист,* 1927, вып. I, стр. 24 *(фр.).*

Вы сообщаете мне новость о выходе Екатерины Гончаровой за барона Дантеса, теперь Геккерена. По словам г-жи Пашковой, которая об этом пишет своему отцу, это удивляет город и предместья не потому, что один из самых красивых кавалергардов и самых модных мужчин, имеющий 70 тысяч рублей доходу, женится на m-lle Гончаровой, — она для этого достаточно красива и достаточно хорошо воспитана, — но потому,

[1] Тургенев жил в гостинице Демута, по Мойке, недалеко от Пушкина.

что его страсть к Натали ни для кого не была секретом. Я об этом прекрасно знала, когда была в Петербурге, и тоже подшучивала над этим; поверьте мне, тут что-то либо очень подозрительное, либо — недоразумение, и, может быть, будет очень хорошо, если свадьба не состоится.

О. С. ПАВЛИЩЕВА — С. Л. Пушкину, 24 декабря 1836 г., из Варшавы. *П-н и его совр-ки*, XII, 94 *(фр.)*.

Со свояченицей своею во все это время Пушкин был мил и любезен по-прежнему и даже весело подшучивал над нею по случаю свадьбы ее с Дантесом. Раз, выходя из театра, Данзас встретил Пушкиных и поздравил Катерину Николаевну Гончарову, как невесту Дантеса; при этом Пушкин сказал шутя Данзасу:

— Моя свояченица не знает теперь, какой она будет национальности: русскою, француженкою или голландкою?

А. АММОСОВ, 12.

В продолжение помолвки дом Пушкина был закрыт для Геккерена, и он виделся со своей невестой только у ее тетки Ек. Ив. Загряжской.

Бар. ГУСТАВ ФРИЗЕНГОФ — А. П. Араповой *Красная нива*, 1929, № 24, стр. 10 *(фр.)*.

Был на балу у Е. Ф. Мейендорфа. Он и жена говорили о Пушкине, о данном мне поручении перевести для государя рукопись генерала Гордона. Я не танцовал и находился в комнате перед залой. Вдруг вышел оттуда Александр Сергеевич с Мейендорфом и нетерпеливо спрашивал его: «Да где же он? Где он?» Егор Федорович нас познакомил. Пошли расспросы об объеме и содержании рукописи... Он спросил, не имею ли других подобных занятий в виду по окончании перевода; и упрашивал навещать его.

Над. сов. КЕЛЛЕР. Дневник. Декабрь. *Соч. Пушкина под ред. П. А Ефремова*, т. VIII, 1905, стр. 586.

28 декабря 1836 г. эскадронный командир Дантеса шт.-ротмистр Апрелев подал рапорт об «исходатайствовании дозволения проезжать по хорошей погоде поручику барону де-Геккерену по случаю облегчения в болезни».

С. А. ПАНЧУЛИДЗЕВ, 80.

Моя свояченица Катерина выходит замуж за барона Геккерена, племянника и приемного сына посланника голландского короля. Это очень красивый и славный малый, весьма в моде, богатый, и на четыре года моложе своей невесты. Приготовление приданого очень занимает и забавляет мою жену и ее сестер, меня же приводит в ярость, потому что мой дом имеет вид магазина мод и белья.

ПУШКИН — С. Л. Пушкину (отцу) в конце дек. 1836 г. *(фр.)*.

А. А. Краевский работал у Пушкина в 1836 г. и заведывал корректурами пушкинского «Современника». Он часто видался с Пушкиным в последние годы его жизни. Однажды, собираясь в Москву, Краевский зашел к Пушкину проститься и напомнить ему его обещание дать стихотворение «Московскому Наблюдателю». Пушкин достал свою тетрадь, вырвал из нее листок и подал его Краевскому.

Это были стихи «Последняя туча рассеянной бури». Прочитав и складывая его, чтобы положить в карман, Краевский видит на обороте листка еще небольшие стихи; но только что он прочел первый стих: «В Академии Наук...» — Пушкин мгновенно вырвал у него листок, переписал посылаемые «Московскому Наблюдателю» стихи на отдельной бумаге, отдал Краевскому, а первый листок спрятал. Краевский помнил, что в последнем стихе было: «От того, что есть чем сесть».

Через несколько месяцев Краевский приносит Пушкину корректуру «Современника». — «Некогда, некогда, — говорит Пушкин, — надобно ехать в публичное заседание Академии. Хотите? поедем вместе: посмотрите, как президент и вице-президент будут торчать на моей эпиграмме».

П. И. БАРТЕНЕВ со слов А. А. Краевского. *Рус. Арх.*, 1892, II, 480.

В одно из своих посещений Краевский застал Пушкина, именно 28 декабря 1836 г., только что получившим пригласительный билет на годичный акт Академии Наук.

— Зачем они меня зовут туда? Что я там будут делать? — говорил Пушкин. — Ну, да поедемте вместе, завтра.

— У меня нет билета.

— Что за билет! Поедемте. Приезжайте ко мне завтра и отправимся.

29 декабря Краевский пришел. Подали двухместную, четвершею на вынос, с форейтором, запряженную карету, и А. С. Пушкин с А. А. Краевским отправились в Академию Наук.

Перед этим только что вышел четвертый том «Современника», с «Капитанскою дочкою». В передней компате Академии, пред залом, Пушкина встретил Греч — с поклоном чуть не в ноги:

— Батюшка, Александр Сергеевич, исполать вам! Что за прелесть вы подарили нам! — говорил с обычными ужимками Греч. — Ваша «Капитанская дочка» чудо как хороша! Только зачем это вы, батюшка, дворовую девку свели в этой повести с гувернером... Ведь книгу-то наши дочери будут читать!..

— Давайте, давайте им читать! — говорил в ответ, улыбаясь, Пушкин.

Вошли. За столом на председательском месте, вместо заболевшего Уварова, сидел князь М. А. Дундуков-Корсаков, лучезарный, в ленте, звездах, румяный, и весело, приветливо поглядывал на своих соседей-академиков и на публику. Непременный секретарь Академии Фукс *(Фусс)* читал отчет.

— Ведь вот сидит довольный и веселый, — шепнул Пушкин Краевскому, мотнув головой по направлению к Дундукову, — а ведь, сидит-то на моей эпиграмме! Ничего, не больно, не вертится!

Давно была известна эпиграмма Пушкина:

В академии наук
заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Отчего ж он заседает?
Оттого, что .... есть.

Но Пушкин постоянно уверял, что она принадлежит Соболевскому. На этот раз — он проговорился Краевскому потому, что не задолго пред тем сам же нечаянно показал ему автограф свой с этой именно эпиграммою.

М. И. СЕМЕВСКИЙ со слов А. А. Краевского.
Рус. Стар., 1880, т. 29, стр. 220.

Пушкин жалел об эпиграмме: «В Академии Наук», когда лично узнал Дундука.

С. А. СОБОЛЕВСКИЙ — М. Н. Лонгинову, 1855 г.
П-н и его совр-ки, XXXI—XXXII, 39.

Вы застали меня врасплох, без гроша денег. Виноват, — сейчас еду по моим должникам собирать недоимки, и коли удастся, явлюся к вам... Экая беда!

ПУШКИН — Н. Н. Карадыгину, конец 1836—нач. 1837 г.

На святках был бал у португальского, если память не изменяет, посланника, большого охотника. Во время танцев я зашел в кабинет, все стены которого были увешаны рогами различных животных, убитых ярым охотником, и, желая отдохнуть, стал перелистывать какой-то кипсэк. Вошел Пушкин. «Вы зачем здесь? Кавалергарду, да еще не женатому, здесь не место. Вы видите, — он указал на рога, — эта комната для женатых, для мужей, для нашего брата». — «Полноте, Пушкин, вы и на бал притащили свою желчь; вот уж ей здесь не место»... Вслед за этим он начал бранить всех и вся, между прочим Дантеса, и так как Дантес был кавалергардом, то и кавалергардов. Не желая ввязываться в историю, я вышел из кабинета и, стоя в дверях танцовальной залы, увидел, что Дантес танцует с Натали.

Со слов А. В. ТРУБЕЦКОГО в 1887 г. «*Рассказ об отношениях Пушкина к Дантесу*». Отд. брошюра, перепеч. у *Щеголева*, стр. 405.

С княгинею он был откровеннее, чем с князем. Он прибегал к ней и рассказывал свое положение относительно Геккерена. Накануне нового года у Вяземских был большой вечер. В качестве жениха Геккерен явился с невестою. Отказывать ему от дому не было уже повода. Пушкин с женою был тут же, и француз продолжал быть возле нее. Графиня Наталья Викторовна Строганова говорила княгине Вяземской, что у него такой страшный вид, что, будь она его женой, она не решилась бы вернуться с ним домой. Наталья Николаевна с ним была то слишком откровенна, то слишком сдержанна.

П. И. Бартенев со слов кн-ни В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ. *Рус. Арх.*, 1888, II, 310.

(В начале 1837 г.). Войдя в переднюю квартиры Петра Александровича *(Плетнева)*, я столкнулся с человеком среднего роста, который, уже надев шинель и шляпу и прощаясь с хозяином, звучным голосом воскликнул: «да! да! Хороши наши министры! Нечего сказать!» — за-

смеялся и вышел. Я успел только разглядеть его белые зубы и живые, быстрые глаза. Каково же было мое горе, когда я узнал потом, что этот человек был Пушкин!

И. С. ТУРГЕНЕВ. *Литературный вечер у П. А. Плетнева.*

От 15 дек. 1836 г. по 3 янв. 1837 г. Дантес был болен.

В. В. НИКОЛЬСКИЙ (по данным архива Кавалергардского полка). *В. Никольский. Идеалы Пушкина,* 4 изд., стр. 129.

Выздоровевшего г. поручика барона де-Геккерена числить налицо, которого по случаю женитьбы его не наряжать ни в какую должность до 18 янв., т. е. в продолжение 15 дней.

ПРИКАЗ ПО ПОЛКУ, 3 января 1837 г. *С. Панчулидзев,* 80.

С месяц тому, Пушкин разговаривал со мною о русской истории; его светлые объяснения древней Песни о полку Игореве, если не сохранились в бумагах, невозвратимая потеря для науки: вообще в последние годы жизни своей, с тех пор, как он вознамерился описать царствование и деяние Великого Петра, в нем развернулась сильная любовь к историческим знаниям и исследованиям отечественной истории. Зная его, как знаменитого поэта, нельзя не жалеть, что вероятно лишились в нем и будущего историка.

М. А. КОРКУНОВ. Письмо к издателю Моск. Ведом. С.-Петербург. 4-го февраля 1837 г. *П-н и его совр-ки,* VIII, 82.

В начале января 1837 г. баронесса Е. Н. Вревская приехала в Петербург с мужем. Пушкин, лишь только узнал о приезде друга своей молодости, поспешил к ней явиться. С этого времени он бывал у них почти ежедневно и долго и откровенно говорил с баронессой о всех своих делах. Все это время он был в очень возбужденном и раздражительном состоянии. Он изнемогал под бременем клевет, не оставлявших в покое его семейной жизни; к тому же прибавилась крайняя запутанность материальных средств. Между тем жена его, не предвидя последствий, передавала мужу все, что доводилось ей слышать во время ее беспрестанных выез-

дов в свет. Все это подливало масло в огонь. Пушкин видел во всем вздоре, до него доходившем, посягновение на его честь, на свое имя, на святость своего семейного очага, и, давимый ревностью, мучимый фальшивостью положения в той сфере, куда бы ему не следовало стремиться, видимо, искал смерти.

М. И. СЕМЕВСКИЙ со слов бар. Ев. Н. Вревской. *Рус. Вестн.*, 1869, № 11, 90.

4 января 1837 г. вышел первый нумер «Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду» под редакцией А. А. Краевского. Новому литературному органу, на зубок, Пушкин дал свое стихотворение «Аквилон». Когда Краевский, по выпуске первого нумера своей газеты, представил его Уварову, своему начальнику, — тот принял его крайне сухо, и по выходе из кабинета Краевского сказал бывшему при этом кн. М. А. Дундукову-Корсакову:

— Разве Краевский не знает, что Пушкин состоит под строгим присмотром тайной полиции, как человек неблагонадежный? Служащему у меня в министерстве не следует иметь сношение с людьми столь вредного образа мыслей, каким отличается Пушкин.

(П. А. ЕФРЕМОВ). *Рус. Стар.*, 1880, т. 28, стр. 537).

Мне бы так хотелось иметь через вас подробности о невероятной женитьбе Дантеса. — Неужели причиной ее явилось анонимное письмо? Что это — великодушие или жертва? Мне кажется, — бесполезно, слишком поздно.

Императрица АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА баронессе Е. Ф. Тизенгаузен, в конце дек. 1836 — нач. янв. 1837 г. *Письма Пушкина к Ел. М. Хитрово.* Лгрд., 1927, стр. 200.

Начало мирному общежительству положил для меня Пушкин в последний год своей жизни. Любимый со мною разговор его за несколько недель до его смерти, все обращен был на слова: «Слава в вышних богу, и на земле мир, и в человецех благоволение». По его мнению, я много хранил в душе моей благоволения к людям.

П. А. ПЛЕТНЕВ — Я. К. Гроту. *Переписка Грота с Плетневым*, II, 731.

(За три недели до смерти Пушкина). Кабинет Пушкина состоял из большой узкой комнаты. Посреди стоял огромный стол простого дерева, оставлявший с двух концов место для прохода, заваленный бумагами, письменными принадлежностями и книгами, а сам поэт сидел в углу в покойном кресле. На Пушкине был старенький, дешевый халат, каким обыкновенно торгуют бухарцы в разноску. Вся стена была уставлена полками с книгами, а вокруг кабинета были расставлены простые плетеные стулья. Кабинет был просторный, светлый, чистый, но в нем ничего не было затейливого, замысловатого, роскошного, во всем безыскусственная простота и ничего поражающего.

ОБЛАЧКИН. Воспоминание о Пушкине. *Северная Пчела,* 1864, № 49.

Особый эпизод в студентской нашей жизни было посещение Пушкина, приглашенного профессором Плетневым на одну из своих лекций. Плетнев поднялся на кафедру, и в то же время в дверях аудитории показалась фигура Пушкина с его курчавой головой, огненными глазами и желтоватым, нервным ликом... Пушкин сел, с каким-то другим господином из литераторов, на одну из задних скамей и внимательно прослушал лекцию, не обращая внимания на беспрестанное осматривание его обращенными назад взорами сидевших впереди студентов... Профессор, читавший о древней русской литературе, вскользь упомянул о будущности ее и при сем имя Пушкина прошло через его уста; возбуждение было сильное и едва не перешло в шумное приветствие знаменитого гостя. Это было уже в конце урочного часа, и Пушкин, как бы предчувствуя, что молодежь не удержится от взрыва, скромно удалился из аудитории, ожидая окончания лекции в общей проходной зале, куда и вскоре вышел к нему Плетнев, и они вместе уехали. Это было незадолго до смерти Пушкина.

М.—Н. Воспоминания из дальних лет. *Рус. Стар.,* 1881, май, 158.

Недели за три до смерти историографа Пушкина был я по приглашению у него. Он много говорил со мной об истории Петра Великого. «Об этом государе, — сказал он между прочим, — можно написать более, чем об истории России вообще. Одно из затруднений составить историю его состоит в том, что многие писатели, не доброжелательствуя ему, представляют разные события в искаженном виде, другие с пристрастием осыпали похвалами всего его действия». Александр Сергеевич на вопрос

мой: скоро ли будем иметь удовольствие прочесть произведение его о Петре, отвечал: «Я до сих пор ничего еще не написал, занимался единственно собиранием материалов: хочу составить себе идею обо всем труде, потом напишу историю Петра в год или в течение полугода и стану исправлять по документам». Просидев с полтора часа у Пушкина, я полагал, что беспокою его и отнимаю дорогое время, но он просил остаться и сказал, что вечером ничем не занимается. Возложенное на него поручение писать историю Петра весьма его обременяло. — «Эта работа убийственная, — сказал он мне, — если бы я наперед знал, я бы не взялся за нее».

Надв. сов. КЕЛЛЕР. Дневник. *Соч. Пушкина под ред. И. А. Ефремова*, т. VIII, стр. 586.

Сколько теней восстает около меня и роится в моей памяти!.. Вот и Пушкин, с своим веселым, заливающимся, ребяческим смехом, с беспрестанным фейерверком остроумных, блистательных слов и добродушных шуток, а потом — растерзанный, убитый жестоким легкомыслием пустых, тупых умников салонных, не постигших ни нежности, ни гордости его огненной души.

Гр. А. Д. БЛУДОВА. *Рус. Арх.*, 1889, I, стр. 62.

Старушка, няня детей Пушкина, рассказывала впоследствии, что в декабре 1836 г. и в начале января 1837 г. Александр Сергеевич был словно сам не свой: он или по целым дням разъезжал по городу, или, запершись в кабинете, бегал из угла в угол. При звонке в прихожей выбегал туда и кричал прислуге: «если письмо по городской почте, — не принимать!», а сам, вырвав письмо из рук слуги, бросался опять в кабинет и там что-то громко кричал по-французски. Тогда, бывало, к нему и с детьми не подходи, — заключала няня, — раскричится и вон выгонит.

Рус. Стар., 1888, т. 28, стр. 515.

По сохранившимся документам Гончаровского архива мы можем установить, что Дантес счел нужным обеспечить себе *(перед свадьбой)* два обстоятельства: во-первых, он поставил условием ежегодную выплату его жене известной суммы, в виду того, что выделить ее часть имения до смерти больного отца было невозможно. Во-вторых, он захотел иметь гарантию в том, что современем эта часть наследства без всяких препятствий перейдет к его жене, при чем желал строго фиксировать объем

наследства. Опекун имения, Д. Н. Гончаров *(брат Ек. Ник-ны)* к свадьбе приехал из Москвы в Петербург и привез официальное согласие родителей невесты. Опекун дал Дантесу обещанье выплачивать ежегодно сестре по 5.000 руб. асс., при чем 10.000 р. были выданы немедленно на приданое невесте.

В. С. НЕЧАЕВА. Дантес (по материалам гончаровского архива). *Московский Пушкинист*, 1927, вып. I, стр. 75.

Ставши женихом Екатерины Гончаровой, Дантес поехал представляться ее тетушке, фрейлине Загряжской. — «Говорят, что вы очень красивы, дайте-ка на себя поглядеть», — сказала старая фрейлина и велела принести две свечи, чтобы получше его рассмотреть. — «Верно! Вы очень хороши!» — сказала она, окончив осмотр.

ЛУИ МЕТМАН (внук Дантеса) по записи Я. Б. Полонского. *Посл. Нов.*, 1930, № 3340.

10-го января брак *(между Дантесом и Ек. Гончаровой)* был совершен в обеих церквах *(православной и католической)* в присутствии всей семьи. Граф Григорий Строганов с супругой, — родные дядя и тетка молодой девушки, — были ее посаженными отцом и матерью, а с моей стороны графиня Нессельроде была посаженой матерью, а князь и княгиня Бутера свидетелями.

Бар. ГЕККЕРЕН-СТАРШИЙ — барону Верстолку, 11 февраля 1837 г. *Щеголев*, 297.

Бракосочетание состоялось в часовне княгини Бутера *(жены неаполитанского посланника)*, у которой затем был ужин. Наталья Николаевна присутствовала на обряде венчания, согласно воле своего мужа, но уехала сейчас-же после службы, не оставшись на ужин. Из семьи присутствовал только Д. Н. Гончаров, который находился тогда в Петербурге, и старая тетка Ек. Ив. Загряжская.

Бар. ГУСТАВ ФРИЗЕНГОФ — А. П. Араповой. *Красная Нива*, 1929, № 24, стр. 10 *(фр.)*.

Пушкин не поехал на свадьбу и не принял молодых к себе. Что понудило Дантеса вступить в брак с девушкою, которую он не мог любить,

трудно определить; хотел ли он, жертвуя собою, успокоить сомнения Пушкина и спасти женщину, которую любил, от нареканий света; или надеялся он, обманув этим ревность мужа, иметь, как брат, свободный доступ к Наталье Николаевне; испугался ли он дуэли, — это неизвестно.

Н. М. СМИРНОВ. *Рус. Арх.*, 1882, I, 235.

Муж прислал г-жу Пушкину ко мне в дом на мою свадьбу, что по мнению моему, вовсе не означало, что все наши сношения должны были прекратиться.

Ж. ГЕККЕРЕН-ДАНТЕС. Показание перед военным судом, 12 февр. 1837 г. *Дуэль*, 75.

Екатерина Николаевна поселилась с мужем на Невском, в помещении голландского посланника, своего свекра, и стала играть роль хозяйки в посольстве.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1882, I, 235.

Геккерн со своим усыновленником Геккерном-Дантесом и его супругою Екатериною Николаевной жил на Невском, в доме Влодека, где ныне пассаж.

П. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1900, I, 398.

На свадебном обеде, данном графом Строгановым в честь новобрачных, Пушкин присутствовал, не зная настоящей цели этого обеда, заключавшейся в условленном заранее некоторыми лицами примирении его с Дантесом. Примирение это однако же не состоялось, и когда после обеда барон Геккерен, отец, подойдя к Пушкину, сказал ему, что теперь, когда поведение его сына совершенно объяснилось, он, вероятно, забудет все прошлое и изменит настоящие отношения свои на более родственные, Пушкин отвечал сухо, что, не взирая на родство, он не желает иметь никаких отношений между его домом и г. Дантесом... Несмотря на этот ответ, Дантес приезжал к Пушкину с свадебным визитом; но Пушкин его не принял.

Вслед за этим визитом, который Дантес сделал Пушкину, вероятно, по совету Геккерена, Пушкин получил второе письмо от Дантеса. Это письмо Пушкин, не распечатывая, положил в карман и поехал к бывшей тогда фрейлине г-же Загряжской, с которою был в родстве. Пушкин через нее хотел возвратить письмо Дантесу; но, встретясь у ней с бароном

Геккереном, он подошел к нему и, вынув письмо из кармана, просил барона возвратить его тому, кто писал его, прибавив, что не только читать писем Дантеса, но даже и имени его он слышать не хочет. Верный принятому им намерению постоянно раздражать Пушкина, Геккерен отвечал, что, так как письмо это было писано к Пушкину, а не к нему, то он и не может принять его. Этот ответ взорвал Пушкина, и он бросил письмо в лицо Геккерену со словами:

— Tu la recevras, gredin *(ты его примешь, негодяй)!*

После этой истории Геккерен решительно ополчился против Пушкина.

А. АММОСОВ, 12, 14—15.

С этого времени мы в семье наслаждались полным счастьем; мы жили обласканные любовью и уважением всего общества, которое наперерыв старалось осыпать нас многочисленными тому доказательствами. Но мы старательно избегали посещать дом г. Пушкина, так как его мрачный и мстительный характер нам был слишком хорошо знаком. С той и с другой стороны отношения ограничивались лишь поклонами.

Бар. ЛУИ ГЕККЕРЕН (СТАРШИЙ) — барону Верстолку, 11 февраля 1837 г., *Щеголев*, 297 *(фр.)*.

После женитьбы Дантеса государь, встретив где-то Пушкина, взял с него слово, что, если история возобновится, он не приступит к развязке, не дав знать ему наперед. Так как сношения Пушкина с государем происходили через графа Бенкендорфа, то перед поединком Пушкин написал известное письмо свое на имя графа Бенкендорфа, собственно назначенное для государя[1]. Но письма этого Пушкин не решился посылать, и оно найдено было у него в кармане сюртука, в котором он дрался. В подлиннике я видел его у покойного Павла Ивановича Миллера, который служил тогда секретарем при графе Бенкендорфе; он взял себе на память это не дошедшее по назначению письмо.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов П. А. ВЯЗЕМСКОГО. *Рус. Арх.*, 1888, III, 308.

Гг. Геккерены даже после свадьбы не переставали дерзким обхождением с женою его, с которою встречались только в свете, давать по-

[1] См. Переп. Пушкина, III, 416.

вод к усилению мнения, поносительного как для его чести, так и для чести его жены.

К. К. ДАНЗАС. Показание перед военным судом, 11 февраля 1837 г. *Дуэль*, стр. 63.

Дом Пушкиных оставался закрытым для Геккерна и после брака, и жена его также не появлялась здесь. Но они встречались в свете, и там Геккерн продолжал демонстративно восхищаться своей новой невесткой; он мало говорил с ней, но находился постоянно вблизи, почти не сводя с нее глаз. Это была настоящая бравада, и я лично думаю, что этим Геккерн намерен был засвидетельствовать, что он женился не потому, что боялся драться, и что, если его поведение не нравилось Пушкину, он готов был принять все последствия этого.

Бар. ГУСТАВ ФРИЗЕНГОФ — А. П. Араповой. *Кр. Нива*, 1929, № 24, стр. 10 *(фр.)*.

Согласно категорически выраженному желанию Ал. Сергеевича, Нат. Ник-на в дом к сестре не ездила, а принимала ее только одну.

А. П. АРАПОВА. *Нов. Время*, 1908, № 11425. илл. прил.

После свадьбы. Два лица. Мрачность при ней. Веселость за ее спиной. — Les révélations d'Alexandrine. При тетке ласка к жене; при Александрине и других кои могли бы рассказать des brusqueries. Дома же веселость и большое согласие.

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Конспективные заметки. *Щеголев*, 284.

Со дня моей женитьбы, каждый раз, когда он видел мою жену в обществе г-жи Пушкиной, он садился рядом с нею и на замечание, которое она ему однажды по этому поводу сделала, ответил:

— Это для того, чтобы видеть, каковы вы вместе, и каковы у вас лица, когда вы разговариваете.

Это случилось у французского посланника на балу за ужином. Он воспользовался моментом, когда я отошел, чтобы приблизиться к моей

жене и предложить ей выпить за его здоровье. После отказа он повторил свое предложение, — тот же ответ. Тогда он удалился разъяренный, сказавши ей:

— Берегитесь, я вам принесу несчастье!

Моя жена, зная мое мнение об этом человеке, не посмела мне тогда повторить разговор, боясь истории между нами обоими.

Бар. ЖОРЖ ГЕККЕРЕН (ДАНТЕС) — полковнику Ал. Ив. Бреверну, 26 февраля 1837 г. *А. С. Поляков. О смерти Пушкина. По новым данным* Спб., ГИЗ, 1922, стр. 55 *(фр.)*.

Это новое положение, эти новые отношения мало изменили сущность дела. Молодой Геккерен продолжал, в присутствии своей жены, подчеркивать свою страсть к г-же Пушкиной. Городские сплетни возобновились, и оскорбительное внимание общества обратилось с удвоенной силой на действующих лиц драмы, происходящей на его глазах. Положение Пушкина сделалось еще мучительнее, он стал озабоченным, взволнованным, на него тяжело было смотреть. Но отношения его к жене оттого не пострадали. Он сделался еще предупредительнее, еще нежнее к ней. Его чувства, в искренности которых невозможно было сомневаться, вероятно, закрыли глаза его жене на положение вещей и его последствия. Она должна была бы удалиться от света и потребовать того же от мужа. У нее не хватило характера, и вот она опять очутилась почти в таких же отношениях с молодым Геккереном, как и до его свадьбы: тут не было ничего преступного, но было много непоследовательности и беспечности. Когда друзья Пушкина, желая его успокоить, говорили ему, что не стоит так мучиться, раз он уверен в невинности своей жены, и уверенность эта разделяется всеми его друзьями и всеми порядочными людьми общества, то он им отвечал, что ему недостаточно уверенности своей собственной, своих друзей и известного кружка, что он принадлежит всей стране и желает, чтобы имя его оставалось незапятнанным везде, где его знают. Вот в каком настроении он был, когда приехали его соседки по имению, с которыми он часто виделся во время своего изгнания. Должно-быть, он спрашивал их о том, что говорят в провинции об его истории, и, верно, вести были для него неблагоприятные. По крайней мере, со времени приезда этих дам он стал еще раздраженнее и тревожнее, чем прежде.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — вел. кн. Михаилу Павловичу, 14 февр. 1837 г. *Щеголев*, 260 *(фр.)*.

Между тем посланник (которому досадно было, что его сын женился так невыгодно), и его соумышленники продолжали распускать по городу оскорбительные для Пушкина слухи. В Петербург приехали девицы Осиновы, Тригорские приятельницы поэта; их расспросы, что значат ходившие слухи, тревожили Пушкина.

П. И. Бартенев со слов кн-ни В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ. *Рус. Арх.*, 1888, II, 309.

В конце концов, он совершенно добился того, что его стали бояться все дамы; 16 января, на следующий день после бала, который был у княгини Вяземской, где он себя вел обычно по отношению к обеим этим дамам, г-жа Пушкина на замечание г. Валуева *(П. А., женатого на дочери кн. Вяземского),* как она позволяет обращаться с собою таким образом подобному человеку, ответила:

— Я знаю, что я виновата, я должна была бы его оттолкнуть, потому что каждый раз, как он обращается ко мне, меня охватывает дрожь.

Того, что он ей сказал, я не знаю, потому что г-жа Валуева передала мне только начало разговора.

Бар. Ж. ГЕККЕРЕН-ДАНТЕС — полк. А. И. Бреверну, 26 февр. 1837 г. *А. С. Поляков. О смерти Пушкина,* стр. 55 *(фр.).*

При г-же Валуевой, в салоне ее матери *(кн. В. Ф. Вяземской)* он говорил моей жене следующее:

— Берегитесь, вы знаете, что я зол, и что я кончаю всегда, что приношу несчастье, когда хочу.

Бар. Ж. ГЕККЕРЕН-ДАНТЕС — полк. А. И. Бреверну, 26 февр. 1837 г. *А. С. Поляков. О смерти Пушкина,* стр. 54 *(фр.).*

Вот, по рассказу и уверению Нащокина, самые верные обстоятельства, бывшие причиной дуэли Пушкина. Дантес, красавец собою, ловкий юноша, чуть не дитя, приехал в Петербург и был принят прямо офицером в лейб-гвардию, — почет почти беспримерный и для людей самых лучших русских фамилий. Уже и это не нравилось Пушкину. *(Примечание Соболевского:* Пушкину чрезвычайно нравился Дантес за

его детские шалости). Дантес был принят в лучшее общество, где на него смотрели, как на дитя, и потому многое ему позволяли, напр., он прыгал на стол, на диваны, облокачивался головою на плечи дам и пр. Дом Пушкина, где жило три красавицы: сама хозяйка и две сестры ее, Катерина и Александра, понравился Дантесу, он любил бывать в нем. Но это очень не нравилось старику, его усыновителю, барону Геккерну, посланнику голландскому. Подлый старик был педераст и начал ревновать красавца Дантеса к Пушкиным. Чтобы развести их, он выдумал, будто Дантес волочится за женою Пушкина. После объяснения Пушкина с Дантесом, последний женился на Катерине Николаевне. Но Геккерн продолжал сплетничать, руководил поступками Дантеса, объяснял их по-своему и наконец пустил в ход анонимные письма. Исход известен. Таким образом несчастный убийца был убийцею невольным. Он говорил, что готов собственною кровью смыть преступление, просил, чтоб его разжаловали в солдаты, послали на Кавказ. Государь, не желая слушать никаких объяснений, приказал ему немедленно выехать.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о П-не*, 38.

Необходимость беспрерывно вращаться в неблаговолящем свете, жадном до всяких скандалов и пересудов, щедром на обидные сплетни и язвительные толки; легкомыслие его жены и вдвойне преступное ухаживание Дантеса после того, как он достиг безнаказанности своего прежнего поведения непонятною женитьбой на невестке Пушкина, — вся эта туча стрел, направленных против огненной организации, против честной, гордой и страстной его души, произвела такой пожар, который мог быть потушен только подлою кровью врага его или же собственною его благородною кровью.

Собственно говоря, Наталья Николаевна виновна только в чрезмерном легкомыслии, в роковой самоуверенности и беспечности, при которых она не замечала той борьбы и тех мучений, какие выносил ее муж. Она никогда не изменяла чести, но она медленно, ежеминутно терзала восприимчивую и пламенную душу Пушкина. В сущности она сделала только то, что ежедневно делают многие из наших блистательных дам, которых однакож из-за этого принимают не хуже прежнего; но она не так искусно умела скрыть свое кокетство, и, что еще важнее, она не поняла, что ее муж иначе был создан, чем слабые и снисходительные мужья этих дам.

ЕК. Н. МЕЩЕРСКАЯ-КАРАМЗИНА — княжне М. И. Мещерской. *П-н и его совр-ки*, VI, 94, 97.

Под конец жизни Пушкина, встречаясь часто в свете с его женою, которую я искренно любил и теперь люблю, как очень добрую женщину, я раз как-то разговорился с нею о комеражах *(сплетнях)*, которым ее красота подвергает ее в обществе; я советовал ей быть сколько можно осторожнее и беречь свою репутацию и для самой себя, и для счастия мужа, при известной его ревности. Она, верно, рассказала это мужу, потому что, увидясь где-то со мною, он стал меня благодарить за добрые советы его жене. — Разве ты и мог ожидать от меня другого? спросил я. — Не только мог, — ответил он, — но, признаюсь откровенно, я и вас самих подозревал в ухаживании за моею женою. Это было за три дня до последней его дуэли.

Имп. НИКОЛАЙ I по рассказу бар. М. А. Корфа. Записки. *Рус. Стар.*, 1900, т. 101, 574. *Ср. Рус. Стар.*, 1899, т. 99, стр. 311.

Отношения *(Николая)* к жене Пушкина. Сам Пушкин говорил Нащокину, что *(Николай)*, как офицеришка, ухаживает за его женою; нарочно по утрам по нескольку раз проезжает мимо ее окон, а ввечеру, на балах, спрашивает, отчего у нее всегда шторы опущены. Сам Пушкин сообщал Нащокину свою совершенную уверенность в чистом поведении Нат. Ник-ны.

П. В. НАЩОКИН по записи Бартенева. *Рассказы о Пушкине*, 45.

Вот что рассказывал граф Сологуб Никитенке о смерти Пушкина. В последний год своей жизни Пушкин решительно искал смерти. Тут была какая-то психологическая задача. Причины никто не мог знать, потому что Пушкин был окружен шпионами: каждое слово его, сказанное в кабинете самому искреннему другу, было известно правительству. Стало быть, что таилось в душе его, известно только богу... Разумеется, обвинения пали на жену Пушкина, что она будто бы была в связях с Дантесом. Но Сологуб уверяет, что это сущий вздор. Жена Пушкина была в форме красавица, и поклонников у ней были целые легионы. Немудрено, стало быть, что и Дантес поклонялся ей, как красавице; но связей между них никаких не было. Подозревают другую причину. Жена Пушкина была фрейлиной [1] при дворе, так думают, что не было ли у ней связей с царем. Из этого понятно будет, почему Пушкин искал

[1] Фрейлинами могли быть только девицы.

смерти и бросался на всякого встречного и поперечного. Для души поэта не оставалось ничего, кроме смерти.

Н. И. ИВАНИЦКИЙ. Воспоминания и дневник. *П-н и его совр-ки,* XIII, 36.

Граф В. А. Сологуб писал, что Пушкин в припадках ревности брал жену к себе на руки и с кинжалом допрашивал, верна ли она ему.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.,* 1908, II, 427.

По мнению А. А. Муханова, с Пушкиным не произошла бы катастрофа, если бы на то время случился при нем в Петербурге С. А. Соболевский. Этот человек пользовался безусловным доверием Пушкина и непременно сумел бы отвратить от него роковую дуэль.

М. И. СЕМЕВСКИЙ. К биографии Пушкина. *Рус. Вести.,* 1869, № 11, 85.

Александр прислал нам письмо, но в нем было всего несколько строк к моему мужу, набросанных наскоро в ответ на письмо, написанное еще в июле месяце и которое он понял прямо навыворот, не дав себе труда дочитать его до конца, и он ни словом не упоминает о двух других письмах, которые мой муж написал ему отсюда. Видимо, он очень занят и в дурном расположении духа.

О. С. ПАВЛИЩЕВА (сестра Пушкина) — отцу своему С. Л. Пушкину 3 февр. 1837 г. из Варшавы. *П-н и его совр-ки,* XII, 101 (фр.).

Незадолго до кончины Пушкин перечитывал ваши сочинения и говорил о них с живейшим участием и уважением. Особенно удивлялся он мастерской отделке вашего шестистопного стиха в переводах Поне и Ювенала. Козловский убеждал его перевесть Ювеналову сатиру «Желания», и Пушкин изучал прилежно данные вами образцы.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — И. И. Дмитриеву, 17 июня 1837 г. *Рус. Арх.,* 1886, стр. 655.

За несколько дней до своей кончины Пушкин пришел к Далю и, указывая на свой только что сшитый сюртук, сказал: «эту *выползину*

я теперь не скоро сброшу». Выползиною называется кожа, которую меняют на себе змеи, и Пушкин хотел сказать, что этого сюртука надолго ему станет. Он, действительно, не снял этого сюртука, а его спороли с него 27 января 1837 г., чтобы облегчить смертельную муку от раны.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1862, стр. 2026.

Последнее время мы часто видались с Пушкиным и очень сблизились; он как-то более полюбил меня, а я находил в нем сокровища таланта, наблюдений и начитанности о России, особенно о Петре и Екатерине, редкие, единственные... Никто так хорошо не судил русскую новейшую историю: он созревал для нее и знал и отыскал в известность многое, чего другие не заметили. Разговор его был полон жизни и любопытных указаний на примечательные пункты и на характеристические черты нашей истории. Ему оставалось дополнить и передать бумаге свои сведения.

А. И. ТУРГЕНЕВ — И. С. Аржевитинову, 30 янв. 1837 г. *Рус. Арх.*, 1903, I, 143.

Пушкина мне удалось видеть всего еще один раз — за несколько дней до его смерти, на утреннем концерте в зале Энгельгардта. Он стоял у двери, опираясь на косяк, и, скрестив руки на широкой груди, с недовольным видом посматривал кругом. Помню его смуглое, небольшое лицо, его африканские губы, оскал белых, крупных зубов, висячие бакенбарды, темные, желчные глаза под высоким лбом почти без бровей — и кудрявые волосы... Он и на меня бросил беглый взор; бесцеремонное внимание, с которым я уставился на него, произвело, должно быть, на него впечатление неприятное: — он словно с досадой повел плечом, — вообще, он казался не в духе, — и отошел в сторону.

И. С. ТУРГЕНЕВ. *Литературные и житейские воспоминания. Литер. вечер у П. А. Плетнева.*

В среду, ровно за неделю до дуэли, Пушкин был у Плетнева и, говорят, очень много и весело говорил.

Н. И. ИВАНИЦКИЙ. Воспоминания и дневник. *П-н и его совр-ки*, XIII, 31.

(21 января 1837 г.). Вечер провел у Плетнева. Там был Пушкин. Он сделался большим аристократом. Как обидно, что он так мало ценит

себя, как человека и поэта, и стучится в один замкнутый кружок общества, тогда как мог бы безраздельно царить над всем обществом. Он хочет прежде всего быть барином, но ведь у нас барин тот, у кого больше дохода. К нему так не идет этот жеманный тон, эта утонченная спесь в обращении, которую завтра же может безвозвратно сбить опала. А ведь он умный человек, помимо своего таланта. Он, напр., сегодня много говорил дельного и, между прочим, тонкого о русском языке. Он сознавался также, что историю Петра пока нельзя писать, т.-е. не позволят печатать. Видно, что он много читал о Петре.

А. НИКИТЕНКО. I, 282.

Незадолго до смерти Пушкина я был у него, и он, беседуя со мной наедине о разных предметах, между прочим коснулся супружеской жизни и в самых красноречивых выражениях изобразил мне счастье благополучного супружества. А сам вскоре поражен был смертью, как жертва легкомысленной, кокетливой жены, которая, без дурных с ее стороны намерений, сделалась виновницей сплетней, злоречия и скандала, окончившегося этим гибельным дуэлем.

Григ. Павл. НЕБОЛЬСИН, член Госуд. Совета и Секретарь. «*Моим детям и внукам*». *Неизданные записки. Сообщ. Н. Е. Роговиным и Г. А. Небольсиным.*

Написать записки о моей жизни мне завещал Пушкин у Обухова моста во время прогулки за несколько дней до своей смерти. У него тогда было какое-то высоко-религиозное настроение. Он говорил со мною о судьбах Промысла, выше всего ставил в человеке качество благоволения ко всем, видел это качество во мне, завидовал моей жизни.

П. А. ПЛЕТНЕВ — Я. К. Гроту, 24 февр. 1842 г. *Переписка Грота с Плетневым*, т. I, Спб., 1896, стр. 495.

Незадолго до своей смерти Пушкин задумчиво рассказывал одному из своих друзей о том, что все важнейшие события его жизни совпадали с днем Вознесения, и передал ему твердое свое намерение выстроить современем в селе Михайловском церковь во имя Вознесения Господня.

Упоминая о таинственной связи своей жизни с одним великим днем духовного торжества, он прибавил: «ты понимаешь, что все это произошло недаром и не может быть делом одного случая».

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 307.

22 января 1837 г., Пятница. На балу я не танцовала. Было слишком тесно. В мрачном молчании я восхищенно любовалась г-жею Пушкиной. Какое восхитительное создание! Дантес провел часть вечера неподалеку от меня. Он оживленно беседовал с пожилою дамою, которая, как можно было заключить из долетавших до меня слов, ставила ему в упрек экзальтированность его поведения. Действительно, — жениться на одной, чтобы иметь некоторое право любить другую, в качестве сестры своей жены, — боже! для этого нужен порядочный запас смелости...

Я не расслышала слов, тихо сказанных дамой. Что же касается Дантеса, то он ответил громко, с оттенком уязвленного самолюбия:

— Я понимаю то, что вы хотите дать мне понять, но я совсем не уверен, что сделал глупость!

— Докажите свету, что вы сумеете быть хорошим мужем... и что ходящие слухи не основательны.

— Спасибо, но пусть меня судит свет.

Минуту спустя, я заметила проходившего А. С. Пушкина. Какой урод! Рассказывают, — но как дерзать доверять всему, о чем болтают?! Говорят, что Пушкин, вернувшись как-то домой, застал Дантеса tête-à-tête со своею супругою. Предупрежденный друзьями, муж давно уже искал случая проверить свои подозрения; он сумел совладать с собою и принял участие в разговоре. Вдруг у него явилась мысль потушить лампу. Дантес вызвался снова ее зажечь, на что Пушкин отвечал: «не беспокойтесь, мне, кстати, нужно распорядиться насчет кое-чего»... Ревнивец остановился за дверью и через минуту до слуха его долетело нечто похожее на звук поцелуя...

Впрочем, о любви Дантеса известно всем. Ее, якобы, видят все. Однажды вечером я сама заметила, как барон, не отрываясь, следил взорами за тем углом, где находилась *она*. Очевидно, он чувствовал себя слишком влюбленным для того, чтобы, надев маску равнодушия, рискнуть появиться с нею среди танцующих.

А. К. МЕРДЕР. Листки из дневника. *Рус. Стар.*, 1900, т. 103, стр. 384 *(фр.)*.

На разъезде с одного бала Геккерен, подавая руку жене своей, громко сказал, так что Пушкин слышал: Allons, ma légitime *(Пойдем, моя законная)!»*

П. П. Бартенев со слов кн-ни В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ. *Рус. Арх.*, 1888, II, 310.

В свое время мне рассказывали, что поводом *(к последнему вызову Пушкиным Геккерена)* послужило слово, которое Геккерн бросил на одном большом вечере, где все они присутствовали; там находился буфет, и Геккерн, взяв тарелку с фруктами, будто бы сказал, напирая на последнее слово: «это для моей з а к о н н о й». Слово это, переданное Пушкину с разъяснениями, и явилось той каплей, которая переполнила чашу.

Бар. ГУСТАВ ФРИЗЕНГОФ — А. П. Араповой, 14 марта 1887 г. *Красная Нива*, 1929, № 24, стр. 10 *(фр.)*.

На одном вечере Геккерен, по обыкновению, сидел подле Пушкиной и забавлял ее собою. Вдруг муж, издали следивший за ними, заметил, что она вздрогнула. Он немедленно увез ее домой и дорогою узнал от нее, что Геккерен, говоря о том, что у него был мозольный оператор, тот самый, который обрезывал мозоли Наталье Николаевне, прибавил: Il m'a dit que le cor de madame Pouchkine est plus beau que le mien. Пушкин сам передавал об этой наглости княгине Вяземской.

П. П. Бартенев со слов кн-ни В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ. *Рус. Арх.*, 1888, II, 311

Бал у Воронцовых, где, говорят, Геккерен был сильно занят г-жей Пушкиной, еще увеличил его раздражение. Жена передала ему остроту Геккерена, на которую Пушкин намекал в письме к Геккерену-отцу, по поводу армейских острот. У обеих сестер был общий мозольный оператор, и Геккерен сказал г-же Пушкиной, встретив ее на вечере: «je sais maintenant que votre cor est plus beau, que celui de ma femme!»[1] Вся эта болтовня, все эти мелочи растравляли рану Пушкина.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — вел. кн. Михаилу Павловичу, 14 февр. 1837 г. *Щеголев*, 261 *(фр.)*.

[1] Непереводимая игра слов, основанная на созвучии слов: «cor» — мозоль, «corps» — тело. Буквально: «я теперь знаю, что у вас мозоль красивее, чем у моей жены».

В Петербурге Александр Сергеевич последнее время каждый день посещал мою жену *(баронессу Евпраксию Николаевну)*, которая остановилась у брата моего Степана, и целые часы говорил с нею о том, как бы сохранить Михайловское и приехать туда этим летом жить с женою и детьми.

Бар. Б. А. ВРЕВСКИЙ — С. Л. Пушкину. *П-н и его совр-ки*, VIII, 54.

Встретившись за несколько дней до дуэли с баронессой Вревской в театре, Пушкин сам сообщил ей о своем намерении искать смерти. Тщетно та продолжала его успокаивать, как делала то при каждой с ним встрече. Пушкин был непреклонен. Наконец она напомнила ему о детях его. — [illegible]ичего, — раздражительно отвечал он, — император, которому известно все *мое* дело, обещал мне взять их под свое покровительство».

М. И. СЕМЕВСКИЙ со слов бар. Е. Н. Вревской. К биографии Пушкина. *Рус. Вести.*, 1869, № 11, 90.

С Пушкиным у Л. А. Якубовича *(поэта)* была дружба неразрывная. Перед смертью Пушкина приходим мы, я и Якубович, к Пушкину. Пушкин сидел на стуле; на полу лежала медвежья шкура; на ней сидела жена Пушкина, положа свою голову на колени к мужу. Это было в воскресенье; а через три дня уже Пушкин стрелялся. Здесь Пушкин горячо спорил с Якубовичем и спорил дельно. Здесь я слышал его предсмертные замыслы о Слове Игорева полка — и только при разборе библиотеки Пушкина видел на лоскутках начатые заметки.

Тогда же Пушкин показывал мне и дополнения к Пугачеву, собранные им после издания. Пушкин думал переделать и вновь издать своего Пугачева.

И. П. САХАРОВ. Записки. *Рус. Арх.*, 1873, I, 955.

Якубович рассказывал при мне у Никитенки, что он 27 января, в среду *(24 янв. в воскресенье)*, был у Пушкина с Сахаровым часу во втором. Пушкин был очень сердит и беспрестанно бранил Полевого за его Историю: ходил скоро взад и вперед по кабинету, хватал с полки какой-нибудь том Истории Полевого и читал для выдержки... Якубович и Сахаров ушли от него в третьем часу.

Н. И. ИВАНИЦКИЙ. Из автобиографии. *П-н и его совр-ки*, XIII. 32.

24 янв. 1837 г. взято Пушкиным у Шишкина 2.200 р. под залог шалей, жемчуга и серебра.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. Архив опеки над имуществом Пушкина. *П-н и его совр-ки,* XIII, 98.

В воскресенье *(перед поединком Пушкина)* А. О. Россет пошел в гости к кн. П. И. Мещерскому (зятю Карамзиной, они жили в доме Вельегорских), и из гостиной прошел в кабинет, где Пушкин играл в шахматы с хозяином. — «Ну, что — обратился он к Россету, — вы были в гостиной; он уж там, возле моей жены?» Даже не назвал Дантеса по имени. Этот вопрос смутил Россета, и он отвечал, заминаясь, что Дантеса видел. — Пушкин был большой наблюдатель физиономий; он стал глядеть на Россета, наблюдал линии его лица и что-то сказал ему лестное. Тот весь покраснел, и Пушкин стал громко хохотать над смущением 23-летнего офицера.

АРК. О. РОССЕТ. Из рассказов его про Пушкина. *Рус. Арх.,* 1882, I, 245.

Мы можем сообщить личное и общее впечатление, что дуэль не была вызвана какими-либо обстоятельствами, которые можно было бы определить или оправдать. Грязное анонимное письмо не могло дать повода; плохие каламбуры свояка еще менее. Не ревность мучила Пушкина, а до глубины души пораженное самолюбие.

Отец мой в письмах своих употребляет неточное выражение, говоря что Геккерен *(Дантес)* афишировал страсть: Геккерен постоянно балагурил, и из этой роли не выходил до последнего вечера в жизни, проведенного с Н. Н. Пушкиной. Единственное объяснение раздражению Пушкина следует видеть не в волокитстве молодого Геккерена, а в уговаривании стариком бросить мужа. Этот шаг старика и был тем убийственным оскорблением для самолюбия Пушкина, которое должно было быть смыто кровью. Дружеские отношения жены поэта к свояку и сестре вероятно питали раздраженную мнительность Пушкина.

Кн. ПАВ. П. ВЯЗЕМСКИЙ. *Собр. соч.,* 557.

Прекратившиеся было анонимные наветы снова посыпались на Пушкина. Они пытались злорадно изобличить, что брак служил только ловким прикрытием прежних разоблаченных отношений.

А. П. АРАПОВА. *Новое Время,* 1908, № 11425 илл. прил.

Вследствие многочисленных анонимных писем, почерк которых менялся постоянно, но которые носили характер несомненного тождества и, благодаря этому, являлись доказательством злостной интриги, Пушкин написал голландскому послу, барону Геккерену, оскорбительное письмо.

ЛУИ МЕТМАН. «Ж. Ш. Дантес». Биографический очерк. *Щеголев, 335.*

Мне говорил курьер, которого я послал к Александру Сергеевичу *(с приглашением на похороны сына Греча),* — тамошнее лакейство ему сказывало, что их барин эти дни словно в каком-то расстройстве: то приедет, то уедет куда-то, загонял несколько парных месячных извозчиков, а когда бывает дома, то свищет несколько часов сряду, кусает ногти, бегает по комнатам. Никто ничего понять не может, что с ним делается.

Н. И. ЮХАНЦЕВ в передаче В. П. Бурнашева. *Рус. Арх.*, 1872, стр. 1799.

Жена Пушкина, безвинная вполне, имела неосторожность обо всем сообщать мужу и только бесила его. Раз они возвращались из театра. Старик Геккерен, идя позади, шепнул ей, когда же она склонится на мольбы его сына? Наталья Николаевна побледнела, задрожала. Пушкин смутился, на его вопрос она ему передала слова, ее поразившие. На другой же день он написал к Геккерену свое резкое и дерзкое письмо.

А. И. ВАСИЛЬЧИКОВА по записи Бартенева. *Рассказы о Пушкине,* 38.

Поведение Дантеса после свадьбы дало всем право думать, что он точно искал в браке не только возможности приблизиться к Пушкину, но также предохранить себя от гнева ее мужа узами родства. Он не переставал волочиться за своею невесткою; он откинул даже всякую осторожность и казалось иногда, что насмехается над ревностью непримирившегося с ним мужа. На балах он танцовал и любезничал с Натальей Николаевной, за ужином пил за ее здоровье; словом, довел до того, что все снова стали говорить про его любовь. Барон же Геккерен стал явно помогать ему, как говорят, желая отомстить Пушкину за неприятный ему брак Дантеса. Пушкин все видел, все замечал и решился положить этому конец. На бале у Салтыкова (где ныне гостиница Гранд-Отель, на Малой Морской. *Прим. Бартенева)* он хотел сделать публичное оскорбление

Дантесу, который был предуведомлен и не приехал на бал, что понудило Пушкина на другой день послать ему письменный вызов и вместе с тем письмо к Геккерену, в котором Пушкин ему объявляет, что знает его гнусное поведение.

Н. М. СМИРНОВ. Памятные заметки. *Рус. Арх.*, 1882, I, 236.

Геккерен *(Дантес)* написал Наталье Николаевне письмо, которое было — вопль отчаяния с первого до последнего слова. Цель его была добиться свидания. «Он жаждал только возможности излить ей всю свою душу, переговорить только о некоторых вопросах, одинаково важных для обоих, заверял честью, что прибегает к ней единственно, как к сестре его жены, и что ничем не оскорбит ее достоинство и чистоту». Письмо, однако же, кончалось угрозою, что если она откажет ему в этом пустом знаке доверия, он не в состоянии будет пережить подобное оскорбление. Отказ будет равносилен смертному приговору, а может быть даже и двум. Жена, в своей безумной страсти, способна последовать данному им примеру, и, загубленные в угоду трусливому опасению, две молодые жизни вечным гнетом лягут на ее бесчувственную душу.

Года за три перед смертью, Наталья Николаевна рассказала во всех подробностях разыгравшуюся драму нашей воспитательнице, женщине, посвятившей младшим сестрам и мне всю свою жизнь и внушавшей матери такое доверие, что на смертном одре она поручила нас ее заботам, прося не покидать дом до замужества последней из нас. С ее слов я узнала, что дойдя до этого эпизода, мать со слезами на глазах сказала: «Видите, дорогая Констанция, сколько лет прошло с тех пор, а я не переставала строго допытывать свою совесть, и единственный поступок, в котором она меня уличает, это согласие на роковое свидание... Свидание, за которое муж заплатил своею кровью, а я — счастьем и покоем своей жизни. Бог свидетель, что оно было столь же кратко, сколько невинно. Единственным извинением мне может послужить моя неопытность на почве страдания... Но кто допустит его искренность».

Местом свидания была избрана квартира Идалии Григорьевны Полетика, в кавалергардских казармах, так как муж ее состоял офицером этого полка. Она было полу-француженка, побочная дочь графа Григория Строганова, воспитанная в доме на равном положении с остальными детьми и, в виду родственных связей с Загряжскими, Наталья Николаевна сошлась с ней на дружественную ногу. Она олицетворяла тип обаятельной женщины не столько миловидностью лица, как складом блестящего ума, веселостью и живостью характера, доставлявшими ей всюду

постоянный несомненный успех. В числе ее поклонников самым верным, искренно влюбленным и беззаветно преданным был в то время кавалергардский ротмистр Петр Петрович Ланской *(будущий второй муж Наталии Николаевны Пушкиной)*. Хорошо осведомленная о тайных агентах, следивших за каждым шагом Пушкиной, Идалия Григорьевна, чтобы предотвратить опасность возможных последствий, поручила Ланскому, под видом прогулки около здания, зорко следить за всякой подозрительной личностью, могущей появиться близ ее подъезда.

Несмотря на бдительность окружающих и на все принятые предосторожности, не далее, как через день, Пушкин получил злорадное извещение от того же анонимного корреспондента о состоявшейся встрече. Он прямо понес письмо к жене.

Она не отперлась, но поведала ему смысл полученного послания, причины, повлиявшие на ее согласие, и созналась, что свидание не имело того значения, которое она предполагала, и было лишь хитростью влюбленного человека. Это открытие возмутило ее до глубины души и, тотчас же, прервав беседу, она твердо заявила Геккерену, что останется навек глуха к его мольбам и заклинаниям, и что это первое, его угрозами вынужденное, свидание станет последним.

Приведенное объяснение имело последствием вторичный вызов на дуэль Геккерена, но уже составленный в столь резких выражениях, что отнята была всякая возможность примирения.

А. П. АРАПОВА. *Новое Время,* 1908 г., № 11425, илл. прил., стр. 5.

Наталья Николаевна получила однажды от г-жи Полетики приглашение посетить ее, и когда она прибыла туда, то застала там Геккерна вместо хозяйки дома; бросившись перед нею на колени, он заклинал ее о том же, что и его приемный отец в своем письме. Она сказала жене моей *(Алекс. Ник. Гончаровой)*, что это свидание длилось несколько минут, ибо, отказав немедленно, она тотчас же уехала.

Бар. ГУСТАВ ФРИЗЕНГОФ — А. П. Араповой *Красная Нива,* 1929, № 24, стр. 10 *(фр.)*.

Мадам N. N. *(Идалия Григорьевна Полетика)*, по настоянию Геккерна, пригласила Пушкину к себе, а сама уехала из дому. Пушкина рассказывала княгине Вяземской и мужу, что, когда она осталась с глазу с Геккерном, тот вынул пистолет и грозил застрелиться, если она не отдаст ему себя. Пушкина не знала, куда ей деваться от его настояний;

она ломала себе руки и стала говорить как можно громче. По счастию, ничего не подозревавшая дочь хозяйки дома явилась в комнату, и гостья бросилась к ней.

П. И. Бартенев со слов кн-ни В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ. *Рус. Арх.*, 1888, II, 310.

Идалия Григорьевна Полетика, овдовев, жила до глубокой старости в Одессе, в доме брата своего гр. А. Г. Строганова. Она не скрывала своей ненависти к памяти Пушкина... Она собиралась подъехать к памятнику Пушкина, чтобы плюнуть на него. Дантес был частым посетителем Полетики и у нее видался с Наталией Николаевной, которая однажды приехала оттуда к княгине Вяземской вся в попыхах и с негодованием рассказала, как ей удалось избегнуть настойчивого преследования Дантеса. Кажется, дело было в том, что Пушкин не внимал сердечным излияниям невзрачной Идалии Григорьевны и однажды, едучи с нею в карете, чем-то оскорбил ее.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ. *Рус. Арх.*, 1908, III, 294.

Идалия Григорьевна Полетика заявляет большую нежность к памяти Наталии Николаевны. Она рассказывает, что однажды они ехали в карете, и напротив сидел Пушкин. Он позволил себе схватить ее за ногу. Нат. Ник. пришла в ужас, и потом по ее настоянию Пушкин просил у нее прощения.

Есть повод думать, что Пушкин, зная свойства Идалии, оскорблял ее и она, из мести, была сочинительницей анонимных писем, из-за которых произошел поединок.

П. И. БАРТЕНЕВ. Из записной книжки. *Рус. Арх.*, 1912, II, 160.

Идалия была дочь гр. Григория Строганова от модистки, французской гризетки. Эта молодая девушка была прелестна, умна, благовоспитана, у нее были большие, голубые, ласковые и кокетливые глаза, и графиня Строганова выдала ее замуж за Полетику, человека очень хорошего происхождения и с порядочными средствами.

А. О. СМИРНОВА. *Автобиография*, 128а.

25 янв. 1837 г. Сегодня в нашей мастерской были Пушкин и Жуковский. Сошлись они вместе, и Карл Павлович *(Брюллов)* угощал их

своею портфелью и альбомами. Весело было смотреть, как они любовались и восхищались его акварельными рисунками; но когда он показал им недавно оконченный рисунок: «Съезд на бал к австрийскому посланнику в Смирне», то восторг их выразился криком и смехом. Да и можно ли глядеть без смеха на этот прелестный, забавный рисунок? Смирнский полицеймейстер, спящий посреди улицы на ковре и подушке, такая комическая фигура, что на нее нельзя глядеть равнодушно. Позади него за подушкой, в тени, видны двое полицейских стражей: один сидит на корточках, другой лежит, упершись локтями в подбородок и болтая босыми ногами, обнаженными выше колен; эти ноги, как две кочерги, принадлежащие тощей фигуре стража, еще более выдвигают полноту и округлость форм спящего полицеймейстера, который, будучи изображен в ракурс, кажется от того еще толще и шире. Пушкин не мог расстаться с этим рисунком, хохотал до слез и просил Брюллова подарить ему это сокровище; но рисунок принадлежал уже княгине Салтыковой, и Карл Павлович, уверяя его, что не может отдать, обещал нарисовать ему другой; Пушкин был безутешен; он, с рисунком в руках, стал перед Брюлловым на колени и начал умолять его: «Отдай, голубчик! Ведь другого ты не нарисуешь для меня; отдай мне этот». Не отдал Брюллов рисунка, а обещал нарисовать другой.

АП. И. МОКРИЦКИЙ. Воспоминания о Брюллове. *Отеч. Запис.*, 1855, т. CIII, отд. II, 165—166.

Я не понимаю, почему Мокрицкий передавал это обстоятельство без конца, который он сам мне рассказал и который, по-моему, очень важен. Брюллов не отдал Пушкину рисунка, сказав, что рисунок был уже продан княгине Салтыковой, но обещал Пушкину написать с него портрет и назначил время для сеанса. На беду дуэль Пушкина состоялась днем ранее назначенного сеанса. По словам Брюллова, «картишки и дуэли были слабостью Пушкина».

М. И. ЖЕЛЕЗНОВ. Заметка о К. П. Брюллове. *Живоп. Обозр.*, 1898, № 31, стр. 625.

Пушкин посетил И. А. Крылова за день или за два до своей дуэли с Дантесом; он был особенно весел, говорил г-же Савельевой (*крестнице Крылова*) любезности, играл с ее малюткой-дочерью, потом вдруг, как будто вспомнив о чем-то, торопливо простился с Крыловым.

А. П. САВЕЛЬЕВА в передаче Л. Н. Трофелева. *Рус. Арх.*, 1887, т. 55, стр. 464.

25 января Пушкин и молодой Геккерен с женами провели у нас вечер. И Геккерен, и обе сестры были спокойны, веселы, принимали участие в общем разговоре. В этот самый день уже было отправлено Пушкиным барону Геккерену оскорбительное письмо.

Кн. ПАВЕЛ ВЯЗЕМСКИЙ. *Собр. соч.*, стр. 556.

Пушкин, смотря на Жоржа Геккерена, сказал мне: «Что меня забавляет, так это то, что этот господин веселится, не предчувствуя, что его ожидает по возвращении домой. — «Что же именно? — сказала я. — Вы ему написали?» Он мне сделал утвердительный знак и прибавил: — «Его отцу.» — «Как, письмо уже отослано?» Он мне сделал еще знаки. Я сказала: — «Сегодня?» Он потер себе руки, повторяя головой те же знаки. — «Неужели вы думаете об этом? — сказала я. — Мы надеялись, что все уже кончено». Тогда он вскочил, говоря мне: — «Разве вы принимали меня за труса? Я вам уже сказал, что с молодым человеком мое дело было окончено, но с отцом — дело другое. Я вас предупредил, что мое мщение заставит заговорить свет». Все ушли. Я удержала Вьельгорского и сказала ему об отсылке письма.

Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ — Е. Н. Орловой. *Новый Мир*, 1931, кн. 12, стр. 189.

Князя Вяземского не было дома. Княгиня умоляла В. А. Перовского и гр. М. Ю. Вельегорского дождаться князя и вместе обсудить, какие надо принять меры. Не дождавшись почти до утра, они разошлись. Князь, вероятно, был у Карамзиных, где обыкновенно засиживался последним.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ. *Рус. Арх.*, 1888, II, 310 и 1908, II, 427.

XVII
ДУЭЛЬ, СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ

ДУЭЛЬ, СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ

Господин Барон!

Позвольте мне подвести итог всему, что случилось. Поведение вашего сына было мне давно известно и не могло оставить меня равнодушным. Я довольствовался ролью наблюдателя с тем, чтобы вмешаться, когда почту нужным. Случай, который во всякую другую минуту был бы мне крайне неприятен, пришелся весьма кстати, чтобы мне разделаться: я получил анонимные письма. Я увидел, что минута настала, и воспользовался этим. Вы знаете остальное: я заставил вашего сына играть столь жалкую роль, что жена моя, удивленная такою трусостью и низостью, не могла удержаться от смеха; душевное движение, которое в ней, может быть, вызвала эта сильная и возвышенная страсть, погасло в самом спокойном презрении и в отвращении самом заслуженном.

Я принужден сознаться, Господин Барон, что ваша собственная роль была не особенно приличной. Вы, представитель коронованной главы, — вы отечески служили сводником вашему сыну. Повидимому, всем его поведением (довольно, впрочем, неловким) руководили вы. Вы, вероятно, внушали ему нелепости, которые он высказывал, и глупости, которые он брался излагать письменно. Подобно старой развратнице, вы подстерегали мою жену во всех углах, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного или так называемого сына; и когда больной сифилисом, он оставался дома, вы говорили, что он умирает от любви к ней; вы ей бормотали: «возвратите мне моего сына!»

Вы хорошо понимаете, Господин Барон, что после всего этого я не могу терпеть, чтобы мое семейство имело малейшее сношение с вашим.

Под таким условием я согласился не давать хода этому грязному делу и не опозоривать вас в глазах нашего и вашего двора, к чему я имел возможность и что намеревался сделать. Я не желаю, чтобы жена моя продолжала слушать ваши родительские увещания. Я не могу позволить, чтобы ваш сын после своего гнусного поведения осмеливался разговаривать с моей женой и еще того менее — обращаться к ней с казарменными каламбурами и разыгрывать перед нею самоотвержение и несчастную любовь, тогда как он только подлец и шалопай. Я вынужден обратиться к вам с просьбой положить конец всем этим проделкам, если вы хотите избежать нового скандала, перед которым я, поверьте мне, не остановлюсь.

Имею честь быть, Господин Барон,
Ваш покорный и послушный слуга

Александр Пушкин.

ПУШКИН — барону Геккерену, 26 января 1837 г. *Переписка Пушкина,* акад. изд. III, 444 *(фр.).*

Не знаю, чему следует приписать нижеследующее обстоятельство: необъяснимой ли ко всему свету вообще и ко мне в частности зависти, или какому-либо другому неведомому побуждению, но только во вторник, в ту минуту, когда мы собрались на обед к графу Строганову, и без всякой видимой причины, я получаю письмо от г. Пушкина. Мое перо отказывается воспроизвести все отвратительные оскорбления, которыми наполнено было это подлое письмо.

Что мне оставалось делать? Вызвать его самому? Но, во-первых, общественное звание, которым королю было угодно меня облечь, препятствовало этому; кроме того, тем дело не кончилось бы. Если бы я остался победителем, то обесчестил бы своего сына; недоброжелатели всюду бы говорили, что я сам вызвался, так как уже раз улаживал подобное дело, в котором мой сын обнаружил недостаток храбрости; а если бы я пал жертвой, то его жена осталась бы без поддержки, так как мой сын неминуемо выступил бы мстителем. Однако я не хотел опереться только на мое личное мнение и посоветовался с графом Строгановым, моим другом. Так как он согласился со мною, то я показал письмо сыну, и вызов господину Пушкину был послан.

Барон ГЕККЕРЕН-СТАРШИЙ — барону Верстолку, 11 февраля 1837 г., *Щеголев,* 297.

Дантес, который после письма Пушкина должен был защищать себя и своего усыновителя, отправился к графу Строганову; этот Строганов был старик, пользовавшийся между аристократами особенным уважением, отличавшийся отличным знанием всех правил аристократической чести. Этот-то старец объявил Дантесу решительно, что за оскорбительное письмо непременно должно драться, и дело было решено.

А. И. ВАСИЛЬЧИКОВА по записи Бартенева. *Рассказы о Пушкине, 39.*

Милостивый Государь!

Не зная ни вашего почерка, ни вашей подписи, я обращаюсь к виконту д'Аршиаку, который вручит вам настоящее письмо, с просьбою выяснить, точно ли письмо, на которое я отвечаю, исходит от вас. Содержание его до такой степени переходит всякие границы возможного, что я отказываюсь отвечать на все подробности послания. Вы, повидимому, забыли, Милостивый Государь, что вы же сами отказались от вызова, который сделали барону Жоржу Геккерену, и который был им принят. Доказательство того, что я здесь утверждаю, существует, оно написано собственно вашею рукою и находится в руках секундантов. Мне остается только предуведомить вас, что виконт д'Аршиак едет к вам, чтобы условиться о месте встречи с бароном Жоржем Геккереном и предупредить вас, что встреча не терпит никакой отсрочки.

Я сумею позже, Милостивый Государь, научить вас уважению к званию, которым я облечен, и которого никакая выходка с вашей стороны оскорбить не может.

Остаюсь,

Милостивый Государь,

Ваш покорнейший слуга
Барон Геккерен.

Читано и одобрено мною.

Барон Жорж Геккерен.

Бар. ГЕККЕРЕН-СТАРШИЙ — Пушкину. *Переписка,* акад. изд., III, 145.

Д'Аршиак принес Пушкину ответ. Пушкин его не читал, но принял вызов, который был ему сделан от имени сына.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—вел. кн. Мих. Павловичу. *Щеголев,* 261.

Дотоль Пушкин себя вел, как каждый бы на его месте сделал; и хотя никто не мог обвинять жену Пушкина, стол же мало оправдывали поведение Дантеса, и в особенности гнусного его отца Геккерена. Но последний повод к дуэли, которого никто не постигает и заключавшийся в самом дерзком письме Пушкина к Геккерену, сделал Дантеса правым в сем деле. C'est le cas de dire, chasser naturel, il revient au galop. (Вот случай сказать: гони природу в дверь, она влетит в окно).

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I—вел. кн. Мих. Пав-чу, 3 февр. 1837 г. *Рус. Стар.,* 1902, т. 110, стр. 227.

Николай I велел Бенкендорфу предупредить дуэль. Геккерен был у Бенкендорфа. — «Что делать мне теперь?» — сказал он княгине Белосельской. — «А вы пошлите жандармов в другую сторону». Убийцы Пушкина — Бенкендорф, кн. Белосельская и Уваров. Ефремов и выставил их портреты на одной из прежних пушкинских выставок. Гаевский залепил их.

А. С. СУВОРИН со слов П. А. Ефремова. *Дневник А. С. Суворина.* Петроград. 1923. Стр. 205.

Нижеподписавшийся извещает г. Пушкина, что он будет ждать у себя до одиннадцати часов вечера, а после этого на балу у графини Разумовской, лицо, которому будет поручено вести дело, долженствующее окончиться завтра.

Виконт Д'АРШИАК — Пушкину, 26 янв. 1837 г. *Переп. Пушкина,* III, 445 *(фр.).*

За время короткого пребывания здесь моей невестки *(бар. Евпр. Ник. Вревской),* Александр Сергеевич часто посещал нас и даже обедал у нас и провел весь день накануне своей несчастной дуэли.

Бар. М. Н. СЕРДОБИН—С. Л. Пушкину. *П-н и его совр-ки,* VIII, 65 *(фр.).*

Теперь узнаем, что Пушкин накануне открылся одной даме, дочери той Осиповой, у коей я был в Тригорском, что он будет драться. Она не успела или не могла помешать, и теперь упрек жены, которая узнала об этом, на нее падает.

А. И. ТУРГЕНЕВ—Н. И. Тургеневу, 28 февраля 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VI, 22.

Накануне поединка Пушкин обедал у графини Е. П. Ростопчиной, супруг которой мне рассказывал, что до обеда и после него Пушкин убегал в умывальную комнату и мочил себе голову холодною водою: до того мучил его жар в голове.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1908, II, 427.

Я видел Пушкина *(26-го янв.)* на бале у гр. Разумовской, *(тогда же)* провел с ним часть утра; видел его веселого, полного жизни, без малейших признаков задумчивости; мы долго разговаривали о многом, и он шутил и смеялся. *(В два предшедствующие дня)* также провел с ним большую часть утра; мы читали бумаги, кои готовил он для пятой книжки своего журнала. Каждый вечер видал я его и на балах спокойного и веселого.

А. И. ТУРГЕНЕВ—А. И. Нефедьевой, 28 января 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VI, 48.

Пушкин явился на бал *(у гр. Разумовской)* один, без жены, очень веселый; в кармане у него имелся благоприятный ответ и принятие вызова на следующий день. Геккерен на бал не явился. Пушкин танцовал, шутил с Тургеневым, которого он пригласил на следующий день прийти к нему послушать чтение и назначил ему час, когда сам он должен был быть уже лицом к лицу со своим противником.

А. Я. БУЛГАКОВ — кн. О. А. Долгоруковой, 2 февр. 1837 г. *Красный архив*, 1929, том II, стр. 224.

Накануне дуэли был раут у графини Разумовской. Кто-то говорит Вяземскому: «Пойдите, посмотрите, Пушкин о чем-то объясняется с Д'Аршиаком; тут что-нибудь недоброе». Вяземский отправился в ту сторону, где были Пушкин и Д'Аршиак; но у них разговор прекратился.

П. И. Бартенев со слов кн-ни В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ. *Рус. Арх.*, 1888, II, 312.

26 на балу у графини Разумовской Пушкин предложил быть своим секундантом Магенису, советнику при английском посольстве. Тот, вероятно, пожелал узнать причины дуэли; Пушкин отказался сообщить что-либо по этому поводу. Магенис отстранился.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—вел. кн. Михаилу Павловичу, 14 февр. 1837 г., *Щеголев*, 261.

Рассказывают, что Пушкин звал к себе в секунданты секретаря английского посольства Мегенеса; он часто бывал у графини Фикельмон,— долгоносый англичанин, которого звали perroquet malade *(больной попугай)*, очень порядочный человек, которого Пушкин уважал за честный нрав.

АРК. О. РОССЕТ. *Рус. Арх.*, 1882, I, 248.

(27 янв.). Встал весело в восемь часов — после чаю много писал — часу до 11-го.

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Конспективные заметки. *Щеголев*, 285.

Я настаиваю еще сегодня утром на просьбе, с которою я имел честь обратиться к вам вчера вечером. Необходимо, чтобы я имел свидание с секундантом, которого вы выберете, притом в самое ближайшее время. До полудня я буду дома; надеюсь раньше этого времени увидеться с тем, кого вам угодно будет ко мне прислать.

Виконт Д'АРШИАК — Пушкину. Среда 27 янв., 9 час. утра. *Переп. Пушкина.* III, 449 *(фр.)*.

Я не имею никакого желания вмешивать праздный петербургский люд в мои семейные дела; поэтому я решительно отказываюсь от разговоров между секундантами. Я приведу своего только на место поединка. Так как г. Геккерен меня вызывает, и обиженным является он, то он может сам выбрать мне секунданта, если увидит в том надобность: я заранее принимаю его, если бы даже это был его егерь. Что касается часа, места, я вполне к его услугам. Согласно нашим, русским обычаям, этого вполне достаточно... Прошу вас верить, виконт, — это мое последнее слово, мне больше нечего отвечать по поводу этого дела, и я не двинусь с места до окончательной встречи.

ПУШКИН—виконту Д'Аршиаку, 27 янв. 1837 г. *Переп.*, III, 449 *(фр.)*.

Оскорбив честь барона Жоржа Геккерена, вы обязаны дать ему удовлетворение. Это ваше дело — достать себе секунданта. Никакой не может быть речи, чтоб его вам доставили. Готовый со своей стороны явиться в условленное место, барон Жорж Геккерен настаивает на том, чтобы вы держались принятых правил. Всякое промедление будет рассматриваться им, как отказ в удовлетворении, которое вы ему обязаны дать, и как попытка огласкою этого дела помешать его окончанию. Свидание между секундантами, *необходимое перед встречей,* становится, если вы все еще отказываете в нем, одним из условий барона Жоржа Геккерена; вы же мне говорили вчера и писали сегодня, что принимаете все его условия.

Виконт Д'АРШИАК—Пушкину, 27 янв. 1837 г.
Переп., III, 450 *(фр.).*

27 января, в первом часу пополудни, встретил его, Данзаса, Пушкин на Цепном мосту, что близ Летнего сада, остановил и предложил ему быть свидетелем одного разговора.

К. К. ДАНЗАС. Показание перед военным судом.
Дуэль, 99.

27 января 1837 г. К. К. Данзас, проходя по Пантелеймоновской улице, встретил Пушкина в санях. В этой улице жил тогда К. О. Россет: Пушкин, как полагает Данзас, заезжал сначала к Россету, и не застав последнего дома, поехал уже к нему. Пушкин остановил Данзаса и сказал:

— Данзас, я ехал к тебе, садись со мной в сани и поедем во французское посольство, где ты будешь свидетелем одного разговора.

Данзас, не говоря ни слова, сел с ним в сани и они поехали в Большую Миллионную. Во время пути Пушкин говорил с Данзасом, как-будто ничего не бывало, совершенно о посторонних вещах. Таким образом доехали они до дома французского посольства, где жил д'Аршиак. После обыкновенного приветствия с хозяином, Пушкин сказал громко, обращаясь к Данзасу: «Теперь я вас введу в сущность дела», и начал рассказывать ему все, что происходило между ним, Дантесом и Геккереном.

Пушкин окончил свое объяснение следующими словами:

— Теперь я вам могу сказать только одно: если дело это не закончится сегодя же, то в первый же раз, как я встречу Геккерена, — отца или сына, — я им плюну в физиономию.

Тут он указал на Данзаса и прибавил:

— Вот мой секундант.

Потом обратился к Данзасу с вопросом:

— Согласны вы?

После утвердительного ответа Данзаса, Пушкин уехал, предоставив Данзасу, как своему секунданту, условиться с д'Аршиаком о дуэли.

А. АММОСОВ со слов К. К. Данзаса, стр. 18.

За несколько часов до дуэли Пушкин говорил д'Аршиаку, секунданту Геккерена, объясняя причины, которые заставляли его драться: «Есть двоякого рода рогоносцы: одни носят рога на самом деле; те знают отлично, как им быть; положение других, ставших рогоносцами по милости публики, затруднительнее. Я принадлежу к последним».

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—вел. кн. Михаилу Павловичу, 14 февр. 1837 г., *Щеголев*, 260 *(фр.)*.

К пояснению обстоятельств, касающихся до выбора секунданта со стороны Пушкина, прибавлю я еще о сказанном мне г. д'Аршиаком после дуэли; т.-е., что Пушкин накануне несчастного дня у графини Разумовской на бале предложил г-ну Мегенсу, находящемуся при английском посольстве, быть свидетелем с его стороны, на что сей последний отказался. Соображая ныне предложение Пушкина г-ну Мегенсу, письмо его к д'Аршиаку и некоторые темные выражения в его разговоре со мною, когда мы ехали на место поединка, я не иначе могу пояснить намерения покойного, как тем, что по известному мне и всем знавшим его коротко, высокому благородству души его, он не хотел вовлечь в ответственность по своему собственному делу, никого из соотечественников; и только тогда, когда вынужден был к тому противниками, он решился наконец искать меня, как товарища и друга с детства, на самоотвержение которого он имел более права считать.

К. К. ДАНЗАС. Рапорт в Военносудную Комиссию от 14 февр. 1837 г. «*Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном». Подлинно военносудное дело 1837.* СПБ, 1900, стр. 79.

Подполковник Данзас был отличный боевой офицер, светски образованный, но крайне лепивый и, к сожалению, притворявшийся roué *(повеса, развратник)*.

Г. И. ФИЛИППСОН. Воспоминания, *Рус. Арх.*, 1884, I, 205.

Данзас, по словам знавших его, был весельчак по натуре, имел совершенно французский склад ума, любил острить и сыпать каламбурами; вообще он в полном смысле был bon-vivant. Состоя вечным полковником, он только за несколько лет до смерти, при выходе в отставку, получил чин генерала, вследствие того, что он в мирное время относился к службе благодушно, индифферентно и даже чересчур беспечно; хотя его все любили, даже начальники, но хода по службе не давали. Данзас жил и умер в бедности, без семьи, не имея и не нажив никакого состояния, пренебрегая постоянно благами жизни, житейскими расчетами. Открытый прямодушный характер, соединенный с саркастическими взглядами на людей и вещи, не дал ему возможности составить себе карьеру. Несколько раз ему даже предлагались разные теплые и хлебные места, но он постоянно отказывался от них, говоря, что чувствует себя неспособным занимать такие места.

Н. А. ГАСТФРЕЙНД. *Товарищи Пушкина по лицею.* СПБ., 1913, т. III, стр. 333.

Данзас — веселый малый, храбрый служака и остроумный каламбурист... он мог только аккуратнейшим образом размерить шаги для барьера, да зорко следить за соблюдением законов дуэли, но не только не сумел бы расстроить ее, даже обидел бы Пушкина малейшим возражением.

П. В. НАЩОКИН по записи Н. И. Куликова. *Рус. Стар.* 1881 г., т. 31, стр. 615.

После ухода Пушкина первый вопрос его *(Данзаса)* был г. д'Аршиаку, нет ли средств окончить дело миролюбиво. Г. д'Аршиак, представитель почитавшего себя обиженным г. Геккерена, вызвавшего Пушкина на дуэль, решительно отвечал, что никаких средств нет к примирению.

К. К. ДАНЗАС. Показание перед *Военносудной комиссией. Дуэль,* 99.

УСЛОВИЯ ДУЭЛИ МЕЖДУ Г. ПУШКИНЫМ И. Г. БАРОНОМ ЖОРЖЕМ ГЕККЕРЕНОМ

1. Противники становятся на расстоянии двадцати шагов друг от друга, за пять шагов назад от двух барьеров, расстояние между которыми равняется десяти шагам.

2. Противники, вооруженные пистолетами, по данному сигналу, идя один на другого, но ни в коем случае не переступая барьера, могут пустить в дело свое оружие.

3. Сверх того принимается, что после первого выстрела противникам не дозволяется менять место для того, чтобы выстреливший первым подвергся огню своего противника на том же расстоянии.

4. Когда обе стороны сделают по выстрелу, то, если не будет результата, поединок возобновляется на прежних условиях: противники ставятся на то же расстояние в двадцать шагов; сохраняются те же барьеры и те же правила.

5. Секунданты являются непременными посредниками во всяком объяснении между противниками на месте боя.

6. Нижеподписавшиеся секунданты этого поединка, облеченные всеми полномочиями, обеспечивают, каждый за свою сторону, своею честью строгое соблюдение изложенных здесь условий.

Константин Данзас,

инженер-подполковник.

Виконт д'Аршиак,

атташе французского посольства.

МОДЗАЛЕВСКИЙ, ОКСМАН, ЦЯВЛОВСКИЙ. *Нов. матер. о дуэли Пушкина,* стр. 86 *(фр.).*

К сим условиям г. д'Аршиак присовокупил не допускать никаких объяснений между противниками, но он *(Данзас)* возразил, что согласен, что во избежание новых каких-либо распрей, не дозволить им самим объясняться; но имея еще в виду не упускать случая к примирению, он предложил с своей стороны, чтобы в случае малейшей возможности секунданты могли объясняться за них.

К. К. ДАНЗАС. Показание перед Военносудной комиссией. *Дуэль,* 100.

С этой роковой бумагой Данзас возвратился к Пушкину. Он застал его дома одного. Не прочитав даже условий, Пушкин согласился на все. В разговоре о предстоящей дуэли Данзас заметил ему, что, по его мнению, он бы должен был стреляться с бароном Геккереном-отцом, а не с сыном, так как оскорбительное письмо он написал Геккерену, а не Дан-

тесу. На это Пушкин ему отвечал, что Геккерен, по официальному своему положению, драться не может.

А. АММОСОВ со слов К. К. Данзаса, стр. 20.

Ходил по комнате необыкновенно весело, пел песни — потом увидел в окно Данзаса, в дверях встретил радостно. — Вошли в кабинет, запер дверь. — Через несколько минут послал за пистолетами.

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Конспективные заметки. *Щеголев*, 285.

Я думаю, вам приятно будет иметь архалук, который был на нем в день его несчастной дуэли.

Н. Н. ПУШКИНА (вдова поэта)—П. В. Нащокину от 6 апр. 1837 г. *Искусство, журнал рос. академии худ. наук*, № 1, 1923, стр. 326.

После смерти Пушкина Жуковский прислал моему мужу серебряные часы покойного, которые были при нем в день роковой дуэли, его красный с зелеными клеточками архалук, посмертную маску и бумажник с ассигнацией в 25 руб. и локоном белокурых волос.

В. А. НАЩОКИНА. *Новое Время*, 1898. № 8129.

Пушкин спокойно дожидался у себя развязки. Его спокойствие было удивительное; он занимался своим «Современником» и за час перед тем, как ему ехать стреляться, написал письмо к Ишимовой (сочинительнице «Русской истории для детей», трудившейся и для его журнала).

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. Л. Пушкину, *Щеголев*, 171.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО ПУШКИНА

Милостивая Государыня
Александра Осиповна.

Крайне жалею, что мне невозможно будет сегодня явиться на ваше приглашение. Покамест, честь имею препроводить к Вам Ваггу Corn-

wall — Вы найдете в конце книги пьесы, отмеченные карандашем, переведите их как умеете — уверяю Вас, что переведете как нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открыл Вашу Историю в рассказах, и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!

С глубочайшим почтеньем и совершенной преданностью честь имею быть,

Милостивая Государыня,
Вашим покорнейшим слугою
А. Пушкин.

ПУШКИН—А. О. Ишимовой, 27 января 1837 г

Условясь с Пушкиным сойтись в кондитерской Вольфа, Данзас отправился сделать нужные приготовления. Наняв парные сани, он заехал в оружейный магазин Куракина за пистолетами, которые были уже выбраны Пушкиным заранее; пистолеты эти были совершенно схожи с пистолетами д'Аршиака. Уложив их в сани, Данзас приехал к Вольфу, где Пушкин уже ожидал его.

А. АММОСОВ, стр. 21.

Начал одеваться; вымылся весь, все чистое; велел подать бекешь; вышел на лестницу — Возвратился, — велел подать в кабинет большую шубу и пошел пешком до извозчика. — Это было ровно в 1 час.

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Конспективные заметки. *Щеголев,* 285.

Показание, переданное нам Ник. Фед. Лубяновским. Он жил с отцом своим в среднем этаже того дома (княгини Волконской на Мойке), где внизу скончался Пушкин. Утром (?) 27 января Лубяновский в воротах встретился с Пушкиным, бодрым и веселым: шел он к углу Невского Проспекта, в кондитерскую Вольфа, вероятно, не дождавшись своего утреннего чаю, за поздним вставанием жены и невестки.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1908, III, 291.

Было около 4-х часов.

Выпив стакан лимонаду или воды, Данзас не помнит, Пушкин вышел с ним из кондитерской; сели в сани и отправились по направлению к Троицкому мосту.

На дворцовой набережной они встретили в экипаже г-жу Пушкину. Данзас узнал ее, надежда в нем блеснула, встреча эта могла поправить все. Но жена Пушкина была близорука; а Пушкин смотрел в другую сторону.

А. АММОСОВ, 21.

В день поединка друзья везли обоих противников через место публичного гулянья, несколько раз останавливались, роняли нарочно оружие, надеясь еще на благодетельное вмешательство общества, но все их усилия и намеки остались безуспешны.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы, 420.*

Данзас хотел как-нибудь дать знать проходящим о цели их поездки (выронял пули, чтоб увидали и остановили).

В. А. НАЩОКИНА со слов Данзаса. *Рассказы о Пушкине,* 41.

День был ясный. Петербургское великосветское общество каталось на горах, и в то время некоторые уже оттуда возвращались. Много знакомых и Пушкину, и Данзасу встречались, раскланивались с ними, но никто как-будто и не догадывался, куда они ехали; а между тем история Пушкина с Геккеренами была хорошо известна всему этому обществу.

На Неве Пушкин спросил Данзаса шутя: не в крепость ли ты везешь меня? — Нет, — отвечал Данзас, — через крепость на Черную речку самая близкая дорога.

На Каменноостровском проспекте они встретили в санях двух знакомых офицеров конного полка: князя В. Д. Голицына и Головина. Думая, что Пушкин и Данзас ехали на Горы, Голицын закричал им: «что вы так поздно едете, все уже оттуда разъезжаются!?»

А. АММОСОВ, 21.

По дороге им попались едущие в карете четверней граф И. М. Борх с женой, рожденной Голынской. Увидя их, Пушкин сказал Данзасу: — «Вот две образцовых семьи», и, заметя, что Данзас не вдруг по-

нял это, он прибавил: «Ведь жена живет с кучером, а муж — с форейтором».

М. Н. ЛОНГИНОВ. Запись на книжке Аммосова о последних днях Пушкина. *Щеголев*, изд. 3, стр. 448.

Графиня А. К. Воронцова-Дашкова [1] не могла никогда вспоминать без горести о том, как она встретила Пушкина, едущего на острова с Данзасом, и направляющихся туда же Дантеса с д'Аршиаком. Она думала, как бы предупредить несчастие, в котором не сомневалась после такой встречи, и не знала, как быть. К кому обратиться? Куда послать, чтобы остановить поединок? Приехав домой, она в отчаянии говорила, что с Пушкиным непременно произошло несчастие, и предчувствие девятнадцатилетнего женского сердца не было обманом. Вот новое доказательство, до какой степени в петербургском обществе предвидели ужасную катастрофу: при первом признаке ее приближения уже можно было догадываться о том, что произойдет.

М. Н. ЛОНГИНОВ. *Современная летопись*, 1863, № 18, стр. 12.

Данзас не знает, по какой дороге ехали Дантес с д'Аршиаком, но к Комендантской даче они с ними подъехали в одно время. Данзас вышел из саней и, сговариваясь с д'Аршиаком, отправился с ним отыскивать удобное для дуэли место. Они нашли такое саженях в полутораста от Комендантской дачи, более крупный и густой кустарник окружал здесь площадку и мог скрывать от глаз оставленных на дороге извозчиков то, что на ней происходило.

А. АММОСОВ, 23.

На место встречи мы прибыли в половине пятого. Дул очень сильный ветер, что заставило нас искать убежища в маленькой сосновой роще. Так как большое количество снега могло стеснять противника, пришлось протоптать тропинку в двадцать шагов.

Виконт Д'АРШИАК — кн. П. А. Вяземскому, 1 февр. 1873 г. *Дуэль*, 53 *(фр.)*.

[1] Ее описывает Лермонтов в своем стихотворении:

Как мальчик кудрявый, резва,
Нарядна, как бабочка летом, и т. д.

В камер-фурьерском журнале мороз 27-го января утром отмечен в два градуса.

П. Е. ЩЕГОЛЕВ, 144.

Снег был по колена; по выборе места надобно было вытоптать в снегу площадку, чтобы и тот и другой удобно могли и стоять друг против друга, и сходиться. Оба секунданта и Геккерен занялись этой работою; Пушкин сел на сугроб и смотрел на роковое приготовление с большим равнодушием. Наконец, вытоптана была тропинка в аршин шириною и в двадцать шагов длиною; плащами означили барьеры.

В. А. ЖУКОВСКИЙ—С. Л. Пушкину. *Щеголев*, 172.

Несмотря на ясную погоду, дул довольно сильный ветер. Морозу было градусов пятнадцать. Закутанный в медвежью шубу, Пушкин молчал, повидимому был столько же спокоен, как и во все время пути, но в нем выражалось сильное нетерпение приступить скорее к делу. Когда Данзас спросил его, находит ли он удобным выбранное им и д'Аршиаком место, Пушкин отвечал:

— Ca m'est fort égal, seulement tachez de faire tout cela plus vite *(мне это решительно все равно, — только, пожалуйста, делайте все это поскорее)*.

Отмерив шаги, Данзас и д'Аршиак отметили барьер своими шпелями и начали заряжать пистолеты. Во время этих приготовлений нетерпение Пушкина обнаружилось словами к своему секунданту:

— Eh bien! est ce fini? *(Ну, чтоже! Кончили?)*

Все было кончено. Противников поставили, подали им пистолеты, и по сигналу, который сделал Данзас, махнув шляпой, они начали сходиться.

Пушкин первый подошел к барьеру и, остановясь, начал наводить пистолет. Но в это время Дантес, не дойдя до барьера одного шага, выстрелил, и Пушкин, падая, сказал:

— Je crois que j'ai la cuisse fracassée *(кажется, у меня раздроблено бедро)*.

А. АММОСОВ, 23.

Г. Пушкин упал на шпель, служившую барьером, и остался неподвижным, лицом к земле.

Виконт Д'АРШИАК — кн. П. А. Вяземскому. *Дуэль*, 53 *(фр.)*.

Секунданты бросились к нему, и, когда Дантес намеревался сделать то же, Пушкин удержал его словами:

— Attendez! Je me sens assez de force, pour tirer mon coup *(подождите! Я чувствую достаточно сил, чтобы сделать свой выстрел).*

А. АММОСОВ. 23.

После слов Пушкина, что он хочет стрелять, г. Геккерен возвратился на свое место, став боком и прикрыв грудь свою правою рукою.

К. К. ДАНЗАС—кн. П. А. Вяземскому, 6 февр. 1837 г. *Дуэль*, 55.

Ужас сопровождал их бой. Они дрались, и дрались на смерть. Для них уже не было примирения, и ясно видно было, что для Пушкина была нужна жертва или погибнуть самому.

А. П. ЯЗЫКОВ—А. А. Катенину, 1 февр. 1837 г. *Описание Пушкинского музея имп. алекс. лицея.* Спб. 1899. Стр. 450.

При падении Пушкина пистолет его попал в снег и потому Данзас подал ему другой. Приподнявшись несколько и опершись на левую руку, Пушкин выстрелил.

А. АММОСОВ. 23.

Пушкин, полулежа, приподнялся, уперся на какую-то перекладину старых перил, тут лежавшую, для того, чтобы ловче целиться.

Н. Н. со слов полковых товарищей Дантеса и, повидимому, самого Дантеса. Письмо к издателю. *Рус. Арх.*, 1898, III, 246.

На коленях, полулежа, Пушкин целился в Дантеса в продолжение двух минут и выстрелил так метко, что, если бы Дантес не держал руку поднятой, то непременно был бы убит; пуля пробила руку и ударилась в одну из металлических пуговиц мундира, причем все же продавила Дантесу два ребра.

А. А. ЩЕРБИНИН. Из неизданных записок. *П-и и его совр-ки*, XV, 42.

Геккерн упал, но его сбила с ног только сильная контузия; пуля пробила мясистые части правой руки, коею он закрыл себе грудь и будучи тем ослаблена, попала в пуговицу, которою панталоны держались на подтяжке против ложки: эта пуговица спасла Геккерна. Пушкин, увидя его падающего, бросил вверх пистолет и закричал:

— Браво!

Между тем кровь лила из раны.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. Л. Пушкину. *Щеголев*, стр. 172.

Выстрелив, г. Пушкин снова упал. Почти непосредственно после этого он два раз впадал в полуобморочное состояние, на несколько мгновений мысли его помутились. Но тотчас же он вполне пришел в сознание и больше его уже не терял.

Виконт Д'АРШИАК — кн. П. А. Вяземскому. *Дуэль*, 53 *(фр.)*.

Придя в себя, Пушкин спросил у д'Аршиака:

— Убил я его?

— Нет, — ответил тот, — вы его ранили.

— Странно, — сказал Пушкин, — я думал, что мне доставит удовольствие его убить, но я чувствую теперь, что нет... Впрочем, все равно. Как только мы поправимся, снова начнем.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — вел. кн. Михаилу Павловичу, *Щеголев*, 262 *(фр.)*.

Поведение Пушкина на поле или на снегу битвы д'Аршиак находил «parfaite» *(превосходным)*. Но слова его о возобновлении дуэли по выздоровлении отняли у д'Аршиака возможность примирить их.

А. И. ТУРГЕНЕВ. Из дневника, 30 янв. 1837 г. *Щеголев*, 271.

Пушкин был ранен в правую сторону живота, пуля, раздробив кость верхней части ноги у соединения с тазом, глубоко вошла в живот и там остановилась.

Данзас с д'Аршиаком подозвали извощиков и с помощью их разобрали находившийся там из тонких жердей забор, который мешал саням

подъехать к тому месту, где лежал раненый Пушкин. Общими силами усадив его бережно в сани, Данзас приказал извощику ехать шагом, а сам пошел пешком подле саней, вместе с д'Аршиаком; раненый Дантес ехал в своих санях за ними.

А. АММОСОВ. 23.

Сани сильно трясло во время переезда на расстоянии полуверсты по очень скверной дороге, г. Пушкин страдал, не жалуясь. Г. барон Геккерен смог, поддерживаемый мною, дойти до своих саней, и там он ждал, пока противника его не перенесли, и я мог сопровождать его в Петербург. В продолжение всего поединка спокойствие, хладнокровие и достоинство обеих сторон были совершенны.

Виконт Д'АРШИАК — кн. П. А. Вяземскому.
Дуэль, 53 *(фр.)*.

Зимою 1858 г. К. К. Данзас, на просьбу мою посетить со мною место дуэли Пушкина, охотно согласился. Мы отправились на Черную Речку, переехавши мост у Ланского шоссе, повернули налево, по набережной, и потом направо, на дороге в Коломяги. По левую сторону дороги остались строения комендантской дачи, по правую — тянулся глухой забор огорода. Проехавши этот длинный забор, мы остановились. За этим забором, по словам Данзаса, в 1837 г. начинался кустарник и потом лес, который продолжался параллельно во всю длину ланской дороги. В недальнем расстоянии от забора он указал мне место, где происходила дуэль. В наш приезд, в 1858 г., кустарника этого мы уже не нашли, он вырублен, и земля разделена; оставалось только около канавок несколько молодого березняка, занесенного снегом.

На этих днях *(июнь 1880 г.)* я опять посетил место дуэли Пушкина. Место это желающие могут найти следующим образом: от чернореченского пешеходного моста, по коломягской дороге, на протяжении 148 сажен, по правой стороне — огороды Мякишева (по левой — комендантские дачи); от огородов Мякишева, где кончается забор, нужно отмерить 75 сажен далее по той же коломягской дороге, до второй от забора канавы, идущей вправо от дороги (всего до этого пункта от Черной Речки 223 саж.); потом, свернув с дороги вправо по второй канаве, на которой стоят три березы, и отмерив от дороги ровно 38 сажен, что придется как раз до третьей березы, около которой вправо есть лощина в 25 шагов длины и ширины. На этой-то лощине, не представляющей ни-

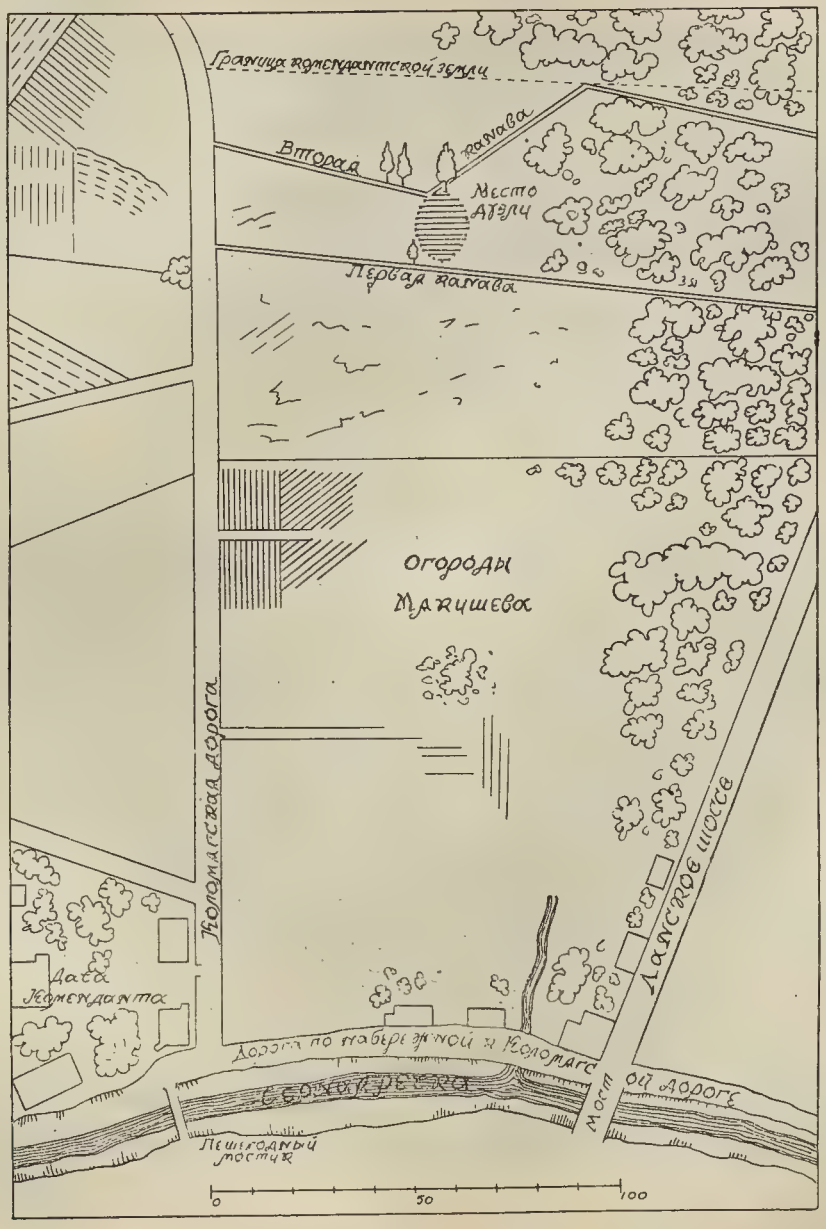

Граница комендантской земли
Вторая канава
Место Аулы
Первая канава
Огороды Макишева
Коломягская дорога
Дача Коменданта
Дорога по набережной к Коломягской дороге
Мост
Ланское шоссе
Пешеходный мостик
0
50
100

Рис. 8.

каких признаков лесной растительности, и был, по указанию секундан та Пушкина, смертельно ранен Пушкин (см. рис. 8).

Я. А. ИСАКОВ. *Голос*, 1880, 5 июня, № 155.

Хотя г. Исаков даже опубликовал план места поединка вправо от коломягской дороги, пройдя комендантскую дачу, но это указание не особенно твердо, потому что трудно верить, чтобы дуэль состоялась на открытой поляне вблизи от дороги и в снежное время. Напротив, большая часть местных старожилов указывает на противоположную сторону, т.-е. влево от дороги, к числу лиц, знакомых с этим местом, принадлежит и арендатор огорода вблизи комендантской дачи по Черной Речке № 5, В. Д. Мякишев, который указывает тот пень большого дерева, в четырех шагах от которого стоял Пушкин.

ДМ. ЛОБАНОВ. Пушкин и Гоголь. *Петербургская Газета*, 1880, № 113.

Вас. Дм. Мякишев, арендатор огородов Комендантской дачи, указал мне действительное место, где был смертельно ранен Пушкин. Сначала я было усомнился, так как указание совершенно не совпадало с указанием г. Исакова, но по дальнейшим расспросам вполне убедился в истинности его слов. С двадцатых еще годов Мякишевы арендуют земли Комендантской дачи. Отец настоящего арендатора, Дм. Мякишев, был современник дуэли Пушкина и жил всего в нескольких стах шагах от рокового места. Сын рассказывал со слов отца следующее: было дело это в январе месяце; прибежал к старику Мякишеву впопыхах дворник Комендантской дачи Матвей Фомич и сказал, что за комендантским гумном какие-то господа стрелялись. Старик выбежал на улицу и увидел, что какого-то господина вели двое под руки, посадили в карету и повезли в город. Сейчас же он по следам, — так как по снегу были следы, — пошел на то место, где стрелялись за комендантским гумном, на дорожке, которая шла через огород, возле березы, от которой ныне остался только пень. Отец Мякишева много раз указывал детям это место и потому они забыть его не могли. В. Д. Мякишев добавляет, что так как дорожка к месту поединка шла кружно, около сарая и гумна, и вести по ней же назад раненого было бы слишком для него мучительно и долго, то господа повели его прямо, как видно было по следам и крови, целиком к дороге, куда подъехала карета, изгородь же, которая здесь была, — чтобы пройти, разобрали. Сравнивая расположение места, указанного Мякишевым.

с местом, указанным г. Исаковым, нельзя не видеть, что первое *(второе?)* находится слишком близко к Коломягской дороге и поэтому едва ли могло быть избрано для поединка, тогда как место, указанное Мякишевым, совершенно было в стороне и закрыто от дороги гумном и сараем, и при этом имело то преимущество, что на самой комендантской даче никто зимою, кроме дворника, не жил. Справедливость слов Мякишева подтверждается еще и показаниями Максима Фомина, который во время дуэли был у дворника Комендантской дачи Матвея Фомина, ныне уже умершего, и рассказывает, что видел, как господа выходили из указанной местности и вели под руки раненого.

В. Я. РЕЙНГАРД. Где настоящее место дуэли Пушкина? *Нива*, 1880, № 26, стр. 514. *(В этом же номере — рисунок Рейнгарда, изображающий место дуэли).*

У комендантской дачи нашли карету, присланную на всякий случай бароном Геккереном, отцом. Дантес и д'Аршиак предложили Данзасу отвезти в ней в город раненого поэта. Данзас принял это предложение, но отказался от другого, сделанного ему в то же время Дантесом, предложения скрыть участие его в дуэли.

Не сказав, что карета была барона Геккерена, Данзас посадил в нее Пушкина и, сев с ним рядом, поехал в город. Во время дороги Пушкин держался довольно твердо; но чувствуя по временам сильную боль, он начал подозревать опасность своей раны.

Пушкин вспомнил про дуэль общего знакомого их офицера Московского полка Щербачева, стрелявшегося с Дороховым, на которой Щербачев был смертельно ранен в живот, и, жалуясь на боль, сказал Данзасу: «я боюсь, не ранен ли я так, как Щербачев». Он напомнил также Данзасу и о своей прежней дуэли в Кишиневе с Зубовым. Во время дороги Пушкин в особенности беспокоился о том, чтобы по приезде домой не испугать жены, и давал наставления Данзасу, как поступить, чтобы этого не случилось.

А. АММОСОВ, 26.

Карета медленно подвигалась на Мойку, к Певческому мосту. Раненый чувствовал жгучую боль в левом боку, говорил прерывистыми фразами и, мучимый тошнотою, старался преодолеть страдания, возвещавшие близкую, неизбежную смерть. Несколько раз принуждены были

останавливаться, потому что обмороки следовали довольно часто один за другим, и сотрясение пути ослабляло силы больного.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы,* 420.

Дядя Лев *(Пушкин)* привел моей матери *(О. С. Павлищевой)* следующее, слышанное им на Кавказе, обстоятельство, достоверность которого требует, однако, подтверждения: будто бы Геккерен старший в день поединка поехал к Комендантской даче в наемной карете, а не в своей, опасаясь быть узнанным публикой. Затем, приказав кучеру остановиться не на особенно далеком расстоянии от места поединка, выслал якобы на рекогносцировку своего камердинера и, получив донесение последнего о страшном результате, отослал экипаж с этим лицом для одного из раненых соперников; сам же, будто бы, нанял проезжавшего извозчика, на котором и ускакал путями окольными, не желая подвергаться любопытным взглядам.

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ. *Кончина Пушкина.* Спб., стр. 26.

Кн. Вяземский, с одним знакомым своим Ленским, гуляя по Невскому, встречают старика Геккерна в извозчичьих санях. Их удивило, что посланник едет в таком экипаже. Заметя их, он вышел из саней и сказал им, что гулял далеко, но вспомнил, что ему надо написать письма, и, чтобы скорее поспеть домой, взял извозчика. После они узнали, что он ехал с Черной Речки, где ждал, чем кончится поединок. Пушкина, как более тяжело раненного, повезли домой в карете Геккерена.

Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ по записи Бартенева. *Рус. Арх.*, 1888 II, 305.

Дети Пушкина в четыре часа пополудни были у кн. Мещерской *(дочери Карамзина),* и мать за ними сама заезжала.

А. И. ТУРГЕНЕВ—А. И. Нефедьевой. *П-н и его совр-ки,* VI, 48.

Все мы, его знакомые, узнали об общем несчастии нашем, лишь тогда, когда уже удар совершился. Предварительно никому ничего не было известно. Он мне за несколько недель рассказывал только, что к молодому Геккерену он посылал такие записочки, которые бы могли другого заставить драться, но что он отмалчивался. После этого и свадьба

совершилась. Узнав об этом, я предал совершенному забвению все прежнее. В ту самую минуту, когда из кареты внесли его раненого, я заехал к нему с тем (это было вечером, в 8-м часу), чтобы взять его к себе, что и прежде по средам иногда я делал.

П. А. ПЛЕТНЕВ—В. Г. Теплякову, 29 мая 1837 г. *Истор. Вестн.*, 1887, т. 29, стр. 21.

Пушкин жил на Мойке в нижнем этаже дома Волконского. У подъезда Пушкин просил Данзаса выйти вперед, послать людей вынести его из кареты и, если жена его дома, то предупредить ее и сказать, что рана не опасна.

В передней люди сказали Данзасу, что Натальи Николаевны не было дома, но когда Данзас сказал им, в чем дело, и послал их вынести раненого Пушкина из кареты, они объявили, что госпожа их дома. Данзас через столовую, в которой накрыт уже был стол, и гостиную пошел прямо без доклада в кабинет жены Пушкина. Она сидела со своей старшей незамужней сестрой Александрой Николаевной Гончаровой. Внезапное появление Данзаса очень удивило Наталью Николаевну, она взглянула на него с выражением испуга, как бы догадываясь о случившемся.

Данзас сказал ей, сколько мог покойнее, что муж ее стрелялся с Дантесом, что хотя ранен, но очень легко. Она бросилась в переднюю, куда в то время люди вносили Пушкина на руках.

Увидя жену, Пушкин начал ее успокаивать, говоря, что рана его вовсе не опасна, и попросил уйти, прибавив, что как только его уложат в постель, он сейчас же позовет ее. Она видимо была поражена и удалилась как-то бессознательно.

А. АММОСОВ, со слов К. К. Данзаса, стр. 27.

Его привезли домой; жена и сестра жены, Александрина, были уже в беспокойстве; но только одна Александрина знала о письме его к отцу Геккерна. Он закричал твердым и сильным голосом, чтобы жена не входила в кабинет его, где его положили, и ей сказали, что он ранен в ногу.

А. И. ТУРГЕНЕВ— А. И. Нефедьевой, 28 января 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VI, 50.

Жена встретилась в передней — дурнота — n'entrez pas. Его положили на диван. Горшок. Раздели. Белье сам велел, потом лег. У него

всё был Данзас. Жена вошла, когда он был одет и когда уже послали за Арендтом.

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Конспективные заметки. *Щеголев*, 285.

Домой возвратились в шесть часов. Камердинер взял его на руки и понес на лестницу. — Грустно тебе нести меня? — спросил у него Пушкин. Бедная жена встретила его в передней и упала без чувств. Его внесли в кабинет; он сам велел подать себе чистое белье; разделся и лег на диван, находившийся в кабинете. Жена, пришедши в память, хотела войти; но он громким голосом закричал: n'entrez pas, ибо опасался показать ей рану, чувствуя сам, что она была опасною. Жена вошла уже тогда, когда он был совсем раздет [1].

В. А. ЖУКОВСКИЙ—С. Л. Пушкину. *Щеголев*, 173.

Между тем, Данзас отправился за доктором. Сначала поехал к Арендту, потом к Соломону; не застав дома ни того, ни другого, оставил им записки и отправился к доктору Персону; но и тот был в отсутствии. Оттуда, по совету жены Персона, Данзас поехал в Воспитательный дом,

[1] О том, как умирал Пушкин, широкие круги читателей знают всего более из трех документов — из письма Жуковского к С. Л. Пушкину, отцу поэта, и из писем кн. Вяземского к вел. кн. Михаилу Павловичу и к А. Я. Булгакову. Между тем, все эти три документа, писанные с целью широкого распространения их в обществе, являются сплошным и вполне сознательным фальсификатом. Задачею авторов было обелить умершего Пушкина в глазах власти, выставить его глубоко верующим христианином и человеком восторженно преданным императору Николаю; жену Пушкина авторы старались очистить от всяких, так естественно возникавших подозрений и представить ее добродетельнейшею женою, невинною жертвою случайного стечения обстоятельств. Все это делалось в самых добрых целях, — обеспечить семье Пушкина пенсию и благоволение царя. Но образ Пушкина вследствие этого получился искаженным, и вся картина его смерти окрасилась в совершенно неверный тон. Особенно это следует сказать о письме Жуковского. Рассказ его — слащавая, чувствительная беллетристика, внушающая очень мало доверия. Плетнев в 1847 году писал Я. Гроту: «Я был свидетелем последних минут Пушкина. Несколько дней они были в порядке и ясности у меня на сердце. Когда я прочитал Жуковского, я поражен был сбивчивостью и неточностью его рассказа. Тогда-то я подумал, в первый раз: «так вот что значит наша история!» (*Переп. Грота с Плетневым*, III, 159). Ввиду всего этого к свидетельствам Жуковского и Вяземского в *указанных письмах* следует относиться с величайшею осторожностью. Оценку документов, касающихся смерти Пушкина, см. в классическом исследовании П. Е. *Щеголева*: «*Дуэль и смерть Пушкина*», изд. 3.

где, по словам ее, он мог найти доктора наверное. Подъезжая к Воспитательному дому, Данзас встретил выходившего из ворот доктора Шольца. Выслушав Данзаса, Шольц сказал ему, что он, как акушер, в этом случае полезным быть не может; но что сейчас же привезет к Пушкину другого доктора.

Вернувшись назад, Данзас нашел Пушкина в его кабинете, уже раздетого и уложенного на диване; жена его была с ним.

А. АММОСОВ со слов К. К. Данзаса, стр. 28.

(В седьмом часу веч. 27 янв.). Прибывши к больному с доктором Задлером, которого я дорогой сыскал, взошли в кабинет больного, где нашли его лежащим на диване и окруженным тремя лицами, — супругою, полковником Данзасом и г-м Плетневым. Больной просил удалить и не допустить при исследовании раны жену и прочих домашних. Увидев меня, дал мне руку и сказал:

— Плохо со мною!

Мы осматривали рану, и г. Задлер уехал за нужными инструментами. Больной громко и ясно спрашивал меня:

— Что вы думаете о моей ране? Я чувствовал при выстреле сильный удар в бок, и горячо стрельнуло в поясницу, дорогою шло много крови, — скажите мне откровенно, как вы рану находили?

— Не могу вам скрывать, что рана ваша опасная.

— Скажите мне, — смертельная?

— Считаю долгом вам это не скрывать, — но услышим мнение Арендта и Саломона, за которыми послано.

— Спасибо! Вы поступили со мною, как честный человек, — при сем рукою потер он лоб. — Нужно устроить свои домашние дела.

Через несколько минут сказал:

— Мне кажется, что много крови идет?

Я осмотрел рану, но нашлось, что мало, и наложил новый компресс.

— Не желаете ли вы видеть кого-нибудь из близких приятелей?

— Прощайте, друзья — сказал он, глядя на библиотеку. — Разве вы думаете, что я час не проживу?

— О, нет, не потому, но я полагал, что вам приятнее кого-нибудь из них видеть... Г-н Плетнев здесь.

— Да, но я бы желал Жуковского. Дайте мне воды, меня тошнит.

Я трогал пульс, нашел руку довольно холодною, — пульс малый, скорый, как при внутреннем кровотечении; вышел за питьем и чтобы послать за г. Жуковским; полковник Данзас взошел к больному. Между

тем приехали Задлер, Арендт, Саломон, — и я оставил больного, который добродушно пожал мне руку.

Доктор ШОЛЬЦ. *П. Щеголев,* 195.

Когда Задлер осмотрел рану и наложил компресс, Данзас, выходя с ним из кабинета, спросил его: опасна ли рана Пушкина. — «Пока еще ничего нельзя сказать», — отвечал Задлер. В это время приехал Арендт, он также осмотрел рану. Пушкин просил его сказать откровенно: в каком он его находит положении, и прибавил, что какой бы ответ ни был, он его испугать не может, но что ему необходимо знать наверное свое положение, чтобы успеть сделать некоторые нужные распоряжения.

— Если так, — отвечал ему Арендт, — то я должен вам сказать, что рана ваша очень опасна и что к выздоровлению вашему я почти не имею надежды.

Пушкин благодарил Арендта за откровенность и просил только не говорить жене.

А. АММОСОВ, 29.

(В начале восьмого часа веч.). В доме больного я нашел д-ров Арендта и Сатлера.

— Что, плохо! — сказал мне Пушкин, подавая руку.

Я старался его успокоить. Он сделал рукою отрицательный знак, показывавший, что он ясно понимал опасность своего положения.

— Пожалуйста, не давайте больших надежд жене, не скрывайте от нее в чем дело, она не притворщица; вы ее хорошо знаете; она должна все знать. Впрочем, делайте со мною, что вам угодно, я на все согласен и на все готов.

Врачи, уехав, оставили на мои руки больного. Он исполнял все врачебные предписания. По желанию родных и друзей Пушкина, я сказал ему об исполнении христианского долга. Он тот же час на то согласился.

— За кем прикажете послать? — спросил я.

— Возьмите первого, ближайшего священника, — отвечал Пушкин.

Послали за отцом Петром, что в Конюшенной. Больной вспомнил о Грече [1].

---

[1] У Греча умер от скоротечной чахотки его сын-студент, талантливый юноша. Похороны его происходили в день дуэли Пушкина, утром этого дня Пушкин получил пригласительный билет на похороны.

— Если увидите Греча, — молвил он, — кланяйтесь ему и скажите, что я принимаю душевное участие в его потере.

Доктор И. Т. СПАССКИЙ. «Последние дни А. С. Пушкина». *П. Щеголев*, 197.

В 8 часов вечера возвратился доктор Арендт. Его оставили с больным наедине. В присутствии доктора Арендта прибыл и священник. Он скоро отправил церковную требу; больной исповедался и причастился Св. Тайн.

Д-р И. Т. СПАССКИЙ. *П. Щеголев*, 197.

Он исполнил долг христианина с таким благоговением и таким глубоким чувством, что даже престарелый духовник его был тронут и на чей-то вопрос по этому поводу отвечал: — «Я стар, мне уж недолго жить, на что мне обманывать? Вы можете мне не верить, когда я скажу, что я для себя самого желаю такого конца, какой он имел».

Кн-ня ЕК. Н. МЕЩЕРСКАЯ-КАРАМЗИНА. *Я. Грот*, 261 *(фр.)*.

Священник говорил мне после со слезами о нем и о благочестии, с коим он исполнил долг христианский. Пушкин никогда не был esprit fort, по крайней мере, не был им в последние годы жизни своей; напротив, он имел сильное религиозное чувство: читал и любил читать евангелие, был проникнут красотою многих молитв, знал их наизусть и часто твердил их.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — Д. В. Давыдову[1]
5 февраля 1837 г. *Рус. Стар.*, 1875, т. XIV, 92.

Когда я вошел к Пушкину, он спросил, что делает жена? Я отвечал, что она несколько спокойнее.

— Она, бедная, безвинно терпит и может еще потерпеть во мнении людском, — возразил он; — не уехал еще Арендт?

Я сказал, что доктор Арендт еще здесь.

---

[1]. Письмо до последнего времени считали адресованным А. Я. Булгакову. М. К. Светлова убедительно доказала, что адресат—Д. В. Давыдов. *(Моск. пушкинист*, № 2, 1930. Стр. 155—162).

— Просите за Данзаса, за Данзаса, он мне брат.

Желание Пушкина было передано д-ру Арендту, и лично самим больным повторено. Доктор Арендт обещал возвратиться к 11 часам.

Необыкновенное присутствие духа не оставляло больного. От времени до времени он тихо жаловался на боль в животе, и забывался на короткое время.

Д-р И. Т. СПАССКИЙ. *П. Щеголев*, 197.

Прощаясь, Арендт объявил Пушкину, что, по обязанности своей, он должен доложить обо всем случившемся государю. Пушкин ничего не возразил против этого, но поручил только Арендту просить от его имени государя не преследовать его секунданта. Уезжая, Арендт сказал провожавшему его в переднюю Данзасу:

— Штука скверная, он умрет.

А. АММОСОВ со слов Данзаса, 29.

Один за другим начали съезжаться к Пушкину друзья его: Жуковский, князь Вяземский, граф М. Ю. Вьельгурский, князь П. И. Мещерский, П. А. Валуев, А. И. Тургенев, родственница Пушкина, бывшая фрейлина Загряжская, все эти лица до самой смерти Пушкина не оставляли его дом и отлучались только на самое короткое время.

А. АММОСОВ, 30.

В полночь доктор Арендт возвратился. Покинув Пушкина, он отправился во дворец, но не застал государя, который был в театре, и сказал камердинеру, чтобы по возвращении его величества было донесено ему о случившемся. Около полуночи приезжает за Арендтом от государя фельдъегерь с повелением немедленно ехать к Пушкину, прочитать ему письмо, собственноручно государем к нему написанное, и тотчас обо всем донести. «Я не лягу, и буду ждать», стояло в записке государя к Арендту. Письмо же приказано было возвратить.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. Л. Пушкину. *Щеголев*, 178.

Ночью возвратился к нему Арендт и привез ему для прочтения собственоручную записку, карандашом написанную государем, почти в

таких словах: «Если бог не приведет нам свидеться в здешнем свете, посылаю тебе мое прощение и последний совет: умереть христианином. О жене и детях не беспокойся; я беру их на свои руки». Пушкин был чрезвычайно тронут словами и убедительно просил Арендта оставить ему эту записку; но государь велел ее прочесть и немедленно возвратить.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — Д. В. Давыдову, 5 февр. 1837 г. *Рус. Стар.*, 1875, т. XIV, стр. 92.

Что за письмо привозил Арендт Пушкину от Николая? Пушкин прочел его и возвратил Арендту. Письмо до сих пор еще неизвестно.

А. С. СУВОРИН со слов П. А. Ефремова, *Дневник А. С. Суворина*, стр. 206.

В лечении не последовало перемен. Уезжая, д-р Арендт просил меня тотчас прислать за ним, если я найду то нужным.

И. Т. СПАССКИЙ. *Щеголев*, 198.

Когда Арендт уехал, Пушкин позвал к себе жену, говорил с нею и просил ее не быть постоянно в его комнате, он прибавил, что будет сам посылать за нею. В продолжение этого дня у Пушкина перебывало несколько докторов, в том числе: Саломон и Буяльский. Домашним доктором Пушкина был доктор Спасский; но Пушкин мало имел к нему доверия. По рекомендации бывшего тогда главного доктора конногвардейского полка Шеринга, Данзас пригласил доктора провести у Пушкина всю ночь. Фамилии этого доктора Данзас не помнит.

А. АММОСОВ, 31.

Он подозвал к себе Спасского, велел подать какую-то бумагу, по-русски написанную, и заставил ее сжечь.

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Письмо к С. Л. Пушкину. *Щеголев*, 180.

Пушкин велел д-ру Спасскому вынуть какую-то его рукою написанную бумагу из ближайшего ящика, и ее сожгли перед его глазами; а

Данзасу велел найти какой-то ящичек и взять из него находившуюся в нем цепочку.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — гр. А. Х. Бенкендорфу, в феврале — марте 1837 г. *Щеголев*, 240.

Я спросил Пушкина, неугодно ли ему сделать какие распоряжения. — Всё жене и детям, — отвечал он: — позовите Данзаса. Данзас вошел. Пушкин захотел остаться с ним один.

И. Т. СПАССКИЙ. *Щеголев*, 198.

Пушкин велел написать частные долги и написал реэстр своей рукой довольно твердою.

А. И. ТУРГЕНЕВ—Н. И. Тургеневу, 31 янв. 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VI, 62.

Подозвав Данзаса, Пушкин просил его записывать и продиктовал ему все свои долги, на которые не было ни векселей, ни заемных писем. Потом он снял с руки кольцо и отдал Данзасу, прося принять его на память. При этом он сказал Данзасу, что не хочет, чтоб кто-нибудь мстил за него, и что желает умереть христианином.

А. АММОСОВ, 31.

Данзас сказал ему, что готов отомстить за него тому, кто его поразил. — «Нет, нет — ответил Пушкин, — мир, мир».

А. Н. ВЕНЕВИТИНОВА — С. Л. Пушкину, со слов Е. А. Карамзиной. *П-н и его совр-ки*, VIII, 67 *(фр.)*.

Княгиня *(Вяземская)* была с женою, которой состояние было невыразимо: как привидение, иногда подкрадывалась она в ту горницу, где лежал ее умирающий муж; он не мог ее видеть (он лежал на диване лицом от окон к двери), но он боялся, чтобы она к нему подходила, ибо не хотел, чтобы она могла приметить его страдания, кои с удивительным мужеством пересиливал, и всякий раз, когда она входила или только останавливалась у дверей, он чувствовал ее присутствие. — «Жена здесь, говорил он, — отведите ее».

В. А. ЖУКОВСКИЙ—С. Л. Пушкину. *Щеголев*, 176.

Когда ему сказали, что бывали случаи, что от таких ран оживали, то он махнул рукою, в знак сомнения. Иногда, но редко, подзывает к себе жену и сказал ей:

— Будь спокойна, ты невинна в этом.

Кн. Вяземский и тетка Загряжская и сестра Александра не отходят от жены. Я провел там, — до четвертого часа утра (28-го), с Жуковским, гр. Велгурским и Данзасом; но к нему входит только один Данзас.

А. И. ТУРГЕНЕВ—А. И. Нефедьевой. *П-н и его совр-ки*, VI, 50.

Жене своей он сказал: «Не упрекай себя моей смертью: это — дело, которое касалось одного меня».

В. А. МУХАНОВ (со слов А. Я. Булгакова). Из дневника. *Московский Пушкинист* 1927, вып I, стр. 50.

28-го утром, когда боли усилились и показалась значительная опухоль живота, решились поставить промывательное, чтобы облегчить и опростать кишки. С трудом только можно было это исполнить: больной не мог лежать на боку, а чувствительность воспаленной проходной кишки, от раздробленного крестца, — обстоятельство в то время еще неизвестное, — были причиной жестокой боли и страданий после этого промывательного. Оно не подействовало.

В. И. ДАЛЬ. Ход болезни Пушкина. *Щеголев*, 205.

Около четвертого часу *(ночи, с 27 на 28)* боль в животе начала усиливаться, и к пяти часам сделалась значительною. Я послал за Арендтом, он не замедлил приехать. Боль в животе возросла до высочайшей степени. Это была настоящая пытка. Физиономия Пушкина изменилась, взор его сделался дик, казалось, глаза готовы были выскочить из своих орбит, чело покрылось холодным потом, руки похолодели, пульса как не бывало. Больной испытывал ужасную муку. Но и тут необыкновенная твердость его души раскрылась в полной мере. Готовый вскрикнуть, он только стонал, боясь, как он говорил, чтоб жена не услышала, чтоб ее не испугать.

— Зачем эти мучения? — сказал он, — без них я бы умер спокойно.

И. Т. СПАССКИЙ. *П. Щеголев*, 198.

В продолжение ночи страдания Пушкина до того увеличились, что он решил застрелиться. Позвав человека, он велел подать ему один из ящиков письменного стола; человек исполнил его волю, но, вспомнив, что в этом ящике были пистолеты, предупредил Данзаса. Данзас подошел к Пушкину и взял у него пистолеты, которые тот уже спрятал под одеяло; отдавая их Данзасу, Пушкин признался, что хотел застрелиться, потому что страдания его были невыносимы.

А. АММОСОВ. 32.

В одну из предсмертных ночей, доктора, думая облегчить страдания, поставили промывательное, отчего пуля стала давить кишки, и умирающий издавал такие крики, что княгиня Вяземская и Александра Николаевна, дремавшие в соседней комнате, вскочили от испуга.

Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ, по записи Бартенева. *Рус. Арх.*, 1888, II, 305.

Ночью он кричал ужасно; почти упал на пол в конвульсии страдания. Благое провидение в эти самые десять минут послало сон жене; она не слыхала криков; последний крик разбудил ее, но ей сказали, что это было на улице: после он еще не кричал.

А. И. ТУРГЕНЕВ — неизвестному, 28 янв. 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VI, 54.

Вот что случилось: жена в совершенном изнурении лежала в гостиной головой к дверям, и они одни отделяли ее от постели мужа. При первом страшном крике его, княгиня Вяземская, бывшая в той-же горнице, бросилась к ней, опасаясь, чтобы с нею чего не сделалось. Но она лежала неподвижно (хотя за минуту говорила); тяжелый, летаргический сон овладел ею; и этот сон миновался в ту самую минуту, когда раздалось последнее стенание за дверями.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. Л. Пушкину. *Щеголев*, 179.

Больной был так раздражен, духовно и телесно, что в продолжение этого утра отказывался вовсе от предлагаемых ему пособий.

В. И. ДАЛЬ. Ход болезни П-на. *Щеголев*, 206.

По-утру на другой день 28 января боли несколько уменьшились. Пушкин пожелал видеть: жену, детей и свояченницу свою Александру Николаевну Гончарову, чтобы с ними проститься. При этом прощании Пушкина с семейством Данзас не присутствовал.

А. АММОСОВ, 32.

Наконец, боль, повидимому, стала утихать, но лицо еще выражало глубокое страдание, руки по-прежнему были холодны, пульс едва заметен.

— Жену, просите жену, — сказал Пушкин.

Она с воплем горести бросилась к страдальцу. Это зрелище у всех извлекло слезы. Несчастную надо было отвлечь от одра умирающего. Таков, действительно, был Пушкин в то время. Я спросил его, не хочетли он видеть своих друзей.

— Зовите их, — отвечал он.

Жуковский, Вьельгорский, Вяземский, Тургенев и Данзас входили один за другим и братски с ним прощались.

И. Т. СПАССКИЙ. *Щеголев*, 198.

— Кто здесь? — спросил он Спасского и Данзаса.

Назвали меня и Вяземского.

— Позовите, — сказал он слабым голосом.

Я подошел, взял его похолодевшую, протянутую мне руку, поцеловал ее: сказать ему ничего я не мог, он махнул рукою, я отошел.

В. А. ЖУКОВСКИЙ—С. Л. Пушкину. *Щеголев*, 181.

С нами прощался он среди ужасных мучений и судорожных движений, но с духом бодрым и с нежностью. У меня крепко пожал он руку и сказал:

— Прости, будь счастлив.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — Д. В. Давыдову, 5 февр. 1837 г. *Рус. Стар.*, 1875, т. XIV, стр. 94.

Мне он пожал руку крепко, но уже похолодевшею рукою и сказал:— «Ну прощайте!» — «Почему «прощайте»? — сказала я, желая заста-

вить его усумниться в его состоянии. — «Прощайте, прощайте», — повторил он, делая мне знак рукой, чтобы я уходила. Каждое его прощание было ускоренное, он боялся расчувствоваться. Все, которые его видели, оставляли комнату рыдая.

В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ — Е. Н. Орловой. *Нов. Мир*, 1931, кн. 12, стр. 191.

Простился с Пушкиным. Он пожал мне два раза, взглянул и махнул тихо рукою... Виельгорскому сказал, что любит его.

А. И. ТУРГЕНЕВ. Дневник. *Щеголев*, 270.

Прощаясь с друзьями, которые, рыдая, стояли у его одра, он сказал Тургеневу:

— А что-же Карамзиных здесь нет?

Тотчас-же послали за матушкой *(Ек. А. Карамзиной)*, которая через несколько минут и приехала. Увидев ее, он сказал уже слабым, но явственным голосом:

— Благословите меня!

Она благословила его издали; но он сделал ей знак подойти, сам положил ее руку себе на лоб и, после того, как она его благословила, взял и поцеловал ее руку.

ЕК. Н. МЕЩЕРСКАЯ-КАРАМЗИНА — княжне М. И. Мещерской. *П-н и его совр-ки*, VI, 95.

Потом потребовал детей; их привели и принесли к нему полусонных. Он на каждого оборачивал глаза, молча; клал ему на голову руку; крестил и потом движением руки отсылал от себя.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. Л. Пушкину. *Щеголев*, 181.

Каждого из детей он благословил по три раза и прикладывал тыльную часть кисти руки к их губам.

Кн-ня В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ — Е. П. Орловой. *Новый Мир*, 1931, кн. 12, стр. 191.

После катастрофы Александрина *(сестра Нат. Ник-ны)* видела Пушкина только раз, когда она привела ему детей, которых он хотел благословить перед смертью.

Бар. ГУСТАВ ФРИЗЕНГОФ — А. П. Араповой. *Кр. Нива*, 1929, № 24, стр. 10 (фр.).

11 час. утра *(28-го)*. Он часто призывает на минутку к себе жену, которая все твердила: «он не умрет, я чувствую, что он не умрет». Теперь она, кажется, видит уже близкую смерть. — Пушкин со всеми нами прощается; жмет руку и потом дает знак выйти. Мне два раза пожал руку, взглянул, но не в силах был сказать ни слова. Жена опять сказала: «Quelque chose me dit qu'il vivra». — С Велгурским, с Жуковским также простился. Узнав, что К. А. Карамзина здесь-же, просил два раза позвать ее, и дал ей знать, чтобы перекрестила его. Она зарыдала и вышла.

А. И. ТУРГЕНЕВ—неизвестному, 28 янв. 1837 г *П-н и его совр-ки*, VI, 53.

Я взял больного за руку и щупал его пульс. Когда я оставил его руку, то он сам приложил пальцы левой своей руки к пульсу правой, томно, но выразительно взглянул на меня и сказал:

— Смерть идет.

Приезда Арендта он ожидал с нетерпением.

— Жду слова от царя, чтобы умереть спокойно, — промолвил он.

И. Т. СПАССКИЙ. *И. Щеголев*, 198.

В это время приехал доктор Арендт. Жду царского слова, чтобы умереть спокойно, сказал ему Пушкин. Это было для меня указанием, и я решился в ту-же минуту ехать к государю, чтобы известить его величество о том, что слышал. Надобно знать, что, простившись с Пушкиным, я опять возвратился к его постели и сказал ему: может быть, я увижу государя: что мне сказать ему от тебя? — Скажи ему, отвечал он, что мне жаль умереть; был бы весь его.

В. А. ЖУКОВСКИЙ—С. Л. Пушкину. *Щеголев*, 182.

Пушкин не говорил на смертном одре: «еслиб я остался жив, я весь был бы его». Когда Жуковского упрекали за эту фразу, он сказал: «я заботился о судьбе жены Пушкина и детей».

А. С. СУВОРИН со слов П. А. Ефремова. *Дневник А. С. Суворина.* 1923. Стр. 206.

Сходя с крыльца, я встретился с фельдъегерем, посланным за мной от государя. — Извини, что я тебя потревожил, — сказал он мне, при входе моем в кабинет. — Государь, я сам спешил к вашему величеству в то время, когда встретился с посланным за мною. И я рассказал о том, что говорил Пушкин. Я счел долгом сообщить эти слова немедленно вашему величеству. Полагаю, что он тревожится о участи Данзаса. — Я не могу переменить законного порядка, — отвечал государь, — но сделаю все возможное. Скажи ему от меня, что я поздравляю его с исполнением христианского долга; о жене-же и детях он беспокоиться не должен; они мои. Тебе же поручаю, если он умрет, запечатать его бумаги; ты после их сам рассмотришь.

Я возвратился к Пушкину с утешительным ответом государя. Выслушав меня, он поднял руки к небу с каким-то судорожным движением. Вот как я утешен! — сказал он. — Скажи государю, что я желаю ему долгого царствования, что я желаю ему счастия в его сыне, что я желаю ему счастия в его России. Эти слова говорил слабо, отрывисто, но явственно.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. Л. Пушкину.—*Щеголев.* 182.

Во все время болезни Пушкина передняя его постоянно была наполнена знакомыми и незнакомыми, вопросы: что Пушкин? Легче-ли ему? Поправился-ли он? Есть-ли надежда? сыпались со всех сторон. Государь, наследник, великая княгиня Елена Павловна постоянно посылали узнавать о здоровье Пушкина; от государя приезжал Арендт несколько раз в день. У подъезда была давка. В передней какой-то старичок сказал с удивлением: — «Господи боже мой! Я помню, как умирал фельдмаршал, а этого не было!»

Пушкин впускал к себе только самых коротких своих знакомых, хотя всеми интересовался: беспрестанно спрашивал, кто был у него в доме, и говорил: «мне было бы приятно видеть их всех, но у меня нет

силы говорить с ними». По этой причине, вероятно, он не простился и с некоторыми из своих лицейских товарищей.

А. АММОСОВ, 33.

С утра 28 числа, в которое разнеслась по городу весть, что Пушкин умирает, передняя была полна приходящих... Число их сделалось наконец так велико, что дверь прихожей (которая была подле кабинета, где лежал умирающий) беспрестанно отворялась и затворялась; это беспокоило страждущего, мы придумали запереть дверь из прихожей в сени; задвинули ее залавком и отворили другую узенькую прямо с лестницы в буфет, а гостиную от столовой отгородить ширмами (это распоряжение поймешь из приложенного плана) (см. *рис. 9*). С этой минуты буфет был набит народом; в столовую входили только знакомые, на лицах выражалось простодушное участие, многие плакали. Государь император получал известия от доктора Арендта (который раз по шести в день и по нескольку раз ночью приезжал навестить больного); государыня великая княгиня, очень любившая Пушкина, написала ко мне несколько записок, на которые я отдавал подробный отчет ее высочеству, согласно с ходом болезни.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. Л. Пушкину. *Щеголев*, 185.

Дом кн. Волконского по Мойке, № 12 (тогда № 7). Дом относится к Екатерининской эпохе. При постройке его в первом этаже выведены были капитальные стены, конструктивно нужные для устройства зала во втором, главном этаже; что первый этаж *(где была квартира Пушкина)* был подчинен назначению второго, видно, напр., из того, что средняя стена фасадного выступа вышла в окно, так что его пришлось сделать глухим (в настоящее время здесь помещена памятная доска); кроме того, нет ни одной комнаты, имеющей вполне правильный прямоугольный контур. — Из-под арки налево была дверь на парадную лестницу с колоннами и сводами. Для того, чтобы попасть в квартиру Пушкина, нужно было подняться маршем в восемь ступеней на первую площадку, откуда дверь вела в переднюю. Прямо против входных дверей находилась дверь в кабинет Пушкина. Набросок плана части квартиры, сделанный Жуковским непосредственно после смерти Пушкина, довольно точно передает план кабинета и даже расположение мебели; но Жуковский не указал дверей из кабинета в гостиную и в детскую. Полки в кабинете, как видно на рисунке, начинаясь от дверей в детскую, до-

ходили до угла, оттуда до самых дверей в гостиную, а затем шли под прямым углом. Полок у стены, смежной с передней, по всей вероятности, не было, и Жуковский, должно быть, ошибся, начав не с того конца чертить полки, таким образом закрывавшие лицо печи и загораживавшие дверь в гостиную. Отапливался кабинет раньше камином, расположенным против печи в детской, и зеркалом печи, топка которой была в не-

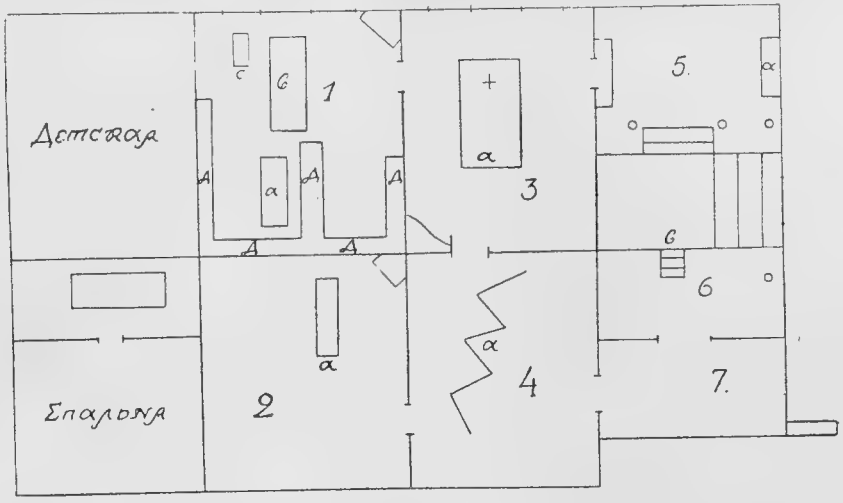


Рис. 9.

План последний квартиры Пушкина по наброску, сделанному Жуковским. Объяснения Жуковского:

1.—Кабинет. a) Диван, на котором умер Пушкин; b) его большой стол; c) кресла, на которых он работал; d) полки с книгами.

2.—Гостиная, a) Кушетка, на которой лежала ночью Наталья Николаевна.

3.—Передняя. a) Здесь Пушкин лежал во гробе.

4.—Столовая. a) Так были поставлены ширмы, чтобы загородить гостиную, где находилась Наталья Николаевна.

5.—Сени. a) Здесь стоял залавок, которым задвинули дверь; b) маленькая, узкая дверь, через которую входили все посторонние. .

6.—Буфет с чуланом. Здесь собирались приходившие осведомляться во время болезни, после того как заперли дверь в прихожую [1].

[1] План Жуковского вызывает ряд недоумений. Ширмы в столовой не могли стоять так, как указывает Жуковский, — в таком положении они не загораживали гостиной от приходивших поклониться телу Пушкина (из комнаты 7 через 4 в 3). В сенях залавок, очевидно, стоял не там, где указано на плане, а у противоположной двери из сеней в переднюю.

редней. Окна как кабинета, так и передней выходят на двор. — Гостиная, расположенная прямо против кабинета, выходит окнами на Мойку и занимает часть выступа. В середине стены, смежной с кабинетом, стоял камин, справа от него находилась дверь. Из гостиной дверь вела в столовую, примыкавшую к передней и к буфетной и выходившую окнами на Мойку. Буфетная выходила окнами на Мойку, поперечная перегородка отделяла чулан. Из чулана узенькая дверь вела на парадную лестницу; в эту дверь проносили через буфетную в столовую кушанье

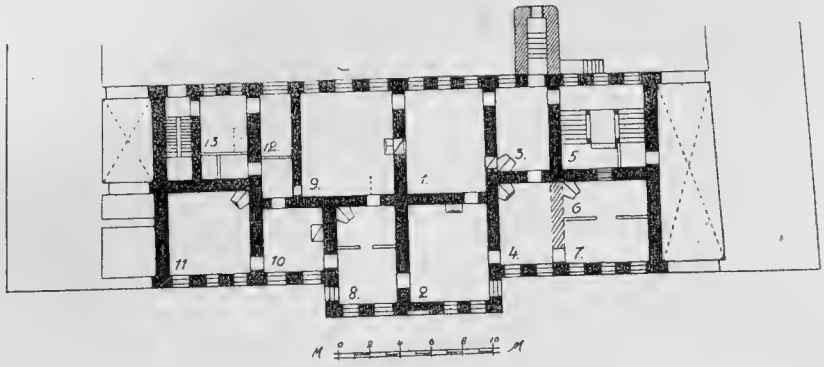


Рис. 10.

Проект восстановления плана пушкинской квартиры А. А. Платонова

1 — Кабинет. 2 — Гостиная. 3 — Передняя. 4 — Столовая. 5 — Парадная лестница. 6 — Чулан. 7 — Буфетная. 8 — Спальня. 9 — Детская. 10 и 11 — Комнаты А. Н. и Е. Н. Гончаровых. 12 и 13 — Комната для прислуги.

из кухни, находившейся в подвальном этаже. — Рядом с кабинетом помещалась детская, имевшая окна во двор. Из детской дверь вела в спальню, находившуюся рядом с гостиной и занимавшую остающуюся от последней часть выступа. Кроме того, в спальне были еще две двери: одна в гостиную, а другая в противоположную сторону, — в две комнаты с окнами на Мойку. По всей вероятности, эти две комнаты предназначены были для свояченицы Пушкина, А. Н. и Е. Н. Гончаровых. Спальня была разделена поперек ширмами или перегородкой, — что видно на плане Жуковского, — чтобы закрыть кровать и чтобы можно

было удобнее проходить из комнат сестер Гончаровых в гостиную и столовую. — Рядом с детской были две комнаты, — по всей вероятности, для прислуги. Из последней комнаты дверь вела на черную лестницу. *(См. рис. 10).*

А. А. ПЛАТОНОВ. *Последняя квартира Пушкина в ее прошлом и настоящем. Составили М. Беляев и А. Платонов. Изд. Академии Наук СССР.* 1927, стр. 3—7.

В продолжение этих жестоких дней Ек. Ив. Загряжская в сущности не покидала квартиры Пушкиных. Графиня Жюли Строганова и княгиня Вяземская также находились здесь почти безотлучно, стараясь успокоить и утешить, насколько это допускали обстоятельства.

Бар. ГУСТАВ ФРИЗЕНГОФ — А. П. Араповой. *Красная Нива,* 1929, № 24, стр. 10 *(фр.).*

Графиня Юл. Петр. Строганова в эти дни часто бывала в доме умирающего Пушкина и однажды раздражила княгиню Вяземскую своими опасениями относительно молодых людей и студентов, беспрестанно приходивших наведываться о раненном поэте (сын Вяземского, 17-летний князь Павел Петрович, все время, пока Пушкин умирал, оставался в соседней комнате).

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.,* 1908, III, 294.

Граф А. Г. Строганов говорит, что после поединка он ездил в дом раненного Пушкина, но увидал там такие разбойнические лица и такую сволочь, что предупредил отца своего не ездить туда.

П. И. БАРТЕНЕВ. Из записной книжки. *Рус. Арх.,* 1912, II, 160.

В четверг утром я сидел в его комнате несколько часов (он лежал и умер в кабинете, на своем красном диване, подле средних полок с книгами). Он так переносил свои страдания, что я, видя смерть перед глазами, в первый раз в жизни находил ее чем-то обыкновенным, нисколько не ужасающим.

П. А. ПЛЕТНЕВ — В. Г. Теплякову, 29 мая 1837 года. *Историч. Вестн.,* 1887, т. 29, стр. 21.

11½ *(дня, 28-го)*. Опять призывал жену, но ее не пустили; ибо после того, как он сказал ей: «Arndt m'a condamné, je suis blessé mortellement», она в нервическом страдании лежит в молитве перед образами. — Он беспокоился за жену, думая, что она ничего не знает об опасности, и говорит, что «люди заедят ее, думая, что она была в эти минуты равнодушною». Это решило его сказать об опасности.

А. И. ТУРГЕНЕВ — неизвестному, 28 янв. 1837 года. *П-н и его совр-ки*, VI, 54.

Полдень *(28-го)*. Арендт сейчас был. Была урина, но надежды нет, хотя и есть облегчение страданиям. — Я опять входил к нему: он страдает, повторяя: «Боже мой, боже мой! что это!» сжимает кулаки в конвульсии. — Арендт думает, что это не протянется до вечера, а ему должно верить: он видел смерть в 34-х битвах.

А. И. ТУРГЕНЕВ — неизвестному, 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VI, 54.

Около полудня дали ему несколько капель опия, что принял он с жадностью и успокоился. Перед этим принимал он extr. hyoscyami c. calomel., без всякого видимого облегчения.

В. И. ДАЛЬ. Ход болезни П-на. *Щеголев*, 206.

К полудню *(28-го)* Пушкину сделалось легче, он несколько развеселился и был в духе. Около часу приехал д-р Даль. Пушкин просил его войти, и, встречая его, сказал:

— Мне приятно вас видеть не только, как врача, но и как родного мне человека по общему нашему литературному ремеслу.

Он разговаривал с Далем и шутил.

А. АММОСОВ, 34.

По возвращении моем в 12 час. *(дня)*, мне казалось, что больной стал спокойнее. Руки его были теплее и пульс явственнее. Он охотно брал лекарства, заботливо спрашивал о жене и о детях. Я нашел у него д-ра Даля. Пробыв у больного до 4 часов, я снова его оставил на попечение д-ра Даля.

И. Т. СПАССКИЙ. *П. Щеголев*, 199.

(Около 2 час. дня 28 янв.) У Пушкина нашел я толпу в зале и передней, — страх ожидания пробегал шопотом по бледным лицам. — Гг. Арендт и Спасский пожимали плечами. Я подошел к болящему, — он подал мне руку, улыбнулся и сказал:

— Плохо, брат!

Я присел к одру смерти — и не отходил до конца страстных суток. В первый раз Пушкин сказал мне ты. Я отвечал ему также — и побратался с ним за сутки до смерти его, уже не для здешнего мира!

В. И. ДАЛЬ. Записка. *П. Щеголев,* 200.

Пушкин просил сперва князя Вяземского, а потом княгиню Долгорукову на том основании, что женщины лучше умеют исполнить такого рода поручения: ехать к Дантесам и сказать им, что он прощает им. Княгиня, подъехав к подъезду, спросила, можно-ли видеть г-жу Дантес одну: она прибежала из дома и бросилась в карету вся разряженная, с криком: «George est hors de danger *(Жорж вне опасности)!*» Княгиня сказала ей, что она приехала по поручению Пушкина, и что он не может жить. Тогда та начала плакать.

Ф. Г. ТОЛЬ со слов княгини Е. А. Долгоруковой. *Декабристы на поселении (из архива Якушкиных). Изд. М. и С. Сабашниковых. М.,* 1926, стр. 143.

Пушкин, умирая, просил княгину Долгорукову съездить к Дантесу и сказать ему, что он простил ему. «Moi aussi je lui pardonne *(я тоже ему прощаю)!*» — отвечал с нахальным смехом негодяй.

Ф. Г. ТОЛЬ со слов княгини Е. А. Долгоруковой. *Декабристы на поселении,* 135.

2-й час (28-го). Пушкин тих. Арендт опять здесь; но без надежды. Пушкин сам себе прощупал пульс, махнул рукою и сказал:

— Смерть идет.

Приехала Ел. Мих. Хитрова и хочет видеть его, плачет и пеняет всем; но он не мог видеть ее.

А. И. ТУРГЕНЕВ - неизвестному. *П-н и его совр-ки,* VI, 54.

Два часа. Есть тень надежды, но только тень, т.-е. нет совершенной невозможности спасения. Он тих и иногда забывается.

А. И. ТУРГЕНЕВ — неизвестному. *П-н и его совр-ки,* VI, 54.

Весь день *(28)* Пушкин был довольно спокоен; он часто призывал к себе жену; но разговаривать много не мог, ему это было трудно. Он говорил, что чувствует, как слабеет.

А. АММОСОВ, 35.

К шести часам вечера 28-го болезнь приняла иной вид: пульс поднялся, ударял около 120, сделался жесток; оконечности согрелись: общая теплота тела возвысилась, беспокойство усилилось. Поставили 25 пиявок к животу; жар уменьшился, опухоль живота опала, пульс сделался ровнее и гораздо мягче, кожа показывала небольшую испарину. Это была минута надежды.

В. И. ДАЛЬ. Ход болезни П-на. *Щеголев,* 206.

С обеда пульс был крайне мал, слаб и част, — после полудни стал он подыматься, а к шестому часу ударял не более 120 в минуту и стал полнее и тверже. В то же время начал показываться небольшой общий жар. Вследствие полученных от д-ра Арендта наставлений приставили мы с д-ром Спасским 25 пиявок и в то-же время послали за Арендтом. Он приехал и одобрил распоряженне наше. Больной наш твердою рукой сам ловил и припускал себе пиявок и неохотно позволял нам около себя копаться. Пульс стал ровнее, реже и гораздо мягче; я ухватился, как утопленник, за соломенку, робким голосом провозгласил надежду и обманул было и себя, и других, — но не надолго. Пушкин заметил, что я был бодрее, взял меня за руку и спросил:

— Никого тут нет?

— Никого, — отвечал я.

— Даль, скажи-же мне правду, скоро-ли я умру?

— Мы за тебя надеемся, Пушкин, право надеемся!

Он пожал мне крепко руку и сказал:

— Ну, спасибо!

Но, повидимому, он однажды только и обольстился моею надеждою: ни прежде, ни после этого он не верил ей.

В. И. ДАЛЬ. *Щеголев,* 202.

Пушкин сам помогал ставить пиявки; смотрел, как они принимались и приговаривал: «вот это хорошо, это прекрасно». Через несколько минут потом Пушкин, глубоко вздохнув, сказал:

— Как жаль, что нет теперь здесь ни Пущина, ни Малиновского [1], мне бы легче было умирать.

А. АММОСОВ, 35.

В течение вечера *(28-го)*, как казалось, что Пушкину хотя едва-едва легче; какая-то слабая надежда рождалась в сердце более, нежели в уме, Арендт не надеялся и говорил, что спасение было бы чудом; он мало страдал, ибо ему помогали маслом.

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. И. Нефедьевой. *П-н и его совр-ки*, VI, 51.

Я возвратился к Пушкину около 7 часов вечера. Я нашел, что у него теплота в теле увеличилась, пульс сделался гораздо явственнее и боль в животе ощутительнее. Больной охотно соглашался на все предлагаемые ему пособия. Он часто требовал холодной воды, которую ему давали по чайным ложечкам, что весьма его освежало. Так как эту ночь предложил остаться при больном д-р Даль, то я оставил Пушкина около полуночи.

И. Т. СПАССКИЙ. *П. Щеголев*, 199.

Эту ночь всю Даль просидел у его постели, а я, Вяземский и Виельгорский в ближней горнице.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. Л. Пушкину. *Щеголев*, 184.

Вообще с начала до конца своих страданий (кроме двух или трех часов первой ночи, в которую они превзошли всякую меру человеческого терпения) он был удивительно тверд. «Я был в тридцати сражениях, говорил доктор Арендт, я видел много умирающих, но мало видел подобного».

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. Л. Пушкину. *Щеголев*, 177.

---

[1] Лицейские товарищи Пушкина.

Арендт, который видел много смертей на веку своем и на полях сражений, и на болезненных одрах, отходил со слезами на глазах от постели его и говорил, что он никогда не видел ничего подобного, такого терпения при таких страданиях. Еще сказал и повторил несколько раз Арендт замечательное и прекрасное утешительное слово об этом несчастном приключении:

— Для Пушкина жаль, что он не был убит на месте, потому что мучения его невыразимы; но для чести жены его — это счастье, что он остался жив. Никому из нас, видя его, нельзя сомневаться в невинности ее и в любви, которую к ней Пушкин сохранил.

Эти слова в устах Арендта, который не имел никакой личной связи с Пушкиным и был при нем, как был бы он при каждом другом в том-же положении, удивительно выразительны. Надобно знать Арендта, его рассеянность, его привычку к подобным сценам, чтобы понять всю силу его впечатления. Стало быть, видимое им было так убедительно, так поразительно и полно истины, что пробудило и его внимание и им овладело.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — Д. В. Давыдову, 5 февраля 1837 г. *Русс. Стар.*, 1875, т. XIV, стр. 93.

Посреди самых ужасных физических страданий (заставивших содрогнуться даже привычного к подобным сценам Арендта), Пушкин думал только о жене и о том, что она должна была чувствовать по его вине. В каждом промежутке между приступами мучительной боли он ее призывал, старался утешить, повторял, что считает ее неповинною в своей смерти и что никогда ни на одну минуту не лишал ее своего доверия и любви.

Кн. Е. Н. МЕЩЕРСКАЯ-КАРАМЗИНА, *Я. Грот*, 261.

Пушкин заставил всех присутствовавших сдружиться со смертью, так спокойно он ее ожидал, так твердо был уверен, что роковой час ударил. Плетнев говорил: «глядя на Пушкина, я в первый раз не боюсь смерти». Пушкин положительно отвергал утешение наше и на слова мои: «все мы надеемся, не отчаивайся и ты», отвечал:

— Нет; мне здесь не житье; я умру, да видно уж так и надо!

В ночь на 29-е он повторял несколько раз подобное; спрашивал, например: «который час» и на ответ мой продолжал отрывисто и с остановкою:

— Долго-ли мне так мучиться! Пожалуйста, поскорей!

Почти всю ночь продержал он меня за руку, по-часту просил ложечку водицы или крупинку льда и всегда при этом управлялся своеручно: брал стакан сам с ближней полки, тер себе виски льдом, сам снимал и накладывал себе на живот припарки, и всегда еще приговаривая: «вот и хорошо, и прекрасно!» Собственно от боли страдал он, по его словам, не столько, как от чрезмерной тоски.

— Ах, какая тоска! — восклицал он иногда, закладывая руки за голову, — сердце изнывает!

Тогда просил он поднять его, поворотить на бок или поправить подушку — и, не дав кончить этого, останавливал обыкновенно словами «ну, так, так, — хорошо; вот и прекрасно, и довольно; теперь очень хорошо!» или: «постой, не надо, потяни меня только за руку, — ну вот и хорошо, и прекрасно!» Вообще был он, по крайней мере, в обращении со мною, повадлив и послушен, как ребенок, и делал все, о чем я его просил.

— Кто у жены моей? — спросил он между прочим.

Я отвечал:

— Много добрых людей принимают в тебе участие, — зала и передняя полны с утра и до ночи.

— Ну, спасибо, — отвечал он, — однакоже, поди, скажи жене, что все, славу богу, легко; а то ей там, пожалуй, наговорят!

Когда тоска и боль его одолевали, он крепился усильно и на слова мои: «терпеть надо, любезный друг, делать нечего, но не стыдись боли своей, стонай, тебе будет легче», — отвечал отрывисто:

— Нет, не надо стонать; жена услышит; и смешно-же, чтоб этот вздор меня пересилил; не хочу.

В. И. ДАЛЬ. *Щеголев,* 201—203.

В 4 часа утра *(29-го)* послали за Арендтом спросить, поставить ли пиявки еще раз; касторовое масло не действует и на низ не было. Сегодня впустили в комнату жену, но он не знает, что она близ его кушетки, и недавно спросил, при ней, у Данзаса: думает-ли он, что он сегодня умрет, прибавив:

— Я думаю, по крайней мере, желаю. Сегодня мне спокойнее, и я рад, что меня оставляют в покое; вчера мне не давали покоя.

Жуковский, кн. Вяземский, гр. Мих. Велгурский провели здесь всю ночь и теперь здесь (я пишу в комнатах Пушкина).

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. И. Нефедьевой, 29 янв. 1837 г. *И-н и его совр-ки,* VI, 51.

Рано утром 29 числа я к нему возвратился. Пушкин истаевал. Руки были холодны, пульс едва заметен. Он беспрестанно требовал холодной воды и брал ее в малых количествах, иногда держал во рту небольшие кусочки льда, и от времени до времени сам тер себе виски и лоб льдом.— Д-р Арендт подтвердил мои и д-ра Даля опасения.

И. Т. СПАССКИЙ. *П. Щеголев,* 199.

Труд ухода за Пушкиным, в его предсмертных страданиях, разделяла с княгиней Вяземской некогда московская подруга Натальи Николаевны, Екатерина Алексеевна, рожд. Малиновская, супруга лейб-гусара кн. Ростислава Алексеевича Долгорукого, женщина необыкновенного ума и многосторонней образованности, ценимая Пушкиным и Лермонтовым (художественный кругозор которого считала она и шире и выше пушкинского...). Она слышала, как Пушкин, уже перед самой кончиною, говорил жене:

— Носи по мне траур два или три года. Постарайся, чтоб забыли про тебя. Потом выходи опять замуж, но не за пустозвона.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.,* 1908, III, 295.

Прощаясь с женою, Пушкин сказал ей: «Ступай в деревню, носи по мне траур два года, и потом выходи замуж, но за человека порядочного».

П. И. Бартенев со слов кн-ни В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ. *Рус. Арх.,* 1888, II, 311.

Умирающий Пушкин передал княгине Вяземской нательный крест с цепочкой для передачи Александре Николаевне *(Гончаровой, сестре Натальи Николаевны).*

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.,* 1908, III, 296.

Княгиня Вяземская сказывала мне, что раз, когда она на минуту осталась одна с умиравшим Пушкиным, он отдал ей какую-то цепочку и просил передать ее от него Александре Николаевне *(Гончаровой).* Княгиня исполнила это и была очень изумлена тем, что Александра Николаевна, принимая этот загробный подарок, вся вспыхнула, что и возбудило в княгине подозрение.

П. И. БАРТЕНЕВ — П. Е. Щеголеву, 2 апреля 1911 г. *Щеголев,* 410.

По-утру 29 января он несколько раз призывал жену. Потом пожелал видеть Жуковского и говорил с ним довольно долго наедине. Выйдя от него, Жуковский сказал Данзасу: подите, пожалуйста, к Пушкину, он об вас спрашивал. Но когда Данзас вошел, Пушкин ничего не сказал ему особенного, спросил только, по обыкновению, много-ли у него было посетителей, и кто именно.

Собравшись в это утро, доктора нашли Пушкина уже совершенно в безнадежном положении, а приехавший затем Арендт объявил, что Пушкину осталось жить не более двух часов.

Подъезд с утра был аттакован публикой до такой степени, что Данзас должен был обратиться в Преображенский полк, с просьбою поставить у крыльца часовых, чтобы восстановить какой-нибудь порядок: густая масса собравшихся загораживала на большое расстояние все пространство перед квартирой Пушкина, к крыльцу почти не было возможности протискаться. Между принимавшими участие были, разумеется, и такие, которые толпились только из любопытства. Данзас был ранен в турецкую кампанию и носил руку на повязке. Не ранен-ли он тоже на дуэли Пушкина, спросил Данзаса один из этих любопытных.

А. АММОСОВ, 36.

Около 12 часов больной спросил зеркало, посмотрел в него и махнул рукой. Он неоднократно приглашал к себе жену. Вообще все входили к нему только по его желанию. Нередко на вопрос: неугодно-ли вам видеть жену, или кого-нибудь из друзей, — он отвечал: я позову.

И. Т. СПАССКИЙ. *П. Щеголев*, 199.

1 час (29-го). Пушкин слабее и слабее. Касторовое масло не действует. Надежды нет. За час начался холод в членах. Смерть быстро приближается; но умирающий сильно не страдает; он покойнее. Жена подле него, он беспрестанно берет ее за руку. Александрина плачет, но еще на ногах. Жена — сила любви дает ей веру — когда уже нет надежды! Она повторяет ему: — Tu vivras!!

Я сейчас встретил отца Геккерена: он расспрашивал об умирающем с сильным участием; рассказал содержание, — выражения письма Пушкина. Ужасно! ужасно! Невыносимо: нечего было делать... Весь город, дамы, дипломаты, авторы, знакомые и незнакомые наполняют комнаты, справляются об умирающем. Сени наполнены несмеющими войти далее.

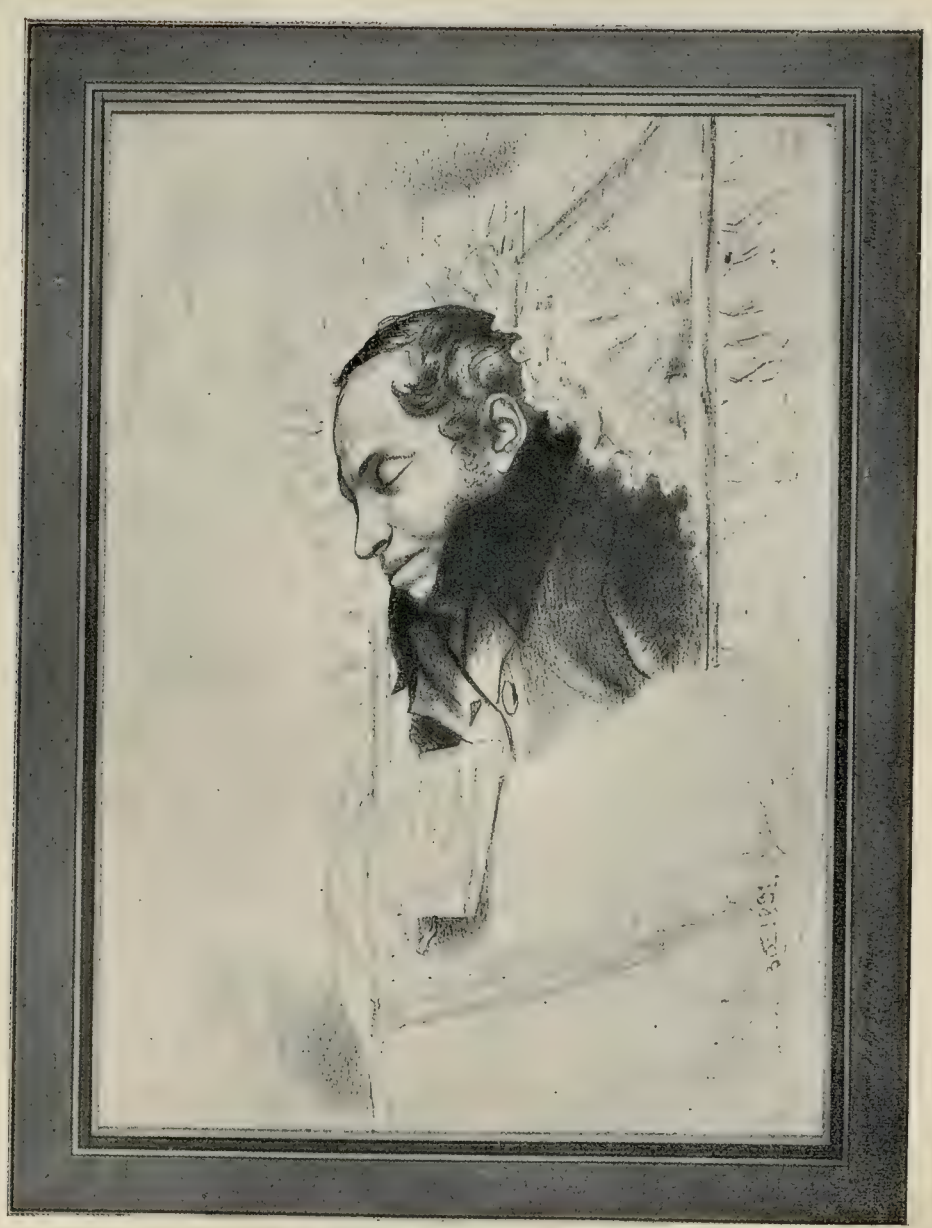


Рис. с натуры В. А. Жуковский
Puchkiniana. A. O. Ochtrina - Paris.

Приезжает сейчас Элиза Хитрово, входит в его кабинет и становится на колена. — Антонов огонь разливается; он все в памяти.

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. П. Нефедьевой, 29 янв. 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VI, 51.

К нему никого не пускали, но Елизавета Михайловна Хитрово преодолела все препятствия: она приехала заплаканная, растрепанная и, рыдая, бросилась в отчаянии на колени перед умирающим поэтом.

А. Я. БУЛГАКОВ — кн. О. А. Долгоруковой. 2 февр. 1837 г. *Красный архив*, 1929, т. II, 225.

Пульс стал упадать приметно и вскоре исчез вовсе. Руки начали стыть. Ударило два часа пополудни, 29 янв., — и в Пушкине оставалось жизни — только на ¾ часа! Пушкин раскрыл глаза и попросил моченой морошки. Когда ее принесли, то он сказал внятно:

— Позовите жену, пусть она меня покормит.

Д-р Спасский исполнил желание умирающего. Наталья Николаевна спустилась на колени у изголовья смертного одра, поднесла ему ложечку, другую — и приникла лицом к челу отходящего мужа. Пушкин погладил ее по голове и сказал:

— Ну, ну, ничего, слава богу, все хорошо!

В. И. ДАЛЬ. *Щеголев*, 203.

Когда этот болезненный припадок аппетита был удовлетворен, жена Пушкина вышла из кабинета. Выходя, она, обрадованная аппетитом мужа, сказала, обращаясь к окружающим:

— Вот вы увидите, что он будет жив!

А. АММОСОВ, 37.

Скоро подошел я к В. А. Жуковскому, кн. Вяземскому и гр. Виельгорскому и сказал: «отходит!» Бодрый дух все еще сохранял могущество свое, — изредка только полудремотное забвение на несколько секунд туманило мысли и душу. Тогда умирающий, несколько раз, подавал мне руку, сжимал ее и говорил:

— Ну, подымай же меня, пойдем, да выше, выше, — ну, пойдем!

Опамятовавшись, сказал он мне:

— Мне было пригрезилось, что я с тобою лезу вверх по этим книгам и полкам, высоко — и голова закружилась.

Раза два присматривался он пристально на меня и спрашивал:

— Кто это? Ты?

— Я, друг мой.

— Что это я не мог тебя узнать.

Немного погодя он опять, не раскрывая глаз, стал искать мою руку и, потянув ее, сказал:

— Ну, пойдем же, пожалуйста, да вместе!

В. И. ДАЛЬ. *Щеголев*, 203.

Я стоял вместе с графом Вильгорским у постели его, в головах сбоку стоял Тургенев. Даль шепнул мне: «отходит!»

В. А. ЖУКОВСКИЙ. *Щеголев*, 189.

Забывается и начинает говорить бессмыслицу. У него предсмертная икота, а жена его находит, что ему лучше, чем вчера! Она стоит в дверях его кабинета, иногда входит; фигура ее не возвещает смерти такой близкой.

— Опустите сторы, я спать хочу, — сказал он сейчас.

Два часа пополудни...

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. Нефедьевой, 29 янв. 1837 года. *П-н и его совр-ки*, VI, 52 *(фр.-рус.)*.

Пушкину делалось все хуже и хуже, он видимо слабел с каждым мгновением. Друзья его: Жуковский, кн. Вяземский с женой, кн. П. И. Мещерский, А. И. Тургенев, г-жа Загряжская, Даль и Данзас были у него в кабинете.

А. АММОСОВ, 37.

Минуть пять до смерти Пушкин просил поворотить его на правый бок. Даль, Данзас и я исполнили его волю: слегка поворотили его и подложили к спине подушку.

— Хорошо! — сказал он, и потом, несколько погодя, промолвил: — жизнь кончена!

— Да, кончено, — сказал д-р Даль, — мы тебя поворотили.

— Кончена жизнь, — возразил тихо Пушкин.

Не прошло нескольких мгновений, как Пушкин сказал:

— Теснит дыхание.

То были последние его слова. Оставаясь в том же положении на правом боку, он тихо стал кончаться.

И. Т. СПАССКИЙ, *Щеголев*, 199.

Друзья и ближние молча, сложа руки, окружили изголовье отходящего. Я, по просьбе его, взял его подмышки и приподнял повыше. Он вдруг, будто проснувшись, быстро раскрыл глаза, лицо его прояснилось и он сказал:

— Кончена жизнь!

Я не дослышал и спросил тихо:

— Что кончено?

— Жизнь кончена, — отвечал он внятно и положительно.

— Тяжело дышать, давит, — были последние слова его.

Всеместное спокойствие разлилось по всему телу, — руки остыли по самые плечи, пальцы на ногах, ступни, колена — также, — отрывистое, частое дыхание изменялось более и более на медленное, тихое, протяжное, — еще один слабый, едва заметный вздох — и пропасть необъятная, неизмеримая разделяла уже живых от мертвого. Он скончался так тихо, что предстоящие не заметили смерти его. Жуковский изумился, когда я прошептал: «аминь!» Д-р Андреевский наложил персты на веки его.

В. И. ДАЛЬ. *Щеголев*, 204.

Я не сводил с него глаз и заметил, что движение его груди, доселе тихое, сделалось прерывистым. Оно скоро прекратилось. Я смотрел внимательно, ждал последнего вздоха; но я его не приметил. Тишина, его объявшая, казалась мне успокоением. Все над ним молчали. Минуты через две я спросил: «что он?» «Кончилось» — отвечал мне Даль.

В. А. ЖУКОВСКИЙ. *Щеголев*, 189.

Перед тою минутою, как ему глаза надобно было на веки закрыть, я поспел к нему. Тут был и Жуковский с Михаилом Вельгорским, Даль и еще не помню кто. Такой мирной кончины я вообразить не умел прежде.

П. А. ПЛЕТНЕВ — В. Г. Теплякову, 29 мая 1837 года *Истор. Вести.*, 1887, № 7, стр. 21.

Диван, на котором лежал умиравший Пушкин, был отгорожен от двери книжными полками. Войдя в комнату, сквозь промежутки полок и книг можно было видеть страдальца. Тут стояла княгиня Вяземская в самые минуты последних его вздохов. Даль сидел у дивана; кто-то еще был в комнате. Княгиня говорит, что нельзя забыть божественного спокойствия, разлившегося по лицу Пушкина.

П. И. Бартенев со слов кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ. *Рус. Арх.*, 1888, II, 311.

Он не страдал, а желал скорой смерти. Жуковский, гр. Велгурский, Даль, Спасский, княгиня Вяземская и я, — мы стояли у канапе и видели — последний вздох его. Доктор Андреевский закрыл ему глаза.

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. Я. Булгакову. *П-н и его совр-ки*, VI, 55.

Когда друзья и несчастная жена устремились к бездыханному телу, их поразило величавое и торжественное выражение лица его. На устах сияла улыбка, как будто отблеск несказанного спокойствия, на челе отражалось тихое блаженство осуществившейся святой надежды.

Кн. ЕК. Н. МЕЩЕРСКАЯ-КАРАМЗИНА, *Я. Грот.* 261.

Я подошла к Натали, которую нашла как бы в безумии. — «Пушкин умер?» Я молчала. — «Скажите, скажите правду!» Руки мои, которыми я держала ее руки, отпустили ее, и то, что я не могла произнести ни одного слова, повергло ее в состояние какого-то помешательства. — «Умер-ли Пушкин? Все-ли кончено?». — Я поникла головой в знак согласия. С ней сделались самые страшные конвульсии; она закрыла глаза, призывала своего мужа, говорила с ним громко: говорила, что он жив; потом кричала: «Бедный Пушкин! Бедный Пушкин! Это жестоко! Это ужасно! Нет, Нет! Это не может быть правдой! Я пойду посмотреть на него!» Тогда ничто не могло ее удержать. Она побежала к нему, бросилась на колени, то склонялась лбом к оледеневшему лбу мужа, то к его груди, называла его самыми нежными именами, просила у него прощения, трясла его, чтобы получить от него ответ. Мы опасались за ее рассудок. Ее увели насильно. Она просила к себе Данзаса. Когда он вошел, она со своего дивана упала на колени перед Данзасом, целовала ему руки, просила у него прощения, благодарила его и Даля

за постоянные заботы их об ее муже. «Простите!» — вот что единственно кричала эта несчастная молодая женщина.

Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ — Е. Н. Орловой, 192.

За минуту пришла к нему жена; ее не впустили. — Теперь она видела его умершего. Приехал Арендт; за ней ухаживают. Она рыдает, рвется, но и плачет. Жуковский послал за художником снять с него маску. Жена все не верит, что он умер: все не верит. — Между тем тишина уже нарушена. Мы говорим вслух и этот шум ужасен для слуха, ибо он говорит о смерти того, для коего мы молчали. Он умирал тихо, тихо...

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. Я. Булгакову, 29 янв. 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VI, 55.

Наша няня не могла вспомнить без содрогания о страшном состоянии, в которое впала мать, как только в наступившей смерти нельзя было сомневаться. Бесчувственную, словно окаменелую физически, ее уложили в постель; даже в широко-открытых, неподвижных глазах всякий признак жизни потух. «Ни дать ни взять сама покойница», — описывала она. Она не слышала, что вокруг нее делалось, не понимала, что ей говорили. Все увещевания принять пищу были бесполезны, судорожное сжимание горла не пропускало и капли воды. Долго бились доктора и близкие, чтобы вызвать слезы из ее застывших глаз, и только при виде детей они, наконец, брызнули неудержимой струей, прекратив это почти каталептическое состояние.

А. П. АРАПОВА. *Новое Время*, 1908 г. № 11425, илл. прил., стр. 7.

Кн. Вяземская не может забыть страданий Натальи Николаевны в предсмертные дни ее мужа. Конвульсии гибкой станом женщины были таковы, что ноги ее доходили до головы. Судороги в ногах долго продолжались у нее и после, начинаясь обыкновенно в 11 часов вечера.

Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ по записи Бартенева *Рус. Арх.*, 1888, II, 305.

По смерти Пушкина у жены его несколько дней не прекращались конвульсии, так что у нее расшатались все зубы, кои были очень хороши и ровны.

Ф. Г. ТОЛЬ со слов кн. Е. А. Долгоруковой. *Декабристы на поселении*, 143.

Жена Пушкина заверяла, что не имела никакой серьезной связи с Дантесом, однако, созналась, бросившись в отчаянии на колени перед образами, что допускала ухаживания со стороны Дантеса, — ухаживания, которые слишком широко допускаются салонными обычаями в отношении всех женщин, но которых, зная подозрения своего мужа, она должна была бы остеречься.

А. А. ЩЕРБИНИН. Из неизд. записок. *П-н и его совр-ки*, XV, 42.

Несколько минут после смерти Пушкина Даль вошел к его жене; она схватила его за руку, потом, оторвав свою руку, начала ломать руки и в отчаянии произнесла: — «Я убила моего мужа, я причиною его смерти; но богом свидетельствую, — я чиста душою и сердцем!»

Н. В. КУКОЛЬНИК. Дневник. *Записки М. И. Глинки*. Изд. «Академии». 1930, стр. 464.

При жене неотлучно находились княгиня Вяземская, Е. И. Загряжская, граф и графиня Строгановы. Граф взял на себя все распоряжения похорон.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. Л. Пушкину, 15 февр. 1837 г. *Щеголев*. 190.

Я все это время была каждый день у жены покойного, во-первых, потому, что мне было отрадно приносить эту дань памяти Пушкина, а во-вторых, потому что печальная судьба молодой женщины в полной мере заслуживает участия. Собственно говоря, она виновата только в чрезмерном легкомыслии, в роковой самоуверенности и беспечности, при которых она не замечала той борьбы и тех мучений, какие выносил ее муж. Она никогда не изменяла чести, но она медленно, ежеминутно терзала восприимчивую и пламенную душу Пушкина; теперь, когда несчастье раскрыло ей глаза, она вполне все это чувствует, и совесть иногда страшно ее мучит. В сущности, она сделала только то, что ежедневно делают многие из наших блистательных дам, которых однакож из-за этого принимают не хуже прежнего; но она не так искусно умела скрыть свое кокетство, и, что еще важнее, она не поняла, что ее муж был иначе создан, чем слабые и снисходительные мужья этих дам.

Кн. Е. Н. МЕЩЕРСКАЯ-КАРАМЗИНА. *Я. Грот*, 262 *(фр.)*.

Когда все ушли, я сел перед ним и долго, один смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видал ничего подобного тому, что было в нем в эту первую минуту смерти. Голова его несколько наклонилась; руки, в которых было за несколько минут какое-то судорожное движение, были спокойно протянуты, как будто упавшие для отдыха, после тяжелого труда. Но что выражалось на его лице, я сказать словами не умею. Оно было для меня так ново и в то-же время так знакомо! Это было не сон и не покой. Это не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу; это не было также и выражение поэтическое. Нет! Какая-то глубокая, удивительная мысль на нем развивалась, что-то похожее на ви́дение, на какое-то полное, глубокое, удовольствованное знание. Всматриваясь в него, мне все хотелось спросить: что видишь, друг? и что бы он отвечал мне, если бы мог на минуту воскреснуть? вот минуты в жизни нашей, которые вполне достойны названия великих. В эту минуту, можно сказать, я видел самое смерть, божественно тайную, смерть без покрывала. Какую печать наложила она на лицо его, и как удивительно высказала на нем и свою и его тайну! Я уверяю тебя, что никогда на лице его не видал я выражения такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, проскакивала в нем и прежде. Но в этой чистоте обнаружилась только тогда, когда все земное отделилось от него с прикосновением смерти. Таков был конец нашего Пушкина.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. Л. Пушкину. *Щеголев*, 189.

А. О. Россет переносил Пушкина с дивана, на котором он умер, на стол. Вспоминая о том, он прибавлял: «как он был легок!»

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1899, II, 356.

Тотчас отправился я к Гальбергу. С покойника сняли маску, по которой приготовили теперь прекрасный бюст.

П. А. ПЛЕТНЕВ — В. Г. Теплякову. *Истор. Вестн.*, 1887, № 7, стр. 21.

Спустя три четверти часа после кончины (во все это время я не отходил от мертвого, мне хотелось вглядеться в прекрасное лицо его)

тело вынесли в ближнюю горницу; а я, исполняя повеление государя-императора, запечатал кабинет своею печатью.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. Л. Пушкину, 15 февр. 1837 г. *Щеголев,* 190.

По смерти Пушкина надо было опечатать казенные бумаги: труп вынесли, и запечатали опустелую рабочую комнату Пушкина черным сургучом: красного, по словам камердинера, не нашлось.

В. И. ДАЛЬ. *Щеголев,* 204.

По вскрытии брюшной полости, все кишки оказались сильно воспаленными; в одном только месте, величиною с грош, тонкие кишки были поражены гангреной. В этой точке, по всей вероятности, кишки были ушиблены пулей. В брюшной полости нашлось не менее фунта черной, запекшейся крови, вероятно из перебитой бедреной вены. По окружности большого таза, с правой стороны, найдено было множество небольших осколков кости, а наконец и нижняя часть крестцовой кости была раздроблена. По направлению пули надобно заключать, что убитый стоял боком, в пол-оборота, и направление выстрела было несколько сверху вниз. Пуля пробила общие покровы живота, в двух дюймах от верхней, передней оконечности чресельной или подвздошной кости правой стороны, потом шла, скользя по окружности большого таза, сверху вниз, и, встретив сопротивление в крестцовой кости, раздробила ее и засела где-нибудь поблизости.

В. И. ДАЛЬ. Вскрытие тела А. С. Пушкина, *Щеголев,* 204.

(29-го) отслужили мы первую панихиду по Пушкине в 8 час. вечера. Жена рвалась в своей комнате; она иногда в тихой, безмолвной, иногда в каком-то исступлении горести.

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. И. Нефедьевой. *П-н и его совр-ки,* VI, 57.

Жандармы донесли, а может быть и не жандармы, что Пушкина положили не в камер-юнкерском мундире, а во фраке: это было по

желанию вдовы, которая знала, что он не любил мундира; между тем государь сказал: «верно это Тургенев или князь Вяземский присоветовали».

А. И. ТУРГЕНЕВ — Н. И. Тургеневу, 28 февр. 1837 г. *П-н и его совр-ки,* VI, 91.

Смерть обнаружила в характере Пушкина все, что было в нем доброго и прекрасного. Она надлежащим образом осветила всю его жизнь. Все, что было в ней беспорядочного, бурного, болезненного, особенно в первые годы его молодости, было данью человеческой слабости, обстоятельствам, людям, обществу. Пушкин был не понят при жизни не только равнодушными к нему людьми, но и его друзьями. Признаюсь и прошу в том прощения у его памяти, я не считал его до такой степени способным ко всему. Сколько было в этой исстрадавшейся душе великодушия, силы, глубокого, скрытого самоотверженья! Его чувства к жене отличались нежностью по истине самого возвышенного характера. Ни одного горького слова, ни одной резкой жалобы, никакого едкого напоминания о случившемся не произнес он, ничего, кроме слов мира и прощения своему врагу. Вся желчь, которая накоплялась в нем целыми месяцами мучений, казалось, исходила из него вместе с его кровью, он стал другим человеком. Свидетельства доктора Арендта и других, которые его лечили, подтверждают мое мнение. Арендт не отходил от него и стоял со слезами на глазах, а он привык к агониям во всех видах.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — вел. кн. Михаилу Павловичу, 14 февраля 1837 г. *Щеголев,* 263.

Он сказал Наталье Николаевне, что она во всем этом деле не при чем. Право, это было больше, чем благородство, — это было величие души, это было лучше, чем простить.

О. С. ПАВЛИЩЕВА — С. Л. Пушкину, 3 марта 1837 г. *П-н и его совр-ки,* XII, 104 *(фр.).*

Страшное несчастие обрушилось на наши головы, как громовой удар, когда мы всего менее этого ожидали, хотя, сказать по правде, после этих проклятых безымянных писем небосклон бедного Пушкина постоянно был покрыт облаками. В жестоких страданиях своих Пушкин был велик твердостью, самоотвержением, нежною заботливостью о жене своей. Чувствуя, что смерть близка, он хладнокровно высчитывал шаги

ее; но без малейшего желания порисоваться, похорохориться и подействовать на окружающих. Таков он был и во время поединка. Необузданный, пылкий, беспорядочный, сам себя не помнящий во всех своих шагах, имевших привести к роковому исходу, он сделался спокоен, прост и полон достоинства, как скоро добился чего желал; ибо он желал этого исхода. Да, конечно, светское общество его погубило. Проклятые письма, проклятые сплетни приходили к нему со всех сторон. С другой стороны, причиною катастрофы был его пылкий и замкнутый характер. Он с нами не советовался, и какая-то судьба постоянно заставляла его действовать в неверном направлении. Горько его оплакивать; но горько также и знать, что светское общество (или, по крайней мере, некоторые члены оного) не только терзало ему сердце своим недоброжелательством, когда он был жив, но и озлобляется против его трупа.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—А. О. Смирновой в феврале 1837 г. *Рус. Арх.*, 1888, II, 296.

Весь Петербург заговорил о смерти Пушкина, и невыгодное мнение о нем тотчас заменилось самым искренним энтузиазмом: все обратились в книжные лавки — покупать только что вышедшее новое миниатюрное издание Онегина: более двух тысяч экземпляров было раскуплено в три дня.

Н. И. ИВАНИЦКИЙ. Воспоминания. *П-н и его совр-ки*, XIII, 33.

На следующий день кончины Пушкина, я решился очень рано утром войти к нему; вход был со двора, как и теперь остался; в прихожей никого; направо в небольшой комнате — покойный на столе, в черном сюртуке; возле него один-одинехонек полковник Данзас. — «Вы здесь, Константин Карлович?» — сказал я ему. — «Нет, — отвечал он с неизменно присущим ему юмором, — я не здесь, я на гауптвахте». Известно, что немедленно после злосчастного поединка Данзас был арестован, с разрешением не покидать покойного друга до погребения.

М. М. МИХАЙЛОВ. Несколько слов о месте кончины Пушкина. *Книга воспоминаний о Пушкине*, 336.

На другой день мы, друзья, положили Пушкина своими руками в гроб.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. Л. Пушкину, *Щеголев*, 191.

А. О. Россет перекладывал тело Пушкина в гроб. — «Я держал его за икры, и мне припомнилось, какого крепкого, мускулистого был он сложения, как развивал он свои силы ходьбою».

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1882, I, 248.

Окажите милость, соблаговолите умолить государя императора уполномочить Вас прислать мне в нескольких строках оправдание моего собственного поведения в этом грустном деле; оно мне необходимо для того, чтобы я мог себя чувствовать в праве оставаться при императорском дворе; я был бы в отчаянии, если бы должен был его покинуть; мои средства невелики, и в настоящее время у меня семья, которую я должен содержать.

Бар. ГЕККЕРЕН-СТАРШИЙ — графу К. В. Нессельроде (рус. министру иностр. дел), 30 янв. 1837 г. *Щеголев*, 291.

В течение трех дней, в которые его тело оставалось в доме, множество людей всех возрастов и всякого звания беспрерывно теснились пестрою толпою вокруг его гроба. Женщины, старики, дети, ученики, простолюдины в тулупах, а иные даже в лохмотьях, приходили поклониться праху любимого народного поэта. Нельзя было без умиления смотреть на эти плебейские почести, тогда как в наших позолоченных салонах и раздушенных будуарах едва ли кто-нибудь и сожалел о краткости его блестящего поприща. Слышались даже оскорбительные эпитеты и укоризны, которыми поносили память славного поэта и несчастного супруга, с изумительным мужеством принесшего свою жизнь в жертву чести, и в то же время раздавались похвалы рыцарскому поведению гнусного обольстителя и проходимца, у которого было *три отечества* [1] и *два имени* [2].

Кн. ЕК. Н. МЕЩЕРСКАЯ-КАРАМЗИНА. *Я. Грот*, 261 *(фр.)*.

При наличности в высшем обществе малого представления о гении Пушкина и его деятельности не надо удивляться, что только немногие окружали его смертный одр, в то время как нидерландское посольство

[1] Франция — по рожденью, Голландия — по приемному отцу, Россия — по месту службы.
[2] Дантес и Геккерен.

атаковывалось обществом, выражавшим свою радость по поводу столь счастливого спасения элегантного молодого человека.

Бар. К. А. ЛЮТЦЕРОДЕ (саксонский посланник) в донесении саксонскому правительству 30 января 1837 г. *Щеголев*, 374.

Если что-нибудь может облегчить мое горе, то только те знаки внимания и сочувствия, которые я получаю от всего петербургского общества. В самый день катастрофы граф и графиня Нессельроде, так же, как и граф и графиня Строгановы, оставили мой дом в час пополуночи.

Бар. ГЕККЕРЕН-СТАРШИЙ — барону Верстолку, 11 февраля 1837 г. *Щеголев*, 298.

Жоржу *(Дантесу)* не в чем себя упрекнуть; его противником был безумец, вызвавший его без всякого разумного повода; ему просто жизнь надоела, и он решился на самоубийство, избрав руку Жоржа орудием для своего переселения в другой мир.

Барон ГЕККЕРЕН-СТАРШИЙ — г-же Дантес, 29 марта 1837 г. *Щеголев*, 315.

В эти оба дни та горница, где он лежал в гробе, была беспрестанно полна народом. Конечно, более десяти тысяч человек приходило взглянуть на него, многие плакали; иные долго останавливались и как будто хотели всмотреться в лицо его.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. Л. Пушкину. *Щеголев*, 191.

Все население Петербурга, а в особенности черный и мужичье, волнуясь, как в конвульсиях, страстно жаждало отомстить Дантесу. Никто от мала до велика не желал согласиться, что Дантес не был убийцей. Хотели расправиться, даже с хирургами, которые лечили Пушкина, доказывая, что тут заговор и измена, что один иностранец ранил Пушкина, а другим иностранцам поручили его лечить.

Д-р СТАНИСЛАВ МОРАВСКИЙ. «Воспоминания», *Красная Газета*, 1928, № 318 *(польск.)*.

Участие к поэту народ доказал тем, что в один день приходило на поклонение его гробу 32 000 человек.

Я. Н. НЕВЕРОВ — Т. Н. Грановскому. *Московский Пушкинист*, 1927, вып. I, стр. 44.

Не счесть всех, кто приходил с разных сторон справляться о его здоровье во время его болезни. Пока тело его выставлено было в доме, наплыв народа был еще больше, толпа не редела в скромной и маленькой квартирке поэта. Из-за неудобства помещения должны были поставить гроб в передней, следовательно, заколотить входную дверь. Вся эта толпа притекала и уходила через маленькую потайную дверь и узкий отдаленный коридор.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — вел. кн. Михаилу Павловичу, 14 февр. 1837 г., *Щеголев*, 263.

Стену квартиры Пушкина выломали для посетителей.

АРК. О. РОССЕТ. *Рус. Арх.* 1882, I, 248.

Граф Гр. Ал. Строганов взял на себя хлопоты похорон и уломал престарелого митрополита Серафима, воспрещавшего церковные похороны якобы самоубийцы.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1908, III, 294.

Сделана была попытка для распущения слуха о произведенной студентами оскорбительной демонстрации в квартире вдовы. Повод к этой выдумке был следующий. Граф П. П. Ш., весьма почтенный человек, со студенческой скамьи, приехал поклониться праху покойного поэта и спросил меня, не может ли он видеть портрет Пушкина, писанный знаменитым Кипренским. Я отворил дверь в соседнюю комнату и спросил почтенную даму *(гр. Ю. П. Строганову)*, вошедшую в соседнюю гостиную: можно ли показать такому-то портрет Пушкина? Пожилая дама выпорхнула в другую дверь и с ужасом объявила, что шайка студентов ворвалась в квартиру для оскорбления вдовы. Матушка моя, находившаяся у вдовы, вышла посмотреть, в чем дело, и ввела нас обоих в гостиную. Несмотря на разъяснение дела, престарелая дама, ожидавшая бунта, в тот же вечер отправилась к матери студента для предупреждения относительно нахождения ее сына в шайке, произведшей утром демонстрацию.

Кн. ПАВ. ВЯЗЕМСКИЙ. Соч., 560.

Графиня Строганова *(Юлия Петровна)*, испанка, урожденная Д'Ега, в день кончины Пушкина запискою, посланною к графу Бенкендорфу из самой квартиры Пушкина, потребовала присылки жандармских чиновников, якобы в охранение вдовы от беспрестанно приходивших *(поклониться покойнику)* студентов. Слышно от свидетельницы, кн. В. Ф. Вяземской. Эта записка возмутила негодованием друзей поэта.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1892, II, 358.

Жуковский, говоря с государем, сказал ему à peu prés: «так как ваше величество для написания указов о Карамзине избрали тогда меня орудием, то позвольте мне и теперь того же надеяться». Государь отвечал: «Я во всем с тобою согласен, кроме сравнения твоего с Карамзиным. Для Пушкина я все готов сделать, но я не могу сравнить его в уважении с Карамзиным, тот умирал, как ангел». Он дал почувствовать Жуковскому, что и смерть, и жизнь Пушкина не могут быть для России тем, чем был для нее Карамзин.

А. И. ТУРГЕНЕВ — Н. И. Тургеневу, 31 янв. 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VI, 61

Д. В. Дашков передавал кн. Вяземскому, что государь сказал ему: «Какой чудак Жуковский! Пристает ко мне, чтобы я семье Пушкина назначил такую же пенсию, как семье Карамзина. Он не хочет сообразить, что Карамзин человек почти святой, а какова была жизнь Пушкина?»

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1888, II, 294.

1. Заплатить долги. 2. Заложенное имение отца очистить от долга. 3. Вдове пенсион и дочери по замужество. 4. Сыновей в пажи и по 1 500 р. на воспитание каждого по вступление на службу. 5. Сочинения издать на казенный счет в пользу вдовы и детей. 6. Единовременно 10 т.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ. Записка о милостях семье Пушкина. *П. Щеголев*, 217.

Традиции дома, как на комнату, в которой умер Пушкин, указывают на угловую комнату с тремя окнами, выходящими на Мойку, которая составляет часть бывшего пушкинского кабинета в пять окон, впоследствии разделенного перегородкою на две комнаты. В большей из них,

у перегородки, поставлен теперь камин, ранее же в этом месте много лет находилась доска с надписью о том, что именно здесь скончался Пушкин. Надпись эту помнит еще нынешний владелец дома, светл. кн. П. Д. Волконский, неоднократно видевший ее в детстве...

Л. БАКСТ, АЛЕКСАНДР БЕНУА, М. ДОБУЖИНСКИЙ. О смертной комнате Пушкина. (Письмо в редакцию). *Русь*, 1908, № 81.

29 янв. 1837 г. я зашел поклониться праху поэта. Народ туда валил толпами, и посторонних посетителей пускали через какой-то подземный ход и черную лестницу. Оттуда попал я прямо в небольшую и очень невысокую комнату, окрашенную желтою краскою и выходившую двумя окнами на двор. Совершенно посреди этой комнаты (а не в углу, как это водится), стоял гроб, обитый красным бархатом, с золотым позументом и обращенный стороною головы к окнам, а ногами к двери, отпертой настежь в гостиную, выходившую окнами на Мойку. Все входившие благоговейно крестились и целовали руку покойного. На руках у покойного положен был простой образ, без всякого оклада, и до того стертый, что никакого изображения на нем нельзя было в скорости разглядеть; платье было на Пушкине из черного сукна, старого фасона и очень изношенное. В ногах дьячек читал псалтырь. Катафалк был низкий и подсвечники весьма старые; вообще заметно было, что все устроено было как-то наскоро, и что домашние и семья растерялись вследствие ужасной, внезапной потери. Даже комната, где покоилось тело, скорее походила на прихожую или опорожненный от шкафов буфет, чем на сколько-нибудь приличную столовую. Помню, что в дверях соседней гостиной я узнал в этот вечер В. А. Жуковского, кн. П. А. Вяземского и графа Г. А. Строганова.

Бар. Ф. А. БЮЛЕР. *Рус. Арх.*, 1872, 202.

(30 янв. 1837 г.). Толпа публики стеною стояла против окон, завешанных густыми занавесами и шторами, стараясь проникнуть в комнаты, где выставлено было тело Пушкина; но впуск был затруднителен, и нужно было даже пользоваться какою-нибудь протекцией... Мы нашли темнофиолетовый бархатный гроб с телом Пушкина в полутемной комнате, освещенной только красноватым и мерцающим огнем от нескольких десятков восковых церковных свечей, вставленных в огромные шандалы, обвитые крепом. Комната эта, помнится, желтая, повидимому, была столовая, так как в ней стоял огромный буфет. Окна два или три на улицу,

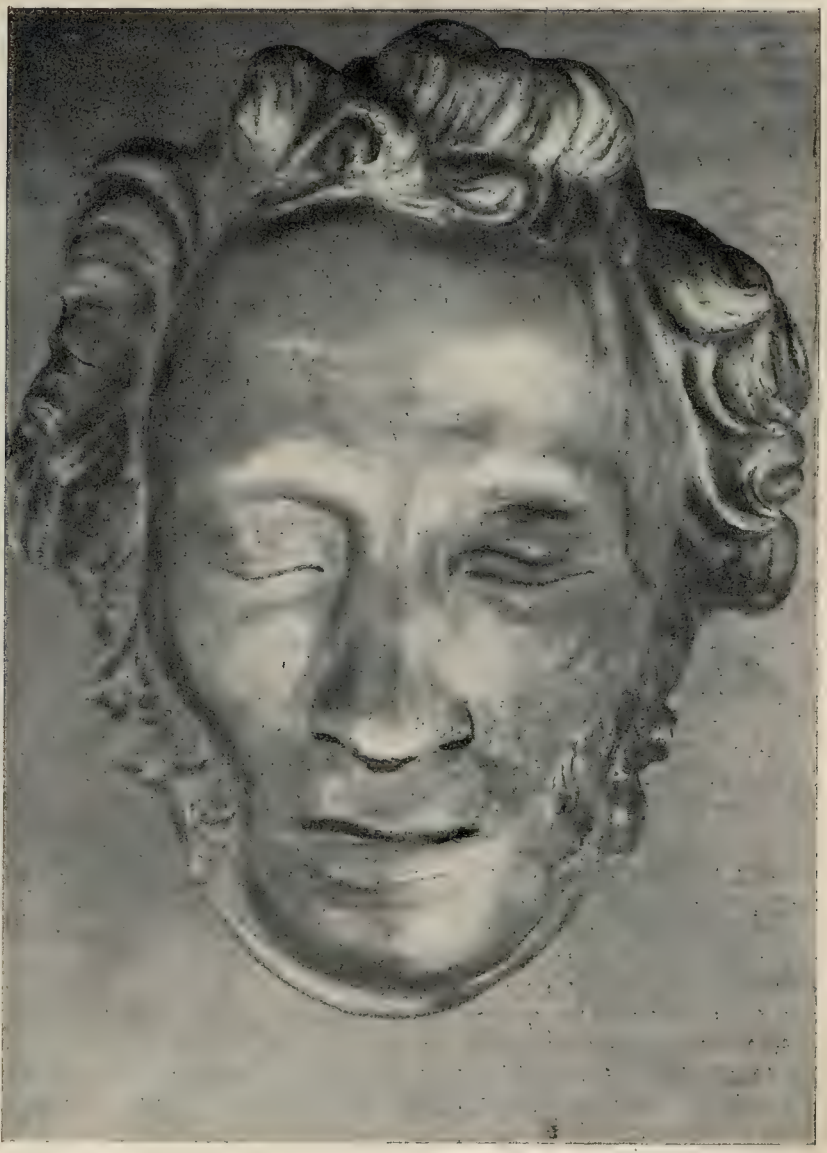
были завешены, а на какую-то картину, написанную масляными красками, и на довольно большое зеркало были наброшены простыни. Гроб стоял на катафалке в две ступеньки, обитом черным сукном с серебряными галунами. Катафалк помещен был против входной двери, в ногах был налой. Тело покойника, сплошь прикрытое белым крепом, было почти все задернуто довольно подержаным парчевым палевым покровом, по-видимому, взятым на прокат от гробовщика или церкви... Лицо покойника было необыкновенно спокойно и очень серьезно, но нисколько не мрачно. Великолепные курчавые темные волосы были разметаны по атласной подушке, а густые банкенбарды окаймляли впалые щеки до подбородка, выступая из под высоко-завязанного черного, широкого галстуха. На Пушкине был любимый его темно-коричневый с отливом (а не черный, как это описывал барон Бюлер) сюртук, в каком я видел его в последний раз, в ноябре 1836 г., на одном из Воейковских вечеров.

В. П. БУРНАШЕВ. Воспоминания. *Рус. Арх.*, 1872, стр. 1809—1811.

Я видал Пушкина в гробу, черты лица не изменились, только он начинает пухнуть, и кровь идет из рта. Он одет в черном фраке.

А. П. ЯЗЫКОВ — Ал. А. КАТЕНИНУ. *Описание Пушкинского Музея Имп. Алекс. Лицея.* Спб. 1899, стр. 453.

Если не изменяет мне память, 30 января 1837 г., в 3 часа пополудни, я пошел на квартиру Пушкина. День был пасмурный и оттепель У ворот дома стояли в треуголках двое квартальных с сытыми и праздничными физиономиями; около них с десяток любопытных прохожих. В гробовой комнате мы застали не более 30 человек — и то большею частью из учащейся молодежи, да отдыхавших в соседней комнате человек пять. Пушкин был в черном фраке, его руки в желтых перчатках из толстой замши. У головы стоял его камердинер, — высокий красивый блондин, с продолговатым лицом, окаймленным маленькими бакенбардами, в синем фраке с золотыми пуговицами, белом жилете и белом галстухе, — который постоянно прыскал голову покойного одеколоном и рассказывал публике всем теперь известные эпизоды смерти Пушкина. Никого из близких покойному при гробе не было. При входе налево, в углу, стояли один на другом два простых сундука, на верхнем стул, на котором перед мольбертом сидел академик Бруни, снимавший портрет



с лежавшего в гробу, головой к окнам на двор, Пушкина. У Бруни были длинные, крепко поседевшие волосы, а одет он был в какой-то светло-зеленый засаленный балахон. Полы во всех комнатах (порядочно потертые) были выкрашены красно-желтоватой краской, стены комнаты, где стоял гроб, — клеевою ярко-желтою. — По выходе из гробовой комнаты, мы уселись отдохнуть в кабинете на диване перед столом, на котором, к величайшему удивлению, увидели с письменными принадлежностями в беспорядке наваленную кучу черновых стихотворений поэта. Мы с любопытством стали их рассматривать. Прислуга, возившаяся около буфета, конечно, видела очень хорошо наше любопытство, но ее главное внимание было поглощено укупоркой в ящики с соломой столовой посуды.

В. Н. ДАВЫДОВ. *Рус. Стар.*, 1887, т. 54, стр. 162.

31 янв., в половине второго, мы отправились на панихиду к Пушкину. Главный ход вел в комнаты, где находилась жена Пушкина, и отворялся только для ее посетителей; тех же, кто приходили поклониться телу Пушкина, вели по узенькой, грязной лестнице в комнату, где вероятно жила прислуга, и которую наскоро приубрали; возле находилась комната в два окна, похожая на лакейскую, и тут лежал Пушкин. Обстановка эта меня возмутила.

(Е. А. ДРАШУСОВА). *Рус. Вестн.*, 1881, т. 155, стр. 155.

На другой день после смерти Пушкина тело его выставлено было в передней комнате перед кабинетом... Парадные двери были заперты, входили и выходили в швейцарскую дверь, узенькую, вышиною в полтора аршина; на этой дверке написано было углем: Пушкин. 31 января, в два часа поутру, я вошел на крыльцо; из маленькой двери выходил народ; теснота и восковой дух, тишина и какой-то шопот. У двери стояли полицейские солдаты. Я взошел по узенькой лестнице... Во второй комнате стояли ширмы, отделявшие вход в комнаты жены; диван, стол, на столе бумага и чернильница. В следующей компате стоял гроб, в ногах читал басом чтец в черной ризе, в головах живописец писал мертвую голову. Теснота. Трудно было обойти гроб. Я посмотрел на труп, он в черном сюртуке. Черты лица резки, сильны, мертвы, жилы на лбу напружинились, кисть руки большая, пальцы длинные, к концу узкие.

К. Н. ЛЕБЕДЕВ. Из записок сенатора. *Рус. Арх.*, 1910, II, 369—370.

Греч получил строгий выговор от Бенкендорфа за слова, напечатанные в «Северной Пчеле»: «Россия обязана Пушкину благодарностью за 22-х летние заслуги его на поприще словесности» (№ 24). Краевский, редактор «Литературных Прибавлений к Русскому Инвалиду», тоже имел неприятности за несколько строк, напечатанных в похвалу поэту. Я получил приказание, вымарать совсем несколько таких же строк, назначавшихся для «Библиотеки для Чтения».

И все это делалось среди всеобщего участия к умершему, среди всеобщего глубокого сожаления. Боялись — но чего?

А. В. НИКИТЕНКО. *Записки и дневник*, т. I, стр. 284.

В первые дни после гибели Пушкина отечественная печать как бы онемела: до того был силен гнет над печатью своенравного опекуна над великим поэтом — графа А. Х. Бенкендорфа. Цензура трепетала перед шефом жандармов, страшась вызвать его неудовольствие — за поблажку в пропуске в печать — слов сочувствия к Пушкину. В одной лишь газете: «Литературные прибавления к «Русскому Инвалиду», — Андрей Александрович Краевский, редактор этих прибавлений, поместил несколько теплых, глубоко прочувствованных слов. Вот они (*«Литературные прибавления»*, 1837 г., № 5):

Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!.. Более говорить о сем не имеем силы, да и не нужно; всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери и всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин! наш поэт! наша радость, наша народная слава!.. Неужели в самом деле нет уже у нас Пушкина! К этой мысли нельзя привыкнуть!

29-го января 2 ч. 45 м. по полудни.

Эти немногие строки вызвали весьма характерный эпизод.

А. А. Краевский, на другой же день по выходе номера газеты, был приглашен для объяснений к попечителю с.-петербургского учебного округа князю М. А. Дундукову-Корсакову, который был председателем цензурного комитета. Необходимо заметить, что Краевский состоял тогда на службе в министерстве народного просвещения, именно помощником

редактора журнала министерства и членом археограф. комиссии, будучи, таким образом, вдвойне зависимым от министерства.

— Я должен вам передать, — сказал попечитель Краевскому, — что министр (Сергей Семенович Уваров) крайне, крайне недоволен вами! К чему эта публикация о Пушкине? Что это за черная рамка вокруг известия о кончине человека не чиновного, не занимавшего никакого положения на государственной службе? Ну, да это еще куда бы ни шло! Но что за выражения! «Солнце поэзии!!» Помилуйте, за что такая честь? «Пушкин скончался... в средине своего великого поприща!» Какое это такое поприще? Сергей Семенович именно заметил: разве Пушкин был полководец, военачальник, министр, государственный муж?! Наконец, он умер без малого сорока лет! Писать стишки не значит еще, как выразился Сергей Семенович, проходить великое поприще! Министр поручил мне сделать вам, Андрей Александрович, строгое замечание и напомнить, что вам, как чиновнику министерства народного просвещения, особенно следовало бы воздержаться от таковых публикаций.

(П. А. ЕФРЕМОВ). *Рус. Стар.*, т. 28, 1880, 536.

(Сообщ. част. обр.). По случаю кончины А. С. Пушкина, без всякого сомнения, будут помещены в московских повременных изданиях статьи о нем. Желательно, чтобы при этом случае как с той, так и с другой стороны соблюдаема была надлежащая умеренность и тон приличия. Я прошу ваше сиятельство обратить внимание на это и приказать цензорам не дозволять печатания ни одной из вышеозначенных статей без вашего предварительного одобрения.

С. С. УВАРОВ (мин. нар. просв.) — гр. С. Г. Строганову (попечителю московского округа), 1 февр. 1837 г. *Щукинский Сборник*, I, 298.

Смирдин сказывал, что со дня кончины его продал он уже на 40 тыс его сочинений. Толпа с утра до вечера у гроба.

А. И. ТУРГЕНЕВ — Н. И. Тургеневу, 31 янв. 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VI, 61.

Студенты желали в мундирах быть на отпевании; их не допустят, вероятно. Также и многие департаменты, напр., духовных дел, иностранных исповеданий. Одна так называемая *знать* наша или высшая ари-

стократия не отдала последней почести тенню русскому; почти никто из высших чинов двора, из генерал-адъютантов и пр. не пришел ко гробу Пушкина... Жена в ужасном положении; но иногда плачет. С каким нежным попечением он о ней, в последние два дня, заботился, скрывая от нее свои страдания.

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. И. Нефедьевой, 1 февр. 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VI, 66.

Вынос тела почившего в церковь должен был состояться вчера днем, но чтобы избежать манифестации при выражении чувств, обнаружившихся уже в то время, как тело было выставлено в доме покойного, — чувств, которые подавить было бы невозможно, а поощрять их не хотели, — погребальная церемония была совершена в час пополуночи. По этой же причине участвующие были приглашены в церковь при Адмиралтействе, а отпевание происходило в Конюшенной церкви.

Барон ГЕККЕРЕН-СТАРШИЙ — барону Верстолку, 14 февр. 1837 г. *Щеголев*, 299.

Вчера *(30-го)* народ так толпился, — исключая аристократов, коих не было ни у гроба, ни во время страдания, — что полиция не хотела, чтобы отпевали в Исакиевском соборе, а приказала вынести тело в полночь в Конюшенную церковь, что мы немногие и сделали, других не впускали. Публика ожесточена против Гекерна, и опасаются, что выбьют у него окна.

А. И. ТУРГЕНЕВ — Н. И. Тургеневу, 31 янв. 1837 года. *П-н и его совр-ки*, VI, 62.

Назначенную для отпевания церковь переменили, тело перенесли в нее ночью, с какою-то тайною, всех поразившею, без факелов, почти без проводников; и в минуту выноса, на которую собралось не более десяти ближайших друзей Пушкина, жандармы наполнили ту горницу, где молились об умершем, нас оценили, и мы так сказать, под стражей проводили тело до церкви.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — гр. А. Х. Бенкендорфу. *Щеголев*, 255.

В день, предшествовавший ночи, в которую назначен был вынос тела, в доме, где собралось человек десять друзей и близких Пушкина,

чтобы отдать ему последний долг, в маленькой гостиной, где мы все находились, очутился целый корпус жандармов. Без преувеличения можно сказать, что у гроба собрались в большом количестве не друзья, а жандармы. Не говорю о солдатских пикетах, расставленных по улице, но против кого была эта военная сила, наполнившая собою дом покойника в те минуты, когда человек двенадцать друзей его и ближайших знакомых собрались туда, чтобы воздать ему последний долг? Против кого эти переодетые, но всеми узнаваемые шпионы? Они были там, чтобы не упускать нас из виду, подслушивать наши сетования, наши слова, быть свидетелями наших слез, нашего молчания.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — вел. кн. Михаилу Павловичу. 14 февр. 1837 г. *Щеголев,* 265.

На вынос тела из дому в церковь Наталья Николаевна Пушкина не явилась, от истомления и от того, что не хотела показываться жандармам.

Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ по записи Бартенева. *Рус. Арх.,* 1888, II, 305.

31 янв. На вынос в 12, т.-е. полночь, явились жандармы, полиция, шпионы, — всего 10 штук, а нас едва ли столько было! Публику уже не пускали. В первом часу мы вывезли гроб в церковь Конюшенную, пропели заупокой, и я возвратился тихо домой.

А. И. ТУРГЕНЕВ. Из дневника. *Щеголев,* 271.

После смерти Пушкина я находился при гробе его почти постоянно до выноса тела в церковь, что в здании Конюшенного ведомства. Вынос тела был совершен ночью, в присутствии родных Н. Н. Пушкиной, графа Г. А. Строганова и его жены, Жуковского, Тургенева, графа Вельегорского, Аркадия Ос. Россети, офицера генерального штаба Скалона и семейств Карамзиной и князя Вяземского. Вне этого списка пробрался по льду в квартиру Пушкина отставной офицер путей сообщения Веревкин, имевший, по объяснению А. О. Россети, какие-то отношения к покойному. Никто из посторонних не допускался. На просьбы А. Н. Муравьева и старой приятельницы покойника, графини Бобринской (жены графа Павла Бобринского), переданные мною графу Строганову, мне поручено было сообщить им, что никаких исключений не допускаются. Начальник штаба корпуса жандармов Дубельт, в сопровождении около

двадцати штаб- и обер-офицеров, присутствовал при выносе. По соседним дворам были расставлены пикеты. Развернутые вооруженные силы вовсе не соответствовали малочисленным и крайне смирным друзьям Пушкина, собравшимся на вынос тела. Но дело в том, что назначенный день и место выноса были изменены; список лиц, допущенных к присутствованию в печальной процессии, был крайне ограничен, и самые энергические и вполне осязательные меры были приняты для недопущения лиц неприглашенных.

Кн. П. П. ВЯЗЕМСКИЙ. «*Пушкин*», *сборник Бартенева*, II, 69.

Наталья Николаевна Пушкина, с душевным прискорбием извещая о кончине супруга ее, Двора Е. И. В. Камер-Юнкера Александра Сергеевича Пушкина, последовавшей в 29 день сего января, покорнейше просит пожаловать к отпеванию тела в Исакиевский собор, состоящий в Адмиралтействе, 1-го числа февраля в 11 часов до полудня.

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ОТПЕВАНИЕ ПУШКИНА. *Пушкин, изд. Брокгауза-Ефрона*, т. VI, стр. 317.

Нынешний Исакиевский собор тогда еще строился[1], а Исакиевским собором называлась церковь в здании Адмиралтейства, к которой Пушкин был прихожанином, живя на Мойке.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1879, I, 395.

Билеты приглашенным были разосланы без всякого выбора; Пушкин был знаком целому Петербургу; дипломатический корпус приглашен был, потому что Пушкин был знаком со всеми его членами; для назначения же тех, кому посылать билеты, сделали просто выписку из реестра, который взят был у графа Воронцова.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — гр. А. Х. Бенкендорфу, *Щеголев*, 254.

Утром многие приглашенные на отпевание и желавшие отдать последний долг Пушкину являлись в Адмиралтейство, с удивлением на-

[1] Отстроен и освящен в 1858 году.

ходили двери запертыми и не могли найти никого для объяснения такого обстоятельства. В это время происходило отпевание в Конюшенной церкви, куда приезжавших пускали по билетам.

М. Н. ЛОНГИНОВ. *Современная Летопись*, 1863, № 18, стр. 13.

Живы еще лица, помнящие, как С. С. Уваров явился бледный и сам не свой в Конюшенную церковь на отпевание Пушкина, и как от него сторонились.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1888, II, 297.

Я стояла близ гроба, в группе дам, между которыми находилась Ел. Мих. Хитрово. Заливаясь слезами, выражая свое сожаление о кончине Пушкина, она шепнула мне сквозь слезы, кивнув головою на стоявших у гроба официантов, во фраках, с пучками разноцветных лент на плечах:

— Посмотрите, пожалуйста, на этих людей: какая бесчувственность! Хоть бы слезинку проронили! — Потом она тронула одного из них за локоть. — Что же ты, милый, не плачешь? Разве тебе не жаль твоего барина?

Официант обернулся и отвечал невозмутимо:

— Никак нет-с... Мы, значит, от гробовщика, по наряду!

А. М. КАРАТЫГИНА-КОЛОСОВА. Воспоминания. *Рус. Стар.*, 1880, т 28, стр. 572.

Между прочими подробностями о смерти и отпевании Пушкина, А. И. Тургенев сообщил *(тригорским соседкам Пушкина)*, что уважение к памяти поэта в громадных толпах народа, бывших на его отпевании в Конюшенной церкви, было до того велико, что все полы сюртука Пушкина были разорваны в лоскутки, и он оказался лежащим чуть не в куртке; бакенбарды его и волосы на голове были тщательно обрезаны его поклонницами.

М. И. СЕМЕВСКИЙ. К биографии Пушкина. *Рус. Вестн.*, 1869, ноябрь, 92.

Отпевание тела его происходило в церкви Спаса в Конюшенной 1-го февраля в 11 часов утра... Перед церковью, для отдания последнего долга любимому писателю, стеклись во множестве люди всякого звания.

Трогательно было видеть вынос гроба из церкви: И. А. Крылов, В. А. Жуковский, кн. П. А. Вяземский и другие литераторы и друзья покойного несли гроб.

М. А. КОРКУНОВ. Письмо к издателю Моск. Ведом. Спб., 4 февр. 1837 г. *И-н и его совр-ки*, VIII, 83.

Прах Пушкина принял последнее целование родных и друзей. В. А. Жуковский обнял бездыханное тело его и долго держал его безмолвно на груди своей.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 422.

Современники-свидетели передавали нам, что во время отпевания обширная площадь перед церковью представляла собою сплошной ковер из человеческих голов, и что когда тело совсем выносили из церкви, то шествие на минуту запнулось; на пути лежал кто-то большого роста, в рыданиях. Его попросили встать и посторониться. Это был кн. П. А. Вяземский.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1879, I, 397.

Похороны г. Пушкина отличались особенною пышностью, и в то же время были необычайно трогательны. Присутствовали главы всех иностранных миссий, за исключением графа Дерама *(английского посла)* и кн. Суццо *(греческого посла)* — по болезни, барона Геккерена, который не был приглашен, и г. Либермана *(прусского посла)*, отклонившего приглашение вследствие того, что ему сказали, что названный писатель подозревался в либерализме в юности, бывшей, действительно, весьма бурною, как молодость многих гениев, подобных ему.

Бар. К. А. ЛЮТЦЕРОДЕ (саксонский посланник) в донесении саксонскому правительству 8 февраля 1837 г. *Щеголев*, 375.

Долг чести повелевает мне не скрыть от вас того, что общественное мнение высказалось при кончине г. Пушкина с большей силой, чем предполагали. Но необходимо выяснить, что это мнение принадлежит не высшему классу, который понимал, что в таких роковых событиях мой сын по справедливости не заслуживает ни малейшего упрека. Чувства, о которых я говорю, принадлежат лицам из третьего сословия, если так можно назвать в России класс, промежуточный между настоящей ари-

стократией и высшими должностными лицами, с одной стороны, и народной массой, совершенно чуждой событию, о котором она и судить не может, — с другой. Сословие это состоит из литераторов, артистов, чиновников низшего разряда, национальных коммерсантов высшего полета и т. д.

Барон ГЕККЕРЕН-СТАРШИЙ — барону Верстолку, 14 февр. 1837 г. *Щеголев, 299.*

Февраль 1. Похороны Пушкина. Это были, действительно, народные похороны. Все, что сколько-нибудь читает и мыслит в Петербурге, — все стекалось к церкви, где отпевали поэта. Это происходило в Конюшенной. Площадь была усеяна экипажами и публикою, но среди последней — ни одного тулупа или зипуна. Церковь была наполнена знатью. Весь дипломатический корпус присутствовал. Впускали в церковь только тех, которые были в мундирах или с билетом. На всех лицах лежала печаль — по крайней мере наружная. Я прощался с Пушкиным: «И был странен тихий мир его чела». Впрочем, лицо уже значительно изменилось: его успело коснуться разрушение. Мы вышли из церкви с Кукольником.

— Утешительно по крайней мере, что мы, все-таки, подвинулись вперед, — сказал он, указывая на толпу, пришедшую поклониться праху одного из лучших своих сынов.

Народ обманули: сказали, что Пушкина будут отпевать в Исакиевском соборе — так было означено и на билетах, а между тем, тело было из квартиры вынесено ночью, тайком, и поставлено в Конюшенной церкви. В университете получено строгое предписание, чтобы профессора не отлучались от своих кафедр, и студенты присутствовали бы на лекциях. Я не удержался и выразил попечителю свое прискорбие по этому поводу. Русские не могут оплакивать своего согражданина, сделавшего им честь своим существованием! Иностранцы приходили поклониться поэту в гробу, а профессорам университета и русскому юношеству это воспрещено. Они, тайком, как воры, должны были прокрадываться к нему.

А. В. НИКИТЕНКО. *Записки и дневник*, I. 284.

Граф Фикельмон явился на похороны в звездах; были Барант и другие. Но из наших ни Орлов, ни Киселев не показались. Знать стала навещать умиравшего поэта, только прослышав об участливом внимании царя.

А. О. РОССЕТ по записи Бартенева *Рус. Арх.*, 1882, I, 248.

В университете положительно не обнаружилось тогда ни малейшего волнения, и если бы Уваров не дал накануне знать, что он посетит аудитории в самый день похорон, то едва ли пошло бы много студентов на Конюшенную площадь. Граф Уваров нашел в Университете одних казенных студентов. Вообще же впечатление кончины Пушкина на студентов было незначительное.

Кн. ПАВЕЛ ВЯЗЕМСКИЙ. *Собр. соч.*, 560.

Многие студенты сговорились вместе итти на похороны Пушкина, но не знали, откуда будут похороны, — все полагали, что из Адмиралтейской церкви. Оказалось, отпевание было в Конюшенной церкви. Толпами мы бросились сперва к Адмиралтейской, а потом к Конюшенной площади, но здесь трудно было протолкаться через полицию, и только некоторые счастливцы получили доступ в церковь. Я оставался с другими на площади. На вопрос проходящего, кого хоронят, жандарм ничего не ответил, будочник — что не может знать, а квартальный надзиратель, — что камер-юнкера Пушкина. Долго ждали мы окончания церковной службы; наконец, на паперти стали появляться лица в полной мундирной форме; военных было немного, но большое число придворных (вероятно, по случаю того же камер-юнкерства); в черных фраках были только лакеи, следовавшие перед гробом, красным с золотом позументом; регалий и воспоминаний из жизни поэта никаких. Гроб вынесен был на улицу посреди пестрой толпы мундиров и салопов, что мало соответствовало тому чувству, которое в этот момент наполняло наши юношеские души. Притом все это мелькнуло перед нами только на один миг. С улицы гроб тотчас же вынесен был в расположенные рядом с церковью ворота в Конюшенный двор, где находился заупокойный подвал, для принятия тела до его отправления в Псковскую губернию. Живо помню, как взоры наши следили в глубину ворот за гробом, пока он не исчез, — вот все, чем ознаменовалось участие молодежи в погребении русской гражданской славы!

М.-Н. Воспоминания из дальних лет. *Рус. Стар.*, 1881, т. 31, май, стр. 160.

Пушкин соединял в себе два единых существа: он был великий поэт и великий либерал, ненавистник всякой власти. Осыпанный благодеяниями государя, он однако же до самого конца жизни не изменился в своих правилах, а только в последние годы стал осторожнее в изъявлении оных. Сообразно сим двум свойствам Пушкина, образовался и круг его приверженцев. Он состоял из литераторов и из всех либералов на-

шего общества. И те, и другие приняли живейшее, самое пламенное участие в смерти Пушкина; собрание посетителей при теле было необыкновенное; отпевание намеревались делать торжественное, многие располагали следовать за гробом до самого места погребения в Псковской губернии; наконец, дошли слухи, что будто в самом Пскове предполагалось выпрячь лошадей и везти гроб людьми, приготовив к этому жителей Пскова. — Мудрено было решить, не относились ли все эти почести более к Пушкину-либералу, нежели к Пушкину-поэту. — В сем недоумении и имея в виду отзывы многих благомыслящих людей, что подобное как бы народное изъявление скорби о смерти Пушкина представляет некоторым образом неприличную картину торжества либералов, — высшее наблюдение признало своею обязанностью мерами негласными устранить все почести, что и было исполнено.

ОТЧЕТ О ДЕЙСТВИЯХ КОРПУСА ЖАНДАРМОВ ЗА 1837 ГОД. *А. С. Поляков. О смерти Пушкина*, 46.

Смерть Пушкина представляется здесь, как несравнимая потеря страны, как общественное бедствие. Национальное самолюбие возбуждено тем сильнее, что враг, переживший поэта, — иноземного происхождения. Громко кричат о том, что было бы невыносимо, чтобы французы могли безнаказанно убить человека, с которым исчезла одна из самых светлых национальных слав. Эти чувства проявились уже во время похоронных церемоний по греческому ритуалу, которые имели место сначала в квартире покойного, а потом на торжественном богослужении, которое было совершено с величайшею торжественностью в придворной Конюшенной церкви, на котором почли долгом присутствовать многие члены дипломатического корпуса. Думаю, что со времени смерти Пушкина и до перенесения его праха в церковь в его доме перебывало до 50.000 лиц всех состояний, многие корпорации просили о разрешении нести останки умершего. Шел даже вопрос о том, чтобы отпрячь лошадей траурной колесницы и предоставить несение тела народу; наконец, демонстрации и овации, вызванные смертью человека, который был известен за величайшего атеиста, достигли такой степени, что власть, опасаясь нарушения общественного порядка, приказала внезапно переменить место, где должны были состояться торжественные похороны, и перенести тело в церковь ночью.

ЛИБЕРМАН, прусский посланник при русском дворе, в донесении своему правительству, 2-14 февр. 1837 г. *Щеголев*, 384.

Стечение было многочисленное по улицам, ведущим к церкви, и на Конюшенной площади; но народ в церковь не пускали. Едва достало места и для блестящей публики. Толпа генералов-адъютантов, гр. Орлов, кн. Трубецкой, гр. Строганов, Перовский, Сухозанет, Адлерберг, Шипов и пр. Послы французский с растроганным выражением, искренним, так что кто-то прежде, слышав, что из знати немногие о Пушкине пожалели, сказал: Барант и Геррера sont les seules Russes dans tout celà *(во всем этом — единственные русские!)*.

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. И. Нефедьевой, 1 февр. 1837 г. *П-н и его совр-ки,* VI, 67.

Лицо Баранта: единственный русский — вчера еще, но сегодня генерал- и флигель-адъютанты.

А. И. ТУРГЕНЕВ. Из дневника. *Щеголев,* 271.

Австрийский посол, неаполитанский, саксонский, баварский и все с женами и со свитами. Чины двора, министры некоторые: между ними — и *Уваров;* смерть — примиритель. Дамы, красавицы и модниц множество; Хитрова — с дочерьми, гр. Бобринский, актеры: Каратыгин и пр. Журналисты, авторы, — Крылов последний из простившихся с хладным телом. Кн. Шаховской. Молодежи множество. Служил архимандрит и шесть священников. Рвались — к последнему целованию. Друзья вынесли гроб; но желавших так много, что теснотою разорвали фрак надвое у кн. Мещерского. Тут и Энгельгардт — воспитатель его в царскосельском лицее; он сказал мне: восемнадцатый из моих умирает, т.-е. из первого выпуска лицея. Все товарищи поэта по лицею явились. Мы на руках вынесли гроб в подвал на другой двор; едва нас не раздавили. Площадь вся покрыта народом, в домах и на набережных Мойки тоже.

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. И. Нефедьевой, 1 февр. 1837 г. *П-н и его совр-ки,* VI, 68.

Сегодня *(1 февраля),* еще прежде дуэля назначена и в афишках объявлена была для бенефиса Каратыгина пиэса Пушкина: «*Скупой Рыцарь,* сцены из Ченстовой трагикомедии». Каратыгин по случаю отпевания Пушкина отложил бенефис до завтра, но пиэсы этой — играть не будут! — вероятно опасаются излишнего энтузиасма...

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. И. НЕФЕДЬЕВОЙ, 1 февр. 1837 г. *П-н и его совр-ки,* VI, 66.

Тело Пушкина до дня похорон поставили в склеп Конюшенной церкви, и там поклонения продолжались. А дамы так даже ночевали в склепе, и самой ярой из них оказалась тетушка моя Агр. Фед. Закревская. Сидя около гроба в мягком кресле и обливаясь горючими слезами, она знакомила ночевавших с нею в склепе барынь с особенными интимными чертами характера дорогого ей человека. Поведала, что Пушкин был в нее влюблен без памяти, что он ревновал ее ко всем и каждому. Что еще недавно в гостях у Соловых он, ревнуя ее за то, что она занималась с кем-то больше, чем с ним, разозлился на нее и впустил ей в руку свои длинные ногти так глубоко, что показалась кровь. И тетка с гордостью показывала любопытным барыням повыше кисти видные еще следы глубоких царапин. А потом она еще рассказывала, что в тот же вечер, прощаясь с нею, Пушкин шепнул ей на ухо:— «Peut être, vous ne me reverrez jamais». И точно, она его живым больше не видала. Тетка Агр. Фед-на, рассказывая все это во время бессонных ночей в склепе, не сфантазировала ни слова, а говорила только всю правду. Пушкин точно был большой поклонник прекрасного пола, а Закревская была очень хороша собой... Кроме того, она была бесспорно умная, острая женщина (немного легкая на слово), но это не мешало тому, чтоб Пушкин любил болтать с ней, читал ей свои произведения и считал ее другом. А он был так самолюбив, что не мог перенести, чтоб женщина, которую он удостаивает своим вниманием, хотя на минуту увлеклась разговором с кем-нибудь другим.

М. Ф. КАМЕНСКАЯ. Воспоминания. *Истор. Вест.*, 1894, т. 58, стр. 54.

От глубоких огорчений, от потери мужа, жена Пушкина была больна, она просила государя письмом дозволить Данзасу проводить тело ее мужа до могилы, так как по случаю тяжкой болезни она не могла исполнить этого сама.

А. АММОСОВ со слов К. К. Данзаса, 39.

Я немедленно доложил его величеству просьбу г-жи Пушкиной, дозволить Данзасу проводить тело в его последнее жилище. Государь отвечал, что он сделал все, от него зависевшее, дозволил подсудимому Данзасу остаться до сегодняшней погребальной церемонии при теле его друга; что дальнейшее снисхождение было бы нарушением закона — и следовательно невозможно; но он прибавил, что Тургенев, давнишний друг

покойного, ни чем не занятый в настоящее время, может отдать этот последний долг Пушкину, и что он уже поручил ему проводить тело.

Гр. А. Х. БЕНКЕНДОРФ — гр. Г. А. Строганову, *Аммосов*, 68.

2 февраля. Жуковский с письмом гр. Бенкендорфа к гр. Строганову, — о том, что вместо Данзаса назначен я, в качестве старого друга, отдать ему последний долг. Я решился принять... На панихиду. Тут граф Строганов представил мне жандарма; о подорожных и крестьянских подставах. Куда еду — еще не знаю. Заколотили Пушкина в ящик. Вяземский положил с ним свою перчатку.

А. И. ТУРГЕНЕВ. Из дневника. *Щеголев*, 272—273.

Донесли, что Жуковский и Вяземский положили свои перчатки в гроб, — и в этом видели что-то и к кому-то враждебное.

А. И. ТУРГЕНЕВ — Н. И. Тургеневу, 28 февр. 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VI, 92.

3-го февраля в полночь мы отправились из Конюшенной церкви, с телом Пушкина, в путь; я с почтальоном в кибитке позади тела; жандармский капитан впереди оного. Дядька покойного желал также проводить останки своего доброго барина к последнему его жилищу, куда недавно возил он же и тело его матери; он стал на дрогах, кои везли ящик с телом, и не покидал его до самой могилы.

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. И. Нефедьевой, 9 февр. 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VI, 71.

Старый дядька Пушкина, Никита Козлов, находился при нем в малолетстве, потом состоял при нем все время пребывания в псковской его деревне, и оставался до последней минуты жизни его. Ему же поручено было отвезти тело А. С-ча в монастырь, где он и погреб его.

Н. И. ТАРАСЕНКО-ОТРЕШКОВ — В. П. Голохвастой. *Ист. Вестн.*, *1894*, т. 58, стр. 778.

Старый дядька Пушкина, Никита Козлов, можно сказать, не покидал своего питомца от колыбели до могилы. Он был, помнится, при нем и в Москве. Не знаю, был ли при нем верный дядька в лицее, и позже в Одессе и Бессарабии, но он был с ним и в сельце Михайловском, и на пути его из столицы в последний приют, в Святогорский монастырь.

Н. В. СУШКОВ. *Раут. М.*, 1851, стр. 8—9.

(Жандармский полковник Ракеев). — Я препровождал... Назначен был шефом нашим препроводить тело Пушкина. Один я, можно сказать, и хоронил его. Человек у него был... что за преданный был слуга! Смотреть даже было больно, как убивался. Привязан был к покойнику, очень привязан. Не отходил почти от гроба: не ест, не пьет.

М. ПЛ. МИХАЙЛОВ. Из дневника. *Рус. Стар.*, 1906, т. 127, стр. 391.

Жена моя возвращалась из Могилева и на одной станции неподалеку от Петербурга увидела простую телегу, на телеге солому, под соломой гроб, обернутый рогожею. Три жандарма суетились на почтовом дворе, хлопотали о том, чтобы скорее перепрячь курьерских лошадей и скакать дальше с гробом.

— Что это такое? — спросила моя жена у одного из находившихся здесь крестьян.

— А бог его знает что! Вишь, какой-то Пушкин убит — его мчат на почтовых в рогоже и соломе, прости господи — как собаку.

А. В. НИКИТЕНКО. Дневник, 12 февраля 1837 года. *Записки и дневник*, т. I, 286.

4-го февраля. Перед гробом и мною скакал жандармский капитан. Проехали Софию, в Гатчине рисовались дворцы и шпиц протестанской церкви, в Луге или прежде пил чай. Тут вошел в церковь. На станции перед Псковом встреча с камергером Яхонтовым, который вез письмо Мордвинова к Пещурову, но не сказал мне о нем. Я поил его чаем и обогнал его; приехал к 9 часам в Псков, прямо к губернатору — на вечеринку. Яхонтов скоро и прислал письмо Мордвинова, которое губернатор начал читать вслух, но дошел до высочайшего повеления — *о невстре-*

че — тихо и показал только мне — именно тому, кому казать не должно было: сцена хоть бы из комедии!

А. Н. ТУРГЕНЕВ. Из дневника. *Щеголев*, 273.

Милостивый Государь Алексей Никитыч! Г. Действ. ст. сов. Яхонтов, который доставит сие письмо вашему превосходительству, сообщит вам наши новости. Тело Пушкина везут в Псковскую губернию для предания земле в имении его отца. — Я просил г. Яхонтова передать вам по сему случаю поручение графа Ал. Хр. *(Бенкендорфа)*, но вместе с тем имею честь сообщить вашему превосходительству волю государя императора, чтобы вы воспретили всякое особенное изъявление, всякую встречу, одним словом всякую церемонию, кроме того, что обыкновенно по нашему церковному обряду исполняется при погребении тела дворянина. К сему не излишним считаю, что отпевание тела уже совершено.

А. Н. МОРДВИНОВ — А. Н. Пещурову, 2 февраля 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VI. 109.

5 февраля. В 1 час пополуночи отправились сперва в Остров, за 56 верст, где исправник и городничий нас встретили и послали с нами чиновника далее; оттуда за пятьдесят верст к Осиповой — в Тригорское, где уже был в три часа пополудни. За нами прискакал и гроб в седьмом часу вечера; гроб оставил я на последней станции с почтальоном и дядькой. Осипова послала, по моей просьбе, мужиков рыть могилу; вскоре и мы туда поехали с жандармом; зашли к архимандриту; он дал мне описание монастыря; рыли могилу; между тем, я осмотрел, хотя и ночью, церковь, ограду и здания. Условились приехать на другой день и возвратились в Тригорское. Повстречали тело на дороге, которое скакало в монастырь. Гроб внесли в верхнюю церковь и поставили до утра там. Напились чаю, я уложил спать жандарма и сам остался мыслить вслух о Пушкине с милыми хозяйками; читал альбум со стихами Пушкина, Языкова и проч. Дочь *(Мария Ивановна Осипова)* пленяла меня: мы подружились. В 11 часов я лег спать. На другой день

6 февраля, в 6 часов утра, отправились мы — я и жандарм!! — опять в монастырь, — все еще рыли могилу; моим гробокопателям помогали крестьяне Пушкина, узнавшие, что гроб прибыл туда; мы отслужили панихиду в церкви и вынесли на плечах крестьян и дядьки гроб в могилу — немногие плакали. Я бросил горсть земли в могилу; выронил несколько слез и возвратился в Тригорское. Там предложили мне ехать

в Михайловское, и я поехал с милой дочерью, несмотря на желание и на убеждение жандарма не ездить, а спешить в обратный путь. Дорогой Марья Ивановна объяснила мне Пушкина в деревенской жизни его, показывала урочища, любимые сосны, два озера, покрытых снегом, и мы вошли в домик поэта, где он прожил свою ссылку и написал лучшие стихи свои. Все пусто. Дворник, жена его плакали.

А. И. ТУРГЕНЕВ. Из дневника. *Щеголев*, 274. *Дополнено по письму А. И. Тургенева к А. П. Нефедьевой* от 9 февр. 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VI. 72.

Кто бы сказал, что даже дворня *(Тригорского)*, такая равнодушная по отношению к другим, плакала о нем! В Михайловском г. Тургенев был свидетелем такого же горя.

Бар. Б. А. ВРЕВСКИЙ — С. Л. Пушкину, 21 марта 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VIII, 63.

Они *(Пушкин и его мать)* лежат теперь под одним камнем, гораздо ближе друг к другу после смерти, чем были в жизни.

АЛ. Н. ВУЛЬФ. Дневник, 21 марта 1842 г. *Л. Майков*, 217.

XVIII
ЭПИЛОГ

ЭПИЛОГ

Пушкин убит! Яковлев! Как ты это допустил? У какого подлеца поднялась на него рука? Яковлев, Яковлев! Как мог ты это допустить? Наш круг редеет; пора и нам убираться...

Ф. Ф. МАТЮШКИН (лицейский товарищ Пушкина) — М. Л. Яковлеву (тоже), 14 февр. 1837 г., из Севастополя, *Я. Грот*, 74.

Со 2 января до настоящего времени я был беспрерывно в делах против чеченцев, и наш отряд не имел связи ни с чем... Эта ужасная новость меня сразила, я, как сумасшедший, не знаю, что делаю и что говорю... Если бы у меня было сто жизней, я все бы их отдал, чтобы выкупить жизнь брата. В гибельный день его смерти я слышал вокруг себя свист тысяч пуль, — почему не мне выпало на долю быть сраженным одною из них, — мне, человеку одинокому, бесполезному, уставшему от жизни и вот уже десять лет бросающему ее всякому, кто захочет.

Л. С. ПУШКИН—С. Л. Пушкину (отцу). 19 марта 1837 г. с Кавказа. *И-и и его современники*, VIII, 60 *(фр.)*.

После смерти брата Лев, сильно огорченный, хотел ехать во Францию и вызвать на поединок Дантеса; но приятели отговорили его от этого намерения.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. собр. соч.*, VIII, *239*.

Пушкин, это высокое создание, оставил мир, в котором он *не был счастлив.*

А. Н. КАРАМЗИН — матери своей Е. А. Карамзиной, 12 февр. 1837 г., *Стар. и Новизна,* XVII, 292.

Жизнь Пушкина была мучительная, — тем более мучительная, что причины страданий были все мелкие и внутренние, для всех тайные. Наши врали-журналисты, ректоры общего мнения в литературе, успели утвердить в толпе своих прихожан мысль, что Пушкин упал; а Пушкин только что созрел, как художник, и все шел в гору, как человек, и поэзия мужала с ним вместе. Но мелочи ежедневной, обыкновенной жизни: они его убили.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — И. И. Дмитриеву, от 12 марта 1837 г., *Рус. Арх.,* 1866, 1642.

Пушкин был прежде всего жертвою (будь сказано между нами) бестактности своей жены и ее неумения вести себя, жертвою своего положения в обществе, которое, льстя его тщеславию, временами раздражало его — жертвою своего пламенного и вспыльчивого характера, недоброжелательства салонов и, в особенности, жертвою жестокой судьбы, которая привязалась к нему, как к своей добыче, и направляла всю эту несчастную историю.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — кн. О. А. Долгоруковой, 7 апр. 1837 г. *Красный архив,* 1929, т. II, 231.

Епраксия Николаевна Вревская была с покойным Александром Сергеевичем все последние дни его жизни. Она находит, что он счастлив, что избавлен этих душевных страданий, которые так ужасно его мучили последнее время его существования.

Бар. Б. А. ВРЕВСКИЙ — Н. И. Павлищеву, 28 февр. 1837 г. из Голубова, *П-н и его совр-ки,* XII, 111.

Хомяков справедливо полагает, что Пушкин был утомлен жизнью, и что он воспользовался первым поводом для того, чтобы от нее отделаться, так как анонимный пасквиль не составляет оскорбления, делающего поединок неизбежным. Охлаждение русского общества к поэту, мате-

риальные стеснения, столкновения с министром и, наконец, огорчения, вызванные кокетством его жены, привели его к горестной катастрофе.

В. А. МУХАНОВ. Из дневника, 2 февр. 1837 г. *Московский Пушкинист*. 1927, вып. I, стр. 56 *(фр.)*.

Жалкая репетиция Онегина и Ленского, жалкий и слишком ранний конец. Причины к дуэли порядочной не было, и вызов Пушкина показывает, что его бедное сердце давно измучилось и что ему хотелось рискнуть жизнию, чтобы разом от нее отделаться или ее возобновить. Его Петербург замучил всякими мерзостями; сам же он чувствовал себя униженным и не имел ни довольно силы духа, чтобы вырваться из унижения, ни довольно подлости, чтобы с ним помириться... Пушкин не оказал твердости в характере (но этого от него и ожидать было нельзя), ни тонкости, свойственной его чудному уму. Но страсть никогда умна быть не может. Он отшатнулся от тех, которые его любили, понимали и окружали дружбою почти благоговейной, а пристал к людям, которые его принимали из милости. Тут усыпил он надолго свой дар высокой и погубил жизнь, прежде чем этот дар проснулся (если ему было суждено проснуться).

А. С. ХОМЯКОВ — Н. М. Языкову, в феврале 1837 г. *Сочинения А. С. Хомякова*, т. VIII, 89—90.

Вглядитесь во все беспристрастно, и вы почувствуете, что способности к басовым аккордам недоставало не в голове Пушкина и не в таланте его, а в душе, слишком непостоянной и слабой, или слишком рано развращенной и уже никогда не находившей в себе сил для возрождения (Пушкин измельчался не в разврате, а в салоне). Оттого-то вы можете им восхищаться или лучше не можете не восхищаться, но не можете ему благоговейно кланяться.

А. С. ХОМЯКОВ — И. С. Аксакову, в 1859 г. *Сочинения А. С. Хомякова*, т. VIII, 382.

Здесь все тихо, и одна трагическая смерть Пушкина занимает публику и служит пищей разным глупым толкам. Он умер от раны за дерзкую и глупую картель, им-же писанную, но, слава богу, умер христианином.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I — кн. Паскевичу 4 февраля 1837 г. *Рус. Арх.*, 1897, I, 19.

Жаль Пушкина, как литератора, в то время, когда его талант созревал; но человек он был дурной.

Кн. П. Ф. ПАСКЕВИЧ — императору Николаю I.

Мнение твое о Пушкине я совершенно разделяю, и про него можно справедливо сказать, что в нем оплакивается будущее, а не прошедшее.

НИКОЛАЙ I — кн. П. Ф. Паскевичу, 22 февр. 1837 г. *Рус. Арх.*, 1897, I, 19.

Жаль поэта — и великая, а человек был дрянной. Корчил Байрона, а пропал, как заяц. Жена его, право, не виновата. Ты знал фигуру Пушкина; можно-ли было любить, особенно пьяного!

Ф. В. БУЛГАРИН — А. Я. Стороженке, 4 февр. 1837 г. — *Стороженки. Фамильный Архив*, т. III, Киев, 1907, стр. 29.

Вот и стихотворец Пушкин умер от поединка. Он был хороший стихотворец; но худой сын, родственник и гражданин. Я его знал в Пскове, где его фамилия.

МИТРОПОЛИТ ЕВГЕНИЙ (КАЗАНЦЕВ) — И. М. Снегиреву 15 февр. 1837 г. *Старина Русской земли. Исслед. и статьи И. М. Снегирева*, т. I, кн. I. СПБ, 1871, стр. 135.

Пушкин остался должен Шишкиной 12.500 р. асс., взятых у нее в разное время под залог шалей, жемчуга и серебра.

Прошение Е. В. ШИШКИНОЙ в Опеку от 20 февр. 1838 г., *П-н и его совр-ки*, XIII, 96.

Всего долгов Пушкина уплачено было Опекой по 50 счетам около 120.000 руб.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. Архив Опеки над детьми и имущ. Пушкина. *П-н и его совр-ки*, XIII, 97.

Мне хочется иметь на память от Пушкина камышевую желтую его палку, у которой в набалдашник вделана пуговица с мундира Петра Великого.

А. А. КРАЕВСКИЙ — кн. В. Ф. Одоевскому, 15 февр. 1837 г. *Рус. Стар.*, 1904, т. 118, стр. 570.

Мне достался от вдовы Пушкина дорогой подарок: перстень с изумрудом, который он всегда носил последнее время и называл, — не знаю почему, — талисманом; досталась от Жуковского последняя одежда Пушкина, после которой одели его, только чтобы положить в гроб. Это черный сюртук с небольшою, в ноготок, дырочкою против правого паха.

В. И. ДАЛЬ. *Л. Майков,* 419

Превосходнейшим изображением великого поэта, по счастливому случаю, останется для потомства бюст, сделанный С. И. Гальбергом; сходство, простота в движении, превосходная отделка, постоянные достоинства нашего скульптора, и здесь сохранили свои обычные места.

(Н. В. КУКОЛЬНИК). *Худож. Газета* на 1837 г., № 9—10, стр. 162.

Небольшая фигурка в рост сделана молодым нашим художником А. И. Теребеневым. В голове много сходства; в самой фигуре и костюме можно бы пожелать и большей точности, и большей простоты.

(Н. В. КУКОЛЬНИК). *Худож. Газета* на 1837 г., № 9—10, стр. 161.

В 1838 г. Уткин награвировал вновь портрет поэта по Кипренскому, с большой близостью к оригиналу в костюме и с передачей рук, но с новыми отступлениями в изображении черт лица. Выражение глаз другое, нос короче, выступление челюсти и губ более скрадено, подбородок шире... С этой доски были сделаны отпечатки для посмертного издания сочинений поэта 1838—41 г., а впоследствии для издания Анненкова 1857 г. Ровинский и другие признавали эту гравюру не столь удачной и менее сходной, чем первая.

Д. Н. АНУЧИН. *А. С. Пушкин. Антропологический этюд.* М., 1889, стр. 37.

Поручик барон Геккерен имеет пулевую проницающую рану на правой руке ниже локтевого состава на четыре поперечных перста; вход и выход пули в небольшом один от другого расстоянии. Обе раны находятся в сгибающих персты мышцах, окружающих лучевую кость более к наружной стороне. Раны простые, чистые, без повреждения костей и

больших кровеносных сосудов... Больной может ходить по комнате, разговаривать свободно, ясно и удовлетворительно, руку носит на повязке и, кроме боли в раненом месте, жалуется также на боль в правой верхней части брюха, где вылетевшая пуля причинила контузию, каковая боль обнаруживается при глубоком вдыхании, хотя наружных знаков контузии не заметно.

ШТАБ-ЛЕКАРЬ СТЕФАНОВИЧ в рапорте от 5 февр. 1837 г. *Дуэль Пушкина, Подлинное военно-судное дело.* СПБ., 1900, стр. 32.

Поведение жены Жоржа было безукоризненно при данных обстоятельствах: она ухаживала за ним с самою нежною заботливостью и радуется возможности покинуть страну, где счастливой уже быть не может.

Бар. ГЕККЕРЕН-СТАРШИЙ—г-же Дантес. 29 марта 1837 г. *Щеголев,* 316.

Генерал-Аудиториат... полагал: Геккерена за вызов на дуэль и убийство на оной камер-юнкера Пушкина, лишив чинов и приобретенного им российского дворянского достоинства, написать в рядовые, с определением на службу по назначению инспекторского департамента. Подсудимый же подполковник Данзас виновен в противузаконном согласии быть при дуэли со стороны Пушкина секундантом и в непринятии всех зависящих мер к отвращению сей дуэли... Генерал-Аудиториат... достаточным полагал: вменив ему, Данзасу, в наказание бытность под судом и арестом, выдержать сверх того под арестом в крепости на гауптвахте два месяца и после того обратить попрежнему на службу. Преступный же поступок самого камер-юнкера Пушкина, подлежавшего равному с подсудимым Геккереном наказанию... по случаю его смерти предать забвению.

На всеподданнейшем докладе в 18 день сего марта последовала собственноручная его величества высочайшая конфирмация: «Быть по сему, но рядового Геккерена, как не русского подданного, выслать с жандармом заграницу, отобрав офицерские патенты».

Дуэль Пушкина с Дантесом. Подлинное военно-судное дело. Стр. 151.

Одна горничная (русская) восторгается твоим умом и всей твоей особой, что тебе равного она не встречала во всю свою жизнь, и что

никогда не забудет, как ты пришел ей похвастаться своей фигурой в сюртуке.

ЕК. НИК. ДАНТЕС-ГЕККЕРЕН—Жоржу Дантесу. *Щеголев,* 310 *(фр.).*

19 марта в 9 часов утра к Геккерену явился жандармского дивизиона унтер-офицер Яков Новиков, долженствовавший сопровождать его до границы. В 11 часов ему было дозволено свидание с отцом и женою. Об этом свидании есть следующее донесение:

«По приказанию вашего превосходительства дозволено было рядовому Геккерену свидание с женою его в квартире посланника барона Геккерена; при сем свидании находились: жена рядового Геккерена, отец его — посланник и некто графиня Строганова. При свидании я вместе с адъютантом вашего превосходительства был безотлучно. Свидание продолжалось всего один час. Разговоров, заслуживающих особенного внимания, не было. Вообще в разжалованном Геккерене незаметно никакого неудовольствия, напротив, он изъявил благодарность к государю-императору за милость к нему и за дозволение, данное его жене, бывать у него ежедневно во время его содержания под арестом. Между прочим, говорил он, что по приезде его в Баден, он тотчас явится к его высочеству вел. кн. Михаилу Павловичу. Во все время свиданий, рядовой Геккерен, жена его и посланник Геккерен были совершенно покойны; при прощании их не замечено никаких особых чувств. Рядовой Геккерен отправлен мною в путь с нарядженным жандармским унтер-офицером в 1¾ по полудни».

23 марта Геккерен был уже в Таурогене, — восемьсот верст в четверо суток!

В. В. НИКОЛЬСКИЙ (по данным архива главного штаба). *Рус. Стар.,* 1880, т. 29, стр. 429.

19 марта 1837 г. Встретил Дантеса, в санях с жандармом, за ним другой офицер, в санях. Он сидел бодро, в фуражке, разжалованный и высланный за границу.

А. И. ТУРГЕНЕВ. Дневник. *Щеголев,* 276.

Я встретил Дантеса в санях тройкой, в фуражке, шитой шелком или *(неразбор.),* он сидел бодро, на облучке сидел жандарм, в других санях офицер.

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. Я. Булгакову, 20 марта 1837 г. *Московский Пушкинист.* 1927, вып. I, стр. 40.

Дай бог, чтобы тебе не пришлось много пострадать во время твоего ужасного путешествия, — тебе, больному, с двумя открытыми ранами; позволили ли, вернее, дали ли тебе время в дороге, чтобы перевязать раны? Не думаю и сильно беспокоюсь о том.

Бар. ГЕККЕРЕН-СТАРШИЙ — Жоржу Дантесу. *Щеголев*, 317 *(фр.)*.

Унтер-офицер Новиков, по возвращении, донес, что «Геккерен во время пути вел себя смирно и весьма мало с ним говорил, а при отъезде за границу дал ему 25 рублей».

В. В. НИКОЛЬСКИЙ. *Рус. Стар.*, 1880, т. 29. стр. 430.

До немецкой границы Дантес ехал в придворных санях, оттуда на вольных лошадях. В Берлине он сделал продолжительную остановку. Четыре года назад, перед отъездом в Петербург, он завел здесь некоторые знакомства. Теперь он решил отдохнуть в этом городе, повидать знакомых и обождать приезда жены. Однажды, когда он, с еще не поджившей рукой, гулял на Унтер ден Линден, его увидел из окна своего дворца наследный принц Вильгельм (впоследствии император германский). Он знал Дантеса и даже снабдил его рекомендательным письмом, когда тот отправлялся в Россию. Вильгельм постучал в окно, позвал Дантеса во дворец и велел рассказать историю поединка. Наконец приехали из Петербурга жена и приемный отец. Их сопровождал транспорт вещей, в том числе и мебель, подаренная молодоженам бароном Геккереном. Из Берлина Дантес с женой отправился в Сульц (в Эльзасе), где и поселился в своем фамильном замке. Ничто, повидимому, не смущало его душевного покоя. Ежегодно он приезжал на некоторое время в Баден, где попрежнему встречался со старыми петербургскими знакомыми.

ЛУИ МЕТМАН (внук Дантеса) по записи Я. Б. Полонского. *Посл. Новости*, 1930, № 3340.

Семейные письма Геккеренов-Гончаровых явственно свидетельствуют, что через три месяца после своей свадьбы, — в апреле 1837 года, — Екатерина Николаевна Геккерен родила своего первого ребенка.

Л. П. ГРОССМАН. Женитьба Дантеса. *Кр. Нива*, 1929, № 24, стр. 11.

Катерина Афанасьевна *(Протасова)* привезла из Петербурга вот какую новость: Дантесу велено выехать из России. Мицкевич прислал ему картель и писал, что считает себя обязанным драться с убийцею Пушкина, его первого друга; что если он не трус, то явится к нему в Париж. Письмо напечатано в иностранных журналах, и убийца уже едет в Париж. Перед глазами всей Европы нельзя было никоим образом отказаться от дуэли [1].

А. А. ЕЛАГИН — матери своей, А. П. Елагиной. *Рус. Арх.*, 1905, II, 607.

Голландский посол г. Геккерен выехал третьего дня, получив оскорбление в виде отказа в прощальной аудиенции у их императорских величеств, и получив теперь же прощальную табакерку, несмотря на то, что он не представил отзывных грамот и формально заявил графу Нессельроде, что его величество король Голландии не отозвал его, а только разрешил ему отпуск на неопределенное время.

По этой причине присылка табакерки, вместе с отказом в обычной аудиенции, явилась настоящим ударом для г. Геккерена, вызванным, повидимому, какою-нибудь особою причиною, что император, по всей вероятности, и объяснит королю Голландии.

Гр. М. ЛЕРХЕНФЕЛЬД (баварский посланник) в донесении баварскому королю 15 апреля 1837 г. *Щеголев*, 379.

Барон Геккерен, голландский посланник, должен был оставить свое место. Государь отказал ему в обыкновенной последней аудиенции, и семь осьмых общества прервали с ним тотчас знакомство. Сия неожиданная развязка убила в нем его обыкновенное нахальство, но не могла истребить все его подлые страсти, его барышничества: перед отъездом он опубликовал о продаже своей всей движимости, и его дом превратился в магазин, среди которого он сидел, продавая вещи и записывая сам продажу. Многие воспользовались сим случаем, чтоб сделать ему оскорбления. Например, он сидел на стуле, на котором выставлена была цена; один офицер, подойдя к нему, заплатил ему за стул и взял его из-под него.

Н. М. СМИРНОВ. Памятные заметки. *Рус. Арх.*, 1882, I, 237.

[1] Дуэль не состоялась, да, повидимому, и вызова не было.

Дантес, по приезде в Баден, при встрече с вел. кн. Михаилом Павловичем, приветствовал его по-военному; но великий князь от него отвернулся.

В. В. НИКОЛЬСКИЙ. *Рус. Стар.*, 1880, т. 29, стр. 430.

Несколько дней тому назад был здесь Дантес и пробыл два дня. Он, как говорят, весьма соболезнует о бывшем с ним, но уверяет, что со времени его свадьбы он ни в чем не может себя обвинить касательно Пушкина и жены его, и не имел с нею совершенно никаких сношений, был же вынужден на поединок поведением Пушкина. Всем твердит, что после России все кажется ему petit et mesquin *(маленьким и мизерным)*. На лето он переезжает с женой жить сюда.

Вел. кн. МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ — императору Николаю Павловичу 2 (14) июня 1837 г., из Баден-Бадена. *Рус. Стар.*, 1902, т. 110, 230.

Встретивши Дантеса в Бадене, который, как богатый человек и барон, весело прогуливался с шляпой на бекрень, *(вел. кн.)* Михаил Павлович три дня был расстроен. Когда графиня Сологуб-мать, которую он очень любил, спросила у него о причине его расстройства, — он отвечал: «кого я видел? Дантеса!» — Воспоминание о Пушкине вас встревожило? — «О, нет! туда ему и дорога!» — Так что-же? — «Да сам Дантес! бедный! — подумайте, ведь он солдат». Все это было в нем — не притворство, но таков был склад идей.

Кн. В. Ф. ОДОЕВСКИЙ. Дневник. *Щеголев. Дуэль*, изд. 3, стр. 450.

Вечером на гулянии увидал я Дантеса с женою: они оба пристально на меня смотрели, но не кланялись, я подошел к ним *первый,* и тогда Дантес буквально бросился ко мне и протянул мне руку. Обменявшись несколькими обыкновенными фразами, я отошел и пристал к другим... Я заметил, что Дантес ждет меня, и в самом деле он скоро опять пристал ко мне и, схватив меня за руку, потащил в пустые аллеи. Не прошло двух минут, что он уже рассказывал мне со всеми подробностями свою несчастную историю и с жаром оправдывался в моих обвинениях, которые я дерзко ему высказывал. Он мне показал копию с *страшного* Пушкинского письма, протокол ответов в военному суде и клялся в со-

вершенной невинности. Всего более и всего сильнее отвергал он малейшее отношение к Наталье Николаевне *после* обручения с сестрою ее, и настаивал на том, что второй вызов был, как черепица, упавшая ему на голову. Со слезами на глазах, говорил он о поведении вашем[1] в отношении к нему и несколько раз повторял, что оно глубоко огорчило его. Он прибавил: мое полное оправдание может прийти только от г-жи Пушкиной; через несколько лет, когда она успокоится, она, может быть, скажет, что я все сделал, чтобы их спасти, и что, если мне не удалось, то вина была не моя и т. д. Разговор и гулянье наше продолжалось от 8 до 11 ч. вечера. Бог их рассудит, я буду с ним знаком, но не дружен по-старому, — это все, что я могу сделать.

А. Н. КАРАМЗИН — Е. А. Карамзиной, 28 июня (8 июля) 1837 г., из Баден-Бадена. *Стар. и Нов.*, XVII, 317 *(фр.-рус.)*.

В понедельник был бал у Полуектовой... Странно было мне смотреть на Дантеса, как он с кавалергардскими ухватками предводительствовал мазуркой и котильоном, как в дни былые.

А. Н. КАРАМЗИН — Е. А. Карамзиной, 16 июля (н. ст.) 1837 г., из Баден-Бадена. *Стар. и Нов.*, XVII, 319.

Мы не будем видеть г-жи Дантес, она не будет появляться в свете и особенно у меня, потому что знает, с каким отвращением я увидела бы ее мужа. Геккерен не появляется тем более, его видят очень редко даже среди его товарищей. Он носит теперь имя — барон Жорж де-Геккерен.

Гр-ня Д. Ф. ФИКЕЛЬМОН — гр-не Е. Ф. Тизенгаузен, 26 ноября 1842 г., из Вены. C-te F. de Sonis. Lettres du c-te et de la c-sse de Ficquelmont. Paris, 1911, p. 35 *(фр.)*.

Екатерина Николаевна *(Дантес-Геккерен)* умерла 15 октября 1843 г. от послеродового заболевания и похоронена в Сульце (в Эльза-

[1] Т.-е. семейства, а не маменьки *(Ек. А. Карамзиной)*, про которую он мне сказал: в ее глазах я виновен, она все мне предсказала заранее, если бы я увидел ее, мне нечего было бы ей возразить. *(А. Карамзин)*.

се)... По семейным сведениям, Екатерину Николаевну угнетала мысль, что муж ее остается верен своему обожанию ее сестры. Под влиянием окружавшей Екатерину Николаевну католической среды, убеждавшей ее, что принятие веры своего мужа и детей вызовет перемену чувств в Дантесе, Екатерина Николаевна согласилась, наконец, на переход в католичество. Проволочки, однако, произошли оттого, что она желала, чтобы присоединение ее к католичеству произошло при скромной обстановке в Сульце, тогда как родственники ее мужа желали обставить этот переход торжественно и потому настаивали на совершении обряда в Париже, в церкви Madeleine. После долгих переговоров Екатерина Николаевна согласилась, но роды сына и последовавшая затем болезнь помешали ей привести в исполнение свое намерение.

С. А. ПАНЧУЛИДЗЕВ со слов П. О. Пирлинга, *Панчулидзев*, 90.

С первых же лет нашего брака Екатерина была озабочена мыслью, что все, с кем ее связывают наиболее нежные узы, исповедуют не ее религию, и что это лишило бы ее сладостного удовлетворения всецело руководить умом и сердцами своих четырех детей, — миссия, которой она была достойна во всех отношениях. Под давлением этих и других соображений моя жена решила изучить и принять католичество. Она не дала огласки своему отречению от православия из весьма похвального желания избавить от большого огорчения свою мать — единственное лицо, с которым она поддерживала постоянные сношения. Несмотря на это Екатерина умерла, окруженная всеми утешениями нашей церкви.

Жорж ДАНТЕС-ГЕККЕРЕН — кн. И. С. Гагарину, 17 сент. 1847 г. *Посл. Нов.*, 1930, № 3340.

О дальнейшей судьбе Дантеса вплоть до переворота 2 декабря 1851 г. нам почти ничего неизвестно. По возвращении из России во Францию он сначала заперся в деревне своей (в Эльзасе), а затем, в сороковых годах, выступил на политическом поприще, был избран депутатом и сначала продолжал быть крайним легитимистом. В дуэли между Тьером и Биксио Дантес был секундантом первого. Затем он из легитимистов превратился в бонапартиста.

С. А. ПАНЧУЛИДЗЕВ. *Сборник биографий кавалергардов*. СПБ., 1908, стр. 89.

17 июля 1851 г. Виктор Гюго выступил в Национальном Собрании с бурной четырехчасовою речью против изменения конституции, имевшего целью облегчить президенту Луи-Наполеону путь к государственному перевороту. Гюго указывал на опасность, грозящую республике, срывал маску с президента. — «Карты на стол! Будем говорит всё — заявил Гюго. — Как! Оттого, что мы имеем Наполеона Великого, нужно, чтобы мы имели Наполеона Маленького!» (См. Victor Hugo, Actes et paroles. Avant l'éxil. 1841—1851. Paris, 1875. Pp. 326 ss.). Клика правых депутатов бесновалась, прерывала оратора, не давала ему говорить, высмеивала его. После декабрьского переворота, находясь в изгнании, Гюго выпустил сборник стихотворений под заглавием «Кары» (Châtiments). В нем помещено стихотворение: «17 июля 1851 года. Сходя с трибуны». В первых изданиях сборника (брюссельском 1853, женевско-ньюйоркском (1854) Гюго поместил обширное примечание к этому стихотворению, где привел выдержки из своей речи и выходки против него правых депутатов. Здесь находим Вьейяра, Барро, де-ла-Москова, Клари, *де-Геккерена*. Это — наш знакомец Дантес. В выноске к каждому из названных имен Гюго ядовито замечает: «Теперь — сенатор. 30.000 франков жалования в год». Само стихотворение начинается так:

Ses hommes qui mourront foule abjecte et grossière,
Sont de la boue avant d'être de la poussière...

В. ВЕРЕСАЕВ.

В награду за услуги, оказанные Луи-Наполеону, Дантес был назначен им в день декабрьского переворота сенатором. В сенате он обратил на себя особое внимание своими речами в защиту светской власти цап. Во время последней империи Дантес был persona grata при дворе Наполеона III. Дантес был одним из основателей Парижского Газового общества и оставался директором этого общества до своей смерти, благодаря чему составил себе большое состояние. По словам одного из наших соотечественников, знавшего в Париже Дантеса, это был человек «очень одаренный и крайне влиятельный, даже большой оригинал; он был замешан во всех событиях и происках Второй империи».

С. А. ПАНЧУЛИДЗЕВ, *Сборник биографий кавалергардов*, 89.

Влиятельным сенатором Второй Империи Дантес поселился в Париже на улице Монтэнь, рядом с нынешним театром Елисейских Полей.

Здесь он выстроил для себя и семьи трехэтажный особняк (№ 27). Нижний этаж занимал он сам, а два верхних были отведены его многочисленному потомству. Вся семья сходилась по меньшей мере два раза в день в столовой. Днем Дантес обыкновенно отправлялся в экипаже в свой клуб «Серкль Эмпериаль» на Елисейских Полях, а вечера неизменно проводил дома в кругу семьи, часто развлекая молодое поколение рассказами о своей молодости. На летние месяцы вся семья переезжала в Сульц.

ЛУИ МЕТМАН по записи Я. Б. Полонского. *Посл. Нов.*, 1930, № 3340.

В 1869 году, в Париже, я много виделся с семьей Геккерена *(Дантеса)*. Однажды, уже не знаю, как, в беседе с Геккереном мы заговорили о Нат. Ник. Пушкиной, и он затронул тему этой трагедии. Я сохранил воспоминание о впечатлении, которое я вынес от выражения правдивости и убежденности, с каким он возгласил и защищал, — не чистоту Натальи Николаевны, она не была под вопросом, — но ее совершенную невинность во всех обстоятельствах этого печального события ее жизни.

Бар. ГУСТАВ ФРИЗЕНГОФ — А. П. Араповой. *Кр. Нива*, 1929, № 24, стр. 11 *(фр.)*.

Г. Онегин, известный составитель Пушкинского музея (в Париже), знал Дантеса. Дантес уверял, что не подозревал даже, на кого он поднимал руку, что, будучи вынужден к поединку, он все же не желал убивать противника и целил ему в ноги, что невольно причиненная им смерть великому поэту тяготит его и т. д.

А. Ф. ОНЕГИН. Отчет о речи его, произнесенной на пушкинском вечере в Париже, в 1912 г. *Известия кн. магазинов т-ва М. О. Вольф.* 1912, № 5, стр. 68.

Проходя под колоннадой кургауза, я часто встречаю человека, наружность которого меня постоянно поражает своей крайней непривлекательностью. Во всей фигуре его что-то наглое и высокомерное. На-днях, когда мы гуляли с нашей милой знакомой М. А. С., и этот человек нам снова встретился, она сказала: «Знаете, кто это? Мне вчера его представили, и он сам мне следующим образом отрекомендовался: «барон Геккерен (Дантес), который убил вашего поэта Пушкина». И если бы

вы видели, с каким самодовольством он это сказал, — прибавила М. А. С., — не могу вам передать, до чего он мне противен!» И действительно, трудно себе вообразить что-либо противнее этого, некогда красивого, но теперь сильно помятого лица, с оттенком грубых страстей. Геккерен ярый бонапартист, благодаря чему и своей вообще дурной репутации, все здешние французы, — а они составляют большинство шпицнахских посетителей — его явно избегают и от него сторонятся. При Наполеоне III он был сенатором, но теперь лишен всякого значения. О его семейных обстоятельствах говорят очень дурно; по делом коту мука.

А. В. НИКИТЕНКО. Шпицнах. 20 июня 1876 г. *Записки и дневник*, II, 560.

За несколько лет перед тем *(1880 г.)* В. Д. Давыдов *(сын поэта Дениса Давыдова)* был в Париже. Приехав туда, он остановился в каком-то отеле, где всякий день ему встречался совершенно седой старик большого роста, замечательно красивый собой. Старик всюду следовал за приезжим, что и вынудило Василия Денисовича обратиться к нему с вопросом о причине такой назойливости. Незнакомец отвечал, что, узнав его фамилию и что он сын поэта, знавшего Пушкина, долго искал случая заговорить с ним, при чем, рекомендовавшись бароном Дантесом-Геккереном де Бревсардом, объяснил Давыдову, будто бы он, Дантес, и в помышлении не имел погубить Пушкина, а напротив того, всячески старался примириться с Александром Сергеевичем, но вышел на поединок единственно по требованию усыновившего его барона Геккерена, кровно оскорбленного Пушкиным. Далее, когда соперники, готовые сразиться, стали друг против друга, а Пушкин наводил на Геккерена пистолет, то рассказчик, прочтя в исполненном ненависти взгляде Александра Сергеевича свой смертный приговор, якобы оробел, растерялся и уже по чувству самосохранения предупредил противника и выстрелил первым, сделав четыре шага из пяти, назначенных до барьера. Затем, будто бы целясь в ногу Александра Сергеевича, он, Дантес, «страха ради» перед беспощадным противником, не сообразил, что при таком прицеле не достигнет желаемого, а попадет выше ноги. «Le diable s'en est mêlé» *(чорт вмешался в дело)*, — закончил старик свое повествование, заявляя, что он просит Давыдова передать это всякому, с кем бы его слушатель в России ни встретился.

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ. *Воспоминания о Пушкине*, 430.

Дантес всегда утверждал, что у его бо-фрера не было серьезных оснований ревновать к нему свою жену. Но Пушкин, человек необузданного характера, тяжко оскорбил Дантеса и его приемного отца. Европейская мерка к этому человеку была неприложима; в гневе это был негр, сорвавшийся с цепи негр. Поэтому дуэль была неизбежна, несмотря на то, что Дантес ее не искал. Дантес поступил, как человек, который считает, что за определенные слова должно быть дано удовлетворение. У барьера он не считал нужным сантиментальничать, хотя его противником и был его бо-фрер, так как отдавал себе отчет, что для каждого из дуэлянтов исход мог быть роковым. Он не говорил, что целил Пушкину в ногу, и никто из семьи никогда не слышал от него об угрызениях совести. Напротив, он считал, что выполнил долг чести, и что ему не в чем себя упрекать. Дантес был вполне доволен своей судьбой, и впоследствии не раз говорил, что только вынужденному из-за дуэли отъезду из России он обязан своей блестящей политической карьерой; что не будь этого несчастного поединка, его ждало незавидное будущее командира полка где-нибудь в русской провинции, с большой семьей и недостатком средств.

ЛУИ МЕТМАН по записи Я. Б. Полонского. *Посл. Новости*, 1930, № 3340.

Соболевский рассказывал, что виделся с Дантесом, долго говорил с ним и спросил: «Дело теперь прошлое, жил ли он с Пушкиной?» — «Никакого нет сомнения», — отвечал тот.

А. С. СУВОРИН со слов. П. А. Ефремова. *Дневник Суворина*, стр. 206.

В Гааге проживают в настоящее время (1906 г.) некоторые лица, знавшие барона Геккерена *(старшего)*. Все отзываются о нем, как о человеке выдающегося ума и дипломатических дарований. Пробыв некоторое время после отозвания из С.-Петербурга не у дел, он был назначен нидерландским посланником в Вену, где и пробыл беспрерывно до 1870-х гг., пользуясь там совершенно исключительным по своей влиятельности положением. Лица, близко знакомые с бароном Геккереном, говорят о нем, как о крайнем скептике и неразборчивом на средства дипломате. Однако его донесения из Вены были настолько интересны, что его оставили на этом посту до глубокой старости. Барон Геккерен никогда не был женат и в жизни его, повидимому, не было романиче-

ских приключений. Можно с уверенностью полагать, что Дантес не был его сыном, но наиболее близкие к Геккерену люди избегали высказываться о том, какие отношения существовали между ним и Дантесом.

Н. В. ЧАРЫКОВ. Известия о дуэли Пушкина, имеющиеся в Голландии. *П-н и его совр-ки*, XI, 71.

Геккерен *(старший)*, несмотря на свою известную бережливость, умел себя показать, когда требовалось сладко накормить нужного человека. В одном следовало ему отдать справедливость: он был хороший знаток в картинах и древностях, много истратил на покупку их, менял, перепродавал и всегда добивался овладеть какою-нибудь редкостью, которою потом любил дразнить других, знакомых ему собирателей старинных вещей. Квартира его была наполнена образцами старинного изделия и между ними действительно не имелось ни одной посредственной вещи. Был Геккерен умен; полагаю, о правде имел свои собственные, довольно широкие понятия, чужим же прегрешениям спуску не давал. В дипломатическом кругу сильно боялись его языка и, хотя недолюбливали, но кланялись ему, опасаясь от него злого словца.

Бар. Ф. Ф. ТОРНАУ. Воспоминания. *Ист. Вести*. 1897, янв., стр. 60.

В 1875 году барон Геккерен *(старший)* переехал в Париж к детям после шестидесяти лет службы. Он покинул пост нидерландского посла в Вене, который он занимал с 1842 года и где давно уже был старшиною дипломатического корпуса. Он умер 27 сент. 1884 года (ему было около 89 лет). — Жорж Шарль Дантес, барон де-Геккерен, пережил своего приемного отца девятью годами. Он умер в возрасте 83 лет в Сульце (Верхний Эльзас) 2 ноября 1895 года, в родном доме, окруженный детьми, внуками и правнуками.

ЛУИ МЕТМАН. «Дантес». Биографический очерк. *Щеголев*, 343.

После падения Второй империи Дантес почти безвыездно жил в своем замке Сульц в Эльзасе. Дантес постоянно вел свои записки, но в последние годы, дожив до глубокой старости, он впал почти в детство и в минуту раздражения сжег свои мемуары.

С. А. ПАНЧУЛИДЗЕВ, 89.

Ек. Ник. Геккерен вернулась в дом Пушкиных еще один раз, чтобы проститься со своей сестрой *(Нат. Ник-ной)*, которая оставила Петербург через несколько дней после трагического события.

Бар. ГУСТАВ ФРИЗЕНГОФ — А. П. Араповой. *Красная Нива*, 1929, № 24, стр. 10 *(фр.)*.

Александрина *(Гончарова)*, перед своим чрезвычайно быстрым отъездом в Полотняный Завод, после катастрофы была у четы Геккерен и обедала с ними. Отмечаю это обстоятельство, ибо оно, как мне кажется, указывает, что в семье и среди старых дам, которые постоянно находились там и держали совет, осуждение за трагическую развязку падало не на одного только Геккерена, но несомненно также и на усопшего.

Бар. ГУСТАВ ФРИЗЕНГОФ — А. П. Араповой, *Красная Нива*, 1929, № 24, стр. 10 *(фр.)*.

Наталья Николаевна 16 февраля уехала через Москву в деревню брата, Калужской губернии *(Полотняный Завод)*, с сестрой Александриною, с детьми и в сопровождении тетки Загряжской, которая, проводя их, возвратится сюда недели через две. В Москве они не остановятся ни на час, и Пушкина напишет письмо к Сергею Львовичу *(отцу Пушкина)* и скажет ему, что теперь не в силах еще его видеть. Братья ее также провожают их. Я видел ее накануне отъезда и простился с нею. Здоровье ее не так дурно: силы душевные также возвращаются. С другою сестрою *(Екатериною Николаевной Геккерен-Дантес)*, кажется, она простилась, а тетка высказала ей все, что чувствовала она, в ответ на ее слова, что «*она прощает Пушкина*». Ответ образумил и привел ее в слезы. За неделю перед сим разлучили ее с мужем; он под арестом в кордегарде... Дело может еще протянуться с месяц. Отец-Геккерен все продал и собирается в путь, но еще не отозван. Опека занимается устройством дел вдовы и детей; Жуковский с генералом приводит в порядок бумаги покойного.

А. И. ТУРГЕНЕВ — П. А. Осиповой, 24 февр. 1837 г. *И-и и его совр-ки*, I, 57.

Я проехала Москву, не повидавши вас; я так страдала, что врачи предписали мне как можно скорее приехать на место моего назначения. Я проехала через Москву ночью, я только переменила там лошадей,

поэтому лишена была счастья видеть вас. О моем здоровье я не говорю, вы можете себе представить, в каком я состоянии.

Н. Н. ПУШКИНА — С. Л. Пушкину 1 марта 1837 года, из Полотняного Завода. *П-н и его совр-ки*, VIII, 55 *(фр.)*.

То, что вы мне говорили о Наталье Николаевне, меня опечалило. Странно, я ей от всей души желал утешения, но не думал, что желания мои исполнятся так скоро.

А. Н. КАРАМЗИН — Е. А. Карамзиной, 8 апреля 1837 г., из Рима. *Старина и Новизна*, кн. XX, стр. 71.

Ты спрашиваешь меня, как поживают и что делают Натали и Александрина *(Нат. Ник. Пушкина и Ал. Ник. Гончарова)*; живут очень неподвижно, проводят время, как могут; понятно, что после жизни в Петербурге, где Натали носили на руках, она не может находить особой прелести в однообразной жизни Завода, и она чаще грустна, чем весела, нередко прихварывает, что заставляет ее иногда целыми неделями не выходить из своих комнат и не обедать со мною.

Д. Н. ГОНЧАРОВ — Ек. Ник. Дантес-Геккерен, из Полотняного Завода, 4 сент. 1837 г. *Щеголев*, 313.

Сергей Львович *(отец Пушкина)*, быв у невестки *(Нат. Ник. Пушкиной, в Полотняном Заводе)*, нашел, что сестра ее *(Александра Ник. Гончарова)* более огорчена потерею ее мужа.

Бар. ЕВПР. Н. ВРЕВСКАЯ — А. Н. Вульфу, 2 сент. 1837 г. *П-н и его совр-ки*, XIX—XX, 110.

Два года продолжалось это добровольное изгнание *(в Полотняном Заводе)* и обстоятельства так сложились, что мало отрады принесло оно Наталье Николаевне в ее тяжком горе... Старший брат ее, Дмитрий Николаевич Гончаров *(владелец майоратного имения Полотняный Завод)*, был человек добрый, весьма ограниченного ума, путаник в делах. Он находился в полном порабощении у своей жены Елизаветы Егоровны. По происхождению она была из кавказских княжен, но выросла в бедности, в совершенно другой среде, была почти без образования...

Нежданное появление двух мужниных сестер, да еще с маленькими детьми, не могло ей прийтись по душе, но она, в особенности сначала, не смела нарушить правила семейного гостеприимства... Плохо умытая, небрежно причесанная, в помятом ситцевом платье сомнительной свежести, она появлялась с бриллиантовой ферроньерой на лбу и торжествующим взором оглядывала траурный наряд своей гостьи. Ее грубая бестактность способна была отравлять ежедневное существование. Елизавета Егоровна мало-по-малу сочла лишним стесняться; она не упускала случая подчеркнуть, что она у себя дома, а золовки обязаны ценить всякое одолжение; обижалась и дулась из-за каждого пустяка... Сознание, что она невольной обузой тяготеет над братниным очагом, созревало в Наталье Николаевне, и когда письма тетушки Ек. Ив. *(Загряжской)* стали все настойчивее призывать ее, она наконец решила вернуться в Петербург.

Поселившись в столице, мать была встречена с распростертыми объятиями семьей Карамзиных... С четой Вяземских каждая разлука сопровождалась непрерывной задушевной перепиской... Жуковский, Плетнев, Нащокин, — все истинные друзья Пушкина — наперерыв старались всячески доказать ей свое участие, облегчить ее заботы.

А. П. АРАПОВА (дочь Нат. Ник. от второго брака). *Новое Время, 1908*, № 11432, *иллюстр. прил.*

Я видела г-жу Пушкину. Она так старалась быть со мною любезной, что совершенно восхитила меня. Это очаровательное существо; за то сестра ее показалась мне такой некрасивой, что я расхохоталась, когда мы с сестрою оказались одни в карете.

Бар. Е. Н. ВРЕВСКАЯ — мужу, 2 дек. 1839 г., из Петербурга. *П-н и его совр-ки*, XXI—XXII, 404.

Вечер *(22 августа 1840 г.)* с семи почти до двенадцати я просидел у Пушкиной жены и ее сестры. Они живут на Аптекарском, но совершенно монашески. Никуда не ходят и не выезжают. Пушкина очень интересна. В ее образе мыслей и особенно в ее жизни есть что-то трогательно возвышенное. Она не интересничает, но покоряется судьбе. Она ведет себя прекрасно, нисколько не стараясь этого выказывать.

П. А. ПЛЕТНЕВ — Я. К. Гроту, 24 авг. 1840 г. *Переп. Грота с Плетневым*, т. I, 27.

Во вторник 21 января на последнее время вечера поехал я к Natalie Пушкиной. Мы просидели одни. Она очень интересна. Я шутя спросил ее: скоро-ли она опять выйдет замуж? Она шутя-же отвечала, что, во-первых, не пойдет замуж, во-вторых, никто не возьмет ее. Я ей советовал на такой вопрос всегда отвечать что-нибудь одно, ибо при двух таких ответах рождается подозрение в неискренности, и советовал держаться второго. Так нет, — лучше хочет твердить первое, а в случае отступления сказать, что уж так судьба захотела.

П. А. ПЛЕТНЕВ — Я. К. Гроту, 24 янв. 1841 г.
Переп. Грота с Плетневым, т. I, 216.

Из двух ответов Пушкиной и я бы предпочел тот, который она выбрала; но из ее разговора я с грустью вижу, что в сердце ее рана уже зажила! Боже! Что-же есть прочного на земле?

Я. К. ГРОТ — П. А. Плетневу, 30 янв. 1841 г.
Переп. Грота с Плетневым, т. I, 222.

Natalie Пушкина сегодня была в английском магазине (канун елки перед рождеством) и встретилась там с государем, обыкновенно в этот день приезжающим в английский магазин покупать для елки своим детям. Его величество очень милостиво изволил разговаривать с Пушкиной. Это было в первый раз после ужасной катастрофы ее мужа.

П. А. ПЛЕТНЕВ — Я. К. Гроту, 24 дек. 1841 г.
Переп. Грота с Плетневым, т. I, 464.

Силою обстоятельств Наталья Николаевна понемногу втянулась в прежнюю светскую жизнь, хотя и не скрывала от себя, что для многих это служит лишним поводом упрекнуть ее в легкомыслии и равнодушном забвении... Император часто осведомлялся о ней у престарелой фрейлины *(Загряжской)* и выражал желание, чтобы Наталья Николаевна попрежнему служила одним из лучших украшений его царских приемов. Одно из ее появлений при дворе обратилось в настоящий триумф. В залах Аничковского дворца состоялся костюмированный бал в самом тесном кругу. Ек. Ив. Загряжская подарила Наталье Николаевне чудное одеяние в древне-еврейском стиле, по известной картине, изображавшей Ревекку. Длинный фиолетовый бархатный кафтан, почти закрывая широкие палевые шальвары, плотно облегал стройный стан, а легкое из

белой шерсти покрывало, спускаясь с затылка, мягкими складками обрамляло лицо и ниспадало на плечи. Появление ее во дворце вызвало общую волну восхищения. Как только начались танцы, император Николай Павлович направился к Наталье Николаевне, взяв ее руку, повел к императрице и сказал во всеуслышание: — «Смотрите и восхищайтесь!» Императрица Александра Федоровна навела лорнет на нее и ответила: — «Да, прекрасна, в самом деле прекрасна! Ваше изображение таким должно бы перейти к потомству». Император поспешил исполнить желание, выраженное супругою. Тотчас после бала придворный живописец написал акварелью портрет Натальи Николаевны в библейском костюме для личного альбома императрицы. По ее словам, это вышло самое удачное изображение из всех тех, которые с нее снимали. Вероятно, альбом этот сохраняется и теперь в архиве Аничковского дворца, но никому из детей не привелось его видеть.

А. П. АРАПОВА. *Нов. Время,* 1908, № 11432.

Повидимому, г-жа Пушкина снова появляется на балах. Не находишь-ли ты, что она могла бы воздержаться от этого? Она стала вдовою вследствие такой ужасной трагедии, и ведь она была ее причиною, хотя и невинною.

Гр-ня Д. Ф. ФИКЕЛЬМОН — гр-не Е. Ф. Тизенгаузен, 17 января 1843 г., из Вены. Comte F. de Sonis. Lettres du comte et de la c-sse Fiquelmont Paris. 1911. Librairie Plon. Page 38 (*фр.*)

Я видела Наталью Николаевну Пушкину, которая очень изменилась, так что я удивилась, как она похудела, пожелтела и подурнела, а Александра Николаевна, та похорошела.

Анна Ник. ВУЛЬФ — бар. Е. Н. Вревской, 14 дек. 1843 г. *П-н и его совр-ки,* XXI—XXII, 350.

Лет двадцать назад в Московский Исторический музей пришел какой-то немолодой человек и предложил приобрести у него золотые закрытые мужские часы с вензелем Николая I. (Передаю это со слов В. А. Городцова, который при этом присутствовал.) Запросил этот человек за часы две тысячи руб. На вопрос, почему он так дорого их ценит, когда такие часы с императорским вензелем не редкость, принесший часы сказал, что часы эти особенные. Он открыл заднюю крышку:

на внутренней стороне второй крышки была миниатюра — портрет Натали Николаевны Пушкиной. По словам этого человека, дед его служил камердинером при Николае Павловиче; часы эти находились постоянно на письменном столе; дед знал их секрет, и когда Николай I умер, взял эти часы, «чтобы не было неловкости в семье». Часы почему-то не были приобретены в Исторический музей. И так и ушел этот человек с часами, и имя его осталось неизвестным.

Е. Е. ЯКУШКИН. *Московский пушкинист*, II, 1930, стр. 267.

Царь — самодержец в своих любовных историях, как и в остальных поступках; если он отличает женщину на прогулке, в театре, в свете, он говорит одно слово дежурному адъютанту. Особа, привлекшая внимание божества, попадает под надзор. Предупреждают супруга, если она замужем; родителей, если она девушка, — о чести, которая им выпала. Нет примеров, чтобы это отличие было принято иначе, как с изъявлением почтительнейшей признательности. Равным образом нет еще примеров, чтобы обесчещенные мужья или отцы не извлекали прибыли из своего бесчестья. — «Неужели-же царь никогда не встречает сопротивления со стороны самой жертвы его прихоти?» — спросил я даму, любезную, умную и добродетельную, которая сообщила мне эти подробности. — «Никогда! — ответила она с выражением крайнего изумления. — Как это возможно?» — «Но берегитесь, ваш ответ дает мне право обратить вопрос к вам». — «Объяснение затруднит меня гораздо меньше, чем вы думаете; я поступлю, как все. Сверх того, мой муж никогда не простил бы мне, если бы я ответила отказом».

Ах. ГАЛЛЕ де КЮЛЬТЮР. Ach. Gallet de Kultur. Le tzar Nicolas et la sainte Russie. Paris. 1855, стр. 202.

В начале зимы 1844 г. состоялось первое знакомство моего отца *(П. П. Ланского)* с моею матерью *(Нат. Ник. Пушкиной)*... В течение зимы посещения его все учащались... *(Из-за ушиба ноги Нат. Ник-не весною пришлось отложить свою поездку в Гельсингфорс на морские купания)*. Знакомые разъехались. Отец чуть не ежедневно стал навещать одинокую больную. Он имел основание ожидать скорого назначения командиром армейского полка в каком-нибудь захолустье, что могло бы сильно осложнить воспитание детей Пушкиных, как вдруг ему выпало негаданое, можно даже сказать, необычайное счастье. Особым знаком

царской милости явилось его назначение прямо из свиты командиром лейб-гвардии Конного полка, шефом которого состоял государь. Обширная казенная квартира, упроченная блестящая карьера расширяли его горизонт и, не откладывая долее, он сделал предложение.

А. П. АРАПОВА. *Нов. Время*, 1908, № 11442.

Петр Петрович Ланской род. 13 марта 1799 г. Всю свою службу до чина полковника провел в кавалергардском полку... 10 окт. 1843 г. произведен в генерал-майоры, через полгода назначен командующим л. гв. Конным полком и через два года утвержден командиром. Вскоре затем назначен в свиту его величества. 6 апр. 1849 г. произведен в генерал-адъютанты. 26 авг. 1856 г. назначен начальником 1 гвард. кавал. дивизии. 19 ноября 1864 г. назначен председателем следственной комиссии (о петербургских поджогах), вслед затем — исправляющим должность петербургского генерал-губернатора. Позже был председателем комиссии для разбора и суда всех политических дел. Умер 6 мая 1877 г.

С. А. ПАНЧУЛИДЗЕВ. *Сборник биографий кавалергардов*, 336.

(18 июля 1844 г. Нат. Ник-на Пушкина вышла замуж за Ланского). Император Николай Павлович отнесся очень сочувственно к этому браку и сам вызвался быть посаженым отцом. Но невеста настояла, чтобы свадьба совершилась как можно скромнее; сопровождаемые самыми близкими родственниками, они пешком отправились в Стрельнинскую церковь и там обвенчались. Поэтому Ланскому не пришлось воспользоваться выпавшею ему почестью. Государь понял и оценил мотивы этого решения, прислал новобрачной бриллиантовый фермуар в подарок, велев при этом передать, что от будущего кумовства не дозволит так отделаться; и в самом деле, год спустя, когда у них родилась старшая дочь Александра, государь лично приехал в Стрельну для ее крестин.

С. А. ПАНЧУЛИДЗЕВ. *Сб. биогр. кавалергардов*, 334.

Постоянная царская милость служила лучшей эгидой против зависти врагов. Те самые люди, которые беспощадно клеймили Наталью Николаевну, заискивающе любезничали, напрашивались на приглашения, — в особенности, когда в городе стало известно, как сам царь на-

звался к отцу на бал... Мать задумала устроить вечеринку в полковом интимном кругу... Когда отец был у царя на докладе, Николай Павлович по окончании аудиенции сказал ему: — «Я слышал, что у тебя собираются танцовать? Надеюсь, что ты своего шефа не обойдешь приглашением»... Государь, прибыв в назначенный час, в разговоре с матерью осведомился, как поживает его крестница *(автор этих воспоминаний)*, и она рассказала ему о моем детском горе, что мне не довелось его увидеть *(девочку уже уложили спать)*. — «Узнайте, спит-ли она? если нет, то я сейчас пойду к ней»... Государь взял меня на руки, расцеловал в обе щеки, ласково поговорил со мною, но что он мне сказал, я не помню.

А. П. АРАПОВА. *Новое время*, 1908, № 11442.

Когда исполнилось двадцатипятилетнее чествование шефства императора Николая Павловича конногвардейским полком, — П. П. Ланской, бывший в то время полковым командиром, испросил у государя разрешения поднести альбом в память этого события. Государь дал свое согласие, выразив при этом желание, чтобы во главе альбома был портрет Наталии Николаевны Ланской, как жены командира полка. Желание его было исполнено. Портрет Нат. Ник. был нарисован известным в то время художником Гау. С тех пор этот альбом хранится в Зимнем дворце.

А. П. АРАПОВА. *Новое Время*, 1908, № 11446, *иллюстр. прил.*

Н. Н. Пушкина-Ланская умерла 26 ноября 1863 года.

Закат Сергея Львовича, отца поэта, представлял нечто в роде правильного, логического вывода из всей предшествовавшей его жизни. Уже в глубокой старости, овдовелый, потерявший знаменитого сына и наполовину разоренный, он влюбился в ребенка, девушку лет шестнадцати, соседку свою по Михайловскому (Марию Ивановну Осипову) и предлагал ей свою руку. Почтенному старцу пришлось пережить у дверей гроба все волнения юношеской и безнадежной страсти, начиная с пламенных посланий на французском языке и робких угождений предмету поклонения, до покорных жалоб на судьбу и горьких слез отчаяния. Он еще мечтал о браке, второй молодости, медовом месяце и проч.

П. В. АННЕНКОВ. *П-н в алекс. эпоху*, 19.

В ноябре 1839 года я приехал в Петербург и крайне удивился, что через час вошел ко мне Сергей Львович: он жил в той же гостинице Демута, где остановился и я. Само собою разумеется, что господствующим разговором было воспоминание об Александре Сергеевиче, о котором старик, сильно уже оглохший и страдавший одышкой, говорил со слезами на глазах. Он пригласил меня на другой день к себе; это был день, в который привозят к нему внучек. У него нашел я баронессу Вревскую, соседку по имению с Пушкиным; с нею была Екатерина Ермолаевна Керн *(дочь Анны Петровны)*, девушка тогда лет двадцати пяти, очень живая, умная и начитанная, которая была страстью старика. Нельзя было без юмора видеть его расточающим фразы старинных маркизов, не слушающим ответов и продолжающим начатую речь. Две дочери Пушкина, премилые и бойкие девочки, осаждали старика, с улыбкой подмигивая одна другой, когда он наделял их конфектами из разных карманов; я находил в них тип отца. Раза три я призываем был на эти посещения одних и тех-же лиц.

П. П. ЛИПРАНДИ. *Рус. арх.*, 1866, стр. 1489.

Сергей Львович имел врожденную способность писать и говорить стихами, — дар, возросший в его сыне до поэтического творчества. Поприще, на котором он подвизался со своими стихами, были дамские и детские альбомы, и в них-то он весьма охотно и с одинаковою легкостью писал то русские, то французские стишки самого сладкого сантиментального характера. Меня уверяли даже, что он владел довольно легким английским и итальянским стихом. Предметами его песнопений бывали обыкновенно юницы, только-только что выходившие из коротеньких платьиц, и чем старее делался Пушкин-отец, тем охотнее «точил он слезы умиления и любви пред юнейшими из юных отроковиц». Небольшого роста, толстенький, беззубый, плешивый и вечно прилизывавший скудные остатки волос фиксатуаром, он был чрезвычайно слезлив и весьма рано обребячился. Влюблялся он в десятилетних девочек и пресмешно ревновал их. Так рассказывали мне предметы его поклонения, ныне солидных лет дамы и девицы.

В альбомах села Тригорского мы встретили множество стихов Сергея Львовича Пушкина, и, имея в виду, что эти стихи принадлежат отцу великого поэта, нельзя не привести хоть некоторые из этих произведений. Вот, например, послание Сергея Львовича Пушкина, написанное в 1840 г. Марье Ивановне Осиповой:

Не знаю, дружбу иль любовь
Питаю к ней в душе унылой,
Но сердце поет, бьется вновь,
Как билось в юности счастливой:
Люблю ее за тихий нрав,
За ясный ум, столь просвещенный,
За красоту, за взгляд бесценный
И за улыбку на устах;
Люблю я звук ее речей
И кудри русые, густые,
Ресницы длинные очей,
И розы на щеках живые.
При ней я робок, молчалив,
Одну ее я вижу, ей внимаю,
Порой то весел, то ревнив,
Любовь ли это?... Я не знаю.
Во мне кипит и стынет кровь,
При ней мне все очарованье,
Но нет надежды, нет желанья...
То верно дружба, не любовь.

А вот и другой обращик этой поэзии:

Люблю... никто того не знает,
И тайну милую храню в душе моей.
Я знаю то один... хоть сердце изнывает,
Хотя и день, и ночь тоскую я по ней;
Но мило мне мое страданье,
И я клялся любить ее без упованья;
Но не без счастия для сердца моего.
Я на нее гляжу... Довольно и того.

Пушкин-отец довольно часто проводил лето в сельце Михайловском, имении своей жены, и, подобно сыну, любил проводить целые дни в соседнем Тригорском. Вот стихи его (1839 года), обращенные к тому же предмету:

Жилище мирное, услада дней моих,
И озеро и лес, и сад любимый мною,
Где слезы лил под сенью древ густых,
Где услаждали вы, страдальца, тишиною,
Где я, друзья, мечтал о вас,
Простите все в последний раз!
И ты, которую я называть не смею,
Которую любил я всей душой моею,
Которой имя я, в последний жизни час,
Последнюю мысль мою заняв одной тобою,
Я прошепчу с любовью и тоскою,—
Прости, в последний раз.

Страсть к стихописанию у Пушкина-отца была чрезвычайна; все записки его к предметам его платонической страсти писались не иначе как стихами; посылает ли он цветы, книгу, собаку, лампу, посылку неминуемо сопровождают стихи.

М. И. СЕМЕВСКИЙ. К биографии Пушкина. *Рус. Вести.*, 1869, № 11, стр. 86.

В марте 1840 г. я возвратился в Петербург на постоянное жительство. В первое время С. Л. Пушкина не было, но скоро он опять приехал и основался уже в Петербурге по самую смерть, поселившись на Английской набережной. День ото дня глухота его усиливалась, астма дошла до такой степени, что в другой комнате слышно было тяжелое его дыханье; дети мои прозвали его самоваром. Несмотря на это, он одевался всегда изысканно и любил преимущественно говорить отборным старинным французским слогом, рассказывая бездну анекдотов, путая и время, и лиц. Е. Е. Керн продолжала занимать его ум. Он посещал нас очень часто, и мы каждый раз замечали быстрые успехи его болезни. В последнее время он был уже как бы бесчувствен к участи обоих сыновей; о старшем он говорил, как о великом поэте, о Льве, — как одаренном необыкновенною силою души.

И. П. ЛИПРАНДИ, 1490.

Кроме Марьи Ивановны Осиповой, С. Л. Пушкин был не менее страстно влюблен в Анну Петровну Керн, — предмет увлечений его сына, — которой писал любовные письма (1838 г.), а затем не менее горячо влюбился в ее дочь Екатерину Ермолаевну и, по свидетельству ее вотчима А. В. Маркова-Виноградского, хотел жениться на ней за несколько дней до своей смерти; влюбленность его проявлялась, между прочим, в том, что «он ел кожицу от клюквы, которую она выплевывала»...

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. «Пушкин», 37.

Конец второго тома.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ К I И II ТОМАМ

А. Ф. I — 250, 274.
АГЕНТЫ СЕКРЕТНЫЕ. I — 183, 383.
АДЕРКАС Б. А. фон. I — 256, 306.
АДЛЕРБЕРГ В. Ф. гр. II — 319.
АКСАКОВ И. С. I — 430, 431. II — 116, 132.
АКСАКОВ С. Т. I — 431, 442. II — 275.
АЛЕКСАНДР II. II — 115.
АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА имп-ца. II — 350.
АЛЕКСАНДРОВ (Н. А. ДУРОВА). II — 286, 296.
АММОСОВ А. II — 203, 294, 320, 325, 345, 355, 384, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 394, 397, 399, 401, 402, 404, 405, 406, 408, 409, 413, 417, 419, 420, 424, 425, 426, 453.
АНДРЕЕВ А. С. I — 366.
АННЕНКОВ П. В. I — 34, 35, 38, 39, 46, 47, 53, 55, 75, 78, 86, 97, 99, 106, 113, 114, 126, 127, 132, 137, 160, 198, 210, 222, 223, 241, 253, 254, 260, 269, 276, 279, 281, 282, 292, 304, 309, 313, 326, 338, 347, 411, 415, 417, 426, 435, II — 40, 43, 47, 51, 85, 97, 104, 119, 150, 153, 186, 202, 245, 247, 248, 263, 266, 267, 287, 306, 317, 364, 389, 398, 448, 485.
АНОНИМНЫЙ ДИПЛОМ. II — 315.
АНУЧИН Д. Н. I — 26, 31, 71, 370, II — 465.
АРАПОВА А. П. I — 417 II — 84, 107, 121, 128, 151, 214, 222, 232, 251, 262, 263, 285, 290, 310, 338, 356, 367, 370, 429, 480, 482, 484, 485.
АРСЕНЬЕВ И. А. I — 441.
АФАНАСИЙ, крестьянин дер. Гайки. I — 285.
АЙВАЗОВСКИЙ И. К. II — 299.

БАДИ-ТОДОРЕ. I — 176, 181.
БАКСТ Л. II — 439.
БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ (Д. Н.) II — 253.
БАРАНОВА Варв. II — 98.
БАРАНОВСКИЙ С. И. II — 221.
БАРТЕНЕВ П. И. I — 45, 46, 48, 50, 51, 53, 55, 78, 85, 91, 92, 99, 100, 101, 103, 107, 108, 114, 115, 116, 117, 119, 133, 134, 137, 138, 147, 149, 150, 151, 153, 158, 168, 169, 182, 187, 188, 189, 192, 197, 199, 200, 201, 223, 224, 235, 237, 241, 245, 272, 282, 307, 316, 319, 320, 327, 330, 336, 340, 348, 351, 356, 368, 400, 411, 415, 427, 429, 437, 444. II — 19, 32, 43, 49, 58, 59, 60, 67, 68, 75, 83, 84, 85, 86, 88, 90, 95, 97, 99, 100, 102, 103, 106, 115, 120, 124, 130, 133, 148, 152, 174, 192, 196, 199, 200, 222, 224, 233, 234, 236, 237, 239, 248, 251, 252, 255, 262, 266, 272, 276, 277, 278, 280, 281, 282, 283, 285, 289, 300, 303, 305, 308, 309, 310, 318, 319, 324, 328, 336, 346, 348, 354, 355, 358, 359, 360, 361, 362, 365 368, 371, 373, 379, 381, 388, 398, 408, 416, 423, 428, 429, 431, 435, 437, 438, 445, 446, 447, 448, 449.
ВАРСУКОВ Н. П. II — 101, 102.
БАССАРИН Н. В. I — 203.
БАТЮШКОВ К. Н. I — 107, 109, 111.
БЕЗОБРАЗОВ В. П. II — 216.
БЕЛИНСКИЙ В. Г. II — 284.
БЕЛЛИЗАР Ф. II — 264.
БЕЛОГОВА В. Е. I — 180.
БЕНЕДИКТОВ В. Г. II — 307.
БЕНКЕНДОРФ А. Х. гр. I — 322, 336, 357, 367. II — 36, 42, 44, 50, 53, 209, 213, 454.
БЕНУА А. II — 439.
БЕРГ Н. В. I — 49, 354.
БЕРЕЗА (Одесский извозчик). I — 222
БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД А. Л. I — 152.
БЕСТУЖЕВ А. А. I — 218.
БИБИКОВ И. П. I — 332.
БЛАГОВО Д. I — 52, 336.
БЛУДОВ Д. Н. гр. I — 137.
БЛУДОВА А. Д. гр. II — 352.
БОБОРЫКИН П. Д. II — 74.
БОДЯНСКИЙ О. М. I — 117. II — 124, 244.
БОЧАРОВ Н. П. I — 44, 45.
БОШНЯК А. К. I — 301.
БРИММЕР Э. В. II — 22.
БРЮЛЛОВ К. П. II — 300.
БУЛГАКОВ А. Я. I — 237, 242, 325, 349, 437. II — 59, 87, 89, 91, 96, 98, 381, 407, 425.
БУЛГАРИН Ф. В. — I — 373. II — 464.

(БУРНАШЕВ В. П.) В. Б. II — 38, 342, 343. 368, 440.
БУСЛАЕВ Ф. И. II — 234.
БУТУРЛИН М. Д. гр. I — 234, 343, II — 122.
БУТУРЛИН М. П. II — 174.
Бывший предводитель дворянства. I — 144, 146.
Бывший студент. II — 139.
БЫКОВ Н. Д. I — 428
БЫКОВСКИЙ Н. Ф. I — 306
БЮЛЕР Ф. А. бар. II — 115, 215, 439.

ВАСИЛЬЕВ А. В. гр. II — 114
ВАСИЛЬЧИКОВА А. И. II — 368, 379.
ВВ—СКИЙ И. А. I — 286.
ВЕЛИЧКО Н. И. I — 244.
ВЕЛЬТМАН А. Ф. I — 182, 191, 195.
ВЕНЕВИТИНОВ А. В. I — 339, II — 114.
ВЕНЕВИТИНОВА А. Н. II — 406.
ВЕРЕСАЕВ В. II — 473.
ВЕРИГИН Н. В. I — 352.
ВЕЙДЕНБАУМ В. Г. I — 265.
ВИГЕЛЬ Ф. Ф I — 61, 104, 118, 132, 170, 175, 197, 207, 224, 225, 226, 228, 231, 316, 348.
ВЛАДИМИРОВ. I — 285.
ВОЕЙКОВА А. А. I — 275.
ВОЛКОВ А. А. I — 349, 367.
ВОЛКОНСКАЯ З. Н. кн. I — 340.
ВОЛКОНСКАЯ М. Н. кн. I — 147, 148, 150, 340.
ВОЛКОНСКИЙ С. М. кн. I — 168.
ВОРОНИНА Е. Э. II — 177
ВОРОНЦОВ М. С. гр. I — 225, 228, 230, 237.
ВРЕВСКАЯ Е. Н. бар. I — 287. II — 229, 240, 243, 257, 268, 284, 297, 350, 366, 479, 480.
ВРЕВСКИЙ Б. А. бар. II — 243, 366, 457, 462.
ВСЕВОЛОДОВ В. И. I — 300.
ВСЕВОЛОЖСКИЙ А. Н. I — 133.
ВСЕВОЛОЖСКИЙ Н. С. I — 224.
ВТОРОВ И. А. I — 377. II — 169.
ВУЛЬФ Ал. Н. I — 273, 283, 292, 302, 347, 372, 377, 406, 409, 412, 419, 426, II — 37, 59, 64, 196, 295, 457.
ВУЛЬФ Ан. Н. I — 255, 425, II — 232, 263, 269, 305, 482.
Выписка из журнала заседания комиссии 25 июля 1828 г. Дела III отделения I — 399.
Выпись из метрической книги I — 43.
Высочайший приказ II — 122
Высочайший указ. II — 123, 191.
ВЯЗЕМСКАЯ В. Ф. I — 235, 236, 239, 241, 320, 351, II — 49, 97, 102, 130, 262, 305, 308, 310, 348, 358, 365, 371, 373, 381, 398, 408, 410, 423, 428, 429, 445.
ВЯЗЕМСКИЙ П. А. кн. I — 36, 87, 88, 102, 110, 113, 130, 150, 167, 202, 203, 218, 222, 295, 297, 325, 330, 341, 344, 354, 376, 390, 391, 394, 395, 396, 397, 399, 401, 404, 406, 414, 418, 431, 438, II — 43, 53, 57, 66, 67, 81, 86, 117, 125, 136, 150, 157, 185, 194, 251, 254, 264, 267, 269, 309, 317, 324, 327, 328, 338, 339, 343, 355, 357, 361, 365, 380, 382, 384, 393, 403, 405, 409, 421, 433, 434, 437, 445, 461, 462.
ВЯЗЕМСКИЙ П. П. кн. I — 164, 230, 321, 346, 351, 417, 439, II — 59, 81, 96, 187, 194, 196, 248, 298, 305, 308, 322, 341, 367, 373, 437, 446, 450.

ГАЕВСКИЙ В. П. I — 67, 69, 70, 72, 76, 77, 81, 82, 85, 90, 91, 223, 271, 379. II — 306.
ГАЛЛЕ де КЮЛЬТЮР А. II — 483.
ГАН Е. А. II — 301.
ГАНГЕБЛОВ А. С. II — 18.
ГАННИБАЛ А. П. I — 25.
ГАРШИН Е. М. I — 327.
ГАСТФРЕЙНД Н. А. II — 385.
ГЕККЕРЕН Жорж (Дантес). II — 309, 330, 354, 357, 358, 379, 472,.
ГЕККЕРЕН-старший, бар. II — 311, 326, 353, 355, 378, 379, 435, 436, 444, 449, 466, 468.
ГЕРАКОВ Г. В. I — 149.
ГЕРЦЕН А. И. I — 400.
ГЛЕБОВ С. И. II — 223.
ГЛИНКА Ф. Н. I — 77, 127, 136, 377.
ГОГЕНЛОЭ-КИРХБЕРГ Х. Г. II — 254.
ГОГОЛЬ Н. В. I — 232, 426, II — 115, 150, 223, 247, 257, 265, 267.
ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ П. В. I — 401, 402.
ГОЛИЦЫН А. М. кн. II — 322.
ГОЛИЦЫН В. С. кн. II — 67.
ГОЛИЦЫН-ПРОЗОРОВСКИЙ А. Ф. кн. I — 368.
ГОЛОВАЧЕВА-ПАНАЕВА А. Я. I — 117. II — 186.
ГОНЧАРОВ Д. Н. II — 479.
ГОНЧАРОВ И. А. II — 140.
ГОНЧАРОВ С. Н. I — 444. II — 32, 207.
ГОРБАЧЕВСКИЙ И. И. I — 203.
ГАРГОЛИ И. С. I — 116.
ГОРЧАКОВ А. М. кн. I — 69, 290.
ГОРЧАКОВ В. П. I — 100, 162, 163, 170, 172. 173, 192, 199, 202.
ГОРЧАКОВ П. П. I — 191.
ГОФМАН М. Л. II — 242.
ГРАББЕ П. Х. гр. II — 194
ГРАДОВ I — 179
ГРЕЧ Н. И. I — 117. II — 121, 320.
ГРИНВАЛЬД Р. Е. II — 293.
ГРОССМАН Л. П. II — 468.
ГРОТ Я. К. I — 52, 64, 88, 90, 92, 151, 315, 390. II — 106, 146, 257, 323, 335, 481.

Д... I — 47.
ДАВЫДОВ А. Л. I — 168.
ДАВЫДОВ В. Н. II — 441.
ДАВЫДОВ Д. В. I — 199. II — 91.
ДАЛЬ В. И. I — 116, II — 173, 174, 176, 407, 408 417, 418, 419, 422, 425, 426, 427, 432, 465.
ДАНЗАС К. К.I — 160, 198. II — 203, 294, 325, 356, 383, 384, 385, 386, 387, 389, 392, 399, 401, 404, 453.
ДАНИЛЕВСКИЙ Г. П. II — 266, 287.
ДАНТЕС-ГЕККЕРЕН Ек. Ник. II — 467.
Д'АРШИАК, виконт. II — 380, 382, 383, 390, 391, 393, 394.
ДЕЛАРЮ. М. Д. II — 204
ДЕЛАРЮ. Ф. М. II — 204.
ДЕЛЬВИГ А. А. бар. I — 127, 255, 317, 366, 414, II — 22.

ДЕЛЬВИГ А. И. бар. I — 379. II — 64, 218.
ДЕЛЬВИГ С. М. бар-сса. I — 363, 383, II — 40, 43, 61.
ДИБИЧ И. И. бар. I — 306.
ДИТРИХ д-р. II — 50.
ДОБУЖИНСКИЙ М. II — 439.
ДОЛГОРУКОВ П. В. кн. II — 230.
ДОЛГОРУКОВА Е. А. кн. II — 75, 84, 85, 95, 100, 130, 263, 418, 429.
ДРАШУСОВА Е. А. II — 259, 441.
Дуэль Пушкина с Дантесом. Подлинное военно-судное дело II — 466
ДЫДИЦКАЯ П. В. I — 196.

Е. Д. II — 115.
ЕВГЕНИЙ митрополит (Казанцев). II — 464.
ЕЖОВ Н. П. II — 279.
ЕЛАГИН А. А. II — 469.
ЕЛАГИНА А. П. I — 348.
ЕРМОЛОВ А. П. II — 7, 127.
ЕФРЕМОВ П. А. I — 318, 440, II — 58, 99, 141, 322, 350, 380, 405, 412, 443, 476.

ЖАДИМЕРОВСКИЙ П. А. II — 158, 231.
ЖЕЛЕЗНОВ М. И. I — 428. II — 300, 372.
ЖИХАРЕВ М. И. I — 87, 90.
ЖУКОВСКИЙ В. А. I — 110, 135, 274, 280, 296, 381. II — 110, 210, 211, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 356, 382, 387, 388, 391, 393, 400, 404, 405, 406, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 420, 426, 427, 430, 431, 432, 434, 436, 444, 446, 462.

ЗАГРЯЖСКАЯ Е. И. II — 339.
ЗАГРЯЖСКИЙ А. М. I — 346.
Запись в камер-фурьерском журнале II — 341.
ЗАХАРЬИН И. Н. II — 26.
ЗВАНЦОВ. II — 182
ЗВЕЗДИН А. И. II — 71, 74, 75, 181, 220.
ЗЕЛЕНЕЦКИЙ К. П. I — 181, 209, 220, 221, 222.
ЗЕТ П. (П. Н. Столпянский). I — 388. II — 119, 133, 145, 158, 215.
ЗЛОТНИЦКИЙ А. И. II — 292.

И. Р. I — 63. II — 105.
ИВАНИЦКИЙ Н. И. II — 221, 361, 362, 366, 434.
ИВАНОВ И. А. I — 334, 423.
ИВАНОВ Н. П. II — 172.
ИВАНОВСКИЙ А. А. I — 393.
ИВАНЧИН-ПИСАРЕВ Н. Д. I — 416.
ИВЕЛИЧ Е. М. гр. I — 65.
ИЗМАЙЛОВ А. А. II — 146
ИЛЛИЧЕВСКИЙ А. Д. I — 66, 73, 80, 81, 82.
ИНЗОВ И. Н. I — 147, 169, 174.
ИОАНН игумен. I — 273.
ИСАКОВ Я. А. II — 396.

К. С. I — 202.
КАВЕРИН П. П. I — 121, 125.
КАЛИНИЧ Ф. П. I — 90.
КАМЕНСКАЯ М. Ф. I — 403. II — 109, 453.
КАПНИСТ А. В. гр. I — 152, 211, 213, 226.
КАПНИСТ П. И. гр. I — 152, 211, 213, 226.
КАПОДИСТРИЯ И. А. гр. I — 174.
КАРАМЗИН А. Н. II — 462, 471, 479.
КАРАМЗИН Н. М. I — 90, 101, 111, 112, 138.
КАРАМЗИНА Ек. А. I — 132, 378. II — 406.
КАРАМЗИНА С. Н. II — 193.
КАРАТЫГИН П. А. I — 123.
КАРАТЫГИНА-КОЛОСОВА А. М. I — 105, 108, 119, 374. — 447.
КАРЦЕВ Я. И. I — 68.
КАТАЛАНИ АНДЖЕЛИКА. II — 60.
КАТЕНИН П. А. I — 112, 113. II — 135.
КАШКИНА Е. Е. II — 102.
КАЙДАНОВ И. К. I — 70.
КАЙДАЛОВ Н. А. II — 177.
КЕЛЛЕР. II — 345, 352.
КЕНИГ. I — 53. II — 254.
КЕРН А. П. I — 37, 126, 154, 242, 278, 291, 364, 382, 396, 404, 407, 408, 410, 434, 435. II — 61, 129, 133, 137, 231, 247, 264.
КИРЕЕВСКИЙ И. В. II — 40.
КИРЕЕВСКИЙ П. В. I — 272, II — 142, 182, 233.
КИРПИЧНИКОВ А. И. II — 285.
КИСЕЛЕВ Н. Д. I — 400. II — 112.
КИСЕЛЕВ Н. С. I — 321, 356, 417.
КИСЕЛЕВ С. Д. I — 433. II — 81.
КИСЕЛЕВА Ел. Н. (Ушакова). I — 321.
КИЧЕЕВ Н. П. I — 346.
Кишиневские старожилы I — 159, 180, 181.
КОЛМАКОВ Н. М. II — 251, 288, 289.
«Колокол» Герцена I — 316.
КОЛОСОВ В. И. I — 334, 422, 425.
КОЛОСОВСКИЙ А. I — 43.
Комиссия военного суда I — 341.
КОМОВСКИЙ В. Д. II — 144, 185.
КОМОВСКИЙ С. Д. I — 65, 66, 76, 80, 81, 87.
КОНОНОВ А. А. II — 32.
КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ вел. кн. I — 391, 393.
Контракт на наем квартиры II — 145, 297.
КОРКУНОВ М. А. II — 349, 448.
КОРНИЛЬЕВ В. Д. I — 106.
КОРОТКОВА И. II — 169.
КОРСАКОВ П. А. I — 70.
КОРФ М. А. гр. (барон) I — 37, 63, 64, 67, 71, 86, 88, 97, 129, 315. II — 195, 309, 360.
КОЧУБЕЙ В. П. гр. I — 402.
КОШЕЛЕВ А. И. II — 97.
КРАЕВСКИЙ А. А. II — 346, 347, 464.
КРИВЦОВ Н. И. I — 97.
КРЫЛОВ Н. А. II — 77.
КУКОЛЬНИК Н. В. I — 369. II — 430, 465.
КУЛИКОВ Н. И. I — 128. II — 126, 156, 271, 385.
КУНИЦЫН А. П. I — 67.
КУПИНСКИЙ А. А. I — 245.
КЮХЕЛЬБЕКЕР В. К. I — 92.

ЛАЖЕЧНИКОВ И. И. I — 132. II — 137.
ЛАПИН И. И. I — 272.
ЛЕБЕДЕВ К. Н. II — 441.
ЛЕВЕ-ВЕЙМАР. II — 287, 288.
ЛЕВИЦКИЙ—отец, фотограф императ. двора. II — 83.

ЛЕМКЕ М. К. I — 370.
ЛЕНЦ В. В. II — 184, 209, 288, 289.
ЛЕРНЕР Н. О. I — 209, II — 220.
ЛЕРХЕНФЕЛЬД М. гр. II — 469.
ЛЕЙКИН Н. А. II — 132.
ЛИБЕРМАН II — 451.
ЛИБРОВИЧ Сигизмунд. II — 255.
ЛИПРАНДИ И. П. I — 157, 160, 163, 173, 174, 183, 186, 187, 188, 190, 193, 195, 197, 201, 216, 218, 229, 296, II — 486, 488.
ЛИСЕНКОВ И. Т. II — 146.
Лицейские «Национальные песни». I — 69.
ЛОБАНОВ Дм. II — 396.
ЛОБАНОВ М. Е. II — 131.
ЛОБОДА А. М. I — 165, 169.
ЛОКАТЕЛЛИ I — 317.
ЛОНГИНОВ М. Н. I — 114, 240, 242, 320. II — 65, 223, 390, 447.
ЛОНГИНОВ Н. М. I — 240, 242.
ЛОРЕР Н. И. I — 293, 307, 314, II — 16.
ЛУГИНИН Ф. Н. I — 194.
ЛЮБИЧ-РОМАНОВИЧ В. И. II — 223.
ЛЮТЦЕРОДЕ К. А. бар. II — 436, 448.

М.-Н. II — 351, 450.
МАКАРОВ М. Н. I — 55. II — 68.
МАКСИМОВ С. В. II — 12.
МАКСИМОВИЧ М. А. I — 330, 400. II — 32.
МАЛЕВСКИЙ Фр. I — 325.
МАЛИНОВСКИЙ И. В. I — 64, 66, 84, 92.
МАРИНА II — 187.
МАРИЯ ФЕДОРОВНА, крестьянка с-ца Захарово. I — 49. II — 61, 99.
МАРКЕВИЧ А. И. I — 244. II — 302.
МАРКЕВИЧ Б. М. I — 209, 227. II — 47, 81, 89, 100, 252.
МАРТЬЯНОВ П. К. II — 114, 139.
МАТЮШКИН Ф. Ф. I — 90, 92. II — 323, 461
МАЦЕЕВИЧ Л. С. I — 180, 183, 196.
МАЦКЕВИЧ ДАВИД I — 252.
МАЙКОВ Ап. Н. II — 141.
МАЙКОВ Л. Н. I — 356, 417, 436. II — 35, 50.
МЕКЛЕНБУРЦОВ Г. I — 144.
МЕЛЬГУНОВ Н. А. I — 53. II — 127, 254.
МЕЛЬНИКОВ-ПЕЧЕРСКИЙ П. И. II — 168.
МЕРДЕР А. II — 308, 364.
МЕРДЕР Н. К. II — 260.
МЕРЕНБЕРГ Н. А. гр. II — 320.
МЕТМАН ЛУИ II — 262, 293, 353, 368, 468, 474, 476, 477.
МЕЩЕРСКАЯ Е. Н кн. II — 343, 359, 403, 410, 421, 428, 430, 435
МЕЩЕРСКИЙ А. В. кн. I — 403, 431.
МИЛЛЕР П. И. II — 114, 118.
МИЛЛЕР полицмейстер. II — 31, 36, 44, 61, 80, 103, 123, 128, 142.
МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ вел. кн. II — 470.
МИХАЙЛОВ М. И. II — 455.
МИХАЙЛОВ М. М. II — 434.
МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ А. И. I — 134.
МИХАЙЛОВСКИЙ старик-крестьянин. I — 286.
МИЦКЕВИЧ АДАМ I — 352, 443.
МИЦКЕВИЧ ВЛАДИСЛАВ I — 400.
МОДЗАЛЕВСКИЙ В. Л. I — 22, 23, 24, 27, 29, 30, 32, 33, 299, 302, 346. II — 31, 59, 148, 260, 264, 296, 301, 341, 342, 367, 464, 488.
МОКРИЦКИЙ А. И. II — 372.
МОРАВСКИЙ СТАНИСЛАВ I — 380, 388. II — 130, 292, 436.
МОРДВИНОВ А. Н. I — 439. II — 269, 456.
МОШИН А. I — 286, 287, 289.
МУРАВЬЕВ А. Н. I — 342, 365, 444.
МУРАВЬЕВ Н. П. I — 401.
МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ И. М. I — 150.
МУХАНОВ А. А. I — 350, 359.
МУХАНОВ В. А. II — 49, 54, 407, 463.
МУХАНОВ Н. А. I — 368, 373. II — 134, 135.
МУХАНОВ П. А. I — 354, 401.

Н. Кр. II — 76.
Н. Н. II — 392.
НАЩОКИН П. В. I — 48, 78, 85, 103, 128, 133, 199, 307, 316, 336, 411, 415. II — 59, 83, 85, 86, 87, 99, 103, 120, 124, 130, 133, 148, 192, 199, 237, 280, 281, 282, 283, 360, 385.
НАЩОКИНА В. А. I — 443. II — 51, 183, 184, 219, 270, 274, 276, 277, 278, 279, 282, 283, 387, 389.
НЕБОЛЬСИН Г. П. II — 363.
НЕВЕРОВ Я. Н. II — 437.
НЕИЗВЕСТНАЯ II — 267.
НЕИЗВЕСТНЫЙ I — 329.
НЕССЕЛЬРОДЕ К. В. гр. I — 139, 236, 238. II — 134.
НЕЧАЕВА В. С. II — 353.
НИКИТЕНКО А. В. I — 366, 369. II — 18, 39, 198, 199, 255, 256, 268, 363, 442, 449, 455, 475.
НИКОЛАЙ I. I — 383. II — 42, 135, 213, 233, 338, 360, 380, 438, 463, 464.
НИКОЛЬСКИЙ В. В. II — 308, 349, 467, 468, 470.
НОВОСИЛЬЦЕВА А. П. II — 76.
НОРДШТЕЙН I — 127.

ОАТ В. И. I — 158.
ОБЕР Л. Н. I — 343.
ОБЛАЧКИН II — 351.
ОДЕССКИЙ ГРАДОНАЧАЛЬНИК I — 242.
ОДОЕВСКИЙ В. Ф. кн. II — 470.
ОДЫНЕЦ А. Э. I — 331.
ОЗЕРОВА Н. П. II — 54.
ОКУЛИЧ-КАЗАРИН Н. Ф. I — 299.
ОЛЕНИНА А. А. I — 396.
ОЛИЗАР-ГУСТАВ гр. I — 153, 200
ОЛЬГА Н. (С. В. НОВОСИЛЬЦЕВА-ЭНГЕЛЬГАРДТ). I — 291.
ОНЕГИН А. Ф. II — 474.
ОПАТОВИЧ С. И. I — 30.
Описание Пушкинского музея им. Алекс. Лицея I — 222.
Опись, учиненная Опочецким земским исправником ВАСЮКОВЫМ. I — 253.
ОРЛОВ М. Ф. I — 184.
ОРЛОВА Е. Н. (Раевская) I — 151, 184, 213.
ОСИПОВА М. И. I — 306. II — 232, 240.
ОСИПОВА П. А. I — 270.
ОСТЕН-САКЕН Д. Е. бар. II — 8.

ОСТРОГОРСКИЙ В. П. I — 254, 266, II — 242.
Отчет о действиях корпуса жандармов II — 451.

ПАВЛИЩЕВ Л. Н. I — 36, 38, 48, 50, 51, 98, 99, 130, 381, II — 84, 96, 132, 136, 291, 294, 398, 475.
ПАВЛИЩЕВ Н. И. — 34, 252, 399, II — 267, 286.
ПАВЛИЩЕВА О. С. I — 38, 48, 53, 98, 99, II — 105, 107, 116, 117, 118, 119, 122, 128, 132, 136, 238, 239, 243, 246, 247, 248, 260, 264, 291, 345, 361, 433.
ПАВЛОВ ИВАН. I — 285, 286.
ПАЛАВАНДОВ Е. О кн. II — 12.
ПАНАЕВ И. И. II — 185, 250.
ПАНАФИДИНА А. Н. I — 423.
ПАНТЕЛЕЕВ Л. Ф. I — 193.
ПАНЧУЛИДЗЕВ С. А. II — 292, 293, 339, 343, 345, 472, 473, 477, 484.
ПАСКЕВИЧ И. Ф. кн. II — 464.
ПАССЕК Т. П. I — 341.
ПЕРОВСКИЙ В. А. II — 174.
ПЕТР, дворовый I — 273, 307.
ПЕТРОВ П. Н. II — 299.
ПИЛЕЦКИЙ И. С. I — 68.
ПИЛЕЦКИЙ М. С. I — 67.
ПИРЛИНГ П. О. II — 472.
ПЛАТОНОВ А. А. II — 416.
ПЛЕТНЕВ П. А. I — 78, 99, 106, 222, 283, 410. II — 122, 146, 150, 152, 225, 226, 239, 350, 363, 399, 416, 427, 431, 480, 481.
ПОГОДИН М. П. I — 106, 113, 199, 211, 221, 232, 294, 323, 324, 325, 326, 328, 329, 338, 340, 348, 349, 350, 414, 416, 442. II — 45, 48, 54, 56, 58, 68, 86, 90, 102, 119, 120, 122, 127.
ПОДВЫСОЦКИЙ Н. В. I — 244.
ПОДГОРНЫЙ, фельдъегерь I — 373.
ПОДОЛИНСКИЙ А. И. I — 245, 434.
ПОЛЕВОЙ К. А. I — 322, 330, 332, 358, 359, 387. II — 225.
ПОЛЕВОЙ Н. А. II — 109, 257, 355. II — 39.
ПОЛИВАНОВ В. Н. II — 169.
ПОЛИВАНОВ Л. И. I — 250.
ПОЛОНСКИЙ Я. Б. II — 293, 353, 474, 476.
ПОЛОНСКИЙ Я. П. I — 327, 432. II — 110, 113, 192, 281.
Помета Сергачевского земского суда II — 73.
ПОПОВ М М. I — 120, 164, 234, 316, 439, 441 II — 302.
ПОТОКСКИЙ Н. Б. I — 243. II — 9, 10, 23.
Пригласительный билет на помолвку Пушкина. II — 54.
Приглашение на отпевание Пушкина. II — 446.
Приказ по полку II — 349.
Протокол заседания комиссии 7 окт. 1828 г. I — 411.
Протокол празднования 25-летней годовщины Лицея II — 306.
Протокол празднования лицейской годовщины I — 412. II — 119.
(ПРУНКУЛ К. И.) Пр...л К. И: I — 202:
Псковские Губернские Ведомости I — 249. 309.

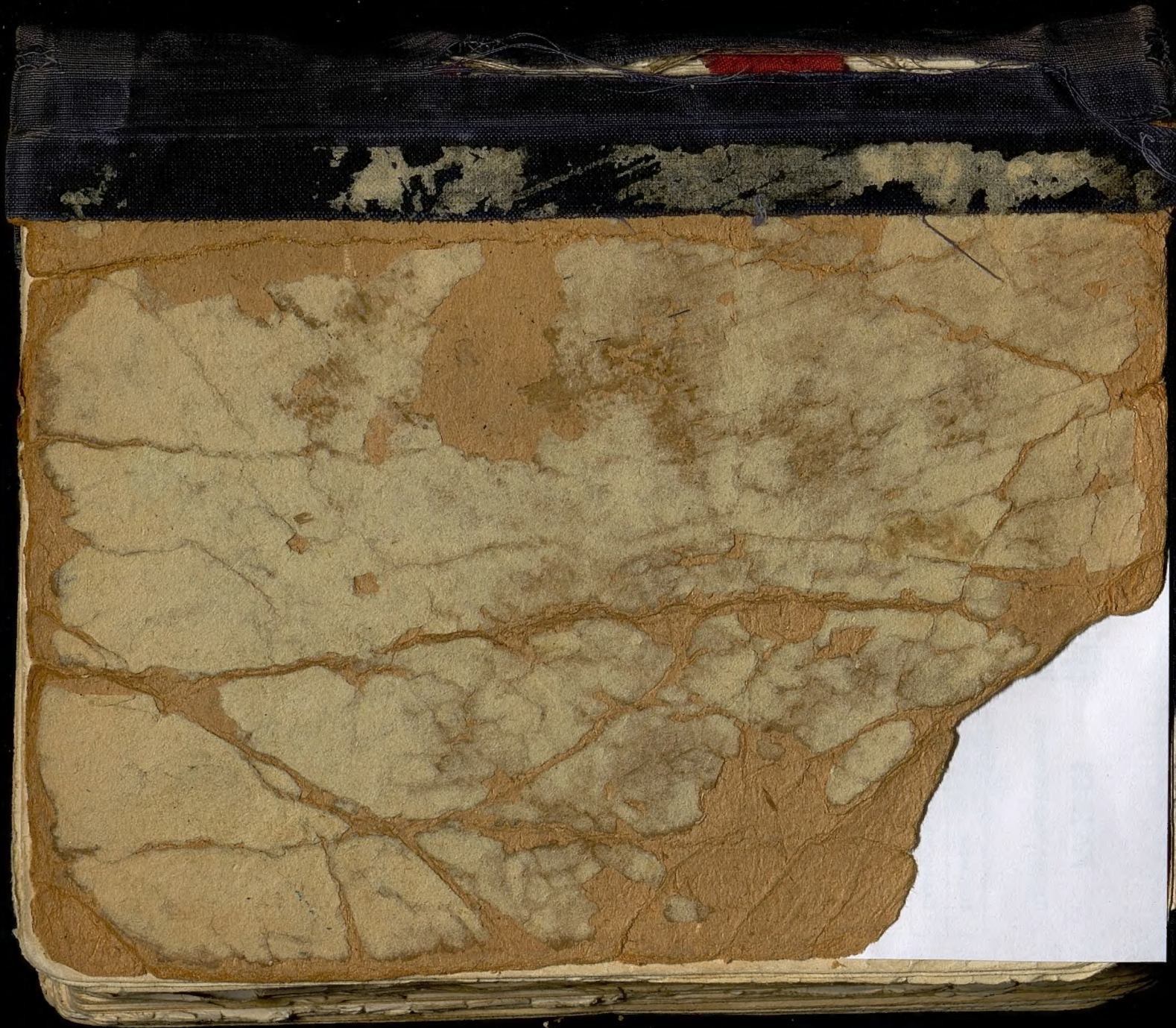
ПУЛЕ М. Ф. де I — 145.
ПУТЯТА Н. В. I — 321, 391, 394, 405, 406. II — 37.
ПУШКИН А. С. I — 21, 22, 23, 24, 25, 27, 29, 31, 48, 51, 70, 76, 77, 80, 84, 91, 98, 99, 100, 107, 114, 125, 127, 134, 138, 145, 146, 149, 150, 152, 154, 165, 170, 178, 183, 195, 196, 200, 201, 208, 211, 213, 214, 231, 232, 234, 235, 239, 242, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 264, 265, 269, 270, 271, 275, 276, 279, 280, 281, 290, 291, 292, 293, 295, 296, 297, 298, 299, 309, 314, 324, 332, 333, 334, 335, 338, 345, 346, 349, 356, 370, 373, 380, 383, 389, 390, 402, 403, 404, 409, 413, 426, 444. II — 7, 8, 9, 11, 14, 15, 16, 19, 24, 27, 35, 36, 37, 38, 40, 42, 44, 45, 46, 48, 49, 51, 52, 53, 54, 56, 57, 62, 66, 67, 68, 69, 70, 72, 73, 74, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 83, 86, 87, 88, 98, 100, 101, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 116, 118, 123, 125, 126, 127, 129, 133, 138, 139, 142, 145, 151, 153, 161, 162, 163, 164, 165, 168, 169, 170, 178, 180, 181, 182, 183, 185, 191, 193, 195, 196, 197, 198, 199, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 208, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 218, 219, 220, 227, 228, 230, 231, 233, 235, 237, 239, 240, 241, 242, 243, 246, 261, 262, 265, 268, 269, 270, 274, 275, 276, 284, 295, 301, 307, 315, 323, 334, 340, 341, 346, 348, 378, 382, 388.
ПУШКИН А. Ю. I — 48.
ПУШКИН Л. С. I — 51, 87, 90, 103, 104, 196, 198, 210, 265, 282, 293, 307, 314. II — 461.
ПУШКИН С. Л. I — 46, 65, 77, 327, 328, 369. II — 19, 143, 157, 222, 255, 256.
ПУШКИНА Н. О. II — 62, 108, 142, 152, 153, 193, 195, 203, 222, 228, 229, 231, 232, 234, 235.
ПУШКИНА-ЛАНСКАЯ Н. Н. II — 85, 202, 247, 387, 479.
ПУЩИН И. И. I — 56, 61, 62, 64, 65, 71, 72, 73, 74, 77, 78, 79, 82, 83, 89, 94, 109, 119, 129, 136, 143, 264.
ПУЩИН М. И. II — 17, 22, 26.
ПЫЛЯЕВ М. И. I — 355.
ПЯТКОВСКИЙ А. П. I — 318.

РАЕВСКИЙ А. Н. I — 223, 254.
РАЕВСКИЙ Б. Ф. I — 193.
РАЕВСКИЙ К. С. I — 181, 220.
РАЕВСКИЙ Н. Н. I — 228.
РАЕВСКИЙ Ф. К. II — 181, 220.
РАИЧ С. Е. I — 416.
РАЛЛИ-АРБАРЕ З. К. I — 199.
РАСПОПОВ А I — 246, 277
РЕПНИН Н. Г. кн. II — 261.
РЕЙНГАРД В. Я. II — 397.
РЕЙХМАН КАРЛ. II — 180.
РИБАС М. Ф. де I — 217, 225.
РОБЕРТИ П. М. де. II — 101.
РОЗБЕРГ М. П. II — 57.
РОЗЕН А. Е. бар. I — 153.
РОЗЕН Е. Ф. бар. I — 433. II — 42, 252.
РОСЛОВ П. I — 308.
РОССЕТ А. О. I — 237. II — 109, 158, 252, 287, 303, 308, 318, 336, 367, 382, 437, 449.
РУДЫКОВСКИЙ Е. П. I — 146, 148.
РЭЙКС ТОМАС II — 40.

С. У. I — 79.
САБАНЕЕВА Е. А. I — 341.
САБУРОВ Я. И. I — 114, 137.
САВЕЛЬЕВА А. П. II — 372.
САВОСТЬЯНОВ К. И. II — 14, 179.
САДОВНИКОВ Д. Н. II — 108, 125, 178, 220.
САЛТЫКОВА С. М. I — 65.
САЛЬКОВ А. А. II — 321.
САФОНОВИЧ В. И. II — 224.
САХАРОВ И. П. II — 366.
СВЕРБЕЕВ Д. Н. I — 137.
Свидетельство Царскосельского Лицея I — 93.
СЕВАСТЬЯНОВ С. Н. II — 177.
СЕКОВСКИЙ О. И. II — 186.
СЕЛЕЗНЕВ И. Я. I — 62, 64.
СЕМЕВСКИЙ М. И. I — 36, 253, 268, 271, 273, 283, 287, 292, 294, 302, 306, 308, 354. II — 232, 240, 320, 347, 350, 361, 366, 447, 488.
СЕРГЕЕВ-РЕМИЗОВ Д. С. I — 287.
СЕРДОБИН М. Н. бар. II — 122, 380.
СИВОХИН М. И. II — 75
СИНИЦЫНА Е. Е. урожд. Смирнова I — 422.
СКАЛЬКОВСКИЙ А. I — 218, 231.
СКОРОПОСТ А. Д. I — 285.
СКОРОПОСТИЖНАЯ А. Л. I — 288, 289.
СМИРНОВ Н. М. I — 283, 316, 371. II — 49, 120, 193, 227, 294, 319, 336, 354, 369, 469.
СМИРНОВА А. О. I — 377, 400, 427, 428, 429, 432, 442. II — 110, 111, 112, 132, 143, 144, 164, 203, 281, 320, 371.
СМИРНОВА О. Н. II — 113, 121, 157.
ОНЕГИРЕВ И. М. I — 324, 357, 358.
СОБОЛЕВСКИЙ С. А. I — 104, 252, 259, 321, 337, 354, 414. II — 39, 46, 144, 230, 255, 280, 321, 347.
СОКОЛОВА Е. П. I — 118.
СОКОЛОВА К. М. урожд. Кириякова I — 221.
СОЛОВЬЕВ С. М. I — 416.
СОЛОГУБ В. А. гр. I — 396. II — 137, 149, 152, 201, 209, 244, 258, 259, 273, 274, 303, 304, 316, 329, 331, 332, 333, 334, 335, 338, 339, 340, 342.
СОЛНЦЕВ Ф. Г. I — 397, 427.
СОФИЙСКИЙ Л. И. I — 250, 267, 272.
СПАССКИЙ И. Т. II — 403, 404, 405, 406, 407, 409, 411, 417, 420, 423, 424, 427.
СРЕДИН А. В. II — 218.
СРЕЧКОВИЧ П. С. I — 220.
СТАМО Е. З. I — 199.
СТАНЮКОВИЧ В. К. I — 369.
Старик крестьянин с. Тригорского I — 286.
Старый лицеист II — 39.
СТЕФАНОВИЧ II — 466.
СТУРДЗА А. С. I — 110, 175, 233.
СУВОРИН А. С. II — 380, 405, 412, 476.
СУМАРОКОВ А. I — 240.
СУВОРОВ Г. С. II — 168.
(СУХОТИН С. М.) С. II — 235, 238.
СУШКОВ Н. В. I — 53. II — 445.

ТАНЯ цыганка (Татьяна Демьяновна) II — 47, 81, 89, 100.
ТАРАСЕНКО-ОСТРЕШКОВ Н. И. II — 253, 454.
ТАТАРЕНКО В. I — 144.
ТЕЛЕПНЕВА Е. С. I — 356.
ТЕПЛОВ В. Я. I — 180.
ТЕПЛОВА Е. Ф. I — 180.
ТЕПЛЯКОВ В. Г. I — 171, 172.
ТЕРПИГОРЕВ Н. Н. II — 131.
ТИМИРЯЗЕВ Ф. И. II — 200.
ТИМИРЯЗЕВА С. Ф. II — 200.
ТИМОФЕЕВ К. Я. I — 251, 284.
ТИТОВ В. П. I — 370, 407.
ТИТЦ Фр. II — 155.
ТОЛСТОЙ Я. Н. I — 124.
ТОЛЫЧЕВА (Е. В. НОВОСИЛЬЦЕВА) II — 75.
ТОЛЬ Ф. Г. II — 130, 418, 429.
ТОРНАУ Ф. Ф., бар. II — 477.
ТРЕГУБОВ А. I — 179.
ТРОПИНИН В. А. I — 354.
ТРОФЕЛЕВ Л. Н. II — 372.
ТРОЙНИЦКИЙ Н. Г. I — 209, 218.
ТРУБЕЦКОЙ А. В. кн. II — 285, 291, 323, 348.
ТУМАНСКИЙ В. И. I — 153. II — 99.
ТУРГЕНЕВ А. И. I — 100, 111, 115, 120, 121, 123, 124, 125, 129, 138, 154, 169, 172, 194, 203, 204, 214, 239. II — 118, 124, 343, 344, 362, 381, 393, 398, 399, 406, 407, 408, 410, 411, 417, 418, 419, 420, 422, 425, 426, 428, 429, 432, 433, 438, 443, 444, 445, 452, 454, 456, 457, 467, 478
ТУРГЕНЕВ И. С. II — 349, 362.

УБРИ П. Я. I — 116.
УВАРОВ С. С. II — 443.
УРУСОВ А. И. кн. I — 69, 290.
Условия дуэли между г. Пушкиным и бар. Ж. Геккереном II — 385.
УСТИМОВИЧ П. М. I — 266, 274, 398, 427.
(УШАКОВ В. А.) В. У. I — 441.
УШАКОВ Н. И. II — 18.

ФАДЕЕВ А. М. I — 145, 178.
ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ, Тригорский старожил I — 266.
ФЕДОРОВ Б. М. I — 364, 366, 395, 396.
ФЕДОРОВ НИКИФОР, камердинер Пушкина. II — 132.
ФЕССАЛОНИЦКИЙ С. А. I — 413, 424.
ФИКЕЛЬМОН Д. Ф. гр. II — 104, 125, 471, 482.
ФИЛИПСОН Г. И. II — 384.
ФОК Е. И. (урожд. Осипова) I — 254.
ФОК М. Я. фон I — 317, 368, 374, 376, 378, II — 57.
ФРАНЦЕВА Е. Д. I — 177.
ФРИЗЕНГОФ А. Н. бар. (урожд. Гончарова) II — 294, 311.
ФРИЗЕНГОФ ГУСТАВ, бар. II — 294, 311, 345, 353, 356, 365, 370, 411, 416, 474, 478.
ФРОЛОВ С. С. I — 73.
ФУКС А. А. II — 167.

ХАЛАНСКИЙ М. Е. I — 220.
ХИТРОВО Е. М. II — 45, 104.